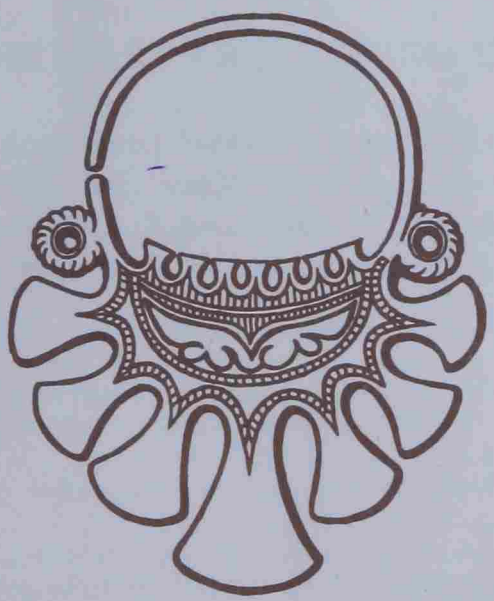
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2000 1

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин,
В.П. Любин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. Гуляев (главный редактор),
Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2000 1

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Седов В.В. Жальники 7
Моргунов Ю.Ю. Еще раз о "переяславских торках" 23
Чукова Т.А. Малые архитектурные формы алтарей храмов Смоленска XII – начала XIII вв. (по археологическим данным) 37
Подъяпольский С.С. О древней церкви Сретенского монастыря в Москве 47
Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (по данным археологических исследований 1997–1998 гг.) 63
Шемаханская М.С. Результаты химико-технологического анализа комплекса медно-литых энколпионов и крестов могильника в урочище "Погост" на Афанасовом поле в Радонеже 82
Членова Н.Л. Олени, кони и копыта (о связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) 90
Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля 107
Болтрик Ю.В. Основной торговый путь Ольвии в Днепровское лесостепное правобережье 121

Публикации

Попова Е.А. Терракоты с городища "Чайка" в Евпатории 131
Мордвинцева В.И. Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово 144
Новиченкова Н.Г. Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское Седло 154
Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника "Олень-Колодезь" 167
Жарнов Ю.Э. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме 183
Коваль В.Ю., Медведь А.Н. Новый памятник средневековой письменности Рязанской земли 194
Кренке Н.А. Нательные крестики из раскопок во дворе старого здания Московского университета 207

© Российская академия наук
Институт археологии РАН, 2000 г.

Критика и библиография

Формозов А.А. О датировке росписей в Игнатиевской пещере на Урале 215
Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии 217
Кошеленко Г.А., Сердитых З.В. *Lyonnet B.* Céramique et peuplement du chalcolitique á la conquête arabe (Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Sous la direction de Jean-Claude Gardin. V. 2). Paris, 1997 227
Смирнов К.А. Археология Карелии. Петрозаводск, 1996 234
Малышев А.А. Об изучении надгробной пластики римской эпохи в современной западноевропейской литературе 240
Кузнецов В.Д. *Amix D.A., Lawrence P.* Studies in Archaic Corinthian Vase Painting. Hesperia Supplement 28. The American School of Classical Studies at Athens. Princeton, New Jersey, 1996 246
Беляев Л.А. *Biddle M.* Das Grab Christi (Neutestament Quellen – historische und archaeologische Forschungen – überraschende Erkenntnisse). Giessen, Basel, 1998 248
К читателям журнала "Российская археология" 253

Хроника

О присуждении Государственных премий Российской Федерации 1999 года в области науки и техники 255
Федосеев Н.Ф., Вдовиченко И.И. Международный конгресс "Александр Великий: от Македонии до ойкумены" (Греция, 1998) 255
Кулаков В.И. Международный симпозиум "Исследование до- и протоистории в Средней и Восточной Европе в 1933–1945 гг." (Берлин, 1998) 257
Мейтарчиян М.Б. "Древние цивилизации Евразии. История и культура". Международная научная конференция, посвященная 75-летию Б.А. Литвинского (Москва, 1998) 263
Ольховский В.С. Маргулановские чтения-99 (Алма-Ата, 1999) 266

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

2000 1

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Sedov V.V. Zhalnik constructions 7
Morgunov Yu.Yu. Once more on the Pereyaslavl Torks 23
Chukova T.A. Minor archirectural altar forms in Smolensk temples of the 12th-early 13th centuries (according to the archaeological data) 37
Pod'yapolsky S.S. Ancient church in Sretenye monastery in Moscow 47
Chernov S.Z. The pogost of St. Aphanasius and St. Cyril of Alexandria in Radonezh (the archaeological investigations of 1997-1998) 63
Shemakhanskaya M.S. The results of chemical and technological analysis of copper-cast encolpios and pectoral crosses from the "Pogost" cemetery in Afanasovo field in Radonezh 82
Chlenova N.L. Deers, horses and hoofs (on the links of Mongolia, Kazakhstan and Central Asia in the Scythian epoch) 90
Kuznetsov V.D. Athens and Bosporus: grain trade 107
Boltrik Yu.V. The main trade route from Olvia to the forest-steppe region on the right bank of the Dnieper 121

Publications

Popova E.A. Terracottas from the fortified settlement of Chaika in Eupatoria 131
Mordvintseva V.I. Silver vessels' assemblage from Sarmatian barrow mound № 28 of the Zhutovo cemetery 144
Novichenkova N.G. Fibulae from the shrine at the Gurzufskoe Sedlo pass 154
Yefimov K.Yu. Golden Horde burials fron the cemetery of "Olen-Kolodez" 167
Zharnov Yu.E. Figurative copper-casting art according to the excavations at the "priest's estate" in Vladimir-on-Klyazma 183
Koval' V.Yu., Medved' A.N. A new piece of medieval writing from Ryazan land 194
Krenke N.A. Pectoral crosses from the excavations in the yard of Moscow University old building 207

Critics and bibliography

Formozov A.A. On the dating of paintings in Ignat'yevskaya cave in Urals 215
Harke G., Savenko S.N. The problems of ancient burials' investigations in West European archaeology 217
Koshelenko G.A., Serditykh Z.V. *Lyonnet B.* Céramique et peuplement du chalcolitique à la conquête arabe (Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Sous la direction de Jean-Claude Gardin. V. 2). Paris, 1997 227
Smirnov K.A. The archaeology of Karelia. Petrozavodsk, 1996 234
Malyshev A.A. The studies of burial of the Poman epoch in modern West European publications 240
Kuznetsov V.D. *Amix D.A., Lawrence P.* Studies in archaic Corinthian vase painting. Hesperia Supplement 28. The American School of Classical Studies in Athens. Princeton, New Jersey, 1996 246
Beliaev L.A. *Biddle M.* Das Grab Christi (Neutestament Quellen – historische und archaologische Forschungen – überraschende Erkentnisse). Giessen, Basel, 1998 248
To the readers of the "Rossiyskaya Arkheologiya" journal 253

Chronicle

Fedoseev N.F., Vdovichenko I.I. The International Congress "Alexander the Great: from Macedonia to oecumena" (Greece, 1988) 255
Kulakov V.I. The International Symposium: Investigations in pre- and prorohistory in Central and Eastern Europe in 1933-1945" 257
Meitarchiyan M.B. "Ancient civilizations of Eurasia. History and culture". The International scientific conference held in 75th anniversary of B.A. Litvinsky (Moscow, 1998) 263
Olkhovsky V.S. Margulan colloquium-99 (Alma-Ata, 1999) 266

ОТ РЕДСОВЕТА И РЕДКОЛЛЕГИИ

Выпуская в свет номер "Российской археологии", на обложке которого цифра тысячелетия впервые начинается с "двойки", мы хотели бы посвятить его двухтысячному году и сказать коллегам несколько приветственных слов. Конечно, всякая эра – вещь условная, и нам, как археологам, это особенно очевидно. По археологическим меркам совсем недавно, менее полутора тысячелетий назад, в "языческой" Европе пользовались для летоисчисления несколькими римскими эрами, из которых самой употребляемой была "эра Диоклетиана". Ранние христиане долго стремились измерять время "от сотворения мира", но традиционных "мировых эр" было несколько (среди них и привычная нам "константинопольская", или византийская – 1 сентября 5509 г. до н.э.). Точку отсчета "от Рождества Христова" как новой эры, предложил только в VI в. н.э. римский ученый, аббат Дионисий Малый. Работая в 525 г. н.э. над продолжением пасхалии, он пришел к мысли о неприемлемости ведения счета важного праздника христиан от эпохи правления одного из злейших врагов их религии, императора Диоклетиана. Обратившись к событиям, упоминаемым в текстах Священного Писания, Дионисий выполнил ряд логических построений и на их основании "привязал" год и день рождения Иисуса Христа к конкретной временной точке солнечного и лунного календарей, положив эту "нулевую" дату в основу дальнейшего отсчета. Новая христианская эра вошла в употребление не сразу – первые документальные свидетельства ее применения относятся к VIII в., а широкое использование в актовом материале – только к X в. С середины XV в. дата "от Рождества Христова" стала обязательной в документах папского престола (при сохранении, однако, и прежнего счета "от сотворения мира"), а в России, как известно, на новый счет стали переходить лишь в эпоху Петра I.

Однако с точки зрения истории цивилизации эра "от Рождества Христова" отнюдь не случайна: переход на нее показал осознание европейцами целостности того большого культурного процесса, который, начавшись в эпоху правления римских императоров, в конце-концов привел к созданию современного европейского мира. Его символом и стала новая эра. На событии прихода в мир Христа, описанном в Евангелиях, оказались завязаны все исчисления хронологии в Европе, начиная с эпохи Ренессанса и Нового времени – то есть с момента рождения современной науки. И это не пустое следование форме: обе отсчитанных уже тысячи лет отличает особый, только им присущий характер истории.

Первое тысячелетие новой эры началось под знаком высшего распространения римской и эллинистической культуры, но оказалось затем свидетелем ее медленного упадка и окончательного крушения в IV в. Новая реальность, основанная на новой же вере, была, безусловно, "могильщицей" мира Античности, но не его убийцей (как это часто представляют). Напротив, века последнего расцвета "pax Romanum" стали таковыми именно благодаря активности быстро распространявшегося идеала христиан, своей энергией поддержавших дрехлеющий социум. Более того, именно христианской культуре, несмотря на постулированный ею разрыв с "языческими" общественными принципами, суждено было стать ее наследницей и сохранить (как невольно, так и осознанно) важнейшие достижения древней цивилизации Средиземноморья. Заслуга сохранения, в условиях варваризации Европы, и передача Средневековью таких важных элементов, как латинская и греческая письменность; многие формы законодательства; принципы устройства городской жизни; ряд научных традиций Античности (для нас особенно важных – например, историография); наконец, традиций архитектуры и искусства – во многом принадлежит раннему христианству. Можно сказать и короче:

то, что латынь и греческий не пришлось расшифровывать, подобно египетским иероглифам, есть, в первую очередь, результат их использования как языков церковной традиции и церковного общения в течение первого тысячелетия христианской цивилизации.

Середина и вторая половина этого тысячелетия ушла на то, чтобы преодолеть, на основе сохраненного и трасформированного наследия античности, разобщенность "варварского" мира эпохи "темных веков" (эпохи переселения народов). Конец его Европа встретила, уже подготовленной к расцвету новой культурной эпохи – Средневековья.

Именно эта, средняя точка двухтысячелетнего пути, пройденного христианской цивилизацией, особенно важна для нас. Она отмечена крещением Руси, которое определило ее вхождение в круг стран Европы. Правда, народы Древней Руси не сразу оказались в "европейском доме", – для них, живших на далекой периферии, дорога туда оказалась особенно дальней, полной опасностей и лишений. Естественно, что история культурных контактов на этом пути и складывание собственных культур возбуждает в нас особый интерес.

Структура нашего журнала основана на представлении о единстве процесса развития человечества, о единстве истории, поздние этапы которой порождаются ходом событий предшествующих, поэтому мы не стремимся к формированию особых, хронологически, географически или культурно специализированных номеров. Однако к смене дат мы постарались приурочить номер, в котором больше места отведено материалам двух эпох, тесно связанных со становлением христианства и современной европейской цивилизации – Античности и Средневековья.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С 2000-ым ГОДОМ, ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ!

В.В. СЕДОВ

ЖАЛЬНИКИ

Жальники – могильники из грунтовых могил, на поверхности обозначенные камнями в виде круга, овала или четырехугольника. Это местный севернорусский термин, означающий "кладбище, могильник, скудельня, погост". Он восходит к праславянскому žal – "скорбь, горе, печаль" (Срезневский И.И., 1958, с. 846; Даль В., 1978, с. 525; Преображенский А.Г., 1910–1914, с. 221; Словарь русского языка..., 1978, с. 75). В Новгородской земле ныне лексема "жальники" употребляется шире ее археологического значения. Местное население называет жальниками также старые, заброшенные кладбища, целостно огражденные крупными валунами, а также могильники с каменными крестами. Обзор обрядов и поверий, связанных с жальниками в народном понимании, сделан А.А. Панченко (Панченко А.А., 1998, с. 207–215).

Кроме северновеликорусского наречия термин "жальник" бытует еще в польском языке: žalnik – "исторический могильник, курган". Местное население Мазовии жальниками (žale) называет каменные могилы, которые, как показано ниже, тождественны новгородским жальникам.

Исследование жальников в Северо-Западном крае началось во второй половине XIX в. и уже в конце этого столетия А.А. Спицыным были подведены первые итоги изучения этих памятников (Спицын А.А., 1899, с. 152–155). Исследователь подчеркивал, что эти памятники обычно расположены в одних группах вместе с курганами. Первые жальники в Новгородской земле, утверждал А.А. Спицын, появились в XI в., но основная масса их относится к XII–XIV вв. "Местное явление составляют жальники, или же они заимствованы откуда-нибудь населением Новгородской области уже в готовом виде", сказать невозможно – данных для решения этого вопроса пока нет, отмечал исследователь. Он все же склонялся к мысли о местном происхождении новгородских жальников, поскольку они распространены "почти исключительно в пределах древних новгородских вотчин", замечая при этом, что к XI в., когда в северо-западной части Древней Руси появились первые немногочисленные жальники, в бассейнах Западного Буга и Немана в значительном количестве известны каменные могилы, "представляющие в существенных чертах одинаковое устройство с новгородскими жальничными погребениями".

Уже в погубернских археологических обзорах А.А. Спицын высказал догадку, что сопки и курганы Северо-Западной Руси, которые имеют в основаниях кольцевые обкладки из валунов, с распространением христианства исчезают, очевидно, перерождаясь в жальничные могилы (Спицын А.А., 1897, с. 242, 243). Позднее на основании материалов раскопок В.Н. Глазова в Восточном Причудье А.А. Спицын писал уже об эволюции жальников из курганов, обложенных в основаниях валунами, более определенно: "По мере того как становятся глубже погребальные ямы и увеличиваются размеры камней, входящих в состав ограждений, курганные насыпи все более и более теряют свое значение, опадают все ни же и ниже, пока не делаются столь низкими и плоскими, что едва выполняют вместимость каменного ограждения; к концу XIII в. вырождение курганных насыпей уже завершается. XIV и XV вв. – время расцвета жальничных погребений" (Спицын А.А., 1903, с. 14, 16).

Мысль о развитии погребальной обрядности в Новгородской и Псковской землях от курганов к жальникам была принята многими исследователями. К их числу при-

© В.В. Седов, 2000 г.

надлежат Н.К. Рерих, производивший раскопки ряда жальничных могил в нескольких некрополях Приильменья (Рерих Н.К., 1899, с. 349–377), составитель первой археологической карты новгородских жальников Н.И. Репников (1931) и другие, в том числе автор настоящей статьи (Седов В.В., 1982, с. 180). В последние десятилетия эта точка зрения нашла подтверждение в материалах, полученных Е.А. Рябининым при исследованиях курганов и жальников Ижорского плато. Исследователь непосредственно проследил эволюционный переход от курганов к жальникам, обнаруживая переходные формы насыпей, которые именуются им курганами-жальниками (Рябинин Е.А., 1976, с. 211–219; 1983, с. 32–39).

Вместе с тем новыми раскопками курганно-жальничных могильников в других регионах Северо-Западной Руси выявляется синхронность ряда захоронений в курганах и жальниках, что исключает мысль об эволюции курганов в жальники. Так, раскопками некрополя в Конезерье в Лужском р-не Ленинградской обл. по вещевым находкам устанавливается, что наиболее ранние погребения в курганах с кольцевой обкладкой абсолютно синхронны жальничным погребениям. И те, и другие могилы достоверно датируются XI в. Захоронения в курганах и жальниках здесь параллельно совершались в течение XII–XII вв., а в начале XIV в. могильник прекращает функционирование. Нельзя не отметить при этом, что курганы и жальники в нем расположены не вперемежку, а составляют отдельные его части (Прусакова З.В., 1982, с. 55–60).

В окрестностях Пскова, как показали изыскания К.М. Плоткина, в XI в. на смену курганам, содержащим трупосожжения, резко приходят жальники с трупоположениями (Плоткин К.М., 1989, с. 179). Ни о какой эволюции от курганов к жальникам в этом регионе говорить не приходится, поскольку параллельно с жальничными захоронениями здесь совершались погребения по обряду ингумации и в курганных насыпях.

Со времен А.А. Спицына новгородские жальники рассматриваются как средневековые погребальные памятники словен ильменских, точнее древнерусского населения Новгородской земли, сформировавшегося в условиях ассимиляции славянами местного финноязычного населения (Седов В.В., 1982, с. 180–182). Отсутствие жальников в Верхнем Поволжье и Ростово-Суздальской земле позволило А.А. Спицыну говорить о неучастии новгородцев в колонизации этих регионов. "Где на севере России нет жальников, там в XIII–XIV вв. не было новгородцев" – писал он в этой связи (Спицын А.А., 1906, с. 4).

В археологической литературе 70-80-х годов были высказаны и иные мнения относительно этнической принадлежности погребенных в новгородских жальниках. Так, П.Н. Третьяков, указывая на некоторое сходство жальников с каменными могильниками Эстонии, считал, что "жальники возникли и распространились на Северо-Западе как прямое наследие финно-угорского субстрата" (Третьяков П.Н., 1970, с. 151). Согласно представлениям Г.С. Лебедева, пришлому славянскому населению на Северо-Западе Руси принадлежат могильники, состоящие только из круглых курганов, а сопки и жальники оставлены местным чудским населением, включенным в состав древнерусской народности (Лебедев Г.С., 1977, с. 96–98; Булкин В.А. и др., 1978, с. 71–75).

В небольшой статье, посвященной новгородским жальникам, З.В. Прусакова, отмечая, что вопрос об этнической атрибуции этих памятников остается пока открытым, склоняется к мысли о принадлежности их к одной из местных финноязычных группировок. В пользу этого, по ее мнению, говорит распространение жальников на древней прибалтийско-финской территории, некоторое сходство этих памятников с каменными могильниками Латвии и Понеманья и некоторая близость антропологического строения населения северо-запада Новгородской земли, с одной стороны, и Латвии и Эстонии – с другой (Прусакова З.В., 1972, с. 42, 43).

Ни один из этих доводов нельзя признать надежным. Распространение жальников в древнем прибалтийско-финском ареале никак не может быть использовано для их этнической атрибуции. Понеманские каменные могильники не имеют никакого отношения к финскому этносу, а каменные могильники Латвии самым существенным

образом отличны от новгородских жальников; к тому же они принадлежат к совсем другой эпохе – к первой половине I тыс. н.э. Некоторые элементы сходства антропологического строения населения Юго-Восточной Прибалтики и Новгородской земли обусловлены целым рядом обстоятельств и никак не зависят от этноса погребенных в новгородских жальниках.

На основании вещевых находок из новгородских жальников приписать их к местному финскому населению пытался и Г.Н. Пронин. Выявляется, что в жальниках раннего этапа (XI–XII вв.) отчетливо превалируют погребения с ярко выраженным славянским набором инвентаря. В ряде регионов славянский элемент доминировал и в жальничных могилах XII–XIII вв. Абсолютное большинство жальничных погребений последующего времени безынвентарны или содержат единичные вещи, неэтноопределяющих типов. Только в жальниках XIII–XIV вв. Ижорско-Гдовского региона и на Шелони встречены предметы, которые, по мнению Г.Н. Пронина, принадлежат к прибалтийско-финскому кругу древностей. Это и стало поводом для атрибуции новгородских жальников как памятников местного финского населения. Исследователь полагал, что славянский этнический компонент, присутствующий в составе населения, оставившего жальники ранней поры, растворился к концу XIII–XIV в. в финской среде (Пронин Г.Н., 1988, с. 12–42). Шаткость и натянутость рассуждений Г.Н. Пронина достаточно очевидны. К тому же комплекс приблатийско-финских этноопределяющих находок им был составлен некорректно. К таковым, в частности, очевидно по недоразумению, причислены серьги в виде вопросительного знака.

В настоящее время дискуссия об этнической принадлежности новгородских жальников практически прекратилась. Женские украшения, являющиеся важнейшим этническим маркером погребенных, происходящие из жальничных погребений, находят полное соответствие в материалах синхронных курганов Новгородской и Псковской земель, принадлежность погребенных в которых к восточнославянскому этносу не подлежит никакому сомнению. Таким образом, жальники следует рассматривать как памятники древнерусского населения Новгородской земли. Единичные находки зооморфных и шумящих привесок и некоторых иных вещей, сопоставимых с финно-угорскими древностями, не являются основанием для отрицания этого. Их следует рассматривать как показатели вхождения местного финского населения в состав древнерусского. Совершенно такая же картина наблюдается и в курганных материалах восточноевропейского Северо-Запада.

Эти выводы касаются исключительно жальников Новгородско-Псковского края, вошедших в археологическую карту Н.И. Репникова. Это новгородские жальники (Седов В.В., 1982, с. 180–182), которые составляют лишь северную часть ареала однотипных погребальных памятников. Он простирается далеко на юго-запад: через области полоцкого течения Западной Двины, верхней Вилии и Верхненеманские земли достигает Мазовии и Подляшья, где наблюдается концентрация таких памятников, именуемых в археологической литературе каменными могильниками (рис. 1).

Курганно-жальничные могильники Северной Белоруссии (бассейн Западной Двины и верховья Вилии) недавно были рассмотрены в небольшой статье Л.В. Дучиц (1996, с. 38–42). Они ничем не отличаются от новгородско-псковских и содержат древнерусские вещевые находки.

Обобщающее исследование каменных могильников Мазовско-Подляшского региона выполнено польским археологом Л. Раухутом (Rauhut L., 1971, s. 435–656). Здесь каменные могилы обычно составляют крупные некрополи, устроенные на возвышенных местах и насчитывающие по несколько десятков, а иногда и сотни могил, имеющих на поверхности плоские каменные кладки, которые обрамлялись крупными валунами в виде круга, овала или прямоугольника. В тех же могильниках иногда имеются и курганы, сложенные из камней.

Основная часть умерших в мазовецко-подляшских могилах погребалась по обряду трупоположения, но встречаются и трупосожжения, которые в целом являются более ранними. Немногочисленные кальцинированные кости от кремаций умерших находятся

среди камней курганных насыпей или плоских кладок. Эти погребения в абсолютном большинстве случаев безынвентарные, лишь в единичных кладках встречены фрагменты керамики, по всей вероятности, связанные с ритуалом разбивания глиняной посуды при совершении захоронений. Погребения по обряду ингумации первоначально совершались на горизонте. При раскопках останки умерших обнаруживаются в таких могилах непосредственно под поверхностными кладками из камней. В последующее время для умерших предварительно выкапывались могильные ямы глубиной от 0,3 до 1 и более м, которые по завершении погребений нередко сплошь заполнялись камнями.

На многих могильниках Мазовии и Подляшья некогда поверхностные каменные выкладки могил со временем задерновались. В таких случаях отличить их от жальничных некрополей Новгородско-Псковского края невозможно – на поверхности видны лишь округлые, овальные или прямоугольные выкладки из валунных камней. В 1910–1911 гг. С.А. Дубинский, будучи слушателем С.-Петербургского археологического института, произвел раскопки одного из каменных могильников в Рогавке в Бельском уезде Гродненской губ. и в отчете именует его жальником (Дубинский С.А., 1910, с. 106). Старожилы Мазовии и Подляшья, как уже говорилось, называют каменные могилы жалями или жальниками. В XIX в. на берегах Бебжи в Белостоцком уезде в ряде мест жители именовали эти памятники "ятвяжскими могильцами" (Описание..., с. 9).

В Мазовецко-Подляшском регионе крупные камни, оконтуривававшие могилы, в течение многих лет активно использовались местными жителями для строительно-хозяйственных нужд. В результате на некрополях остались лишь плоские каменные выкладки, отсюда и археологическое название – каменные могилы.

Оно в некоторой степени оправдано, поскольку в Верхнем Понеманье широко представлены и собственно каменные могилы, никогда не имеющие ограждений из более крупных камней. Они датируются периодом от конца XIII до XVII в. и являются эволюционным продолжением каменных курганов XI–XIII вв. (Седов В.В., 1964, с. 36–51; Квяткоуская А., 1986, с. 30–32). Отчленить такие могилы от могил типа жальничных в ряде случаев не представляется возможным.

Поверхностные каменные выкладки могил не являются специфической особенностью Мазовско-Подляшского региона. Они весьма широко представлены и на новгородских жальничных могильниках. Эта черта их была подмечена еще А.А. Спицыным, который, характеризуя различные типы каменных ограждений жальников, подчеркивал, что "во всех этих случаях поверхность могил иногда покрывается мелким плитняком". Описывая ранние жальники, относимые к XI в., исследователь предположительно причислял к ним и погребения Косицкого могильника, "прикрытые сверху сплошной настилкой из камней" (Спицын А.А., 1899, с. 153, 154).

Поверхностные каменные кладки зафиксированы исследователями почти во всех регионах ареала новгородских жальников. Довольно часты они в округе Изборска, где еще в 20-30-х годах XX в. сплошное обследование памятников археологии выполнено было эстонскими археологами при участии Л. Зурова. Заполнение камнями поверхности могил, огражденных валунами, отмечено на жальничных кладбищах в Ворониной Горе, Замошье, Печках, Пыжово, Рацево, Турке и др. В Лужско-Плюсском регионе выкладки из камней над могилами зафиксированы в жальничных некрополях в Вельяшевом Логу, Жилом Горнешно, Заполье, Колодне, Кушеле, Песчанике, Посаднице, Прибутье и на оз. Почульском (Быстров М.И., 1877, с. 398–402; Данилов И.Г., 1880, с. 21, 22; Шмидт Г.Р., 1886а, с. 521; 1886б, с. 611, 612, 646–648; Спицын А.А., 1897, с. 274; Арепьев Н.Ф., 1899, с. 35–43).

Интересный могильник был обследован Е.Р. Романовым в имении Каховки в Витебском уезде. Камни были рассеяны по всей поверхности кладбища и среди них выявляются округлые, овальные и прямоугольные обкладки отдельных могил из крупных валунов, выложенные внутри мелкими камнями (Романов Е.Р., 1900, с. 76–80).

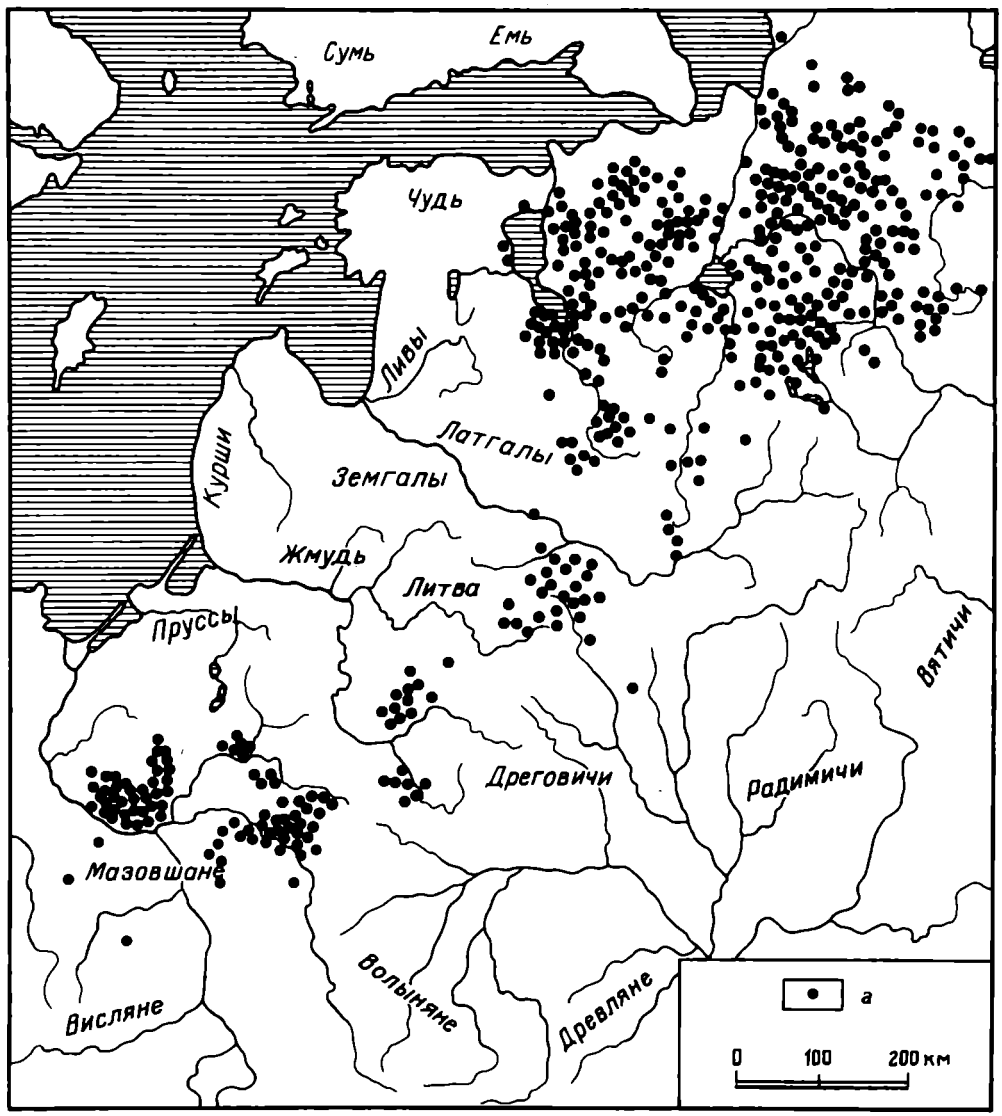


Рис. 1. Карта распространения жальников.
а – могильники с жальничными погребениями

В верховьях Ловати и соседних регионах жальники с каменными выкладками внутри могил зафиксированы в Ржавенье, Кривоносово и Галюзино, на Шелони – в могильниках Лукошково и Склево, на Мсте – в Воймерицах и Новом Боре.

Характеризуя древности Шелонской пятины, Н.К. Рерих считал, что жальники с могилами, обставленными по окружности крупными камнями и в ряде случаев выложенными на поверхности мелким булыжником, являются древнейшими. Такие жальники обследованы им в Водосье, Вязках и Любитове (Рерих Н.К., 1899, с. 349–367).

Очевидно, что в немалом числе случаев некогда поверхностные кладки из камней со временем оказалось под дерновым слоем и ныне не видны при разведочных обследованиях. Так, в Восточном Причудье В.Н. Глазовым при раскопках жальничного кладбища в Малых Полях под дерном была выявлена сплошная вымостка из плитнякового камня в могиле 16 (Спицын А.А., 1903, с. 71–74).

Наиболее ранние жальничные могильники находятся, безусловно, в Мазовии.

В последних десятилетиях IV – первой половине V в. Среднее Повисленье из-за крайне неблагоприятных климатических условий, сопровождаемых наводнениями, подъемом грунтовых вод и уровней рек и озер, при заболачиваемости обширных пространств, было оставлено основной массой земледельческого населения.

Какое-то время эта область была незаселенной или весьма слабо заселенной. К VI–VII вв. в Среднем Повисленье относятся два памятника – небольшие могильники Мендзиборув на левобережье Вислы и Непорент в низовьях Буга. Оба содержали бескурганные ямные трупосожжения с глиняными урнами пражско-корчакского облика (Bernat W., 1955, s. 81–88; Rauchut L., 1957a, s. 382, 383; 1957b, s. 382). По всей вероятности, эти погребения оставлены небольшими группами славянских переселенцев, оторвавшихся от основной массы племен пражско-корчакского ареала. На следующем этапе в Среднем Повисленье погребальных памятников здесь снова нет (Zoll-Adamikowa H., 1975, rys. 57) – территория оставалась незаселенной. Лишь в последних веках I тыс. н.э. в Мазовии и Подляшье появляются курганы, при сооружении которых широко использовался камень.

Такие курганы исследовались С.А. Дубинским и Р. Якимовичем в Цецели в междуречье Буга и Нарева (Дубинский С.А., 1911, с. 115–120; Jakimowicz R., 1935, s. 262, 263). Одни курганы имели каменный покров, уложенный в несколько ярусов, другие дополнительно – вымостки из камней по материку, в основаниях насыпей, в третьих насыпях кладки из камней (толщиной до 0,4 м) прослеживались в середине их высоты. Все они содержали захоронения по обряду трупосожжения (в единичных курганах открыты более поздние впускные трупоположения). Кремация умерших совершалась на стороне. Собранные с костра кальцинированные кости рассыпались на материке или помещались в насыпях. В одном кургане рядом с сожженными костями обнаружен глиняный сосуд. Все захоронения безынвентарные, в некоторых насыпях встречены фрагменты лепной, а в одной и гончарной керамики. В кургане 1 (раскопки С.А. Дубинского) найден череп лошади. Датировка курганов затруднительна. На основании лепной посуды их обычно относят к последним векам I тыс. н. э. (Zoll-Adamikowa H., 1975, s. 60–66).

Подобные курганы с каменными конструкциями и захоронениями по обряду кремации раскапывались С.А. Дубинским в том же регионе в Бациках Ближних (Дубинский С.А., 1911, с. 123, 124).

Каменные курганы могли быть привнесены в Северную Мазовию и Подляшье лишь с севера, из коренных ятвяжских земель. Использование камня при устройстве погребальных сооружений в течение длительного времени было свойственно западнобалтским племенам и обусловлено какими-то их языческими представлениями. Каменные курганы получили распространение в западнобалтском мире еще в I тыс. до н.э. (Engel C., La Baume W., 1937, s. 84–86; Okulicz J., 1973, s. 247–334). В среде пруссов и галиндов каменные курганы в I тыс. н.э. трансформировались в грунтовые захоронения с поверхностными обозначениями из камней. Кладки или вымостки из камней устраивались пруссами над могилами до XIII–XIV вв. включительно. Ятвяжские племена в течение всего I тыс. н.э. продолжали сооружать каменные или каменно-земляные курганы (в некоторых местностях до конца XIII в.). На южной окраине ятвяжского ареала, там, где ятвяги контактировали со славянами, хоронившими умерших на грунтовых могильниках, каменные курганы эволюционно сменяются каменными могилами. Применение камня для обозначения могил в ятвяжском крае было широко распространено в XI–XV вв., а в некоторых местах сохранялось до XVII в. (Talko-Hryncewicz J., 1920, s. 48–51).

Первые датирующие находки в каменных могильниках Мазовии относятся к X–XI вв.

Первой половиной XI в. Л. Раухут датировал погребения четырех памятников. В Громице, где раскопки производились еще в 90-х годах XIX в., найдены меч типа "М" по А. Надольскому, датируемый IX в., шпора второго варианта типа 1 по классификации З. Гильчерувны (XI в.) и глиняный сосуд, по аналогиям датируемый не позднее XI в. (Rauhut L., 1971, s. 492, 493). В могильнике Таньск-Кенсоха под плоскими вымостками из камней были открыты кальцинированные кости и найдены черепки обточенных на круге сосудов. Поздняя дата этой керамики, как отметили исследователи памятника Л. и Е. Окуличи, – вторая половина X – первая половина XI в.

(Okuliczowie L. i J., 1963, s. 105–118). Могильник Скарбошево датирован Л. Раухутом началом XI в. на недостаточно надежных материалах.

Весьма основательны хронологические разработки четвертого некрополя – Лутомирского, который был раскопан в основном в 1949–1950 гг. (Jażdżewski K., 1951, s. 91–163; 1952, s. 257–278; Nadolski A. i inne, 1959; Rauhut L., 1971, s. 584–589). В могиле 5 найдены четыре бронзовых распределителя от уздечного ремня, украшенные изображениями медвежьих голов. Они имеют аналогии в древностях VIII – начала X в. Урала и Западной Сибири; железный наконечник копья с инкрустацией серебром скандинавского происхождения, датируемый второй половиной X – первой половиной XI в. Вряд ли это погребение позднее рубежа X–XI в. В захоронении 1 обнаружен меч типа "S" по Я. Петерсену, определяемый рубежом X–XI в. Из могил 2 и 78 происходят мечи типа "Xa" (первая половина XI в.), из погребения 69 – чекан конца X – первой половины XI в. Среди ранних вещей из Лутомирского могильника, кроме того, имеются бронзовые бляшки с растительно-геометрическом узором, которые в Гнездовском и Лядинском могильниках датируются второй половиной X в.; бронзовая подковообразная застежка, поступившая из Самбии, где подобные определяются рубежом X–XI в.; другая пряжка, датируемая X в.; оковка ременной упряжи восточного происхождения IX–X вв.; зерненые бусы, удила, шпоры, стремена и пряжки, время бытования которых ограничивается второй половиной X – первой половиной XI в. Достаточно очевидно, что по крайней мере на рубеже X–XI в., а, возможно, и ранее Лутомирский могильник уже функционировал.

Можно полагать, что в первой половине XI в. в Мазовии действовали значительно больше каменных могильников. Основная часть могил их еще не раскопана, а многие из числа исследованных не дали датирующих находок. Безынвентарность и малоинвентарность весьма характерны для рассматриваемых памятников.

Второй половиной XI в. или в целом XI в. определяются 28 каменных могильников Мазовии. К этому периоду принадлежит наибольшее число захоронений. Это было время расцвета культуры каменных могильников этого региона.

На основе вещевых инвентарей Л. Раухут выделил три стадии развития каменных могильников Мазовии и Подляшья, отчасти налегающие друг на друга: 1) XI – начало XII в.; 2) конец XI–XII в.; 3) вторая половина XII–XIII в.

По особенностям строения каменные могилы Мазовии и Подляшья дифференцируются на два типа. Первый составляют захоронения, над которыми камни были положены в несколько ярусов; второй тип образуют могилы с одноярусной вымосткой из камней. В первой хронологической стадии доминируют могилы перового типа, во второй они составляют лишь четверть исследованных раскопками. Вполне очевидно, что эволюция каменных кладок в обрядности Мазовии и Подляшья шла от многоярусных, которые можно рассматривать как наследие курганной обрядности, как могилы, переходные от курганных к одноярусным поверхностным вымосткам. Кладки первого типа по всем своим особенностям сопоставимы с ятвяжскими каменными курганами и, несомненно, генетически восходят к ним.

О том, что каменные могильники были привнесены в Мазовию и Подляшье ятвягами, говорят особенности погребальной обрядности. Свыше 90% мужских погребений первой хронологической стадии имели восточную ориентировку и, наоборот, свыше 90% синхронных женских были похоронены головой на запад. Положение умерших головой к востоку – обрядность, не свойственная славянскому этносу, и на территориях его расселения встречается только там, где славяне встретились и контактировали с иноэтничными племенами. В Мазовецко-Подляшском регионе восточная ориентировка погребенных безусловно связана с западнобалтским миром. В пользу этого свидетельствуют и вещевые материалы, сопровождавшие такие захоронения. Так, в мужских погребениях с восточной ориентацией встречены шпоры, кресала с кремнями, топоры, наконечники копий и стрел. Это явно неславянская особенность ритуала. В мужских трупоположениях с западной ориентировкой первой хронологической стадии таких вещей не встречено. Исключение составляет одно из погребений,

обращенных головой к западу, в могильнике Блихово под Плоцком, где был найден топор. Однако в отличие от обычных топоров, встречаемых в каменных могилах с восточной ориентировкой погребенных, это был боевой топор скандинавского происхождения. Очевидно, эта находка не племенной маркер, а показатель социального статуса погребенного – в этой могиле был погребен не рядовой земледелец, а дружинник.

Погребения в каменных могилах второй и третьей стадии не дают отчетливой картины подобной дифференциации. Находки шпор и кресал обнаружены как в погребениях с восточной ориентацией, так и в единичных мужских захоронениях, обращенных головами к западу, что следует рассматривать как показатель начавшегося процесса славяно-ятвяжской митисации.

В женских погребениях каменных могильников Мазовии и Подляшья обычны эсоконечные височные кольца, ожерелья из различных бус, серьги, перстни, железные ножи и глиняные пряслица. Это типично славянский набор украшений. В Мазовии и Подляшье эти находки характерны в основном для трупоположений с западной ориентацией. Причем нередки головные украшения, включающие по четыре – шесть височных кольца, и ожерелья из одной-двух нитей разнотипных бус. Височные украшения и бусы, встреченные в немногочисленных женских погребениях с восточной ориентировкой, единичны.

В Мазовии наряду с каменными могильниками параллельно бытовали и грунтовые некрополи без каменных кладок, которые доминировали в ее южных районах, в левобережной части Среднего Повисленья и в меньшем числе известны в северных регионах. Вещевые материалы и погребальные ритуалы дают все основания рассматривать эти памятники как славянские и полагать, что племенное образование мазовшан формировалось в условиях славяно-ятвяжского взаимодействия.

Начиная с рубежа XI–XII в. функционирование многих каменных могильников Северной Мазовии прекращается. В первой половине XII в. забрасывается 11 могильников (из числа тех, которые удается достаточно определенно датировать), в середине этого столетия – еще девять, во второй половине его – еще пять. К концу XII в. в Мазовии остаются только три жальничных могильника, из которых два прекращают функционировать в начале XIII в. Л. Раухут объяснял это событие распространением христианской обрядности. Однако каких-либо конкретных фактов в пользу такого заключения не обнаруживается. Исследователь вместе с тем не исключал и возможности миграции населения, хоронившего в каменных могильниках, предполагая его северо-восточное направление.

Несколько дольше держалось западнобалтское население Подляшья. Здесь первые жальничные погребения по обряду трупоположения с датирующими вещевыми находками также относятся к XI в., но основная масса таких захоронений относится к следующему столетию. В XIII в. число захоронений на жальничных могильниках заметно сокращается, и к концу этого столетия они уже не функционируют. Л. Раухут не исключает, что и этот регион также был покинут населением, хоронившим умерших на каменных могильниках, хотя более склоняется к мысли о воздействии христианской обрядности.

Оставление населением, сооружавшим каменные могильники, средневисленского региона, думается, находится в прямой связи с активизацией военных набегов на западнобалтские земли со стороны Польши и Древней Руси. Источниками документированы походы польских войск против ятвягов, сасов и галиндов под 1108, 1110, 1115, 1166 и 1192 годами. Вторжения в земли ятвягов и галиндов войск киевских и волынских князей фиксированы летописями под 1013, 1058, 1112, 1113 годами (Пашуто В.Т., 1959, с. 309, 399).

Как раз в то время, когда в Мазовии забрасывались многие жальничные могильники, аналогичные погребальные сооружения появляются в северо-западных районах Древней Руси, где они не имели каких-либо местных корней (рис. 2).

Одна из ранних жальничных могил Северо-Запада исследована в Удрае в Батецком р-не Новгородской обл. Некрополь Удрай-II состоял из четырех могил с поверхностной

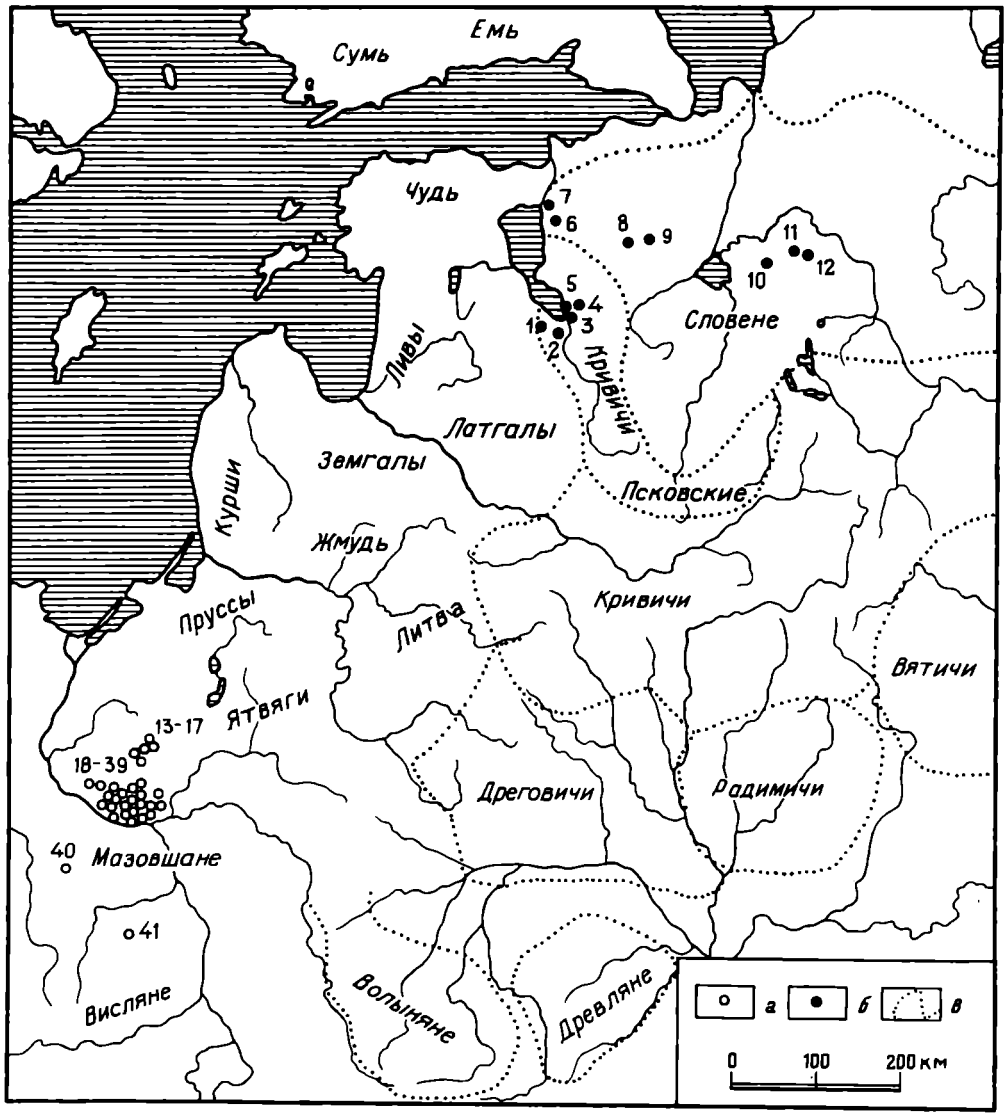


Рис. 2. Распространение ранних жальников.

а – жальничные могильники, оставленные населением до начала XII в.; *б* – жальничные могильники, возникшие в конце XI или на рубеже XI–XII вв.; *в* – границы территорий восточнославянских племен

1 – Верепково; *2* – Новая; *3* – Муровичи; *4* – Кривовицы; *5* – Жидилов Бор; *6* – Верхоляны; *7* – Малые Поля; *8* – Конезерье; *9* – Удрай-II; *10* – Нестеровичи; *11* – Бор; *12* – Рашутино; *13–17* – Таньск-Кенсоха-2, Щепково-Боровое, Ланчине Старе, Китки, Дамбек; *18–39* – Сарнова Гура, Блихово, Громице, Карвово-Оршимовице, Пилихово, Стрешево-Калиски, Швенцице, Турово, Гоздово-А, Корзибе-Крушеве, Корзибе-Дуже-2, Крощцин, Пешцидла, Жуково, Скарбошево, Гловина, Лысаково, Рогово-Парцеле (Духовне), Сморзево, Козимины Нове, Собанице, Верзвица-Шлахецка; *40* – Лутомерск; *41* – Коньске

прямоугольной обкладкой из валунов. При раскопках выяснилось, что они имели каменные вымостки, оказавшиеся ныне под дерновым слоем. Погребальный инвентарь раскопанной могилы состоял из предметов, сопоставимых с находками в мазовецких каменных могильниках: глиняное пряслице, железный нож, бронзовые проволочные колечки, невзрачные пастовые бусы. Кроме того, в могиле обнаружен лепной глиняный горшок, позволивший датировать погребение не позднее XI в. На селище близ могильника встречены фрагменты гончарной керамики "западнославянского облика" (Платонова-Залевская Н.И., 1983, с. 34).

Очевидно, к рубежу XI–XII вв. относятся и первые жальничные могилы в упомянутом выше курганно-жальничном могильнике Конезерье. Здесь раскопано 45 погребений, находившихся под оградками округлой, овальной или четырехугольной

формы, сложенными из булыжников или плитнякового камня. Время одной из ранних могил определяется находкой денария архиепископа Германа II (1036–1056 гг.).

Три могильника с ранними жальничными захоронениями исследовались на восточном побережье Псковского озера. Некрополь Кривовицы состоял из 50 курганов и до 250 жальничных могил. Курганы не имели обкладки из валунов, жальничные погребения были обозначены на поверхности ограждениями из крупных камней округлых, овальных или четырехугольных очертаний. В могиле 41 с прямоугольной оградкой, исследованной В.Н. Глазовым, найдена монета Канута Великого (1029–1035 гг.), две позолоченные пуговки и железный нож (Глазов В.Н., 1903, с. 67–69). При раскопках жальника слушателями С.-Петербургского археологического института в 1898 г. была обнаружена и более ранняя (X в.) привеска-монета Иоанна Цимисхия (О раскопках... 1898, с. 6).

Могильник у Жидилова Бора включал 10 курганов и около 50 жальничных могил в виде сплошного кольца или овальных обкладок (Глазов В.Н., 1903, с. 72). В могиле 3 найдены серебряный плосковыпуклый перстень, поясное кольцо и подвеска-денарий утрехтского архиепископа Вильгельма (1054–1076 гг.). В третьем могильнике близ д. Васцы, который исследовался в 1931 г. Б.А. Коишевским, зарегистрировано 158 жальничных могил с округлыми, овальными и четырехугольными обкладками из камней, но ранее их было больше (Коишевский Б.А., 1931, с. 2–10). В могиле 30 вместе со стеклянными золочеными бусами, крупной серебряной и бронзовой бусинами и удлиненными хрустальными в состав ожерелья входил дирхем с ушком. Другие вещи из этого погребения также относятся к XI в.

По всей вероятности, к ранним принадлежит и один из могильников у д. Муровичи в низовьях р. Великой, состоящей из могил с овальными выкладками из крупных камней. В четырех могилах, раскопанных еще в 1880 г. (Беренштам В.Л. и др., 1885, с. 60, 61), были найдены серебряные серьги с зерненными бусами, мелкие бронзовые пуговки, спиральный перстень, отнесенные А.А. Спицыным к XI в. (1897, с. 254, 255).

В округе Изборска выявляются два могильника с ранними жальничными погребениями. Один находится при д. Новой в 7 км южнее Изборска. Он, по-видимому, целиком состоял из жальничных могил, однако каменные обкладки их ранее были свезены местными жителями для хозяйственных нужд. В одной из могил с частично сохранившейся обкладкой из камней найдены круглая привеска с изображением фантастического зверя в стиле элинг, височное кольцо с тремя зерненными бусами, проволочный перстень и железный нож (Сергеева Л.Е., 1986, с. 35, 36). Могильник в Верепкове к западу от Изборска состоял из длинных и круглых курганов X–XI вв., не имевших обкладок из камней, и жальничных могил. При раскопках последних в могиле 7 были обнаружены два ременных кольца и бронзовая литая пряжка лировидной формы с овальной рамкой с лилиевидными завершениями, время бытования которых определяется X–XI вв. (Грушина Л.Е., 1990, с. 22, 23).

В Гдовском регионе ранние жальничные захоронения открыты в двух могильниках – в Верхолянах и Малых Полях (Спицын А.А., 1903, с. 74, 107–110). При погребенной в могиле 4 первого некрополя (с четырехугольной каменной обкладкой из валунов) найдены монета графа Германа фон Кальвелаге (1020–1051 гг.), серебряный пластинчатый перстень, узкоконечный пластинчатый браслет, серебряные ребристые бусы, зонные стеклянные бусы черного цвета с белыми полосками и красными глазками, боченковидные коричневого цвета и крупные цилиндрические желтого цвета с красно-желтыми глазками. Подобные находки имеются в вещевых коллекциях из мазовецких могил XI в. В могиле 16 с тремя захоронениями (на поверхности фиксирована четырехугольная обкладка из валунов, под дерном выявлена сплошная вымостка из камней) некрополя Малые Поля обнаружены утрехтский денарий XI в., желтые и зеленые мелкие бесы и фрагмент горшка с линейным орнаментом.

Все названные жальничные погребения следует датировать не позднее рубежа XI–XII вв. Все они находятся в Псковской земле и в смежных районах Новгородской земли и, кажется, чуть позже появляются в восточном Поильменье.

В начале XII в. жальники появляются и в отдельных местностях Ильменского бассейна. Таков Рашутинский могильник с прямоугольными и округлыми выкладками из валунов, находящийся в Окуловском р-не Новгородской обл. К числу ранних вещевых находок здесь принадлежат трехбусинные серьги, золотостеклянные, зонные желтые, синие крученые и овальные бусы, бронзовый браслет с концами, оформленными в виде звериных морд. В потревоженной могиле 15 найден западноевропейский денарий XI в. Эти находки позволяют датировать памятник XII в. Началом XII в. датируются первые захоронения и в могильнике у д. Бор в том же районе (Мильков В.В., 1983, с. 27). Погребения с многочисленным инвентарем первой половины XII в. исследовались на жальничном могильнике Нестеровичи в Крестецком районе (Конецкий В.Я., 1987, с. 15, 16). Ранние жальничные погребения выявлены также в курганно-жальничном могильнике близ д. Бор на р. Волма (приток Мсты) в Крестецком уезде Новгородской губ., исследованном В.Н. Глазовым. Некрополь состоял из десяти курганов без обкладок из камней в основании и полутора десятка могил с поверхностными круглыми, овальными и четырехугольными обкладками из камней. В могиле 15 находились два скелета, при которых обнаружены височные проволочные кольца небольших диаметров и пять крупных оранжевых бусин с белыми и черными глазками, имеющих форму куба со срезанными углами (Глазов В.Н., 1904, с. 55–57).

Материалы, которыми ныне располагает археология, позволяют утверждать, что первые жальничные могилы в Северо-Западной Руси появляются почти одновременно в разных местах расселения кривичей псковских и словен ильменских. Ранние жальники или образуют самостоятельные могильники, или занимают окраины функционирующих курганных могильников. При этом можно подчеркнуть, что курганные насыпи таких кладбищ в большинстве случаев не имели в основаниях валунных обкладок, что исключает мысль об эволюционном развитии ранних жальничных могил из курганов с валунной обкладкой.

Большинство жальничных захоронений раннего этапа имеют западную ориентировку, но отмечены также трупоположения головой к востоку. Вещевой инвентарь погребенных в ранних жальничных могилах не выявляет какой-либо специфики. С одной стороны, он сопоставим с вещевыми находками из синхронных курганных погребений Новгородской и Псковской земель, с другой – не отличается и от предметов, происходящих из каменных могильников Мазовецко-Подляшского региона. Можно заметить, что в ранних жальниках Северо-Западной Руси не встречаются типично новгородские ромбощитковые височные кольца, обычные для синхронных курганных захоронений, зато в жальниках нередки украшения с зерненными металлическими бусами, которые обычны для Мазовецко-Подляшского региона.

Положение о появлении жальничных могил в Северо-Западной Руси в результате миграции населения из Мазовии и Подляшья является ныне единственным достаточно оправданным. Переселение в северо-западные земли Руси, как можно судить по ранним жальникам, осуществлялось сравнительно небольшими группами, которые оседали в разных местах Псковщины и Новгородской земли. При этом пришлое население часто подселялось к местным жителям, в других случаях образовывало на первых порах собственные поселения и кладбища.

В течение XII в. число могильников с жальничными погребениями в Новгородско-Псковском регионе заметно возрастает. Приток переселенцев из Мазовецко-Подляшского региона, очевидно, был не одноактным. По пути миграции часть переселенцев оседала в верхнем течении Вилии и в бассейне Западной Двины, где ныне в разных местах фиксируются десятки жальничных и курганно-жальничных могильников, датируемых XII–XIV вв.

В XII–XIII вв. вещевой материал из жальничных захоронений Новгородско-Псковской земли в целом уже тождествен синхронным курганным инвентарям Северо-Запада. Обычно в состав женских украшений входят ромбощитковые или браслетообразные височные кольца. Нередки налобные венчики из тонкой серебряной ленты. Шейные ожерелья включают бусы разных типов – стеклянные позолоченные пас-

товые зонные желтые, шарообразные голубые и мозаичные черные с белыми узорами. При погребенных иногда встречаются проволочные браслеты, рубчатые, пластинчатые и проволочные перстни, бубенчики. Железные ножи свойственны как мужским, так и женским погребениям. Постепенно доля захоронений, содержащих вещевые материалы, уменьшается. Погребения конца XII–XIII вв. в основном безынвентарные.

В ранний период умерших в жальниках хоронили в ямах небольшой глубины (0,2–0,5 м), в XII в. могильные ямы достигают уже 1–1,2 м. Ориентировка погребенных в этом столетии преимущественно западная (с различными отклонениями), но есть также жальничные трупоположения с восточной и меридиональной ориентацией. Последняя в Новгородской земле, как и в курганах, обусловлена включением в генезис древнерусского населения местного финского субстрата.

Почти полное тождество обрядности и вещевых материалов погребенных в курганах и жальниках XII–XIII вв. Северо-Западной Руси, следует рассматривать как показатель активно начавшейся митисации мазовецко-подляшских переселенцев с местным словенско-кривичским населением. Жальничные могильники постепенно, очевидно, становятся кладбищами всего населения Ильменско-Псковского края, вытесняя курганный обряд погребения.

Дальнейшее развитие жальничной обрядности на Северо-Западе обусловлено некоторыми перемещениями населения. Таково, например, происхождение единичных курганно-жальничных могильников в восточных районах Эстонии и северо-восточной Латвии. Одним из таких памятников является курганно-жальничный могильник у Даниловки на территории латгалов (Шноре Э.Д., 1980, с. 38–54).

На рубеже XII–XIII вв. население, хоронившее в жальничных могилах, появляется на Ижорском плато, заселенном прежде славянами и славянизирующейся водью, в среде которых доминировал курганный обряд. При этом курганы, как и во многих других местностях Новгородской земли, кольцеобразно обкладывались в основаниях валунами. Появление здесь жальников, очевидно, привело к постепенному переходу к жальничной обрядности. Это документально и было прослежено Е.А. Рябининым. Аналогичные процессы имели место и в других регионах Новгородской земли. Курганы со временем становились все ниже и ниже, а обкладка из валунов сохранялась. Завершился этот процесс в разных регионах Новгородчины, по-видимому, не одновременно. К сожалению, безынвентарность абсолютного большинства жальничных могил XIII–XIV вв. не позволяет его датировать детально. Таким образом, поздние новгородские жальники уже не являются памятниками переселенцев из Мазовии и Подляшья.

На Северо-Западе Руси переселенцы из Мазовско-Подляшского региона рассматривались как выходцы из Прусской земли и назывались местным населением, по-видимому, пруссами. Этноним ятвяги на Руси был известен только в южных землях. В новгородских летописях он встречается лишь в связи с военными походами киевских и волынских князей, псковские летописи вообще не знают этого этнонима. Имя пруссы в средние века было общим для всех западнобалтских племен (ятвяги, галинды и собственно пруссы, членившиеся в свою очередь на самбов, натангов, надровов, вармов и др.). Это документировано памятниками письменности. Так, согласно Катехизису 1545 г., прусский язык распространялся на Самландию, Натангию, Велаву (центр Надровии) и Судавию (Ятвягию).

Следы расселения западных балтов-пруссов в Северо-Западной Руси через современные белорусские земли обнаруживаются в топонимике. Географические названия Пруссы и производные в Восточной Европе были собраны Е. Антоневичем (Antoniewicz J., 1965, s. 7–25; Антоневич Е., 1972, с. 252–261). Нанесение их на карту жальников (рис. 3), кажется, подтверждает положение о миграции пруссов в Новгородско-Псковский край.

С расселением мазовско-подляшского населения связана и проблема Прусской улицы в Новгороде. Прямое упоминание ее в летописи относится к 1230 г., но косвенно она известна с 1175 г. (Майков В.В., 1911, с. 88–93; Орлов С.Н., 1964, с. 273).

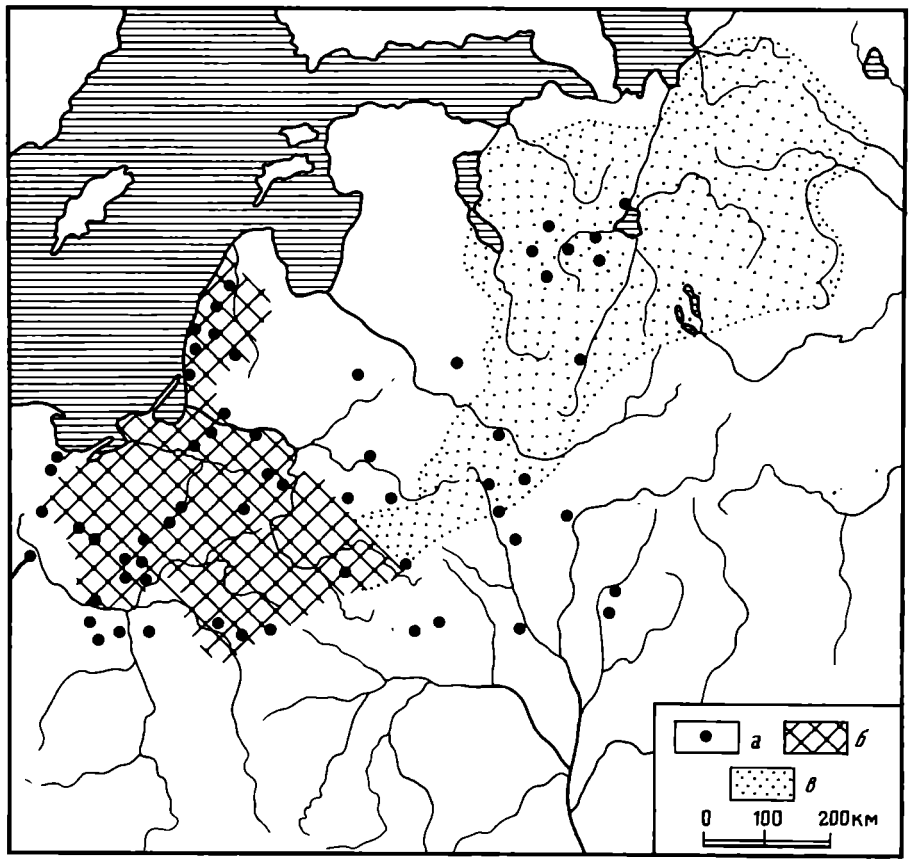


Рис. 3. Распространение топонимов Пруссы.
а – топоним Пруссы (по Е. Антоневичу); *б* – коренные земли западнобалтских (прусских) племен; *в* – область распространения жальников вне западнобалтского ареала

О том, что Прусская улица в древнем Новгороде получила название от пруссов – выходцев из Прусской земли, осевших в юго-западной части города, писали многие исследователи. Рассматривая историю названия этой улицы, И.В. Аничков цитирует из труда Н.И. Костомарова "Севернорусские народоправства" следующее: "...особенного внимания заслуживает Прусская улица в Загородном конце, простиравшаяся от Прусских врат Детинца до Прусских ворот во внешнем вале. Эта улица была местожительством бояр, стояла как-то особняком в истории города и нередко на нее обращалась вражда черни изо всего города. Название Пруссы, которое давалось постоянно обитателям этой улицы, само собой указывает на их первоначальное происхождение. Там-то, вероятно, поселились первые пришельцы прусско-варяжского племени..." (Аничков И.В., 1916, с. 8). К варягам пруссы, конечно, не имели никакого отношения, но расселение в Новгороде выходцев из Прусской земли весьма вероятно.

Е. Антонович полагал, что жителями Прусской улицы Новгорода были пруссы, занимавшиеся торговлей с Северо-Западной Русью до завоевания Прусской земли крестоносцами (Антоневич Е., 1972, с. 252–261).

Изложенное выше позволяет решать эту проблему иначе. Пруссы в Новгороде – это переселенцы (и их потомки) из Мазовско-Подляшской окраины Прусской земли, принесшие жальничную обрядность. В Новгородской Первой летописи под 1216, 1219 и 1220 гг. жители юго-западной части Новгорода прямо именуются пруссами (НПЛ, 1950, с. 54, 58, 60, 253, 259, 262).

Прусская улица с прилегающими территориями, утверждает В.Л. Янин, долгое время не входила в систему кончанского деления Новгорода и находилась за пределами городских фортификаций. Этот участок города был ограничен от остальной части его

естественными рубежами – "пропастями". Только в последних десятилетиях XIII в. он стал основой Загородского конца (Янин В.Л., 1998, с. 391).

Боярство Прусской улицы проявляет активность уже в первой половине XII в., наиболее ярко это проявляется начиная со второй половины 70-х годов. К концу этого столетия между Прусской улицей с прилегающими территориями Людина конца и действовавшим совместно боярством Торговой стороны и Неревского конца наблюдается отчетливое политическое противостояние. В первой половине XIII в. республиканское управление Новгорода находилось в основном в руках боярства Прусской улицы (Янин В.Л., 1962, с. 108, 130, 147 и др.).

Такое устойчивое политическое разграничение, нужно полагать, имело в своей основе различное этническое начало жителей разных районов Новгорода Великого – давнее славянское население города противостояло боярству прусского происхождения.

Христианской и государственной святыней Новгорода, как известно, был Софийский собор. Во второй половине XIII в. наряду с ним особый статус общегосударственно-административного и религиозного центра приобретает также церковь Бориса и Глеба, стоявшая на Прусской улице Новгородского детинца (первая деревянная церковь упоминается в 1146 г., закладка первой каменной датируется 1167 г.). Поздние источники фиксируют органическую связь этой церкви с Прусской улицей. Первоначально это был вечевой храм новгородских пруссов и, вероятно, организуемой ими территории, позднее с возрастанием роли прусского боярства в управлении Новгородом он становится республиканским. В 1300 г. торжественная церемония поставления архиепископа Феоктиста, ставленника прусского боярства, совершалась в церкви Бориса и Глеба, а затем была продолжена в Софийском соборе (Янин В.Л., 1974, 88–93).

Очевидно, пруссы, осевшие в Новгороде и его земле какое-то время составляли обособленную группу населения. Этому способствовало и то, что приток западнобалтских переселенцев был неоднократным и завершился лишь после покорения их коренных земель крестоносцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аничков И.В., 1916. Историческое значение названия Прусской улицы для Великого Новгорода. Новгород.

Антоневич Е., 1972. "Пруссы" в топонимике Северной Польши и Новгородской Руси // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М.

Арепьев Н.Ф., 1899. По ходатайству Н.Ф. Арепьева о разрешении ему раскопок в Лужском уезде СПб. губ. // Архив ИИМК. Дело АК 150.

Беренштам В.Л., Васильев И.И., Кислинский А.М., 1885. Дневник раскопок, произведенных 24 мая 1880 г. близ дер. Муровичи // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. X. М.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л.

Быстров М.И., 1877. Остатки старины близ Передольского погоста Лужского уезда С.-Петербургской губ. // ИРАО. Т. IX.

Глазов В.Н., 1903. Отчет о раскопках, произведенных в 1899 г. в Псковском уезде // ЗОРСА. Т. V.

Глазов В.Н., 1904. Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий уезд Новгородской губ. // ИАК. Вып. 6.

Грушина Л.Е., 1990. Курганно-жальничный могильник у деревни Веребково // Земля Псковская, древняя и современная: Тез. докл. к науч.-практ. конф. Псков.

Даль В., 1978. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.

Данилов И.Г., 1880. Раскопки слушателями института курганов в Гдовском и Лугском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. // Сборник Археологического института. Кн. 3. СПб.

Дубинский С.А., 1910. Отчет о раскопках курганов Бельского уезда Гродненской губ., произведенных летом 1910 года // Архив ИИМК. Дело АК. 1910/79.

Дубинский С.А., 1911. Отчет о раскопках курганов Бельского уезда Гродненской губ., произведенных летом 1910 года // Архив ИИМК. Дело АК. 1911/89.

Дучыц Л., 1996. Курганна-жальнічныя могільнікі на тэрыторыі Полацкай зямлі (да пастаноукі пытання) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 10. Мінск.

Квяткоўская А., 1986. Каменныя могільнікі // Помнілі гісторыі культуры Беларусі. № 4. Мінск.

Коишевский Б.А., 1931. Отчет о раскопках, произведенных у д. Большие и Малые Васцы Псковского района // Архив ИИМК. Дело ГАИМК 780.

Конецкий В.Я., 1987. Исследования в бассейне р. Мсты // АО-1985.

Лебедев Г.С., 1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л.

Майков В.В., 1911. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб.

Мильков В.В., 1983. Изучение жальников Новгородской земли // АО-1981.

НПЛ, 1950. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.

Описание памятников древности по Гродненской губ. // Архив ИИМК. Ф. 1. № 35.

О раскопках Археологического института в Псковской губ., 1898 // Архив ИИМК. Дело АК 104.

Орлов С.Н., 1964. К топографии Новгорода X–XVI вв. // Новгород. К 1100-летию города. М.

Панченко А.А., 1998. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.

Пашуто В.Т., 1959. Образование Литовского государства. М.

Платонова-Залевская Н.И., 1983. Исследования в Верхнем Полужье // АО-1981.

Плоткин К.М., 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.

Преображенский А.Г., 1910–1941. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.

Пронин Г.Н., 1988. Об этнической принадлежности жильников (опыт ретроспективного анализа) // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М.

Прусакова З.В., 1972. Грунтовые погребения жальничного типа XI–XV веков на территории Северо-Запада СССР // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л.

Прусакова З.В., 1982. Топография могильников у д. Конезерье на оз. Врево // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Репников Н.И., 1931. Жальники Новгородской земли (Материалы к вопросу о расселении славян по области) // Изв. ГАИМК. Т. IX. Вып. 5. Л.

Рерих Н.К., 1899. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1–2.

Романов Е.Р., 1900. Раскопки в им. Каховка, Витебской губ. // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XVI. М.

Рябинин Е.А., 1976. Археологические памятники Вотской земли // СА. № 1.

Рябинин Е.А., 1983. О развитии погребального обряда на северо-западе Новгородской земли // КСИА. Вып. 175.

Седов В.В., 1964. Курганы ятвягов // СА. № 4.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М.

Сергеева Л.Е., 1986. Привески "гнездовского типа"... // Земля Псковская, древняя и социалистическая: Тез. докл. к научн.-практ. конф. Псков.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1978. Вып. 5. М.

Спицын А.А., 1897. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1–2.

Спицын А.А., 1899. Сопки и жальники // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1–2.

Спицын А.А., 1903. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // МАР. № 29.

Спицын А.А., 1906. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими // Труды II Областного тверского археологического съезда. Тверь.

Срезневский И.И., 1958. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. М.

Третьяков П.Н., 1970. У истоков древнерусской народности. Л.

Шмидт Г.Р., 1886а. Доклад о раскопках, произведенных в 1883 г. в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губ. // ИОЛЕАЭ. Т. XLIX. Вып. 5.

Шмидт Г.Р., 1886б. Курганы и могилы Шелонской пятины Новгородской земли (отчет о раскопках, произведенных в 1886 г.) // ИОЛЕАЭ. Т. XLIX. Вып. 5.

Шноре Э.Д., 1980. Погребения жальничного типа на северо-востоке Латвии // Изв. АН Латвийской ССР. № 12. Рига.

Янин В.Л., 1962. Новгородские посадники. М.

Янин В.Л., 1974. Церковь Бориса и Глеба в новгородском детинце (о новгородском источнике "Жития Александра Невского") // Культура средневековой Руси. Л.

Янин В.Л., 1998. Я послал тебе бересту... М.

Antoniewicz J., 1965. The problem of the "Prüssian street" in Novgorod the Great // Acta Baltico-Slavica. T. 2. Białystok.

Bernat W., 1955. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko ciałopalne w miejsc. Międzyborów, pow. Grodzisk Mazowiecki // WA. T. XXII.

Engel C., La Baume W., 1937. Kulturen und Völken der Frühzeit im Preußenlande. Königsberg.

Jakimowicz R., 1935. Sprawozdanie z dzialalności Panstwowego Muzeum Archeolodicznego za 1928 rok // WA. T. XIII.

Jażdżewski K., 1951. Cmentarzysko wxzesnośredniowieczne w Lutomiersku pod Łodzią w świetle badań w r. 1949 // Materiały wczesnośredniowieczne. T. I. Warszawa.

Jażdżewski K., 1952. Sprawozdanie z badań archeologicznych na cmentarzysku wczesnośredniowoecznym w Lutomiersku w pow. Łaskim (woj. łódzkie) w r. 1950 // Materiały wczesnośredniowieczne. T. II. Warszawa.

Nadolski A., Abramowicz A., Poklewski T., 1959. Cmentarzysko z XI w. w Lutomiersku pod Łodzią. Łódź.

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziew pruskich od póznego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

Okuliczowie L. i J., 1963. Dwa wczesnośredniowieczne cmentarzyska z grobami ciałopalnymi, a problem obrządku pogrzebowego na północnym Mazowszu // WA. T. XXIX.

Rauchut L., 1957a. Naczynie z wczesnośredniowiecznego cmentarzyska ciałopalnego w miejsc. Międzybórw, pow. Żyrardow (daw. Grodziek Maz.) // WA. T. XXIV.

Rauchut L., 1957b. Wczesnośredniowieczny drób ciałopalny ze wsi Nieporęt. pow. Wolomin // WA. T. XXIV.

Rauhut L., 1971. Wczesnośredniowoeczne cmentarzyska w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu // Materialy starożytne i wczesnośredniowieczne. T. 1. Wrocław.

Talko-Hryncewicz J., 1920. Przyczynek do paleoetnologii Litwy. Cmentarzysko na Ariańskiej górce w majetnosci Unji pod Wierzbolowem, pow. Wolkowyszii, gub. Suwalska // Prace i materjały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. T. I. Cz. 1–2. Kraków.

Zoll-Adamikowa H., 1975. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski. Cz. I. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

Институт археологии РАН, Москва

V.V. SEDOV

ZHALNIK CONSTRUCTIONS

Summary

Zhalnik burial constructions are wide-spread in Novgorod lands, but these burial sites did not belong exclusively to ancient Russian population of the territory. They cover the area farther south-westward up to Mazowia and Podlasie, where they are known among the archaeologists as stone cemeteries, while the local population calls them "zhal". In that region the earliest zhalnik-type burials of the 10th – 11th centuries were discovered, and their evolution from the Yatviagian stone barrow-mounds was traced. Beginning from the late 11th – early 12th centuries the practice of constructing zhalnik burials was abandoned by the inhabitants of Mazowia and Podlasie, whilst in that very time identical burial consructions appeared in some regions of North-Western Russia. Zhalnik constructions are not of local origin, but were brought there by the migration of the western Balts. The latter's movement to Novgorod and Pskov lands is marked by relatively not numerous zhalnik cemeteries met with in Polotsk land, where they were left by the tribes settling along their migration route. In course of time new population of Novgorod and Pskov territories was mixing with the aboriginal one, and as a result, in the 13th – 15th centuries zhalnik-type cemeteries became the dominating burial rite practiced by ancient Russian population in North-Western Russia. The author has revealed that in some areas the zhalniks had originated from local kurgans encircled with boulders. New population was called by the Novgorodians the Prussians. Prussian boyars of Novgorod the Great were the descendants of the migrants who had once appeared from the western Balts' inhabited territories.

Ю.Ю. МОРГУНОВ

ЕЩЕ РАЗ О "ПЕРЕЯСЛАВСКИХ ТОРКАХ"

Литература о местах размещения кочевых конфедератов на территории Древней Руси насчитывает не один десяток названий. В ней достаточно полно раскрыта та значительная роль, которую торки и черные клобуки сыграли в защите оседлых земель от половецких нападений, изучены их погребальные обычаи и сопровождающий инвентарь, а также роль в политической системе государства, разработана хронология оседания кочевников на русских землях и формирования в Поросье знаменитого черноклобуцкого объединения. Значительно хуже изучены ареалы расселения переяславских торков.

Предварительно, видимо, следует напомнить некоторые известные факты из их истории. Торки (гузы) – это одна из кочевых волн, которую Азия поочередно выплескивала на лесостепные европейские берега; данная волна по пятам следовала за печенегами, неумолимо оттесняя последних на запад, поскольку и их самих выдавливали из Азии половцы. Остатки разбитых в степных сражениях волн охотно принимались на службу оседлыми государствами для расселения по своим внешним границам в качестве заслона от последующих азиатских вторжений. Традиционно так поступали Венгрия, Болгария и Византия, поскольку еще начиная с рубежа VII–VIII вв. гузам приходилось исполнять пограничные обязанности по периметру оседлых земель Мавераннахра и Хорезма (Расовский Д.А., 1935, с. 250).

Этот необычный симбиоз был основан на обоюдном интересе недавних противников. Земледельцев устраивали преимущества расселения вчерашних врагов по окраинам их государств: только неприхотливые номады достойно соперничали тактикой боя и качеством вооружения с новыми степными ордами, что было немаловажно для формирования пограничных сторожевых разъездов и соединений легкой кавалерии в их войсках (Расовский Д.А., 1927, с. 90, 93). С другой стороны, сочетание определенной защищенности жен и детей близостью городов с застарелой враждой гузов к изгнавшим их из степей половцам толкало торков на устойчивое объединение с оседлым миром.

Первые положительные контакты Руси с торками зафиксированы летописями под 965 и 985 гг. (есть основания предполагать и их участие в борьбе Руси с печенегами), однако половецкий прессинг в 1055 и 1060 гг. бросил торков к неудачному столкновению с недавним союзником и бегству на Дунай, а последовавшие там новые несчастья заставили их отдельными группами возвращаться в русские пределы и оседать в приграничных районах (Плетнева С.А., 1958, с. 217).

Из кочевнических ареалов на Руси наилучшим образом изучено правобережное Поросье, где на просторах Перепетова поля, имеющего размеры 150 × 80 км, торческие и печенежские сообщества начали расселяться с 70-х гг. XI в. и к 1146 г. создали черноклобуцкий союз (Плетнева С.А., 1973, с. 25).

В значительно худшей степени изучены кочевнические древности Левобережья, где по летописным источникам известны группировки турпеев, черниговских ковуев и переяславских торков.

На основании статьи 1150 г. Ипатьевской летописи уже в первой трети нынешнего века было надежно локализовано расположение подчинявшихся Киеву турпеев, размещавшихся к западу от Переяславля между реками Каранью и Днепром. Ныне

© Ю.Ю. Моргунов, 2000 г.

превратившаяся в цепочку болот река когда-то справа впадала в Трубеж ниже Переяславля и, растянувшись на 40 верст, отделяла на Левобережье узкую полоску киевских владений (ПСРЛ, 1962, т. II, с. 398; Расовский Д.А., 1927, с. 102).

В недавние годы черниговские ковуи были удачно локализованы А.К. Зайцевым в приграничном районе Задесенье, где между Белавежей, Всеволожем и Бохмачем раскинулся обширный массив слабозасоленных степей и лугов, оконтуренный перелесками и болотами (Зайцев А.К., 1975, с. 79). В 1117 г. сюда же были поселены выходцы из Саркела Белой Вежи. Значительно позже на этих же землях процветало хозяйство, типичное только для оседавших на землю кочевников: при гетмане И.С. Мазепе "Беловежская степь" была отведена для размещения лошадей войсковой артиллерии, а перед созданием здесь Екатериной II сети немецких колоний в этих местах располагались исключительно конские и овчарные заводы (Лазаревский А.М., 1893, с. 131; Лерберг А.Х., 1819, с. 386).

Ниже мы предлагаем еще раз вернуться к вопросу о расселении "переяславских торков" и их центрах. Археологическая типология древностей этой ветви тюркских народов хорошо изучена, однако новые левобережные материалы освещены еще недостаточно полно.

На территории Переяславской земли торки могли впервые появиться сразу после их разгрома русскими войсками в 1060 г., поскольку Всеволод Ярославич непосредственно участвовал в этой битве, а источники В.Н. Татищева (в обеих редакциях текста) и современник событий Михаил Атталиота прямо указывали на факт расселения плененных кочевников по русским землям (Татищев В.Н., 1963, с. 82; 1964, с. 152; Грушевський М.С., 1992, с. 55). Отдельные торческие роды возвращались на Русь и после их разгрома на Дунае в 1064 г. (Васильевский В.Г., 1908, с. 27–29), приходили сюда и позже. Уже к 1080 г. оформилось устойчивое понятие "переяславские торки" (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 204), но вплоть до 1125 г. их отношения с Переяславлем не всегда были гладкими, что указывает на трудность процесса включения степняков в феодальную структуру Руси. Принято считать, что эти трудности связаны с объективной необходимостью их перехода на полуоседлость, поскольку выделяемые номадам приграничные участки обычно были территориально относительно невелики (Плетнева С.А., 1973, с. 25).

Особо тяготели торки к переяславским князьям, и весь этот период формирования устойчивого кочевнического расселения, которому сопутствовали их метания между степью и Русью, в источниках связывается с именем Владимира Мономаха. Верхней датой "периода расселения" можно считать 1125 г., под которым летописи фиксируют существование стабильной торческой территории с городами-убежищами Баручем и Бронь Княжим.

В общих чертах пределы торческих земель были очерчены еще В.Г. Ляскоронским и А.М. Андрияшевым на основе изучения половецких путей на Русь и закономерностей славянского заселения переяславского Левобережья. В.Г. Ляскоронским в качестве вероятных районов были предложены верховья Супоя и прибрежная степная полоса вдоль левого берега Днепра (Ляскоронский В.Г., 1905); А.М. Андрияшев отвел им обширное плато междуречья Супоя и Сулы (Андріяшев О., 1931, с. 14). Обе гипотезы во многом смыкаются друг с другом, и уточнить эти сложившиеся представления помогут поиски уже упоминавшихся городов-убежищ.

Предлагавшиеся ранее варианты поисков местонахождения Баруча можно разделить на две большие группы. Первое толкование было предложено еще Н.С. Арцыбашевым (1838, с. 408), который отождествил летописный пункт с современным п.г.т. Барышевкой. Вариант основан на кажущемся созвучии названий и до сих пор, без дополнительной аргументации, находит своих последователей (Махновець Л.С., 1989, с. 539), хотя лингвистического соответствия древний и современный топонимы иметь не могут (Стрижак О.С., 1963, с. 36) (рси. 1).

Н.П. Барсовым район поисков намечен в северной части Переяславской земли, к югу от Уненежа и к западу от Прилука (Барсов Н.П., 1873, с. 140). Этот вариант был

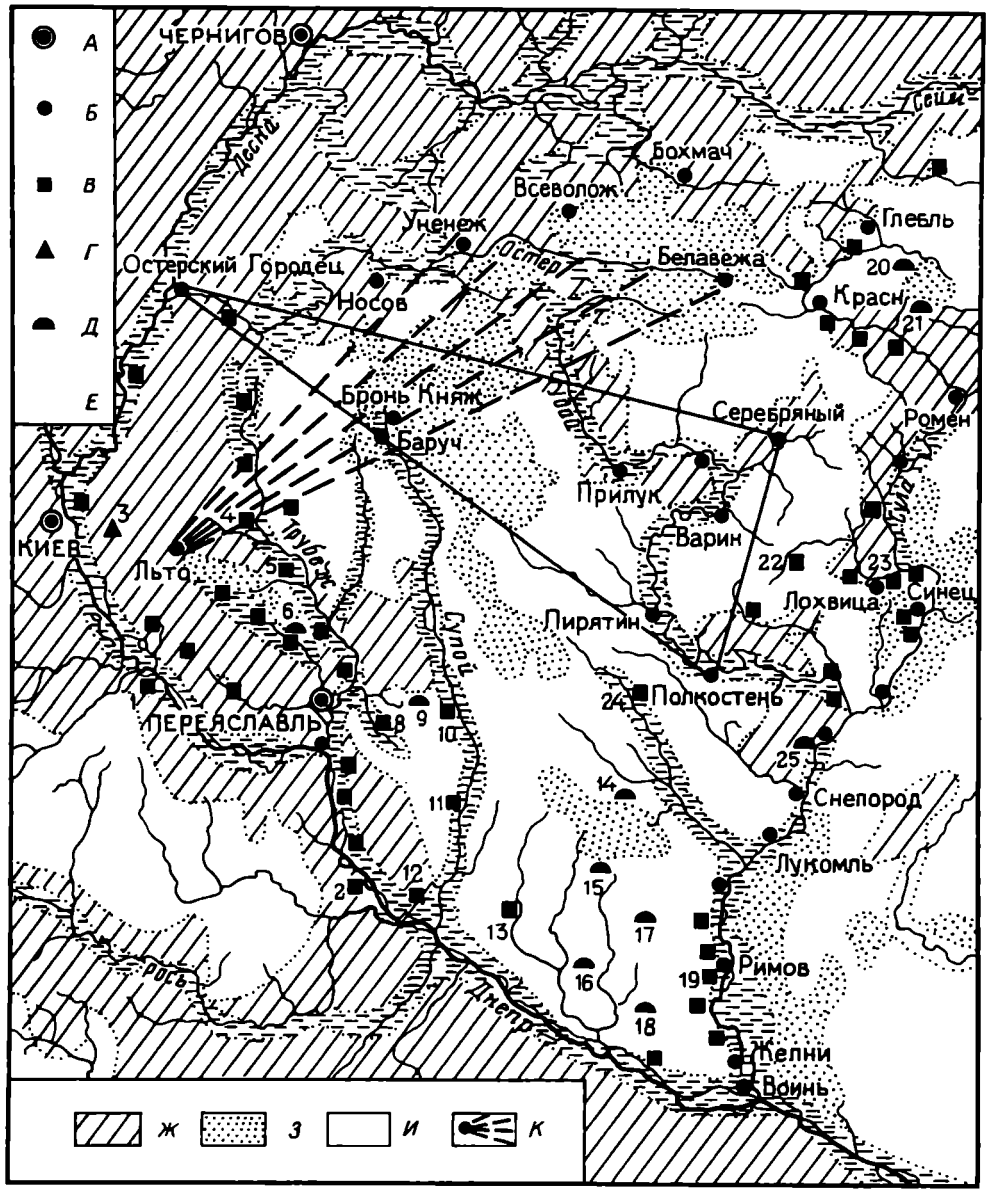


Рис. 1. Древнерусские и торческие памятники Переяславской земли. *А* – столицы княжеств; *Б* – летописные города; *В* – городища; *Г* – упомянутый в тексте пункт; *Д* – впускные торческие погребения; *Е* – треугольник поисков Баруча и Бронь Княжа; *Ж* – древние лесные массивы; *З* – ареалы слабозасоленных земель; *И* – степные участки; *К* – направление движения Изяслава Мстиславича в 1147 г. от г. Льто к черниговским границам.

1 – южное Витичево городище; *2* – Сахновка; *3* – Княжичи; *4* – Русанов; *5* – Барышевка; *6* – Подолье; *7* – Пристромы; *8* – Виненцы; *9* – Войтовцы; *10* – Ташань; *11* – Калеиики; *12* – Бубновская Слободка; *13* – Золотоноша; *14* – Круподеренцы; *15* – Сазоновка; *16* – бывш. Золотоношский у.; *17* – Иржавец; *18* – Хорунжевка; *19* – Городок; *20* – Кошары; *21* – Медвежье; *22* – Бербеницы; *23* Высокие Лазирки; *24* – Гребенка; *25* – Лысая Гора

принят Н. Аристовым (1877, с. 4) и Д.А. Расовским (1933, с. 59) и, кажется, более никем серьезно не воспринимался.

Поиски Бронь Княжа также имеют несколько вариантов: это и с. Княжичи между Киевом и Борисполем-Льто (Погодин М.П., 1850, с. 271), и с. Браница в верховьях Трубежа (мнение Н.И. Надеждина и К.А. Неволина, см.: Погодин М.П., 1850, с. 271), и почему-то городище Пристромы на Трубеже (Стороженко А.В., 1900, с. 41; Коринный Н.Н., 1992, с. 244).

Согласно летописному известию 1125 г., после смерти Владимира Мономаха половцы пытались вывести торков из пределов Руси, однако Ярополку Владимировичу

удалось "тое же ночи" собрать своих кочевых конфедератов под защиту стен Баруча и Бронь Княжа, а затем разбить отступавших половцев у Полкостеня (ПСРЛ, 1982, т. I, с. 295; т. II, с. 289–298).

Бронь Княж в источниках более на упоминался, а о Баруче известия имеются: в 1171 г. Кончак и Гзак воевали у Серебрянного и Баруча (ПСРЛ, 1962, т. II, с. 569), а в конце 1135 г. черниговские Ольговичи, развязав феодальную войну против Киева и Переяславля, для начала сожгли Остерский Городец, Нежатин и Баруч (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 303; т. II, с. 295).

Из контекста приведенных сообщений понятно, что: а) оба укрепления расположены очень близко друг от друга; б) обе крепости находились достаточно недалеко от Переяславля, но не настолько, чтобы укрыть торков в тот же день: это удалось сделать только ночью; в) названные убежища размещались внутри треугольника, очерченного известными городами Остерский Городец – Серебрянный – Полкостень, но значительно ближе к первому; г) размеры убежищ должны были быть очень вместительными или они должны были обладать дополнительными защитными укреплениями, чтобы укрыть всех торков.

Вернувшись к информации 1135 г., попробуем подойти к поискам с другой стороны и хотя бы приблизительно установить местоположение Нежатина, который предшественники искали и на месте достоверно черниговского Нежина-Уненежа (Арцыбашев Н.С., 1838, с. 466; Коринный Н.Н., 1992, с. 57, 240), и на месте уже упоминавшегося с. Княжичи (Максимович М.А., 1854, с. 3; Махновецъ Л.С., 1989, с. 554), а также между реками Альтой и Супоем (Погодин М.П., 1850, с. 273; Беляев И.Д., 1852, с.92).

В 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславич, намереваясь идти походом на Юрия Долгорукого и ожидая подхода дружественных черниговских сил, двинулся с войсками из Киева через Льто на Нежатин и затем на Русотину, откуда отправил тысяцкого Улеба с разведовательной миссией в Чернигов. Далее, убедившись в коварстве черниговцев, Изяслав вернулся назад и направил в Чернигов официальное посольство (ПСРЛ, 1962, т. II, с. 344, 345). Для этого момента источники В.Н. Татищева уточнили точку возврата: Изяслав возвратился к Нежатину (Татищев В.Н., 1963, с. 173). Затем в ипатьевском тексте содержится обширная вставка о киевских событиях и убийстве Игоря Ольговича, закончившаяся уточнением, что в это время Изяслав Мстиславич стоял с войсками в верховьях Супоя (ПСРЛ, 1962, т. II, с. 354). На эту же реку, согласно сокращенной лаврентьевской версии, вернулся Улеб к Изяславу из Чернигова (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 316).

Из приведенных текстов выстраивается цепочка пунктов, указывающих направление движения Изяслава: Киев – Льто – Нежатин – Русотина, затем возвращение в верховья Супоя (по В.Н. Татищеву – к Нежатину).

Первоначальной целью Изяслава был совместный с черниговцами поход в земли Юрия Долгорукого. Этот маршрут по источникам хорошо известен: в том же 1147 г. Глеб Юрьевич обратным движением с севера следовал через Курск, Вырь, Попаш и Вьяхань на Глебль и Всеволож (ПСРЛ, 1962, т. II, с. 356). Этой же дорогой двигался Юрий Долгорукий в 1149 г.: из земель черниговских вятичей он проследовал через Ярышев и Белавежу Старую[1] в верховья р. Остра (ПСРЛ, 1962, т. II, с. 376, 377). Позже эта трасса стала настолько привычной, что по ней пустили почтовый тракт, а затем и железную дорогу. Следовательно, при первоначальном генеральном направлении движения Изяслава Мстиславича от Льто в район вырских "полю ворот" князь располагал двумя вариантами этого передвижения: или на соединение с черниговскими войсками на пограничный Остер, в район между Уненежем и Белавежей (на этот момент они были союзниками), или самостоятельная передислокация в направлении переяславского г. Ромена.

---

[1] Здесь также подразумевается общепринятая локализация Белавежи Старой в истоках р. Остра, удовлетворяющая как событийной канве, так и внутренней хронологии передвижений войск в августе 1149 г. (см.: Бережков Н.Г., 1963, с. 148).

Более вероятен первый вариант, поскольку суть несколько странного маршрута киевских войск представляется следующим образом: пока Чернигов считался союзником и обоим войскам предстояло соединение, Изяслав подвел свои рати к Русотине, к самой черниговской границе по Остру. Затем, при первом же подозрении об измене черниговских князей, он был вынужден отвести полки к верховьям Супоя, к Нежатину, поскольку слишком близкое размещение войск к Остру могло спровоцировать пограничный конфликт. И только от Нежатина, отведя воинство от Остра, можно было спокойно ожидать результатов миссии тысяцкого, а затем и направить в Чернигов официальное посольство, чтобы удостовериться в справедливости сведений Улеба на дипломатическом уровне.

В случае второго варианта первоначального движения киевских войск обратное движение Изяслава теряло всякий смысл: полки можно было остановить для ожидания в любой точке переяславских земель между Льто и Роменом.

Итак, цепочка упомянутых источниками городов выстраивается широким клином от Льто в направлении р. Остра, к промежутку между пограничными черниговскими крепостями Уненежем и Белавежей, где Русотина, предположительно, расположена вплотную к черниговской границе, а Нежатин – ближе к Киеву, в верховьях Супоя.

Видимо, именно так рассуждал еще И.Д. Беляев, размещая Русотину далеко за Трубежом и севернее верховьев Супоя (Беляев И.Д., 1852, с. 92). Других исследователей, начиная с М.А. Максимовича (1854, с. 3), "очаровали" созвучие имени летописного пункта с современным топонимом Русанов и наличие близ него остатков городища, но никто не обратил внимания на то, что Льто и Русанов разделяют всего 20 км, до остерской границы с Черниговом отсюда слишком далеко, да и места для Нежатина между ними нет.

Подобным же образом, путем подбора созвучных названий, решался и вопрос о местоположении Нежатина. В этом свете весьма поучительным представляется вариант его отождествления с Княжичами, которые расположены на полпути между Киевом и Борисполем-Льто, что само по себе противоречит показаниям источников. Более того, в процессе археологических исследований М.П. Кучерой было выяснено, что упоминаемое Л.Е. Махновцом уничтоженное городище в окрестностях этого села прослеживается как остатки неукрепленного поселения. Как "пустое селище", а не городище интерпретируются Княжичи и актовыми источниками 1570 г. (Грамоты..., 1868, № 19, с. 39). Карьер, указанный последним автором как причина гибели городища, там действительно имеется, но найденный на поселении материал целиком относится к XIII–XIV вв. (Кучера М.П., 1979, с. 2), что окончательно отметает данную локализацию.

В другом случае исследователи обратили внимание на татищевскую ремарку, под 1135 г. характеризующую Нежатин как городок на Остре (Татищев В.Н., 1963, с. 248; Коринный Н.Н., 1992, с. 248). Однако данный отрывок является не пересказом летописной фактологической канвы, а ее "толкованием", каких достаточно много у великого историка, а поэтому оно не отражено в иной редакции текста.

Старые краеведческие сведения, материалы аэрофотосъемки и современные крупномасштабные карты показывают, что в северной части Переяславской земли до сих пор сохранилось значительное количество древних земляных укреплений, однако в силу очень слабой археологической обследованности этой территории предложить сейчас памятники, достойные отождествления с Русотиной и Нежатином, невозможно; нам удалось лишь с большой долей вероятности очертить пределы той территории, где они когда-то размещались.

Возвращаясь к поискам Баруча, мы видим, что этот город следует искать в северных пределах Переяславской земли, в треугольнике между Остерским Городцом, Серебрянным и Полкостенем, но значительно ближе к Остерскому Городцу и Нежатину. Стратегический расчет Ольговичей в 1135 г. был вполне логичен: киевский стол тогда занимал сын Мономаха Ярополк, в Переяславле княжил Юрий Долгорукий, и вместе они представляли значительную силу, поэтому Ольговичи, будучи готовыми

в случае достойного отпора вернуться на свою территорию, ограничились стремительным набегом только на северные приграничные районы Переяславской земли.

Обращение к карте известных нам древнерусских городищ этой территории показывает, что искомым городам могли соответствовать только два укрепления, расположенные близ современной границы Киевской и Черниговской областей Украины.

Памятник в с. Новый Быков известен по актовым материалам 1605 г. как "городище, называемое Быков, над рекою Супоем лежачие, ест в таком добром положенью на шляхох и преправах татарских" (Николайчик Ф.Д., 1900, с. 109). Единственное обследование укрепления относится к концу XIX в. и дает представление лишь о его древности, местоположении, круглой в плане форме и громадных размерах – 220 × 227 м (Мисевский А.П., 1878, с. 238–242).

Другое городище, расположенное в 3 км южнее, у с. Петровки, также округлой формы, занимает часть острова среди заболоченной супойской поймы. Его размеры 140 × 180 м, а культурный слой содержит керамику XII–XIII вв. (Кучера М.П., 1973, с. 5, 6).

Оба городища соответствуют местоположению Баруча и Бронь Княжа по летописным источникам и расположены достаточно компактно, чтобы стать совместным убежищем на случай спасения торков. В то же время они достаточно обособлены от основных массивов русского расселения с иным способом ведения хозяйства. От Переяславля их отделяет расстояние 60 км, что вполне соответствует дневному переходу налегке и на короткие расстояния, поэтому время для проведения защитной акции "тое же ночи" вполне реально. Площадь защищенной оборонительными стенами территории городищ и ее дополнительный резерв, представленный обширным островом среди пойменных болот, для мая 1125 г. представляли значительный и обособленный запас укрытого места для торческого населения. По форме площадок и их размерам городища занимают место в статистической группе крупных русских крепостей, куда входят исключительно летописные города (Моргунов Ю.Ю., 1990, с. 100).

Из них Баруч достоверно отождествляется с островным городищем у с. Петровки, поскольку лингвистически его название этимологизируется как "болото, мокрое место между взгорьями" (Нерознак В.П., 1983, с. 17), и это весьма точно отражает топографическое расположение Баруча в пойменной ложбине между пологими склонами надпойменных террас.

Оба укрепления занимали точку схождения древних сухопутных дорог: здесь пролегал караванный путь из Киева через Льто в Волжскую Болгарию по Идриси (Рыбаков Б.А., 1969, с. 194), через Новый Быков в середине XVII в. проезжал в Московию антиохийский патриарх Макарий (Алеппский П., 1897, с. 81, 82). По актам XVII в. через городища лежал путь и в меридианальном направлении (Лазаревский А.М., 1896, с. 348). В силу такого расположения археологических памятников нас не должно смущать отсутствие соответствия древних летописных названий современным топонимическим ориентирам: они редко сохраняются вблизи крупных кочевнических путей. В окрестностях торческих центров не было и оседлого русского населения, способного через века татарского ига донести до нас элементы старых названий.

Не последнюю роль в надежности предлагаемого отождествления играет и тот факт, что оба городища расположены в области распространения слабозасоленных и маловодных черноземов, непригодных для занятия экстенсивным древнерусским земледелием, как и невозможен по солонцовой растительности и выпас крупного рогатого скота. С другой стороны, лугово-солончаковая растительность нисколько не мешала полукочевому коневодству и только способствовала овцеводству: в XIX в. в Полтавской губ. только на солонцах выращивали особые породы серебристых густошерстных овец (Богданович А.В., 1877, с. 93). В XVII в. расположенная в верховьях Супоя "Лосиновская степь" была отведена для размещения и фуражировки конницы Нежинского полка (Лазаревский А.М., 1893, с. 128); подобная тенденция сохранялась и в XIX в. (Прилукский уезд, 1891, с. 102–104). Уже сам гидроним "Супой" этимологически отражает занятия местного населения животноводством (Стрижак О.С., 1963,

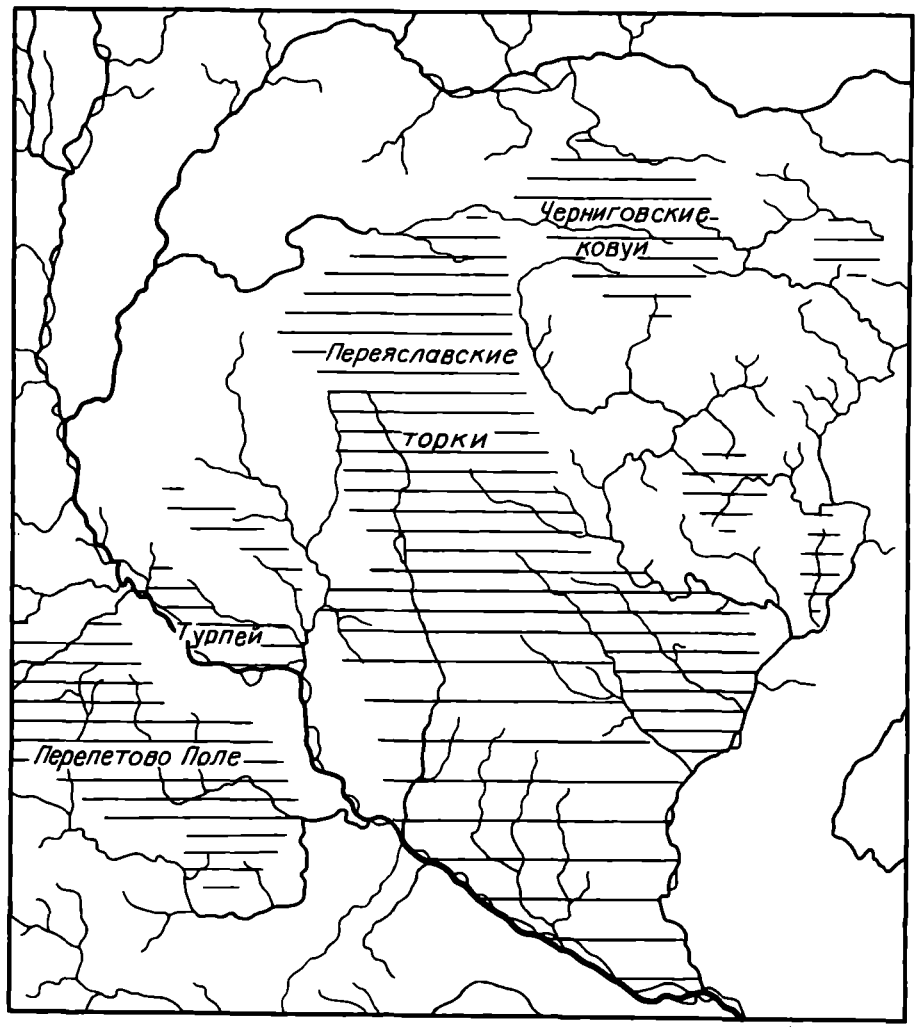


Рис. 2. Вероятные ареалы торческого расселения

с. 93). Любопытно, что массовая распашка этих мест стала считаться рентабельной только в послевоенное время на базе мощной тракторной техники, но она породила огромный пласт агротехнической литературы по борьбе с засолением почв.

Около трети течения Супоя проходит через массив слабозасоленных черноземов, подобная картина наблюдается и в прилегающих к ним верховьях рек Перевода, Оржицы, Золотоноши и Недры. Среднее и нижнее течение Супоя менее засолено, но также отличается маловодьем. Весь верхнесупойский регион резко выделяется на фоне густонаселенного Посулья и трубежского пояса почти полным отсутствием древнерусских поселений, курганных могильников и городищ.

Подобные регионы, сочетавшие ареалы степной и солонцовой растительности, уже успешно отождествлялись с местами кочевания степных конфедератов на русском пограничье (Зайцев А.К., 1975, с. 79; Моргунов Ю.Ю., 1988, с. 203). Очевидно, перед нами именно такой регион – основной район размещения переяславских торков (рис. 2).

Как мы помним, торческое расселение по русским землям началось в 60-е гг. XI в., а к 1080 г. сложилось устойчивое понятие "переяславские торки". Появление на страницах летописей торческих городов на Переяславщине знаменует завершение определенного организационного этапа в формировании территориального единства этого региона: именно к этому времени прекратились торческие "метания" и кочевники прочно вошли в феодальную структуру оседлого государства.

При описании событий 1136–1149 гг. источники отмечают качественное изменение отношения современников к степным конфедератам: оно начинает делиться на два

четко дифференцируемых представления. Первое из них законсервировало предшествующую форму фиксации наличия торческих формирований в переяславских войсках. Другое представление отражало новое веяние и вводило собой понятие территориально-этнического признака, который во всех случаях обобщенно выражался географическим представлением "Супой". Характер его употребления во многом очень близок применению расширительного смысла правобережных понятий "Поросье" и "поршане" – как территориально-этнического ареала. Характерно, что время появления в источниках обобщенного понятия "Супой" синхронно времени возникновения на Правобережье черноклобуцкого союза.

К сожалению, с середины XII в. ручеек летописных сведений о Переяславской земле постепенно начинает оскудевать, однако археологические источники показывают, что торческий супойский район был значительно обширнее. В его южной части и в направлении низовий Сулы среди маловодных степей наоднократно встречены впускные позднекочевнические погребения, интерпретируемые как торческие. Любопытно, что два погребения, у сел Круподеренцы и Сазоновка, буквально окаймляют значительный массив лугово-солончаковой растительности между верховьями рек Золотоноши и Оржицы (Моця А.П., 1990, с. 18, 19).

Особый интерес в этом свете представляют и некоторые типы городищ. Баруч и Бронь Княж являются так называемыми "болотными" (низинными) укреплениями, но встречаются и мысовые ("нагорные"), среди которых исследователями выделены этноопределимые городища, интерпретируемые как крепости или замки феодализирующейся кочевой аристократии на русской территории. Конструкция этих памятников отличается наличием дополнительных валов и рвов, созданных на склонах мысов, верхняя часть которых защищена привычной русской фортификацией.

Для древнерусского оборонительного строительства такая конструкция несвойственна, зато типична для степных градостроительных традиций (Плетнева С.А., Макарова Т.И., 1965, с. 56, 60; Плетнева С.А., 1967, с. 30, 31; Афанасьев Г.Е., 1987, с. 103). Впервые подобные конструкции были изучены на Правобережье Днепра, одном из укреплений летописного г. Витичева, а в последние годы на аналогичной по устройству крепости – знаменитой Сахновке – были найдены половецкие медные котлы, серьги степных типов и лазуритовые подвески, представляющие полный ассортимент типичного инвентаря, свойственного кочевому населению южнорусских степей (Іванченко Л.І., 1990, с. 134–136).

Для нашей темы особенно интересно, что в южной части супойского региона подобные оборонительные сооружения также нередки: городище Золотоноша снабжено двумя такими линиями на склонах мяса; верхняя из них имеет вид вала и рва, нижняя представлена эскарпом. Укрепление Бубновская Слободка дополнено остатками трех валов с напольной стороны и валом вдоль склона мыса (Кучера М.П., 1979, с. 9–11, 18). Эскарпированы и пологие склоны обширного городища Ташань (Кучера М.П., 1971, с. 2, 3), сохранившего в названии тюркскую основу (Трубачев О.Н., 1968, карта 12). Вблизи этого укрепления до конца XIX в. сохранялся большой курганный могильник (Описи..., 1987, с. 210; Переяславский уезд, 1890, с. 21), в составе которого ближе к с. Войтовцы было раскопано кочевническое погребение (Моця А.П., 1990, с. 18, 19, № 38).

В юго-восточном углу этого степного района, непосредственно на Суле, несомненные признаки "степной" фортификации имеет небольшое городище Городок близ Римова, видимо, являвшееся замком торческого князька (Моргунов Ю.Ю., 1990, с. 105) (рис. 3). Среди подъемного материала на месте ныне уничтоженного городища летописного г. Желни найдена костяная пластинка с чешуйчатым узором, характерным для носителей аскизской культуры Южной Сибири (Кызласов И.Л., 1983, с. 43; Моргунов Ю.Ю., 1996, с. 123). Несколько кочевнических находок известно и из Воиня: это и фрагмент кувшина, выполненного в салтовских традициях, и большое количество фрагментов котлов из листовой меди, и высокий процент костей овец среди остеологического материала (Довженок В.И., и др., 1966, с. 86, 100, табл. XII, *3*).

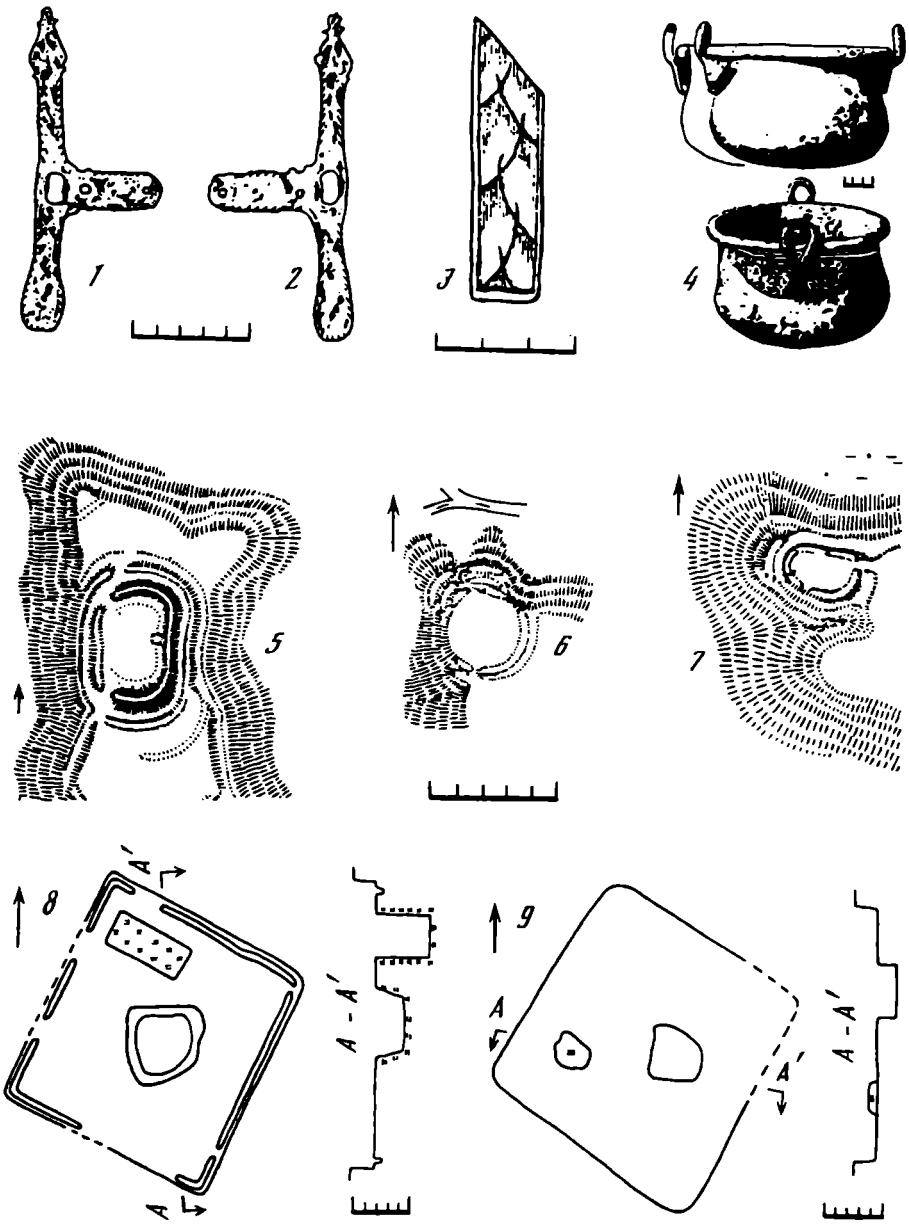


Рис. 3. Торческие древности Посулья. *1, 2, 8, 9* – Снепород; *3* – летописный г. Желни; *4, 6* – Высокие Лазирки; *5* – Бербеницы; *7* – Городок

Таким образом, весь регион засоленных и остепненных лугов, содержащий торческие древности, с севера ограничен течением Остра, а на юге он упирается в течение Днепра. Его западной границей является течение Трубежа, а восточной – поречье Удая и низовья Сулы. Следовательно, в меридиональном направлении регион насчитывал 180 км, а в поперечнике достигал 80 км. В ландшафтном отношении он представлял собой степную полосу, заселенную торческими родами, обрамленную лесистыми и густо насыщенными славянскими памятниками массивами. Характерно, что весь супойский регион до сих пор резко выделяется концентрацией тюркских гидронимов (Стрижак О.С., 1963, с. 25, 26, 69, 88; Трубачев О.Н., 1968, карта 12; Железняк І.М. и др., 1981, с. 162, 168, 172, 176).

Однако весь этот громадный регион неодинаков по характеру встречающихся здесь памятников. Начиная от Ташани и южнее ее, кроме кочевнических, встречается и большое количество древнерусских открытых поселений и курганов; известны здесь и городища. Очевидно, регион в связи с его поченно-ландшафтными особенностями

состоял как минимум из двух взаимосвязанных частей: в северной половине на луговосолончаковых просторах могли вести свое полукочевое хозяйство исключительно торки, а в южной, менее засоленной части, кочевники соседствовали с оседлым русским населением. Это объясняется и исторически: широкая приднепровская полоса еще со времен печенежской экспансии являлась наиболее древней дорогой кочевников на Русь. Частичное заселение этой полосы, пустовавшей весь предшествующий период I тыс. н.э., началось одновременно с укреплением низовий Сулы, с рубежа X–XI вв., в то время как на пустынном Среднем и Верхнем Супое торков начали размещать только после середины XI в. (рис. 2).

Более пустынный верхнесупойский район, заселенный мобильными полукочевыми сообществами и включавший несколько городов-убежищ, судя по источникам, представлял собой удобный плацдарм для подготовки походов киевских и переяславских войск на север (1147 г.), так и объектом вторжений в переяславские земли (1136 г.). Сюда через вырские "полю ворота" приходили на мир половцы в 1155 г.: "сташа по Дубницю оли до верх Супоя" (ПСРЛ, 1962, т. II, с. 481). Отсюда Юрий Долгорукий в 1149 г. в ожидании половецкой помощи перед очередным броском на юг распространял "лесть" среди переяславцев, готовя их к измене Изяславу Мстиславичу (ПСРЛ, 1962, т. II, с. 382). Таким образом, верхнесупойский участок был более ориентирован на защиту северных и особенно северо-восточных путей к Переяславлю и Киеву.

Нижнесупойско-приднепровский участок размещения торков, связывавший Переяславль с пограничной Сулой, контролировал более опасное юго-восточное направление древнейших приднепровских кочевнических путей на Русь. Одна из таких дорог, шедшая мимо городища Каленики, еще недавно называлась Цареградским трактом (Ляскоронский В.Г., 1911, с. 1). Вдоль этого направления прослеживается и цепочка укреплений, где конные гонцы могли при передаче вестей в столицу сменить лошадей: первым пунктом могли быть расположенные в 14 км от Переяславля Виненцы. За ними через 24 км к юго-востоку известно городище Каленики, а еще через 20 км – Золотоноша. Нам неизвестно последнее звено цепочки: от Золотоноши до Римова насчитывается 45 км или до Воиня – 60 км, но существование цепочки от этого не менее показательно. На этих просторах только торки, привыкшие к езде "о дву конь", могли с максимальной скоростью передавать оперативную информацию в столицу, как это, к примеру, происходило в 1148 г., когда к Мстиславу Изяславичу в Переяславль «пригнавше сторожеве, рокоша ему: "Не лежи, княже, Глеб ти пришел на тя"» (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 319).

В 80-е гг. XI в. на Суле развернулось активное строительство пограничных крепостей: к началу XII в. там археологически зафиксировано уже 24 крепостных сооружения. Одновременно с посульской границей, ставшей к этому времени основным государственным рубежом, происходило и активное заселение кочевниками супойской "пустыни", занявшей вместе с трубежским ареалом свое стратегическое место в трехчастной оборонительной структуре Переяславской земли, состоявшей из ориентированных вдоль оси степной границы трех укрепленных поясов: трубежского, супойского и посульского. Подкрепленный торческим тыловым расселением, сульский рубеж приобрел качества глубокоэшелонированной оборонительной линии.

Как мы видим, в целом территориальная структура сопредельных русских земель на обоих берегах Днепра развивалась по одинаковой оборонительной схеме: аналогом ближайшего к Киеву лесного стугненского участка являлся левобережный трубежско-остерский пояс. На переднем крае пограничья врага встречали многочисленные крепости Сулы и Роси, а между ними – на Супое и Перепетовом поле – одинаково размещались контингенты полукочевых конфедератов. Вполне сопоставимы и размеры выделенных степнякам земель; практически синхронны и время их расселения, и основные этапы их развития. Может быть благодаря несколько более раннему началу заседания Сулы и особым заботам Владимира Мономаха супойский регион первоначально развивался и несколько быстрее, но позже, из-за близости Перепетова поля к Киеву, его защите и его обитателям стало придаваться все более важное

значение. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и то, что на эти наши представления сильно влияет мнение киевских летописцев, которым события в Поросье были и ближе, и дороже, поэтому и освещались они в источниках гораздо полнее.

Кроме выделенного выше супойского торческого региона в Переяславской земле вполне вероятны и другие точки средоточия степных конфедератов.

На это указывает наличие богатого торческого погребения на восточной окраине слабозасоленного летописного Летского поля у с. Подолье (Орлов Р.С., Погорілий В.І., 1977). По периметру другого солончакового пятна, на р. Ромен (правый приток Верхней Сулы), кочевнические погребения известны у с. Кошары (Богданов А.П., 1880, с. 352) и к северу от с. Медвежье (Семенчик М., 1928, с. 40). Оба лугово-солончаковых массива располагались на торных путях к жизненно важным центрам Руси: Летским полем протянулась известная по Эймундовой саге дорога между Киевом и Переяславлем, а пороменские солонцы соседствовали с вырским проходом между верховьями Сулы и Сеймом, где позже прослеживалось одно из оживленнейших ответвлений Муравского шляха.

Впускное торческое погребение известно и на Лысой горе близ г. Лубен (Лясковронский В.Г., 1892). В этих местах междуречье Нижнего Удая и Слепорода в плане представляет собой равнобедренный треугольник со сторонами 40 км, где основанием служит течение Сулы (20 км). По продольной оси этой геометрической фигуры русские войска двигались в степи в 1111 г., а в 1125 г. этой же дорогой половцы мимо Полкостеня пытались вернуться домой. Восточная половина этого района в древности была покрыта лесами и, будучи сильно расчлененной овражно-балочной сетью, создавала идеальные условия для укрытия оседлого населения и слежения за левобережными степями. Западная половина треугольника – это плоская степная равнина, завершенная между Полкостенем и Пирятином узкой трехкилометровой горловиной, сжатой болотистыми берегами двух рек. Эта западная половина представляла идеальное место для размещения торческих отрядов на случай прорыва сульского кордона и для охраны оживленного военного и торгового пути.

Похожий степной участок примыкает к Суле между впадением в нее Слепорода и Оржицы; он имеет в плане форму прямоугольника длиной 50 км. Его наиболее узкая сторона, открытая в направлении Переяславля, заперта 10-километровым промежутком между укреплениями Пирятина и Гребенки. На противоположной 20-километровой стороне прямоугольника размещены летописные города Лукомль и Слепород, защищавшие "татарские шляхи" на сульских бродах. Среди инвентаря слепородского укрепления нами встречены любопытные находки, проливающие свет на отдельные стороны этнического состава его населения. Так, в постройках 1 и 6 на посаде были найдены прямые железные псалии енисейского типа, совмещенные с накладками для нащечного ремня. Псалии уплощенные, с кеглевидными навершиями и округлоконечными нижними завершениями. Подобные детали конской упряжи характерны исключительно для черновского периода аскизской культуры Южной Сибири середины XII – начала XIII в. и в других культурах неизвестны (Кызласов И.Л., 1983, с. 45, 56), (рис. 3).

Постройка № 6, в заполнении которой найден один из псалиев, резко отличалась от рядовых древнерусских жилищ. Ее квадратный в плане неглубокий котлован со сторонами длиной около 4 м ориентирован углами по сторонам света. Вдоль внутренних стен котлована прослежены узкие неровные канавки от турлучных или плетневых стен; в центре постройки расчищен углубленный округлый очаг. Другое устройство, схожее с отопительными, расположено в северном углу жилища: в плане оно имело вид правильного прямоугольника, строго вертикальные стенки сохранили следы сильной прокаленности. Подобные постройки характерны для салтово-маяцкого населения бассейнов Северского Донца и Дона: буквально совпадают со степными образцами конструкция стен, форма и размеры котлована (Плетнева С.А., 1967, с. 59–61; Нечаева Л.Г., 1975, с. 28, 31). Близкую, но более упрощенную конструкцию имеет и постройка 9 на том же памятнике.

Представленные находки и отдельные постройки убедительно показывают, что на посаде русской сторожевой крепости кроме славянского населения проживали и выходцы из степей, которые несли сторожевую службу на данном участке границы. В приведенном случае им была предоставлена возможность проживания в черте русского города, а для ведения полукочевого хозяйства имелось место в прилегающей к границе 50-километровой степной полосе.

Севернее Слепорода, близ летописной Лохвицы, известно городище Бербеницы, расположенное на зафиксированной инженером Г.Л. де Бопланом степной дороге на Варин. Оно, как и форпост Высокие Лазирки в том же районе, резко отличается особенностями фортификации от русских крепостей и напоминает нам о степных градостроительных традициях. На последнем городище был найден медный кочевнический котел, а прилегающая к памятнику значительная часть поречья Сулицы с ее лугово-солончаковой растительностью в свое время убедительно отождествилась с известной по источникам XVI в. "землей Чобановской" (Моргунов Ю.Ю., 1988, с. 196, 203). С этим ареалом связывается целый ряд наблюдений, вероятно, относящихся к степным конфедератам. Так, на присульской стороне Чобановской земли, в с. Сенча, сохранившем в своем названии тюркизированную основу (Стрижак О.С., 1963, с. 80), располагалось городище летописного г. Синец, в Никоновской летописи упомянутого как "митрополичий город Синелец" (Грушевский М.С., 1992, с. 356). С юга земли торков ограничены урочищем "Княжая гора" близ летописного г. Кснятина. Укрепление Высокие Лазирки, устроенное у твердого сульского брода и связанное бопланową дорогой с Бербеницами и Варином, расположено на другой стороне обширного лугово-солончакового "Чобановского" массива, который в итоге оказался окруженным пятью русскими крепостями и митрополичьим городом, столь уместным близ скопления "своих поганых". Столь высокая степень защищенности торческого ареала – уникальное явление и логически могла быть уместной на наиболее раннем этапе расселения кочевников, в пору их трудного врастания в феодальную систему, в период метаний между степью и Русью и самого начала их христианизации.

Вероятно, с накоплением археологических материалов количество подобных кочевнических районов значительно возрастет, поскольку в условиях степного пограничья оседлое древнерусское государство испытывало особую нужду в выдвинутых в степи сторожевых разъездах и формировании соединений легкой конницы для кавалерийского авангарда или отбивания половецкого полона. Помочь в этом важном деле могли только торки, аналогичные половцам по вооружению и тактике ведения конного боя, но для этого конфедератам была нужна уверенность в безопасности их веж с женами и детьми на островках защищаемой ими же русской территории.

Как нами выснено, эти торческие островки обычно приурочивались к привычным для кочевников лугово-солончаковым землям, где было удобно заниматься полукочевым скотоводством вдали от чуждых им земледельческих районов, а также к маловодным пространствам остепненных лугов близ небольших речных потоков, где экстенсивное славянское земледелие было нерентабельным.

Таким образом достигалось максимальное использование земельного фонда, заселялись доселе необжитые внутренние районы, где ранее могли концентрироваться прорвавшиеся через границу половецкие отряды, а также достигалась территориальная дифференциация оседлого и кочевого расселения, что было особенно важно на первых этапах их соседства, когда разнотипность хозяйственной деятельности, этнических традиций и низкий уровень христианизации могли привести к вспышкам антагонизма. Как правило, эти торческие островки располагались несколько оттянуто от линии границ, были максимально связаны с устойчивыми трассами степных дорог и ныне фиксируются наличием укреплений с привычной кочевникам фортификацией, погребений с необычным для славян обрядом, концентрацией характерного для степей инвентаря и сохранившейся до сих пор тюркской топонимикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алеппский П., 1897. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Вып. 2. М.

Андріяшев О., 1931. Нарис історії колонізації Переяславської землі до початку XVI ст. // Записки історико-філологічного відділу ВУАН. Кн. XXVI. Київ.

Аристов Н., 1877. О земле половецкой. Киев.

Арцыбашев Н.С., 1838. Повествование о России. Т. I. Кн. 2. М.

Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.

Барсов Н.П., 1873. Очерки русской исторической географии. Варш.

Беляев И.Д., 1852. О географических сведениях в древней России. СПб.

Бережков Н.Г., 1963. Хронология русского летописания. М.

Богданов А.П., 1880. Курганные жители северянской земли по раскопкам в Черниговской губ. // ИОЛЕАЭ. Т. XXXV.

Богданович А.В., 1877. Сборник сведений о Полтавской губернии. Полтава.

Васильевский В.Г., 1908. Византия и печенеги // Труды. Т. I. СПб.

Грамота Сигизмунда Августа, 1868 // Грамоты великих князей Литовских с 1390 по 1569 г. Киев.

Грушевський М.С., 1992. Історія України–Руси. Київ.

Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966. Давньоруське місто Воінь. Киев.

Железняк І.М., Корепанова А.П., Масенко Л.Г., 1981. Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектных зв'язках. Київ.

Зайцев А.К., 1975. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.

Іванченко Л.І., 1990. Давньоруське городище поблизу о. Сахнівка на Росі // Археологія. № 3.

Коринный Н.Н., 1992. Переяславская земля. X–I пол. XIII века. Киев.

Кучера М.П., 1971. Звіт про роботу розвідзагону по обстежению городищ Київщини у 1971 р. // НА НАНУ. 1971/17. № 5950.

Кучера М.П., 1973. Звіт про роботу розвідзагону по обстежению городищ Київщини у 1973 р. // НА НАНУ. 1973/18а. № 6799.

Кучера М.П., 1979. Отчет о работе экспедиции по исследованию змиевых валов в 1979 г. // НА НАНУ. 1979/24. № 9747.

Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. // САИ. Е3–18.

Лазаревский А.М., 1893. Описание Старой Малороссии. Т. II. Киев.

Лазаревский А.М., 1896. Лубенщина и князья Вишневецкие // КС. № 3.

Лерберг А.Х., 1819. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб.

Ляскоронский В.Г., 1892. Археологические раскопки близ г. Лубен Полтавской губ. в кроч. Лысая гора // Киевская Старина. Киев.

Ляскоронский В.Г., 1905. К вопросу о переяславских торках. СПб.

Ляскоронский В.Г., 1911. Городища, курганы, майданы и длинные (змиевые) валы в области Днепровского Левобережья // Тр. XIV АС. Т. 3. М.

Максимович М.А., 1854. О десяти городах и некоторых селах древней Украины // Московитянин. № 1–2. М.

Махновець Л.С., 1989. Літопис руський. Пер. Л.С. Махновца. Киев.

Мисевский А.П., 1878. О трех городищах в Козелецком уезде // Труды III АС. Т. 1. Киев.

Моргунов Ю.Ю., 1988. Древнерусские городища окрестностей летописного г. Лохвицы // СА. № 2.

Моргунов Ю.Ю., 1990. Функциональное назначение пограничных городищ Юго-Восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава.

Моргунов Ю.Ю., 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск.

Моця А.П., 1990. Погребальные памятники южно-русских земель. Киев.

Нерознак В.П., 1983. Названия древнерусских городов. М.

Нечаева Л.Г., 1975. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.

Николайчик Ф.Д., 1900. Материалы по истории землевладения кн. Вишневецких на Левобережье Украины // ЧОНЛ. Кн. XIV.

Описи Київського намісництва 70–80 рр. XVIII ст., 1989. Київ.
Орлов Р.С., Погорілий В.І., 1977. Поховання кочівника поблизу с. Поділля на Київщині // Археологія. Вып. 24.
Переяславский уезд, 1890 // Сборник по хозяйственной статистике Полтавской губ. Т. X. Полтава.
Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1.
Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Е1–19.
Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. М.
Плетнева С.А., Макарова Т.И., 1965. Южное городище у с. Витачева // КСИА. Вып. 104.
Погодин М.П., 1850. Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 гг. // Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. IV. М.
Прилукский уезд, 1891 // Сборник по хозяйственной статистике Полтавской губ. Т. IX. Полтава.
ПСРЛ, 1962. Т. I. М.
ПСРЛ, 1962. Т. II. М.
Расовский Д.А., 1927. О роли черных клобуков в истории Древней Руси // Seminarium Kondakovianum. I. Praque.
Расовский Д.А., 1933. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum. VI. Praha.
Расовский Д.А., 1935. Половцы I // Seminarium Kondakovianum. VII. Praha.
Рыбаков Б.А., 1969. Путь из Болгара в Киев // Древности Восточной Европы. М.
Семенчик М.М., 1928. Короткий опис археологічних пам'яток Верхнього Посулля року 1928 // Архив Роменского краеведческого музея.
Стороженко А.В., 1900. Очерки переяславской старины. Киев.
Стрижак О.С., 1963. Назви річок Полтавщини. Київ.
Татищев В.Н., 1963. История Российская. Т. II. М.
Татищев В.Н., 1964. История Российская. Т. IV. М.
Трубачев О.Н., 1968. Названия рек Правобережной Украины. М.

Институт археологии РАН,
Москва

Yu.Yu. MORGUNOV

ONCE MORE ON THE PEREYASLAVL TORKS

Summary

The literary references on the Pereyaslavl Torks are numerous but rather too general in character. Still there exists some material which enables us to clear the ideas once formed. In search of ancient Tork towns of Barucha and Bron' Knyazha the fortified settlements of Petrovica and Novy Bykov should be pointed out. Both are located on the Supoy river. Similar soil and floral conditions are typical of the areas occupied by the nomades settled on Russian lands. On the Lower Supoy and along the Dnieper ethnically determined fortified sites are known characterized by specific steppic pattern of fortification, as well as secondary Tork burials. It was there along the early nomadic routes to ancient Rus' where steppic confederates lived in neighbourly relations with settled Slavic population. Some Torks-inhabited regions existed along the Sula river frontier as well, all of them are related to slightly saline or arid soils. These sites were located along the routes and performed the role of second defencive border-line. Creation of frontier territories inhabited by the nomadic peoples had great positive effect on the formation of Pereyaslavl defencive system which guarded reliably the settled Russian population from the martial Polovtsy.

Т.А.ЧУКОВА

МАЛЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ АЛТАРЕЙ ХРАМОВ СМОЛЕНСКА XII – НАЧАЛА XIII в.
(по археологическим данным)

Ныне известно около двухсот древнерусских храмов домонгольского времени (Раппопорт П.А., 1982а). Сохранность этих памятников различна, но общим является то, что все они в той или иной степени, как правило, полностью, утратили малые архитектурные формы своих интерьеров, в том числе и литургические устройства, средоточием которых являлся алтарь, и которые с наибольшей полнотой отражали идейное содержание и функциональное назначение христианского храма. Так, фрагменты и следы алтарных преград были открыты лишь в 26 памятниках, престолов – в 34, киворіев и запрестольных крестов – в 3, синтронов – в 33, угольников – 6.

Ни один другой архитектурный центр домонгольской Руси, кроме Новгорода, не дал такой представительной выборки археологических данных по рассматриваемой теме, как Смоленск. В результате археологических работ здесь были открыты фрагменты и следы 5 алтарных преград (приделы галерей церкви Ивана Богослова, церковь Василия на Смядыни, собор на Протоке, церковь на Воскресенской горе), 13 престолов (церкви Петра и Павла, Бесстолпная, Ивана Богослова, Василия на Смядыни, на ул. Соболева, собор на Протоке, церковь на Окопном кладбище), 8 синтронов (церкви Петра и Павла, Бесстолпная, Ивана Богослова, Василия на Смядыни, соборы Троицкого монастыря на Кловке, на Протоке, церкви на Окопном кладбище, на Воскресенской горе) и др. (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979; Сапожников Н.В., 1998а, с. 100, 101; 1998б, с. 219, 223, 224; Раскопки...; Раппопорт П.А., 1964; 1965; 1967; 1972; 1973; Воронин Н.Н., 1963; 1966).

В трех храмах Смоленска (церковь Василия на Смядыни, собор на Протоке, церковь на Воскресенской горе; рис. 1; 2) зафиксированные археологически *алтарные преграды* были деревянными. Подавляющее большинство известных домонгольских темплонов были сооружены из дерева; преграды из дерева отмечены в Среднем Поднепровье, в памятниках Северо-Запада, Гродно. В одном храме Смоленска (церковь Ивана Богослова; рис. 3), в приделах галерей, были зафиксированы преграды из плинфы (кроме Смоленска, плинфяная преграда была предположительно открыта лишь в Спасской церкви в Переяславле-Хмельницком).

В соборе на Протоке и в церкви на Воскресенской горе преграды располагались по всей ширине здания и западнее предалтарных столбов (при этом вынос преграды на запад мог быть значительным; так, в церкви на Протоке он достигал 45–50 см, включая столбы целиком в зону алтаря), в церкви Василия на Смядыни преграда, вероятно, располагалась только перед центральной апсидой и между предалтарными столбами. Все три храма были расписаны, следовательно, расположение преград относительно предалтарных столбов, западнее или восточнее их западных граней, не было связано с наличием или отсутствием на столбах фрески. Близость дает возведения рассматриваемых смоленских памятников свидетельствует о том, что расположение алтарных преград не является признаком хронологическим. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что между столбами преграда размещалась в случае, если она сооружалась только перед центральной апсидой, когда же преграда располагалась по всей ширине храма, она столбами не размыкалась. Первый

© Т.А. Чукова, 2000 г.

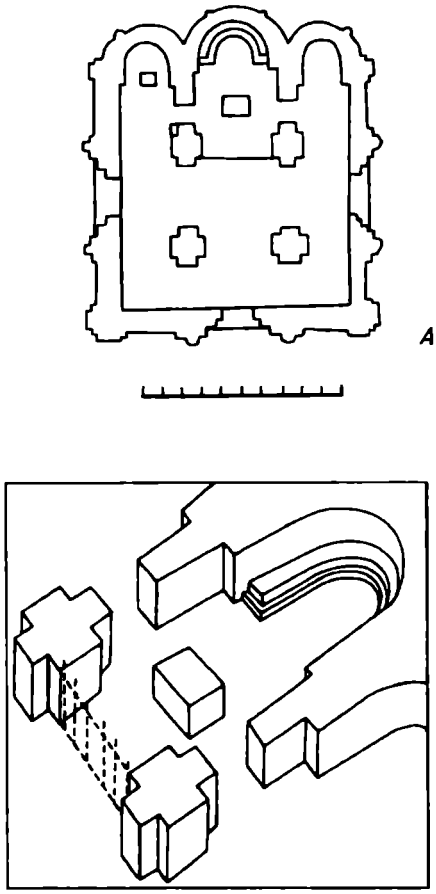


Рис. 1. Церковь Василия на Смядыни. *А* – план; *Б* – схематическая реконструкция алтарной части храма

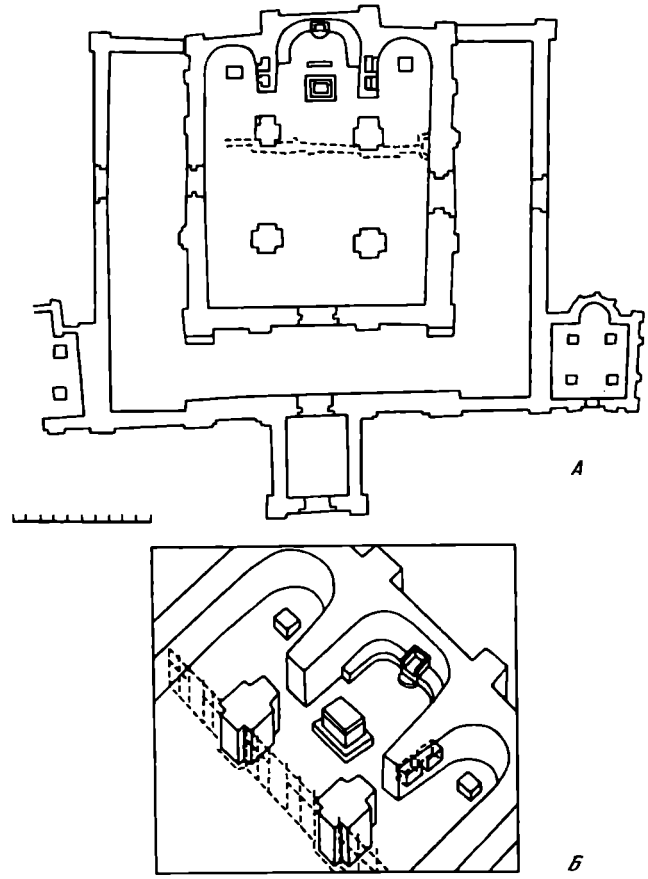


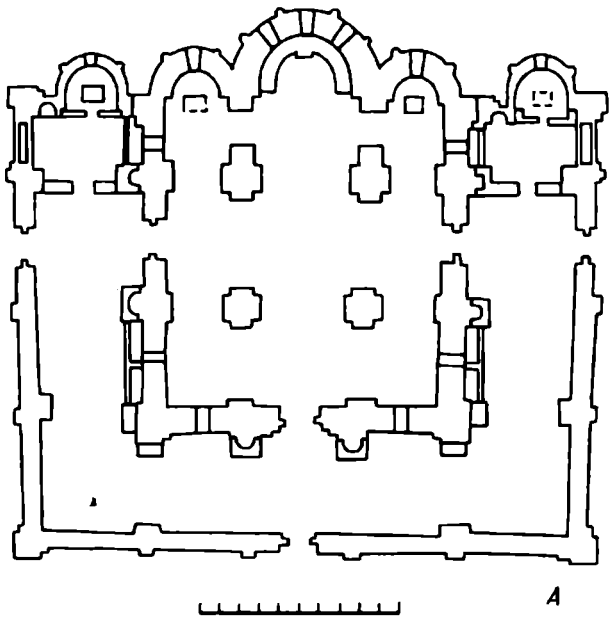
Рис. 2. Собор на Протоке. *А* – план; *Б* – схематическая реконструкция алтарной части храма

из этих вариантов отмечен в Софийском соборе в Киеве, и, возможно, его следует рассматривать для памятника 80-х годов XII в. (церковь Василия на Смядыни) как архаизирующий, в то время как второй вариант известен в домонгольских памятниках не позднее чем с первой четверти XII в.

Композиционно деревянные алтарные преграды реконструируются даже на уровне типа лишь в редких случаях. Из смоленских преград только преграда собора на Протоке дает для этого некоторые основания. Кроме местоположения и ширины основания преграды было установлено, что она крепилась в закрестья предалтарных столбов, хотя характер этих креплений не выявлен. Конструкция преграды включала вертикальные стойки, о чем свидетельствует зафиксированный отпечаток одной из них, крайней, вероятно, четырехугольной в сечении: "отпечатались грани вертикальной деревянной стойки" (Воронин Н.Н., 1977, с. 21).

Н.Н. Воронин, основываясь на этих данных, поставил вопрос об имитации смоленскими деревянными преградами каменной "с ее архитравом на колоннах" (Воронин Н.Н., 1977, с. 21). Это предположение выглядит не обеспеченным конкретными натурными данными, но кажется убедительным в общерусском контексте, прежде всего, в свете памятников Северо-Запада с их высокими деревянными темплонами (Ковалева В.М., 1977, с. 55–64).

Галереи церкви Ивана Богослова сохранили редкие, если не уникальные, для древнерусского домонгольского зодчества преграды из плинфы в виде невысоких (около метра) стенок, оштукатуренных и расписанных (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979, с. 123, 125, 126).



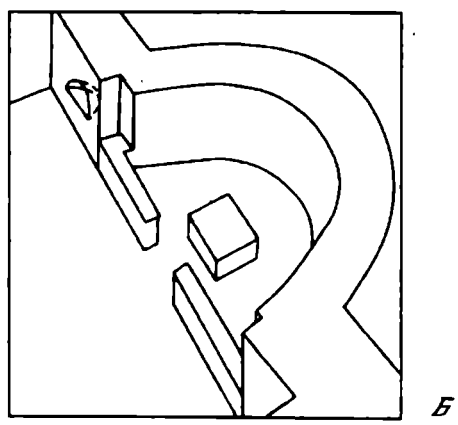
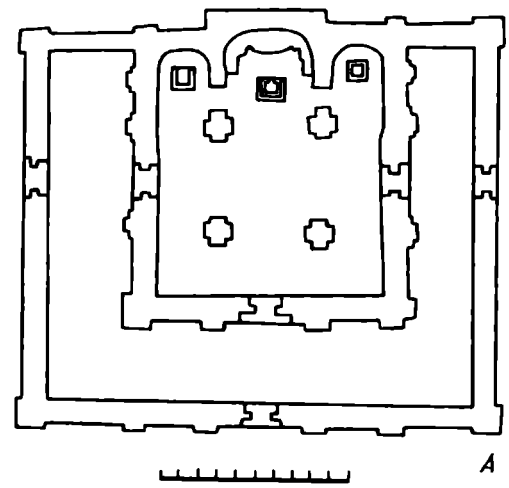


Рис. 3. Церковь Ивана Богослова. *А* – план; *Б* – схематическая реконструкция алтарной части северной галереи храма



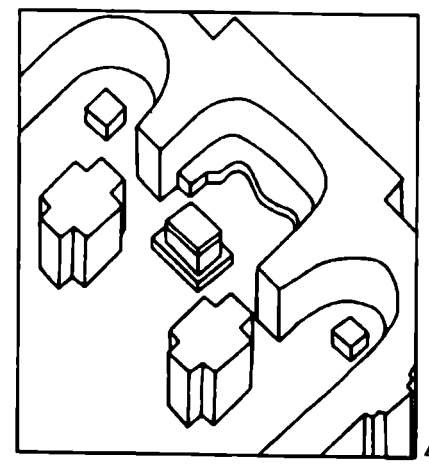


Рис. 4. Церковь на Окопном кладбище. *А* – план; *Б* – схематическая реконструкция алтарной части храма

Фрагменты *престолов* XII – начала XIII в. были открыты в семи памятниках Смоленска (церкви Петра и Павла, Бесстолпная, Ивана Богослова, Василия на Смядыни, на ул. Соболева, собор на Протоке, церковь на Окопном кладбище). Все смоленские престолы сложены из плинфы, и в тех случаях, когда возможно определить тип их конструкции, это престолы-ковчеги (верхняя горизонтальная плита престола опирается на три или четыре вертикальные стенки), характерные для древнерусских памятников XII – начала XIII в. (15 из 18).

Наиболее полно были исследованы престолы собора на Протоке и церкви на Окопном кладбище (рис. 2; 4). Среди особенностей, дающих основание для выводов о том, что эти два памятника построены "в очень близкое время и, видимо, одной строительной артелью" (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979, с. 299). Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт отметили и организацию восточной части храмов (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979, с. 298, 299). Во всех трех апсидах каждого из них были открыты престолы. Атрибуция конструкций в боковых апсидах этих памятников как придельных престолов основывается нами на том, что существование традиции придельных алтарей в домонгольской Руси зафиксировано письменными источниками и подтверждено археологически (Чукова Т.А., 1994, с. 75–77). По мнению А.В. Поппэ, придельный алтарь, посвященный Св. Клименту, был уже в Десятинной церкви в Киев (Поппэ А.В., 1968, с. 87).

Алтарная преграда собора на Протоке располагалась не только перед центральной, но и перед боковыми апсидами, что также косвенно свидетельствует о том, что эти боковые апсиды могли быть придельными алтарями. В византийской архитектуре, как в столичной, так и в провинциальной, известны храмы с тремя апсидами, каждая из которых была алтарем. Общим моментом для таких памятников является использование ниш, находящихся как вне, так и внутри апсид, для совершения проскомидия (Mathews T., 1982, p. 134). Примеры таких предполагаемых ниш-протезисов известны в древнерусских домонгольских памятниках. В соборе на Протоке ниши с дополнительными камерами-углублениями были устроены в южной стене северной апсиды и в северной стене южной апсиды; ниши располагались на высоте около 1 м над полом (в церкви на Окопном кладбище соответствующие стены на уровне возможных ниш не сохранились). Эти ниши могли использоваться для проскомидии литургий, служившихся как в главном, так и в придельных алтарях. Как правило, ниши-протезисы располагаются слева (севернее) от алтаря, но в рассматриваемый период схема, согласно которой жертвенник размещался слева (севернее), а диаконник справа (южнее) от алтаря, в восточнохристианской церкви не была жесткой (Descoeudres G., 1983, p. 156). Допустимым, вероятно, было и расположение проскомидийных ниш справа от престола.

Т. Мэтьюз соотносит появление многопрестольных храмов, в том числе и трехапсидных, с алтарями в каждой из апсид, с вытеснением из каждодневной богослужебной практики (не воскресной и праздничной) "общественной" службы "частной". Начало этого процесса связывается прежде всего с монастырями (Mathews T., 1982, p. 127). Н.Н. Ворониным и П.А. Раппопортом высказывалось предположение, что собор на Протоке и церковь на Окопном кладбище были монастырскими храмами (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979, с. 407). Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт по поводу собора на Протоке также отметили, что "обилие аркосолиев в стенах храма и галереях, а также погребения под полами комплекса превращают храм по преимуществу в мавзолей" (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979, с. 327). Многочисленность погребений, использование собора как усыпальницы, вероятно, обусловило необходимость частых заупокойных служб, возможно, не одной в день (не считая литургии), что определяло появление придельных алтарей. К сожалению, мы не можем сопоставить собор на Протоке и церковь на Окопном кладбище с другими монастырскими соборами Смоленска (соборы Борисоглебского монастыря на Смядыне, Спасского монастыря у д. Чернушки, Троицкого монастыря на Кловке, возможно, собор на ул. Большой Краснофлотской), так как ни один из них не сохранил свои древние престолы.

В соборе на Протоке и церкви на Окопном кладбище престолы в центральной и боковых апсидах при принципиальном единстве конструкций (ковчег) имели ряд различий. Так, центральные престолы были подняты на идущую по периметру ступень, в то время как престолы в боковых апсидах были ее лишены. Центральный престол церкви на Окопном кладбище был оштукатурен и расписан, боковые оштукатурены, но не расписаны (к сожалению, плохая сохранность росписи не позволяет ее реконструировать, отмечены лишь следы ярко-красной и желтой красок). Штукатурка без следов росписи зафиксирована и на боковых престолах собора на Протоке, что же касается главного престола храма, то ни в опубликованных, ни в архивных материалах не упомянуто отсутствие или наличие на нем штукатурки или ее следов. Следует отметить, что из семи престолов домонгольского времени, на которых in situ была зафиксирована штукатурка, только два были расписаны (центральные престолы Софийского собора в Новгороде и церкви на Окопном кладбище в Смоленске). Нетипичность престола, украшенного фреской, подтверждается и тем, что оштукатуренные, но нерасписанные престолы отмечены и в храмах, стены которых расписывались (Спасская церковь в Переяславе-Хмельницком, церковь на Ладожке в Старой Ладоге). Таким образом, церковь на Окопном кладбище демонстрирует редкий образец престола, в убранстве которого использовалась фреска. Поскольку ступень и фреска зафиксированы только у конструкций в центральных апсидах, ступень и роспись могут

рассматриваться здесь либо как атрибуты престола, отличающие его от жертвенника, служебного стола, либо как отражение иерархии престолов (главный – придельные). При этом следует отметить, что ступень не является ни в византийских, ни в древнерусских памятниках непременной деталью престола. В домонгольских памятниках она зафиксирована лишь в пяти случаях, четыре из которых отмечены в Смоленске и, возможно, престол со ступенью следует рассматривать как местную особенность, архитектурную или обрядовую. Вместе с тем, поскольку престолы со ступенями были открыты в Смоленске в храмах, два из которых, по предположению Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта, были монастырскими: собор на Протоке и церковь на Окопном кладбище, а два – дворцовые: Бесстолпная церковь в детинце и церковь Ивана Богослова (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979, с. 102, 133, 134, 327), ступень, вероятно, не является признаком, отражающим статус храма.

Следует отметить единообразие в расположении престолов обоих памятников: главные вынесены несколько западнее линии торцов боковых стен центральной апсиды, придельные располагаются восточнее центральных, внутри боковых апсид. Сопоставление размеров престолов по позициям: центральный (главный) – боковые (придельные); памятник – памятник (собор на Протоке – церковь на Окопном кладбище): центральные – 103 × 149/100 × 114, северные – 112 × 125/100 × 108, южные – 110 × 115/85 × 87) позволяет отметить: центральные престолы могут незначительно превосходить по абсолютным размерам боковые, а также совпадать или даже уступать им по отдельным параметрам; таким образом, иерархия престолов (главный – придельные) не отразилась в размерах конструкций; не отмечено какой-либо закономерности и в пропорциях престолов; 2) как абсолютные размеры, так и пропорции престолов двух храмов сходны, но не совпадают.

В связи с этим вспомним, что Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт, исследовавшие памятники, отмечали их явное сходство и предполагали для обоих храмов авторство одной строительной артели. В том случае, если это предположение верно, несовпадение абсолютных размеров и пропорций престолов свидетельствует об отсутствии постоянной "меры" при сооружении престолов даже в рамках одной артели, об обусловленности этой "меры" в каждом случае неизвестными нам факторами или об отсутствии какой-либо закономерности в выборе этой "меры" (в последнем случае размеры конструкции могли быть связаны, например, с размерами имеющейся в распоряжении мастеров каменной плиты, используемой для покрытия престола).

Расположение смоленских престолов относительно боковых стен центральной апсиды также отмечено вариантностью: престол целиком располагается вне апсиды, при этом его восточная грань совпадает с линией торцов боковых стен апсиды: церковь Петра и Павла (рис. 5); престол целиком располагается в апсиде: Бесстолпная церковь (рис. 6); престол частично располагается в апсиде, выступая западнее линии торцов ее боковых стен: церковь Василия на Смядыни, собор на Протоке, церковь на Окопном кладбище (рис. 1; 2; 4).

Отметим, что первый из рассмотренных вариантов отмечен лишь однажды не только для Смоленска, но и для домонгольских памятников в целом.

С престолами тесно связаны (семантически и конструктивно) кивории – наименее обеспеченная археологическими данными категория малых архитектурных форм интерьера домонгольского храма. Достоверные следы конструкций киворий зафиксированы в Спасском соборе в Чернигове (Холостенко Н.В., 1974, с. 199), Софийском соборе в Новгороде (Штендер Г.М., 1968, с. 88), "Старой кафедре" во Владимире Волынском (Об исследовании развалин..., 1886). Во всех этих памятниках кивории были выполнены из дерева и имели четыре столба-опоры. Даже если иметь в виду, что следы киворий в силу особенностей их конструкций сохранялись редко или почему-либо не всегда фиксировались при археологических исследованиях, обращает на себя внимание малочисленность памятников, в которых эти следы были найдены. Еще Е.Е. Голубинский отмечал, что в домонгольский период "небо" (т.е. материя, подвешиваемая над престолом) преобладало над киториями (Голубинский Е.Е., 1904,

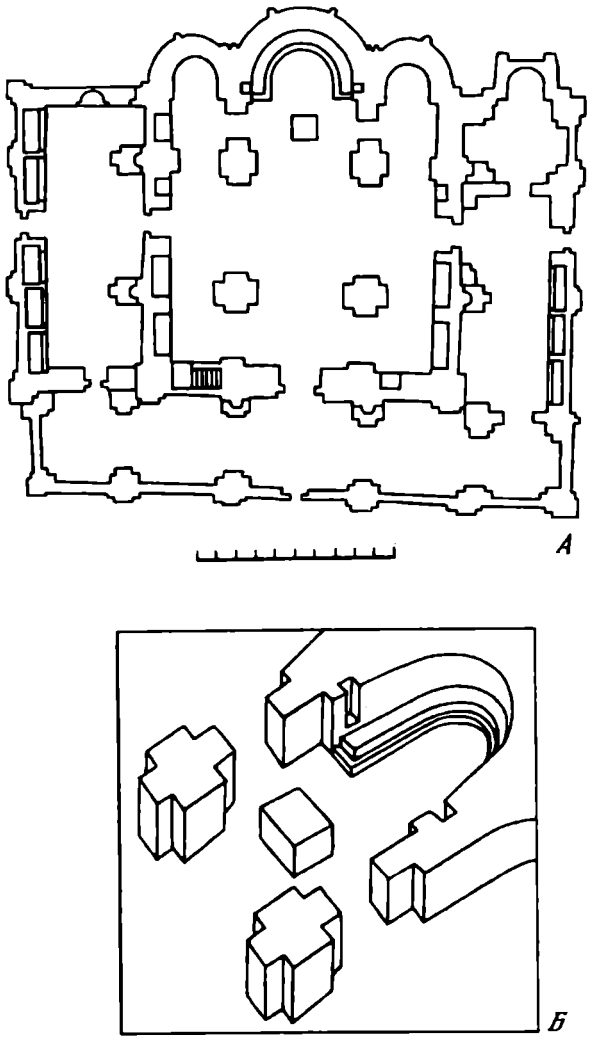


Рис. 5. Церковь Петра и Павла. *А* – план; *Б* – схематическая реконструкция алтарной части храма

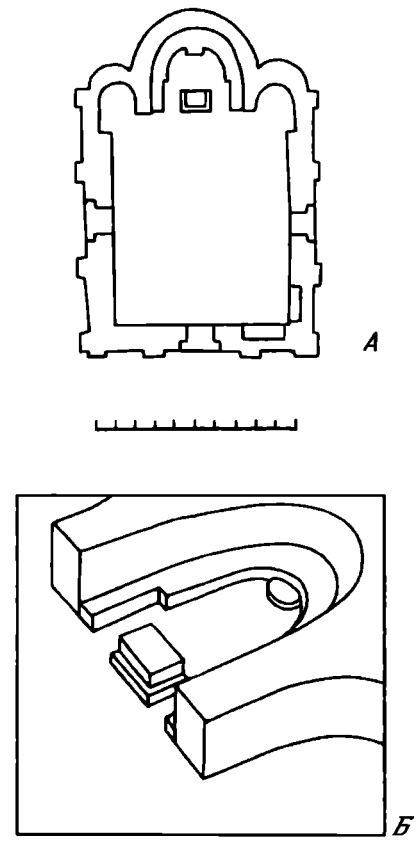


Рис. 6. Бесстолпная церковь в детнице. *А* – план; *Б* – схематическая реконструкция алтарной части храма

с. 170, 171). Устройство кивория, по мнению Е.Е. Голубинского, основанном на данных письменных источников, считалось "делом необыкновенным, летописным или историческим" (Голубинский Е.Е., 1904, с. 171). Некоторые из храмов, кивории которых упоминаются в летописях, первоначально их не имели в течение долгого времени. Так, киворий Софийского собора в Новгороде был сооружен лишь в середине XII в. при епископе Нифонте (Голубинский Е.Е., 1904, с. 171). Архитектурно-археологические исследования Г.М. Штендера подтвердили эти летописные данные (Штендер Г.М., 1968, с. 88). П.А. Раппопорт предполагал, что именно в это время Нифонт приглашает в Новгород византийского зодчего, возглавившего местную строительную артель (Раппопорт П.А., 1982б, с. 201). Вероятно, и работы в интерьере Софийского собора в середине XII в. (настилка мозаичных полов, переделка синтрона, сооружение нового престола и кивория) были проведены под руководством этого зодчего-грека, чем и может быть обусловлено появление в соборе кивория, традиционного для византийского храмового интерьера. Обращает на себя внимание и то, что бесспорные следы кивория найдены именно в Спаском соборе в Чернигове, в котором, как отмечает А.И. Комеч, черты византийской архитектуры "выступают так ясно и полно", как "ни в одном другом памятнике Киевской Руси XI–XII в.", и который, по мнению А.И. Комеча, строили константинопольские мастера (Комеч А.И., 1975, с. 11, 14).

Возможно, для русских строителей и заказчиков киворий не представлялся таким непременным атрибутом храмового интерьера, как для греков. "Монументальный" киворий мог заменяться сенью или напрестольным киворием, что предполагал еще Е.Е. Голубинский (1904, с. 170). Вместе с тем, если колонки большого деревянного кивория не заделывались в пол, а устанавливались на него или ступень престола, киворий такой конструкции также не мог быть зафиксирован археологически.

Отсутствие следов киворий, при сохранности других малых архитектурных форм алтаря, в том числе и деревянных, в целом ряде памятников Смоленска свидетельствует об отсутствии здесь традиции "монументальных" киворий и о возможной замене их легкими конструкциями деревянных киворий или "небом".

В двух храмах (собор на Протоке и церковь на Окопном кладбище (рис. 2, 4) были зафиксированы следы *запрестольных крестов* или *икон*. В одном случае (собор на Протоке) – это "полоса", выбитая в полу из поливных плиток, в другом (церковь на Окопном кладбище) – участок пола, не покрытый плитками изначально в процессе их укладки; т.е. здесь место для предполагаемых запрестольных креста или иконы было подготовлено уже при устройстве пола (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979, с. 298, 305). Подобная деталь архитектуры алтаря была отмечена еще лишь однажды – в Софийском соборе в Новгороде, хотя там она имела несколько иной характер. Таким образом, собор на Протоке и церковь на Окопном кладбище демонстрируют редкий для домонгольского зодчества компонент храмового интерьера, причем в своеобразной его интерпретации.

Одна из наименее изученных категорий малых архитектурных форм алтаря в средневековых восточнохристианских храмах – *синтроны*. Вместе с тем, как полагал Е.Е. Голубинский, в X–XIII вв. в "греческой церкви" синтрон составлял "необходимую и существенную принадлежность храма" (Голубинский Е.Е., 1904, с. 178). В Смоленске была получена самая большая для домонгольского времени серия археологических данных о синтронах, открытых здесь в восьми памятниках (для сравнения: в Киеве известно три памятника, в которых были зафиксированы синтроны, в Переяславе-Хмельницком, Новгороде, Старой Ладоге – по два, в Чернигове, Пскове и ряде других городов – по одному): церкви Петра и Павла, Бесстолпная, Ивана Богослова, Василия на Смядыни, соборы Троицкого монастыря на Кловке, на Протоке, церкви на Окопном кладбище, на Воскресенской горе (рис. 1–6). Смоленские синтроны сложены из плинфы. Как и все синтроны XII – первой трети XIII в., они имеют один уровень скамьи, у пяти из них (церкви Петра и Павла, Ивана Богослова, Василия на Смядыни, собор на Протоке, церковь на Воскресенской горе) были устроены одинарные ступени-подножия. При этом у двух смоленских синтронов (церкви Петра и Павла, Василия на Смядыни) ступень примыкала не только с продольной, но и с торцевых сторон; подобная деталь не отмечена ни в одном из памятников другого домонгольского центра. Примечательно, что Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт относили церковь Петра и Павла и церковь Василия на Смядыни к разным этапам развития смоленского зодчества: если строители первого из этих храмов работали еще в киево-черниговской традиции, то второй отразил попытки поиска новых архитектурных решений, предпринимаемые смоленскими зодчими самостоятельно. Эти попытки делались, по определению Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта, еще "очень робко" и, несмотря на некоторые новшества в архитектуре интерьера в монументальных формах (отказ от лопаток) (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979, с. 386, 388–390), в архитектуре алтаря строители следуют старым образцам.

Большинство смоленских синтронов были расписаны. Так, синтрон церкви Василия на Смядыни был орнаментирован красными, желтыми и черными "сердцами", синтрон церкви Ивана Богослова – "полилитией". Только на этих двух домонгольских синтронах роспись зафиксирована на уровне раппорта.

Шесть из восьми синтронов Смоленска не имели конструктивно выделенного архиерейского места, и лишь в церкви Ивана Богослова и в соборе на Протоке архиерейские троны были зафиксированы (рис. 2, 3). Установить, были ли они повышены

относительно скамьи синтрона, из-за фрагментарной их сохранности не удалось. Еще по замечанию Н.Ф. Красносельцева, возвышенное положение кафедры относительно скамьи, вероятно, не всегда было непременным условием правильно устроенного синтрона (Красносельцев Н.Ф., 1879, с. 75). Следует отметить, что это наблюдение Н.Ф. Красносельцева, как видно из полученных позже археологических данных, оказалось справедливым для древнерусских домонгольских синтронов. Так, в трех из четырех случаях, в которых можно было проследить соотношение уровней скамьи синтрона и архиерейского места, оно было повышено (Софийский собор, Кирилловская церковь в Киеве, церковь Иоанна Богослова в Луцке), но в одном случае (церковь Дмитрия Солунского в Пскове) сидение архиерейского трона находилось на одном уровне с сидением скамьи. Учитывая распространенность первого из рассматриваемых вариантов, ориентированность смоленского зодчества XII в. на киево-черниговские образцы (Раппопорт П.А., 1993, с. 54) и возможное следование им как традиционным и в конце XII – начале XIII в., можно предположить, что архиерейские троны церкви Ивана Богослова и собора на Протоке были повышены относительно скамей синтронов.

Как непременную деталь архиерейского трона А.П. Голубцов отмечал спинку и подлокотники (Голубцов А.П., 1912, с. 78). Что касается боковин-подлокотников, они зафиксированы во всех домонгольских памятниках, в которых их возможно было проследить, как и ступени-подножия тронов (исключение составляет церковь на Ладожке в Старой Ладоге). Эти конструктивные детали отмечены и при исследовании синтрона собора на Протоке. Спинки же при сооружении архиерейских тронов, напротив, судя по археологическим данным, были скорее исключением, чем правилом, и в домонгольских памятниках они зафиксированы всего дважды – в Софийском соборе в Киеве и соборе на Протоке в Смоленске, в то время как в памятниках Старой Ладоги, Пскова и Гродно отмечены троны без спинок. Таким образом, конструктивные особенности архиерейского трона собора на Протоке отражают следование южнорусской традиции.

В соборе на Протоке, в северо-восточном закрестье северо-восточного столба, был открыт *угольник* (угольники – конструкции, вероятно, связанные с обрядом проскомидии, включавшим со времени не позднее IX в. ритуал окуривания святых даров в протезисе храма – известны в шести древнерусских домонгольских памятниках) (рис. 2), представляющий собой, в отличие от киевских керамических сосудов и староладожских каменных "ящиков", "чашу", по определению Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта, "в виде сложенной из кирпичного боя на растворе воронки", заполненной черным гумусом и углем, стенки которой были оштукатурены и, вероятно, расписаны (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979, с. 307). Подобная конструкция из плинфы была открыта и в соответствующем закрестии церкви Василия на Смядыни (рис. 1). В отличие от памятников Северо-Запада смоленские угольники, так же как и киевские, располагались в южной части северной апсиды.

Наблюдения, сделанные при рассмотрении малых архитектурных форм алтарей смоленских храмов XII–XIII вв., приводят к следующим выводам: 1) относительно представительная выборка археологических данных по рассматриваемой теме в рамках единого территориального и временно́го контекста позволяет сделать ряд сопоставлений с 40-х годов XII в. по 20-е годы XIII в., что невозможно для других домонгольских строительных центров, исключая Северо-Западный регион; 2) формы конструкций, принесенные южнорусскими мастерами в 40-е годы XII в., являлись образцами при устройстве алтарей храмов Смоленска на протяжении всего XII в., не претерпев принципиальных изменений и, вероятно, не испытав иных региональных влияний; 3) пересмотр форм не отмечен и для конца XII в., когда в монументальной архитектуре Смоленска происходят принципиальные конструктивные изменения и складывается новый тип здания; 4) для убранства малых архитектурных форм алтарей храмов Смоленска, как ни для одного другого строительного центра домонгольской Руси, характерно использование фрески.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский М.Х., 1961. Отчет об археологических разведках 1961 г. у церкви Иоанна Богослова в Смоленске // Архив ИА РАН. Р-1. № 2287.

Воронин Н.Н., 1963. Отчет о работе Смоленской экспедиции 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2683–2683а.

Воронин Н.Н., 1966. Отчет о работе Смоленской экспедиции 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4687–4687а.

Воронин Н.Н., 1977. Смоленская живопись. XII–XIII вв. М.

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.

Голубинский Е.Е., 1904. История Русской Церкви. Т. 1(2). М.

Голубцов А.П., 1912. Сборник статей по литургике и церковной археологии. Сергиев Посад.

Ковалева В.М., 1977. Алтарные преграды в трех новгородских храмах XII в. // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.

Комеч А.И., 1975. Спасо-Преображенский собор в Чернигове // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.

Красносельцев Н.Ф., 1879. Расположение и убранство раннехристианских храмов // Православный собеседник. М.

Об исследовании развалин древнего Мстиславова храма во Владимире-Волынском, 1886 // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 65 а. Л. 19.

Поппэ А.В., 1968. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. // ВВ. Т. XXVIII. М.

Раппопорт П.А., 1964. Отчет Смоленской экспедиции 1964 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 106.

Раппопорт П.А., 1965. Отчет Смоленской экспедиции 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2972-2972а.

Раппопорт П.А., 1967. Отчет о раскопках церкви на Окопном кладбище в Смоленске // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 143.

Раппопорт П.А., 1972. Отчет о работе Смоленской архитектурно-археологической экспедиции в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4687-4687а.

Раппопорт П.А., 1973. Отчет о работе Смоленской архитектурно-археологической экспедиции в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5158-5158а.

Раппопорт П.А., 1982б. Археологическое исследование памятников древнего новгородского зодчества // НИС. Вып. I(II). Л.

Раппопорт П.А., 1982а. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников // САИ. Е1-47.

Раппопорт П.А., 1993. Древнерусская архитектура. СПб.

Раскопки древнего храма Св. Великомученицы Екатерины в восточном предместье Смоленска // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 7.

Сапожников Н.В., 1998а. Вновь открытые памятники древнесмоленской архитектуры // Общество, экономика, культура и искусство славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. IV. М.

Сапожников Н.В., 1998 б. Новые данные о церкви Иоанна Богослова XII в. в г. Смоленске // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.

Холостенко Н.В., 1974. Мощеница Спаса Черниговского // Культура средневековой Руси. Л.

Чукова Т.А., 1994. Интерьер в древнерусском храмовом зодчестве конца XI – первой трети XIII в. (основные архитектурные элементы по археологическим данным): Автореф. ... канд. ист. наук. СПб.

Штендер Г.М., 1968. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М.

Descoeudres G., 1983. Die Pastophorien im Syro-byzantinischen Osten. Wiesbaden.

Mathews T., 1982. Private Liturgy in Byzantine Archietecture: Towards a Reappraisal // Cahiers Archeologiques. XXX. Paris.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

T.A. CHUKOVA

MINOR ARCHITECTURAL ALTAR FORMS IN SMOLENSK TEMPLES OT THE 12TH-EARLY 13TH CENTURIES
(according to the archaeological data)

Summary

The city of Smolensk being an architectural centre of pre-Mongol Russia has yielded a representative selection of minor architectural altar forms. The collection in comparable only to numerous Novgorod altars. Archaeological investigations in Smolensk produced fragments and traces of 5 altar barriers, 13 communion-tables, 8 synthrones and so forth (Figs. 1-6). In three Smolensk churches archaeologically discovered altar barriers were built of wood, and one temple yielded a rare if not unique in Russian pre-Mongol architecture altar barrier built of plinth. In cases when their construction could be determined, the communion-tables are ascribed to the shrine-type. In Smolensk the most significant collection of pre-Mongol synthrones was archaeologically studied; two of them were decorated in fresco technique, their ornament is reconstructed on the level of rapport. After some observations concerning liturgical peculiarities of Smolensk temples the author came to the following conclusions. The constructions of altars were introduced in Smolensk by craftsmen of South Russian origin in the 40-s of the 12th century and were practiced without any major changes during the rest of the century. In the late 12th century these architectural forms remained unchanged, but in local monumental architecture some principal constructive shifts took place. Decoration of minor architectural altar forms in Smolensk is characterized by application of fresco technique, which is the essential feature of Smolensk centre against the background of pre-Mongol Russian architecture.

С.С. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ

О ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ

В 1928 г. при обследовании предназначенной к разборке теплой Никольской церкви московского Сретенского монастыря архитектор Н.А. Пустаханов сделал неожиданное открытие. Он обнаружил, что нижние части здания сложены не из обычного для XVII в. большемерного кирпича, как основная его часть, а из гораздо более мелкого и представляют собой остатки более ранней церкви, которую он датировал рубежом XV и XVI вв. (Протоколы Заседаний ..., л. 111 об., 112). Тогда же было выдвинуто предположение (кем именно, мне неизвестно), что найденный храм – не что иное, как упоминающаяся в летописных источниках древняя церковь Сретения на Поле. Эту точку зрения по-видимому, разделяли не все. Так, Н.Р. Левинсон в своем сообщении на заседании секции "Старая Москва" Общества изучения Московской губернии 9 августа 1928 г. ограничился осторожным замечанием, что здание "возможно... сооружено в конце XV века" (Протоколы Заседаний секции..., л. 25 об.). В опубликованном тогда же обзоре реставрационных исследований он также обошел вопрос об атрибуции найденного сооружения, ограничившись изложением фактической стороны дела (Левинсон Н.Р., 1928, с. 91). В дневниковой записи К.К. Романова от 15 августа 1928 г. (Дневник..., 1928, л. 7–13) найденный храм назван церковью Владимирской Божией Матери на Сретенке, что фактически означает принятие ее идентификации с церковью Сретения на Поле. В течение нескольких десятилетий эта версия передавалась изустно (впервые автору настоящей статьи стало известно о ней в 1950-е годы от Л.А. Давида, полностью ее разделявшего), пока она не была изложена в одной из статей П.Н. Максимова (1967, с. 14). В недавнее время она была довольно подробно пересказана Г.А. Романовым, который, кроме того, впервые опубликовал несколько фотографий из коллекции ГНИМА, сделанных в процессе разборки Никольской церкви (Романов Г.А., 1992, с. 22 и сл.).

Церковь Сретения на Поле, по свидетельству летописей, была заложена на том месте, где в 1395 г. произошла торжественная встреча чудотворной иконы Богоматери, принесенной из Владимира в Москву во избавление от угрозы нашествия войск Тимура (Патриаршая (Никоновская) летопись, 1965, т. XI, с. 161; Ермолинская летопись, 1910, с. 134). Тогда же в память этого события был установлен праздник Сретения Богородицы, а на месте встречи на Кучковом поле (Отрывок Троицкой летописи, 1913, с. 280) поставлена деревянная церковь, торжественно освященная митрополитом "во имя пречистыя Богородицы честнаго Сретения", и основан монастырь. К монастырю установлен был из Кремля крестный ход (26 августа). В 1480 г., во время приближения войск хана Ахмата, икону Владимирской Богоматери вновь торжественно перенесли в Москву, на этот раз окончательно. В память нового избавления был установлен второй крестный ход (23 июня), а в 1482 г., по сообщению Второй Софийской и Львовской летописей, великий князь заложил вместо деревянной каменную церковь Сретения святыя Богородицы на Поле. Через три года, в 1485 г., церковь была расписана (Софийская вторая летопись, 1853, с. 233, 237; Львовская летопись, 1914, с. 348, 352). Как известно, после падения в 1474 г. Успенского собо-

© С.С. Подъяпольский, 2000 г.

ра, возводимого московскими мастерами Ивашкой Кривцовым и Мышкиным, Иван III пригласил для освидетельствования причин катастрофы псковских мастеров. Летописное сообщение об этом заканчивается словами: "Тогда князь великий отпусти их иже последи делаша святую Троицу в Сергееве монастыре, и Ивана Златоустаго на Москве, и Сретение на Поле, и Ризположение на митрополиче дворе, и Благовещение на великого князя дворе" (Софийская вторая летопись, 1853, с. 198; Львовская летопись, 1914, с. 301). Правда, П.Н. Максимов предложил отличную от общепринятой интерпретацию этого текста. Указав на безусловное преобладание московских черт в архитектуре дошедших до нас Троицкой (ныне Духовской) церкви Троице-Сергиева монастыря, Благовещенского собора и церкви Ризположения, он высказал предположение, что слово "отпусти" могло относиться не к названным непосредственно перед этим псковичам, а к упоминавшимся несколько ранее московским мастерам Кривцову и Мышкину, которые в этом случае оказались бы строителями всех пяти перечисленных сооружений (Максимов П.Н., 1967, с. 16). Хотя приводимый П.Н. Максимовым анализ архитектуры сохранившихся трех построек очень убедителен, эта новая версия все же оказывается несостоятельной. Ей противоречит прямое свидетельство тех же Софийской второй и Львовской летописей, сообщающих под 6985 г.: "Заложи церков камену в Сергееве монастыре псковские мастеры" (Софийская вторая летопись, 1853, с. 206; Львовская летопись, 1914, с. 320). Поскольку авторство пяти храмов в летописях объединено, церковь Сретения на Поле, безусловно, должна рассматриваться как постройка псковичей. Сколько времени простояла заложенная в 1482 г. каменная церковь, неизвестно. Согласно версии М.М. Сухмана, монастырь первоначально располагался в конце Никольской улицы и был перенесен на свое теперешнее место в район Сретенки в 1530-е годы в связи со строительством стен Китай-города, что полностью исключило бы возможность сохранения в нем каких-либо остатков Сретенской церкви XV в. (Беляев Л.А., 1996, с. 316–318; Памятники архитектуры..., 1982, с. 407; 1989, с. 21). Однако, как показал Л.А. Беляев, никаких серьезных оснований для такой версии нет (Беляев Л.А., 1996, с. 305–315). В 1679 г. в монастыре был заложен новый соборный храм с тем же посвящением, существующий поныне. К этому времени в монастыре стояла также каменная церковь Марии Египетской, престол которой, согласно преданию, был впервые утвержден в 1385 г., еще до основания монастыря (Токмаков И.Ф., 1885, с. 3, 10). В 1688 г., по данным И.Ф. Токмакова, возведена тепловая Никольская церковь, в 1706 г. выстроены придельные храмы: у Сретенского собора – Рождества Иоанна Предтечи, у Никольской церкви – Сретения Господня. К сожалению, Г.А. Романов внес некоторую путаницу в изложение истории монастырских построек, утверждая (без указания на источник), что древний соборный храм во имя Сретения Богоматери до 1677 г. оставался деревянным, а каменная церковь Сретения на Поле 1482 г., вопреки прямому свидетельству летописей, была посвящена Сретению Господню, поэтому его заключение, что придел 1706 г. повторил посвящение стоявшего на месте церкви более раннего храма, необоснованно (Романов Г.А., 1992, с. 22). Еще позже между Никольской церковью и колокольней возник придел Дмитрия Ростовского (Токмаков И.Ф., 1885, с. 10, 11). В XVIII и XIX вв. все эти постройки подвергались переделкам, вероятно, не всегда отраженным в дошедших до нас источниках. В 1928 г., после закрытия монастыря, Никольская церковь и церковь Марии Египетской были сломаны.

Никольская церковь стояла не внутри монастырской территории, а выходила на линию Сретенки. Судя по сохранившимся фотографиям (рис. 1), она представляла собой небольшой одноглавый храм на низком подклете с трапезной, несколько расширенной за счет отступа ее северной стены, и более узким, квадратным в плане, алтарем, под которым находился белокаменный сводчатый подвал. С севера, со стороны монастыря, к ней примыкал придел со своим алтарем, пристроенным к алтарю основного храма. Подцерковье использовалось как усыпальница князей Прозоровских (Иосиф, иеромонах, 1911, с. 16). На имеющихся фотографиях видны арочные оконные

Рис. 1. Общий вид Никольской церкви Сретенского монастыря перед разборкой (фото 1928 г., фототека ГНИМА, кол. IV, нег. 396)

проемы с прямоугольными рамочными обрамлениями, карнизы, кокошники и барабан с луковичной главой, характерные для XVII в. (фото 1928 г., нег. 396)[1].

К сожалению, доклады Н.А. Пустаханова и Н.Р. Левинсона дошли до нас лишь в очень кратком протокольном изложении. До сих пор не выявлено каких-либо фиксационных чертежей разобранного памятника. Сохранился более чем схематический безмасштабный план Никольской церкви, набросанный от руки Н.Р. Левинсоном прямо на заседании секции "Старая Москва" (Схематический план..., л. 1). Наиболее подробная информация о сделанном открытии содержится в дневниковой записи К.К. Романова, текст которой иллюстрирован несколькими графическими схемами (планами и разрезами древнейшей части здания), выполненными хотя и без масштаба, но с более или менее верным соблюдением пропорции (рис. 2). Другим важнейшим источником сведений служат сохранившиеся фотографии (К счастью, во время разборки здания их было сделано много). В фототеке ГНИМА сохранились сорок две фотографии, из них Г.А. Романов опубликовал только восемь. Правда, фотографии плохо проаннотированы, и во многих случаях на первый взгляд трудно понять, какая часть здания представлена на изображении. Потребовалась довольно большая работа по их сличению с сопоставлением не только отдельных отраженных на фотографиях деталей, но подчас и случайных пятен на поверхности штукатурки или кладки. В результате это позволило нам почти для всех фотографий локализовать места съемки. Только две из них, причем далеко не самые информативные, остались вовсе не определенными, а одна или две определены более или менее предположительно.

Главнейшим критерием для вычленения на фотографиях древнейших элементов служит различие между древним маломерным и позднейшим большемерным кирпичом.

[1] Здесь и далее по тексту приведены фотографии Никольской церкви 1928 г. из фототеки ГНИМА, колл. IV.

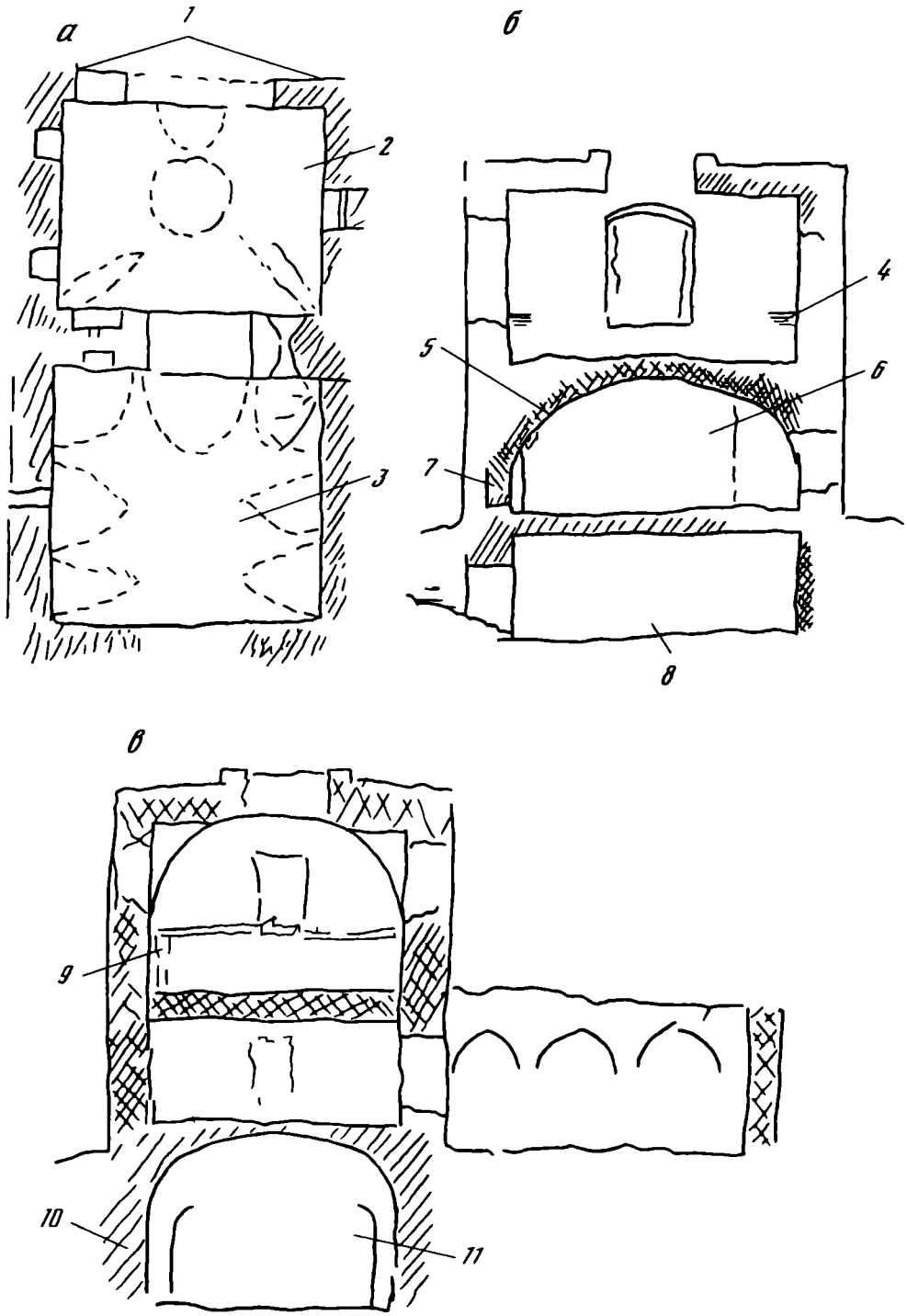


Рис. 2. Схемы плана (*а*), поперечного (*б*) и продольного (*в*) разрезов древней части памятника (по К.К. Романову). *1* – возможные остатки алтарной апсиды; *2* – помещение крыто коробовым сводом с шелыгою в направлении запад – восток; *3* – помещение имеет по три распалубки с каждой стороны и, вероятно, было перекрыто сомкнутым сводом; *4* – следы карниза; *5* – свод новый из крупного кирпича; *6* – крупный кирпич; *7* – старая ниша заделана для нового свода; *8* – белокаменный подвал; *9* – след тябла; *10* – белый камень; *11* – кирпич (пометки К.К. Романова)

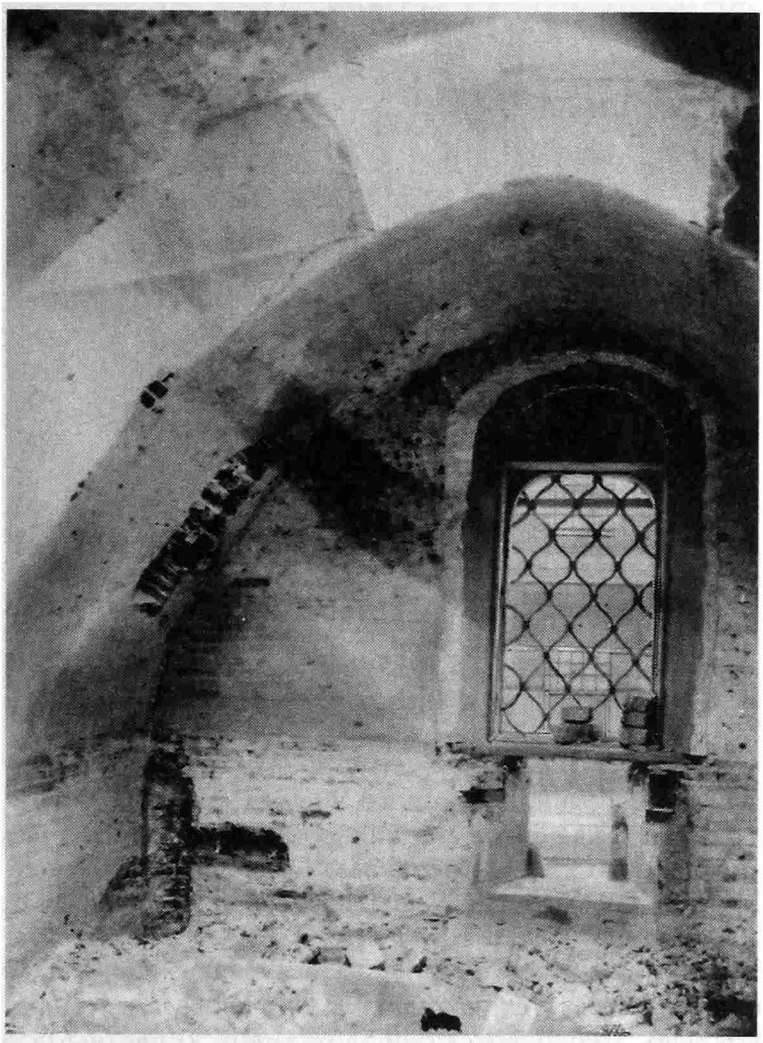


Рис. 3. Алтарь Никольской церкви (верхняя часть древнего храма). Вид на южную стену

Конечно, непосредственно по фотографии определить размеры не всегда возможно, но в тех случаях, когда в пределах одного изображения видна кладка из кирпича разного размера, отграничить более ранние части от поздних не составляет особого труда. Кроме того, на некоторых фотографиях видны очевидные остатки более ранних сводов, чем те, которые существовали к моменту разборки памятника, что также дает основания для важных выводов.

Во время разборки основное внимание исследователей привлек алтарь Никольской церкви (рис. 3). Он был перекрыт коробовым сводом с двумя сходящимися к его шелыге распалубками лучкового очертания, напоминающими обычные для XVIII в. "щековые" распалубки (Плужников В.И., 1995, с. 140). Однако это сходство было чисто внешним. При исследовании в середине свода, сложенного из маломерного кирпича, между распалубками было раскрыто заделанное другим кирпичом отверстие для барабана. Свод над подклетом алтаря был целиком выполнен из кирпича XVII в., и, таким образом, внутреннее пространство обоих его ярусов первоначально было единым. Все это ясно указывало на то, что алтарь Никольской церкви прежде был самостоятельным храмом. Храм этот был очень небольшим. К.К. Романов называет его размеры в плане: 2,31 × 2,10 сажен (4,92 × 4,47 м). Особенностью этого памятника, отличавшей его от обычного типа московских бесстолпных церквей, было применение не крещатого, а прорезанного двумя узкими поперечными распалубками

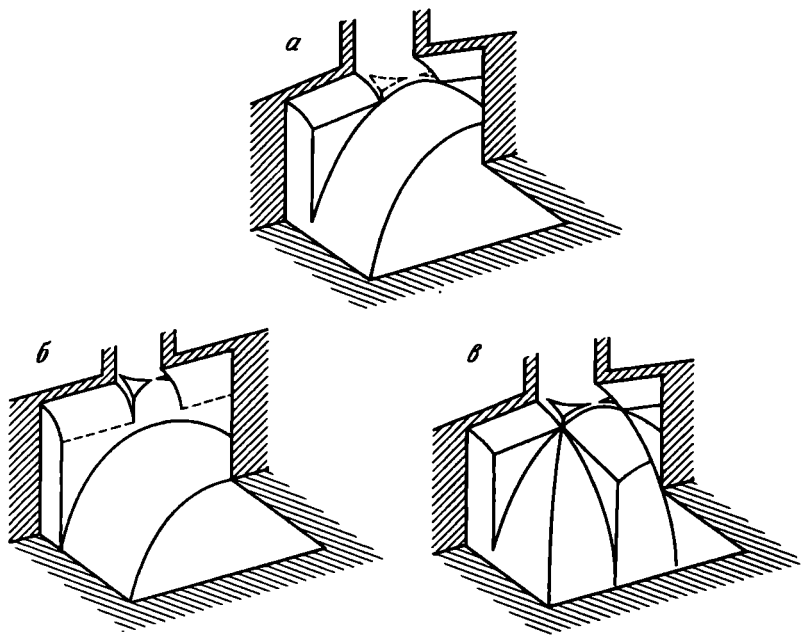


Рис. 4. Аксонометрические схемы сводов: *а* – свод найденного древнего храма; *б* – "псковский" свод с поперечной распалубкой; *в* – крещатый свод

коробового свода, над серединой которого прежде стоял световой барабан (фото 1928 г., нег. 348, рис. 3). Такая схема свода широко применялась в Пскове, и в случае идентификации найденного храма с церковью Сретения на Поле ее использование здесь представлялось бы убедительным подтверждением авторства псковских мастеров, приглашенных в Москву Иваном Ш.

Однако свод вновь обнаруженного раннего памятника (рис. 4, *а*) имеет несколько существенных особенностей, отличающих его от свода известных нам псковских сооружений. Во-первых, различаются они характером кривизны основного свода: у церкви Сретенского монастыря его очертание близко к параболическому или стрельчатому, почти что заостренное в шелыге, чего у псковских храмов не бывает. Во-вторых, в Пскове узкий поперечный свод всегда имеет горизонтальную шелыгу, в то время как в нашем случае шелыги узкого сводика резко поднимаются к световому барабану. В-третьих, у известных нам псковских бесстолпных храмов узкий поперечный сводик представляет собой вполне автономную конструкцию и в основной свод не врезается. Его пяты опираются на дополнительные стенки, поставленные по краям выреза в своде, и лишь у самого края светового отверстия – непосредственно на свод, но обязательно поверх него, поэтому применяющийся обычно к такому своду термин "свод с поперечной распалубкой", строго говоря, не вполне точен: распалубок как таковых, образованных пересечением двух криволинейных поверхностей, у него нет. Торцы сводов не образуют в основании барабана единой системы, а расположены ступенчато в разных уровнях (рис. 4, *б*). В отличие от этого у храма Сретенского монастыря поперечный сводик своей пятой врезан в толщу кладки основного свода, и в середине образуются как бы четыре совершенно одинаково расположенные пологие арки под барабаном, причем пяты смежных арок смыкаются в одной точке. Если сопоставить этот свод с обычным для московских бесстолпных храмов крещатым сводом (рис. 4, *в*), то между ними обнаружатся черты очень близкого сходства. Совершенно идентично выглядит у них отверстие под барабаном, окаймленное четырьмя сводиками лучкового очертания – срединными частями перекрещивающихся арок. В большинстве случаев кривая арок крещатого свода бывает параболической или стрельчатой, как и у нашего памятника. Наконец, узкие сводики, сходящиеся к его световому отверстию, нередко имеют шелыги, поднимающиеся к середине (например,

Рис. 5. Древнее окно в южной части западной стены древнего храма

у ц. Антипия в Москве). В сущности, разница между сводом храма Сретенского монастыря и обычным крещатым сводом не столь уж велика и сводится к форме угловых частей: в одном случае это участки кривой коробового свода, в другом – угловые четверти сомкнутого. В первом случае мы имеем две оси симметрии, во втором – полностью центричную композицию. Видимо, в силу этого сходства свод найденного храма в прошлом иногда называли крещатым. Такую неточность допустил еще Н.Р. Левинсон (Протоколы Заседаний секции..., л. 25 об.), позднее она была повторена в аннотациях к фотографиям из коллекции ГНИМА, а в недавнее время – Г.А. Романовым (Романов Г.А., 1992, с. 24).

Фотографии интерьера алтаря Никольской церкви (т.е. древнего храма) помимо изображения свода дают и другую ценную информацию. Так, в уровне пяты свода просматривается срубленная горизонтальная тяга, состоявшая из трех рядов кирпичной кладки, отмеченная также в записи К.К. Романова. Под окном XVII в., выходившим на южный фасад (здесь и далее ориентация принята не строго по сторонам света, а по направлению алтаря Никольской церкви), был раскрыт фрагмент узкого оконного проема, уходящего ниже уровня пола. В северной стене над поздней аркой, соединявшей алтари церкви и придела, обнаружилась оконная перемычка, подходящая под самую шелыгу свода, но она была сложена из большемерного кирпича и, следовательно, не относилась к древнейшему строительному периоду. Два окна сохранились полностью. Они были расположены в западной стене в уровне устроенного в XVII в. подклета по сторонам широкого арочного прохода. Окна принадлежали к типу, характерному для церковного зодчества XVI в., – узкие, щелевидные, с внешними и внутренними откосами. Южное окно завершалось обычной аркой (фото 1928 г., нег. 347, рис. 5), у северного – завершение светового проема было городчатым, а само оно помещено внутри широкой арочной ниши. В северной стене внизу обнаружились две ниши, перемычки которых были уничтожены для заведения пят нового промежуточного свода. У одной из ниш на фотографии просматривается начало арки, у другой – характерный горизонтальный паз для деревянной полки. В пятовой части западного

Рис. 6. Разборка свода над подклетом алтаря Никольской церкви. Частично раскрыт дверной проем, который вел в жертвенник древнего храма

ската верхнего свода по сторонам распалубки были пробиты поздние проемы, служившие боковыми дверьми алтарной стены храма XVII в. Вдоль восточного края южной и северной стен зафиксированы протесанные вертикальные щели для иконостаса (рис. 3), а в восточной стене помещения под алтарем XVII в. были обнаружены (после разборки позднего свода над подклетом) два арочных проема, сложенных из маломерного кирпича. Один из них, более высокий и широкий, расположенный с небольшой сбивкой от оси стены в южную сторону, некогда соединял храм с алтарем, а другой, меньший по размерам, служил для входа в жертвенник (фото 1928 г., нег. 350, рис. 6). Из этого следует, что древнейший храм имел отдельное помещение для алтаря, ставшее лишним и убранное в XVII в., когда церковь была переделана в алтарь нового храма. При этом прежняя ориентация алтаря была сохранена. Об этом следует сказать особо, поскольку не вполне обычная ориентация церкви XVII в. алтарем на северо-северо-восток допускала, казалось бы, возможность иной, поперечной по отношению к ней ориентации древнего храма. Так, К.К. Романов в своей дневниковой записи определял правую по отношению к алтарю стену церкви XVII в. как восточную. Если бы ориентация древнего храма была иной, то его свод имел бы обычное для псковских бесстолпных храмов устройство с продольно ориентированным основным сводом, прорезанным поперечными распалубками. Однако в действительности сочетание свода и распалубок оказалось иным: шелыга основного свода ориентирована поперек главной оси здания, что совершенно не характерно для этого типа свода.

Над сводом древнего храма вокруг отверстия была обнаружена кольцевая кладка из маломерного кирпича – несомненно, остаток основания барабана (фото 1928 г., нег. 346, рис. 7). Большая толщина этого кольца заставляет предполагать, что в основании барабана располагался пояс кокошников. На фотографиях также видна хорошо сохранившаяся выстилка из чернолощеной черепицы, образующая со всех четырех сторон, в том числе и с обращенной к более высокому объему церкви XVII в.,

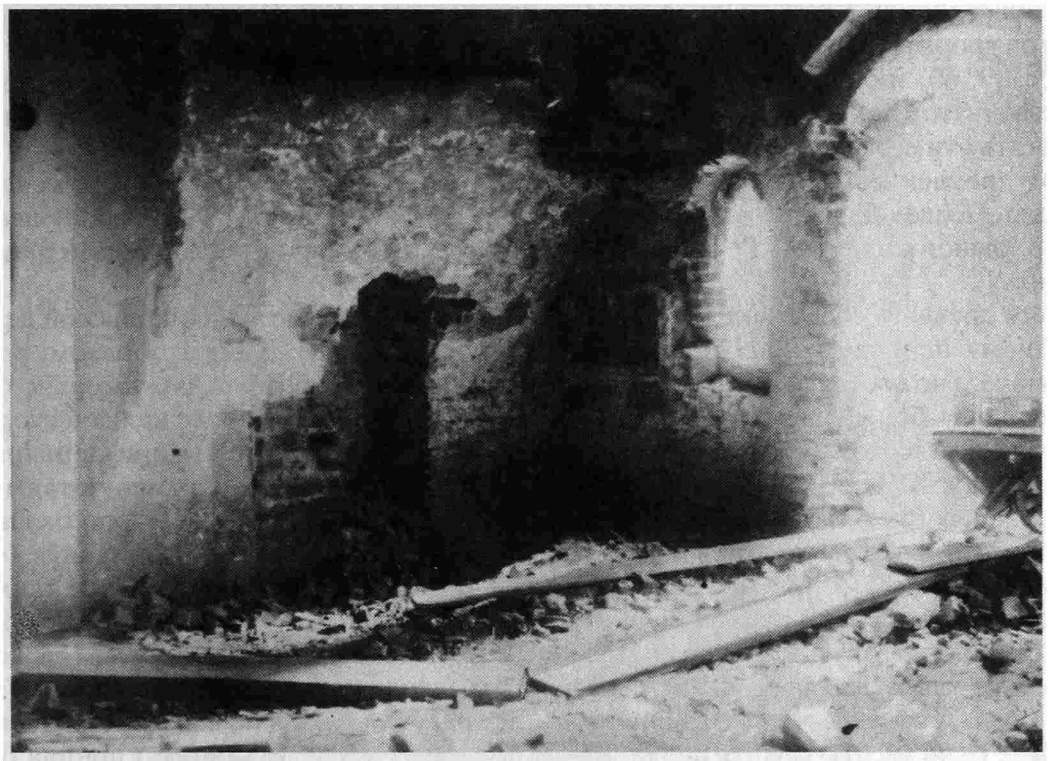


Рис. 7. Остатки кладки барабана и кровельной выстилки из чернолощеной черепицы над сводом древнего храма

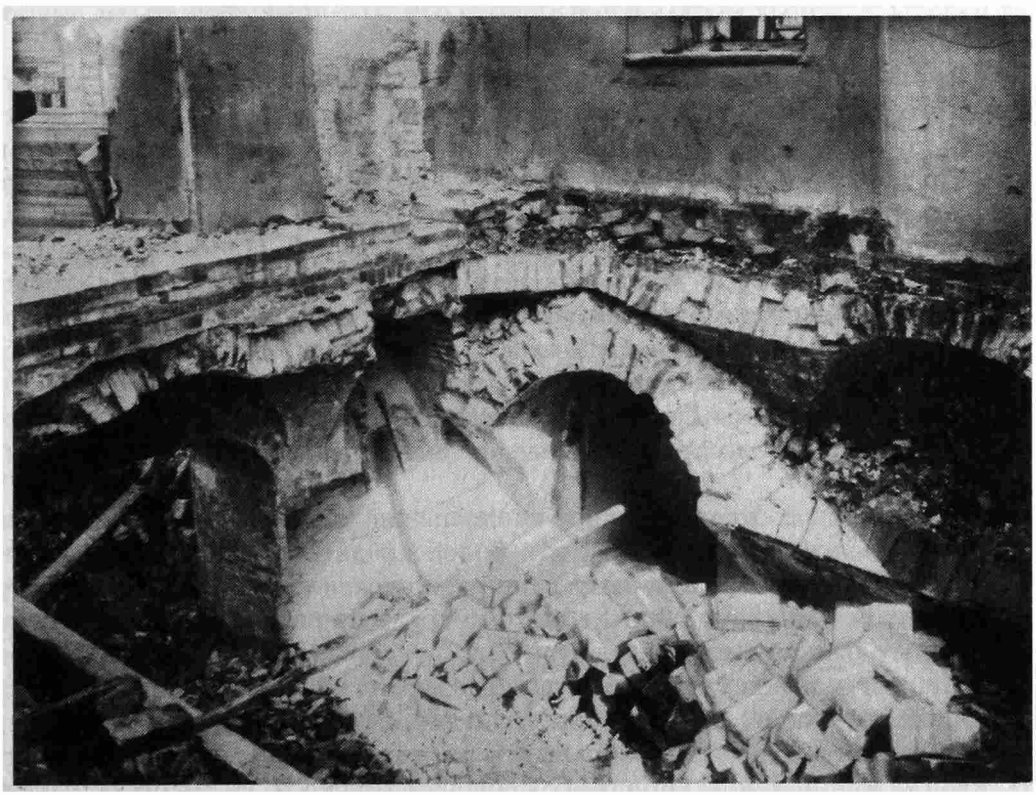


Рис. 8. Северо-восточный угол подклета Никольской церкви (древней трапезной). Видны раскрытое древнее окно, остатки распалубок первоначального свода, нижняя часть двери в северной стене

трехлопастное очертание. Черепица, по терминологии Р.Л. Розенфельдта, досковидная, той формы, которая определена им как "бобровый хвост" (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 39, 40, табл. 14). Одна из фотографий (фото 1928 г, нег. 371) имеет аннотацию "сводчатое покрытие со следами разобранной при перестройке звонницы", однако прочитать эти остатки на имеющемся изображении очень трудно.

Под древней церковью находился белокаменный подвал со входом с северной стороны. Подвал перекрывался коробовым сводом с поперечной ориентацией шелыги. На его южной стене К.К. Романов отметил остатки двух арочных ниш либо оконных проемов.

Части древнего сооружения были выявлены не только в алтаре Никольской церкви. К раннему периоду относилось также и ее подцерковье. Таким образом, здание первоначально состояло из церкви и квадратной палаты перед ней, значительно более низкой и чуть более широкой. Свод палаты имел по три распалубки с каждой стороны. С запада и с востока пятовые части распалубок были сохранены при перекрытии помещения в XVII в. новым, более низким, коробовым сводом и хорошо читаются на фотографиях (фото 1928 г., нег. 130, 139, 140, рис. 8). С юга и с севера они оказались скрытыми в пазухах этого свода и обнаружены лишь при разборке здания (фото 1928 г., нег. 344, 355, рис. 9). Очень небольшой размер палаты (она была лишь ненамного шире древней церкви, и ее сторона составляла примерно 6–7 м) заставляет предположить, что она не имела столба и перекрывалась единым сомкнутым сводом на распалубках. Внутрь этой палаты из церкви выходили два описанных выше окна. Кроме того, у западного окна ее южной стены, растесанного в позднее время, по крайней мере один из откосов сохранял древнюю кладку из маломерного кирпича (фото 1928 г., нег. 140), а на северной стене прочитывались контуры входной двери (рис. 8). На фотографиях просматриваются и некоторые другие детали ее интерьера. Одна из них – срубленное обрамление двери в середине западной стены. Оно было выполнено из более крупного кирпича и, очевидно, представляло собой позднейшую вставку. В стенах палаты в разных местах в довольно хаотическом порядке были вмурованы надгробные плиты с надписями конца XVII–XVIII в.

Каково же было назначение находившейся перед церковью палаты? Вряд ли можно сомневаться, что это была монастырская трапезная. В пользу этого говорит не только общая планировочная структура здания, но и такая деталь, как существование между церковью и палатой простого арочного прохода, поскольку в других случаях, например при существовании перед церковью паперти, вход в нее практически всегда бывает устроен в виде запирающейся двери и украшен порталом. Необычно для раннего времени устройство окон между церковью и трапезной. Этот прием более характерен для сельских деревянных храмов, в каменном же церковном строительстве он получил широкое распространение лишь на рубеже XVII и XVIII вв. Однако и для XVI в. этот случай не единичен. Окна по сторонам входа из трапезной в церковь имеются у датируемой 1560 г. церкви Сергия Радонежского малого Ивановского монастыря, входившего в состав Кирилло-Белозерского. Правда, там они имеют иной характер – более широкие и низкие.

Таким образом, подлежит уточнению типология найденного памятника: это был не соборный монастырский храм, а, как и в более позднее время, теплая трапезная церковь. Надо, впрочем, заметить, что и само расположение здания вплотную к улице было бы странным для храма, заложенного некогда на свободной территории ("на Поле") и ставшего центром монастыря.

Гораздо меньше у нас данных о формах фасадного убранства этого сооружения. Бесспорно лишь отсутствие на его фасадах членящих плоскости лопаток, что, вероятно, следует объяснить его очень скромными размерами. На южном фасаде церкви XVII в. кладка из маломерного кирпича сохранялась только до уровня междуэтажного пояса, венчавшего подклет. Здесь была раскрыта нижняя часть выполненного из мелкого кирпича проема или, что также вероятно, киота, обрамленного срубленными вертикальными тягами (фото 1928 г., нег. 307). У алтаря (т.е. у древнего храма)

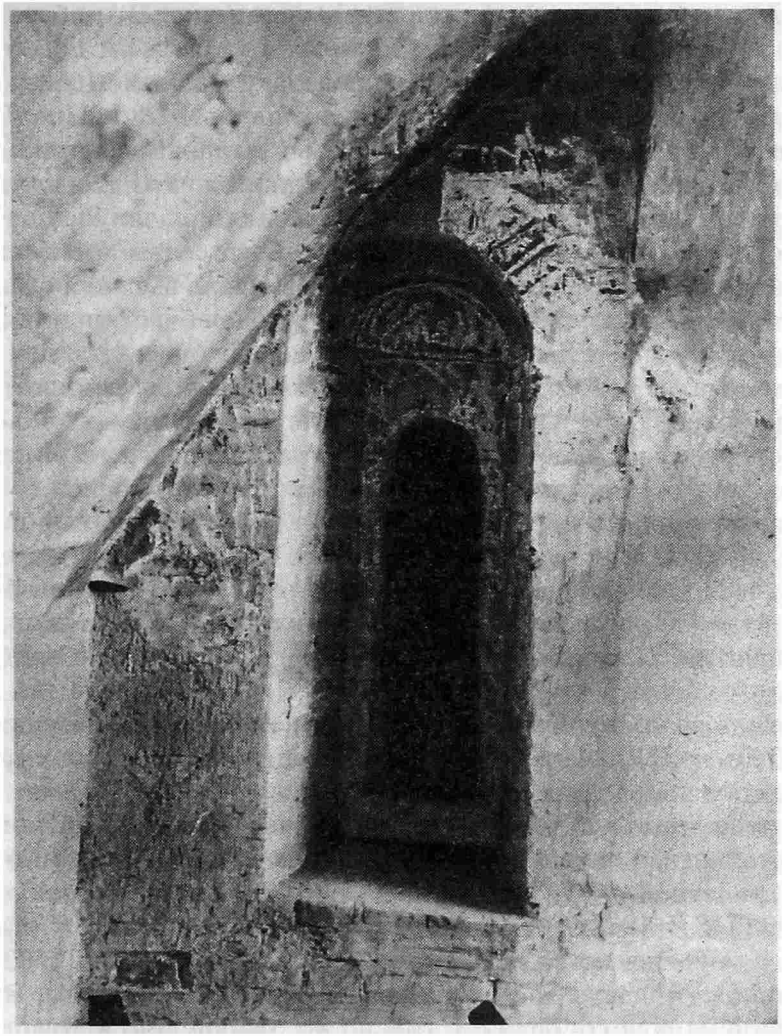


Рис. 9. Юго-восточный угол подклета Никольской церкви после разборки свода XVII в. Видны распалубки свода трапезной древнего храма

первоначальная кладка поднималась ненамного выше, далее следовала сплошная перекладка из большемерного кирпича. Восточный фасад алтаря на большую высоту был закрыт сплошным контрфорсом, и первоначальной кладки здесь не видно вовсе. После разборки алтаря придела обнажилась часть северной фасадной стены ранней церкви с остатками карниза и рамочного оконного обрамления, но тот и другой выполнены из большемерного кирпича и должны быть датированы XVII в. (фото 1928 г., нег. 138, 312).

Наконец, следует сказать и о дополнительной информации, которую дают фотографии из коллекции ГНИМА для строительной истории памятника в XVII в. Под кровлей придела на северной стене четверика церкви был раскрыт оконный наличник простого рисунка с треугольным верхом. После разборки придела было обнаружено еще одно окно такого же типа, но с более острым навершием (фото 1928 г., нег. 307, 389). Эти окна и по типу, и по размерам резко отличаются от тех, которые памятник имел к моменту разборки, и скорее тяготеют к формам московской архитектуры середины XVII в. Переделка окон на более широкие в прямоугольных рамочных наличниках могла бы датироваться временем пристройки Сретенского придела (1706 г.), но остатки такого же рамочного окна найдены на северной стене древней церкви, которая со времени возведения придела выходила внутрь его алтаря, что говорит о более ранней дате. Следовательно, в пределах XVII – начала XVIII в. имели

место не два, а по меньшей мере три строительных этапа. Это обстоятельство, так же как и общий архаичный облик здания, заставляют осторожнее подойти к датировке основной перестройки храма, которая могла произойти и раньше 1688 г.

Таким образом, древнее сооружение, обнаруженное в 1928 г. Н.А. Пустахановым, реконструируется как небольшой трапезный храм с алтарным выступом без обычного в таких случаях подклета (если только не предположить, что культурный слой, наросший со времени строительства этого сооружения к началу нашего столетия, не скрывал целый подклетный этаж, что кажется сомнительным, особенно если учесть устройство в здании в XVII в. усыпальницы). Сравнительно высокий объем церкви был завершен трехлопастными кривыми. Декорация фасадов была, видимо, очень скупой. Плоскости стен не расчленялись лопатками. Окна церкви были узкими и высокими.

В XVII в. здание подверглось коренной переделке: устроен подклетный этаж, с запада пристроена более обширная трапезная, над прежней трапезной возведен новый храм, алтарь перенесен на место церкви, а первоначальный алтарь сломан. Однако назначение всего сооружения как трапезного храма было сохранено.

Какими же датирующими признаками обладал вновь раскрытый памятник? Этот вопрос имеет для нас далеко не частное значение. Если бы мы действительно имели дело с храмом 1482 г., возведенным псковскими мастерами, то своеобразную форму его свода следовало бы рассматривать как переходную от "псковского" свода к крещатому, и это практически решало бы до сих пор дискутируемую проблему генезиса системы крещатого свода.

Отметим прежде всего, что сам тип трапезного храма скорее характерен для XVI, чем для XV в. В конце XV – начале XVI в. возведение монастырских трапезных было для Москвы редким явлением и обычно фиксировалось летописями. Так, под 6977 (1468/1469) г. сообщается о строительстве каменной трапезной в Троице-Сергиевом монастыре (Ермолинская летопись, 1910, с. 158), под 6991 (1482/1483) г. – Алексеевской церкви с трапезной в Чудовом монастыре (Софийская вторая летопись, 1853, с. 235), под 6993 (1484/1485) г. – трапезной Симонова монастыря (Софийская вторая летопись, 1853, с. 236; Львовская летопись, 1914, с. 351), под 7012 (1503/1504) г. – трапезной Андроникова монастыря (Львовская летопись, 1914, с. 374). Видимо, не случайно о трапезной церкви сообщается только по отношению к Чудову монастырю: устройство храма при трапезной не стало еще обычаем, во всяком случае нам известно, что ни троицкая, ни андрониковская трапезные первоначально церквей не имели. Вряд ли трапезная Сретенского монастыря может быть поставлена в этот ряд.

Одним из главных датирующих признаков в глазах Н.А. Пустаханова и других участников обсуждения доложенного им открытия было применение так называемого маломерного кирпича, имеющего размеры 4 × 10(11) × 20(21) см. Этот кирпич, известный по многим московским сооружениям, в те времена действительно считался характерным для рубежа XV–XVI вв. и даже получил название "алевизовского". Ни к одному из обоих Алевизов он, однако, не имеет никакого отношения. Их документированные постройки – великокняжеский дворец, Архангельский собор, церковь Петра митрополита в Высоко-Петровском монастыре – сложены из большемерного кирпича. Также из большемерного кирпича, а иногда из близкого по размерам к современному стандарту выстроены многие другие московские сооружения конца XV и первой трети XVI в.: кремлевские соборы, в частности возведенные псковичами Благовещенский собор (1484–1489) и церковь Ризположения (1484–1486), западная паперть собора Новоспасского монастыря (1491–1496), трапезная Андроникова монастыря, церковь Рождества в Старом Симонове (1509), церковь Вознесения в Коломенском (1532), Китайгородская стена (1530-е годы), а также датированные лишь приблизительно собор Рождественского монастыря и колокольня в Коломенском. Несколько бóльшую, чем "классический" маломерный кирпич, толщину – 5 см – имеет кирпич церкви Антипия, предположительно датированной Л.А. Давидом временем после 1547 г. (Давид Л.А., 1975, с. 166) с последующим уточнением даты на более раннюю – 1530-е годы (Памятники архитектуры..., 1989, с. 46). Новая датировка базируется на резуль-

татах дендрохронологического определения возраста древней деревянной связи. Включения такого же пятисантиметрового кирпича обнаружены недавно, наряду с более крупным кирпичом, в стенах церкви Ильи Пророка на Ильинке (любезно сообщено В.Ф. Коршуновым), заложенной, согласно Владимирскому летописцу, в 1519 г. (Владимирская летопись, 1965, с. 144). Основная часть построек, возведенных из маломерного кирпича, не имеет твердо установленной даты. К числу их принадлежат церкви Трифона в Напрудном (Давид Л.А., 1947, с. 33–54), Анны в Китай-городе, Николы в Мясниках, Гребневской Божией Матери, Николы на Старом Ваганькове (Хворостова Е.Л., 1995, с. 50–55), Николы в Подкопае, нижняя часть церкви Никиты за Яузой (Рабинович М.Г., 1949, с. 20, 21), южная паперть собора Новоспасского монастыря, от которой сохранилась торцевая западная стена (Подъяпольский С.С., 1994, с. 187). Маломерный кирпич в небольшом количестве использован и в не имеющей точной даты церкви Иоанна Предтечи в Дьякове (Новиков И.И., 1962, с. 187). В прошлом выдвигались доводы в пользу датировки концом XV в., и даже более точно 1492 г., церкви Трифона в Напрудном. Одним из главных оснований для этого послужило наличие на нескольких камнях фасадной кладки этого храма повторяющейся надписи "Лета 7000 пре" (Давид Л.А., 1947, с. 36). Очевидно, что сочетание букв "пре" – это начало обычной для надгробных эпитафий формулы "преставися". По всей видимости, и число 7000, обозначенное буквой кириллицы з, представляет собой лишь начало даты, которая может быть любой, начиная с 7000 (1491/1492) г. В этом случае для надписи, как и для памятника, мы имеем лишь нижнюю граничную датировку, верхняя же может быть отодвинута сколь угодно далеко в пределах XVI в. Таким образом, и этот памятник остается без фиксированной даты. Между тем все твердо датированные сооружения, целиком сложенные из "классического" маломерного кирпича, ограничены очень тесным хронологическим промежутком. Это верхние приделы Благовещенского собора 1564–1566 гг. (Маркина Н.Д., 1973, с. 73–85), а также церкви Жен Мироносиц (Дубынин А.Ф., 1960, с. 64–79) и Троицы в Полях в Китай-городе, обе датируемые 1565/1566 г. (Патриаршая (Никоновская) летопись, 1965, т. XIII, с. 404). То, что этот кирпич бытовал несколько раньше, подтверждается его использованием для некоторых мелких профилей у Покровского собора на Рву (1555–1561). Из всего сказанного можно заключить, что для памятников первой половины XVI в. маломерный кирпич не характерен и, более того, за исключением его модификации у церквей Антипия и Ильи Пророка, нам не известно ни одного достоверного случая его использования ранее 1550-х годов.

Другой датирующий признак – применение чернолощеной досковидной черепицы – несколько менее определенен. Остатки покрытия из такой черепицы найдены у многих московских памятников, нередко в сочетании с маломерным кирпичом. Вероятно, наиболее ранний памятник, где она найдена, – церковь Рождества Христова в подмосковном с. Юркине, относимая всеми исследователями к началу XVI либо к концу XV в. (Давид Л.А., 1982, с. 56; Кавельмахер В.В., 1996, с. 432). Черепица этого типа удерживается по крайней мере до середины 1560-х годов, во всяком случае она найдена при раскопках церкви Жен Мироносиц (Дубынин А.Ф., 1960, с. 77). Таким образом, хронологические рамки для кирпича и для черепицы, примененной в раннем трапезном храме Сретенского монастыря, в целом совпадают.

Передатировка найденного памятника серединой – второй половиной XVI в. находит подтверждение и в характере свода его церкви. Для него находится почти точная аналогия верхних приделов Благовещенского собора. Все четыре придела перекрыты сводами с поперечной распалубкой. Очертание этих сводов тоже параболическое, шелыги малых сводиков ("распалубок") имеют еще более резко выраженный наклон, они точно так же врезаются в основной свод, образуя вокруг светового отверстия систему четырех одинаковых арочек лучкового очертания. Под пятами свода проходит такой же тонкий карнизик из трех рядов кирпичной кладки. Правда, основной свод имеет у них обычную продольную ориентацию, а распалубки – поперечную. Близкое совпадение сводчатой структуры еще более утверждает нас в том, что наиболее

вероятная датировка найденного древнего храма – отнюдь не конец XV в., а 1560-е годы. Из этого следует, что охарактеризованные выше особенности его свода, сочетающего черты псковского бесстолпного перекрытия и крещатого свода, надо трактовать совершенно иначе. Их никак нельзя рассматривать как свидетельство выработки системы крещатого свода на основе псковского строительного опыта, поскольку крещатый свод вошел в практику московских строителей по крайней мере с начала XVI в. Скорее здесь можно увидеть попытку московских мастеров, хорошо знакомых со способами возведения крещатого свода, освоить новый для Москвы тип свода, условно называемого сводом с поперечной распалубкой. Действительно, для первой половины XVI в. мы не можем указать ни на один пример использования этой схемы свода в московском зодчестве, позднее же она становится достаточно распространенной. Мы находим ее у Никольской надвратной церкви Троицкого Белопесоцкого монастыря на Оке, впервые упоминаемой под 1578 г., у которой шелыги малых сводиков также наклонны. Усложненный вариант этой схемы перекрытия со ступенчатым расположением арок особенно часто применяли у боковых приделов (церковь Спаса-Преображения в с. Остров и ряд храмов "годуновского" круга). Таким образом, привлечение нового памятника не дает ничего нового для решения проблемы происхождения крещатого свода.

Несомненно, что и помимо высказанной идеи об идентификации открытого в 1928 г. памятника с церковью Сретения на Поле он представляет значительный интерес для истории русской архитектуры. Принадлежа к типу теплых монастырских храмов, он вместе с тем существенно отличается от широко известных трапезных больших общежительных монастырей. Обычно они ставились на высоком подклете, и под трапезной размещалась хлебня, тепло которой использовалось для обогрева трапезного зала. Размеры трапезных были довольно значительны – с длиной стороны от 10 м (трапезные новгородского Воскресенского, Мальского под Псковом, серпуховского Владычного монастырей, кирилловская Сергиевская трапезная) до 22 м (у соловецкой трапезной), что заставляло опирать своды на стоявший в середине столб. Между тем трапезная Сретенского монастыря подклета, видимо, не имела, а ее внутренний размер был намного меньше, чем у самых небольших из известных нам трапезных, что позволяет считать ее бесстолпной. Еще одна особенность, найденного теплого храма – наличие у него отдельного объема для алтаря, что в XVI в. встречается в основном у трапезных церквей Новгорода и Пскова (трапезные Снетогорского, Александро-Свирского, новгородского Духова, Успенского Тихвинского, Соловецкого монастырей), но даже и там далеко не всегда (трапезные церкви Антониева и Хутынского монастырей отдельного помещения для алтаря не имеют). Из тяготевших к Москве монастырей исключение в этом отношении составляет Сергиевская трапезная церковь Кирилло-Белозерского монастыря, имеющая прямоугольный алтарь. Этот последний памятник имеет и другие точки соприкосновения с храмом Сретенского монастыря. Так, под ним не было хлебни, поскольку малый Ивановский монастырь, предназначавшийся для "убогой братии", не имел собственного хозяйства, и хлеб, как и другая пища, доставлялся в него из соседнего большого Успенского монастыря (Никольский Н.К., 1897, с. 250–252). Существование у этого памятника подклета не было вызвано необходимостью и в какой-то мере может быть объяснено постановкой здания на крутом склоне холма.

Очевидно, что устройство монастырских трапезных зависело не только от архитектурной традиции, но и от конкретных потребностей, определяемых реальными условиями жизни, разными для монастырей различного назначения.

Сретенский монастырь, во всяком случае в ранний период, не принадлежал к числу больших общежительных монастырей. Он был основан как ктиторский и таким, по всей вероятности, оставался в середине XVI в. Древняя церковь Сретенского монастыря интересна как едва ли не единственный дошедший до нас образец теплого трапезного храма небольшого городского ктиторского монастыря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев Л.А., 1996. Чудотворная икона в сакральной топографии средневекового города: первый престол иконы Владимирской Богоматери в Москве // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М.

Владимирский летописец, 1965 // ПСРЛ. Т. XXX.

Давид Л.А., 1947. Церковь Трифона в Напрудном // Архитектурные памятники Москвы. XV–XVII век. М.

Давид Л.А., 1975. Церковь Антипия у Государевых больших конюшен в Москве // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. I. М.

Давид Л.А., 1982. Церковь Рождества в с. Юркино // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М.

Дневник К.К. Романова за 1928 г. Архив ИИМК. Ф. 29. Ед. хр. 171.

Дубынин А.Ф., 1960. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 году // КСИИМК. Вып. 79.

Ермолинская летопись, 1910 // ПСРЛ. Т. XXIII.

Иосиф, иеромонах, 1911. Московский Сретенский монастырь. М.

Кавельмахер В.В., 1996. К вопросу о времени и обстоятельствах постройки церкви Рождества Христова в Юркине // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1995. М.

Левинсон Н.Р., 1928. Ремонт и реставрация памятников архитектуры // Московский краевед. Вып. 7–8 (музейный).

Львовская летопись, 1914 // ПСРЛ. Т. XX, 2-я половина.

Максимов П.Н., 1967. К вопросу об авторстве Благовещенского собора и Ризположенской церкви в Московском Кремле // Архитектурное наследство. Вып. 16.

Маркина Н.Д., 1973. Из истории возникновения приделов Благовещенского собора в 60-х годах XVI века // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. I. М.

Никольский Н.К., 1897. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. Т. I. Вып. 1. СПб.

Новиков И.И., 1962. Выдающееся произведение русской архитектуры – церковь в селе Дьяково // Ежегодник ГИМ. М.

Отрывок Троицкой летописи, 1913 // ПСРЛ. Т. XVIII.

Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади, 1982. М.

Памятники архитектуры Москвы. Белый город, 1989. М.

Патриаршая (Никоновская) летопись, 1965 // ПСРЛ. Т. XI.

Патриаршая (Никоновская) летопись, 1965 // ПСРЛ. Т. XIII.

Плужников В.И., 1995. Термины российского архитектурного наследия. Словарь-глоссарий. М.

Подъяпольский С.С., 1994. О малоизвестном типе папертей конца XV – начала XVI века // РА. № 3.

Протоколы заседаний архитектурно-реставрационного отделения ГЦХРМ // ЦМАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 11.

Протоколы заседаний секции "Старая Москва" Общества изучения Московской губернии // ОР РГБ. Ф. 177. Картон 2. Ед. хр. 9.

Рабинович М.Г., 1949. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. № 12.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1-39.

Романов Г.А., 1992. Крест резной. Московский Сретенский монастырь. М.

Софийская вторая летопись. 1853 // ПСРЛ. Т. VI.

Схематический план Никольской церкви Сретенского монастыря // РО РГБ. Ф. 177. Картон 55. Ед. хр. 24.

Токмаков И.Ф., 1885. Краткий исторический очерк московского Сретенского монастыря // Серафим [Чичагов], архимандрит. Сретенский монастырь. М.

Хворостова Е.Л., 1995. Архитектурно-археологические исследования церкви Николы на Старом Ваганькове // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. Вып. II. М.

Московский архитектурный институт

S.S. POD'YAPOLSKY

ANCIENT CHURCH IN SRETENSKY MONASTERY IN MOSCOW

Summary

In 1928 in Sretensky monastery in Moscow St. Nicolas church dated back to the late 17th century was investigated before its pulling down. Architect N.A., Pustakhanov had established that certain part of the church's walls had been built of small-size bricks and thus should be dated to earlier period. The discovered temple was identified as Sretenye in the Field church built in 1482 by Pskov craftsmen known from the chronicle evidence. While pulling down more than 40 photographs were taken. Their analysis as well as the manuscripts from K.K., Romanov's archive gave the possibility of more detailed reconstruction and new interpretation of the monument. The ancient building did not only consist of pillarless temple, as it was stated before, but included also refectory and altar demolished as early as the 17th century. Thus, by that time the building should be considered not as the main temple of the monastery, like Sretenye in the Field church, but as a refectory church preceeding St. Nicolas temple of the 17th century. Bricks type used for the construction, as well as vault's construction peculiarities enable the author to point the closest analogies for the building in Moscow architecture of the 1560-s (namely, the upper side-chapels of Annunciation cathedral). The church in question differs significantly by its small dimentions from the refectories known in the 16th century in great cenobite monasteries, and represents a type of heated temple of small private monastery.

С.З. ЧЕРНОВ

ПОГОСТ АФАНАСИЯ И КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРИЙСКИХ В РАДОНЕЖЕ

(по данным археологических исследований 1997–1998 гг.)

Сельские некрополи XIV–XVI вв., сохранившиеся на территории древнего Московского княжества, отражают некоторые черты православной культуры раннемосковского времени, которые порой неизвестны по письменным источникам. Эти данные могут существенно дополнить наши представления о религиозном сознании той поры. Однако для того, чтобы сельские некрополи стали полноценным археологическим и историческим источником, необходимо решить целый ряд проблем источниковедческого свойства.

Следует напомнить, что памятники данного круга являются по большей части безынвентарными. Именно поэтому до недавнего времени они оставались на периферии средневековой русской археологии. Отношение к сельским некрополям начало меняться с того времени, когда предметом специальных исследований стали наземные элементы погребальных памятников – белокаменные плиточные надгробия (Беляев Л.А., 1991; 1996) и надгробия из валунного камня (Чернов С.З., 1991а). Выделены были некрополи, на которых наземные элементы погребений сохранились на значительной площади (Чернов С.З., 1999). Тем не менее большинство некрополей распаханы и наземные элементы погребальных сооружений полностью или частично разрушены. В связи с этим возникает необходимость разработки методов исследования элементов погребального обряда по находкам, сохранившимся в переотложенном состоянии. Один из таких методов – сочетание раскопок распаханных некрополей с изучением их территории детекторами металлов.

Активное применение в 1990-е годы детекторов металлов способствовало приращению информации и постановке ряда новых проблем, но одновременно продемонстрировало необходимость разработки особых приемов исследования, интерпретационных процедур и увязки с традиционной методикой археологических раскопок. Удачным примером "археологического ответа" на новые возможности, открывшиеся благодаря применению детекторов металла, может служить комплексное исследование монетного производства XVII в. на территории двора бояр Романовых в Москве (Александровский А.Л. и др., 1998, с. 11, 12). Подобная ситуация сложилась и при фиксации произведений христианской металлопластики. Использование детекторов металла ведет к резкому росту находок и ставит ряд новых вопросов. В частности, А.К. Станюкович обратил внимание на значительное число фрагментированных энколпионов, наперсных и тельных крестов, литых иконок и створок складней XVI–XIX вв., которые были обнаружены в ходе разведок на "старопахотных территориях" в окрестностях с. Красная Пахра и г. Звенигород, и предложил несколько неожиданную интерпретацию этих объектов: "Поскольку некоторая часть найденных в полях произведений металлопластики явно специально сломана еще в древности, этот факт может отражать достаточную распространенность каких-то обрядов народного чернокнижия, требующих уничтожения или порчи сакральных предметов" (Станюкович А.К., 1998, с. 53).

Наиболее перспективным в этой ситуации представляется обратиться к конкретным комплексам сломанных в древности крестов и других произведений христианской

© С.З. Чернов, 2000 г.

металлопластики, и связать их с определенными памятниками археологии (селища, некрополи) и исторического ландшафта (древние пашни, луга, промысловые угодья в лесах и на болотах). После такого дифференцированного изучения можно будет говорить о более широких интерпретациях применительно к той или иной эпохе. Подобный подход был использован в ходе исследования, проведенного в 1997–1998 гг. на территории могильника в урочище "Погост" на Афанасовом поле в Радонеже, где был найден наиболее крупный из известных сегодня комплексов фрагментированных крестов.

Могильник был выявлен автором в 1980 г. в 170 м к юго-востоку от церкви Спасо-Преображения села Радонеж Сергиево-Посадского р-на Московской области (Чернов С.З., 1980, с. 10–24). Он представляет собой часть более обширного археологического памятника – селища Радонеж-2, которое идентифицируется с южной частью посада Радонежа. Культурный слой посада прослежен на левом берегу р. Пажи на плато низкого долинного зандра, которое ограничено на западе и юге склонами к реке, а на севере и востоке – оврагами, и плавно понижается в южном направлении. Общая протяженность селища с юга на север составляет 380 м, а с запада на восток – 330 м. Площадь его 95 тыс. м^2. Мощность культурного слоя – 0,3–0,4 м. Река Пажа ближе всего подходит к селищу в его северо-западной части – здесь она протекает в 18 м от коренного берега, который возвышается на 15 м над уровнем реки и имеет крутой склон. Именно здесь расположен могильник (рис. 1). Он приурочен к небольшому возвышению (отметки 179.0–179.5), которое с юга, северо-востока и востока ограничено понижениями рельефа. Старожилы села Радонеж помнят, что в старину близ Хутора располагались погост и церковь[1], известная по писцовым книгам как храм Афанасия и Кирилла Александрийских.

В 1986–1989 гг. на мысовой части могильника сотрудником Загорского музея-заповедника В.И. Вишневским были проведены исследования на площади 72 м^2. Раскопки выявили 38 погребений. Они были совершены в культурном слое, который В.И. Вишневский датировал XIV – началом XVI в. За одним исключением, погребения безынвентарные. В погребении 13 в кисти погребенного была найдена серебряная полушка 1560–1584 гг. Это погребение было перекрыто погребением 1. В последнем на груди покойного был найден квадратноконечный крест-тельник из оловянистой бронзы с изображением Голгофского креста, а на боку – нож в кожаных ножнах. Погребение 1 автор раскопок датировал началом XVII в. (Вишневский В.И., 1995, с. 18–20). Предложенная верхняя дата могильника представляется обоснованной. Что касается нижней его даты (начало XVI в.), то она основывается на хронологическом определении фрагментов белокаменных плиточных надгробий, найденных на пашне и в раскопе, которое опирается лишь на толщину плит (6 см) и характер нечитаемых надписей. Думается, что этих данных недостаточно для столь узкой датировки надгробий. Более точные данные для датировки дают находки, сделанные в яме 3, подрезанной могилой. В яме содержался комплекс керамики (34,8% красноглиняной, 63,7% белоглиняной, 1,5% чернолощеной), который исследователь отнес к XV – началу XVI в. Высокий процент белоглиняной грубой посуды характерен для комплексов первой половины XVI в. (Чернов С.З., 1991б, с. 50–59). Это позволяет датировать могильник временем не ранее второй четверти XVI в.

Исследования детектором металла 1997 г. Новые возможности для изучения могильника открылись после того, как летом 1997 г. на его территории (в 10 км к югу от раскопа 1986–1989 гг.) Н.М. Соловьевым было обнаружено скопление крестов, а несколько южнее, на территории селища, – монетный клад[2]. В сентябре 1997 г. на

---

[1] "Где хутор – там была кладбища, ...там вырывали кости большие очень и камни – вот на памятник-то клали. Когда трактора пошли, там начали выпахивать плиты надгробные и кости" (М.П. Масленцева 1895 г. рождения). "Домик у нас стоит на поле... на поле-то. Хутор называем – там ведь было, говорят, кладбище, церковь там была" (А.А. Курочкина 1903 г. рождения). Записи произведены в с. Радонеж в 1980 г.

[2] Пользуюсь случаем высказать благодарность Н.М. Соловьеву и А.К. Станюковичу, способствовавшему введению обнаруженных материалов в научный оборот и принявшего участие в работах МАЭ ИА РАН 1997 г.

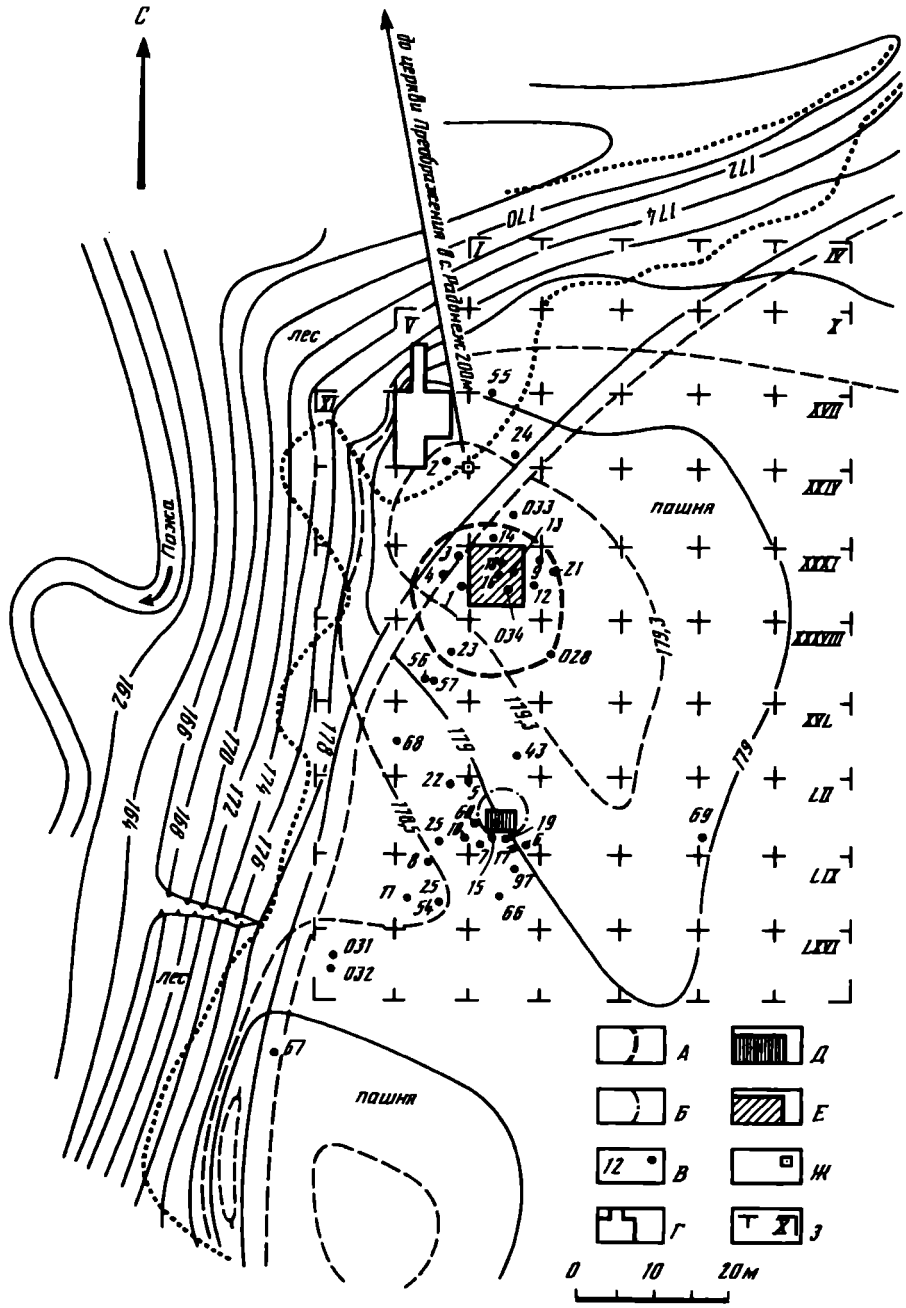


Рис. 1. Грунтовый могильник в урочище "Погост" на Афанасовом поле. План 13.09.1997 г. *А* – зона обнаружения крестов в ходе сборов Н.М. Соловьева 1997 г.; *Б* – зона обнаружения монет в ходе сборов Н.М. Соловьева 1997 г.; *В* – находки, зафиксированные 13 и 20 сентября 1997 г.; *Г* – раскоп Загорского музея-заповедника 1986–1989 гг.; *Д* – раскоп 1 МАЭ ИА РАН 1997 г. с указанием места обнаружения клада; *Е* – раскоп 2 МАЭ ИА РАН 1998 г.; *Ж* – геодезический репер (отметка 179.30); *З* – квадратная разметка для фиксации находок детектором металла, заложенная в 1997 г. и номера квадратов

месте находок Московской археологической экспедицией ИА РАН были проведены рекогносцировочные исследования, которые велись детектором металлов "Ficher" с фиксацией находок на плане. В 1998 г. здесь же были проведены раскопки. В результате был собран публикуемый комплекс меднолитых крестов (рис. 2–7).

Как показали исследования 1997 г., зона обнаружения скопления крестов, указанная Н.М. Соловьевым, располагалась в 10 м к югу от репера и имела радиус 10–12 м (рис. 1, *Б*). Находчиком здесь были найдены 24 обломка крестов[3], а затем зафиксиро-

[3] Они получили полевые номера 97-01 – 97-023 и 97-026а (далее в тексте даны в круглых скобках).

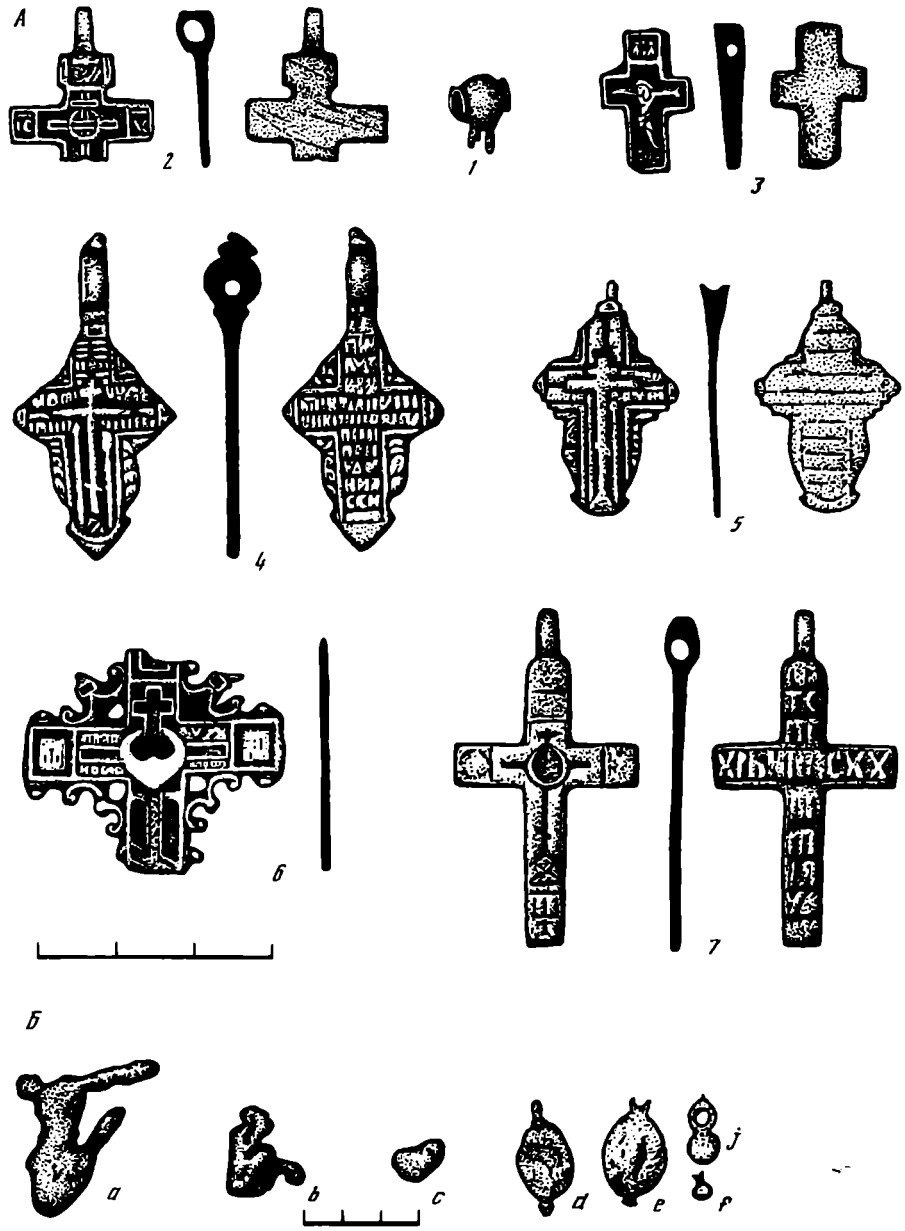


Рис. 2. Находки, обнаруженные на территории селища Радонеж-2 вне комплекса меднолитых крестов. Здесь и далее в круглых скобках указан полевой номер, в квадратных – номер анализа. *А* – меднолитые кресты: *1* – (97–59) [Р42] – оглавие энколпиона бочковидное; *2* – (97–24) [Р39] – прямоугольноконечный крест-тельник, на лицевой стороне изображен крест с цатой и надписью "іс" "хс" в клеймах, на оборотной стороне изображения нет; *3* (97–60) [Р40] – прямоугольноконечный крест-тельник с внутренним ушком; на лицевой стороне Распятие, на оборотной стороне изображения нет; *6* (97–025) [Р35] – квадратоконечный крест с расходящимися от распятия лучами или устьицами; *4* (97–026) и *5* (97–51) – ромбиконечные кресты с изображением креста на фоне имитации текста молитвы кресту; *7* (97–033) – прямоугольноконечный крест с вытянутыми лопастями и изображением на лицевой стороне креста с цатой, а на обороте текста молитвы кресту. *Б* – выплески медного сплава из сборов 1997 г.: *a* – (97–20) [Р38], *b* – 97–65 [Р37], *c* – 97–11 [Р36]. *В* – находки из раскопок 1998 г., связанные с погребениями: *d*, *e*, *f* – пуговицы-бубенчики (98–9, 98–22, 98–15); *j* – пуговица (98–18). Автор рисунков № 2–8 – С.И. Вилькина

вано еще пять обломков (рис. 3, *5*; 4, *9*; 7, *24*)[4]. Вне данной зоны зафиксировано три креста-тельника; прямоугольноконечный, устьецевый и ромбощитковый (рис. 2, *2*, *6*, *4*).

[4] Они получили полевые номера 97-027, 97-029, 97-034, 97-035.

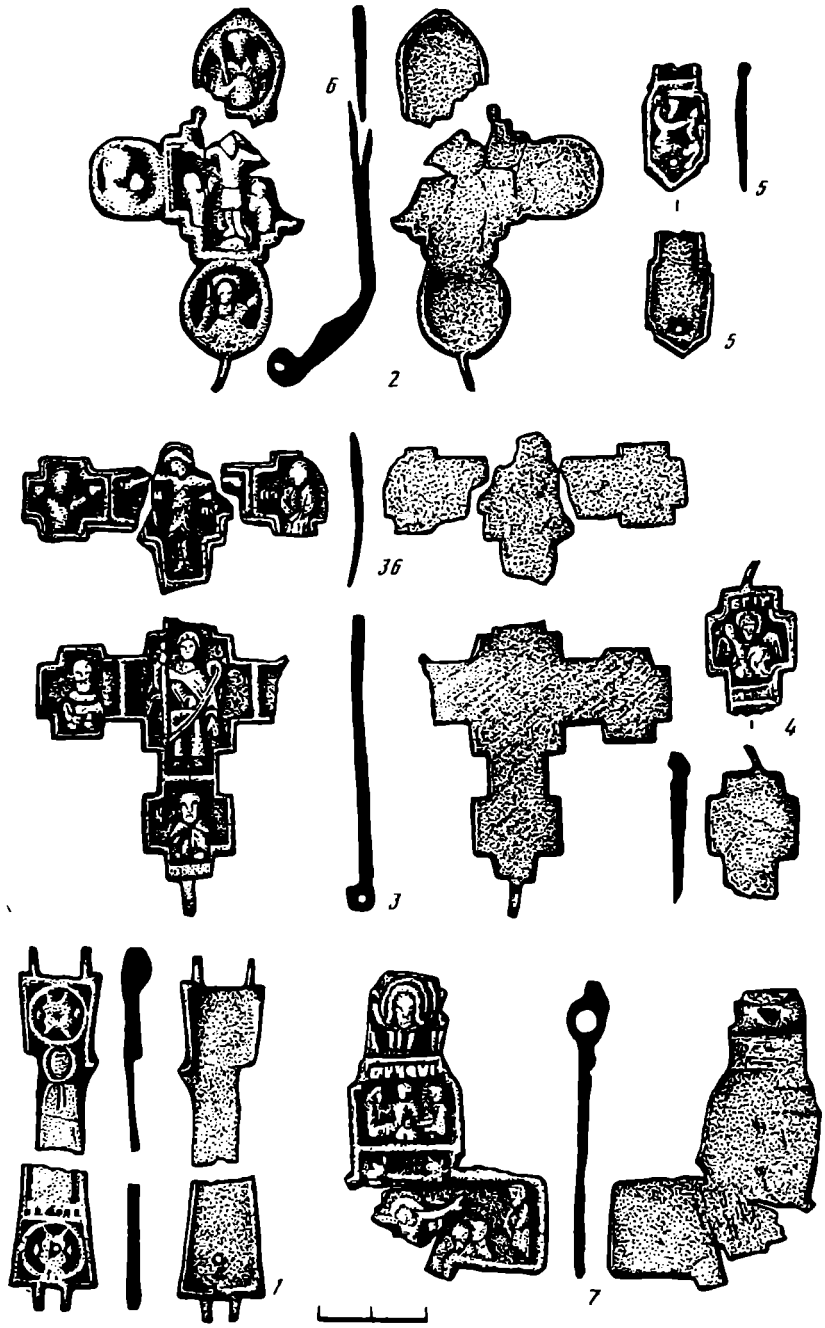


Рис. 3. Коллекция меднолитых крестов из могильника в урочище "Погост" на Афанасовом поле. Энколпионы. Расшифровку к рисункам 3–7 см. в Каталоге, публикуемом в приложении к статье М.С. Шемаханской

В юго-западной части исследуемой территории была найдена серебряная полушка (полуденьга) (рис. 1, кв. LX, 031). На аверсе изображение не читается. На реверсе у верхнего края видна часть орнаментальной решетки, ниже читается нижняя строка многострочной надписи: "в/киі". Вес монеты 0,4 г. Она принадлежит к типу 8 полушек с неопределенным местом чеканки (имеются три подобные монеты). По мнению П.Г. Гайдукова, они относятся к чекану вел. кн. Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.), у которого имеются близкие монеты с изображением четвероногого животного и всадника[5]. Там же найдено медное пуло (рис. 1, кв. LX, 032). Кроме того, обнаружена

[5] В подготовленном П.Г. Гайдуковым каталоге "Русские четверетцы и полушки конца XIV–XVII вв." описана под № 295. Благодарю П.Г. Гайдукова за консультацию.

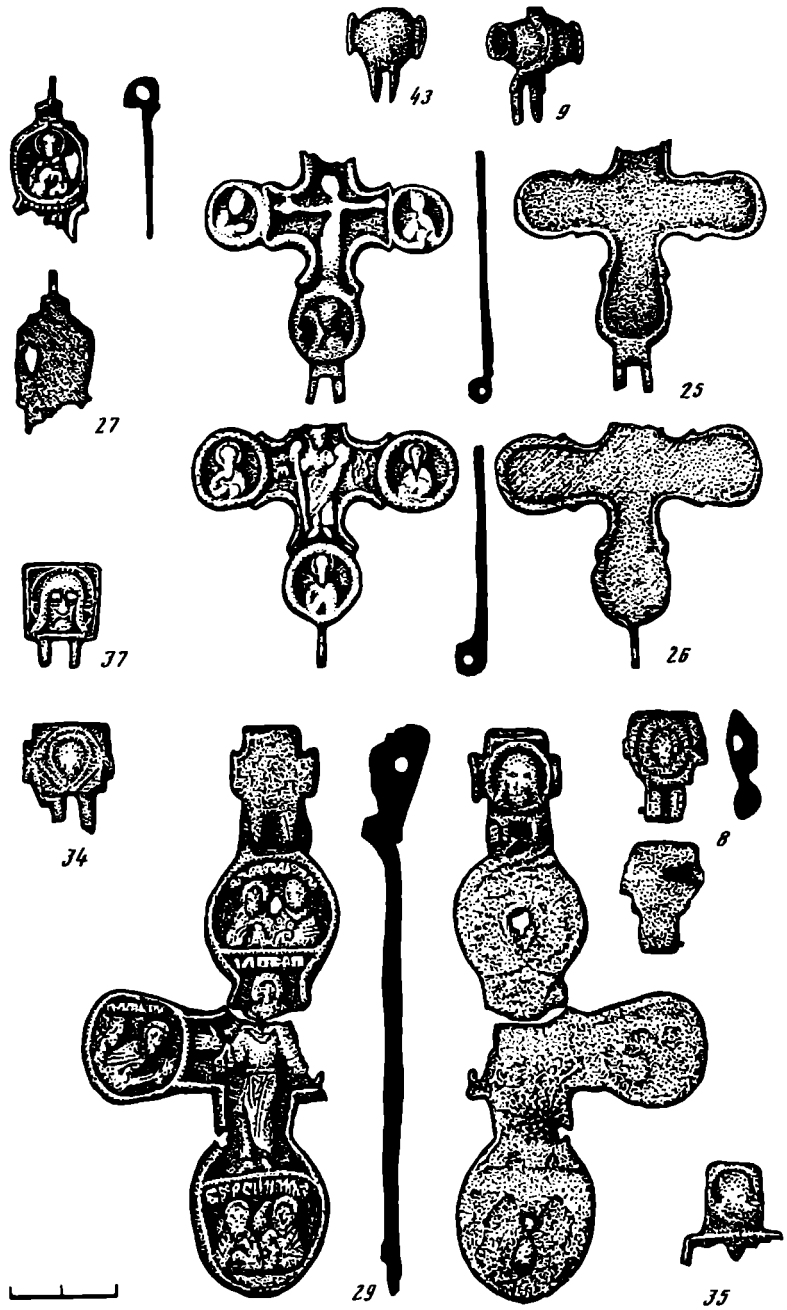


Рис. 4. Коллекция меднолитых крестов из могильника в урочище "Погост" на Афанасовом поле. Энколпионы

серебряная деньга (№ 026б). На аверсе в ободке из двух линий и точек плохо читается стертое изображение двуногого дракона с открытой пастью и загнутым кверху хвостом. На реверсе в ободке из двух линий и точек читается четырехстрочная надпись: "кн/язь/вели/ки". Вес монеты 0,64 г. Надпись и изображение аналогичны деньгам последнего десятилетия правления вел. кн. Василия Дмитриевича (Мец Н.Д., 1974, с. 124, № 243, 244).

В процессе работ экспедиции была сделана еще 41 находка[6]. В зоне скопления крестов были зафиксированы еще три их обломка (рис. 1, *9*, *12*, *16*), две серебряные денежки Ивана IV, медное пуло (рис. 1, *18*, *21*, *23*) и большое количество гвоздей.

[6] Они получили полевые № 97-1 – 97-25, 97-50 – 97-60, 97-65 – 97-69.

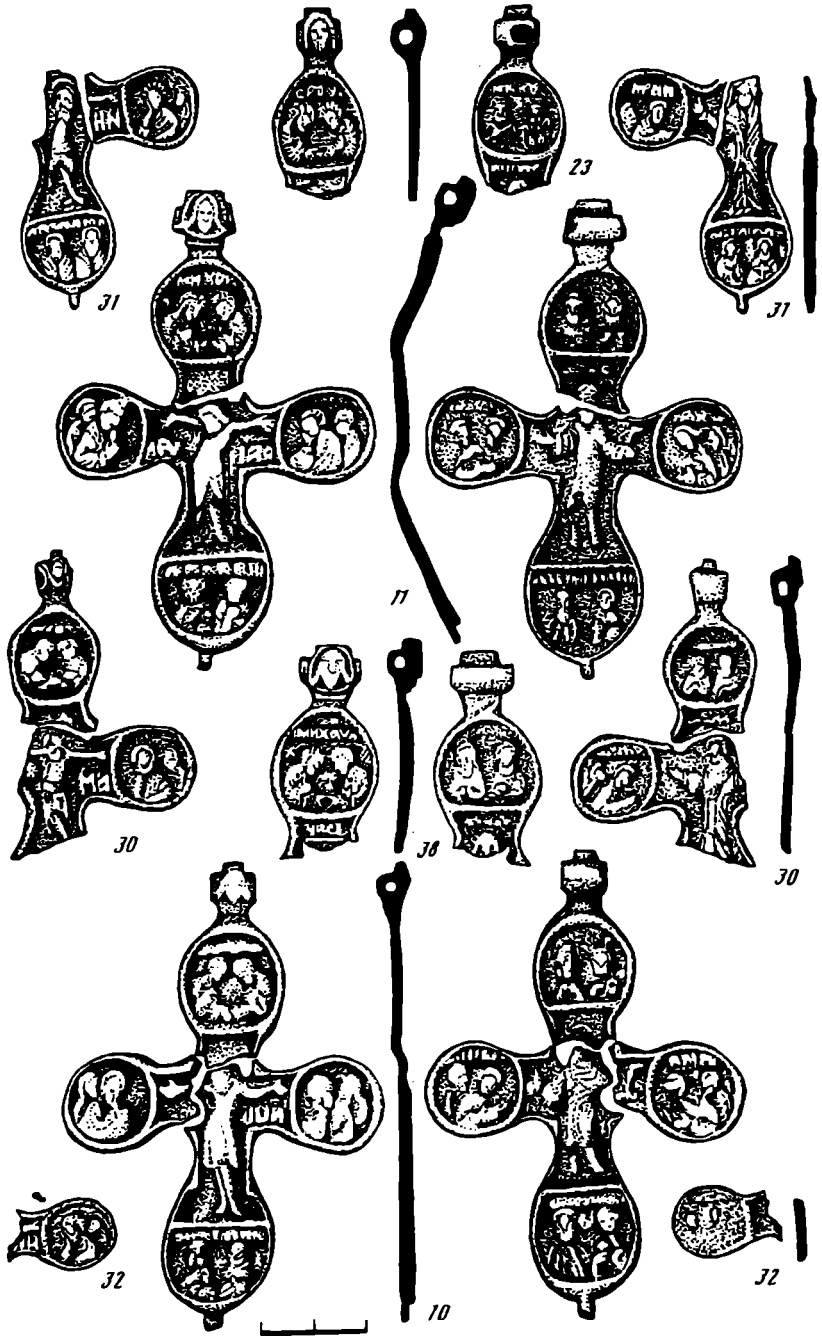


Рис. 5. Коллекция меднолитых крестов из могильника в урочище "Погост" на Афанасовом поле. Наперсные круглоконечные четырехмедальонные двусторонние кресты. На лицевой стороне – Распятие, на оборотной – Иоанн Предтеча с хартией

В районе скопления монет клада был найден литой крест-тельник с изображением Распятия, выполненный на высоком художественном уровне (рис. 1, кв. XLVIII, 60; рис. 2, *3*). Кроме того, зафиксированы две свинцовые пули 1-й группы. Первая пуля, найденная в южной части исследованной территории, обжатая (вариант 7) и деформированная в результате сильного удара (рис. 1, кв. LV, 66). Она напоминает мушкетные пули из слободы Голено-1 под г. Епифанью (Тульская область) первой половины XVII в. Вторая пуля, найденная в северной части исследуемой территории (рис. 1, кв. XIII, 24), имеет неровную поверхность и напоминает пищальные пули, выявленные на

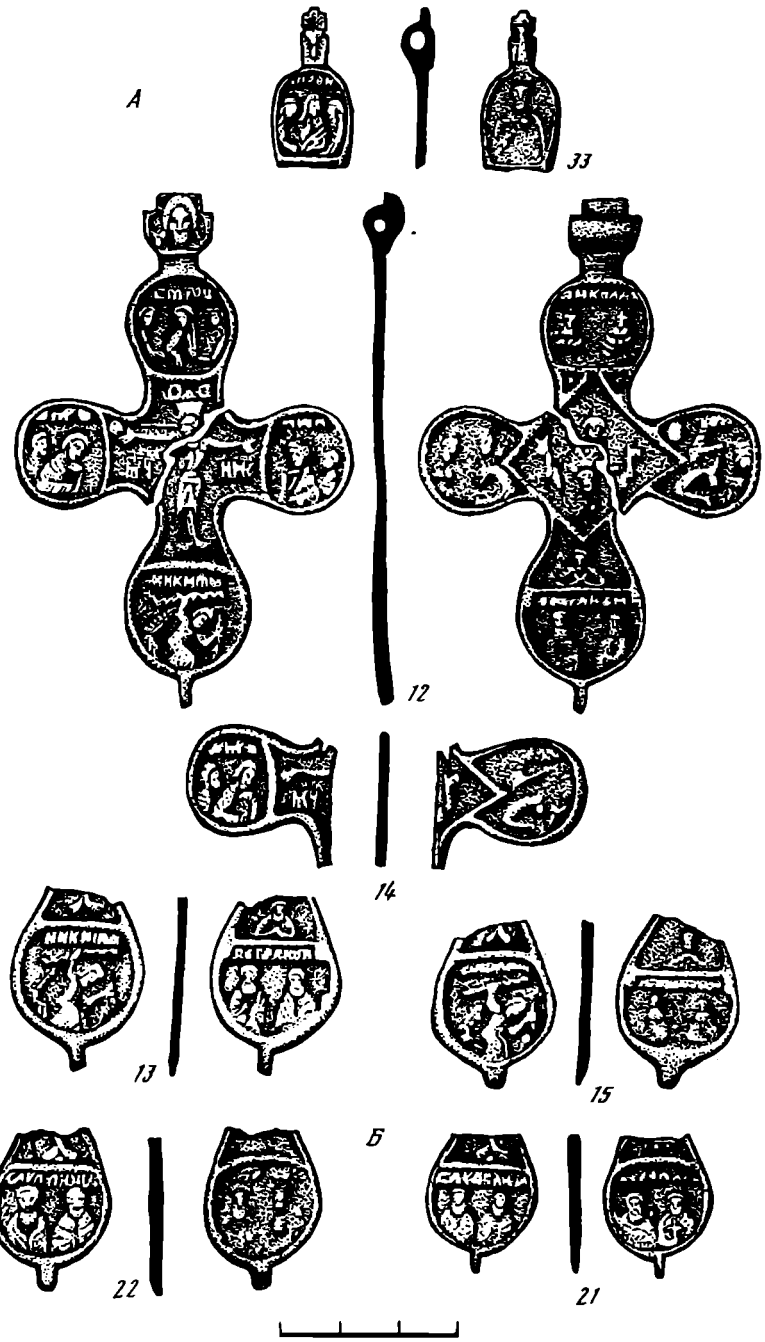


Рис. 6. Коллекция меднолитых крестов из могильника в урочище "Погост" на Афанасовом поле. Наперсные круглоконечные четырехмедальонные двусторонние кресты. *А* – на лицевой стороне – Распятие, на оборотной – Богоматерь Знамение. *Б* – на оборотной стороне – Иоанн Предтеча

казачьих слободах близ г. Епифани 1577–1609 гг.[7] Отмечу также свинцовый предмет с круглым отверстием (грузило – ?) и колечко из оловянисто-свинцового сплава (рис. 1, *11*, *54*). Находки из железа представлены ручкой ключа, ножами, скобой, пластинами и гвоздями (рис. 1, *17*, *10*, *25*, *6*, *8*, *19*, *7*, *22*). В 30 м от скопления крестов обнаружена

[7] Здесь использована типология, изложенная в докладе О.В. Двуреченского "Свинцовые снаряды и заготовки для огнестрельного оружия из Казачьих слобод под Епифанью" // Конференция Музея истории Москвы. 21.04.1998 г.

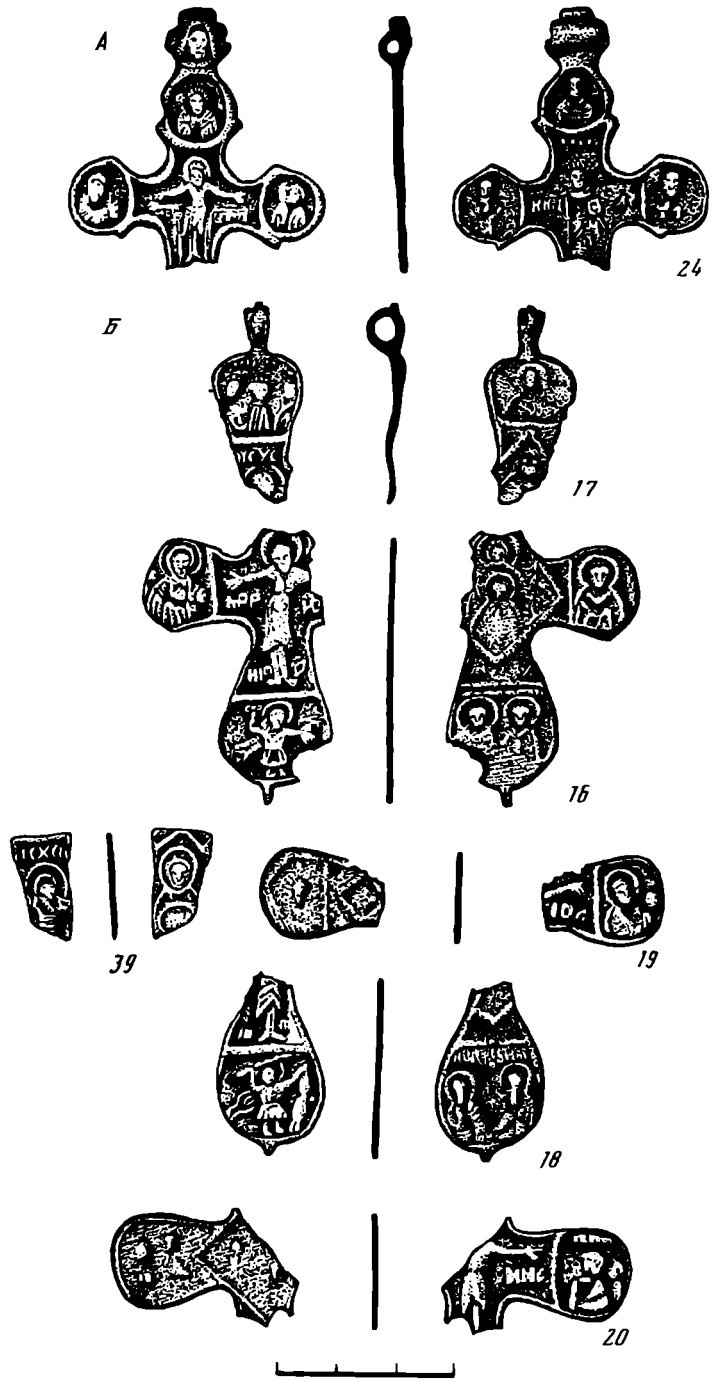


Рис. 7. Коллекция меднолитых крестов из могильника в урочище "Погост" на Афанасовом поле. *А* – круглоконечный двусторонний крест с выступающими дугами средокрестия; *Б* – круглоконечные четырехмедальонные двусторонние миниатюрные кресты. На лицевой стороне – Распятие, на оборотной – Богоматерь Знамение

боковая грань литого наперсного круглоконечного креста (рис. 1, кв. LI, *69*), а в 40 м к юго-западу от скопления монет – фигурная бронзовая накладка от книжного переплета (рис. 1, *67*).

Кроме того, за пределами могильника, в центральной части селища и близ хутора[8]

[8] К находкам МАЭ (97-50 – 97-59) были присоединены находки, сделанные Н.М. Соловьевым летом 1997 г. (97-205 – 97-216).

были найдены ромбиконечный нательный двусторонний крест с изображением креста на фоне имитации текста молитвы кресту (рис. 2, *5*), бочкообразное оглавие энколпиона (рис. 2, *1*), бронзовые пластина с заклепкой и накладка с декоративным изображением, оковка рукояти ножа из оловянисто-свинцового сплава, обломок литого бронзового изделия, орнаментированного каннелюрами, накладка с заклепками из цветного металла (№ 52, 207, 50, 210, 212), свинцовая пуля 1-й группы (№ 216).

Раскопки 1998 г. В 1998 г. на месте скопления крестов был разбит раскоп (48 м^2) (рис. 1, *Е*). Верхний культурный слой (пласты 1, 2 – рис. 8) на всей площади раскопа был представлен переотложенным в ходе многолетней распашки гумусированным суглинком мощностью 30–40 см, который содержал большое количество вещевых находок и керамики. После снятия этого слоя была произведена зачистка, в ходе которой в центре раскопа на отметках –34 – –57 было зафиксировано 15 обломков белокаменных плиточных надгробий толщиной от 7 до 11 см. На одном из них (№ 6) фиксируется трехгранно-выемчатый орнамент. Надгробия 1, 2, 4-5 и 7 были погружены в слой кладбищенского перекопа, однако лишь применительно к плите 4-5 есть основания предполагать, что она залегает in situ.

Среди находок, относящихся к могильнику, следует отметить несколько обломков бронзовых литых крестов, которые дополняют комплекс находок 1997 г. Это оглавие энколпиона с изображением Спаса Нерукотворного (рис. 4, *37*), обломок центральной части миниатюрного круглоконечного креста (рис. 7, *39*), а также верхняя лопасть с оглавием круглоконечного креста с Иоанном Предтечей на обороте, который был найден в 1997 г. примерно в 1,5 м западнее (рис. 5, *11*). С погребениями, подвергшимися разрушению, связаны, видимо, находки двух бронзовых пуговиц-бубенчиков и одной пуговицы из свинцово-оловянистого сплава (рис. 2, *Б*, *d*, *e*, *f*, *j*; рис. 8, *9*, *15*, *18*). Бронзовый бубенчик (пуговица), скреплявший ворот погребенного, встречен на Суздальском курганном некрополе (Седова М.В., 1997, с. 154, рис. 48, *15*). Возможно, в Радонеже пуговицами-бубенчиками также застегивались вороты рубашек погребенных.

С хозяйственной деятельностью, которая велась на этом месте до начала функционирования некрополя, связаны бытовые предметы: подкова, кольца и пряжка от узды, шпора (98-4, 3, 5, 6, 8). Особую группу находок составляют бронзолитейные шлаки размером от 3 × 1,5 см до 0,5 × 0,5 см (98-11, 12, 13, 17, 24, 38–41). Основная часть фрагментов шлака встречена в северной части раскопа в ходе зачистки 2 пласта, в гумусированном суглинке с углями, который отражает хозяйственную застройку, предшествовавшую устройству кладбища (рис. 8, *12*, *13*; рис. 9, *38–41*). Видимо, на усадьбе, которая здесь располагалась, занимались литьем из бронзы. Возможно, с этим производством нужно связывать и выплеск бронзы, зафиксированный на месте раскопа детектором металла в 1997 г. (рис. 2, *Б*, *а*). Кроме того, следует отметить две серебряные денежки "князя великого" Ивана IV 1533–1547 гг. (98-7, 16) и медное пуло (98-10).

Толща 3 и 4 пластов практически на всей площади раскопа (кроме восточной его окраины – кв. 3, 6, 9) сложена кладбищенским перекопом, включавшим светло-бурый и темно-бурый суглинок (переотложенный материк, слагавшийся бурым и подзолистым горизонтами дерново-подзолистой почвы) с гумусом, углями и фрагментами печины и керамики (переотложенный культурный слой более раннего времени). Зачистка, произведенная на отметках –60 – –70 см, показала, что в западной и центральной части раскопа слой кладбищенского перекопа довольно аморфный. Контуры могильных ям удалось выявить лишь в кв. 1–4 (яма 8). В восточной части раскопа на уровне –60 выявились контуры четырех могильных ям. Яма 3 прослежена в кв. 6 и 9. В зачистке она имела ширину 1,75 м и длину более 1,9 м. Яма 5 выявилась в кв. 6 и частично 3. Она уходила в восточную стенку раскопа. Ширина ее составляла 1,1 м. Яма 6 читалась в кв. 3 и уходила в северную стенку раскопа. Яма 7 зафиксирована в кв. 9 в 70 см к юго-востоку от ямы 3. Все могильные ямы ориентированы на северо-восток,

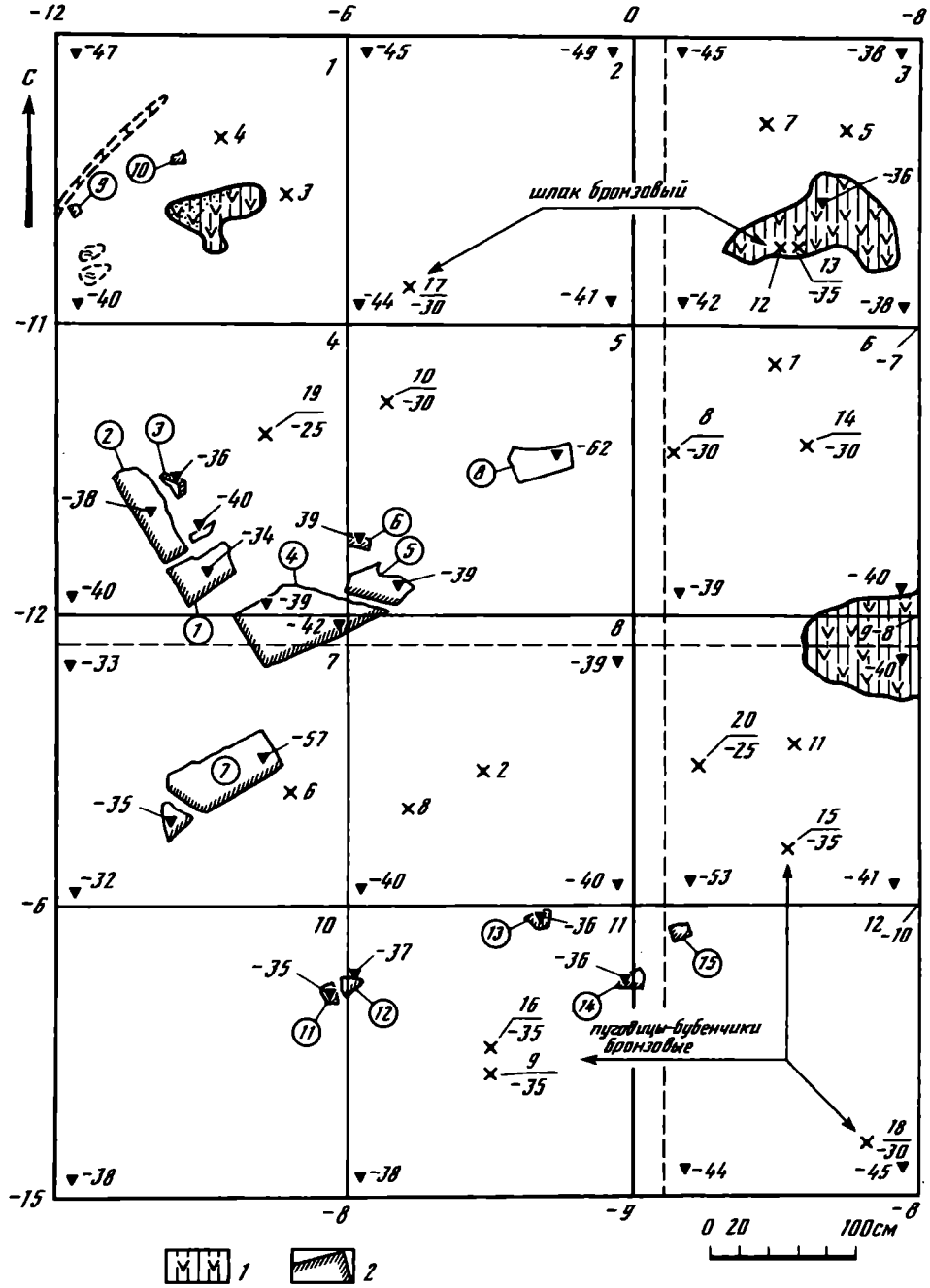


Рис. 8. Грунтовый могильник в урочище "Погост" на Афанасовом поле. Раскоп 2 1998 г. План зачистки пласта 2. Условные обозначения: *1* – темно-серый гумусированный суглинок с углем – культурный слой отложившийся до начала захоронений; *2* – фрагменты белокаменных плиточных надгробий

с небольшим отклонением к востоку. Вдоль контура ям 3, 5, 7 прослежены полосы белесого цвета шириной 10–12 см. Они сложены подзолистым горизонтом, который сполз уже после засыпки могильных ям, в тот период, когда их заполнение оседало.

В слое кладбищенского перекопа были зафиксированы следы нескольких погребений, которые были потревожены в древности в ходе рытья могильных ям. Погребение 2б было обнаружено на границе квадратов 7 и 8 на отметке – 67 см. Сохранились часть черепа и нижней челюсти. В 10–60 см к западу, в кв. 7, на отметках –90–95 см были обнаружены следы погребения 2а. Вдоль западного края относящейся к нему могильной ямы на отметках – 90 см были найдены два массивных гвоздя сечением 7 × 8

и 7 × 7 мм и длиной по 16 см каждый (рис. 9, *47*, *48*). На отметке –95 см in situ залегал череп. Он был повернут лицевой частью на север. Несколько выше (отметки –90 см) в смещенном состоянии лежали три локтевые и лучевые кости. Череп был найден также в кв. 2 близ северной стенки раскопа на отметке –65 см. Он был явно смещен. Костные останки близ него не обнаружены. Кроме того, фрагмент черепной коробки был обнаружен в кв. 12 в юго-восточной части раскопа на отметке –70 см.

Кладбищенский перекоп был насыщен находками и керамикой. В частности, в кв. 11 были обнаружены три подбирающиеся фрагмента лицевой створки квадратоконечного энколпиона (рис. 9, *28* на отметке –60, 34 на отметке –62, 42 на отметке –80) с Распятием и предстоящими (рис. 3, *3б*), близкого энколпиону с изображением архангела Сихаила, найденного в 1997 г. (рис. 3, *3*). Створка 1998 г. была разломана в древности на пять фрагментов, три из которых найдены. Створка 1997 г. дошла до нас без верхней и правой частей, которые также были отломаны в древности, причем крест был погнут.

Помимо крестов в кладбищенском перекопе найдено большое количество гвоздей (в пласте 1 – 62, в пласте 2 – 14, в пластах 3 и 4 – 39), которыми скреплялись стенки дощатых гробов и крышки гробов-колод. Размеры гвоздей колеблются от 11 см (в сечении 7 × 8 мм) до 1 см (в сечении 1 × 1 мм). Встречены также бронзовая пуговица-бубенчик (рис. 9, *22*), и серебряные денежки "князя великого" Ивана IV, чеканенная в 1533–1547 гг. (рис. 9, *21*; отметка –45) и царя Федора Ивановича 1584–1598 гг. (рис. 9, *51*; отметка –80).

Исследование могильных ям до уровня погребения производили лишь в центральной части раскопа (рис. 9). Из восьми зафиксированных в зачистке могильных ям были изучены ямы 1, 3 и частично 4. Захоронения были совершены на довольно значительной глубине.

Погребение 1 было произведено в яме 1, которая на уровне –80 см имела ширину 100 см и длину немногим более 2,2 м. Яма была ориентирована на северо-восток. На отметках –98 – –100 в центре ямы было зафиксировано мужское безынвентарное погребение хорошей сохранности, совершенное в сложенной суглинками морене (рис. 9). Череп был слегка повернут так, что лицевая часть была ориентирована в юго-восточном направлении. Правая рука погребенного была согнута под углом 90° и лежала на груди. Левая рука была согнута под углом 45°, а кисть лежала на правом плече рядом с подбородком. В раскопе 1986–1989 гг. подобное положение руки зафиксировано на 7 из 15 погребений (Вишневский В.И., 1995, с. 26). В 30 см от левого локтя погребенного, у края могильной ямы, на отметке –100 см, был найден массивный гвоздь (рис. 9, *44*: сечение 5 × 5 см, длина 70 см). Такой же гвоздь лежал симметрично у противоположного края могильной ямы, в 40 см от правого локтя погребенного (98-43: сечение 6 × 4 мм, длина 10 см). Несколько ниже, на отметке –120 см, в кв. 4 был найден еще один гвоздь (98-46: сечение 5 × 5 мм, длина 7 см), что позволяет говорить об обычае класть массивные гвозди вдоль стенок гроба. Смысл его, как и вообще использование железных предметов при погребении, возможно, следует объяснять стремлением защититься от смерти (Зеленин Д.К., 1991, с. 349). Погребение 1 частично нарушило погребение 2а, но череп последнего не был смещен.

Погребения 3а и 3б были зафиксированы в яме 3 на разных уровнях. Что касается самой могильной ямы, то первоначально при зачистке на отметках –60 – –79 см были зафиксированы ее центральная и северо-восточная части. В ходе выборки ямы к югу от бровки на отметке –147–152 см было зафиксировано **погребение 3а**: тазовые, бедренные и берцовые кости, которые залегали в анатомическом порядке. В 45 см к северу, на дне ямы, на отметке –190 см были прослежены следы костных остатков, которые обозначены как погребение 3а.

Если профили западной, южной и северной стенок раскопа дают весьма однообразную картину кладбищенского перекопа, то профили восточной стенки и бровки север – юг стратиграфически весьма информативны. Здесь хорошо читаются фраг-

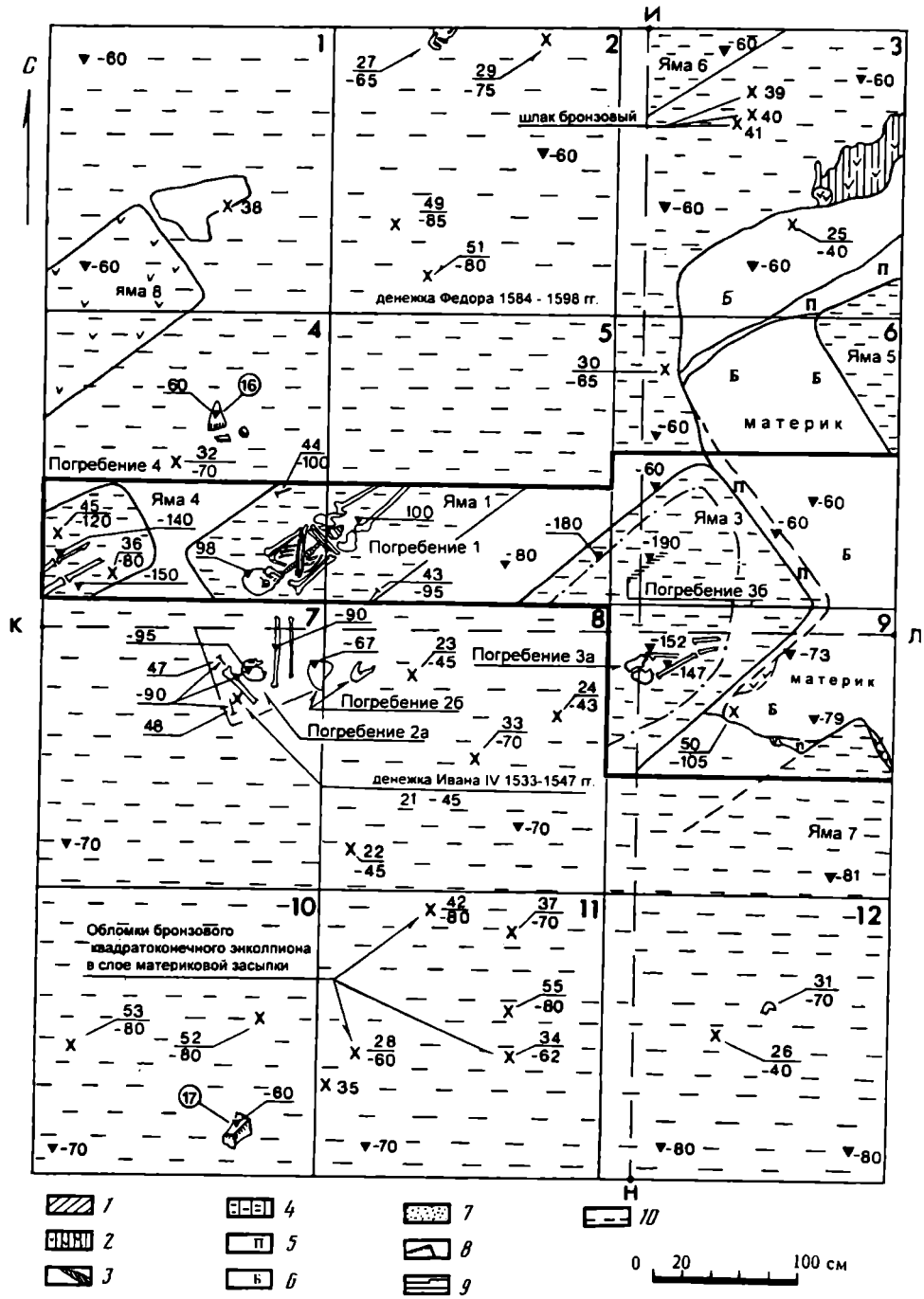


Рис. 9. Грунтовый могильник в урочище "Погост" на Афанасовом поле. Раскоп 2 1998 г. План на уровне зачистки 3 пласта. На участке, на котором материковые ямы раскапывались до уровня погребения (южные части кв. 4, 5), показана зачистка на уровне – 100 см. Условные обозначения см. на рис. 10

менты культурного слоя, который отложился до начала функционирования некрополя (рис. 10, *А, Б*). Такие фрагменты фиксируются севернее могильной ямы 5, а также между могильными ямами 3 и 7. Сохранились лишь нижние горизонты культурного слоя. Верхние были нарушены в ходе распашки. Это темно-серый сильно гумусированный суглинок с углем и отдельными фрагментами обожженной глины (видимо, остатки развалов печей жилых построек). Залегающий под ним материк образован подзолистым горизонтом, который подстилается бурым горизонтом дерново-подзолистой почвы. Судя по значительной мощности подзола (10–15 см), первопоселенцы пришли не на пашню, а на участок, занятый лесом или лугом.

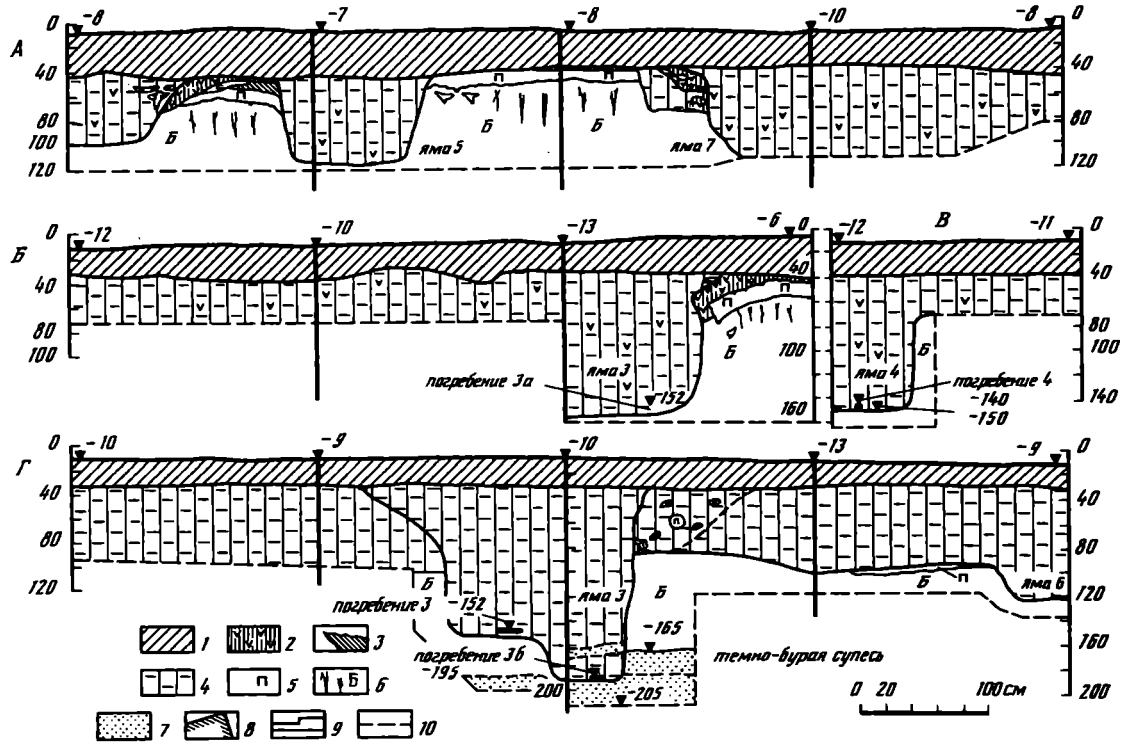


Рис. 10. Грунтовый могильник в урочище "Погост" на Афанасовом поле. Раскоп 2 1998 г. Профили стенок и бровок. *А* – профиль восточной стенки раскопа; вид с запада; *Б* – профиль бровки запад–восток по линии К–Л. Вид с юга (квадраты 7, 8, 9); *В* – профиль западной стенки раскопа на участке квадрата 4, вид с востока; *Г* – профиль бровки север–юг по линии Н–И, вид с востока. Условные обозначения: *1* – серый гумусированный суглинок – переотложенный культурный слой; *2* – темно-серый гумусированный суглинок с углем – слой, отложившийся до начала захоронений; *3* – светло-серый гумусированный суглинок с углем; *4* – светло-бурый и темно-бурый суглинок с углем и фрагментами гумуса, углей, печины, керамики – засыпка могильных ям; *5* – подзолистый горизонт дерново-подзолистой почвы – материк; *6* – бурый горизонт дерново-подзолистой почвы глинистые отложения (морена); *7* – пески, подстилающие глинистые моренные отложения; *8* – фрагменты белокаменных плиточных надгробий; *9* – участок, на котором материковые ямы раскапывались до уровня погребений; *10* – уровень прокопа

Ранний культурный слой прорезан погребениями. При этом в профилях повсеместно наблюдается весьма характерная картина: вдоль края могильных ям толща культурного слоя и подстилающего его подзола смещена в сторону ям. Культурный слой сполз после засыпки могильных ям в период, когда их заполнение давало просадку. Разрезы могильных ям 4, 5, 7 (рис. 10) показывают, что все они были выкопаны в толще суглинистых моренных отложений. Однако далеко не все погребения были совершены в глине. Могильная яма 3 была выкопана до отметки –195 м и прорезала морену, которая здесь, близ бровки коренного берега Пажи, имела мощность 2 м. Погребение 3б было совершено на подстилающем морену песке (рис. 10, *Г*).

Анализ керамического и нумизматического материала и датировка некрополя. Поскольку в период функционирования некрополя бытовой материал практически не откладывался, есть основания полагать, что керамический материал, найденный в переотложенном верхнем слое (пласты 1, 2 – соответственно 500 и 505 фрагментов) и слое кладбищенского перекопа (пласты 3, 4 – соответственно 581 и 126 фрагментов) относится к периоду жизни поселения, которое существовало до того, как здесь начали производить захоронения.

Как видно из таблицы, процентное соотношение типов керамики в верхнем слое и кладбищенском перекопе практически одно и то же. Обращение к коллекции (отобраны 152 фрагмента, характеризующих формы сосудов) показывает, что наиболее ранним и широко представленным материалом являются красноглиняные грубые

Таблица

Процентное соотношение типов керамики в пластах

№ пласта	Тип керамики							
	серая	красно-глиняная грубая	красноглиняная гладкая	белоглиняная грубая	белоглиняная гладкая	ангобированная	чернолощеная	мореная
1	1	23,4	21,6	34,2	7,4	1	3,4	8
2	0,6	18	27	36,6	4,7	0,6	3,4	9,1
3	–	27,5	27	32,4	4	0,9	1,5	6,7
4	–	24,3	30	37	2,3	0,8	1,6	4

горшки с вертикально поставленным венчиком. Представлены все четыре варианта данного типа керамики, которые выделяются по форме края сосуда. Две трети сосудов украшены по шейке орнаментом "косая волна" развитого вида. Эта группа керамики, которая составляет четверть всего материала, аналогична керамическому комплексу из сооружения 1 селища Михайловское-2, которое датируется первой половиной XV в. (до 1447–1455 гг.) (Московская керамика..., 1991, с. 133, 134, табл. 70, 71). С более ранним комплексом, происходящим из Шавыкина Дубенского монастыря (1380–1390-е гг.) имеют аналогии лишь красноглиняный грубый венчик 98–80 1-го варианта (с заостренным краем), украшенный "косой волной" классического вида, а также венчик серого сосуда 3-го варианта (98–66) с эллипсовидным валиком с внешней стороны (Чернов С. З., 1995, с. 141, рис. 8, 5-й сверху; с. 140, рис. 7, 8-й сверху). Учитывая, что серая керамика составляет не более 1% материала, начало жизни на поселении следует датировать периодом, когда этот тип посуды выходил из употребления, т.е. 1390–1400-ми гг. Находка двух монет вел. кн. Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.) подтверждает эту датировку.

Три четверти керамического материала отложилось в период бытования красноглиняной гладкой (21–30%), белоглиняной грубой (32–37%), ранней чернолощеной и мореной (5,6–12,5%) а также ангобированной (0,6–1%) посуды, которое приходится на последнюю четверть XV – первую половину XVI в. Верхняя дата существования поселения устанавливается, исходя из анализа стратиграфического распределения белоглиняной гладкой керамики. Присутствие этого типа посуды в верхнем слое можно было бы объяснить хозяйственной деятельностью вблизи храма в первой половине XVII в. Однако такая же керамика в том же проценте (2,3–4%) найдена и в кладбищенском перекопе (на уровне –60 – –80 встречены фрагменты № 99, 101, 112, 113, 129, 132, на уровне –80 – –100 в заполнении ямы 3 – фрагмент № 149, а в заполнении ямы 7 – фрагмент № 152). Горшки изготовлены из хорошо отмученной беложгущейся глины и имеют вертикально поставленные венчики. Край их оформлен в виде валика внутри сосуда. С внешней стороны нанесен горизонтальный орнамент. У большинства венчиков орнамент нанесен гребенкой и имеет пять и более полос, что типично для развитой стадии данного типа керамики. Имеется, впрочем, и пример более архаичной орнаментации – тремя непараллельными линиями (№ 149). Белоглиняная гладкая керамика присутствует в кладбищенском перекопе в небольшом проценте (3–5,3% – если принять за 100% материал последней четверти XV–XVI в.). Вместе с ней найдена чернолощеная и мореная посуда со сплошным лощением без блеска, что типично для ранней стадии производства этих типов керамики. Процент мореной и чернолощеной керамики невелик (2,6 – 11% – если принять за 100% материал последней четверти XV–XVI в.). Все эти признаки типичны для того этапа бытования керамики, когда белоглиняная гладкая керамика только начала распространяться. Типичен для этого

этапа комплекс Копнинский лес-3. В нем присутствует красноглиняная гладкая (64%), белоглиняная грубая (18,5%), мореная и чернолощеная (9%) и белоглиняная гладкая (8%) керамика, имеются образцы архаической орнаментации гребенкой, аналогичной той, которая описана выше (Московская керамика..., 1991, с. 57, 196, табл. 133, *99, 110*).

Появление белоглиняной гладкой керамики датируется пока достаточно широким диапазоном времени. Ее нет на селище у Воскресенского погоста, которое, по данным письменных источников, пришло в запустение около 1557/1559 гг. Она появляется в комплексе селища Копнинский лес-3, которое пришло в запустение до 1593/1594 г., вероятнее всего, в 1570-е годы (Чернов С. З., 1991б, с. 54). Поскольку раскоп на Афанасовом поле дал серию более развитой белой гладкой посуды, чем в комплексе Копнинский лес-3, последний этап хозяйственной жизни на участке будущего кладбища можно датировать в пределах 1560–1570-х годов. Шурф 1997 г., заложенный в 25 м южнее раскопа 1998 г. зафиксировал участок описываемого поселения, не занятого некрополем. Здесь были зафиксированы хозяйственные постройки усадьбы первой половины XVI в., на территории которой в конце 1550-х годов был зарыт монетный клад (Гайдуков П.Г., Чернов С.З., 1998, с. 136, 137).

Опираясь на выводы, сделанные на основании анализа керамического материала, можно обратиться к нумизматическому материалу. Как уже отмечалось, на раскопе были найдены три серебряные денежки "князя великого" Ивана IV: две (98–7, 98–16) – в верхнем переотложенном слое и одна (98–21 на отметке –45) – в кладбищенском перекопе. Монеты чеканки 1533–1547 гг. оставались в обращении и позднее и могли быть положены в погребение в последней четверти XVI в. Нельзя исключить и того, что все они или их часть попали в слой кладбищенского перекопа из культурного слоя, который был прорезан могилами. Относительно серебряной денежки царя Федора Ивановича (1584–1598 гг.), также найденной в кладбищенском перекопе на отметке –80 см, наиболее вероятным представляется предположение, что она происходит из погребения.

Таким образом, кладбище возникло в период, ограниченный двумя хронологическими реперами. Нижним являются 1560-е годы, поскольку, по данным анализа керамики, поселение в этот период еще функционировало. Верхним репером могут служить последние годы правления Ивана IV или начало правления Федора Ивановича. На это указывают монета Ивана IV, чеканенная в 1560–1584 гг., которая была положена в руку погребенного в могиле 13 раскопа 1986–1989 гг., и упоминавшаяся выше денежка царя Федора Ивановича. Кладбище продолжало использоваться и в первые два десятилетия XVII в.

Данные письменных источников. Упоминание "церковной земли Офонасья и Кирилла Олександрийских" содержится в выписи межевой Н.П. Засецкого, составленной в 1623 г., т.е. через 14 лет после разорения города (Выпись... 1623 г., л. 261 об). Более полное описание, относящееся к тому времени, находим в писцовой книге 1622–1624 гг. В ней говорится: "Погост близко того же городка Радонежского а на погосте церковь Афонасея Великого стоит без пения. Пашни паханные церковные средние земли 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж. Сена на реке Паже 15 копен. А пашет ту церковную землю в оброке у Троице Сергиева монастыря крестьяне Ивашко Носок с товарище по грамоте оброчной патриарши двора" (Список... 1622–1624 гг., л. 297, 297 об). Иную ситуацию рисует писцовая книга 1684 г.: "Близ села погост Афанасия Великого, на нем была церковь и ее ныне нет, пашни паханые церковные середние земли, сена по реке Паже 1,5 десятин" (Подлинная писцовая и межевая книга... 1684 г., л. 187).

Интерпретация комплекса меднолитых крестов. Итак, можно считать установленным, что на участке могильника, на котором обнаружено скопление меднолитых крестов, захоронения производились в 1580-е–1610-е годы. Весьма вероятно, что кладбище начало использоваться в 1570-е годы. За этот довольно краткий промежуток времени на исследованном участке (48 м^2) было выкопано не менее 20 могил. Могилы

располагались рядами, плотно примыкавшими друг к другу. Расстояния между могильными ямами одного ряда не превышало 60 см. Имели место случаи разрушения могильной ямой более раннего погребения (погребение 2а). Подобная картина была зафиксирована и в раскопе В.И. Вишневского 1986–1989 гг.: захоронения были сделаны вплотную друг к другу, отмечены случаи, когда одно погребение накладывалось на другое.

Чем же можно объяснить, что некрополь, функционировавший не более 50 лет, рос с такой быстротой? В 1570 г. Радонежский уезд и сопредельные земли подверглись эпидемии чумы. Последовавшее десятилетие было отмечено тяжелейшим экономическим кризисом. Еще более драматические события произошли в Радонеже в годы смутного времени. В сентябре 1608 г. польско-литовские войска под командованием Сапеги разгромили войско царя Василия Шуйского близ Радонежа, у с. Воздвиженского на Троицкой дороге, и 23 сентября осадили Троице-Сергиеву лавру. Осада продолжалась весь 1609 г. и была снята лишь 12 января 1610 г. В этот период Радонеж подвергся разгрому польско-литовскими войсками. По всей видимости, каждый из этих катаклизмов приводил как к разовой массовой гибели людей, так и к общему повышению смертности жителей города, определившей интенсивный рост некрополя у церкви Афанасия и Кирилла Александрийских.

Выводу об относительно кратком периоде жизни некрополя не противоречат и наблюдения над стилистикой крестов, входящих в комплекс. Все эти произведения художественного литья не производят впечатления разновременных. Большая часть отливок энколпионов выполнена на низком технологическом уровне с моделей, на которых изображения были стерты. Имеются отливки, сделанные со створок энколпионов таким образом, что оглавие не может обеспечивать раскрытие створок (рис. 3, *7*; 4, *29*). Отмеченные технологические особенности свидетельствуют о том, что перед нами произведения местного радонежского бронзолитейного ремесла. Таким образом, мы имеем дело с комплексом, отражающим предметы личного благочестия последних двух поколений радонежцев-горожан.

Все кресты дошли до нас в обломках, причем в ряде случаев эти обломки собираются до целых форм или части креста. Кресты не были деформированы в ходе распашки. Как показал металловедческий анализ, они были сломаны в древности[9]. Отламывали одну, две, три и даже четыре лопасти. В одном случае крест был разломан пополам по диагонали (рис. 6, *12*). В двух случаях лопасть не сломалась, а лишь погнулась (рис. 3, *2*; 5, *11*).

Основная часть крестов была собрана с помощью детектора металла из верхнего пахотного слоя (выше –40 см). Раскопки позволили изучить нижележащий, не тронутый распашкой, слой кладбищенского перекопа. В этом слое были обнаружены три фрагмента от одного сломанного в древности квадратоконечного энколпиона (рис. 3, *36*), которые залегали на расстоянии 1 м друг от друга на отметках –60 – –80 см (рис. 9, кв. 11). Это наблюдение позволяет заключить, что до распашки фрагменты крестов залегали в слое кладбищенского перекопа и в заполнении могильных ям, главным образом в верхнем полуметровом горизонте. Два энколпиона (протоквадрифолийный и большой круглоконечный – рис. 3, *2*; 4, *29*), видимо, уже после того, как были сломаны, подверглись воздействию огня при пожаре, который произошел на территории некрополя. Это могло произойти лишь в том случае, если они оказались на поверхности земли.

Теоретически возможно представить ситуацию, при которой в ходе копки могил залегающий компактно склад бронзолитейного лома или специально схороненные сломанные кресты рассеиваются по слою. Первому варианту такой интерпретации не противоречит наличие в докладбищенском культурном слое следов бронзолитейного производства. Второй вариант данной интерпретации также теоретически имеет право

---

[9] Металловедческий и химический анализ крестов из Радонежа проводился в ГосНИИР М.С. Шемаханской. Результаты его публикуются в статье М.С. Шемаханской в этом номере журнала.

на существование. Подобные действия вполне объяснимы в рамках наших знаний о благочестивых обычаях той эпохи. Сигизмунд Герберштейн, посетивший Московское государство в 1517 и 1526 гг., в разделе своего труда, посвященном обрядам, бытовавшим в тот период, цитирует древнерусский перевод канонических "Ответов" киевского митрополита Иоанна II Продрома (1080–1089 гг.) черноризцу Иакову, в частности следующий пассаж: "Старые образа и доски, на которых происходит освящение даров, сжигать нельзя, но надо зарывать их в саду или в каком-нибудь другом честном месте, дабы не подвергать их поношению и бесчестью" (Герберштейн С., 1988, с. 95).

Однако данной интерпретации противоречит целый ряд фактов. Во-первых, до распашки обломки каждого креста лежали в кладбищенском перекопе достаточно близко друг от друга. Так, обломки уже упоминавшегося энколпиона № 36 лежали в метре друг от друга на значительной глубине (–60 – –80 см). Основная часть (97–16) круглоконечного креста (рис. 5, *11*) была зафиксирована металлоискателем на участке, на который после закладки раскопа пришелся кв. 5 (рис. 1, кв. XXVII, 16). При раскопках на соседнем 6 квадрате, не далее чем в 1,5 м от находки 1997 г., на глубине –30 см, была найдена верхняя створка того же креста (98–14). Во-вторых, кресты отсутствуют на костяках. Так, среди 38 погребений, изученных в 1986–1989 гг., лишь в одном случае крест был найден на груди покойного. Не найдены кресты и при погребении 1 1998 г. Все эти наблюдения позволяют заключить, что кресты, принадлежавшие усопшим, перед погребением снимались, а затем, в ходе погребения, разламывались и помещались в могильные ямы при их засыпке. Поскольку на площади около 200 м^2, где могло размещаться более 100 захоронений, зафиксированы обломки 38 крестов, можно заключить, что этот обычай являлся устойчивым элементом православного погребения в Радонеже в 1570–1610-е годы.

По этнографическим данным, которые отражают пласт представлений о смерти и загробной жизни XVII–XIX вв., подобный обычай не прослеживается. Однако случаи, когда нательные кресты не надевали умершим, известны. Так, в Сибири в ряде районов нательные кресты не надевали умершим "напрасной" смертью (самоубийцам, погибшим насильственной смертью) (Виноградов Г., 1923, с. 324). Учитывая эти данные а также то, что нательный крест был неразрывно связан со своим обладателем (Панченко А.А., 1998, с. 97, 98), можно высказать осторожное предположение о том, что обычай, зафиксированный в Радонеже, отражал какие-то перемены в понимании индивидуального спасения, которые имели место в конце XVI – начале XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Станюкович А.К., 1998. Раскопки во дворе Московского университета: опыт комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // Естественно-научные методы в полевой археологии. Вып. 2. М.

Беляев Л.А., 1991. Средневековый некрополь Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. М.

Беляев Л.А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.

Виноградов Г., 1923. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожильческого населения Сибири // Сб. тр. профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Вып. 5. Иркутск.

Вишневский В.И., 1995. Древний Радонеж (По материалам археологических раскопок 1980-х годов) // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. М.

Выпись межевая писцов Микифора Засецкого да подьячего Петра Ермолина Троецкого Сергиева монастыря спорной земле троецкого городка Радонежа государева дворцового села Здвиженского землею 1623 г. // РГБ. Отдел рукописей. Ф. 303. Кн. 630. Сборник актов 1641 г.

Гайдуков П.Г., Чернов С.З., 1998. Клад денежек Ивана IV из Радонежа // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция (СПб., 20–25 апреля 1998 г.). Тез. докл. и сообщ. СПб.

Герберштейн С., 1988. Записки о Московии. М.

Зеленин Д.К., 1991. Восточнославянская этнография. М.

Мец Н.Д., 1974. Монеты великого княжества московского (1425–1462). М.

Московская керамика. Новые данные по хронологии, 1991. М.

Панченко А.А., 1998. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.

Подлинная писцовая и межевая книга Троице-Сергиева монастыря... земель в станах Радонеже и Белях письма и меры и межевания стольника Ивана Ивановича Вердеревского и подьячего Алексея Юрьева 1684 г. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 275.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.

Список с писцовой книги Лаврентия Александровича Кологривова и Дружины Скирина 1622–1624 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 685.

Станюкович А.К., 1998. Памятники русской христианской металлопластики как археологический источник // Православное искусство и Саввино-Сторожевский монастырь. Звенигород.

Чернов С.З., 1980. Отчет 1980 г. Гл. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 8063.

Чернов С.З., 1991а. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на Северо-Востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. М.

Чернов С.З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.

Чернов С.З., 1995. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.

Чернов С.З., 1999. Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Макариевские чтения. Вып. 6. Можайск.

Институт археологии РАН,
Москва

S. Z. CHERNOV

THE POGOST OF ST. APHANASIUS AND ST. CYRIL OF ALEXANDRIA IN RADONEZH

(The Archaeological Investigations of 1997-1998)

Summary

The article is devoted to a set of originally broken copper cast crosses found in the tilled soil layer which covers the cemetery located in Afanasovo field near the modern village of Radonezh, Moscow region, Sergiev Posad district. The objects were discovered with metal detector. The excavations performed at the find-spot revealed the filling of grave-pits which belonged to the necropolis once existing close to St. Aphanasius and St. Cyril of Alexandria wooden church built in the ancient town of Radonezh. The cemetery emerged at the territory occupied by the settlement dated from the late 14th up to the mid 16th centuries, the graveyard was functioning from 1570-1580 to 1610-s. The author correlates the intensiveness of burial activities with mass deaths of population caused by the epidemic of 1570 and the town's plunder by Polish and Lithuanian troops in 1608-1609. The study demonstrates that the custom of delibarate breaking pectoral crosses and placing them into graves was wide-spread in that period and constitued an element of Christian burial rite.

М.С. ШЕМАХАНСКАЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОМПЛЕКСА МЕДНОЛИТЫХ ЭНКОЛПИОНОВ И КРЕСТОВ МОГИЛЬНИКА В УРОЧИЩЕ "ПОГОСТ" НА АФАНАСОВОМ ПОЛЕ В РАДОНЕЖЕ

Комплекс меднолитых энколпионов и крестов могильника в урочище "Погост" на Афанасовом поле в Радонеже исследовался в ГосНИИР в 1998 г.[1] Всего было выполнено 33 анализа. Учитывая, что в трех случаях исследовались фрагменты одного изделия (две створки одного энколпиона и два сломанных креста) было исследовано 30 изделий из 38, входящих в комплекс, т.е. 80%. По химическому составу комплекс делится на три группы.

К первой группе относятся энколпионы, которые изготовлены из сплавов, в которых отсутствует цинк в качестве легирующей составляющей и имеется значительное количество мышьяка (табл. 1, рис. 3, 4)[2]. Индивидуальный характер имеет сплав, содержащий никель. Из него изготовлены две створки энколпиона "сирийского типа" (табл. 1, Р4, Р5; рис. 3, *1*). К этой группе относятся 10 изделий, или треть находок, которые были подвергнуты анализу.

Ко второй группе относятся кресты, изготовленные из сплавов, близких по составу к сплавам первой группы, однако для них характерно меньшее содержание мышьяка (табл. 2). Из сплавов данной группы отлиты все подгруппы круглоконечных наперсных крестов: "с Иоанном Предтечей" (рис. 5, *11, 30;* 6, *21, 22*), "с Богоматерью Знаменье" (рис. 6, *13, 14, 15, 33*) и тонких "с Богоматерью Знаменье" (рис. 7, *16, 18, 20*).

К третьей группе относятся кресты, изготовленные из сплавов, отличающихся по составу от сплавов первой группы. В них присутствует значительный процент цинка, а количество мышьяка незначительно (табл. 3). Сплавы третьей группы использовались при отливке всех подгрупп круглоконечных наперсных крестов: "с Иоанном Предтечей" (рис. 5, *10, 23, 31, 32*), "с Богоматерью Знаменье" (рис. 6, *12*), тонких "с Богоматерью Знаменье" (рис. 7, *17, 19*) и "с архангелом Сихаилом" (рис. 7, *24*).

Далее приведем некоторые наблюдения, дающие представления о технике изготовления исследуемых отливок.

Энколпионы. От энколпиона "сирийского типа" (рис. 4, *1*) дошли верхняя и нижняя части задней створки. Наличие бортиков ковчега и дырочек в ушках показывает, что энколпион мог закрываться и содержать реликвии. Наличие дырочки на нижней части створки говорит о том, что складень скреплялся дополнительно с помощью штыря. Фактура внутренней поверхности ровная, мелкозернистая, воспроизводящая фактуру формы. Ковчег и отверстие для скрепления фиксируются также на нижней части створки прямоугольноконечного энколпиона, на которой изображен Никита, побивающий бесов (рис. 3, *5*).

Протоквадрифолийный энколпион (рис. 3, *2*), представленный частью лицевой створки с Распятием, изготовлен не столь тщательно. В его центральной части имеются сквозные отверстия, возникшие из-за непролива металла, но очевидных следов брака нет. Имеются бортики, образующие ковчег. Створка подвергалась воздействию огня. На его поверхности почти нет следов патины, из чего можно заключить, что он побывал в огне уже после образования патины. Вероятно, к нему относится и фрагмент верхней лопасти (рис. 3, *6*).

---

[1] Спектральный анализ выполнен старшим научным сотрудником Отдела исследования, консервации и реставрации музейного металла ГосНИИР А.Ф. Дубровиным.

[2] Все упомянутые в тексте рисунки (3–7) помещены в статье С.З. Чернова в этом номере РА.

© М.С. Шемаханская, 2000 г.

Таблица 1

Результаты спектрального анализа энколпионов

№ на рисунках*	№ анализа (Радонеж)	№ анализа общий	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
3/1	P4	4609	осн.	2	2	0,2	0,2	0,2	2	10	0,06	2	0,005	–
3/1	P5	4610	осн.	3	3	0,02	0,2	0,06	2	12	0,05	3	0,008	–
4/26	P14	4619	осн.	4	2	0,04	0,04	0,1	0,02	9	0,02	0,2	0,05	–
4/25	P15	4620	осн.	10	3	0,02	0,02	0,1	0,02	9	0,02	0,2	0,005	–
3/3	P18	4623	осн.	0,4	11	0,1	0,05	0,05	2	3	0,2	0,3	0,01	–
3/2	P22	4627	осн.	7	4	0,02	0,03	0,1	0,07	7	0,02	0,2	0,007	0,01
3/6	P31	4636	осн.	6	2	–	0,01	0,06	0,05	6	0,04	0,2	0,006	–
3/4	P29	4634	осн.	2	4	0,2	0,02	0,04	0,6	3	0,5	0,4	0,06	–
4/27	P30	4635	осн.	7	15	0,1	0,04	0,04	0,08	0,6	0,8	0,06	0,003	0,01
3/5	P32		осн.	7	1	0,02	0,03	0,1	0,9	0,1	0,02	0,03	0,003	0,01
4/9	P34		осн.	15	8	0,03	0,03	0,02	0,03	1	0,04	0,1	0,04	–

* Числитель – номер рисунка, знаменатель – позиция. То же для таблиц 2 и 3.

Таблица 2

Результаты спектрального анализа крестов, близких энколпионам по химическому составу

№ на рисунках	№ анализа (Радонеж)	№ анализа общий	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
3/7	P3	4608	осн.	4	7	0,1	0,05	0,05	0,3	0,1	0,09	0,2	0,001	0,02
3/7	P21	4626	осн.	3	5	0,2	0,06	0,2	0,7	0,2	0,08	0,3	0,003	0,01
7/16	P6	4611	осн.	4	7	0,09	0,06	0,06	2	0,2	0,2	0,3	0,01	0,01
5/30	P8	4613	осн.	4	15	0,2	0,07	0,2	2	0,4	0,05	0,3	0,007	0,01
7/20	P9	4614	осн.	2	4	0,3	0,08	0,09	2	0,5	0,6	0,3	0,02	0,02
6/33	P10	4615	осн.	2	3	0,02	0,03	0,02	2	0,7	0,04	0,4	0,008	–
6/13	P11	4616	осн.	3	17	0,07	0,1	0,8	0,8	0,05	0,04	0,06	0,005	–
6/21	P12	4617	осн.	3	9	–	0,05	0,01	0,4	0,1	0,07	0,3	0,005	0,02
6/22	P13	4618	осн.	7	5	0,4	0,1	0,4	0,3	0,4	0,008	0,2	0,007	0,03
5/11	P20	4625	осн.	5	1	0,07	0,02	0,2	0,7	1	0,9	0,8	0,1	0,02
6/14	P23	4628	осн.	8	16	0,6	0,1	0,03	0,7	0,2	0,04	0,4	0,07	0,01
7/18	P24	4629	осн.	2	5	0,6	0,06	0,07	3	0,4	0,7	0,4	0,002	0,03
6/15	P25	4630	осн.	15	2	0,04	0,1	0,06	1	0,4	0,05	0,5	0,009	0,02

От круглоконечного энколпиона дошли две створки, у обеих отломаны верхние лопасти (рис. 4, *25*, *26*). В качестве модели для изготовления отливок использовались створки с бортиками, но затем они частично были сточены. Следы напильника имеются и на ушке.

Оглавия, предназначающиеся для энколпионов с подвижным оглавием, представлены тремя образцами. Первое (рис. 4, *9*) имеет биконическую форму. Отливка выполнена недостаточно качественно – имеются отверстия, возникшие из-за непролива металла. Однако на отливке имеются следы тщательной опиловки. Второе оглавие (рис. 4, *43*) имеет цилиндрическую форму. Оно также тщательно опилено. Третье

Таблица 3

Результаты спектрального анализа крестов, отличающихся от энколпионов по химическому составу

№ на рисунках	№ анализа (Радонеж)	№ анализа общий	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
5/10	P1	4606	осн.	5	9	11	0,04	0,009	0,06	0,06	0,04	0,3	0,003	–
5/10	P27	4632	осн.	3	7	8	0,05	0,06	0,1	0,1	0,05	0,4	0,006	–
6/12	P2	4607	осн.	7	3	4	0,06	0,2	1	0,2	0,1	0,3	0,005	0,03
7/17	P7	4612	осн.	3	4	2	0,02	0,1	0,7	0,2	0,6	0,2	0,01	0,02
5/31	P16	4621	осн.	4	17	20	0,07	0,08	0,03	0,03	0,05	0,2	0,003	–
5/32	P17	4622	осн.	0,4	3	15	0,008	0,01	0,02	0,1	1	0,03	0,004	–
7/24	P19	4624	осн.	9	17	2	0,09	0,1	0,06	0,04	0,1	0,1	0,001	0,03
7/19	P26	4631	осн.	4	6	2	0,04	0,06	1	0,3	0,7	0,1	0,01	0,02
5/23	P28	4633	осн.	7	0,7	3	0,05	0,04	0,04	0,2	0,1	0,06	0,007	0,04

оглавие (рис. 4, *37*) имеет подквадратную форму и несет изображение Спаса нерукотворного. Отливка выполнена по качественной модели. Все три оглавия стерты от ношения. Особенно явные следы ношения фиксируются на оглавии со Спасом. Так, на отверстии в оглавии имеются скосы, возникшие от того, что на протяжении продолжительного времени его носили на шнурке. На задней стороне оглавия имеется отверстие от непролива металла; поверхность вокруг него отполирована до блеска в ходе ношения.

Квадратноконечный энколпион представлен оборотной створкой, выполненной весьма качественно (рис. 3, *3*). На обороте створки видны следы кисти, которой обрабатывали форму. В отличие от описанных выше энколпионов этот был изготовлен с модели, у которой был спилен бортик ковчега. Хотя энколпион не имел ковчега, он мог складываться из двух створок. На это указывает ушко с отверстием, которое было просверлено с двух сторон (внутри отверстия фиксируется переход от одного диаметра к другому). Верхняя лопасть другого квадратноконечного энколпиона (рис. 3, *4*) более толстая. На ее оборотной стороне нет следов кисти. Бортики отсутствуют. Лицевая створка энколпиона с Распятием более тонкая, но также лишена бортиков (рис. 3, *36*). Таким образом, перед нами группа энколпионов, которые не имели ковчега. Не имеет ковчега и верхняя лопасть круглоконечного энколпиона с изображением святого (рис. 4, *27*). Оборотная его сторона гладкая. Имеются непроливы металла.

Примером технологической деградации в производстве энколпионов может послужить задняя створка круглоконечного энколпиона, несущая в среднике изображение Иоанна Предтечи (рис. 4, *29*). Она отлита с энколпиона, имевшего подвижное оглавие. Однако, поскольку это оглавие предварительно не было отделено от створки, на нашей отливке оно перестало быть подвижным. Створки исходного энколпиона дополнительно скреплялись посредством штыря, который вставлялся в отверстие, проделанное в нижней лопасти. Штырь отлился вместе с лопастью. Данный прием скрепления створок известен. На отливке фиксируются следы литейного брака: непроливки металла и дефекты в отверстии. Можно предполагать, что литье осуществлялось в землю: есть следы "захвата" земли при оттискивании модели, что дало характерный рельеф на отливке. Следует отметить, что материалы Радонежа дают один из наиболее ранних примеров литья в землю.

Подвижное оглавие имела также исходная модель квадратноконечного креста с изображением Распятия (рис. 3, *7*). На данном кресте оглавие грубое и неподвижное. Оборотная сторона отливки обработана напильником. Ковчега нет. На оглавии фик-

сируются отпечатки земляной формы, в отверстии имеется затек металла, что можно трактовать как брак производства.

Описанным выше некачественным отливкам в технологическом отношении близки два оглавия, исходная модель которых несла изображение Спаса нерукотворного (рис. 4, *8*, *34*). В первом оглавии сохранились остатки металлического штыря, что дает основание полагать, что оно скрепляло две створки энколпиона. Обе отливки выполнены на низком технологическом уровне. У первого металл затек между ушками, у второго – ушки пролились нормально, но одно из них сломано. Вероятно, это произошло не при изготовлении изделия, а при его ношении.

Кресты. В отличие от энколпионов, среди которых представлены как качественные, так и бракованные изделия, кресты выполнены на одном технологическом уровне. Примером качественного литья, которое производилось в землю, является двусторонний круглоконечный крест с Распятием на лицевой стороне и архангелом Сихаилом на обороте (рис. 7, *24*). Среди круглоконечных двусторонних крестов, несущих на обороте изображение Иоанна Предтечи, выделяются более крупные (рис. 5, *10*, *11*, *21*, *22*, *38*) и меньшие по размеру кресты (рис. *5*, *17*, *23*, *30*, *31*). Однако все они изготовлены в одной и той же технологии. То же можно сказать и о крестах со Знамением на обороте (рис. 6). Среди них особым качеством выделяется отливка, сохранившаяся полностью (рис. 6, *12*). Более плоский рельеф имеют миниатюрные и тонкие круглоконечные кресты со Знамением (рис. 7). Они также изготовлены весьма качественно.

Следует отметить, что во всех случаях, когда двусторонние кресты сохранили оглавие, в нем имеется отверстие (рис. 4, *24*; 5, *10*, *23*, *30*; 6, *12*, *33*; 7, *17*). Это позволяет предположить, что до попадания в землю кресты носились.

Приложение

Каталог меднолитых энколпионов и крестов могильника в урочище "Погост" на Афанасовом поле в Радонеже[3]

Описание

Коллекция меднолитых энколпионов и крестов, обнаруженных в 1997 г., включает 33 фрагмента, которые были найдены в скоплении и рассматриваются в качестве комплекса (рис. 3–7), а также шесть крестов-тельников и один обломок наперсного креста, найденные за пределами скопления (рис. 2). Коллекция 1998 г. состоит из материалов, полученных в ходе раскопок (четыре фрагмента) и в ходе сборов (восемь фрагментов) (рис. 3–7). Все они связаны со скоплением крестов. Особенностью крестов, найденных в скоплении, является то, что все они дошли до нас во фрагментированном состоянии. Они относятся к периоду существования города Радонежа (до 1608–1609 гг.). Что касается нательных крестов, найденных за пределами комплекса, то большая их часть – целые. Предварительное определение свидетельствует о том, что они имеют широкий хронологический диапазон, включая и XVII в.

Кресты, происходящие из скопления, делятся на две группы, каждой из которых свойственны определенные особенности. К первой группе относятся энколпионы (13 экземпляров), представленные весьма разнообразным в типологическом отношении материалом. Ко второй группе относятся наперсные круглоконечные кресты (20 экземпляров), представленные тремя сериями, в каждой из которых изделия достаточно однотипны.

Энколпионы. Типологически наиболее ранним является круглоконечный энколпион с выступающими дугами средокрестия. Крест сохранился почти полностью. Найдены лицевая и оборотная створки. Верхние лопасти отломаны (рис. 4, *25*, *26*). На лицевой створке – изображение Распятия с триумфирующим Христом, на обороте – архангел. Это хорошо известный тип древнерусского креста, который представлен в виде поздней реплики. Отливка выполнена по форме плохого качества. Несколько выше качество отливки еще одного креста, от которого сохранилась верхняя лопасть с изображением святого (рис. 4,

[3] Каталог составлен А.К. Станюковичем, С.З. Черновым и М.С. Шемаханской.

27). Помимо крестов данного типа, происходящих из южной Руси (Леопардов Н., Чернев Н., 1890, сер. 1, вып. 3–4, табл. III, № 23, вып. 2, табл. I, II, № 2; Петров Н.И., 1915, с. 40, рис. 13; Ханенко Б.Н. и В.И., 1900, табл. II, № 37) следует указать на два образца из Ржева и с. Борзыни Вышневолоцкого уезда (Жизневский А.К., 1888, с. 92: № 1937 – лицевая створка с Распятием; № 344 – оборотная створка с архангелом). Особо следует отметить крест, найденный на городище Николо-Ленивец в землянке, которая по вещам и керамике датируется в пределах XIII в. (Никольская Т.Н., 1962, с. 237). В рудиментарном виде дуги средокрестия представлены на двустороннем округлоконечном наперсном кресте (рис. 7, *24*).

К типу крестов с расширяющимися концами ("сирийским") относятся верхняя и нижняя части оборотной створки (рис. 3, *1*). Верхняя часть створки несет изображения клейма с херувимом или серафимом в круге и часть центрального элемента изображения – фигуры Богоматери, нижняя часть – низ фигуры Богоматери и еще одно клеймо с херувимом. Ближайшей аналогией является энколпион (сохранились обе створки), найденный в переотложенном слое в Раскопе 1 1990 г., заложенном в восточной части посада Радонежа (Чернов С.З., 1990). На его лицевой створке изображено Распятие с предстоящими Богородицей и Иоанном. Над Спасителем – крест и голубь. На оборотной стороне – фигура Богоматери в нимбе. Руки ее опущены. По бокам ее – в лопастях креста в кругах – архангелы, в верхней и нижней лопастях – херувимы. Практически идентичная (хотя и выполненная по другой модели) створка найдена в 1993 г. на селище в дер. Воря-Богородское в Пушкинском районе. Кресты подобного типа описаны в литературе (Ханенко Б.Н. и В.И., 1900, табл. XI, № 133; Каталог..., 1890–1891, отд. VIII–IX, с. 182, рис. 158). Использовались они продолжительное время. Начальный этап их бытования отражает крест из 2 яруса Неревского раскопа в Новгороде, датируемый серединой XV в. (Седова М.В., 1981, с. 59, 60, рис. 19, *4*, *5*).

К типу *протоквадрифолийных крестов* относится передняя створка (рис. 3, *2*). Уже после утраты верхней и правой лопастей (верхняя лопасть с утраченной дужкой и без оглавия была также найдена – рис. 3, *6*), крест попал в огонь и потрескался. Тем не менее его определение не вызывает затруднений. По обеим сторонам Распятия изображены предстоящие Богоматерь и Иоанн. Изображение в левом клейме определить трудно, в верхнем и нижнем клеймах – архангелы. Из западно-русских аналогий можно указать на крест из Дрогичина Гродненской области (Леопардов Н., Чернев Н., 1890, сер. 1, вып. 1, табл. VI, *13* – лицевая створка энколпиона с изображением Распятия на семиконечном кресте; Ханенко Б.Н. и В.И., 1900, табл. XVIII, *94*). Нижнюю дату бытования данного типа крестов определяет крест, найденный на Неревском раскопе в слое, связанном с ярусами 3 и 2, и датируемом второй четвертью – серединой XV в. (Седова М.В., 1981, с. 59, рис. 19, *3*). Крест, аналогичный Афанасовскому, был найден в 1998 г. жителем села Радонеж на усадьбе дома 45 в восточной части села и передан экспедиции. Это целая оборотная створка энколпиона, несущая в среднике изображение Николая угодника. Так же как и Афанасовский экземпляр, эта отливка выполнена по форме низкого качества.

Квадратноконечные энколпионы представлены верхней лопастью с изображением архангела (рис. 3, *4*) и створкой с изображением в среднике фигуры с посохом (отломаны верхняя и правая лопасти – рис. 3, *3*). В литературе подобное изображение неверно интерпретировалось как изображение Христа (Каталог..., 1890–1891, с 192, рис. 176, *133*) или Архангела Михаила (Покровский Н.В., 1914, с. IV, *33*). Вопрос разъясняется, благодаря кресту данного типа, найденному в 6 ярусе Неревского раскопа в Новгороде, на котором над головой архангела читается надпись: "Сихаилъ". Крест этот датируется рубежом XIV–XV в. (Седова М.В., 1981, с. 59, рис. 19, *1*, *2*), что и определяет нижнюю дату периода бытования этого типа крестов. Близок ему крест из собрания Н.Н. Крашенинникова, также происходящий из Новгорода (Гнутова С.В., 1996, с. 402, 403).

Широко распространенный в XV–XVI вв. тип *прямоугольноконечного с клеймами* энколпиона представлен в Радонеже его репликой. Крест был разломан в древности на четыре части. Сохранились верхняя и правая лопасти а также часть средника передней створки с изображением распятого Христа (рис. 3, *7*). Распятие представлено на фоне стен Иерусалима. По бокам – предстоящие и слетающиеся ангелы. Глава Христа наклонена. В верхнем клейме – Троица в виде трех ангелов. Близкие аналогии этому энколпиону происходят из с. Городок Радомысльского уезда и из района Киева (Леопардов Н., Чернев Н., 1890, сер. 1, вып. 3–4, табл. 1, *10*; табл. 2, *17*). Наперсные двусторонние кресты с подобным изображением опубликованы (Каталог..., 1890–1891, с. 173, 174, рис. 147; Фи-

лимонов Г.Д., 1849, отд. 1, табл. IX, *7* – крест серебряный. В верхнем клейме – Троица; Ханенко Б.Н. и В.И., 1990, табл. XI, *129*).

Наперсные кресты. Как уже отмечалось, все наперсные кресты Радонежского комплекса принадлежат к типу двусторонних круглоконечных. Среди них выделяются три серии. Кресты первой серии особенно многочисленны (рис. 5, *10*, *11*, *23*, *30*, *31*, *32*, *38*; рис. 6, *21*, *22*), на лицевой стороне несут изображения в среднике – Распятия (Христос со склоненной главой), в боковых клеймах – предстоящих, в верхнем клейме – Сретения (две фигуры держат младенца, над ними надпись "ороч" – возможно "отроча"); в нижнем клейме – двух святых. На оборотной стороне в среднике – Иоанн Предтеча с разведенными руками, в одной из которых он держит хартию. Из ранних аналогий данного типа крестов следует указать на крест селища Лебедка в Орловской области. По мнению автора раскопок, селище было покинуто жителями в XIII в. Однако, судя по наличию серой керамики 5-го типа, верхняя дата памятника вполне может заходить и в первую половину XIV в. В отличие от радонежских крестов в нижнем клейме у креста из Лебедки – Никита мученик, побивающий бесов, а в верхнем – Троица (Никольская Т.Н., 1957, с. 189, рис. 12, *9*). Более близкую аналогию представляет собой крест из Серенска, но он в публикации не датирован (Никольская Т.Н., 1981, с. 271, рис. 103, *6*). Наиболее близкая аналогия – крест из Заяузья в Москве, происходящий из раскопок М.Г. Рабиновича. Он обнаружен "под завалом западной стенки сруба" и датирован автором раскопок концом XV – началом XVI в. (Рабинович М.Г., 1949, с. 35, 36, рис. 20). Верхняя дата распространения крестов данного типа устанавливается по двум находкам. Одна сделана в сооружении, исследованном на селище Набережная слобода-1 близ Вышгорода на р. Протве в Нарофоминском районе Московской области и датируемом по белоглиняной гладкой и краснолощеной керамике второй половиной XVI–XVII в. (Шполянский С.В., 1999). Другая встречена в подъемном материале селища Голено-1 близ г. Епифани, датируемом первой половиной XVII в. (Гоняный М.И., 1997, с. 8, 49).

Близка крестам этой серии отливка, выполненная с задней створки круглоконечного энколпиона с изображением Иоанна Предтечи в среднике. Отливка имеет неподвижное оглавие. Она была разломана на три части, которые после этого подверглись воздействию огня. Сохранились левая и верхняя части (рис. 4, *29*).

Следует отметить, что все кресты этой группы дошли до нас в обломках. Кресты разломаны на 2, 3 или 4 части. На одном из них видно, что верхняя часть была отломана, а нижняя лишь отогнута (рис. 5, *11*).

Вторая серия представляет собой двусторонние округлоконечные кресты аналогичных размеров. Отличаются они лишь изображениями. Вместо Сретения в верхнем клейме лицевой створки изображена Троица. На оборотной створке в среднике находим изображение Богоматери Знамение с распростертыми руками, обрамленное ромбом. В нижнем клейме – Св. Никита, побивающий бесов (рис. 6, *12*, *13*, *15*, *33*, *14* – последний найден вне скопления крестов). Кресты также дошли в обломках, причем один из них был разломан в древности пополам так, что линия разлома прошла по диагонали (рис. 6, *12*).

Третья серия отличается от первых двух. Это кресты более тонкие и меньших размеров. Они несут на себе комбинацию тех же изображений, что и на вышеописанных крестах "с Иоаном Предтечей" и "с Знамением", но в иных комбинациях (рис. 7, *16–20*). Такой же по типу крест найден вместе с обычным круглоконечным крестом в недавно опубликованном комплексе бронзолитейной мастерской Затьмацкого посада Твери, который датируется временем до рубежа XV–XVI вв. (Олейников О.М., 1996, с. 150, 151, рис. 11).

Вне серий стоит небольшой двусторонний округлоконечный крест-тельник с изображением Распятия с предстоящими и нечитаемым изображением святого на обороте.

Описание коллекции меднолитых крестов из могильника в урочище "Погост" на Афанасовом поле

Энколпионы

К рис. 3. Коллекция меднолитых крестов из некрополя в урочище "Погост" на Афанасовом поле (то же рис. 4–7). Энколпионы. *1* (97-01) [Р4, Р5] – верхняя и нижняя части оборотной створки энколпиона "сирийского типа" с расширяющимися концами, верхнее и нижнее клейма в круге несут изображения серафимов, в среднике – фигура Богоматери; *2* (97-02) [Р22] протоквадрифолийный энколпион – оплавленная створка с изображением Распятия; *3* (97-03) [Р18] – оборотная створка квадратноконечного энколпиона с изображением архан-

гела Сихаила и клеймами (утрачено верхнее и левое клейма); *4* (97-04) [Р29] – верхняя лопасть квадратноконечного энколпиона с изображением архангела; *5* (0-34) [Р32] – нижняя лопасть миниатюрного прямоугольноконечного энколпиона с килевидным завершением, в клейме – изображение святого Никиты, побивающего бесов; *6* (97-026а) [Р31] – верхняя лопасть протоквадрифолийного энколпиона с изображением архангела; *7* (97-05, 97-028) [Р3, Р21] – односторонний крест, моделью которого послужила лицевая створка прямоугольноконечного с клеймами энколпиона, сохранились два фрагмента с изображением в среднике – Распятия с предстоящими и в верхнем клейме – Троицы, оглавие неподвижное; *36* (98-42 – левое клеймо, 98-34 – средник, 98-28 – правое клеймо) – фрагменты лицевой створки квадратноконечного энколпиона с изображением Распятия с предстоящими (утрачено верхнее и нижнее клейма).

К рис. 4. Энколпионы. *8* (97-06) [Р33] – оглавие энколпиона с плохо читаемым изображением нерукотворного Спаса; *9* (97-29) [Р34] – оглавие энколпиона биконическое; *25, 26* (97-7, 97-8) [Р15, Р14] – лицевая створка круглоконечного с выступающими дугами средокрестия энколпиона с изображением Распятия (Христос триумфирующий) и оборотная створки того же энколпиона с изображением архангела; *27* (97-09) – верхняя лопасть круглоконечного энколпиона с изображением святого; 29 [Р4] – оплавленная отливка с оборотной створки круглоконечного энколпиона с ложным шарниром в оглавии, на среднике – Иоанн Предтеча (два фрагмента, правая лопасть утрачена); 34 (98-59) – оглавие энколпиона с плохо читаемым изображением Спаса нерукотворного; 35 (98-57) – оглавие креста; 37 (98-1) – оглавие энколпиона с изображением Спаса нерукотворного; 43 (98-58) – оглавие энколпиона цилиндрическое.

К рис. 5. Наперсные круглоконечные четырехмедальонные двусторонние кресты. На лицевой стороне – Распятие, на оборотной – Иоанн Предтеча с хартией. *10* (97-020) [Р1, Р27] – собирающийся из трех частей до полной формы крест, отлитый с образца низкого качества; *11* (97-16 [Р20]; 98-14) – собирающийся из двух фрагментов крест; верхняя лопасть найдена в раскопе 1998 г., нижняя часть креста – в ходе сборов 1997 г., нижняя лопасть отогнута; *23* (97-9) [Р28] – верхняя лопасть с оглавием, в клейме с лицевой стороны изображено Сретение (надпись "о(т)роча"), с оборотной – святого Николая и святого, надпись над которым не читается; *30* (97-019) [Р8] (98-62) – два фрагмента креста – средник с правой лопастью и верхняя лопасть со Сретением в клейме и оглавием; *31* (97-021) [Р16] (98-61) – средник и нижняя лопасть с изображением двух святых на обоих сторонах; *32* (97-022) [Р17] – боковая лопасть; *38* (98-56) – верхняя лопасть со Сретением в клейме (надпись – "Михаил") и оглавием.

К рис. 6. *А* – наперсные круглоконечные четырехмедальонные двусторонние кресты. На лицевой стороне – Распятие, на оборотной – Богоматерь Знамение. *12* (97–010) [Р2] (98-60) – крест, разломленный по диагонали и собранный до полной формы, на лицевой стороне – Распятие с предстоящими в боковых клеймах, в верхнем клейме – Троица (надпись "с трои"), в нижнем – Никита, побивающий бесов; *13* (97-011) [Р11] – нижняя лопасть с изображением Никиты, побивающего бесов – на лицевой стороне (надпись "Никита") и двух святых на оборотной стороне (надпись "Петр. кол"); *14* (97–69) [Р23] – боковая лопасть и часть изображения в среднике (возможно, лит по одной литейной форме с 13); *15* (97–012) [Р25] – нижняя лопасть с изображением Никиты, побивающего бесов, на лицевой стороне и двух святых – на оборотной стороне; *33* (97–023) – верхняя лопасть с изображением Троицы на лицевой стороне и святого – на оборотной; *Б* – фрагменты круглоконечных четырехмедальонных двусторонних крестов с Иоанном Предтечей на оборотной стороне: *21* (97–017) [Р12] – нижняя лопасть с изображением двух святых; *22* (97–018) [Р13] – нижняя лопасть с изображением двух святых.

К рис. 7. *А* – круглоконечный двусторонний крест с выступающими дугами средокрестия: 24 (97–027) [Р19] – на лицевой стороне – Распятие, на обороте – Архангел Сихаил, нижняя лопасть утрачена; *Б* – круглоконечные четырехмедальонные двусторонние миниатюрные кресты. На лицевой стороне – Распятие, на оборотной – Богоматерь Знамение; *16* (97–013) [Р6] – крест с отломанными боковой и верхней лопастями; *17* (97–014) [Р7] – верхняя лопасть с оглавием; *18* (97–12) [Р24] – нижняя лопасть: на лицевой стороне – Св. Никита, побивает бесов, на оборотной – два святых; 19 (97–015) [Р26] – боковая лопасть; 20 (97–016) [Р9] – часть средника и боковая лопасть; *39* (98–2) – фрагмент средника с изображением Распятия из раскопок 1998 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гнутова С.В., 1996. Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV века. М.

Гоняный М.И., 1997. Отчет за 1997 г. // Архив ИА РАН Р-1, не оприходован.

Жизневский А.К., 1888. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М.

Каталог собрания древностей А.С. Уварова, 1890–1891. Киев.

Леопардов Н., Чернев Н., 1890. Сборник снимков с предметов древности находящихся в Киеве в частных руках. Киев.

Никольская Т.Н., 1957. Древнерусское селище Лебедка // СА. № 3.

Никольская Т.Н., 1962. Городище у д. Николо-Ленивец // СА. № 1.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.

Олейников О.М., 1996. Бронзолитейная мастерская на территории Затьмацкого посада Твери // Тверская старина. Тверь.

Петров Н.И., 1915. Альбом достопримечательностей церковно-археологического общества при Имп. духовной академии. Вып. 3. Киев.

Покровский Н.В., 1914. Церковно-археологический музей СПб Духовной академии. М.

Рабинович М.Г., 1949. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. № 12.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Филимонов Г.Д., 1849. Описание памятников Русского музея П. Колобова. М.

Ханенко Б.Н. и В.И., 1900. Древности русские. Кресты и образки. Киев.

Чернов С.З., 1990. Отчет 1990 г. Т. 6, 6а // Архив ИА РАН. Р–1. № 15198, 15554.

Шполянский С.В., 1999. Раскопки и разведки в Юго-восточном Подмосковье // АО – 1998.

Государственный научно-исследовательский
институт реставрации, Москва

Н.Л. ЧЛЕНОВА

ОЛЕНИ, КОНИ И КОПЫТА

(О связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху)*

В предыдущих работах автора данной статьи (Членова Н.Л., 1996; 1998а, б) было показано, что все оленные камни Монголии относятся к скифской эпохе, камни "саяно-алтайского" типа – к VII–VI вв. до н.э., а "монгольско-забайкальского типа" – примерно к VI–IV вв. до н.э., в противоположность мнению Э.А. Новгородовой (1973; 1975; 1986; 1989), относившей "монгольско-забайкальские" камни ко второй половине II тыс. до н.э.

Теперь, опираясь на капитальную монографию В.В. Волкова (1981) об оленных камнях Монголии, можно проанализировать изображения на камнях обоих типов и проследить их связи с изображениями ряда регионов Евразии, в том числе Восточного и Южного Казахстана, Семиречья и Средней Азии. Самый частый сюжет на оленных камнях Монголии – это сами олени, причем на "монгольско-забайкальских" их множество (я насчитала 1585 оленей), но на деле их должно быть гораздо больше: некоторые части изданных камней были покрыты лишайником, а на очистку их экспедиция В.В. Волкова просто не имела времени. Все изображенные олени с очень длинным туловом, острым горбом на спине, клювообразными мордами и подогнутыми ногами (иногда нижние части ног как бы обрублены). На камнях "саяно-алтайского" типа олени стоящие и более реалистические (в единичных случаях встречаются олени с одной или двумя подогнутыми ногами). К настоящему времени изображения оленей с клювообразной мордой обнаружены на оленных камнях, найденных на Алтае, в Туве и Монголии, в Синьцзяне: к югу от г. Эртай, или Алтай (устное сообщение С.В. Алкина, 1998), а также в верхнем течении р. Или (Худяков Ю.С., 1998, с. 596) и в других местах Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая (причем там найдены и два оленных камня "саяно-алтайского типа"; Черемисин Д.В., 1995; 1997, с. 45). Изображения оленей с клювообразной мордой найдены и на наскальных рисунках в Монголии (Окладников А.П., 1983; Новгородова Э.А., 1983; 1984), в Туве и на Алтае (сводки см.: Савинов Д.Г., 1990; 1994; Черемисин Д.В., 1998), а также изданы в статьях (Кадиков Б.Х., Скрипин С.И., 1980; Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1994) (рис. 1, *1–4*); в Восточном Казахстане (4-метровое изображение оленя на скале Бугытас – Аманжолов С., Аманжолов А.С., 1956) (рис. 2, *4*), а также (Samashev Z., 1993; Марсадолов Л.С. и др., 1998), в Семиречье (Тамгалы; Максимова А.Г., 1958) (рис. 2, *3*), Северном Китае (горы Хелань; Черемисин Д.В., 1998) (рис. 2, *1, 5*) и в Южном Казахстане (хребет Каратау: Майдантал и другие местонахождения (рис. 2, *5*); (Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н., 1977) и в Фергане (рис. 2, *6*) (Шер Я.А., 1980). Там же известны и изображения оленей стоящих, иногда с острым горбом на спине (Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н., 1977). Ветви рогов у этих стоящих оленей часто подняты вверх (хребет Каратау: Арпаузен V) (рис. 3, *8, 9*). Подобные олени известны и в Таласской долине в Киргизии (рис. 3, *7*) (Гапоненко В.С., 1963; Шер Я.А., 1980), но они,

---

* Исправленный и сокращенный доклад на Международной конференции в честь 75-летия академика Б.А. Литвинского. Тезисы опубликованы (Членова Н.Л., 1998а)

© Н.Л. Членова, 2000 г.

Рис. 1. Наскальные рисунки из Монголии и Алтая. *1* – Монголия; *2* – Чулуут, Монголия (по: Новгородова Э.А., 1989); *3* – Алтай, Кызыл-Джар (по: Кадиков Б.Х., Скрипин С.И., 1980); *4* – Алтай, Елангаш (по: Кубарев В.Д., 1979). Масштабы изображений различны

как и более восточные олени с Алтая и из Тувы, изображены стоящими "на цыпочках" (на кончиках копыт) (рис. 3, *3–5*), а иногда одна нога оленя подогнута (рис. 3, *2, 6*). Изображения стоящих "на цыпочках" оленей известны и далее на северо-запад – в низовьях Сырдарьи (Уйгарак) (рис. 3, *10*) и на Северном Кавказе (рис. 3, *11, 12*) (Душети; Артамонова-Полтавцева О.А., 1950; Членова Н.Л., 1962, табл. VI, *3*). Наконец, среди стоящих оленей Алтая, Восточного и Южного Казахстана и Киргизии есть и олени с клювовидными мордами (рис. 2, *1, 4–6*), см. также наскальные рисунки Калбак-Таш (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, рис. 15, 25, 32). Недавно найдено изображение стоящего оленя с очень узкой, похожей на клювовидную мордой и с разукрашенным полосками телом (как у оленя из Бугытас – см. рис. 2, *4*) на сосуде из кург. № 2 могильника Новозаведенное-II, VII в. до н.э. (Маслов В.Е., Петренко В.Г., 1998 – см. наш рис. 3, *12*). Он входит в группу северокавказских сосудов с изображениями стоящих оленей, отнесенную нами к "скифским оленям" (Членова Н.Л., 1962, табл. IV, *1–4*). Таким образом, и чрезмерно вытянутые морды, и поза "стоящие на цыпочках" известны от Монголии до Южного Казахстана, Ферганы, Приаралья и Северного Кавказа, поэтому не представляется убедительным мнение М.П. Грязнова (1978), который на основании этих признаков пытался выделить особый тип "саяно-алтайского" оленя из числа "скифских" оленей, включив в "саяно-алтайский" тип почему-то и оленей из Ордоса и Северного Китая (Грязнов М.П., 1978, с. 229). Напротив, все эти олени составляют единую евразийскую цепь, что особенно хорошо показывают казахстанские, ферганские и приаральские материалы.

На 16 оленных камнях Монголии изображены кроме оленей еще и 40 коней (т.е. их почти в 40 раз меньше, чем оленей, – см. таблицу). Одни из них (29 экз.) – местные,

Рис. 2. Горный Алтай (*1*), Восточный Казахстан (*2–4*), Южный Казахстан (*5*) и Фергана (*6*). *1* – Бертекская писаница (по: Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1994); *2* – писаница к СВ от пос. Майэмир (Майэмер) (по: Марсадолов Л.С. и др., 1998); *3* – Тамгалы (по: Максимова А.Г., 1958); *4* – Бугытас (по прорисовке А.С. Аманжолова с его же фотографии и по: Аманжолов С. и Аманжолов А.С., 1956); *5* – Хребет Каратау, Майдантал IV, плита 6 (по: Кадырбаев М.Х., Марьяшев А.Н., 1977); *6* – окрестности г. Ош (по: Шер Я.А., 1980). Масштабы изображений различны

степные, малорослые, с короткими ногами и шеей. Их изображали обычно не поодиночке, а по несколько, небольшими табунками (рис. 4, *1–4*). Другие кони – высокопородные, изображены с преувеличенно высокой, "лебединой" шеей и длинными ногами, без гривы и хвоста (или с коротким хвостом – рис. 5, *2*, *4–а*, *4–г*, *4–д*, *5*), третьи – высокопородные, но худших статей, чем названные выше. Высокопородных коней всего 11 и изображены они всегда поодиночке (за исключением пары лошадей, запряженных в повозку). Вероятно, высокопородные кони в скифскую эпоху в Монголии были редкостью. Замечательный высокопородный конь изображен на оленном камне смешанного "саяно-алтайско" / "монгольско-забайкальского" типа на оленном камне из Хар говь, Муст сомон, Кобдосский аймак (рис. 5, *1*, *2*); на правой стороне того же камня изображена между фигурами оленей еще одна маленькая фигурка высокопородной лошади (Волков В.В., 1981, рис. 105).

Из того же Кобдосского аймака (Дарви сомон, Чулутын огтох) происходит еще высокопородная лошадь, изображенная на камне "саяно-алтайского" типа (рис. 5, *4–а*, *4–д*); на задней стороне того же камня изображены две высокопородные, но не лучшие лошади, впряженные в двухколесную повозку (рис. 5, *4–г*). О ней еще будет речь далее. Высокопородная лошадь изображена и на передней стороне камня из Хубсугульского аймака, Цаган уул сомон, Агрын бригада. Камень стоял на жертвеннике (рис. 5, *5*).

Наконец, следует особо отметить высокопородную лошадь с подогнутыми ногами из Баянхонгорского аймака "по дороге из Гурван булак в Баян булак сомон", изображенную на камне "саяно-алтайского" типа (рис. 6, *1*). Она вместе с подобными ей изображениями указывает путь, по которому осуществлялись связи Монголии со Средней Азией в скифскую эпоху. На сходство этой лошади с изображениями из Узунтала

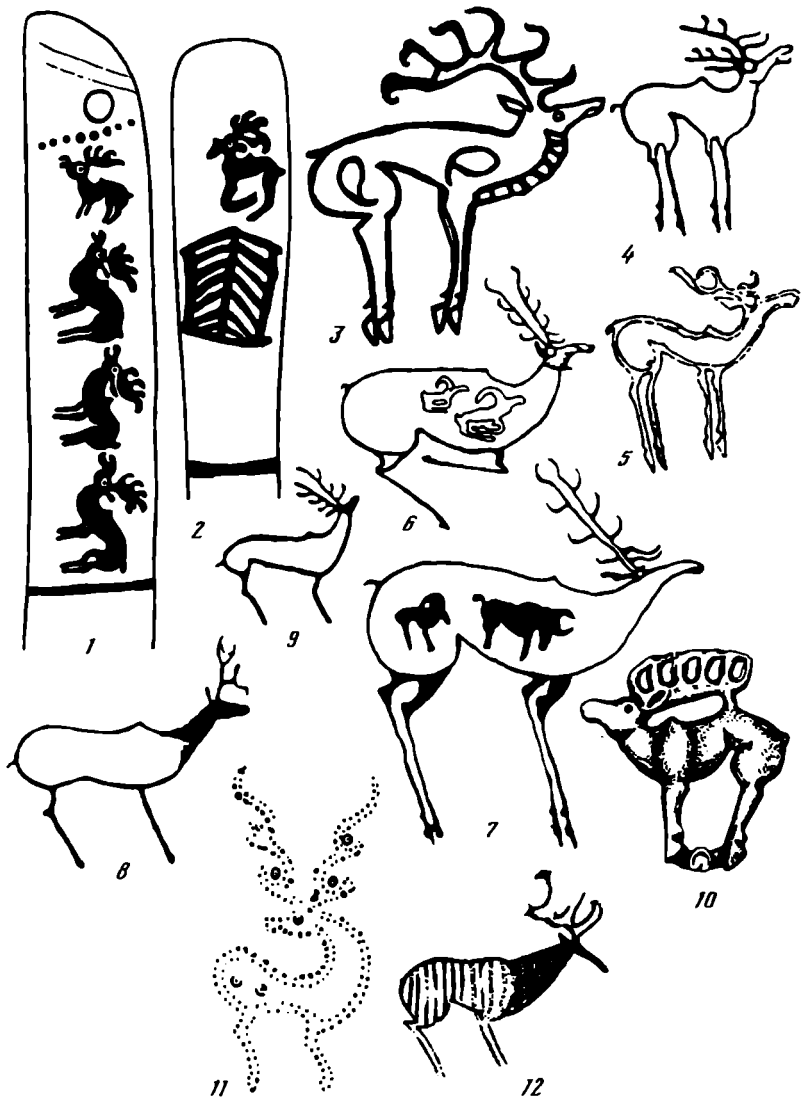


Рис. 3. Олени стоящие и с одной подогнутой ногой. Монголия (*1, 2*), Тува (*3, 4*), Алтай (*5*), Киргизия (*6, 7*), Южный Казахстан (*8, 9*), низовья Сырдарьи (*10*), Северный Кавказ (*11, 12*). *1, 2* – Хубсугул аймак, Шине идер сомон, Дурульжин ам. Оленные камни № 2, 1 (у керексура, по: Волков В.В.; 1981); *3* – писаница Ортаа-Саргол (по: Дэвлет М.А., 1982), *4* – оленный камень, стоявший на кургане Аржан (по: Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н., 1977); *5* – р. Бухтарма, Майэмирская степь (по: Грязнов М.П., 1947); *6, 7* – Таласская долина, Ур-Марал (по: Шер Я.А., 1980); *8, 9* – Хребет Каратау, Арпаузен V и VIII; *10* – Уйгарак, кург. 41 (по: Вишневская О.А., 1973); *11* – Душети (по: Артамонова-Полтавцева О.А., 1950); *12* – Новозаведенное II, кург. 12 (по: Маслов В.Е., Петренко В.Г., 1998). Масштабы изображений различны

в Горном Алтае (рис. 6, *3*) и из Саглы-Бажи в Южной Туве (рис. 6, *2*) (Грач А.Д., 1980) первым обратил внимание Д.Г. Савинов (1994). Отметим, что все высокопородные лошади с подогнутыми ногами изображены на камнях "саяно-алтайского" типа. Затем В.А. Кисель сравнил изображения всех этих лошадей еще и с изображениями лошади из Кара-Дюргуна на юге Алтая (рис. 6, *4*) (Кубарев В.Д., 1979), но также и с теми, что изображены на золотых пластинах из Келермеса (рис. 6, *5*) (Галанина Л.К., 1983; 1997; Кисель В.А., 1997) и с парными головками явно высокопородных лошадей (с очень длинными шеями) из Тагискена в низовьях Сырдарьи (рис. 8, *1*). Недавно издана пара таких головок (подпружных пряжек) из Тагискена в комплексе, вероятнее всего, VII в. до н.э. (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с. 67, рис. 47).

Цепочка изображений лошадей с подогнутыми ногами на востоке не заканчивалась в Монголии: известна бронзовая бляшка из Ордоса (случайная находка), изображаю-

Изображения коней высокопородных и местных, степных пород на камнях "саяно-алтайского", типов, в разных

Аймак	Число камней с конями	Тип камня и число камней, где изображены лошади		
		число камней		
		"монгольско-забайкальских"	смешанных	"саяно-алтайских"
1. Кобдосский (запад)	2	–	–	1
		–	1	–
2. Завхан (запад)	2	1	–	–
		–	1	–
		–	1	–
3. Хубсугул (северо-запад)	4	–	1	–
		–	1	–
		1	–	–
		–	1	–
4. Архангай (центр)	4	–	1	–
		–	1(?)	–
		–	1(?)	–
		–	–	1
5. Баянхонгор (центр)	4	–	–	1
		1	–	–
		–	1	–
		1	1	–
Итого	16	4	11(9?)	3

щая лошадь в той же позе и иконографически очень близкая к перечисленным лошадям из Монголии, Тувы и Алтая. Ухо у нее тоже стоячее, но показано в виде полукруга (как изображались уши животных тагарской культуры Минусинской котловины; в Ордосе уши животных так не изображали). Бляшка отличается от названных выше лошадей из Монголии, Алтая и Тувы тем, что на бедре и лопатке ее имеется по круглому отверстию. Но главное ее отличие состоит в том, что шея ее более короткая и толстая, чем у тувинской и алтайской лошадей, так что если бы это изображение не следовало канону, в каком давали высокопородных лошадей, ее вряд ли можно было причислить к высокопородным. Возможно, что ордосский мастер, знакомый с западными образцами, подражал им, но изобразил лошадь более знакомой ему степной породы (рис. 6, *б*). Дата ордосской лошади определяется ее сходством с тувинскими, алтайскими и келермесскими лошадьми и ухом в "минусинском зверином стиле", но, поскольку это случайная находка, нельзя быть совершенно уверенным, что она скифской эпохи, хотя это очень вероятно.

В Монголии, Туве и на Алтае такие высокопородные кони не водились. По письменным источникам известно, что после введения в конце IV в. до н.э. в Китае

смешанного "саяно-алтайско" / "монгольско-забайкальского" и чисто "монгольско-забайкальского" аймаках Монголии

Породы коней		Место и условия находки камня	Рис. по книге: Волков В.В., 1981
высокопородные	степные		
3 (из них 2 – в колеснице)	–	Дарви сомон. Чулутын огтох. О.к. № 1 у (керексура)	103, *2*
2	–	Муст сомон. Хар. говь. О.к. № 2	105, *1*
–	2	Тельман сомон. Огомор бригада. Шурахын ам или Увдог.	60, *1*
–	3	Шилустей сомон. Даган дель. Жертвенник. О.к. № 2	65, *2*
–	2	Там же. Жертвенник. О.к. № 4	65, *2*
1(?)	–	Буреногтох сомон. Зуун гол. Жертвенник. О.к. № 6	83, *1*
1	–	Цаган уул сомон. Агрын бригада. О.к. № 5	88, *1*
–	2	Шине идер сомон. Нухтын ам. Жертвенник. О.к. № 2	99, *2*
–	6	Там же. Жертвенник. О.к. № 8	102, *1*
1	–	Их тамир сомон. Музей	3, *1*
1(?)	–	Их тамир сомон	7, *3*
1(?)	–	Их тамир сомон. Шивертын ам.	15, *1*
–	3	Баян энгер сомон	32, *1*
1	–	По дороге из Гурван булак в Баян булак сомон	34, *1*
–	7	Жаргалант сомон. Херексурин денж.	41, *1*
–	2(?)	Эрденицогт сомон. Шатар чулу. О.к. № 8	44, *1*
–	2	Эрденицогт сомон. Шатар чулу. II группа	45, *1*
11	29		

кавалерии для борьбы с кочевниками китайцы узнали о среднеазиатских высокопородных лошадях и со II–I вв. до н.э. неоднократно получали их из Ферганы путем торговли и даже войн (Бичурин Н.Я., 1950, с. 149, 187; Yetts W.P., 1934; Бернштам А.Н., 1948; Витт В.О., 1937; 1952; Waley A., 1955; Кюнер Н.В., 1961, с. 104). Позже стали известны изображения таких высокопородных коней из Минусинской котловины в тагарскую эпоху (Членова Н.Л., 1966; 1981; Шер Я.А., 1980, рис. 83). Теперь выяснилось, что такие изображения известны и в Средней Азии – от Ферганы до Нижней Сырдарьи. Кроме упомянутых изображений следует назвать также наскальные рисунки из Ферганы (рис. 7, *1–5*); из Аравана (Бернштам А.Н., 1948) и Айрымач-Тау, Сурат-таш (Заднепровский Ю.А., 1962, рис. 41; Шер Я.А., 1980, рис. 27), где изображены лошади вместе с оленем с клювовидной мордой и горбом на спине, по стилю очень похожим на оленей с оленных камней (рис. 7, *5*). Известно изображение высокопородной лошади и с Зеравшана (Сармыш) (рис. 7, *6*). Что касается парных, обращенных в разные стороны головок лошадей из Тагискена (рис. 8, *1*), то именно так (головами врозь, спинами друг к другу) изображали лошадей на бесчисленных рисунках пароконных двухколесных повозок из Монголии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана

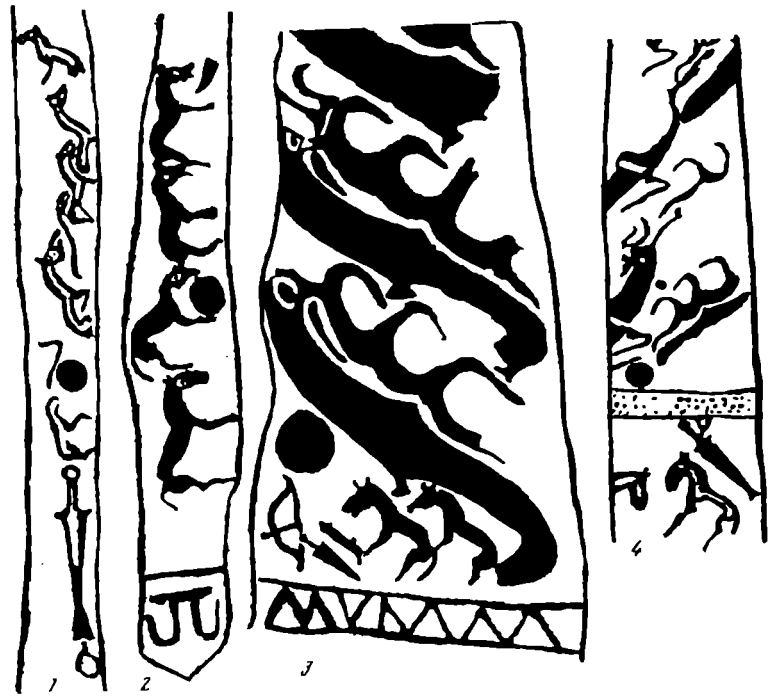


Рис. 4. Изображения лошадей местных степных пород на оленных камнях Монголии. *1* – передняя сторона камня № 8 (Хубсугул аймак, Шине идер сомон, Нухтын ам; камень врыт в каменном кольце между двумя керексурами); *2* – нижняя часть передней стороны камня № 28 (Баянхонгор аймак, Жаргалант сомон, Херексурин денж. Условия находки не указаны); *3* – нижняя часть левой стороны камня № 11 (Баянхонгор аймак. Эрдэницогт сомон. Шатар чулу. Найден в стенке плиточной могилы, во вторичном использовании); *4* – нижняя часть передней стороны камня № 2 (Завхан аймак. Шилустей сомон. Даган дель. Жертвенник). *1–4* (по: Волков В.В., 1981). Масштабы изображений различны

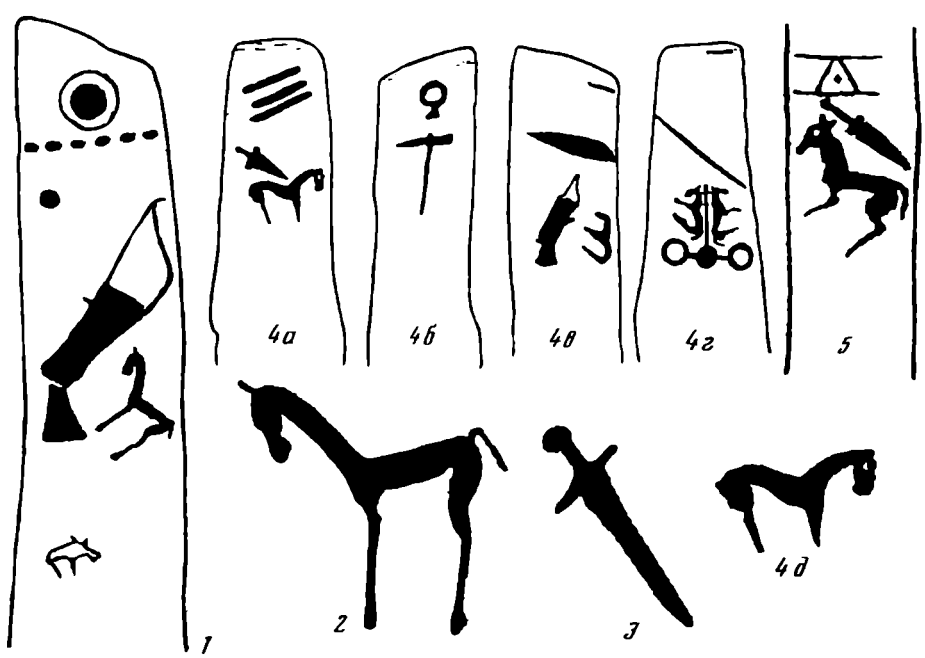


Рис. 5. Высокопородные кони на оленных камнях Монголии. Изображение лошади на смешанном "саяно-алтайско" / "монгольско-забайкальском" камне № 2 из Хар говь, Муст сомон, Кобдосский аймак (Западная Монголия). *1* – левая сторона камня; *2* – лошадь; *3* – кинжал, увеличенные изображения с этого камня; *4 а–г* – Кобдосский аймак. Дарви сомон. Чулутын огтох. Камень "саяно-алтайского" типа № 1 (у керексура): *4–а* – передняя сторона; *4–б* – правая сторона, *4–в* – левая сторона; *4–г* – задняя сторона, *4–д* – лошадь с камня из Чулутын огтох; *5* – лошадь с камня из Хубсугул аймак, Цаган уул сомон, Агрын бригада. Масштабы изображений разные

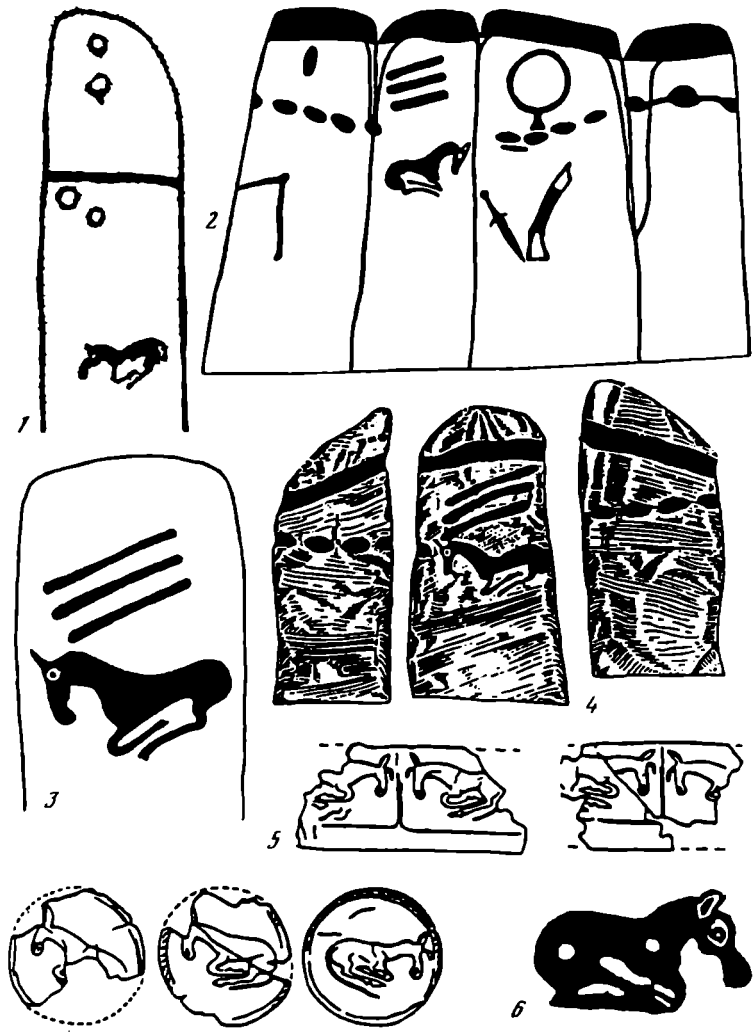


Рис. 6. Высокопородные лошади с подогнутыми ногами из Монголии (*1*), Тувы (*2*), Горного Алтая (*3, 4*) и Северного Кавказа (*5*). *1* – Баянхонгорский аймак, "по дороге из Гурван булак в Баян булак сомон" (по: Волков В.В., 1981); *2* – Саглы-Бажи (по: Грач А.Д., 1980; Савинов Д.Г., 1994); *3* – Узунтал (по: Савинов Д.Г., 1994); *4* – Кара-Дюргун (по: Кубарев В.Д., 1979; Кисель В.А., 1997); *5* – Келермес, кург. 3, раскопки Д.Г. Шульца, 1904) (по: Галанина Л.К., 1983; 1997; Кисель В.А., 1997); *6* – Ордос (по: Egami N., Mizuno S., 1935). *1–4* – выбито на оленных камнях; *5* – золото; *6* – бронза

(см. сводную таблицу в книге: Новгородова Э.А., 1984, рис. 24 и многие другие) (рис. 9).

Обычно считается, что пароконные двухколесные повозки относятся только к эпохе бронзы, а в эпоху раннего железа, в том числе у киммерийцев и скифов, бытовали повозки четырех- и шестиколесные (Мелюкова А.И., 1989, с. 97, 98; Эрлих В.Р., 1994), то же и в Азии: знаменитая пазырыкская колесница (Грязнов М.П., 1955). Однако на Ближнем Востоке (в Ассирии VII в. до н.э.) и в Урарту были двухколесные пароконные колесницы (Barnett R.D., 1960, Taf. 14, 15, 24, 80 – рельефы Ашурбанипала; Barnett R.D., 1975, pl. 9 et al.; Пиотровский Б.Б., 1959, с. 152, рис. 16); были они и в Закавказье (Ахтала, VII в. до н.э.; Пиотровский Б.Б., 1959, рис. 17; Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1997, с. 87, табл. XXIV, серия III–41). Серия III датируется авторами книги в основном VII в. до н.э. (возможно, концом VIII и началом VI в. до н.э.). Наконец, возможно, что в архаическое скифское время двухколесные повозки ассирийского типа существовали и в предгорных районах Северного Кавказа, судя по

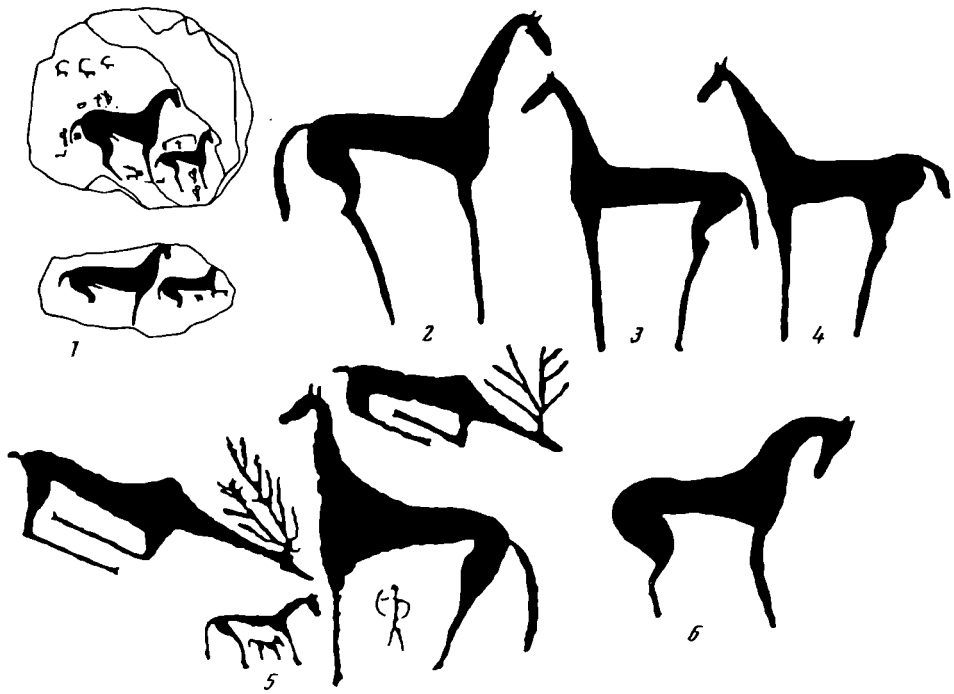


Рис. 7. Высокопородные лошади на наскальных рисунках из Ферганской долины (*1–5*) и Зеравшана (*6*). *1* – Араван; *2–4* – Айрымач-Тау (*1* – по: Бернштам А.Н., 1948; Заднепровский Ю.А., 1962); *5* – Сурат-Таш (по: Шер Я.А., 1980); *6* – Сармыш (по: Шер Я.А., 1980). Масштабы изображений различны

находке плохо сохранившейся пароконной повозки, украшенной изображением богини Иштар в кургане у хутора Красное Знамя; изображение Иштар самую точную параллель находит на рельефе из дворца Ашурбанипала – VII в. до н.э. (Петренко В.Г., 1980, с. 16–18). В Таджикистане, в месте слияния Пянджа и Вахша, найдена золотая модель двухколесной повозки, запряженная четверкой лошадей из знаменитого Амударьинского клада, предметы которого, как показано Е.В. Зеймаль (1979, с. 25), "были изготовлены мастерами, жившими... в разные эпохи (от VII–VI вв. до н.э. до последней четверти III в. н.э.)". Поскольку главный персонаж в колеснице одет в мидийскую одежду (Зеймаль Е.В., 1979, с. 37), можно думать, что колесница изготовлена не позже VI в. до н.э. Наконец, наиболее интересно для нашей темы изображение двухколесной пароконной повозки на оленном камне "саяно-алтайского типа" из Западной Монголии (рис. 5, *4–г*). Изображенным на нем чеканом и серьгой камень датируется VII–VI, скорее VI в. до н.э. Впряженные в повозку кони высокопородные, и верхняя часть рисунка головы и шеи коней очень похожа на парноголовые конские пряжки из Южного Тагискена, кург. 55 (рис. 8, *1, 2*). Есть много оснований думать, что эти парноголовые пряжки из Тагискена символизируют колесницу, в которую впряжены высокопородные лошади, попавшие сюда с юга Средней Азии, из Ферганы или Согда.

Все это достаточно убедительно говорит о связях Монголии со Средней Азией, причем ясно и направление передвижения этих высокопородных коней: из Средней Азии в Монголию, так как высокопородные лошади водились в Средней Азии, а в Монголии, Туве и на Алтае не водились. Реальные высокопородные кони рыжей масти, сохранившиеся благодаря мерзлоте в Горном Алтае (Витт В.О., 1952; Руденко С.И., 1953; 1960; Полосьмак Н.В., 1994) и в Туве, в Аржане (Грязнов М.П., 1980), найдены в курганах знати. Находки таких коней в Туве (VII–VI вв. до н.э.) и их изображения на оленных камнях Монголии "саяно-алтайского" и смешанного "саяно-алтайско / монгольско-забайкальского" типа (VI–IV вв. до н.э.) показывают, что они появились в Саяно-Алтайском регионе и в Монголии много раньше, чем в Китае.

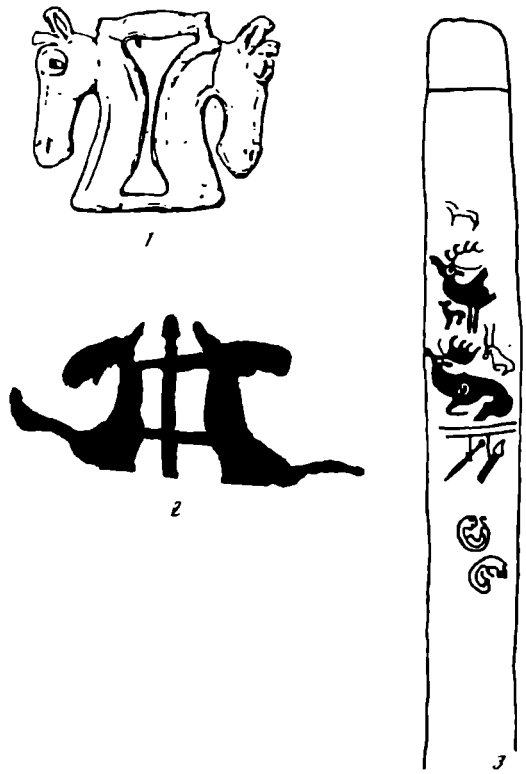


Рис. 8. Изображения парных конских головок из Приаралья. *1* – Тагискен, кург. 55 (по: Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997) и *2* – передней части лошадей, запряженных в повозку, изображение на оленном камне из Чулутын огтох (Западная Монголия; по: Волков В.В., 1981); *3* – тавро-копыто лошади на лопатке лося, стоящий олень и "свернувшиеся кошачьи хищники" на оленном камне из Хушотын кур, Баян булак сомон, Баянхонгорский аймак, Центральная Монголия. *1* – бронза, *2*, *3* – выбито на камне

Причем этих коней в указанные районы не пригоняли табунами, а появились они вместе с людьми – об этом свидетельствуют их изображения на оленных камнях и наскальных рисунках, выполненные явно на месте. Оленные камни (высотой иногда 2–3 м) слишком тяжелы и неудобны для транспортировки на далекие расстояния и к тому же изготовлены из местного гранита. Их огромное количество (В.В. Волков насчитал их более 500) и стилистическое единство изображенных оленей и других предметов при отсутствии хоть каких-то прототипов говорят о приходе с запада множества воинов, изготовлявших уже на территории Монголии памятники своим вождям или героическим предкам. Наскальные изображения оленей в Монголии копируют изображения на оленных камнях и резко отличаются по стилю от изображений других эпох. Как показано в таблице, лошади изображались в пяти аймаках Монголии: двух западных (Кобдо и Завхан), северо-западном (Хубсугул), но также и в двух центральных (Архангай и Баянхонгор), но в центральных аймаках изображены преимущественно местные малорослые лошадки (их 14), тогда как высокопородных – в лучшем случае четыре (в двух случаях неясно, какая лошадь изображена). А в западных и северо-западном аймаках лошадей местных пород изображено 15, в то время как высокопородных – 7, т.е. почти в 2 раза больше, чем в центральных аймаках (и это несмотря на то, что в центральных Архангайском и Баянхонгорском аймаках сосредоточено больше всего оленных камней – 55 против 41 в западных – Кобдосском и Завхан – аймаках; подсчеты сделаны по рисункам в книге: Волков В.В., 1981). Лошадей в Монголии изображали в основном на камнях "саяно-алтайского" и смешанного "саяно-алтайско / монгольско-забайкальского" типов. На чисто "монгольско-забайкальских" камнях высокопородных лошадей вообще нет. Вывод: высокопородных коней в

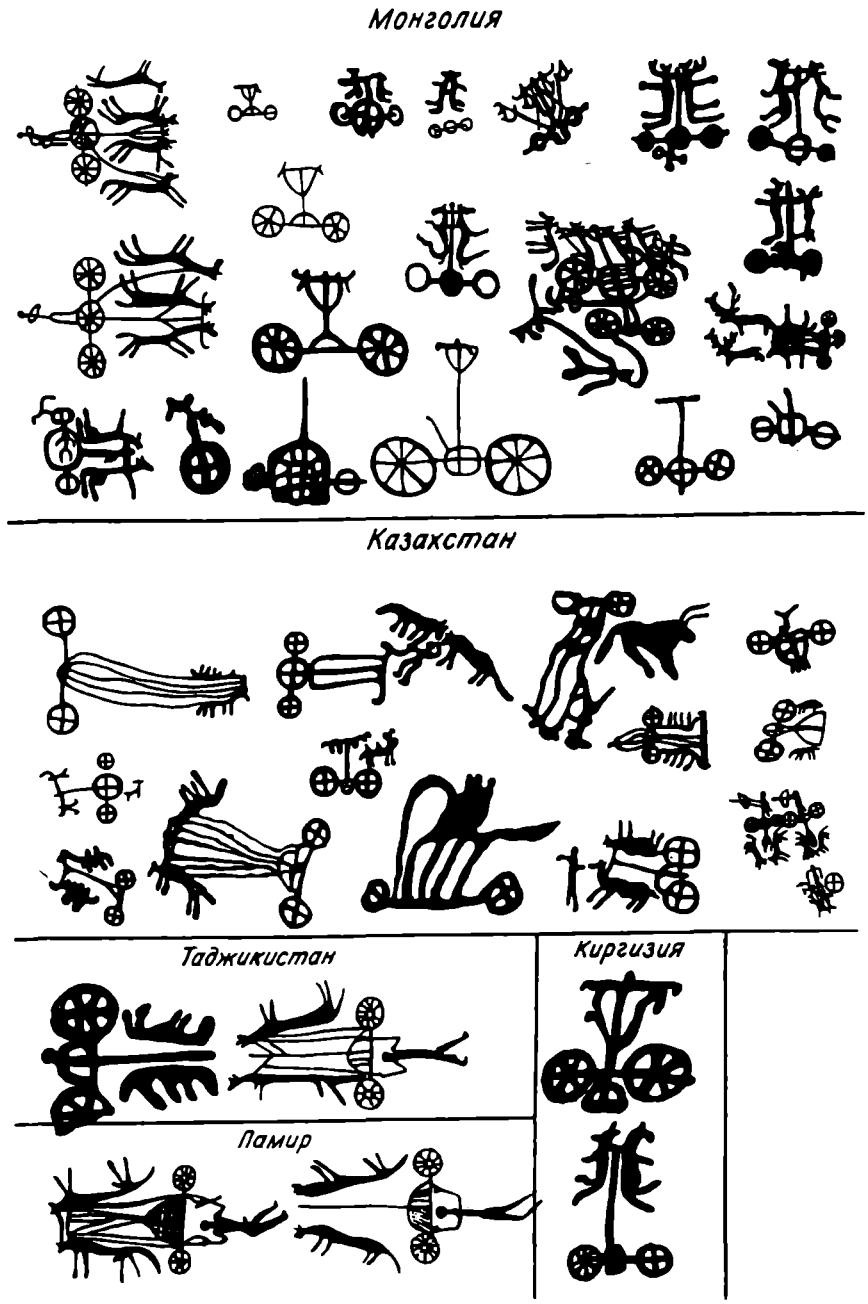


Рис. 9. Изображения повозок на наскальных рисунках и оленном камне из Монголии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана (по: Новгородова Э.А., 1989)

Монголии изображали на "саяно-алтайских" и смешанных "саяно-алтайско / монгольско-забайкальских" оленных камнях, и изображения этих коней сосредоточены в двух западных (Кобдо и Завхан) и северо-западном (Хубсугул) аймаках. Их немного: всего 11 против 29 изображений лошадок местных пород по всей Монголии. Они были редки, и их особо ценили. Все это еще раз подтверждает западное, среднеазиатское происхождение высокопородных коней Монголии.

Что же касается пути из Ферганы на северо-запад, то он шел по правому берегу Сырдарьи, вдоль среднего течения которой расположен хребет Каратау, где найдены изображения оленей с клювовидными мордами и высокопородных коней (как в Суратташ в Фергане). Причем кони эти были как верховыми, так и запрягались в колесницы (парные головки из Уйгарака). Далее путь этот достигал Северного Кавказа (Келермес), где изображены кони с подогнутыми ногами. На промежуточных территориях

между Приаральем и Прикубаньем изображения таких коней и оленей пока не найдены.

Думается, что в Монголии и олень, и конь были священными животными тех многочисленных воинов, что прибыли в Монголию из Средней Азии в период между VI и IV вв. до н.э.

Это подтверждается и раскопками В.В. Волковым жертвенников Жаргалант (Завхан аймак) и Шивертын ам (Архангай аймак), на которых стояли оленные камни с многочисленными изображениями оленей; при раскопках же были найдены челюсти или целые черепа лошадей. В.В. Волков (1981, с. 80) замечает: "Совершенно очевидно, что каменные наброски представляют собой жертвенник и одним из основных жертвенных животных была лошадь".

Мнение о почитании наряду с оленем коня в Монголии в скифскую эпоху подкрепляется и изображением конских копыт как тавра на лопатке оленя или лося из Хушотын нур, Баян булак сомон, Баянхонгорский аймак (рис. 8, *3*)[1]. Подобные изображения следов конских копыт широко известны, и только в скифскую эпоху, на бронзовых изделиях в Саяно-Алтайском регионе, Горный Алтай – преимущественно на подпружных пряжках: Карбан-1, кург. 5 (Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992); Элекмонар-2, кург. 1 (Степанова Н.Ф., 1996); Бойтыгем-2, кург. 19 (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994) (рис. 10, *1,2*) и из других мест (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 54, *1*). Есть они и в Минусинской котловине – на ножах, реже – на кинжалах и концах луков (Членова Н.Л., 1967, табл. 15, *6, 7*; 37, *13*; 39, *27*), а также в тасмолинской культуре Казахстана (рис. 10, *3–5*), в низовьях Сырдарьи на подпружных пряжках и бляхах (Кадырбаев М.К., 1966, рис. 24, *2*; 26, *2, 4*; Вишневская О.А., 1973, табл. I, *5*; V, *11, 20*; XV, *12*; XIV, *7*; XVIII, *36*; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, рис. 47, *13–14*) (рис. 10, *6–8, 13, 14*). И на Алтае, и в Казахстане, и в Приаралье подпружные пряжки с копытообразными значками встречены в хороших комплексах как VII–VI, так и V в. до н.э. На всем этом пространстве пряжки с копытообразными значками обнаруживают большое сходство между собой.

Далее на запад подобные копытообразные значки, украшающие пряжки, есть в Приуралье, в могильниках конца VI – начала V в. до н.э.: Мечет-сай, кург. 2 и Пятимары, кург. 8 (Смирнов К.Ф., 1964, рис. 21, *2,6*, 28, *11, 14*; см. наш рис. 10, *9*); в верховьях р. Илек, в могильнике Бесоба, кург. 9 и 5, VI–V вв. до н.э. (Кадырбаев М.К., 1984, рис. 5; см. наш рис. 10, *11, 12*) и в низовьях Волги, в могильнике Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 16, в комплексе V в. до н.э. (раскопки В.В. Дворниченко и Г.А. Федорова-Давыдова, 1974 г. Рисунки были продемонстрированы на докладе В.В. Дворниченко в Отделе скифо-сарматской археологии ИА РАН 13.11.96 г.). И наконец, подобная пряжка из кости с копытообразным значком была найдена в скифском кургане VII в. до н.э. могильника Новозаведенное II (Предкавказье – Petrenko V.G., 1994, fig. 1, *7*) (рис. 10, *10*).

В связи с изображениями следов конских копыт нужно отметить изображения "дорог" и следов конских копыт на скале Аршан-хад (Хентейский аймак, Северо-Восточная Монголия) (Новгородова Э.А., 1983, рис. 31, 33). Следы копыт точно такие же, как те, что были показаны на многочисленных подпружных пряжках и других предметах скифской эпохи VII–V вв. до н.э. от Енисея до Северного Кавказа и как тавро на лопатке оленя или лося на оленном камне "саяно-алтайского" типа из Баянхонгорского аймака, о котором шла речь выше (рис. 8, *3*). Есть и другие наскальные рисунки с изображением следов конских копыт в Монголии: это холм Хухдийн-обо-2 и долина р. Тэс (Хубсугул аймак) (Окладников А.П., 1983, рис. 40).

Между тем Э.А. Новгородова (1983, с. 308) датировала все наскальные рисунки из

---

[1] Это хорошо видно на прорисовке с фотографии В.В. Волкова, предоставленной им мне, за что приношу ему искреннюю благодарность. В книге: Волков В.В., 1981, табл. 34, *2* ввиду плохого качества бумаги копыто не пропечаталось.

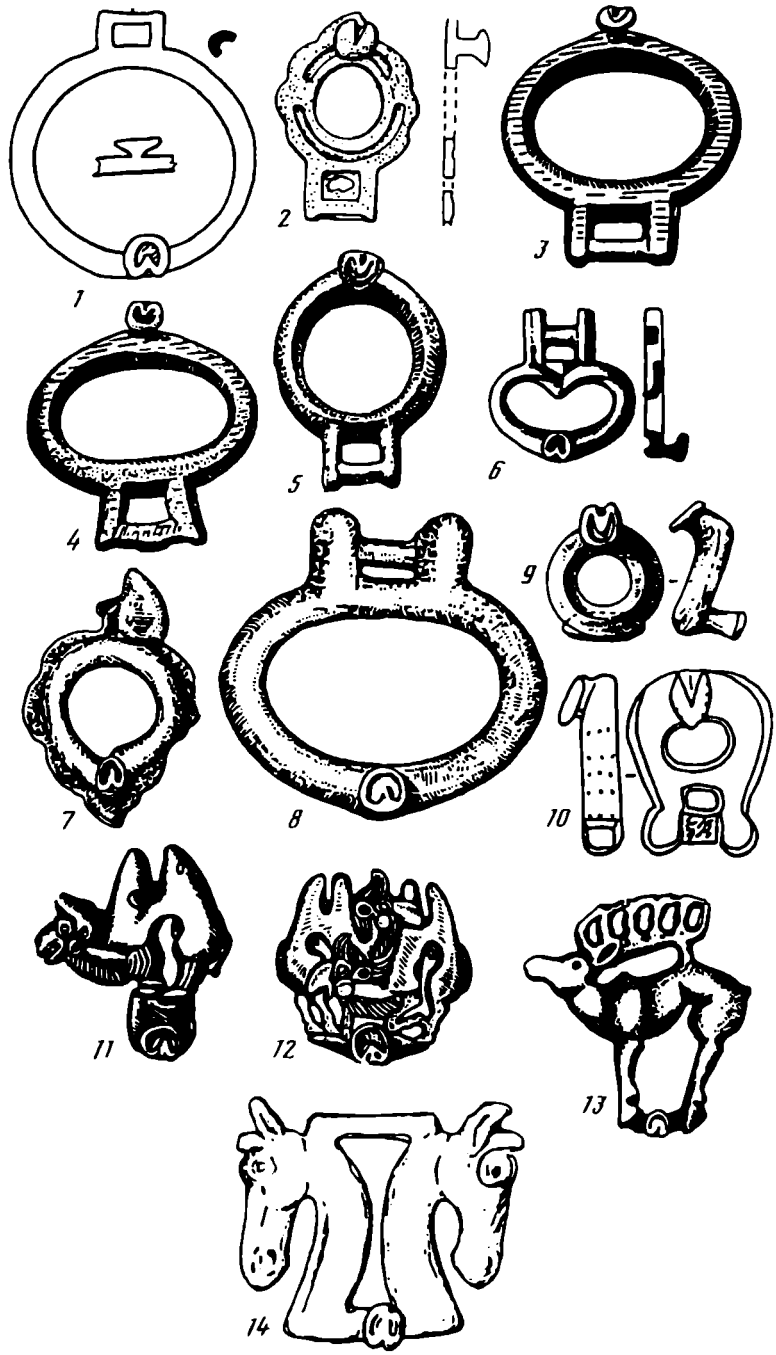


Рис. 10. Пряжки и бляхи с копытообразными значками от Алтая до Кавказа (*1*, *2* – Горный Алтай, *3–5*, *11*, *12* – Казахстан; *6–8*, *13*, *14* – низовья Сырдарьи; *9* – Южное Приуралье; *10* – Предкавказье). *1* – Карбан-1, кург. 5 (по: Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992); *2* – Элекмонар-2, кург. 1 (по: Степанова Н.Ф., 1996); *3* – Тасмола VI, кург. 3; *4* – Тасмола V, кург. 6; *5* – Нурманбет II, кург. 4 (по: Кадырбаев М.К., 1966); *6* – Уйгарак, кург. 16; *7* – Уйгарак, кург. 22; *13* – Уйгарак, кург. 41 (по: Вишневская О.А., 1973); *8*, *14* – Южный Тагискен, кург. 36 и 55 (по: Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997); *9* – Мечет-сай, кург. 2 (по: Смирнов К.Ф., 1964); *10* – Новозаведенное II (по: Petrenko V.G., 1994); *11* – верховья р. Илек. Бесоба, кург. 9 (по: Кадырбаев М.К., 1984); *12* – Бесоба, кург. 5 (по: Кадырбаев М.К. и др., 1977; а также по рисунку на обложке сборника: Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы – Москва, 1998); *10* – кость, остальное – бронза. Масштабы изображений различны

Аршан-хада мезолитом или даже палеолитом, ссылаясь на то, что две трети скалы Аршан-хад были перекрыты культурным слоем неолитической мастерской (раскопки монгольского археолога Х. Пэрлээ; см.: Новгородова Э.А., 1983, с. 307, 308). Однако на фотографии этой скалы отчетливо видны знаки – следы копыт лошади и линии – "дороги" – следы колес повозок (Новгородова Э.А., 1983, с. 359, рис. 33). Люди палеолита и мезолита не ездили в повозках, колеса которых оставляли бы следы-дороги. Кроме того, приведенные многочисленные параллели скифской эпохи позволяют не согласиться с этим мнением Э.А. Новгородовой и отнести изображения следов конских копыт на наскальных рисунках Северо-Восточной и Восточной Монголии к скифской эпохе.

В этой связи уместно отметить, что в Сеистане до наших дней местные жители называли следами копыт вещего коня Рахша (коня Рустама, героя Шах-намэ) различные природные и рукотворные объекты (Stein A., 1928, p. 922, 945; Дьяконова Н.В., 1983, с. 267). Весьма возможно, что эти предания восходят к скифо-сакской эпохе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994. Могильник Бойтыгем-2 // Altaica. Вып. 4. Новосибирск.

Аманжолов С., Аманжолов А.С., 1956. Писаницы (петроглифы) на скалах Бугытас // Вестн. АН КазССР. № 4. Алма-Ата.

Артамонова-Полтавцева О.А., 1950. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА. Вып. XIV.

Бернштам А.Н., 1948. Араванские наскальные изображения и даваньская столица Эрши // СЭ. № 4.

Бучурин (Иакинф) Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л.

Витт В.О., 1937. Лошадь Древнего Востока // Конские породы Средней Азии. М.

Витт В.О., 1952. Лошади Пазырыкских курганов // СА. Вып. XVI.

Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). М.

Волков В.В., 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор.

Вопросы археологии Казахстана, 1998. Вып. 2. Алматы; Москва.

Галанина Л.К., 1983. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. № 24.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. "Царские" погребения раннескифской эпохи. М.

Гапоненко В.С., 1963. Наскальные изображения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.

Грач А.Д., 1980. Древние кочевники в Центре Азии. М.

Грязнов М.П., 1947. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII.

Грязнов М.П., 1955. Колесница ранних кочевников Алтая // СГЭ. VII.

Грязнов М.П., 1978. Саяно-алтайский олень // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.

Грязнов М.П., 1980. Аржан. М.

Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.

Дьяконова Н.В., 1983. "Иранские" божества в буддийском пантеоне Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. М.

Дэвлет М.А., 1982. Петроглифы на кочевой тропе. М.

Заднепровский Ю.А., 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА. № 118.

Зеймаль Е.В., 1979. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.

Кадиков Б.Х., Скрипин С.И., 1980. Петроглифы Кызыл-Джара – памятник древнего искусства Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул.
Кадырбаев М.К., 1966. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
Кадырбаев М.К., 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., Коронцова Г.Г., Ермолаева А.С., 1977. Курганы Бесобы и Сынтаса // АО – 1976.
Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н., 1977. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата.
Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул.
Кисель В.А., 1997. Священная секира скифов. СПб.
Кубарев В.Д., 1979. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск.
Кубарев В.Д., 1996. Работа в Западной Монголии // АО–1995.
Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992. Петроглифы Алтая. Новосибирск.
Кюнер Н.В., 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.
Максимова А.Г., 1958. Наскальные изображения ущелья Тамгалы // Вестн. АН КазССР. № 9. Алма-Ата.
Марсадолов Л.С., Самашев З.Е., Шер Я.А., Ермолаева А.С., Курманкулов Ж.К., Жетибаев Ж.М., 1998. Исследования в Восточном Казахстане в 1997 г. // Гос. Эрмитаж. Отчетная сессия за 1997 г. Тез. докл.
Маслов В.Е., Петренко В.Г., 1998. Курган № 12 могильника Новозаведенное-II // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. Ставрополь.
Мелюкова А.И., 1989. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
Новгородова Э.А., 1973. Оленные камни и некоторые вопросы древней истории Монголии // II Междунар. конгр. монголоведов. Улан-Батор.
Новгородова Э.А., 1975. Карасукские традиции в раннескифском монументальном искустве Монголии // Древний Восток. М.
Новгородова Э.А., 1983. Аршан-хад – древнейший памятник изобразительного искусства Восточной Монголии // История и культура Центральной Азии. М.
Новгородова Э.А., 1984. Мир петроглифов Монголии. М.
Новгородова Э.А., 1986. Звериный стиль Монголии // Скифская эпоха Алтая. Барнаул.
Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.
Окладников А.П., 1983. Из истории древнего искусства Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. М.
Петренко В.Г., 1980. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье // КСИА. № 162.
Пиотровский Б.Б., 1959. Ванское царство. М.
Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1997. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М.
Полосьмак Н.В., 1994. "Стерегущие золото грифы". Новосибирск.
Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
Савинов Д.Г., 1990. Наскальные изображения в стиле оленных камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.
Савинов Д.Г., 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. Л.
Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.
Степанова Н.Ф., 1996. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул.
Худяков Ю.С., 1998. Материалы древнетюркской культуры из музеев Восточного Туркестана // Сибирь в панораме тысячелетий (Матер. междунар. симпоз). Т. 1. Новосибирск.

Черемисин Д.В., 1995. Наскальные изображения Джурамала (Горный Алтай) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово.

Черемисин Д.В., 1997. Алтай – Синьцзян: изобразительное искусство в изучении культурных контактов в эпоху раннего железа (постановка проблемы) // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сб. тез. науч. конф., посвящ. 35-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск.

Черемисин Д.В., 1998. Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий (Матер. междунар. симпоз.). Т. 1. Новосибирск.

Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1994. Бертекская писаница // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.

Членова Н.Л., 1962. Скифский олень // МИА. № 115.

Членова Н.Л., 1966. О связях Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху // VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков. М.

Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

Членова Н.Л., 1981. Тагарские лошади (О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.

Членова Н.Л., 1996. К вопросу о центральноазиатской гипотезе происхождения скифов: дата оленных камней Монголии // Древность: историческое знание и специфика источника. Тез. докл. конф. посвящ., памяти Эдвина Арвидовича Грантовского (25–27 сент. 1996 г.). М.

Членова Н.Л., 1997. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.

Членова Н.Л., 1998а. Олени, кони и копыта (О связях Монголии, Восточного Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, д-ра ист. наук, проф. Б.А. Литвинского. М., 14–16 окт. 1998 г.

Членова Н.Л., 1998б. К вопросу о центральноазиатской гипотезе происхождения скифов: дата оленных камней Монголии // ВА. Вып. 4.

Шер Я.А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.

Barnett R.D., 1960. Assyrische Palastreliefs. Praha.

Barnett R.D., 1975. Assyrian Sculpture. Toronto.

Egami N., Mizuno S., 1935. Inner Mongolia and the Region of the Great Wall // Ar Or B. Series. V. I.

Petrenko V.G., 1994. On the Interpretation of Early Scythian Sites in Central Ciscaucasia // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli.

Samashev Z., 1993. Petrogliphs of the East Kazakhstan as a historical sourses. Almaty.

Stein A., 1928. Innermost Asia. Oxford.

Waley A., 1955. The Heavenly Horses of Ferghana // History Today. V. V. № 2. London.

Yetts W.P., 1934. A Horse: a Factor in Early Chinese History // ESA. IX.

Институт археологии РАН,
Москва

N.L. CHLENOVA

DEERS, HORSES AND HOOFS

Summary

The article is devoted to the analysis of rock-gravings and so-called deer-stones from Mongolia. The rock-art renders deers in different manners. Animals' images of realistic type are shown on the rocks of Sayano-Altai; the type of deers with beak-shaped muzzle are met with on the rocks of Mongolia and Transbaikalia; there exist also representations of mixed Sayano-Altai and Mongolian-Transbaikalian type. The representations of pedigree horses shown on the deer-stones from Mongolia are also analysed. In the author's earlier publications all the deer-stones from Mongolia were dated back to the Scythian epoch; the stones of Sayano-Altai type are dated to the 7th-6th centuries B.C., and those of Mongolian-Transbaikalian type are related to the 6th-4th centuries B.C. The author compares these images with

rock-gravings from Tuva, Altai, East Kazakhstan, and Kirgizia, where similar deers are represented, and also with rock pictures from Ferghana depicting a deer with beak-shaped muzzle and pedigree horses. Hoof-prints' images on the deer-stone and rock-gravings from Mongolia are also drawn in. Similar hoof-prints' representations placed on bronze and bone detailes of horse-harness dated to the 7th-6th and 6th-5th centuries B.C. from High Altai, Kazakhstan, and Aralian area, as well as ones of the 7th century B.C. from North Caucasus are referred to. The author has come to a conclusion that in the Scythian epoch there existed a route (or routes) from Ferghana famous in antiquity by its pedigree horses of local breed. The first route led eastward to Mongolia and Ordos and the second one was directed westward along the right bank of the Syr Daria up to its source marked by Uigakar and Tagisken cemeteries, and farther west to South Urals, the Lower Volga and North Caucasus.

В.Д. КУЗНЕЦОВ

АФИНЫ И БОСПОР: ХЛЕБНАЯ ТОРГОВЛЯ

Вопрос о взаимоотношениях между Афинами и Понтом имеет несколько аспектов. В данной работе, которая не может претендовать на то, чтобы затронуть все эти аспекты, мы остановимся лишь на проблеме экономических взаимоотношений Афин и Боспора в классическое время[1]. Прежде всего речь, естественно, идет о хлебной боспорской торговле. Основное внимание здесь следует обратить на следующие вопросы: какими предположительно могли быть объемы производства зерна на Боспоре; на протяжении какого времени хлебная торговля Боспора носила активный характер; сохраняла ли эта торговля в интересующее нас время постоянно высокий уровень своей активности; и наконец, каковы причины, определившие появление такого феномена, каким была боспорская хлебная торговля?

Проблема хлебной торговли Боспора неоднократно затрагивалась в литературе, как в русскоязычной, так и в западноевропейской. При этом мало кто из исследователей сомневается в основном выводе, который широко принят: продовольственное снабжение Афин во многом зависело от Боспора. Для такого вывода есть основания в виде письменных источников, как литературных, так и эпиграфических. Речи аттических ораторов, надписи, сообщающие о почестях, оказанных боспорским правителям афинским народом, создают впечатление об огромных количествах хлеба, вывозимого с берегов Керченского пролива. Однако несмотря на всю важность информации, которую дают нам эти письменные источники, ее нельзя назвать совершенно однозначной. Большинство исследователей без сомнений принимают, например, цифры экспорта боспорского зерна в Афины, сообщаемые Демосфеном, – 400 000 медимнов ежегодно. В действительности же такие сомнения возникают, хотя бы потому, что оратор нигде не говорит о ежегодных поставках хлеба. Разрешить возникающие сомнения на основе самих письменных источников отюдь не просто. Важное значение здесь могут сыграть данные археологических исследований, проводящихся на территории Боспорского царства.

Археологический подход в решении вопроса об экономических связях Боспора с Афинами и другими центрами Средиземноморья, предпринимавшийся рядом специалистов, определялся во многом все теми же письменными источниками. Например, И.Б. Брашинский, в книге "Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э.", видел взаимоотношения Афин с Понтом исключительно под углом зрения торговли хлебом. По его мнению, вся аттическая керамика, начиная с первой половины VI в. до н.э., которую находили при раскопках северопричерноморских городов, свидетельствует о наличии хлебной торговли Афин с понтийскими городами (Брашинский И.Б., 1963 а, с. 22, 23, 26, 30). В.Д. Блаватский в своем исследовании о земледелии северопричерноморских полисов при подсчете количества боспорских земледельцев, производивших хлеб, прежде всего опирался на цифры о ежегодном, как он думал, экспорте боспорского зерна, о котором сообщает Демосфен (Блаватский В.Д., 1953, с. 176–180). Вряд ли это можно считать целесообразным.

---

[1] Данная работа была прочитана в качестве доклада на заседании Отдела классической археологии ИА РАН в октябре 1997 г. Автор приносит свою благодарность всем коллегам, принявшим участие в его обсуждении. Статья написана при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 97-01-00252.

© В.Д. Кузнецов, 2000 г.

Данные, полученные в результате археологических исследований, которые проводятся на протяжении многих десятилетий на Керченском и Таманском полуостровах – территории Боспорского царства – позволяют внести некоторые коррективы в вопрос о хлебной торговле Боспора с Афинами. Однако с сожалением нужно констатировать, что эти археологические исследования очень мало затронули именно сельскую территорию Боспора (прежде всего его азиатскую часть), что вносит определенный элемент неуверенности в решении рассматриваемого вопроса. Обратимся к этим данным.

Большинство греческих городов на территории будущего Боспорского царства были основаны до середины – третьей четверти VI в. до н.э. (Кузнецов В.Д., 1991, с. 31–37). Одновременно с появлением новых апойкий происходило и освоение сельской территории. При этом между двумя частями будущего Боспорского царства – европейской (Керченский полуостров) и азиатской (Таманский полуостров) – наметились существенные различия. Если в европейской части известно крайне ограниченное количество сельских поселений (пять–шесть) (Масленников А.А., 1996, с. 63), то в азиатской к началу V в. до н.э. их было около 60 (Абрамов А.П., Паромов Я.М., 1993, с. 73). Это свидетельствует об интенсивном освоении плодородных земель полуострова и становлении хоры вновь выведенных колоний.

Именно с этого времени можно говорить о начале экспорта хлеба из этого региона. Возможно, не случайно и хронологическое совпадение сведений Геродота, который сообщает о кораблях с зерном из Понта (Her. 7.147.2)[2]. К сожалению, текст не уточняет, из какой части Черного моря плыли эти корабли. Некоторые специалисты поэтому очень осторожно относятся к этому свидетельству (Noonan Th.S., 1973, p. 233), другие же полагают, что речь идет о северном побережье Понта (Брашинский И.Б., 1963а, с. 34). Мы склоняемся к последней точке зрения. Более того, мы можем, как представляется, уточнить район, из которого везли хлеб. Выбор может быть сделан практически только между двумя регионами – Нижним Побужьем, где к позднеархаическому времени Ольвия создала большую хору, на которой располагалось более 100 сельских поселений (Масленников А.А., 1996, с. 64), и Таманским полуостровом с освоенными и плодородными землями. Выбор в пользу последнего региона должен быть сделан не только потому, что о его хлебных богатствах нам известно из письменных источников более позднего времени, но и потому, что к концу первой трети V в. до н.э. хора Ольвии оказалась в запустении из-за скифского давления (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 83; Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1995, с. 80). Соответственно она не могла быть источником поступления хлеба в Средиземноморье. Не случайно поэтому, что мы ничего не слышим вообще о хлебной торговле Ольвии[3].

В начале классической эпохи два региона Средиземноморья были для полисов, находившихся на берегах Керченского пролива, главными торговым контрагентами. Прежде всего это Восточная Греция, являвшаяся метрополией для большинства из них, и, в меньшей степени, материковая Греция (Эгина и какие-то города Пелопоннеса) (Christien-Trégaro J.P., 1996, p. 141–150). Эти направления связей подтверждаются и археологическими материалами, прежде всего находками амфор. С начального этапа существования причерноморских апойкий и примерно до середины V в. до н.э. господствующее положение занимают амфоры, привезенные из различных восточногреческих центров (Хиос, Клазомены, Лесбос, Самос и др.) (Абрамов А.П., 1992, с. 255, 256; 1994, с. 5, 6; Алексеева Е.М., 1991, с. 41; Завойкин А.А., 1991, с. 84–88; 1992а с. 54; 1992б, с. 260–262; Dupont P., 1995/1996, p. 93; ср.: Лейпунская Н.А., 1987, с. 102). При этом по количеству импорта вне конкуренции находится Хиос. Что же касается материковой Греции, то сведения Геродота об импорте хлеба в нее из Понта в определенной мере могут быть подкреплены двумя фактами. Первым фактом

---

[2] ὁ Ξέρξης εἶδε πλοῖα ἐκ τοῦ Πόντου σιταγωγὰ διεκπλέοντα τὸν Ἑλλήσποντον, ἐς τε Αἴγιναν καὶ Πελοπόννησον κομιζόμενα.

[3] Естественно, что это не исключает наличия в классический период определенного экспорта хлеба из Ольвии в Средиземноморье. Однако очевидно, что такой экспорт не мог идти ни в какое сравнение с боспорским.

являются находки коринфских амфор, которые, хотя и в небольшом количестве, но все же постоянно встречаются в слоях причерноморских городов. Второй факт представляет собой находку, сделанную на некрополе боспорского города Горгиппии, надгробного камня, на котором было написано: Φιλόξενος Κέλωνος ἐ Πελοποννάσο ἐξ 'Ελίκης (Болтунова А.И., 1986, с. 60, 61). Автор публикации датирует надпись 80-ми годами V в. до н.э.

Учитывая сказанное выше о резких различиях в темпах и характере освоения сельской территории двух частей будущего Боспорского государства, мы можем предполагать, что хлеб в Средиземноморье мог поступать только из азиатского Боспора, т.е. с Таманского полуострова и района Горгиппии. Не случайным в связи с этим представляется и факт находки надгробия жителя пелопоннесского города Гелики, умершего в Горгиппии, одном из крупнейших городов азиатской части Боспора. Не исключено, что он присутствовал здесь по торговым делам[4]. Плодородие почв Таманского полуострова, наличие здесь развитой системы сельских поселений не являются сами по себе достаточным основанием для вывода об избытке зерна, которое поэтому экспортировалось за пределы региона. К сожалению, нам почти ничего не известно ни о самих этих поселениях, которые практически не подвергались раскопкам, ни об организации сельской территории и структуре сельского хозяйства. Однако следует, как нам представляется, обратить внимание на один весьма интересный и важный момент в истории Боспора этого времени.

Диодор Сицилийский в своем труде сообщает о том, что до 438 г. до н.э. на Боспоре Киммерийском 42 года (т.е. с 480 г. до н.э.) правили "называвшие себя Археанактидами"[5]. Данная строчка Диодора вызвала дискуссию о времени и причинах образования Боспорского государства (подробнее см.: Васильев А.Н., 1992, с. 111–128). Мы не будем останавливаться на этом сложном вопросе. Обратим лишь внимание на хронологическое совпадение сообщений Геродота о кораблях с зерном из Понта, подкрепляемое археологическими аргументами, и Диодора о правлении на Боспоре так называемых Археанактидов[6]. Хотя мы ничего не знаем о характере власти Археанактидов, нельзя пройти мимо термина, употребленного Диодором, – βασιλεύσαντες. Вполне вероятно, что их власть носила в той или иной степени деспотический характер. Если это было так, то мы можем с определенной долей уверенности предполагать, что Археанактиды, пользуясь своей властью, получали с подвластной территории подать, в том числе хлебом. Этот хлеб они могли затем продавать приезжавшим из Средиземноморья купцам. Именно так обстояло дело позднее, когда к власти на Боспоре пришла династия Спартокидов.

Если до середины V в. до н.э. Афины не занимали какого-либо серьезного места в истории греческих городов Причерноморья (Mattingly H.B., 1996, p. 157), то мы должны спросить себя, не меняется ли картина во второй половине столетия? Письменные источники на этот счет весьма скудны. Можно считать установленным, что в состав Афинского Союза входил Нимфей, находившийся в восточном Крыму (подробнее о дискуссии на эту тему см.: Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 90–114), и Ольвия (Карышковский П.О., 1960, с. 57–100). Некоторые исследователи полагают, что экспедиция Перикла в Понт имела главной целью организацию обеспечения продовольственного снабжения Афин (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 132; Завойкин А.А., 1992б, с. 265. По поводу возможной связи между походом Перикла и установлением новой династии на Боспоре см.: Angelescu M., 1992, p. 52). Однако эта точка зрения является по преимуществу чисто умозрительной. Она не может быть подкреплена письменными источниками.

---

[4] Анализ амфор из раскопок Горгиппии показывает, что пик торговой активности города приходится на первую четверть V в. до н.э. (Алексеева Е.М., 1991, с. 41).

[5] Κατὰ δὲ τὴν 'Ασίαν οἱ τοῦ Κιμμερικου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ 'Αρχαιανακτίδες κτλ (Diod. 12.31.1)

[6] В свое время В.Д. Блаватский высказал предположение о том, что Археанактиды правили не в Пантикапее, а на азиатской стороне Боспора Киммерийского (Блаватский В.Д., 1954, с. 37, 38).

Что касается археологических данных, то они свидетельствуют о следующем. Примерно в середине V в. до н.э. происходят качественные перемены в составе амфор, привозившихся на Боспор. Наряду с сохранявшимся импортом из Хиоса, Самоса, Лесбоса на понтийский рынок все больше и больше начинают проникать амфоры из Фасоса, Менды (Зеест И.Б., 1960, с. 18–20; Брашинский И.Б., 1962, с. 47; 1976, с. 69, 72; 1984, с. 132, 133; Абрамов А.П., 1994, с. 6; Завойкин А.А., 1992б, с. 263). Вскоре эти центры становятся одними из главных импортеров вина на Боспор. Обычно их появление на Понте связывают с влиянием Афин, которые способствовали проникновению на этот рынок североэгейских центров. Это не исключено, однако нам остается неизвестным, кто перевозил это вино. Вполне возможно, что наряду с фасосскими и мендскими купцами в торговле этим вином принимали участие и афинские и другие торговцы, как это было несколько позднее. Напомним, что Демосфен в одной из своих речей сообщает о займе двум фаселидским купцам для перевозки в Понт 3000 амфор мендского вина (Dem. 35.10). В слоях боспорских городов фиксируется большое количество простой чернолаковой и расписной аттической (и аттического типа) керамики. Но отсюда не следует однозначно вывод об участии афинских купцов в ее транспортировке (Ср.: Johnston A.W., 1979, p. 49 ff.).

Как мы знаем из сообщения Диодора (см. выше), в 438 г. до н.э. к власти на Боспоре Киммерийском пришли Спартокиды. Сначала под их властью находилась довольно ограниченная территория вокруг Пантикапея. Однако вскоре началась территориальная экспансия новой династии, приведшая к созданию Боспорского государства, в котором правили Спартокиды. Этот процесс начался в конце V в до н.э. и продолжался в первой половине IV в. до н.э., когда в состав Боспора по преимуществу насильно были включены города Керченского полуострова, в том числе Феодосия, Нимфей, а также города на азиатской стороне (в первую очередь назовем наиболее важные – Фанагорию и Горгиппию) (Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 133, 134, 155 сл.; Завойкин А.А., 1992б, с. 266, 267; 1998, с. 79, 80). Таким образом, начиная примерно с последнего десятилетия V в. до н.э. и по крайней мере до 80-х годов IV в. до н.э., когда после долгой войны (в которой против Спартокидов принимала участие и Гераклея Понтийская) был захвачен один из крупнейших независимых от Пантикапея полисов – Феодосия, на обоих берегах Керченского пролива господствовала нестабильность, как военная, так и экономическая (Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 120, 122, 134). Такая ситуация не могла способствовать нормальному функционированию сельского хозяйства не только из-за ведущихся военных действий, но и по причине участия жителей в боях на той или иной стороне, что отвлекало их от сельскохозяйственных работ, поэтому мы должны предположить, что производство зерна в это время уже только по указанной причине не могло быть стабильным.

С другой же стороны, современные исследования показали, что в течение V в. до н.э. потребности Афин в импортном зерне постоянно возрастали. Особенно это стало чувствительным после начала Пелопоннесской войны (Garnsey P., 1988, p. 132; Osborne R., 1987, p. 100, 101; Isager S., Skydsgaard J.E., 1992, p. 140; Arafat K., Morgan C., 1994, p. 132). Боспорское зерно в это время уже поступало в Афины. Об этом свидетельствует декрет 346/7 г. в честь пантикапейских правителей Спартока II и Перисада I, в котором сообщается о дарах, совершенно очевидно хлебных, которые поступали в Афины от Сатира I и Левкона I (δωρεὰς διδόασιν Ἀθηναίοις ἅσπερ Σάτυρος καὶ Λεύκων "εδοσαν) (IG II^2 212.20–21). Эти строчки лишь фиксируют факт хлебных даров, но не могут свидетельствовать о регулярности поступления боспорского зерна в Афины, тем более в результате торговых операций. Против такой регулярности свидетельствует то, что держава Спартокидов находилась в стадии становления. К тому же можно добавить, что Понт отнюдь не был единственным источником хлеба: в обычные годы, когда не было неурожая, зерно (помимо того, которое выращивалось дома) поступало в Аттику с эгейских островов (таких, как Лемнос и Имброс), а также из различных государств, расположенных на материке.

Заметно картина меняется в IV в. до н.э. В это время появляется большое коли-

чество письменных источников, сообщающих о хлебной торговле Боспора. Более всего они сообщают о поступлении боспорского зерна в Афины. Именно это обстоятельство дает возможность подавляющему большинству специалистов говорить об огромных масштабах хлебной торговли Боспора. При этом, оперируя почти исключительно сведениями аттических ораторов, а также эпиграфическими данными, очень мало кто обращается к данным, непосредственно относящимся к самому Боспору. Речь прежде всего идет об археологических материалах. Мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении этих письменных источников. Эта работа уже неоднократно проделана. Мы лишь констатируем некоторые неоспоримые факты. Главная наша задача будет заключаться в том, чтобы сопоставить данные разных категорий источников с тем, чтобы попытаться сделать сбалансированные выводы.

Среди эпиграфических документов внимание привлекают два наиболее важных из них (IG II^2 212; Syll.^{3} 370). Они являются почетными декретами в честь боспорских династов. Из них следует, что они оказывали благодеяния афинянам в виде хлебных даров (IG II^2 212.20; Syll.^{3} 370.23).

Данные литературной традиции относительно боспорской хлебной торговли можно разделить на две категории. К первой из них относятся сведения древних авторов (в первую очередь ораторов) о различных деталях механизма торговли (различного рода договоры, связанные с морскими перевозками и морскими займами, портовые сборы, δίκαι ἐμπορικαί и т.д.). Эти темы многократно исследовались и продолжают исследоваться в современной литературе. Мы не будем останавливаться на этих вопросах, поскольку для целей нашего исследования будет вполне достаточным напомнить, что данная категория сведений сообщает о праве беспошлинного вывоза боспорского зерна, предоставленного афинянам, и о возможности грузить их суда в первую очередь (Dem. 20.31; Isocr. 17.57). Некоторые специалисты на основании этих сведений считают возможным говорить о договоре, который был заключен между Афинами и Боспором (Жебелев С.А., 1953, с. 130, 131; Брашинский И.Б., 1963а, с. 122, 123; Блаватская Т.В., 1959, с. 127; Bengtson H., 1962, N 306), другие же отрицают наличие такого договора (См.: Gauthier Ph., 1972, p. 91, note 74; Vélissaropoulos J., 1980, p. 179–183).

Другая категория данных касается конкретных цифр экспорта боспорского хлеба. Эти весьма скупые, но в то же время весьма важные и интересные данные сообщают нам Демосфен и Страбон. Именно они нас и интересуют. Эти цифры широко известны. Оратор говорит о том, что из Боспора в Афины поступает около 400 000 медимнов хлеба (Dem. 20.32), а географ сообщает о 2 100 000 медимнов, которые были посланы афинянам боспорским царем Левконом I (Strabo. 7.4.6). Именно эти данные вкупе с разнообразными сведениями о боспоро-афинской торговле, которые известны из речей Демосфена, Лисия, Исократа, Динарха, обычно используются исследователями для доказательства больших объемов этой торговли. При этом многие уверены в том, что цифра в 400 000 медимнов отражает ежегодный ввоз зерна из Боспора в Афины (Блаватский В.Д., 1953, с. 176; Кругликова И.Т., 1975, с. 6, 7; Доманский Я.Ф., Фролов Э.Д., 1995, с. 84; Сапрыкин С.Ю., 1995, с. 134; Austin M., Vidal-Naquet P., 1972, p. 135; Burke E.M., 1990, p. 6). Однако проблема состоит в том, что какими бы интересными ни были эти сообщения, они не являются однозначными. В литературе уже указывалось на то, что текст Демосфена не может использоваться для утверждений не только о ежегодности хлебных поставок из Боспора в Афины, но и даже об их регулярности (Garnsey P., 1988, p. 97)[7]. Не имеем мы дополнительных сведений и о 2 100 000 медимнах: было ли это зерно послано единовременно или в течение всего срока правления Левкона? (Garnsey, 1988, p. 97). Если верно последнее, то окажется, что на каждый год приходится лишь около 2000 т хлеба. Такой экспорт не может, естественно, считаться очень большим.

---

[7] Приведем ключевую фразу Демосфена о 400 000 медимнах боспорского хлеба: Αἱ τοίνυν παρ' ἐκείνου δεῦρ' ἀφικνούμεναι σίτου μυριάδες περὶ τετταράκοντ' εἰσίν (Dem. 20.32).

Итак, письменные источники позволяют сделать вывод о том, что боспорский хлеб поступал в Афины начиная примерно с последней трети V в. до н.э. в течение всего IV в. и по крайний мере в первые полтора десятка лет III в.[8] Причем хлеб, направлявшийся в Афины, не облагался пошлиной. Кроме того, периодически боспорские цари делали афинянам хлебные подарки. Вместе с тем нам остается неизвестной ни регулярность поступления хлеба посредством торговли, ни его объем. Это должно останавливать нас от поспешных выводов об объемах боспоро-афинской хлебной торговли, как бы эти выводы ни казались очевидными a priori. Во всяком случае безудержный оптимизм Л. Жернэ по поводу неограниченных возможностей Боспора по снабжению хлебом Греции не может приниматься всерьез, поскольку свидетельствует о полном незнании ситуации на берегах Керченского пролива (Gernet L., 1909, p. 315). А именно здесь лежит ответ на вопрос о размерах такой торговли.

В литературе трижды предпринимались расчеты производства хлеба на Боспоре. Первым такую попытку сделал В.Д. Блаватский (1953, с. 173–180). В своих расчетах он основывался на данных римских агрономов, а также исходил из того, что Боспор ежегодно экспортировал в Афины 400 000 медимнов зерна. По мнению В.Д. Блаватского, семья крестьянина состояла из пяти человек и производила 5 т зерна в год. Исходя из этих цифр, а также площади Боспорского царства, которая определена им в 5 000 км^2, он рассчитал, что его население равнялось 150 000–200 000 человек, из которых 100 000–150 000 человек являлось сельским населением. Блаватский не дает свою цифру ежегодного производства Боспором зерна. Однако ее не трудно высчитать на основе его данных (Блаватский В.Д., 1953, с. 175, 178): при не менее чем 25 000 крестьянских семей, каждая из которых производила 5 т зерна в год, получится, что на Боспоре выращивалось по крайней мере 125 000 т. Вряд ли мы можем безоговорочно принять эту очень большую цифру. Дело в том, что в расчетах В.Д. Блаватского вызывает сомнение его метод: количество населения Боспора, а также урожайность его сельского хозяйства высчитываются на основе данных римских агрономов о соотношении обрабатываемой площади и количества работников. При этом в основе его расчетов лежит безоговорочно принимаемая им в качестве ежегодного боспорского экспорта зерна цифра в 400 000 медимнов, что совершенно не доказано.

В своей небольшой заметке Я.М. Паромов предложил свои расчеты производства зерна на азиатском Боспоре, точнее его части – Таманском полуострове (Паромов Я.М., 1989, с. 60, 61). Автор высчитал на основе данных аэрофотосъемки, что площадь размежеванной земли на Таманском полуострове в эллинистический период равнялась 52 500 га. Исходя из этого, а также из того, что общая площадь всех поселений равнялась 3 000 га, он определил количество сельского населения в 50 000–70 000 человек. Общее количество населения Таманского полуострова исчислялось, по его мнению, цифрами 70 000–100 000 человек. Принимая среднюю урожайность в 1 200 кг пшеницы с гектара, Паромов пришел к выводу, что земли Таманского полуострова с учетом севооборота были способны производить 31 000–32 000 т пшеницы в год, из которых 20 000 были для внутреннего потребления. Таким образом, Таманский полуостров мог экспортировать 11 000–12 000 т зерна в год.

В расчетах Паромова вызывают сомнения следующие моменты. Во-первых, несколько завышенной представляется урожайность пшеницы на Таманском полуострове. Во всяком случае мы не можем быть уверены в том, что она всегда была стабильной и равнялась такой высокой цифре – 1 200 кг пшеницы с гектара. Во-вторых, даже если принять вычисленное им количество получаемой на землях Тамани

---

[8] Некоторое время назад была предпринята попытка показать, что во второй половине IV в. до н.э. произошло ухудшение боспоро-афинских отношений (Burstein S.M., 1978, p. 428–436). В своих выводах автор помимо прочего опирается на факт уменьшения афинского импорта на Боспор, якобы зафиксированный советскими археологами. Однако с этим невозможно согласиться: афинский импорт, если не считать чернолаковую и расписную керамику, которая совершенно не обязательно привозилась афинскими купцами, практически неизвестен на Боспоре, поэтому говорить о каких-то колебаниях в боспоро-афинской торговле на основе только керамики крайне неосторожно (Брашинский И.Б., 1963а, с. 134).

пшеницы, то нельзя согласиться с расчетами количества зерна, потребляемого жителями этой части Боспорского царства. При 70 000 населения на внутреннее потребление требовалось не менее 26 000 т пшеницы (после чего оставался избыток в 6 000 т), а при 100000 – образовывался дефицит не менее чем в 1 000 т[9]. Таким образом, ни о каком экспорте в 11 000–12 000 т говорить не приходится.

Третья работа, в которой произведены подсчеты количества производимого зерна на Боспоре (а также и в других северопричерноморских полисах), – статья С.Д. Крыжицкого и А.Н. Щеглова (1991, с. 46–56). В своих расчетах они во многом опираются на В.Д. Блаватского (Крижицький С.Д., Щеглов О.М., 1991, с. 52, 53). Боспор, по мнению этих авторов, производил 87 440–153 020 т зерна в год, из которых на внутреннее потребление уходило 71 400–87 600 т. Таким образом, при урожае в 1 400 кг с гектара оставалось примерно 65 000 т товарного зерна, а при урожае в 800 кг с гектара образовывался дефицит в 160 т. Эти расчеты показывают возможность как производства товарного зерна, так и нехватки хлеба.

Остановимся на цифрах, являющихся определяющими в расчетах Крыжицкого и Щеглова – площадь земель под зерновые, урожайность, количество населения и количество зерна, шедшего на внутреннее потребление, и предложим свои расчеты.

Территория Боспорского царства для рассматриваемого времени (IV в. до н.э.) не поддается точному определению. Ясно только, что в нее входили Керченский и Таманский полуострова и район вокруг Горгиппии. Вряд ли эта территория превышала 5 000 км^2 (Блаватский В.Д., 1953, с. 178). Сельскохозяйственная территория трех указанных частей государства была не менее 2 000 км^2. Из них около 1 000 км^2 приходится на Керченский полуостров (хора городов, приазовские районы)[10], около 500 км^2 – на Таманский полуостров (Паромов Я.М., 1989, с. 60) и около 500 км^2 – на район Горгиппии[11]. Максимум, до которого мы можем допустить расширение этой площади, – 3 000 км^2. Таким образом, мы получаем вилку в 2 000–3 000 км^2. По мнению Крыжицкого и Щеглова, примерно 70% всей территории Боспора было занято под зерновыми (что составляет, по их подсчетам, 2 187 км^2) (Крижицький С.Д., Щеглов О.М., 1991, с. 54). Эта цифра представляется весьма завышенной (Масленников А.А., 1995а, с. 65)[12]. Но мы, тем не менее, ее примем (чтобы избежать обвинений в приуменьшении засеваемых зерновыми площадей) и будем исходить в наших расчетах из вилки в 50–70%. В таком случае получится, что при обрабатываемой площади в 2 000 км^2 под зерновыми было 1 000–1 400 км^2, при 3 000 км^2 – 1 500–2 100 км^2.

В отношении урожайности следует сказать, что 1 400 кг пшеницы с гектара могут быть приняты скорее в качестве исключения, чем нормы. Не следует сильно преувеличивать плодородие земель Таманского полуострова и района вокруг Горгиппии, не говоря уже о землях Керченского полуострова (Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 37–40). Более реальными цифрами урожаев будут 800–1 000 кг с гектара.

Количество населения Боспорского государства высчитать крайне трудно, поэтому здесь необходимы в расчетах широкие допуски. Мы можем полагать, что это количество вряд ли было ниже 100 000 и выше 200 000[13].

---

[9] О критериях подсчета внутреннего потребления зерна см. ниже.

[10] Об "экономической зоне" Феодосии см.: Крижицький С.Д., Щеглов О.М., 1991, с. 51. Внутренние районы Керченского полуострова были заселены аборигенным населением и до III в. до н.э., вероятно, не входили в состав Боспорского государства (Масленников А.А., 1997, с. 61).

[11] Исследования Е.М. Алексеевой показывают, что хора Горгиппии простиралась не менее чем на 20 км от города (Алексеева Е.М., 1980, с. 18).

[12] При этом, А.А. Масленников считает, что его подсчеты площади земель восточного Крыма, пригодных для выращивания зерновых (максимум 1050 км^2), близки расчетам С.Д. Крыжицкого и А.Н. Щеглова (1093 км^2). Однако эта последняя цифра обозначает у Крыжицкого и Щеглова площадь под зерновые с учетом севооборота, т.е. должна быть увеличена вдвое (70% от общей площади "экономической зоны" Боспора в 3125 км^2).

[13] Максимальное количество человек на кв. км. (60) дает цифру 300 000 (см.: Sallares R., 1991, p. 84). Но в таком случае при примерно 50 000–60 000 человек городского населения в сельской местности должно было жить 240 000–250 000 человек, что совершенно невероятно для Боспора.

Серьезные затруднения вызывают количество потребляемого зерна на душу населения, а также расчеты количества зерна, оставляемого для посева нового урожая, в качестве запаса на случай неурожая следующего года и для корма скоту и птице. Современные данные о необходимом для жизнедеятельности организма количестве зерна и древние данные о количестве потребляемого на душу населения этого зерна сильно расходятся (примерно в полтора раза) (Foxhall L., Forbes H.A., 1982, p. 43–75). Это дало основание некоторым исследователям утверждать, что древние данные представляют собой завышенный, максимальный стандарт потребления. В действительности же люди потребляли меньше (Foxhall L., Forbes H.A., 1982, p. 72, 73). Другое объяснение состоит в том, что некоторые древние данные означают количество потребляемого зерна не на одного человека, а больше[14]. Однако среди таких данных имеются сведения, которые можно считать вполне однозначными. Речь идет о сообщении одной делосской надписи 282 г. до н.э. (IG XI 2, 158A.37–50). В ней сообщается о выдаче трем (позднее двум) ремесленникам, нанятым святилищем Аполлона для работ, сначала пшеницы, а затем ячменя. Г. Реджер, исследовавший этот вопрос, полагает, что у каждого из этих ремесленников был помощник, чем и объясняется большое количество пшеницы (и ячменя), полученного ими (полтора хойника пшеницы или три хойника ячменя в день) (Reger G., 1994, p. 89). Однако это весьма спорное заключение, для которого текст надписи не дает никаких оснований: в документе совершенно определенно не подразумеваются никакие помощники (Кузнецов В.Д., 1995, с. 54–56), поэтому мы должны считать на основе имеющихся письменных данных, что в древности потребление зерна на душу было выше, чем сейчас. Что же касается конкретных цифр, то мы будем опираться на вывод о 237 кг пшеницы, потреблявшихся в среднем человеком в год, которые предложены Л. Фоксхолл и Х. Форбсом (Foxhall L., Forbes H.A., 1982, p. 72).

Последнее затруднение состоит в том, чтобы определить, какое количество зерна оставлялось для посева в следующем году и в качестве запаса на случай неурожая. Мы возьмем минимальную, как нам представляется, цифру – 30% (Ср.: Reger G., 1994, p. 93; Sallares R., 1991, p. 373 ff.).

Итак, при урожае в 800 кг пшеницы с гектара (с учетом севооборота) на Боспоре могли выращивать 40 000–84 000 т. Из них 12 000–25 200 т оставлялись в запасе. При 100 000 человек населения потребление зерна составляло 23 700 т. В качестве товарного зерна оставалось 4 300–35 100 т. При населении в 200 000 человек и при урожае в 40 000 т образовывался дефицит в 19 400 т, а при 84 000 т товарное зерно составляло 11 400 т.

При урожае в 1 000 кг пшеницы с гектара на Боспоре могли выращивать 50 000–105 000 т. В запасе оставляли 15 000–31 500 т. При населении в 100 000 человек в качестве товарного зерна оставалось 11 300–49 800 т. При населении в 200 000 человек и при урожае в 50 000 т дефицит составлял 12 400 т, при 105 000 т производилось 26 100 т товарного зерна.

Таким образом, мы имеем две группы цифр: 1) дефицит в 19 400 т – избыток в 35 100 т при урожайности в 800 кг с гектара, 2) дефицит в 12 400 т – избыток в 49 800 т при урожайности в 1 000 кг с гектара.

Представляется логичным не принимать в расчет крайние цифры, поскольку они являются результатом занижения и завышения исходных данных. Особенно это касается цифр, свидетельствующих об избытке зерна, поскольку они стали результатом прежде всего довольно заметного завышения данных о сельскохозяйственных площадях Боспора, в том числе отведенных под зерновые[15]. Можно полагать, что в обычные годы

---

[14] Например, известно, что солдатам полагалось по 1 хойнику зерна в день (304 кг в год), что превышало их потребности. Отсюда предположение о том, что это зерно предназначалось не одному солдату, а еще кому-то, кто был с ним в походе (Reger G., 1994, p. 88, 89). Однако это остается недоказуемым.

[15] Например: если площадь размежеванной земли на Таманском полуострове равнялась, по Паромову, 525 км^2, то она, в таком случае, составляла около трети всей территории, а не 50–70%, как мы пред-

производство товарного зерна могло колебаться в пределах 5 000–30 000 т (примерно 200 000–1 200 000 медимнов).

Естественно, наши подсчеты носят весьма условный характер. Их задача состоит не в том, чтобы определить количество действительно выращиваемого на Боспоре зерна, а дать представление о том, могло ли это государство поставлять на внешние рынки гигантские объемы зерна. Как мы видим, это не совсем так. Хороший урожай мог позволить экспортировать довольно заметное количество зерна. Однако стабильность такого урожая не была и не могла быть гарантированной. В случае неурожая возникала нехватка хлеба.

Однако при решении проблем боспорской хлебной торговли нельзя ограничиться только подсчетами производимого в этом регионе зерна. Весьма важным фактором является политическая система государства. Как хорошо известно, боспорская система отнюдь не была типичной для греческого полиса. Естественно, что она наложила отпечаток и на экономические отношения в боспорском обществе.

Последние десятилетия V в. до н.э. начинаются на Боспоре (во всяком случае, в его азиатской части) с нового размежевания его территории (Алексеева Е.М., 1997, с. 151). Одновременно повсюду появляются поселения, осваиваются новые земли. Можно предполагать (особенно для азиатского Боспора), что основным типом сельского поселения является неукрепленная деревня со стоящими на некотором отдалении (в несколько десятков метров) друг от друга домами (Кругликова И.Т., 1975, с. 54, 95; Алексеева Е.М., 1980, с. 48). Совершенно очевидно, что перестройка хоры, расширение земель и появление многочисленных поселений напрямую связано со становлением державы Спартокидов, которое происходило с последней трети V в. и продолжилось в IV в. до н.э. Археологические исследования боспорской хоры обнаружили разные типы сельских поселений (Масленников А.А., 1989, с. 71–77). Это свидетельствует, помимо прочего, и о различиях в характере владений землей. Например, наряду с греческими деревнями зафиксированы варварские поселения. В Восточном Крыму обнаружены богатые усадьбы, принадлежавшие боспорской знати (Масленников А.А., 1995б, с. 89–93). По всей видимости, земли государства делились на три категории: 1) принадлежавшие гражданской общине, 2) царские и 3) храмовые. Земельный фонд, относившийся к χώρα βασιλική, был, по всей видимости, очень значительным. Боспорские правители могли им свободно распоряжаться, давать землю своим приближенным (Кругликова И.Т., 1975, с. 7). Управляли царскими землями специально поставленные люди (Isocr. 17.3). С этих земель династы, видимо, получали большой доход. Весьма характерными в этой связи представляются слова Демосфена (Dem. 20, 31). Он говорит, что Афины получают хлеб из Боспора не только из-за обилия здесь хлеба, но и потому, что Левкон является хозяином этого хлеба (οὐ γὰρ μόνον διὰ τὸ τὸν τόπον τοῦτον σῖτον ἔχειν πλεῖστον τοῦτο γίγνεται, ἀλλὰ καὶ διὰ τὸ κύριον ὄντα τὸν Λεύκων αὐτοῦ) и предоставляет ателию купцам, везущим его в Афины. Эти слова оратора представляются ключевыми в понимании причин экспорта боспорского хлеба. Уже было справедливо замечено, что не случайно не сохранилось ни одного афинского декрета в честь какого-либо боспорского навклера или купца (Vélissaropoulos J., 1980, p. 182). Это можно объяснить тем, что боспорская хлебная торговля находилась в руках пантикапейских правителей.

Подать в виде зерна боспорские цари могли получать от городов государства, а также от поставленных в зависимость синдских племен (Анфимов Н.В., 1967, с. 130; Гайдукевич В.Ф., 1966, с. 52, 53; Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 140). Помимо династов значительными запасами хлеба могла обладать и боспорская знать, владевшая крупными земельными участками, на которых находились их богатые усадьбы (Блаватский В.Д., 1953, с. 177).

Вывоз крупных партий зерна в Афины и другие средиземноморские государства

положили. При этом необходимо учесть, что она была отведена не только под зерновые культуры, но также под сады, огороды, выгоны для скота (ср.: Масленников А.А., 1995а, с. 65).

должен был компенсироваться импортом разнообразных товаров. К сожалению, номенклатуру этих товаров невозможно восстановить полностью, поскольку письменные источники на этот счет крайне скудны, а археология может здесь помочь лишь до определенной степени: в земле сохраняются только некоторые категории материалов, по преимуществу керамика. Однако нам в данном случае будет достаточно одной такой категории – амфор. Совершенно очевидно, что в боспорские города рассматриваемого времени импортировалось большое количество вина и оливкового масла, которые не производились в данном регионе. Амфоры, находимые при раскопках слоев конца V–IV вв. до н.э., дают представление о двух важных моментах.

Первый из них касается объемов импорта вина и масла. В настоящий момент отсутствуют возможности проведения статистических исследований амфорной тары, поскольку для этого еще не пришло время (Брашинский И.Б., 1984, с. 150). Однако для археологов, участвующих в исследованиях боспорских городов и сельских поселений, очевиден тот факт, что слои IV в. до н.э. изобилуют обломками амфор из разных центров. Не может быть сомнений, что импорт вина и масла являлся ответом на экспорт зерна.

Второй момент состоит в том, что в IV в. до н.э. происходят заметные сдвиги в направлении торговых связей. Как мы помним, в V в. до н.э. заметное место в продаже товаров в амфорах занимают североэгейские центры (Фасос, Менда). В следующем веке они продолжают поставлять свою продукцию на северопонтийский рынок. В то же время в течение IV в. до н.э. на Боспоре появляются амфоры Гераклеи, Синопы и некоторых других городов, которые постепенно начинают вытеснять амфорную тару других центров (Зеест И.Б., 1960, с. 21–24; Брашинский И.Б., 1984, с. 151, 152; Завойкин А.А., 1992б, с. 264; Абрамов А.П., 1994, с. 6, 7). Эти факты свидетельствуют не только о сдвигах в направлении торговых связей, но и о постепенной потере роли Афин во взаимоотношениях с Боспором.

Подведем итоги. В V в. до н.э. Боспор оказался в сфере интересов Афин, которые здесь имели по крайней мере одного члена своего союза. Однако вряд ли стоит сильно преувеличивать роль Афин в жизни Боспора этого времени. Литературные и эпиграфические источники свидетельствуют о том, что примерно с последней трети V в. до н.э. афинские купцы начинают регулярно посещать гавани Боспора для закупки зерна. Хронологически это совпадает со становлением, укреплением и расширением державы Спартокидов, в руках которых оказываются значительные материальные ресурсы, в том числе и зерно. Именно это зерно главным образом и продавалось на внешние рынки. Возможно, что династию Спартокидов связывал с Афинами какой-то интерес, хотя имеются сомнения в том, что два государства заключили между собой специальный договор. Боспорские цари несколько раз оказывали благодеяния афинскому народу, присылая бесплатно зерно, предоставляли афинским купцам право вывозить зерно без уплаты пошлины, грузить суда, идущие в Афины, в первую очередь. По всей видимости, они тем самым рассчитывали на какие-то политические или иные выгоды (Vélissaropoulos J., 1980, p. 181, 182)[16]. Однако все это не означало, что Афины были единственным торговым партнером, постоянно пользующимся исключительными привилегиями. Письменные источники сообщают об экспорте хлеба и в другие государства (Thuc. 3.2.2; Syll^3. 212). Археологические материалы дают сведения о посещении Боспора купцами из различных городов Понта и Средиземноморья.

В IV в. до н.э. боспорский хлеб в увеличившихся количествах поступает в разные государства, и прежде всего в Афины – государство, которому в силу его уникальности требовалось зерна больше, чем другим (Gauthier Ph., 1981, p. 5). Но, говоря о боспорской хлебной торговле, не следует впадать в крайности. Мы не можем говорить, что Афины зависели от боспорского зерна. Оно поступало не только из Понта,

[16] В декрете 347/6 г. говорится о том, что афиняне предоставляют Спартоку и Перисаду экипажи для военных кораблей, которые, как известно, отличались высокой квалификацией (см., например: Amit M., 1965, p. 48).

но также и из других государств (Gernet L., 1909, p. 326; Isager S., Skydsgaard J.E., 1992, p. 140). Кроме того, нельзя приуменьшать и значение местного производства. С другой же стороны, у нас нет оснований говорить о стремлении Спартокидов сбыть хлеб. Поисками источников зерна занимались купцы, которые и устремлялись туда, где он имелся в достаточных количествах. Как показывают приблизительные подсчеты, Боспор не обладал безграничными возможностями в производстве зерна. Более того, он был подвержен, как и другие регионы, опасности неурожаев по причине природных катаклизмов или военно-политической нестабильности.

Из-за большего, по сравнению со многими средиземноморскими регионами, плодородия почвы Боспор имел возможность выращивать достаточное для собственного потребления и для экспорта количество зерна. Однако это являлось лишь conditio sine qua non. Плодородными землями обладало и другое крупное государство Понта – Ольвия. Но о каком-либо значительном экспорте зерна оттуда мы ничего не слышим. Важнейшим обстоятельством, определявшим возможность более или менее объемной хлебной торговли Боспора, была его политическая система, позволившая сосредоточить власть и огромные материальные ресурсы в руках правящей династии. Именно они были настоящими хозяевами зерна, которое продавалось в портах Боспора и которое приносило им огромные прибыли (Гайдукевич В.Ф., 1949, с. 67).

Последнее письменное свидетельство о зерне, поступившем из Боспора в Афины, относится к началу III в. до н.э. (Syll.^{3} 370). Это совершенно не случайно. Оно свидетельствует о начале заката боспорской хлебной торговли, о которой позднее мы ничего более не слышим. Этот вывод подтверждается данными археологии. Примерно с конца IV в. до н.э. на Боспоре начинаются какие-то перемены в жизни сельской территории. В первой половине III в. до н.э. происходят важные события, в результате которых гибнут усадьбы и деревни (Кругликова И.Т., 1975, с. 95, 96; Масленников А.А., 1995а, с. 67; 1997, с. 63). Появившиеся позднее на их месте поселения уже становятся укрепленными (Масленников А.А., 1995б, с. 89, 93). Конфликты, по всей видимости связанные с натиском варварских племен, которые привели к массовым разрушениям на хоре и гибели сельских поселений, стали причиной необратимых изменений в экономической и политической структуре государства. Следствием этого стало замирание боспорской хлебной торговли, что не имело никакого отношения к мифической конкуренции с египетским зерном (Нейхардт А.А., 1962, с. 599). Несколько позднее Полибий сообщает, что в его время понтийские страны то импортировали хлеб из Средиземноморья, то вывозили его туда (Polyb. 4.38.5).

Таким образом, активная боспорская хлебная торговля, о которой нам сообщают литературные и эпиграфические источники, имела фиксированные хронологические рамки и приходилась на время становления и расцвета правления династии Спартокидов (последняя треть V в. – начало III в. до н.э.). При этом мы можем полагать, что хлеб из Боспора поступал в Средиземноморье иррегулярно, что могло зависеть от ряда обстоятельств, в том числе и от периодически случавшихся неурожаев. У нас нет уверенности в том, что зерно на экспорт всегда было в наличии на боспорских рынках. Об обратном говорит хотя бы тот факт, сообщаемый Демосфеном, что купцы, везущие хлеб в Афины, получили право грузить свои суда первыми (Dem. 20.31). Это скорее всего означало, что желающих купить хлеб было больше, чем самого хлеба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П., 1992. Новые данные о торговых связях Боспора в VI–V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. М.

Абрамов А.П., 1994. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М.

Абрамов А.П., Паромов Я.М., 1993. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. Вып. 2. М.

Алексеева Е.М., 1980. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия I. Материалы Анапской экспедиции. Краснодар.
Алексеева Е.М., 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.
Алексеева Е.М., 1997. Античный город Горгиппия. М.
Анфимов Н.В., 1967. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М.
Блаватская Т.В., 1959. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М.
Блаватский В.Д., 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
Блаватский В.Д., 1954. Архаический Боспор // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА № 33.
Болтунова А.И., 1986. Надписи Горгиппии (Из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. № 1.
Брашинский И.Б., 1962. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V–IV вв. до н.э. (по амфорным клеймам) // НЭ. Т. 3.
Брашинский И.Б., 1963а. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М.
Брашинский И.Б., 1963б. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной // КСИА. Вып. 95.
Брашинский И.Б., 1976. Амфоры Менды (О локализации группы амфор с "рюмкообразными ножками") // Художественная культура и археология античного мира. М.
Брашинский И.Б., 1984. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.
Васильев А.Н., 1992. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.
Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1995. Греки и скифы в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н.э. // ВДИ. № 1.
Виноградов Ю.Г., 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.
Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.
Гайдукевич В.Ф., 1966. Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. № 1.
Доманский Я.В., Фролов Э.Д., 1995. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь.
Жебелев С.А., 1953. Северное Причерноморье. М.; Л.
Завойкин А.А., 1991. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // КСИА. Вып. 204.
Завойкин А.А., 1992а. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА, № 3.
Завойкин А.А., 1992б. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. М.
Завойкин А.А., 1998. Наконечники стрел из раскопок городища Фанагории // Древности Боспора. Т. 1. М.
Зеест И.Б., 1960. Керамическая тара Боспора. М.
Карышковский П.О., 1960. Ольвия и Афинский Союз // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 3. Одесса.
Кругликова И.Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.
Крижицький С.Д., Щеглов О.М., 1991. Про зерновий потенціал античных держав Північного Причорномор'я // Археологія. № 1.
Кузнецов В.Д., 1991. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. Вып. 204.
Кузнецов В.Д., 1995. Делосское святилище Аполлона и его строители. Боспорский сборник. Вып. 7. М.
Лейпунская Н.А., 1987. Амфоры // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев.
Масленников А.А., 1989. К типологии сельских поселений Боспора // СА. № 2.
Масленников А.А., 1995а. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. Вып. 8. М.
Масленников А.А., 1995б. Древние греки в Крымском Приазовье // ВДИ. № 2.
Масленников А.А., 1996. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в

свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. III. М.; Магнитогорск.

Масленников А.А., 1997. Исследование сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. № 3.

Нейхардт А.А., 1962. К вопросу о политике Евмела на Понте Евксинском (по материалам керамической эпиграфики) // Древний мир. М.

Паромов Я.М., 1989. К вопросу о хозяйственном потенциале азиатского Боспора в эллинистический период // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск.

Сапрыкин С.Ю., 1995. Борьба за экономические зоны влияния в VI–II вв. до н.э. Государственная политика или частная инициатива? // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь.

Шелов-Коведяев Ф.В., 1985. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. М.

Amit M., 1965. Athens and the Sea. A Study in Athenian Sea-Power. Bruxelles; Berchem.

Angelescu M., 1992. Un problème controverse: l'expédition de Pericle dans le Pont Euxin // Pontica. 25.

Arafat K., Morgan C., 1994. Athens, Etruria and the Heuneburg: Mutual Misconceptions in the Study of Greek-Barbarian Relations // Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies. Ed. by I. Morris. Cambridge.

Austin M., Vidal-Naquet P., 1972. Économie et société en Grèce ancienne. Paris.

Bengtson H., 1962. Die Staatsverträge des Altertums. B. II. Die Verträge der griechischrömisches Welt von 700 bis 338 v. Cgr. München.

Burke E.M., 1990. Athens after the Peloponnesian War: Restoration Efforts and the Role of Maritime Commerce // Classical Antiquity. 9.

Burstein S.M., 1978. IG II^2 653, Demosthenes and Athenian Relations with Bosporus in the Fourth Century BC // Historia. 27.

Christien-Trégaro J., 1996. Les Péloponnésiens et la mer Noire // Sur les traces des Argonautes. Paris.

Dupon P., 1995/1996. Amphores archaïques de Grèce propre en mer Noire. État de la question // Il mar Nero. 2.

Foxhall L., Forbes H.A., 1982. Σιτομετρεία: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity // Chiron. 12.

Garnsey P., 1988. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Responses to Risk and Crisis. Cambridge.

Gauthier Ph., 1972. Symbola. Les étrangers et la justice dans les cités grecques. Nancy.

Gauthier Ph., 1981. De Lysias à Aristote (Ath. pol. 51, 4): le commerce du grain à Athènes et les fonctions des sitophylaques // Revue historique de droit français et étranger. 59.

Gernet L., 1909. L'approvisionnement d'Athènes en blé au IVe et Ve siècle // Mélanges d'histoire ancienne. Paris.

Isager S., Skydsgaard J.E., 1992. Ancient Greek Agriculture. An Introduction. London; New York.

Johnston A.W., 1979. Trademarks on Greek Vases. Warminster.

Mattingly H.B., 1996. Athens and the Black Sea in the Fifth Century BC // Sur les traces des Argonautes. Paris.

Noonan Th.S., 1973. The Grain Trade of the Northern Black Sea in Antiquity // Americal Journal of Philology. 94

Osborne R., 1987. Classical Landscape with Figures. The Ancient Greek City and its Countryside. London.

Reger G., 1994. Regionalism and Change in the Economy of Independent Delos, 314–167 B.C. Berkeley; Los Angeles.

Sallares R., 1991. The Ecology of the Ancient World. London.

Vélissaropoulos J., 1980. Les nauclères grecs. Recherches sur les institutions maritimes en Grèce et dans l'Orient hellénisé. Genève; Paris.

Институт археологии РАН,
Москва

V.D. KUZNETSOV

ATHENS AND BOSPORUS: GRAIN TRADE

Summary

The article deals with the question of corn production in Bosporus, the chronological boundaries of Bosporan grain trade, and the reasons for exporting large lots of corn. The author has performed certain calculations on supposed volume of grain output in Bosporan kingdom. In consequence, he states that from 5000 up to 30000 tons of grain could be produced there in usual years. Being highly conditional, those figures demonstrate, newertheless, that Bosporus by no means disposed of unlimited resources in that branch of agriculture. In lean years it could suffer strong lack of corn. Both written and archaeological sources give evidences to state that active grain trade in Bosporus was confined to certain chronological limits. It fell within the last third of the 5th – early 3rd centuries B.C., which was the period of establishing and flourishing of Spartokides' dynasty. The main reason for exporting significant quantities of Bosporan grain was the state political system characterized by despotic features. The members of the ruling dynasty concentrated at their disposal enormous material resources including grain, and totally controlled corn trade. Corn from Bosporus appeared in the Mediterranean irregularly, since it was not constantly available for export purposes at Bosporan market. This can be judged from the information by Demonsthenes (Dem. 20. 31) on the fact that the traders carrying grain to Athens had the right to be the first in loading their ships. That probably meant that the demand for corn was greater than its resources available. After Bosporan chora was destroyed by the barbarians in the first half of the 3rd century B.C. active grain trade there ceased for ever.

Ю.В. БОЛТРИК

ОСНОВНОЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ ОЛЬВИИ В ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ПРАВОБЕРЕЖЬЕ

Проблема реконструкций древних инфраструктур в последнее время стала все больше привлекать внимание исследователей. С одной стороны этот процесс стимулируется сформировавшейся в англоязычных странах "новой археологией" и ее основным ответвлением – пространственной археологией. С другой стороны – массовые раскопки курганов в степях Евразии позволяют археологам, используя закономерности топографических привязок, восстанавливать трассы "отвечных" путей. А это дает возможность систематизации и пространственной организации комплексов артефактов.

Синтез всех видов источников: археологических, топографических, топонимических и нарративных, как античных, так и позднесредневековых, позволяет наметить ключевые пункты древней трассы. На отдельных участках удалось установить пролегание древней дороги непосредственно на местности. Тем более, что рационально проложенные древние пути существовали достаточно долго, а отдельные участки этих трасс служат дорогами и поныне.

Замечено, что курганы и курганные ансамбли, помимо приуроченности к определенным ландшафтным зонам (водоразделам, краям надпойменных террас, поймам рек) или тяготения к местам поселений, образуют протяженные цепочки, сохраняющие на значительном расстоянии заданное направление (Чернопицкий М.П., 1980, с. 176–180; Шилик К.К., 1981, с. 178–187; Болтрик Ю.В., 1981, с. 59, 60; Шрамко Б.А., 1987, с. 20). Это обстоятельство еще в середине XIX в. натолкнуло военных топографов на предположение о взаимосвязи курганов с древними путями (Шмидт А., 1863, с. 835 и сл.; Котляревский А.О., 1868, с. 100, 123).

Археологически улавливается еще один косвенный признак трасс древних путей – это места находок киммерийских и скифских каменных изваяний, стоявших у дорог или переправ (Новицкий Я.П., 1905, с. 25, 59; Бокий Н.М. и др., 1991, с. 179, 180).

Проблема торговых связей Ольвии рассматривалась преимущественно в направлении метрополии (см.: Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т., 1991, с. 200, 201), тогда как контактам ольвиополитов с соседними этносами из скифского мира посвящены единичные исследования. Реконструкции коммуникаций из Ольвии в Скифию и далее на восток носили обобщенный характер, их авторы оперировали значительными географическими массивами с увязкой на бассейны больших рек (Граков Б.Н., 1947, с. 23–37; Бондарь Н.Н., 1955, с. 66; Членова Н.Л., 1983, с. 60–63). Базируясь на веере дорог, расходящихся на подборке старых планов Ольвии, собранных А.Н. Карасевым (1956, с. 9–34), более подробно, с привязкой к местности попытался проследить торговые тракты А.С. Островерхов (1981, с. 88–91). Его последователи наметили транспортную сеть Ольвийской хоры, опираясь на анализ размещения курганов и курганных полей в Нижнем Побужье, но убедительного варианта трассы Нижний Буг – Правобережье Среднего Днепра не предложили (Лисецкий Ф.Н., Бызов А.А., 1992, с. 50, 51). Вариант этой трассы, пытаясь локализовать Эксампей, наметил К.К. Шилик. Он размещает узел старых торговых дорог в верховьях Гнилого Еланца и Мертвовода, как промежуточный пункт тракта из Ольвии в бассейны Большой Выси и Тясмина, а также левобережья Днепра (Шилик К.К., 1979, с. 450–456).

© Ю.В. Болтрик, 2000 г.

Картографирование греческих импортов VI–V вв. до н.э. (Онайко Н.А., 1966, с. 41–46, рис. 4–7) указывает главные векторы ольвийских торговых связей в северном и северо-восточном направлениях. Эти импорты концентрируются в пределах пяти скоплений поселенческих структур Среднего Поднепровья. Концентрация престижных античных вещей в районах городищ и связанных с ними могильников достаточно убедительно очерчивает скопления памятников скифского времени и маркирует место центра для окружающей территории. Три наиболее мощных куста поселений расположены в Правобережье. Это Пастерское и еще три соседних городища, расположенных в радиусе 3 км[1], круг памятников во главе с Мотронинским городищем в районе Тясьминской луки и наиболее обширное Каневско-Трахтемировское скопление памятников, захватывавшее и левый берег Днепра, в пределах Каратульского городища. На Левобережье выделяется Басовская группа памятников в Посулье и Бельское городище со своей поселенческой периферией на Ворскле.

По нашему мнению основные торговые контакты ольвиополитов с населением Среднего Поднепровья осуществлялись преимущественно по водоразделу бассейнов Южного Буга и Днепра, через междуречье Ингула и Ингульца. От Ольвии этот тракт уходил в центральную часть "скифского квадрата" через левобережную часть ее хоры. Оптимально выбранная трасса использовалась и до периода античной колонизации и много позже с различной степенью интенсивности. Этот же маршрут использован при прокладке железной дороги Николаев – Долинская – Знаменка. Заметим, что трасса последней не совпадает со старым трактом лишь в северной части (рис. 1).

В настоящее время установлено, что до начала греческой колонизации в Северном Причерноморье существовали сухопутные транспортные пути (Суботін Л.В., Черняков І.Т., 1982) и уже был освоен маршрут вдоль реки Ингул, соединявший пограничье лесостепи и степи (район Черного леса) с Нижним Побужьем (район будущей Ольвии) (Бокий Н.М. и др., 1991, с. 180).

Существовал этот маршрут и в позднем средневековье, он показан на карте А.А. Руссова, прилагаемой к его реферату "Русские тракты..." (Руссов А.А., 1876), где он представлен как ответвление от Черного шляха, идущего через междуречье Ингула и Ингульца на Очаков.

Шляхом по водоразделу Ингульца и Ингула, который знал смолоду, отступая вместе со шведами гетман И. Мазепа (Яворницький Д. І., 1991, т. 2, с. 364). Отступавшие двигались от Полтавы по правому берегу р. Ворсклы на Переволочну – Мишурин Рог, на запад от Днепра к Александрии, а далее, используя интересующий нас маршрут, уклоняясь от Ингула и Ингульца и наконец переправились на правый берег Южного Буга в районе Русской Косы[2] (Яворницький, 1991, т. 3, с. 345). Это по сути один из наиболее оптимальных вариантов торной дороги из Ольвии на Бельское городище. Заметим, что Б.А. Шрамко, уделивший много внимания коммуникациям этого важного городища, хоть и не упоминает этот маршрут, но указывает переправу через лиман около Ольвии (Шрамко Б.А., 1987, с. 21). Позднее в междуречье Ингула и Ингульца существовал чумацкий шлях, вливавшийся в верховьях этих рек в ответвления Черного или Шпакова шляха (Шмидт А., 1863, с. 269).

Маршрут из Правобережной лесостепи на побережье Днепро-Бугского лимана был освоен еще до начала греческой колонизации, на что указывают находки чернолесской и жаботинской керамики в Нижнем Побужье и на Березани (Елагина Н.Г., Погребова Н.Н., 1959, с. 26; Лапин В.В., 1966, с. 55–58). Косвенным подтверждением древности этого маршрута могут служить находки криворожской руды на сабатиновском поселении Балабановка, расположенном в 15 км к северо-северо-востоку от Русской косы (любезное сообщение В.Н. Клюшинцева, о поселении см.: Фоменко В.Н., Клюшинцев В.Н., 1987, с. 423).

---

[1] Имеются в виду узел – Шарповское, Макеевское, Будянское городища и территориально тяготеющее к ним Капитановское поселение.

[2] Русская коса находится на левом берегу Бугского лимана, в 3 км выше Ольвии.

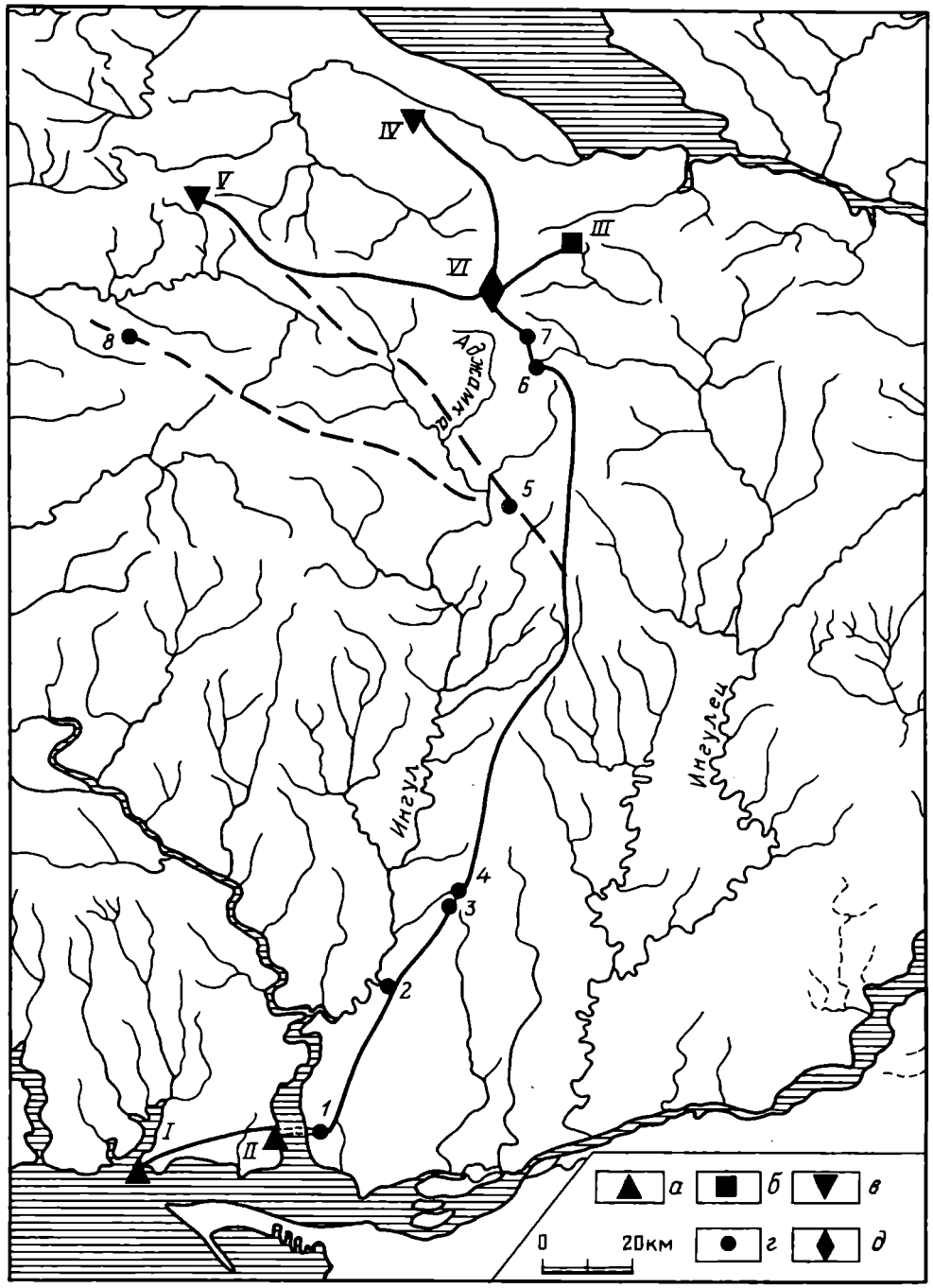


Рис. 1. Схема трассы и ее ответвлений на маршруте Ольвия – Лесостепь:
а – греческие колонии; *б* – поселенческая структура предскифского времени; *в* – поселенческая структура скифского времени; *г* – места находок скифских изваяний; *д* – предполагаемая локализация святилища Эксампей; Греческие колонии и поселенческие структуры Лесостепи:
I – Березань; *II* – Ольвия, *III* – Чернолесское городище и его округа; *IV* – Матронинское городище и его округа; *V* – Пастерский узел городищ; *VI* – предполагаемая локализация святилища Эксампей.
Места находок скифских изваяний (по В.С. Ольховскому и Г.Л. Евдокимову): *1* – Лупарево; *2* – Калиновка; *3* – Христофоровка; *4* – Марьяновка; *5* – Ингуло-Каменка; *6* – Медерово; *7* – Станишино; *8* – Эрделевка

Присутствие выходцев из Лесостепной зоны Среднего Днепра в составе населения Березани и Ольвии в той или иной степени фиксировалось многократно. (Капошина С.И., 1956, с. 154–189; Марченко К.К., 1988, с. 117, 132, 133; Бессонова С.С., 1991, с. 95). Анализируя лепную керамику Березани и Ольвии, К.К. Марченко из 34 типов сосудов выделяет 6, которым находит аналогии в памятниках Тясмина и Ворсклы.

Примечательно, что выделенная керамика представлена горшками (вариант А), некоторыми формами банок и кубков, корчагами, черпаками с петельчатой ручкой и мисками с наколами изнутри. Причем горшки варианта А составляют не более 5% от всех горшков, тогда как на памятниках Лесостепного Правобережья Украины 70–80% (Марченко К.К., 1988, с. 77). Поэтому вполне допустимо предположение, что эта керамика попадала с торговыми караванами лесостепняков, как часть их походной утвари, например, черпаки. Усиливает это впечатление отсутствие других категорий посуды – более характерной для домашнего очага. А обломок корчаги с плетенкой из налепных валиков имитирующих, вероятно, кожаное плетение или же оплетку из прутьев, свидетельствует в пользу походного назначения своего прототипа (Марченко К.К., 1988, с. 92, рис. 22, *8*; 23).

Возникает вопрос – что могло привлекать лесостепное население в низовьях Бугского Правобережья в доантичное время? Ответ находим в сообщении Геродота о том, что в устье Борисфена отлагаются громадные запасы соли (IV, 53). Подтверждает это и Дион Христостом (XXXVI, 3) – автор II в. до н.э. – "ольвиополиты снабжали солью большинство варваров, эллинов и скифов, живущих в Херсонесе Таврическом". Судя по всему, приольвийские солепромыслы эпохи бронзы и раннего железа являлись основными источниками соли в Северном Причерноморье[3], поскольку Сиваш в то время представлял собой заболоченную местность, преимущественно с пресными водами (Стащук М.Ф. и др., 1964, с. 164).

Притягательным для древних устье Борисфена было и из-за "огромных бескостных рыб, которых называют антакаями; их доставляют для засаливания" (Геродот, IV, 53). В этих рыбах усматривают представителей осетровых пород (Доватур А.И. и др., 1982, с. 282, 283; Minns E., 1913, p. 6, 7). Следует заметить, что позднее чумаки возили рыбу из устья Дона в лесостепь, засаливая ее прямо на возах, обложенных кожей.

Посему, вполне уместно предположить, что в доколонизационный период и особенно в период архаики Нижнее Побужье обеспечивало скифов-аротеров солью и соленой рыбой. Ответный поток товара, если верить Геродоту, состоял преимущественно из зерна (IV, 17). Впрочем, возможность хлебного экспорта из скифской лесостепи в последнее время подвергается сомнению (Щеглов А.Н., 1990; Крижицький С.Д., Щеглов О.Н., 1991). Так или иначе, но товарная компенсация от скифов-аротеров поступала в Ольвию либо в виде продуктов скотоводства или просто живым скотом, либо сыродутного железа (Паньков С.В., 1994, с. 98), или в виде ремесленных изделий.

Если Ольвия контролировала поставки соли в соседние регионы, необходимо признать, что этот полис являлся важным узлом сухопутных коммуникаций, поскольку водными путями соль, учитывая ее физические свойства, доставлять нельзя. Хотя благодаря характеристике рек Скифии, данной Геродотом, сложилось широко бытующее мнение, что торговые контакты греков с аборигенами осуществлялись преимущественно по рекам (Геродот, IV, 52, 59). На наш взгляд, если и использовался водный путь, то лишь по Борисфену, тогда как Гипанис, не говоря уже о его притоках, в среднем своем течении был достаточно сложен для плаванья из-за гранитных порогов в его русле. Но в тех же параграфах (52 и 53) четвертой книги своего труда "отец истории" упоминает местность Экзампей – Священные пути в пределах страны скифов-пахарей и ализонов и храм Деметры у Гипаниса, напротив которого обитают борисфениты. Поскольку Экзампей является сакральным местом и находится в геометрическом центре скифского квадрата, а Ольвия (и храм Деметры) находятся "в самой середине побережья всей Скифии" (IV, 17), то Д.С. Раевский выводит эти совпадения – противопоставления за рамки реальной географии (Раевский Д.С., 1977, с. 114).

---

[3] Эти солепромыслы использовались до начала XX в. На топокарте 1907–1908 гг. показан один из них близ с. Аджиаска (современное наименование – Рыбаковка), практически рядом с Березанью и Бейкушем.

Не отрицая правомочность построений Д.С. Раевского, и осознавая всю условность определений Геродота – "средина" и "скифский квадрат" – попробуем перевести его информацию в рамки реального пространства. Тем более что с Экзампеем и находившимся там котлом Арианта связывают аргументацию аутопсии Геродота в Северное Причерноморье (Скржинская Н.В., 1991, с. 107). Таким образом, и торжище борисфенитов – Ольвия, и Экзампей являются кульминационными точками в пространственной характеристике Скифии, своеобразными полюсами, увенчанными святилищами. А святилище Деметры – богини хлеба и пшеничных зерен на левом берегу Буга могло освящать как собственные зерновые производства (Русяева А.С., 1992, с. 85), так и хлеб, посеянный скифами-пахарями "не для собственного потребления, а для продажи" (Геродот, IV, 17).

Полярность пространства отражает и топонимика. Черному Лесу и Черному Шляху на севере противостоят о. Березань (Белобережье по О.Н. Трубачеву) и Белая Дорога (в Николаеве) на юге. А по мере продвижения на север по нашему маршруту встречаем Березнеговатую Балку, впадающую в Висунь, р. Березовку – левый приток Ингула, Белую Балку, с. Белозерное и с. Белополь, достигающее уровня г. Кировограда.

Языковеды отмечают островную сосредоточенность "белых" гидронимов и указывают еще один район концентрации подобных названий на Нижнем Днепре в районе Великого Луга (Карпенко О.П., 1989). Учитывая факт нахождения наиболее важных памятников скифской культуры в этом регионе, иное звучание получает наша белая подборка в Ингуло-Ингулецком междуречье. Нахождение белых топонимов в полосе прохождения реконструируемого маршрута свидетельствует о вероятном существовании тракта под общим наименованием типа "Білий шлях" (цвет ковыля или соли), проходившего по степи и отличавшегося от Черного шляха, проложенного по лесостепи. Вероятно более звучный топоним "Черный" распространили впоследствии и на степь. Возможно, топонимы "Белый" обязаны летописному Белобережью.

Обращают на себя внимание гидронимы с тюркской основой "горький", расположенные близ предполагаемого нами торгового пути. Это соленые озера Аджиаска (Рыбаковка), Аджигол (Солончаки) и речка Аджамка – левый приток Ингула[4]. Последняя примечательна тем, что может быть соотнесена с горьким источником в местности Экзампей, хотя современное качество воды позволяет использовать ее в сельском хозяйстве. Близость верховьев Аджамки к Мельгуновскому кургану и узлу древних дорог к югу от Черного Леса, дает возможность высказать осторожное предположение, что святилище Экзампей находилось близ города Знаменка на границе степи и лесостепи. Между селами Богдановка и Кучеровка, расположенными в 10 км к северо-западу от Знаменки, находится наиболее возвышенная точка в округе. Возможно именно в этом месте, близ наиболее богатого архаического комплекса – Мельгуновского кургана, следует искать и скифский культовый центр. Где-то в этих местах приходил торговый путь из Ольвии. Последний участок его фиксировался памятниками в Сокольниках и Медерово. Дальнейшее продвижение на север через два дня пути приводило в район Мотронинского городища, за которым в пяти-шести днях пути находилось скопление Каневско-Трахтемировских поселенческих структур.

Важное ответвление из района Черного Леса уходило на запад в регион Пастерско-Макеевской поселенческой структуры. Здесь мы солидарны с И.В. Фабрициус, усматривавшей в четырех городищах (Пастерском, Шарповском, Макеевском и Будянском) единую структуру (Фабріціус І.В., 1951а, с. 71), но она ошибочно связывала это поселенческое образование с Гелоном Геродота. Резкая рецензия А.И. Тереножкина на статью И.В. Фабрициус похоронила ошибочную локализацию Гелона на Правобережье, но вместе с ней было предано забвению и наблюдение о совокупности всех городищ района Пастерского (Тереножкин А.И., 1952, с. 150–152).

---

[4] Примечательно, что близ верховьев Аджамки на трассе нашей дороги находится село с противоположным названием – Солодка.

В недавно вышедшей монографии Ю.В. Павленко, широкими мазками освещающей ключевые вопросы истории древнего населения современной Украины, дается оценка Матронинской и Пастерской поселенческих структур. Однако если Матронинское городище оценивается, как "раннегородской столичный центр определенного раннегосударственного образования", то Пастерское, Шарповское, Макеевское городища, по мнению Ю.В. Павленко, выполняли функции укрепленных форпостов на пути из Ольвии (Павленко Ю.В., 1994, с. 146).

Регион Пастерского городища выделяется наибольшим количеством архаических импортов и, вероятно, являлся крупнейшим торговым партнером Ольвии. Сюда вело и другое ответвление, отходившее от основной магистрали выше станицы Долинской и фиксировавшееся Тарановой Могилой, раскопанной В.Н. Фоменко и В.Ф. Елисеевым в 1989 г. Известна она благодаря находке золотого конского налобника в форме рыбы (Dal Mille..., 1995, p. 80, № 50). Это ответвление пути пересекало Ингул в районе Лелековки (пригород Кировограда) и по междуречью Большой Выси и Гнилого Ташлыка, через с. Шпаково (от Шпакова шляха) выходило в район Капитановки – Пастерского.

Однако вернемся в Нижнее Побужье. Важным моментом в нашем построении является обоснование существования в Ольвии в древности переправы или брода через Южный Буг. Это же предполагает и Б.А. Шрамко (1987, с. 21). Прямым указанием на наличие в этом месте традиционной переправы служит топоним ПАРУТИНО. Морфема – *пара* – является характерной особенностью фракийской ономастики, большинство исследователей объясняют ее как "переправа, брод" (Петров В.П., 1968, с. 104, 105). Близкое по звучанию авестийское имеет такое же значение (Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.В., 1984, с. 673). Топоним Парутино, по всей видимости, позднего происхождения и связан с приходом в эти места выходцев из Валахии и фиксирует существование переправы в этом месте. Кстати, современные жители Парутино, как нам любезно сообщил С.Б. Буйских, воспринимают наименование своего села как "брод" или "переправа".

О наличии песчаного брода в районе Ольвии в середине XVII в. сообщает Гийом Боплан. Он указывает, что брод удобен для преодоления – река не широка, глубина ее три стопы (т.е. меньше метра), берега настолько доступны, что можно перевозить тяжелую артиллерию (Боплан Г., 1990, с. 44). Очевидно, колебания уровня моря (Шилик К.К., 1975, с. 70–73) происходили и в постантичное время. Подробные карты Бугского лимана 1785 и 1825 гг., хранящиеся в зале картографии ЦНБ НАНУ, дают промеры глубин ниже Волошской косы в направлении с правого берега на левый, от Ольвии до Кисляковки (современное с. Лиманы). Максимальные показатели здесь 20,5 и 21 фут, что на 5–6 м больше данных Боплана. В.И. Гошкевич со слов местных жителей отмечал, что в лимане у Кисляковского берега можно прощупать остатки какого-то моста[5] (Фабрициус И.В., 1951 б, с. 75).

Для периода античности следует предполагать наличие переправы вброд, поскольку с учетом регрессии в то время Буг был значительно мельче и не столь широк. С.Д. Крыжицкий обратил наше внимание на эхограммы дна Бугского лимана напротив Ольвии (Шилик К.К., 1975), фиксирующие в районе фарватера глубокий каньон, заполненный многометровыми слоями ила, что казалось бы, перечеркивает версию о наличии здесь брода. Следовательно, даже с учетом малой глубины, состояние дна реки должно было бы существенно затруднять ее переход. Тем не менее, два обстоятельства убеждают нас в обратном. Первое – наличие выше Ольвии двух противостоящих песчаных кос, что при низкой воде способствовало образованию ниже их по течению отмелей, т.е. ил периодически перекрывался слоями песка. Это подтверждает и изложенная выше информация Боплана. Вторым обстоятельством служат признаки одной или нескольких дорог, подходящих из левобережной степи к берегу

[5] Здесь уместно вспомнить сообщение Л. Падалки, что у переправы близ Каменского городища фиксировались остатки каменной дороги шириной в две сажени (Падалка Л., 1903, с. 97).

Буга в районе с. Лиманы. Эти дороги улавливаются как топографически, так и археологически. Мы имеем в виду цепочки курганов, клином сходящихся к реке ниже Русской Косы, которые маркируют расходящиеся от переправы дороги, уходящие в северо-восточном направлении, т.е. на водораздел Ингульца и Ингула. Эти курганы зафиксированы на топокарте 1921 г. масштаба 1 : 50000 (листы 36–41–А, Б, В). На этой карте и на карте 1992 г. масштаба 1 : 200000 показаны девять населенных пунктов, расположенных в ряд по оси ЮЗ–СВ, т.е. ориентированных на Ольвию. Это села Лиманы, Прибугское, Шевченково, Котлярово, Новорусское, Оленовка, Новониколаевка, Новоселовка, Первомайское[6]. Объяснить этот факт случайным совпадением не удается. За исключением двух крайних, все остальные не привязаны к гидрологической сети, поэтому уместно предположить, что своим местоположением эти населенные пункты обязаны трассе "битого шляха", некогда существовавшего здесь. Примечательно, что у юго-восточной околицы с. Константиновка (в 2 км к северу от Новониколаевки) на топокарте 1921 г. отмечены пять колодцев, расположенных в одном месте. Концентрацию их за пределами села можно объяснить тем, что они служили местом водопоя множества волов чумацкой валки. Тем более, что эти колодцы находятся на расстоянии одного дня пути от переправы. Предполагаемое направление конечной части трассы на правом берегу сохраняется современной дорогой, ведущей из Парутино в сторону Очакова. Южнее современной дороги К.В. Шишкин отмечает следы древних дорог, фиксируемых на аэрофотоснимке, – они уходят на запад и юго-запад от Южных ворот Ольвии (Шишкин К.В., 1982, с. 241, рис. 2), т.е. направлены на Очаков и Аджигол (Карасев А.Н., 1956, с. 30). С западными участками древних дорог соотносятся две-три дороги северо-восточного сектора сводного плана А.Н. Карасева (1956, рис. 11). Их короткие отрезки, направленные на север и северо-восток, безусловно, являлись подъездами к месту переправы, поскольку иное объяснение хорошо наезженным колеям, выходящим к берегу Буга, дать трудно. Таким образом, аэрофотоснимки и планы показывают дороги, входящие в город от реки и выходящие с противоположной от нее стороны. Хотя вероятность входа в город больших караванов следует исключить и предположить, что они останавливались в предместье.

Теперь уместно обратиться к замечанию В.П. Петрова о топонимической связке "город – перевоз". Рассматривая второе наименование Ольвии – Борисфен, ученый обратил внимание, что название ряда поселенческих структур своим смыслом указывает на связь с берегом реки, где существует переправа и примером тому приводит немецкие Франк-фурты, Оксен-фурт, английский Оксфорд (в переводе – воловий брод), украинские Броды (Петров В.П., 1968, с. 107). К этому ряду можно добавить и казацкое селение Каменный Брод, впоследствии город Луганск (от р. Лугани). Таким образом, топонимы фиксируют тенденцию возникновения населенных пунктов близ традиционных переправ.

Помимо топонимики, древние переправы фиксируются расположенными по противоположным берегам, друг против друга, поселенческими структурами: Порфмий – Кепы (?), Каменское городище (на Днепре) – Капуловка, Ольвия – Лиманы-V и проч. Причем для района Ольвии этот признак фиксируется с более раннего времени – следы поселения эпохи бронзы отмечены в пределах Парутино (Капошина С.И., 1956, с. 154–157; Лапин В.В., 1966,; с. 46, 47), а в районе Лиманы в конце 1960-х гг. зафиксированы следы поселения того же периода (информация Клюшинцева В.Н.). В этой связи примечательна находка в Ольвии киммерийской стелы – "причального столба" (Ястребов В.Н., 1894, с. 125; Тереножкін О.І., 1978, с. 16). Замечено, что киммерийские стелы встречаются, как правило, у мест переправ (Бокий Н.М. и др., 1991, с. 180).

Очерчивают трассу нашей магистрали и пункты находок скифских изваяний, они образуют восточную сторону известного "треугольника, вершиной опрокинутого к

[6] К сожалению старые топонимы в значительной степени были стерты в XX в.

Ольвии" (Рыбаков Б.А., 1987, с. 65, 66; Білозор В.П., 1996, с. 44). По сводке В.С. Ольховского и Г.Л. Евдокимова насчитывается семь мест находок изваяний на участке от сел Лиманы – Лупарево напротив Ольвии до села Сокольники (Станишино) у Черного Леса (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, табл. 2). Все семь изваяний датируются концом VI–V вв. до н.э.

Анализ топографической информации в виде курганов, протянувшихся по водоразделам, колодцев и наименований сел позволяет достаточно точно реконструировать трассу даже на тех участках, где отсутствуют данные археологии.

Общая протяженность трассы от Ольвии до Черного Леса составляла восемь дней пути, без учета времени на отдых. Одним из главных достоинств этой трассы является минимальное количество переправ через речки и балки. Все другие варианты пути в Лесостепь из Ольвии были чреваты многократными спусками и подъемами, так как остальные участки местности отличаются сильной волнистостью рельефа.

Основным транспортным средством на маршруте Нижний Буг-устье Днепра – Днепровское Лесостепное Правобережье были вероятней всего воловьи упряжки. Преимущества в использовании волов в качестве тягловой силы в сравнении с лошадьми очевидны. Но помимо этого обстоятельства, ездить лошадьми в "Диком поле"[7] было просто небезопасно вплоть до XVIII в. Виной тому были дикие жеребцы (тарпаны), уводившие в свои табуны домашних кобыл, загрызавшие соперников (домашних жеребцов) и разбивавшие возы (Яворницький Д.І., 1990, т. 1, с. 80, 81). Это сообщение в определенной степени перекликается с информацией Геродота о диких белых лошадях, пасшихся в верховьях Гипаниса (IV, 52) и с упоминанием об охотниках на диких лошадей в "Письме жреца из Гилеи" (Русяева А.С., Віноградов Ю.Г., 1991, с. 201).

В заключение следует заметить, что, начиная выявление трассы основного тракта из Ольвии в лесостепь, мы предполагали доминирование вектора торговых интересов с юга на север, т.е. от греков к скифам. Однако анализ всей информации убеждает в обратном направлении контактов. Трасса существовала задолго до начала античной колонизации и была освоена обитателями Правобережной Лесостепи, которых привлекало наличие соли и, вероятно, рыб осетровых пород в устье Днепра. Трасса явилась причиной возникновения Ольвии, как города-торжища при переправе и это преимущество ольвиополиты успешно реализовали. Время наиболее интенсивного существования торгового тракта Ольвия – Лесостепь следует определить VI–V вв. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бессонова С.С., 1991. Об элементах скифского обряда в архаическом некрополе Ольвии // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.

Білозор В.П., 1996. Кам'яні статуї у контексті скіфської етнографічної проблематики // Археологія. № 4.

Бокий Н.М., Горбул Г.Л., Отрощенко В.В., 1991. Киммерийское захоронение на Кировоградщине // СА. № 1.

Болтрик Ю.В., 1981. Об одном из вероятных торговых трактов Скифии // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. Киев.

Бондарь Н.Н., 1955. Торговые отношения Ольвии со Скифией VI–V вв. до н.э. // СА. Вып. XXIII.

Боплан Г., 1990. Опис України // Боплан, Мериме. Львів.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси.

Граков Б.Н., 1947. Чи мала Ольвія торговельні зносини с Поволжжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. № 1.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А., 1982. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М.

[7] Мы имеем в виду узкое понятие Дикого поля, занимавшего степное пространство от Ингульца до Днепра (Яворницький Д.І., 1990, т. 1, с. 83).

Елагина Н.Г., Погребова Н.Н., 1959. Археологические разведки по берегам Ингула // КСИИМК. Вып. 77.

Капошина С.И., 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. № 50.

Карасев А.Н., 1956. Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города // МИА. № 50.

Карачарова Д.Д., Квирквелия Г.Т., 1991. Города и поселения Причерноморья Античной эпохи (Малый энциклопедический справочник). Тбилиси.

Карпенко О.П., 1989. Назви річок Нижньої Правобережної Наддніпрянщини. Київ.

Котляревский А.О., 1868. О погребальных обычаях славян. М.

Крижицький С.Д., Щеглов О.Н., 1991. Про зерновий потенціал античних держав Північного Прічорномор'я // Археологія. № 1.

Лапин В.В., 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Краткий очерк отечественных теорий колонизации). Киев.

Лисецкий Ф.Н., Бызов А.А., 1992. Реконструкция транспортной сети Степного Побужья // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. науч. конф., посвященной памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь.

Марченко К.К., 1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л.

Новицкий Я.П., 1905. С берегов Днепра // Сб. статей Екатеринославского научного общества по изучению края к XIII археологическому съезду. Екатеринослав.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.

Онайко Н.А., 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1–27.

Островерхов А.С., 1981. Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Павленко Ю.В., 1994. Передісторія давніх русів у світовому контексті. Київ.

Падалка Л., 1903. Остатки старины на Нижнем Днепре // АЛЮР. № 2.

Паньков С.В., 1994. О состоянии железоделательного производства в античных городах Северного Причерноморья // Ольвия – 200. Николаев.

Петров В.П., 1968. Скіфи. Мова і етнос. Київ.

Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.

Руссов А.А., 1876. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII в. Киев.

Русяева А.С., 1992. Религия и культура античной Ольвии. Киев.

Русяева А.С., Виноградов Ю.Г., 1991. Лист жерця з Гілеї // Золото степу. Археологія України. Київ; Шлезвіг.

Скржинская М.В., 1991. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев.

Стащук М.Ф., Супрычев В.А., Хитрая М.С., 1964. Минералогия, геохимия и условия формирования донных отложений Сиваша. Киев.

Суботін Л.В., Черняков І.Т., 1982. Новотроянівський скарб та питання обміну металом в добу пізньої бронзи // Археологія. Вип. 39.

Тереножкин А.И., 1952. И.В. Фабрициус "К вопросу о топографизации племен Скифии". Археология. V // ВДИ. № 2.

Тереножкін О.І., 1978. Кіммерійські стели // Археологія. № 27.

Фабріціус І.В., 1951а. До питання про топографізацію племен Скіфії // Археологія. V.

Фабрициус И.В., 1951б. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. I. Киев.

Фоменко В.Н., Клюшинцев В.Н., 1987. О работе Явкинского отряда // АО–1985.

Чернопицкий М.П., 1980. Курганная группа как архитектурный ансамбль (опыт композиционно-художественного подхода) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.

Членова Н.Л., 1983. Предыстория "торгового пути Геродота" (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. № 1.

Шилик К.К., 1975. К палеогеографии Ольвии // Ольвия. Киев.

Шилик К.К., 1979. Географические аспекты сообщения Геродота о горьком источнике на Гипанисе // Проблемы античной истории и культуры. Ч. II. Ереван.

Шилик К.К., 1981. Влияние природных условий на выбор трасс древних транспортных путей // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. М.
Шишкин К.В., 1982. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей // СА. № 3.
Шмидт А., 1863. Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. Ч. II.
Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.
Щеглов А.Н., 1990. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII–V вв. до н.э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси.
Яворницький Д.І., 1990. Історія запорозьких козаків. Київ.
Ястребов В.Н., 1894. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губ. // ЗООИД. Т. 17.
Dal Mille al Mille, 1995. Tesori e popoli dal Mar Nero. Rimini; Milano.
Minns E., 1913. Scythians and Greeks. London.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

Yu.V. BOLTRIK

THE MAIN TRADE ROUTE FROM OLVIA TO THE FOREST-STEPPE REGION ON THE RIGTH BANK OF THE DNIEPER

Summary

The paper represents an attempt to reconstruct the trade route from the Scythian forest-steppe region to the Lower Bug basin. The analysis of archaeological data and written sources as well as topographical maps provide the basis for the reconstruction. As a result, the author suggests a concept of trade contacts of Olvia population with the inhabitants of the Middle Dnieper. According to it, those relations were maintained predominantly along the watershed of the South Bug and the Dnieper. The route started from Olvia in the point of the crossing of the South Bug estuary, and the city as such had emerged at the crossing. The date of the crossing is established by a Cimmerian stele found there. The author presumes that merchants of the forest-steppe tribes used to come to the Lower Dnieper and the Bug for salt and fish even long before the Ionians appeared in that region.

Публикации

Е.А. ПОПОВА

ТЕРРАКОТЫ С ГОРОДИЩА "ЧАЙКА" В ЕВПАТОРИИ

Терракоты греческого мира представляют собой раздел античной скульптуры, имеющий свою специфику[1]. Одной из особенностей изделий этого вида художественного ремесла является их огромное количество. При этом они делятся на типы как широко распространенные по всей античной ойкумене, так и присущие только отдельным районам. Терракоты Северного Причерноморья изучены неравномерно. В этом смысле больше "повезло" материалам Северо-Западного Причерноморья и Боспора. Херсонесские памятники пока серьезно и детально никем не изучались. Поэтому представляется важным опубликование серии терракот, происходящих с поселения "Чайка" в Евпатории, которое было частью Херсонесской хоры с середины IV в. до н.э. до II в. до н.э., а к концу II в. до н.э. перешло к так называемым поздним скифам.

Коропластика Северного Причерноморья неразрывно связана в своем развитии со средиземноморским миром, где она достигает расцвета в раннем эллинизме. Большинство статуэток с Чайкинского поселения относится именно к этому времени. Все публикуемые терракоты происходят с греческого поселения, из помещений середины IV–III вв. до н.э. Две вещи датируются более поздним временем: I в. до н.э. – I в. н.э. и были найдены в помещении позднескифского квартала.

Несмотря на, казалось бы, большое количество опубликованных материалов, существует очень много вопросов, которые еще ждут решения. Одним из основных является вопрос об определении центров производства терракот. Многие исследователи указывали на неточность определения их по глинам, так как глины бывают очень различные по качеству, и цвет глин не является постоянным признаком: глины из разных мест могут быть очень похожи и, наоборот, из одного места могут быть разными по цвету и плотности (Британова Н.Н., 1969, с. 121). В Греции в одном и том же центре бывало более пяти сортов глин, как, например, в Мирине и Афинах. В Северном Причерноморье также наблюдается многообразие сортов глин (например, в Херсонесе). Технологические приемы использовались тоже сходные в различных мастерских, что нивелирует изделия и затрудняет отнесение их к определенным центрам производства. Поэтому нас будет интересовать культурный аспект.

Поскольку в терракотовых статуэтках отразился духовный мир греков, их религиозные верования, представления о красоте и наряду с этим обыденная жизнь, целесообразно рассмотреть чайкинские вещи, объединяя их по сюжетам.

Первую сюжетную группу составляют божества и мифологические персонажи. Прежде всего, это изображения богинь, связанных с культами земледелия и плодородия: Деметры, Афродиты и Кибелы. Все они представлены в публикуемой серии терракот с "Чайки". Вероятнее всего, статуэтке Деметры принадлежала голова, где сохранилось только лицо (рис. 1)[2]. Высота ее – 5,5 см. Терракота воспроизводит тип

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 96-01-00298 "Греки и варвары в Северо-Западном Крыму".

[2] Фото терракот выполнены С.А. Орловым.

© Е.А. Попова, 2000 г.

Рис. 1. Голова Деметры

лица немолодой женщины с массивными чертами: большими миндалевидными глазами, довольно длинным носом и полными губами. На голове, по-видимому, прикреплялась отдельно вылепленная прическа и, возможно, головной убор, на что указывает форма облома надо лбом и на затылке. По характеру исполнения эта терракота отличается грубостью и тяжеловесностью. Глина, из которой она была изготовлена, плохого качества, плохо отмученная. Все это, возможно, свидетельствует о ее местном происхождении. Тип лица соответствует традиционной манере изображения Деметры в образе строгой немолодой женщины (Русяева А.С., 1979, с. 39, 41). Датируется наша терракота серединой IV – первой половиной III в. до н.э. Весь ее облик напоминает лица более ранних изображений земледельческих богинь (Mollard-Besques S., 1954, tabl., XXVII, B. 218; Русяева А.С., 1982, с. 47). Такой тип лица встречается на множестве терракотовых протом богинь в Северном Причерноморье, датирующихся в основном V в. до н.э. Это, например, терракоты из Херсонеса (Терракоты..., 1970, ч. II, табл. 9) и Нимфея (Терракоты..., 1970, ч. II, табл. 29, 30). О том, что в подобном стиле изображались богини и в более позднее время, свидетельствует голова из ольвийского теменоса III в. до н.э. (Терракоты..., 1970, ч. I, табл. 32, *1*).

Для комплекса греческих терракот, распространенных в Северном Причерноморье, были характерны протомы богинь в виде небольших подобий иконок, так называемые "односторонки". В публикуемой серии чайкинских материалов представлены две подобные протомы. Одна из них сохранилась почти целиком, утрачена только небольшая часть: с левой стороны – левое плечо и часть левой руки, и справа – часть гиматия (рис. 2, *1*). Высота протомы – 12,5 см. Богиня изображена на фоне развернутого вокруг головы покрывала, которое спускается с головы вниз, образуя широкую скругленную складку на поясе. Из-под покрывала виден тонкий безрукавный хитон, образующий на груди едва заметные складки, ниже пояса он обозначен двумя легкими горизонтальными округлыми складками. Одежда раскрашена красной и голубой красками. На груди и правой руке края ее обозначены четкими красными полосами, хитон ниже пояса голубого цвета. На остальных частях – следы белой обмазки.

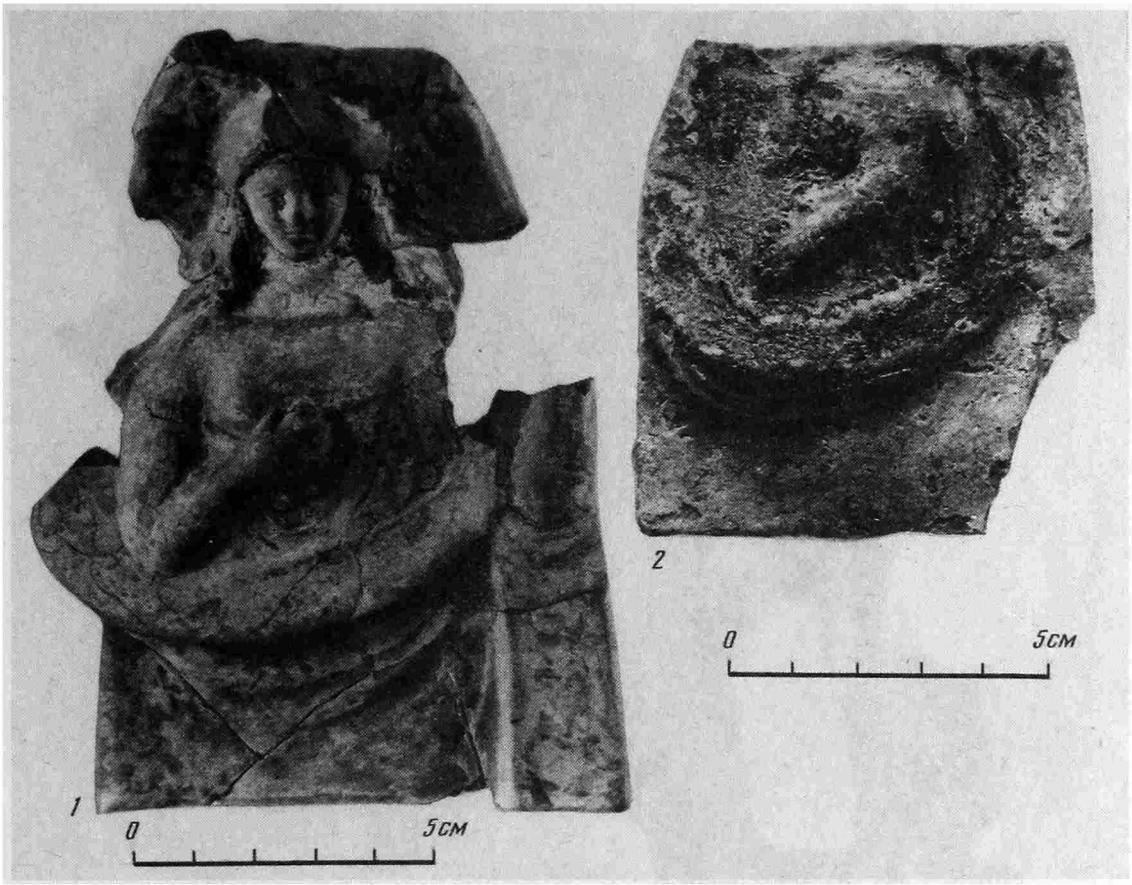


Рис. 2. Протомы Афродиты

Правой рукой богиня прижимает к груди какой-то продолговатый предмет, левой – придерживает покрывало. Голова богини довольно сильно наклонена вперед, она как бы глядит вниз. Из этого можно заключить, что такого рода "иконки" были рассчитаны на рассмотрение снизу, по-видимому, они вешались на стену жилища: сзади находится выступ и отверстие для подвешивания. Богиня изображена без головного убора. Волосы гладко причесаны и концы их локонами падают ей на плечи, они раскрашены красной краской, в ушах большие круглые серьги. В целом детали протомы довольно хорошо моделированы и создается впечатление тщательности исполнения и изящества. Практически полную аналогию нашей протоме представляет протома из Керкинитиды (Терракоты..., 1970, ч. II, табл. 5, *4*). Датируется она М.А. Наливкиной IV–III вв. до н.э. (Терракоты..., 1970, ч. II, с. 66–68). Аналогичная протома была найдена в Херсонесе (Терракоты..., 1970, ч. II, табл. 10, *2*). Г.Д. Белов датирует ее IV в. до н.э. (Терракоты..., 1970, ч. II, с. 73). Такая же протома встречена и в Ольвии (Русяева А.С., 1979, с. 54, рис. 30, *4*). Подобные вещи есть и на Боспоре (Кобылина М.М., 1961, табл. XI, 4). Датирует их М.М. Кобылина эллинистическим временем (Кобылина М.М., 1961, с. 73).

При атрибуции протом исследователи не всегда единодушны. Большинство считают их изображениями Афродиты (Терракоты..., 1970, ч. II., с. 66–68, 73; Кобылина М.М., 1961, с. 73). Однако А.С. Русяева отождествляла в свое время ольвийскую протому с изображением Коры-Персефоны (Русяева А.С., 1979, с. 54). С этим. видимо, нельзя согласиться, так как этот иконографический тип сложился в архаический период, когда Афродита изображалась с голубем в руке, без головного убора (Higgins R.A., 1954, pl. 12, 13; 1967, pl. 13, d, e, f). Большое количество терракот с изображениями Афродиты в эллинистический период во всем античном мире, и в частности в Северном При-

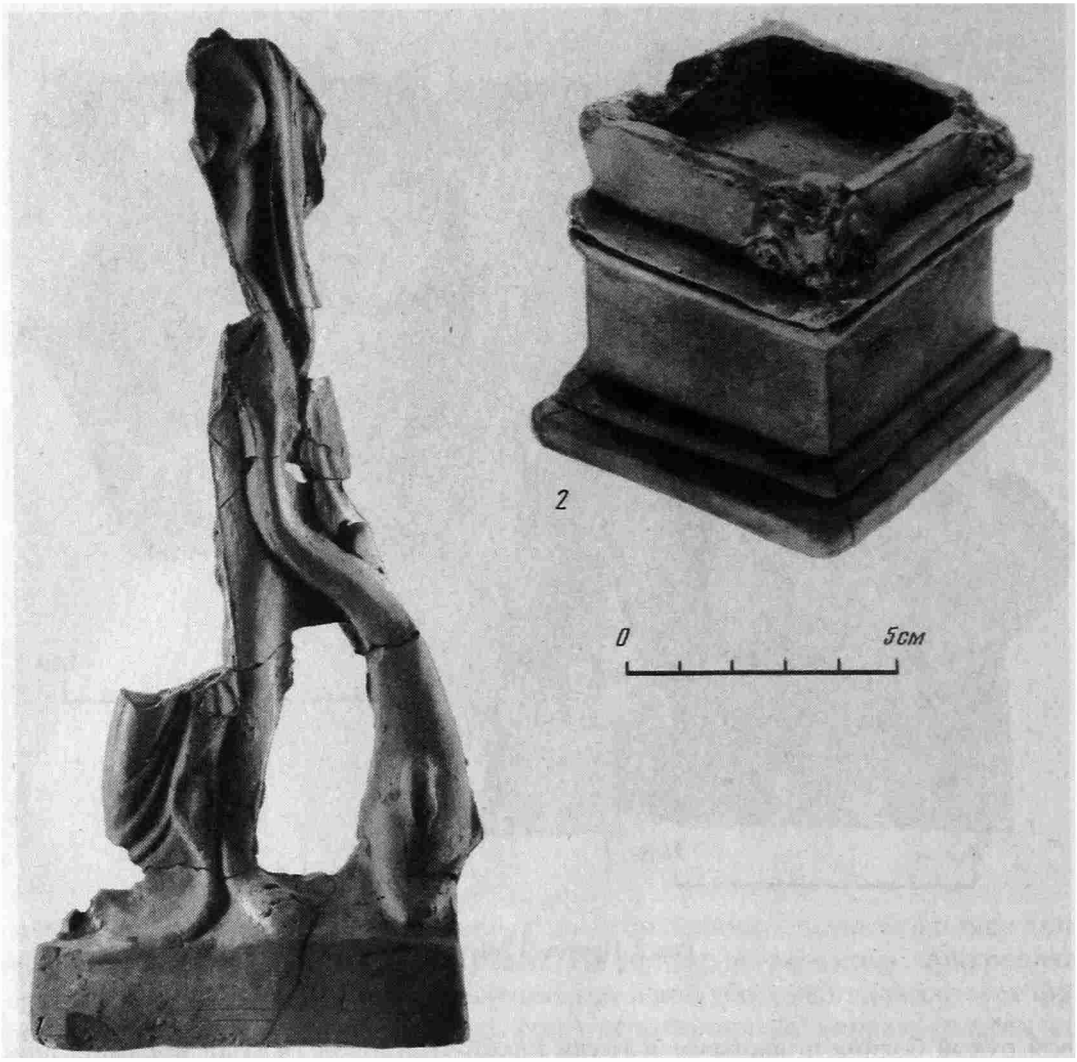


Рис. 3. *1* – Афродита Анадиомена, *2* – алтарик

черноморье, объясняется культовой близостью ее с богинями плодородия. В некоторых местностях Афродита выступала также как богиня плодородия (Русяева А.С., 1982, с. 72). О том, что на сельских поселениях Северо-Западного Крыма этот культ получил распространение, свидетельствует и вторая протома с "Чайки". Она сохранилась не целиком: отбита верхняя часть – голова на фоне покрывала (рис. 2, *2*). Высота сохранившейся части – 7,2 см. Это маленькая "иконка", выполненная совсем иначе, нежели первая. Несмотря на соблюдение в целом иконографической схемы, эта протома производит совершенно другое впечатление. Изображение схематичное и плоскостное, детали не моделированы. Одежда обозначена красками: красной и голубой. Край покрывала у пояса показан незначительной выпуклостью, левая рука практически не выделена рельефно. Небольшими выпуклостями даны и остальные части фигуры: грудь, правая рука. Если первая протома была привозной, то вторая скорее местной работы.

На "Чайке" была найдена еще одна терракота, изображающая Афродиту, но уже не в греческих слоях, а в позднескифском, в слое разрушения культового помещения. Статуэтка воспроизводит тип Афродиты Анадиомены с дельфином у ног (рис. 3, *1*). Чайкинская терракота сохранилась фрагментарно: левая сторона фигуры и дельфин, нижняя часть справа и передняя часть постамента. Высота сохранившейся части – 19 см. Афродита изображена обнаженной, сзади на левое плечо накинут гиматий, спускающийся справа и закрывающий правую ногу. На груди – круглый медальон. У

Рис. 4. Кибела

левой ноги располагается дельфин вниз головой. Изогнутый хвост дельфина лежит на левом бедре богини. Статуэтка была полой, оттиснута в двух формах. Совершенно аналогичные статуэтки известны в боспорских материалах: из Пантикапея (Кобылина М.М., 1961, табл. X, *1, 2*; Финогенова С.И., 1992, рис. 6; Терракотовые статуэтки ..., 1974, ч. III, табл. 23, *3*) и Горгиппии (Терракотовые статуэтки..., 1974, ч. III, табл. 57, *1, 3*). Датируются эти статуэтки в основном временем позднего эллинизма (Кобылина М.М., 1961, с. 79; Финогенова С.И., 1992, с. 238, 239) и I в. до н.э. – I в. н.э. (Терракотовые статуэтки..., 1974, ч. III, с. 49). Наша также датируется I в. до н.э. – I в. н.э. По мнению исследователей, они и изготовлялись местными коропластами, заимствовавшими этот сюжет из терракотовой пластики городов Малой Азии, где он был особенно популярен в эллинистическое время (Финогенова С.И., 1992, с. 239). Для нас эта статуэтка особенно интересна именно ее боспорским происхождением, поскольку в какой-то степени добавляет материалы о связи поздних скифов, занявших чайкинское поселение, с Боспором. Кроме того, эта находка свидетельствует о сильнейшей эллинизации поздних скифов, об отправлении ими греческих культов. В том же помещении, где была найдена статуэтка Афродиты, на полу, около глиняного жертвенного столика, стоял миниатюрный прямоугольный терракотовый алтарик (рис. 3, *2*). Он представляет собой миниатюрную копию обычного греческого алтаря на ступенчатом основании. Размеры его: высота – 7 см, ширина основания – 6 см, ширина верхней части – 5 см. По углам алтарика – акротерии. В верхней части устроено углубление со следами обожженности. Для греческой культуры были характерны вотивные предметы, которые использовались для поклонения божествам домашнего очага. Алтарики объемной прямоугольной формы с профилированной подставкой и карнизом с акротериями найдены в Ольвии (Русяева А.С., 1982, с. 143), Херсонесе (Терракоты..., 1970, ч. II, табл. 13, *4*) и на Боспоре (Сокольский Н.И., 1976, рис. 57, *8*). Этот вотивный предмет в комплексе со статуэткой

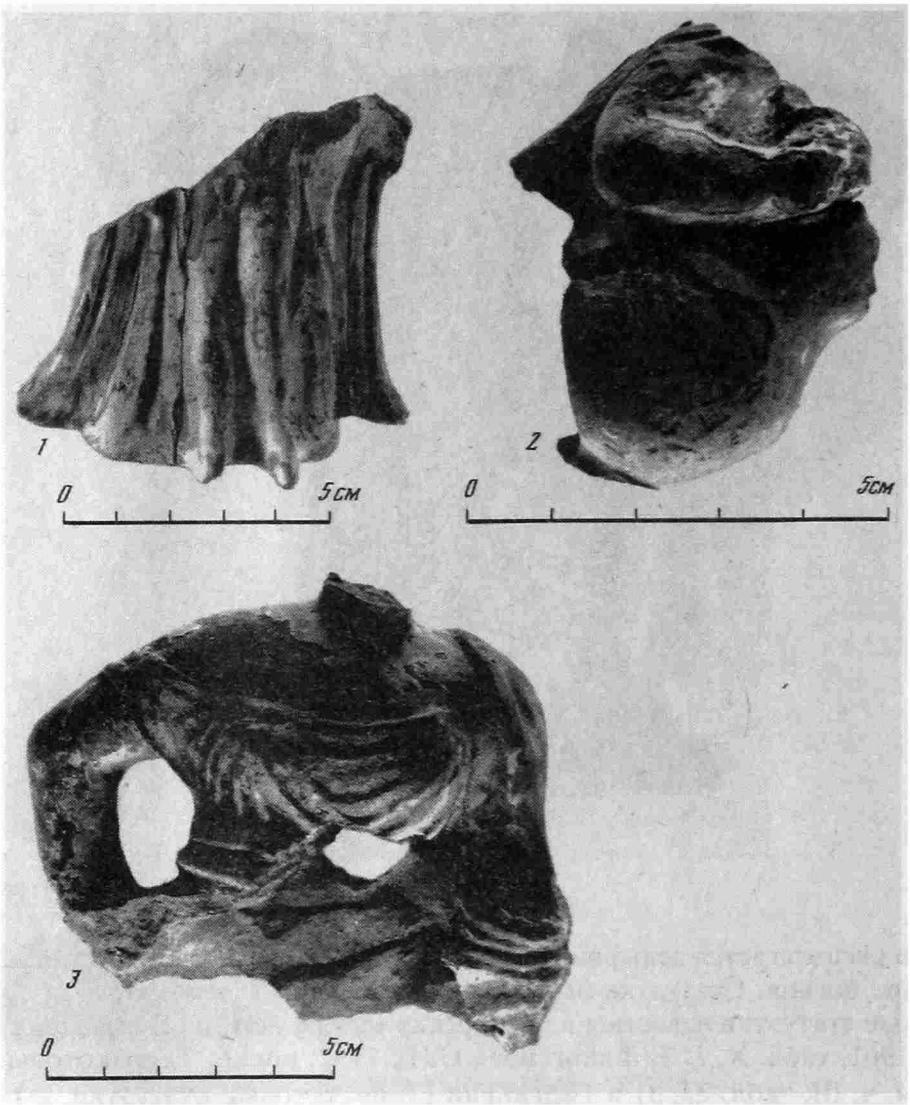


Рис. 5. *1* – Крылатый юноша; *2* – актер; *3* – женская фигура

Афродиты опять-таки говорит об эллинизации поздних скифов, причем не только верхушки общества, как это обычно принято считать – вся культура их теснейшим образом слита с греческой, являющейся уже ее неотъемлемой частью.

Из греческого слоя происходит статуэтка Кибелы (рис. 4). Статуэтка сохранилась почти целиком: отбита только голова до подбородка, высота сохранившейся части – 14 см. Она воспроизводит очень распространенный тип изображений этой богини. Кибела сидит на троне с крестообразными выступами. Ноги поставлены на прямоугольную невысокую скамеечку. Она одета в хитон и гиматий. На плечи локонами спускаются волосы. В правой вытянутой ладонью вверх руке она держит фиалу. В левой согнутой руке – большой тимпан, как бы закрывающий выступ трона. На коленях лежит лев головой влево. На троне и туловище льва видны следы желтой краски, вокруг головы льва – голубой. Вся статуэтка покрыта белой обмазкой. Статуэтка полая, обратная сторона гладкая с прямоугольным отверстием.

Культ Кибелы был широко распространен в Северном Причерноморье в эллинистическое время (Русяева А.С., 1979, с. 104, 105). Фрагменты статуэток Кибелы известны из разных центров, например, из Херсонеса (Терракоты ..., 1970, ч. II, табл. 12; Higgins R.A., 1954, p. 74). Судя по археологическим материалам, этот культ получил наибольшее развитие в Северо-Западном Причерноморье и особенно в Ольвии

Рис. 6. Геракл

(Русяева А.С., 1982, с. 81–88). А.С. Русяева дает динамику этого культа, и в частности особенности изображения одежды Кибелы на терракотах в разное время (Русяева А.С., 1982, с. 156). Одежда на чайкинской Кибеле указывает на то, что она датируется эллинистическим временем: об этом говорит треугольный вырез хитона, разнонаправленность складок хитона и гиматия. В целом статуэтка выполнена в традициях греческой эллинистической пластики.

Столь же распространены в Северном Причерноморье односторонние изображения крылатого обнаженного юноши в плаще. На "Чайке" найден фрагмент такой терракоты (рис. 5, *1*). Сохранилась нижняя половина высотой 6,5 см. Фигура обнаженного юноши изображена на фоне плаща и крыльев. Заметны следы голубой краски и белой обмазки. Совершенно аналогичные терракоты известны из материалов Керкинитиды (Терракоты..., 1970, ч. II, с. 68, табл. 5, *1*), Херсонеса (Терракоты..., 1970, ч. II, с. 74, табл. 13, *5*), Никония (Терракоты..., 1970, ч. I, табл. 6, *3*), Ольвии (Терракоты..., 1970, ч. I, с. 36, табл. 20, *5, 6*).

В связи с этим мифологическим персонажем в коропластике возникла дискуссия по поводу его атрибуции. Большая часть исследователей считает эти терракоты изображениями Эрота-Танатоса, однако А.С. Русяева оспаривает такое определение. Она связывает их с культом Деметры и Коры-Персефоны и определяет персонажа терракот как Иакха (Русяева А.С., 1979, с. 68, 69). При этом она признает частые отождествления этого персонажа с другими божествами, в том числе с Эротом, а потому отсутствие в его иконографии постоянных черт (Русяева А.С., 1979, с. 68). Как бы то ни было, эти мифологические персонажи являются спутниками богинь плодородия, т.е. Деметры и Афродиты. В эллинистическую эпоху наблюдается сложное переплетение культов божеств плодородия, поэтому кажется логичным наличие такого изображения в археологических материалах считать указанием на присутствие такого рода культа.

Рис. 7. Богиня

В публикуемых материалах важное место занимают две большие статуэтки, которые, по-видимому, являются репликами статуарных типов. Это статуэтки Геракла (рис. 6) и богини без атрибутов (рис. 7). Статуэтка Геракла была найдена во фрагментах в помещении первой половины III в. до н.э. Сохранилась в основном ее нижняя часть. Высота – 30 см. Статуэтка стояла в нише, специально устроенной в стене. Она изображает сидящего на скале Геракла. Герой сидит на шкуре льва, впереди видны его сложенные лапы. Геракл обут в высокие мягкие сапожки. Сохранились следы голубой и красной краски. Геракл одет в короткий хитон и плащ, что необычно для иконографии этого мифологического персонажа. Несмотря на то что статуэтка сделана, несомненно, мастером-греком и является, видимо, репликой какой-то статуи (Попова Е.А., Коваленко С.А., 1997, с. 82), им был привнесен новый элемент.

Вторая статуэтка – статуэтка богини (рис. 7). Она сохранилась почти целиком. Утрачены голова, руки от локтей и часть в середине туловища. Высота – 38 см. Статуэтка изображает женскую фигуру в короткорукавном хитоне и гиматии. Гиматий накинут на левое плечо через левую руку и в виде скрученного жгута пропущен под правой рукой, конец его перекинут налево. Богиня изображена стоящей. Она опирается на правую ногу, левая, согнутая в колене, выдвинута вперед. Моделирована только передняя сторона, сзади статуэтка гладкая, с овальным отверстием. Основа сделана в форме, жгут гиматия прикреплен отдельно. Его конец заходит назад справа

на гладкую поверхность. Хитон мягкими складками на груди обозначает треугольный вырез. В нижней части он спадает редкими крупными вертикальными складками, на левом колене он ложится горизонтальной складкой. Жгут гиматия образует складки, также обозначенные пластически. Короткий рукав хитона на правой руке украшен двумя парами косых насечек. Сохранились следы красной и голубой краски.

Статуэтка была найдена в помещении второй половины IV – начала III в. до н.э. Весь облик ее заставляет предполагать в ней изображение богини. Об этом говорят и ее размеры. Высота ее составляла около 45 см. Однако отсутствие атрибутов не позволяет сказать определенно, какому божеству она посвящалась. О том, что скульптурные образы часто служили коропластам в качестве прототипов, хорошо известно (Пругло В.И., 1974, с. 74). Статуарная схема, воспроизведенная в нашей терракоте, использовалась для изображения разных богинь, но наиболее близкой, пожалуй, является статуарный образ Афродиты (Lexicon..., 1988–1990, Т. II, 2, №№ 177, 180, 307, 314).

Таким образом, сюжетная группа терракот с "Чайки", изображавших божеств, позволяет сделать вывод относительно религиозных культов, распространенных на хоре Херсонеса. В основном они связаны с идеями плодородия и благополучия. Это образы женских божеств и сопровождавшего их юноши Эрота-Иакха и, возможно, культ Диониса, о чем свидетельствует статуэтка актера с маской. Функцию Геракла следует определять как сотерическую (Попова Е.А., Коваленко С.А., 1997, с. 82, 83). Примечательным представляется то, что все терракотовые божества были найдены в помещениях. Терракоты в основном малых размеров и, видимо, они служили чем-то вроде небольших иконок. Две терракоты – Геракла и, возможно, Афродиты – представляли собой небольшие статуи. Вполне вероятно, что они были принадлежностью домашних святилищ. О существовании домашних святилищ как в Херсонесе, так и на его хоре свидетельствуют археологические материалы (Костромичева Т.И., Шевченко А.В., 1996, с. 159–162; Щеглов А.Н., 1976, с. 141). В Страбоновом Херсонесе святилище было посвящено трем божествам (Костромичева Т.И., Шевченко А.В., 1996, с. 161, 162). На "Чайке", может быть, мы имеем также святилище двух главных божеств: Геракла и какого-то женского божества. Женская статуя была найдена рядом с помещением, в котором находился небольшой каменный рельеф с изображением стоящего Геракла. Возможно, здесь мы имеем пример объединения в одном святилище почитания двух основных божеств, что хорошо известно в культовой практике греческого мира (Колобова К.М., 1961, с. 232).

Если в раннее время терракотовые статуэтки приносили в храм или в дар умершему, то в эллинистическую эпоху они становятся одним из распространенных украшений жилищ. На "Чайке" найдены и фрагменты статуэток жанрового характера. Прежде всего, это статуэтки танагрского типа. Как известно, очень распространенным сюжетом были задрапированные женские фигуры в различных позах. Фрагмент такого типа статуэтки был найден в слое III в. до н.э. Высота – 14 см. Она изображает стоящую женщину, закутанную в гиматий (рис. 8). Правой рукой она придерживает плащ на груди, левой рукой упирается в бедро. Трехчетвертной разворот, разнонаправленность складок гиматия придают фигуре живописность и некоторое изящество. Статуэтка выполнена по танагрской схеме, однако гораздо примитивнее и грубее. Сзади она не моделирована, а заглажена, с круглым отверстием. Такого типа фигурки, служившие для украшения домов, в эллинистическое время были чрезвычайно распространены в античном мире, и в частности по всему Северному Причерноморью (Терракоты..., 1970, ч. II, табл. 14, *5*; 26, *2*).

К жанровым относится и фрагмент статуэтки женщины в безрукавном хитоне (рис. 5, *3*). Высота сохранившейся части – 8 см. Хитон подпоясан под грудью и спущен с правого плеча. На левое плечо накинут плащ. Правой рукой женщина упирается в бок. Левая рука утрачена, но судя по сохранившемуся фрагменту, на сгибе локтя она держала какой-то круглый предмет. Статуэтка моделирована спереди, сзади заглажена, на спине круглое отверстие. Вся она была покрыта белой обмазкой. Ткань

Рис. 8. Задрапированная женская фигура

хитона дана мягкими складками и как бы прозрачна, с проступающими формами тела. Пластичность лепки ткани говорит о знакомстве мастера с традиционными приемами греческой коропластики. Подобные статуэтки известны, например, в боспорских материалах (Кобылина М.М., 1961, с. 149, табл. XXIV, *4*; Соколов Г.И., 1973, с. 87, рис. 82).

К танагрского типа статуэткам относятся и несколько женских головок (рис. 9, *1, 2, 3, 4*). Две из них изображают девушек, причесанных на прямой пробор, волосы забраны назад. В одном случае они собраны в пучок (рис. 9, *2*), в другом – просто закреплены валиком (рис. 9, *1*). У первой сохранилась длинная изящная шея, девушка держит голову прямо, глядя перед собой (рис. 9, *2*). Высота ее – 3,5 см. Покрыта белой обмазкой. Вторая, высотой 3,2 см, дана с легким грациозным поворотом и наклоном влево. Взгляд ее направлен вниз. Особое изящество придают ей хорошо моделированное лицо и длинная стройная шея (рис. 9, *1*). Сохранились следы белой обмазки и красной краски. Обе статуэтки, судя по тщательности исполнения, были привозными.

Третья головка сохранилась хуже (рис. 9, *3*). У нее совершенно сбито лицо. Высота ее – 2,8 см. Причесана девушка также на прямой пробор. Волосы вверху разделены на два высоких валика. Надо лбом, видимо, была повязана широкая лента, конец которой сохранился сзади. На волосах – следы красной краски.

Еще одна головка от миниатюрной статуэтки изображала девушку в стефане (рис. 9, *4*). Высота ее – 2,3 см. Голова дана с легким поворотом вправо и наклоном к правому плечу. Волосы убраны назад и обрамляют лицо, на волосах, отступая ото лба, надет головной убор, называемый стефаной. Надо лбом она украшена розеткой (Мирошина Т.В., 1983, с. 16, рис. 3, *ж*). На стефане следы голубой краски. Подобные уборы датируются не позднее III в. до н.э. (Мирошина Т.В., 1983, с. 16). В стефане

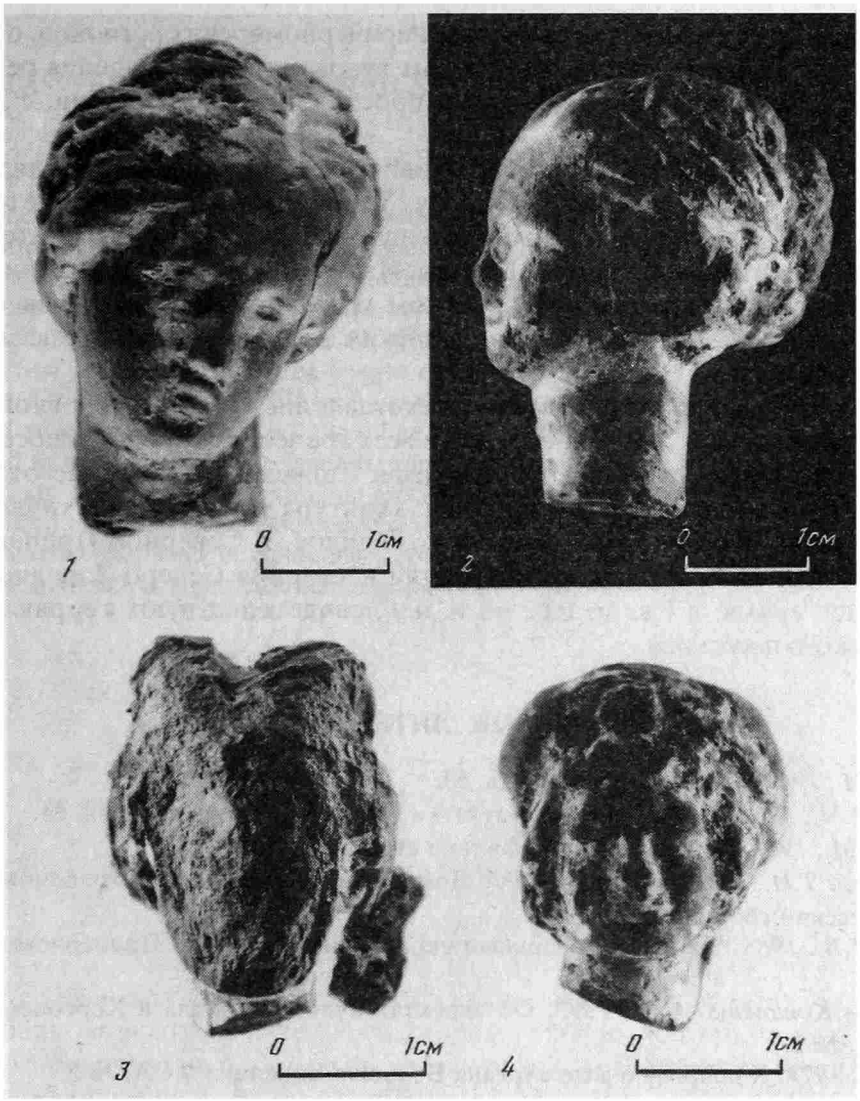


Рис. 9. Женские головки

часто изображались Гера, Деметра или Афина. Однако сказать точно, кого воспроизводила наша статуэтка, трудно, так как нет других атрибутов.

К жанровым следует отнести и фрагменты статуэтки человека с большим животом, правой рукой касающегося какого-то продолговатого предмета на уровне груди (рис. 5, *2*). Из-за правого плеча виден плащ. Высота сохранившейся части – 5,5 см. Статуэтка односторонняя. Гротескные изображения были распространены в греческой коропластике, во всяком случае, с классического времени. Излюбленным сюжетом были актеры в терракотовых масках. Наша статуэтка, как кажется, изображала комедийного актера с театральной маской в руке, которую он держит у лица за конец бороды. Предмет в руке нашего персонажа округлой формы, расширяющийся кверху и сужающийся книзу, продолжавшийся явно выше, – это борода от театральной маски. Подобную иконографическую схему мы имеем, например, на статуэтке из Нимфея (Терракоты..., 1970, ч. II, табл. 28, *10*). Датируется она, правда, ранним временем – V в. до н.э., но известны изображения актеров и в эллинистической коропластике и их связывают с дионисийскими культами.

Рассмотренные статуэтки позволяют сделать ряд выводов относительно культуры поселений херсонесской хоры.

Прежде всего, находки терракот, аналогичных чайкинским, свидетельствуют о тес-

ных экономических и культовых связях всех причерноморских регионов, о связи малых поселений с крупными центрами, из которых художественные изделия ремесла поступали. Для нашего поселения такие связи прослеживаются особенно с Херсонесом, Керкинитидой и Ольвией.

Материалы коропластики позволяют говорить о религиозных взглядах широких слоев населения в эллинистическую эпоху. Терракоты "Чайки" свидетельствуют о главенствующей роли женских божеств, олицетворяющих производительные силы природы. Это Деметра, Афродита и Кибела. Из мужских божеств особенно почитался Геракл. О культе Геракла в Херсонесском государстве хорошо известно (Попова Е.А., Коваленко С.А., 1997). С дионисийским культом, видимо, связана статуэтка актера.

Благодаря коропластике мы имеем представление о быте греческого населения херсонесских поселений. Жители его, как и всех греческих городов и поселений, украшали свои дома терракотовыми статуэтками. Сюжеты их также не отличаются от других греческих центров. Таким образом, культура греческого античного мира и в эпоху эллинизма представляла собой нечто единое, и Северное Причерноморье не было исключением. О сильной эллинизации населения Северо-Западного Крыма в более позднее время, в I в. до н.э. – I в. н.э., свидетельствуют терракоты из слоев позднескифского поселения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бритова Н.Н., 1969. Греческая терракота. М.

Кобылина М.М., 1961. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.

Колобова К.М., 1961. Древний город Афины и его памятники. Л.

Костромичева Т.И., Шевченко А.В., 1996. Домашнее святилище на Страбоновом Херсонесе // Херсонесский сборник. Вып. VII.

Мирошина Т.В., 1983. Греческие головные украшения Северного Причерноморья // КСИА. Вып. 174.

Попова Е.А., Коваленко С.А., 1997. Об аспектах культа Геракла в Херсонесском государстве // РА. № 2.

Пругло В.И., 1974. К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. № 3.

Русяева А.С., 1979. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев.

Русяева А.С., 1982. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н.э.). Киев.

Соколов Г.И., 1973. Античное Причерноморье. Л.

Сокольский Н.И., 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.

Терракотовые статуэтки. Пантикапей, 1974 // САИ. Вып. Г 1–11. Ч. III.

Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров, 1974 // САИ. Вып. Г 1–11. Ч. IV.

Терракоты Северного Причерноморья, 1970 // САИ. Вып. Г 1–11. Ч. I–II.

Финогенова С.И., 1992. Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет // Археология и искусство Боспора. Сообщ. Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Вып. 10.

Щеглов А.Н., 1976. Полис и хора. Симферополь.

Higgins R.A., 1954. Catalogue of the terracottas in the department of Greek and Roman antiquities British Museum. London.

Higgins R.A., 1967. Greek terracottas. London.

Lexicon iconographicum mythologie classical, 1988–1990.

Mollard-Besques S., 1954. Musee national du Louvre. Catalogue raisonn des figurines et relief en terre cuit grecs, etrusques et romains. T. I. Paris.

Московский государственный университет

E.A. POPOVA

TERRACOTTAS FROM THE FORTIFIED SETTLEMENT OF CHAIKA IN EUPATORIA

Summary

At present the terracottas originating from North Pontic area have been studied in somewhat limited scale, so presented publication of terracottas' series from Chaika settlement located within the modern city of Eupatoria seems to be important. The settlement entered Khersones khora beginning from the mid 4th up to the 2nd centuries B.C., while by the late 2nd century B.C. it belonged to the so-called late Scythians. The figurines from Chaika may be divided into two groups in accordance to the subjects displayed. The first group consists of the images of deities and mythological personages. This group includes figurines of Demetra, Aphrodita, and Eros-Iacchus accompanying them, Cybele and Hercules. The statuette of an actor holding a mask should be also ascribed into this group as a part of Dionysus' cult. The second group is comprised to genre figurines represented by women's images of Tanagra type. Votive objects are represented by miniatur terracotta altar. Terracotta figurines found at Chaika settlement are dated mainly to Hellenistic period. Two figurines are dated from the 1st century B.C. – 1st century A.D., these are the image of Aphrodita accompanyied by a dolphin, and miniature altar. Both are interpreted as the evidence of significant hellenization of the local late Scythian population.

В.И. МОРДВИНЦЕВА

НАБОР СЕРЕБРЯНОЙ ПОСУДЫ ИЗ САРМАТСКОГО МОГИЛЬНИКА ЖУТОВО

Курган 28 могильника Жутово – памятник, раскопки которого стали открытием в сарматской археологии 60-х годов. Наряду с не менее богатым "Садовым" курганом этот комплекс прочно вошел в число наиболее известных погребений сарматской знати первых веков н.э. Ни одна серьезная статья или монография, затрагивающая проблемы формирования и этнического содержания среднесарматской культуры, не обходится без ссылок на материалы из 28-го жутовского кургана, которые, однако, ни разу полностью не публиковались. Могила относится к числу среднесарматских и датируется В.П. Шиловым первой половиной I в. н.э. (Шилов В.П., 1973, с. 62). Серебряная посуда из этого комплекса была издана в сжатом виде с общей фотографией находок в книге В.П. Шилова (Шилов В.П., 1975, с. 150, 151, рис. 58, *1*), в его же специальной статье, но также кратко (Шилов В.П., 1973, с. 60–65, рис. 1), и в каталоге В.В. Кропоткина (Кропоткин В.В., 1970, с. 86, кат. № 729, с. 189, рис. 45, *6–9*). Необходимость более подробной публикации этих вещей давно назрела, поэтому в данной статье я остановлюсь только на импортной металлической посуде, которую имела возможность изучить в фондах Астраханского областного историко-краеведческого музея-заповедника, благодаря любезности его научных сотрудников А. Сумина и Е. Пигарева. Обстоятельства находки и описание всего комплекса я здесь опускаю, поскольку они имеются в уже упоминавшейся статье В.П. Шилова (1973, с. 61, 62).

Серебряные сосуды были найдены у западной стенки могилы. Семь из них были накрыты лежавшим вверх дном серебряным тазом. Поверх таза, на его поддоне, обнаружены кусочки истлевшей ткани. Между серебряными сосудами, под тазом, лежали остатки перегнивших органических веществ.

Таз полусферической формы (АКМ, № 12315)[1] с округлыми плечиками, почти горизонтально отогнутым краем и закругленным дном выкован из серебряного листа (толщина пластины 1,3 мм), доработан на токарном станке, от которого остались следы на внешней части сосуда. Высота таза вместе с поддоном 18 см, диаметр по краю 36,6 см. Вес сосуда 1490 г (рис. 1, *1*). Край его орнаментирован декоративными полосами чеканных рельефных "жемчужин" и "иоников" (рис. 1, *1В*). К плечикам таза были когда-то припаяны две ручки, украшенные каннелюрами и поперечным валиком с полосой "жемчужин". Атташе ручек выполнены в виде рельефных 9-лепестковых пальметт. Они отлиты отдельно, орнамент доработан резцом и пунсоном. Поддон сделан из тонкого кованого серебряного листа (толщина пластины 0,6 мм). Верхний край поддона ровно обрезан. Следов его припоя на тазе не обнаружено. Возможно, они были уничтожены при реставрации сосуда. Не исключено также, что таз ставился на поддон. Для этого в округлом дне таза с внешней стороны была сделана вмятина, в результате чего поверхность его деформировалась и покрылась мелкими трещинами. Орнамент на нижней части поддона – "жемчужины" и "ионики" – выполнен в иной технике, чем декор венчика таза. "Жемчужины" менее рельефны, расплывчаты,

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 99-01-00019.

[1] Номер в хранении Астраханского областного историко-краеведческого музея-заповедника.

© В.И. Мордвинцева, 2000 г.

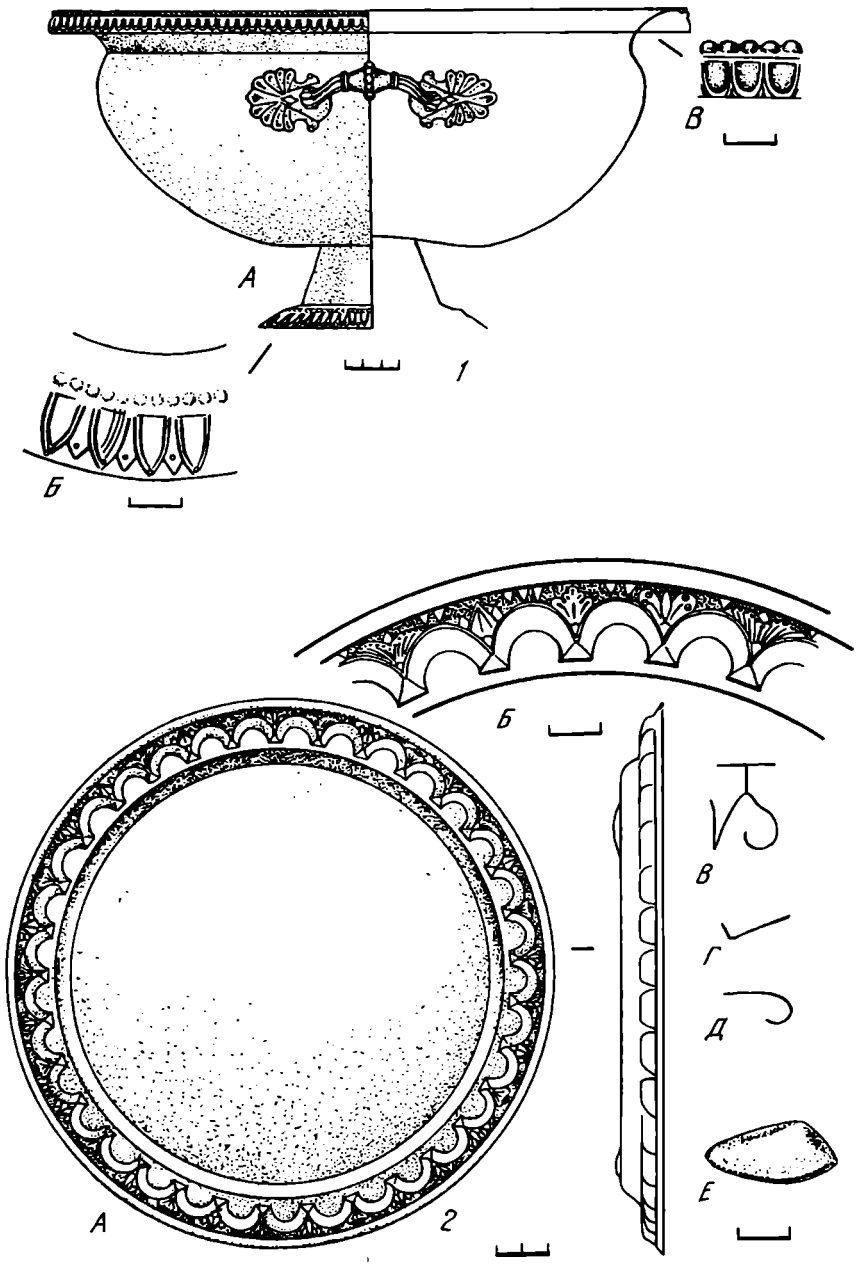


Рис. 1. *1* – таз (*А* – внешний вид сосуда, *Б* – орнамент на поддоне, *В* – орнамент по венчику); *2* – тарелка (*А* – внешний вид и профиль сосуда, *Б* – край сосуда с орнаментом, *В, Г, Д* – тамги, *Е* – подставка)

имеют больший диаметр. "Ионики" выполнены не в рельефе – с лицевой стороны они прочеканены с помощью особого пунсона (рис. 1, *1Б*). Судя по всему, поддон был изготовлен позже, взамен утраченного, видимо, в другой мастерской.

Серебряная литая тарелка (АКМ, № 12308) со сложнопрофилированным бортиком доработана на токарном станке. Ее диаметр 21,2 см, высота без подставок 1,8 см. Вес 295 г (рис. 1, *2*). По краю тарелки проходит валик, перед которым располагается ряд глубоких фасетообразных вырезов, в месте каждого соединения которых имеется почти вертикальный выступ. Горизонтальная часть бортика, примыкающая к валику, украшена треугольниками, а углы, образованные фасетообразными вырезами – растительным орнаментом (различные варианты изображения листа аканфа). Поле между треугольниками и листьями заполнено мелкими кружками, набитыми пунсоном-трубочкой диаметром 0,4 мм. Остальные детали орнамента выполнены с помощью ме-

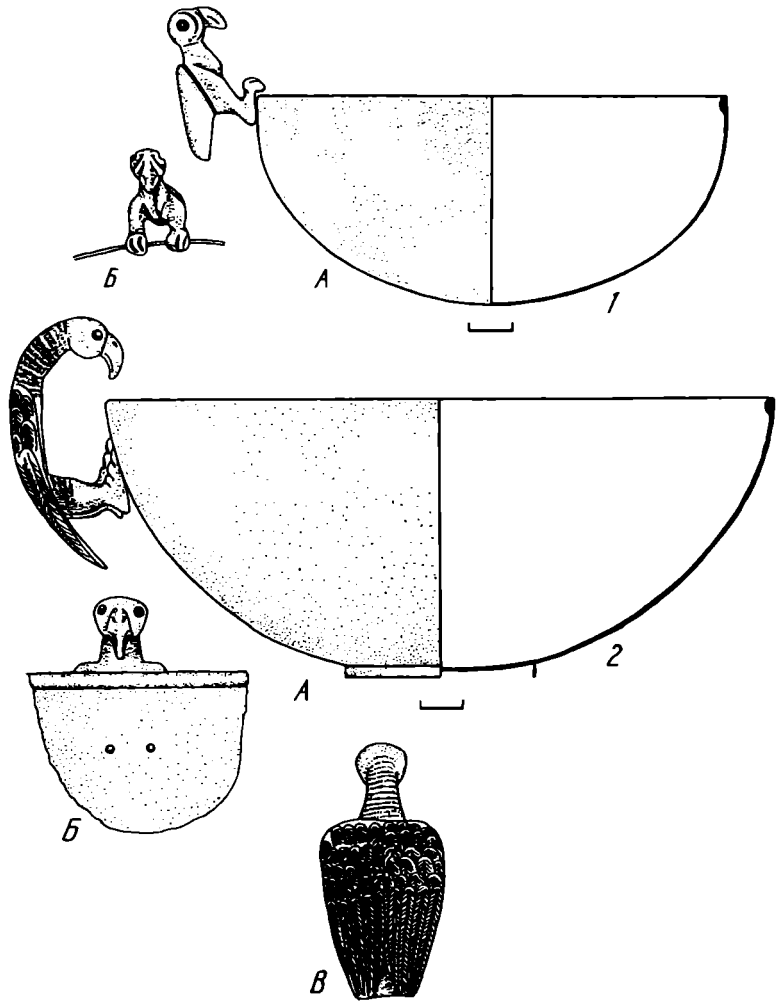


Рис. 2. Полусферические чаши. *1* – одна из парных чаш (*А* – внешний вид сосуда, *Б* – прорисовка ручки); *2* – большая чаша (*А* – внешний вид, *Б*, *В* – прорисовки ручки)

таллического карандаша и пунсонов с закругленным концом, диаметром 1,2 и 0,5 мм (рис. 1, *2Б*). Бортик позолочен горячим способом. С внешней стороны тарелки припаяны три подставки в виде раковин. С одного края подставок расположен ряд мелкого "жемчужника", имитирующего край раковины (рис. 1, *2Е*). На дне тарелки, около одной из подставок, имеются прочерченные знаки. Одни из них – тамга, верхняя часть которой представляет собой прямую линию, к которой примыкает нижняя часть из закрученного внутрь завитка и линии с отростком, загнутым наружу под острым углом (рис. 1, *2В*). Другие два знака[2] проще: линия, согнутая под прямым углом (рис. 1, *2Г*) и завиток (рис. 1, *2Д*).

На тарелке вверх дном лежали две небольших чаши с ручками в виде птицы (АКМ, № 12311; 12312). Они изготовлены из кованого серебряного листа. Край листа загнут внутрь, зашлифован и образует выпуклый неравномерный валик. Поверхность сосудов носит следы доработки на токарном станке, однако край и бока у них неровные. Диаметр по верху 10,9 см, высота 4,8 см, вес 103,3 и 111,4 г (рис. 2, *1*, *2*). С одного бока к каждой чаше припаяна литая фигурка хищной птицы (орла?), одна из них держится когтями за край сосуда (рис. 2, *1А*, *Б*). Отдельные части тела птицы пе-

[2] Наблюдение Е.М. Пигарева, обратившего мое внимание на эти знаки, за что приношу ему свою благодарность.

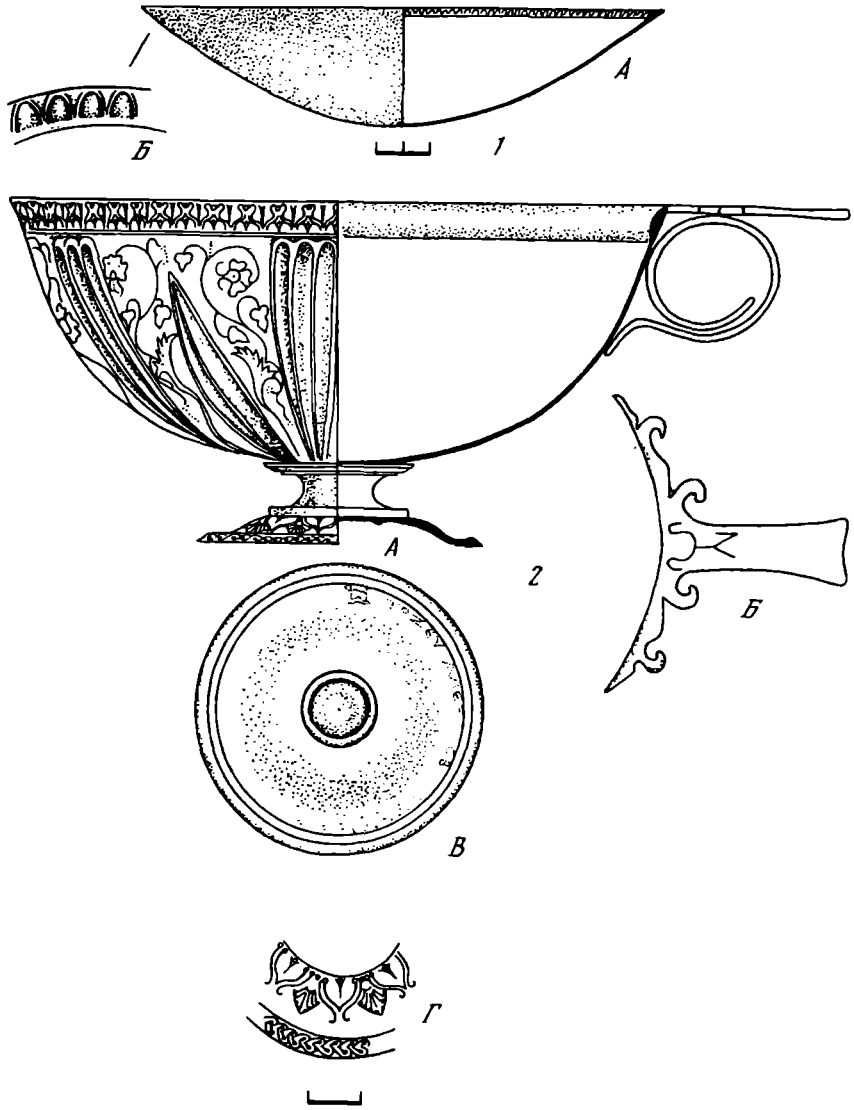


Рис. 3. *1* – чаша (*А* – внешний вид сосуда, *Б* – прорисовка орнамента по венчику); *2* – кубок (*А* – внешний вид, *Б* – атташе ручки, вид сверху, *В* – поддон, *Г* – орнамент на ножке)

реданы предельно скупо с помощью линий, нанесенных резцом. Глаза моделированы в виде глубоких круглых отверстий. В одном из них сохранилась круглая вставка темно-зеленого прозрачного стекла.

Под одной из чаш (АКМ, № 12311) лежал серебряный литой кубок на поддоне с фигурной боковой ручкой (АКМ, № 12313). Следы припоя второй ручки на сосуде не обнаружены. Высота его вместе с поддоном 6,6 см, диаметр по краю 12,7 см (рис. 3, *2*). Край кубка оформлен в виде валика, сосуд доработан на токарном станке. По краю чаши, с внешней стороны, располагается полоса лесбийского киматия, ограниченная снизу круговой прочерченной линией. Орнамент на корпусе сосуда состоит из шести повторяющихся раппортов: между полосами с тремя каннелюрами расположен узкий лист лотоса с прожилкой, ограниченной с обеих сторон прочерченными линиями. По обе стороны от листа лотоса помещено по аканфовой ветви с листьями и цветами, выполненной с помощью металлического карандаша. Сбоку к чаше припаяна фигурная ручка. Она состоит из двух спаянных друг с другом частей. Нижняя часть свернута в виде кольца в 1,5 оборота из узкой серебряной пластины. Верхняя плоская горизонтальная часть, примыкающая к краю сосуда, украшена завитками. Сверху на ручке, ближе к краю чаши, тонким острием нанесена тамга. К округлому дну чаши

припаяна фигурная ножка с профилированным, вогнутым дном, на котором имеются кольцевые валики. Ножка литая, доработана на токарном станке. По краю ножки, на внешней части, проходит полоса "плетенки" и, ближе к ножке, ряд чеканного лесбийского киматия, чередующийся с пальметтами. Орнамент доработан резцом, круглым пунсоном и пунсоном-трубочкой. На дне ножки имеются греческая надпись "ΤΟΞΕΥ ΑΛΕΞ" и две монограммы, нанесенные точечными наколами.

Под второй чашей с ручкой в виде птицы (АКМ, № 12312) стоял серебряный литой канфар (АКМ, № 12314). Край его образует выпуклый валик. Сосуд был доработан на токарном станке. Диаметр сосуда по краю 8,8 см, высота вместе с поддоном 5,6 см, вес 271,3 г (рис. 4). С боков к канфару припаяны фигурные ручки, состоящие из трех частей: верхней фигурной пластины; свернутого из кованой полосы полукольца, с внешней стороны которого напаян серебряный листок; поддерживающего полукольцо атташе в виде листа плюща. На верхней пластине изображены головы птиц с длинными клювами (цапли). Мелкие перья на них показаны с помощью тонких прямых насечек, клюв разделен полосой из точечных наколов. Между птичьими головами располагается цветок лотоса, показанный с помощью прочерченных линий. Ко дну канфара припаяна низкая кольцевая подставка. На внешней поверхности дна сосуда имеются рельефные валики.

Под тарелкой (рис. 1; 2) вверх дном лежала неглубокая, сегментовидная в профиль серебряная литая чаша (АКМ, № 12309), край которой образует выпуклый валик. Диаметр сосуда 20,4 см, высота 4,6 см, вес 350 г (рис. 3, *1*). По краю чаши, изнутри, оттиснуты "ионики", подчеркнутые резцом.

Под этим сосудом обнаружена полусферическая серебряная литая чаша с ручкой в виде орла (АКМ, № 12310). Она доработана на токарном станке. Внутренний край образует четкий выпуклый валик. В отличие от маленьких чаш (рис. 2, *1*) этот сосуд имеет идеально ровную поверхность. Диаметр его 15,5 см, высота 6,4 см, вес 265,9 г (рис. 2, *2*). С одного бока к чаше с помощью двух заклепок крепилась отлитая отдельно фигурка орла. Данное изображение более тонкой работы, чем грубые фигурки птиц, припаянные к маленьким чашам. Шея и ноги птицы покрыты тонкими прямыми черточками. Лапы трехпалые, на них имеются насечки. Крылья покрыты перьями двух видов – длинными и короткими, внутренняя поверхность которых разделена прочерченной линией и покрыта косыми черточками. В круглых, глубоких отверстиях для глаз когда-то, видимо, были вставки. На загнутом клюве резцом подчеркнуты детали. Ко дну чаши припаян серебряный поддон, сделанный из согнутой в кольцо полосы, концы которой спаяны между собой. На дне чаши тонко процарапан знак "Δ".

Набор серебряной посуды, найденный в жутовском погребении, вряд ли был сервизом для вина, как полагал В.П. Шилов, считавший изготовление большинства сосудов южноиталийским (Шилов В.П., 1973, с. 63; 1975, с. 165). Наборы для вина предполагали несколько иной состав сосудов, куда обязательно входили черпаки, ситечки, кувшины и другие предметы. К тому же особенности техники изготовления и стилистические нюансы также не позволяют отнести найденные в могиле серебряные вещи к одному сервизу. Возможно, они и служили в качестве такового своему последнему владельцу, но не были сервизом в античном понимании этого термина. Они были изготовлены в различных частях античного мира и в разное время.

Таз с фигурными ручками (рис. 1, *1*) относится, по классификации Г. Эггерса, к типу 96, время бытования которого определяется периодом B1 – первой половиной I в. н.э. (Eggers H.J., 1951, B. 37). Местом производства таза скорее всего были италийские мастерские. Близкие аналогии ему имеются в богатых сарматских погребениях 13-го Багаевского и 3-го Соколовского курганов (Raev B.A., 1986, pl. 12, 13). С жутовским экземпляром их сближает техника изготовления, форма сосуда, орнамент по венчику, форма и элементы декора ручек (каннелюры, вертикальный поясок из шишечек). Оба донских сосуда найдены без поддонов, хотя наличие таковых предполагается (Raev B.A., 1986, p. 18). Их отличие от таза из Жутово состоит в том, что они изготовлены из бронзы, их профиль имеет более резко очерченную форму (ребро по плечикам),

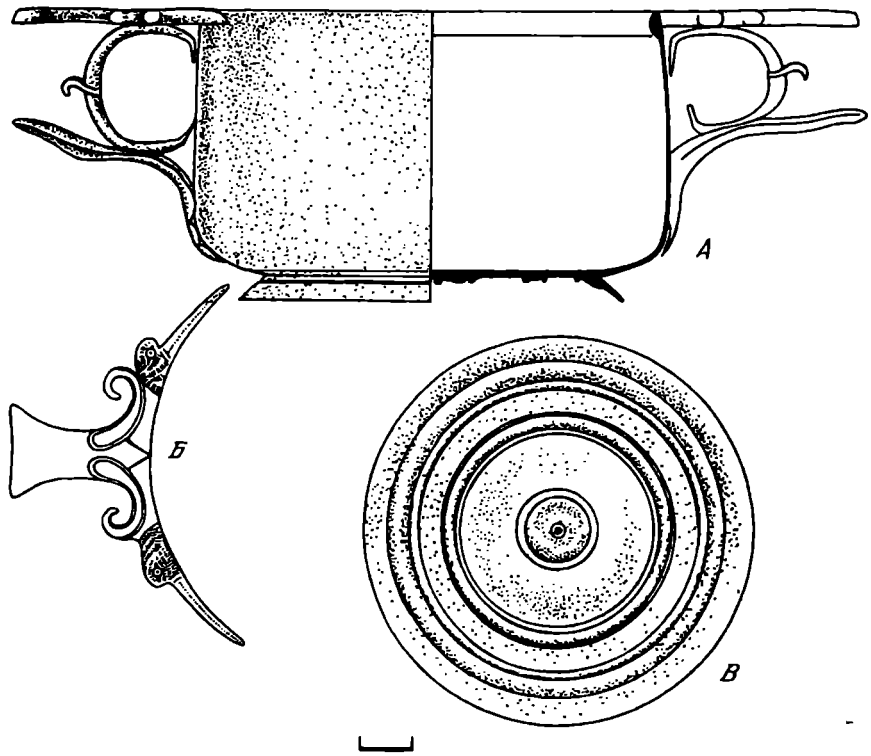


Рис. 4. Канфар (*А* – внешний вид, *Б* – прорисовка орнамента на атташе, *В* – поддон)

атташе ручек выполнены в виде человеческих ладоней. Наиболее точные аналогии жутовскому сосуду и ручкам с атташами в виде пальметт имеются в Помпеях (Tassinari S., 1993, s. 384, № 8214, s. 399, № 5025, s. 417, № 13239, s. 438, № 12099A, s. 440, № 12416). С. Тассинари выделила такие тазы в тип S2122 (Tassinari S., 1993, s. 90, 91, tav. S). Декор, присутствующий на поддонах большинства из них, выполнен в том же стиле, что и венчик, а также атташе ручек. Это отличает их от орнамента, прочеканенного на подставке жутовского экземпляра, что подтверждает высказанную выше точку зрения о позднейшем добавлении этого поддона взамен утерянного. Местом изготовления поддона, судя по декору, известному в Северном Причерноморье с эпохи эллинизма, был, видимо, Боспор.

Точная аналогия серебряному литому канфару происходит из сарматского кургана "Хохлач" (Raev B.A., 1986, pl. 11). Эти сосуды относятся к типу Eggers-169 и автором этой классификации датируются в Европе в рамках периода С, т.е. не ранее второй половины II в. н.э. (Eggers H.J., 1951, № 1966). Однако, по мнению Б.А. Раева, дата подобных канфаров была завышена Г. Эггерсом (Raev B.A., 1986, p. 16). Богато орнаментированные серебряные канфары известны уже в комплексах I в. до н.э. (Strong D.E., 1966, p. 134). Особенно пышным декором отличается пара канфаров из Хоби (Дания) I–II вв. н.э. (Künzl E., 1988, S. 571, № 397). По мнению Д. Стронга, такие сосуды производились в основном в восточных провинциях Римской империи (Strong D.E., 1966, p. 137).

Низкие чаши сегментовидного профиля, подобные найденной в Жутово (рис. 3, *1*), были широко известны в эпоху позднего эллинизма, преимущественно на эллинистическом Востоке (Wilkinson Ch.K., 1949, p. 197; Pfrommer M., 1993, № 1–18). Однако декор чаши, совершенно идентичный орнаменту венчика таза, свидетельствует скорее всего о том, что оба сосуда были сделаны в одном производственном центре, т.е. в южной Италии.

Очень интересен кубок на высокой ножке (рис. 3, *2*). Основу его составляет полусферическая чаша, стиль оформления которой близок так называемым "мегарским"

чашам, особенно широко популярным в период позднего эллинизма. Сочетание полос каннелюров и растительного орнамента нанесенного металлическим карандашом, а также чеканный орнамент венчика и ножки куба, характерны для III–II вв. до н.э. (Максимова М.И., 1979, № 61, 106; Oliver A., 1977, № 21, 22; Macedonians..., 1994, № 279–281). По характеру орнаментации очень близка жутовскому кубку чаша из Нихаванда (Иран), хранящаяся в Берлине, и аналогичный ей сосуд из Музея средиземноморских и ближневосточных древностей Стокгольма (Oliver A., 1977, № 41, 42). Оба сосуда датируются А. Оливером второй половиной II в. до н.э. Видимо, к этому же времени следует отнести и время изготовления кубка из Жутово.

На кубке имеются прочерченные греческая надпись и различные знаки. Мне не известна полная аналогия тамге, выгравированной на ручке сосуда. Наиболее близки этому знаку тамги, состоящие из разомкнутого кольца с загнутыми наружу краями, к которому примыкают усики. Такие знаки обнаружены на памятниках первых веков новой эры в Северном Причерноморье (Соломоник Э.И., 1959, № 75, 216) и на монетах Хорезма I в. до н.э. – I в. н.э. и более позднего времени (Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А., 1976, с. 73, табл. II, *7–9*). Греческую надпись, нанесенную изнутри на бортик поддона, можно интерпретировать как "защита от стрел" или "защищай от стрел" (от ΤΟΞΕΥΜΑ – пущенное из лука, стрела; ΑΛΕΞΩ – защищать, отражать[3]). Знак, помещенный слева от надписи, видимо, является монограммой мастера. Знаки такой же схемы встречаются на керамической таре в Северном Причерноморье (Кац В.И., 1994, табл. XXXV, 1–80, 10). Абсолютная хронология этих клейм определяется В.И. Кацем 315–300 гг. до н.э. (Кац В.И., 1994, с. 13. 47, 51, 55, 76). Другой знак – буквы СВ – можно прочитать как число 202 (Guarducci M., 1973, s. 423), вероятно, обозначающее вес сосуда – 147 г, если считать его в оболах.

Сосуды, аналогичные серебряной тарелке (рис. 1, *2*), мне не известны среди художественной посуды, найденной в Европе. Не исключено, что она была изготовлена на эллинистическом Востоке. Растительный орнамент, прочеканенный по бортику, позволяет предположить время ее производства не позднее II–I вв. до н.э. Однако знаки, нанесенные на дно тарелки, относятся к более позднему времени. Я не встречала точных аналогий сложной тамге с прямым основанием и двумя отростками (рис. 1, *2В*). Близкие ей изображения относятся к схеме Аспурга, правившего на Боспоре в 10/11–37/38 гг. н.э. (Драчук В.С., 1975, с. 68, табл. III, *101*; IV, *185*; XIII, *14*; XXXVII, *204, 205*). Тамга, обнаруженная на обороте серебряного блюда из сарматского погребения в Воронежской области (Смирнов А.П., 1940, с. 363–366), также близка жутовской, однако отличается тем, что у нее завиток направлен наружу, а отросток – внутрь. Простым знакам (рис. 1, *2Г–Д*) можно привести множество примеров из памятников Северного Причерноморья – в основном скульптур и архитектурных сооружений римской эпохи (Драчук В.С., 1975, табл. III, *42*, *43*, XX, *7*; XXV, *13*, *14*; XXXVIII, *9*). Хотя они встречаются и в более раннюю эпоху – на вещах савроматской культуры (Драчук В.С., 1975, табл. II, *23–26*, *112*), это не означает, что сарматские знаки эволюционировали от савроматских. Они настолько просты, что предположение прямой связи между ними представляется некорректным.

В отличие от многих других сарматских комплексов, где сосуды были отмечены тамгами, все четыре знака, вырезанные на жутовских сосудах, разные. Интересно, что оба сосуда с тамгами (рис. 1, *2*; 3, *2*), судя по всему, относятся к более раннему времени, чем сами знаки, которые примерно одновременны. Обычно тамги рассматриваются как знаки собственности, малейшее изменение в начертании которых может означать другого владельца. В нашем случае присутствие различных знаков не только на сосудах одного набора, но даже и на одной вещи заставляет задуматься. В.С. Драчук отмечает, что некоторые народы помимо обычного клеймения тамгами собственности ставили с магической целью и знаки другого хозяина – "хозяина-духа",

[3] Благодарю А.Ю. Алексеева за помощь в чтении этой надписи.

и эти знаки мало чем отличались от изображаемых знаков собственности (Драчук В.С., 1975, с. 56). Особые тамги использовались и для обозначения чужих предметов, найденных без клейма. Не исключено, что заклейменные сосуды когда-то были храмовым сокровищем. Богатые приношения богам накапливались в древних святилищах в течение длительного времени. Рассказы античных авторов о сарматских обычаях не оставляют сомнения в том, что в случае военных действий большинство храмов по пути следования их войска безжалостно подвергались разграблению. Может быть именно поэтому один из сосудов и отметили особо несколькими знаками. Различия между знаками на тарелке (рис. 1, *2В*) и кубке (рис. 3, *2Б*) могут быть объяснены наличием разных владельцев, принадлежавших к родственным родам. Вполне вероятно и другое объяснение: они, как и простые знаки, не являются знаками собственности, а имеют магическое назначение, возможно, с целью очищения осквернённого храмового сокровища.

Особый интерес представляют также полусферические чаши с ручками в виде хищной птицы – одна побольше и две поменьше (рис. 2, *1, 2*). Эти сосуды, возможно, когда-то подвешивались к поясу. Хотя одна из чаш снабжена поддоном, но он в действительности не выполняет своей функции, так как тяжелая ручка все равно перевешивает, опрокидывая сосуд. На дне этой чаши процарапан знак "Δ". Нельзя однозначно определить – буква ли это греческого алфавита или тамгообразный знак, точные аналогии которому зафиксированы на монументальных памятниках Северного Причерноморья первых веков н.э. (Драчук В.С., 1975, табл. IX, *599*; XXXIX, *364–366*; XLVI, *111*, *112*). Если же это все-таки греческая буква, она вряд ли относится к весу сосуда, чему не соответствует ее числовое значение – 10. Это могла бы быть монограмма мастера.

Обычай ношения драгоценной чаши на поясе Геродот упоминает у скифов, причем тесно связывает этот сюжет с легендой о происхождении этого народа (Геродот. История, IV, *10*). Не исключено, что подобный обычай существовал и у сарматов. Во всяком случае в погребениях сарматской знати I–II вв. н.э. находки драгоценных чаш с зооморфной ручкой – не редкость. Часть из них имеют форму круглодонного высокого кубка с отогнутым венчиком. Ручка крепится к плечику сосуда и в большинстве случаев оформлена в своеобразном стиле, получившем название "полихромный звериный стиль". Это кубки, найденные в кургане "Хохлач", у станицы Мигулинской, в погребениях у с. Пороги, Высочино (Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991, с. 59, рис. 30) и районного поселка Октябрьский (раскопки Е.П.Мыськова и А.В. Княшко 1995 г., материалы не опубликованы). Другая часть по технике исполнения и стилю близка жутовским экземплярам. Серебряная круглодонная чаша и две ручки в виде фигурок птиц найдены в кургане 18 у станицы Тифлисской (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 32, табл. 31, *298*). Пара серебряных чаш с ручками в виде ушастых грифонов обнаружена в тайнике погребения у с. Бердия (Мордвинцева В.И., Сергацков И.В., 1995, с. 119, рис. 5, *1–2*). Чаши этого типа доработаны на токарном станке и имеют форму полусферы с утолщением по краю венчика. Ручка обычно крепится к краю сосуда и возвышается над ним. Создается впечатление, что птица (на кубках из Жутово) или грифон (на чашах из Бердии) пьют из этого сосуда. Подвесные чаши обоих типов, но сделанные из глины, известны в джетыасарских комплексах (Левина Л.М., 1922, табл. 22, *15*; 25, *20*, *21*). Однако это может свидетельствовать о возможном существовании такой же традиции у племен джетыасарской культуры, но не о месте изготовления наших чаш. Оставив пока в стороне вопрос о месте производства других сосудов, заслуживающий специальной работы, вернемся к чашам из Жутово. Не вызывает сомнения, что большая чаша с фигуркой орла, с одной стороны, и маленькие парные чаши, с другой – сделаны в разных мастерских. Об этом свидетельствуют и более грубая обработка последних (неровный край, приземистые пропорции), и стиль припаянных к краю фигурок птиц. Не исключено, что эта пара – подражание гораздо более изящно выполненной крупной чаше. Что касается последнего сосуда, то стилисти-

чески фигурке орла наиболее близки грифоны чаш из Бердии, уже упоминавшиеся выше. Совпадают даже такие нюансы, как разделка лап животных, трактовка оперенья, клюва и другие детали. Наиболее вероятным мне представляется ближневосточное, возможно, парфянское производство этих сосудов. Сложнее определить место изготовления маленьких чаш. Грубость исполнения как фигурок птиц, так и самих сосудов не позволяет предположить их производство в одном из известных древних художественных центров. Не исключено, что они были сделаны в Северном Причерноморье, но не греком, а варваром. Время изготовления сосудов нельзя установить точно, так как круг близких им аналогий очень узок. Предположительно они были сделаны в I в. н.э.

Из вышеизложенного видно, что набор серебряных сосудов, помещенных в кургане 28 у Жутово формировался в течение длительного периода времени – со II в. до н.э. по I в.н.э. Вещи, вошедшие в его состав, вышли как из южноиталийских мастерских, так и из ближневосточных производственных центров. Посвятительная греческая надпись на одном из сосудов (рис. 3, *2*) наводит на мысль, что он вполне мог входить когда-то в состав храмового сокровища. Возможно, оттуда же происходит и тарелка с фасетообразно вырезанным, богато орнаментированным бортиком (рис. 1, *2*). Это отчасти подтверждают и тамги, найденные на обоих сосудах. Часть вещей, наиболее близкая по дате времени захоронения, могла быть дипломатическим подарком сарматскому вождю. Видимо, это можно отнести к южноиталийским сосудам – таз, канфар, неглубокая сегментовидная чаша (рис. 1, *1*; 3, *1*; 4). Вещи третьей группы в жутовском наборе – подвесные чаши (рис. 2, *1*, *2*) – судя по их семантике, могли быть сделаны специально для сарматов. Таким образом, сосуды, собранные в жутовском погребении, являются набором только в одном смысле: как заупокойная жертва, знак высокого прижизненного статуса погребенного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А., 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. "Золотое кладбище" Римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Драчук В.С., 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев.

Кац В.И., 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов.

Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. Вып. Д1-27.

Левина Л.М., 1992. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.

Максимова М.И., 1979. Артюховский курган. Л.

Мордвинцева В.И., Сергацков И.В., 1995. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА. № 4.

Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в.н.э. (погребения знати у с. Пороги). Киев.

Смирнов А.П., 1940. Новый сарматский могильник в Воронежской области // ВДИ. № 3/4.

Соломоник Э.И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Шилов В.П., 1973. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. Вып. 138.

Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.

Eggers H.J., 1951. Der romische Import im freien Germanien. Hamburg.

Guarducci M., 1973. Epigrafia Greca. V. I. Roma.

Kunzl E., 1988. Romanisierung am Rein – Germanische Furstengraber als Dokument des romischen Einflusses nach der gescheiterten Expansionspolitik // Kaiser August und die verlorene Republik. Berlin.

Macedonians. The Northern Greeks and the Era of Alexander the Great, 1994. Athens.

Oliver A., 1977. Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo, Ohio.

Raev B.A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR. International Series. 278.

Pfrommer M., 1993. Metalwork from the Hellenized East. Malibu, California.
Strong D.E., 1966. Greek and Roman Gold and Silver Plate. London.
Tassinari S., 1993. Il Vasellame Bronzeo die Pompei. Roma.
Wilkinson Ch.K., 1949. The Art of the Ancient Near East // The Metropolitan Museum of Art. Bulletin. January. V. VII. № 5.

Волгоградский государственный университет

V.I. MORDVINTSEVA

SILVER VESSELS' ASSEMBLAGE FROM SARMATIAN BARROW MOUND No. 28 OF THE ZHUTOVO CEMETERY

Summary

The excavations of mound No. 28 of the Zhutovo cemetery was a revelation in Sarmatian archaeology of the 60-s. Eight silver vessels were discovered in Sarmatian burial dated from the middle period of that culture, i.e. from the first half of the Ist century A.D. The assemblage was formed during a long period of time – from the 2nd century B.C. up to the Ist century A.D. It included artefacts originating from South Italian workshops, as well as ones from Near Eastern manufacturing centres. Greek inscription on the vessel shown in Fig. 3, *2* implies that once it could pretty well represent a part of temple treasure. Probably, a dish with faceted richly ornamented rim (Fig. 1,2) also originated from the same source. Rich offerings were accumulated in ancient sanctuaries during a long period of time. Ancient authors' information on Sarmatian rites give doubtless evidence that in case of military actions the most of temples situated along the troops' movement were exposed to merciless plunder. Some vessels dated to the period close to the burial's dating possibly constitued a diplomatic gift for some Sarmatian chief. Those are pieces of South Italian origin, such as basin, kantharos, and shallow bowl (Figs. 1, *1*; 3, *1*; 4). The vessels of the third group of the Zhutovo assemblage – namely, suspended bowls (Figs. 2, *1*, *2*), judging from their profound semantical meaning were probably made specially for the Sarmatians. Therefore, the vessels comprising the Zhutovo assemblage represent a deliberately formed set only as a burial offering and a sign of the dead's high status.

Н.Г. НОВИЧЕНКОВА

ФИБУЛЫ ИЗ СВЯТИЛИЩА У ПЕРЕВАЛА ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО

В Ялтинском историко-литературном музее хранится коллекция фибул (81 экз.), собранная во время исследования в 1981–1993 гг. культурных напластований античного времени в святилище у перевала Гурзуфское Седло, расположенном на Главной гряде Крымских гор. Половина фибул (41 экз.) не имеют следов повреждений, 28 экз. слегка повреждены (чаще всего отсутствует игла застежки), найдено также 12 небольших фрагментов и деталей. Многие фибулы были обнаружены в расстегнутом виде.

При классификации фибул использована типологическая схема, разработанная А.К. Амброзом (1966), с дополнениями Б.Ю. Михлина (1980).

По типам находки группируются следующим образом: эллинистические фибулы-броши; фибулы латенского типа; воинские ("полуримские"); раннеримские; северопричерноморские (лучковые, смычковые, пружинные пластинчатые).

Фибулы – надежный датирующий материал, это одна из основных категорий находок, на которых базируется хронология святилища. Их описание дано в хронологическом порядке.

1. Фибулы-броши эллинистического периода в святилище не обнаружены, но от них имеются две медные пружинные застежки, каждая из которых включает по две иглы (рис. 1, *7*, *8*). Застежки принадлежали брошам II–I вв. до н.э., известным из раскопок Беляусского могильника и других крымских памятников (Михлин Б.Ю., 1980, с. 206, рис. 8, *1*, *2*, *4*; Дашевская О.Д., 1991, с. 37, рис. 65, *3*).

Группа латенских фибул включает 6 экземпляров.

2. Три из них относятся к так называемому неапольскому варианту (рис. 2, *1–3*). Длина находок варьирует от 6,5 до 8,3 см. Бронзовые гладкие проволочные фибулы среднелатенской схемы с завязкой так называемого неапольского варианта, с прогнутой спинкой, многовитковой пружиной, относятся к группе 1, подгруппе 3 по классификации А.К. Амброза. Для них характерны завязка, расположенная ближе к середине или на середине спинки (Амброз А.К., 1966, с. 22, табл. 2, *12*, 3, *5*, *6*), а также наличие железной оси, продетой в пружину (Михлин Б.Ю., 1980, с. 200, рис. 4, *1–3*). В Европе таких фибул нет, они встречаются в Крыму, где датируются в основном I в. до н.э. (Корпусова В.Н., 1983, с. 66, рис. 19, *1*). В мавзолее Неаполя Скифского и в Беляусском могильнике фибулы неапольского варианта появились в конце II в. до н.э. и в датированных комплексах позже третьей четверти I в. до н.э. не встречались (Михлин Б.Ю., Бирюков А.С., 1983, с. 42, рис. 8, *9*). Большинство таких фибул из мавзолея Неаполя Скифского датируется первой половиной I в. до н.э. (Погребова Н.Н., 1961, с. 178). Таким образом, указанная группа фибул датируется в промежутке между концом II и третьей четвертью I в. до н.э., т.е. в основном первой половиной I в. до н.э.

3. Проволочная фибула латенской схемы со свободным концом ножки длиной 5,5 см (рис. 3, *2*) имеет прямоугольной формы корпус, короткую пружину, наружную тетиву. Она напоминает фибулы латенской схемы со свободным концом ножки, у которых спинка проковывалась в пластинку, а приемник имел язычок-выступ. А.К. Амброз и А.И. Фурманская считали подобные фибулы поломанными (Амброз А.К., 1966, с. 21;

© Н.Г. Новиченкова, 2000 г.

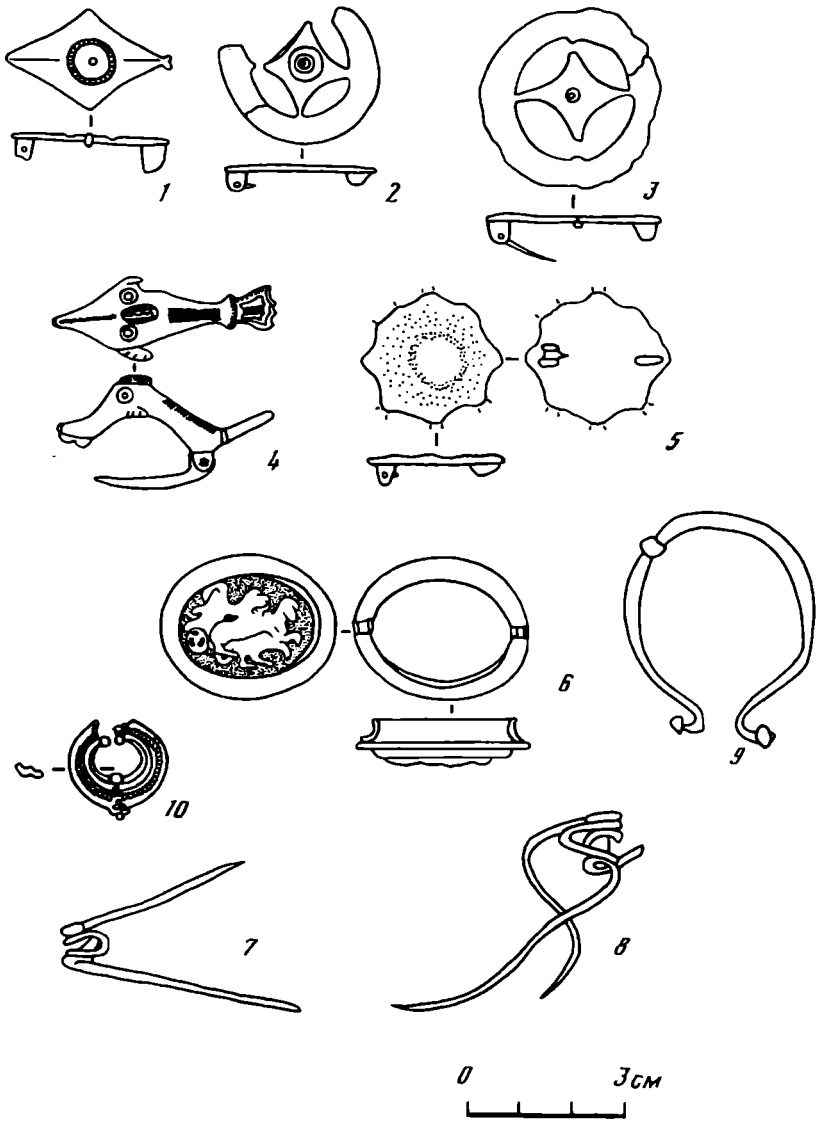


Рис. 1. Бронзовые фибулы-броши (*6* – со стеклянной камеей)

Фурманська А.І., 1953, с. 70, рис. 1, *5–10*). Впервые в отдельный вариант такие фибулы выделил Б.Ю. Михлин на материалах Беляусского могильника, где обнаружено 6 целых и 2 фрагментированных экземпляра фибул со свободным концом ножки. Исследователь датировал их временем не позднее I в. до н.э., но допускал и более раннюю дату – конец II – начало I вв. до н.э. (Михлин Б.Ю., 1980, с. 195, рис. 1, *7*).

4. Две бронзовые гладкие проволочные пружинные фибулы среднелатенской схемы с прогнутой ножкой, угловато изогнутой спинкой, узкой пружиной и треугольно расширенной ножкой имеют длину 7,3 (рис. 3, *1*) и 8 см (рис. 3, *3*), последняя в расстегнутом виде. Фибулы с прогнутой ножкой датируются самым концом I в. до н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 20, табл. 2, *8*). Фибулы с Гурзуфского Седла близки единичному варианту скрепленных фибул 2 группы (Амброз А.К., 1966, с. 22, табл. 2, *13*), а расширенная ножка роднит их с зарубинецкими (Амброз А.К., 1966, с. 13). Наши фибулы занимают промежуточное положение между подгруппами 3 (гладкие проволочные среднелатенские фибулы I в. до н.э.) и 2 (среднелатенские проволочные фибулы с треугольно расширенным концом ножки "зарубинецкого типа" середины I в. до н.э. и рубежа н.э.). Последние существовали в Неаполе Скифском уже во II в. до н.э. (Кухаренко Ю.В., 1959, табл. VIII, *20*; Пачкова С.П., 1988, с. 12; Корпусова В.Н.,

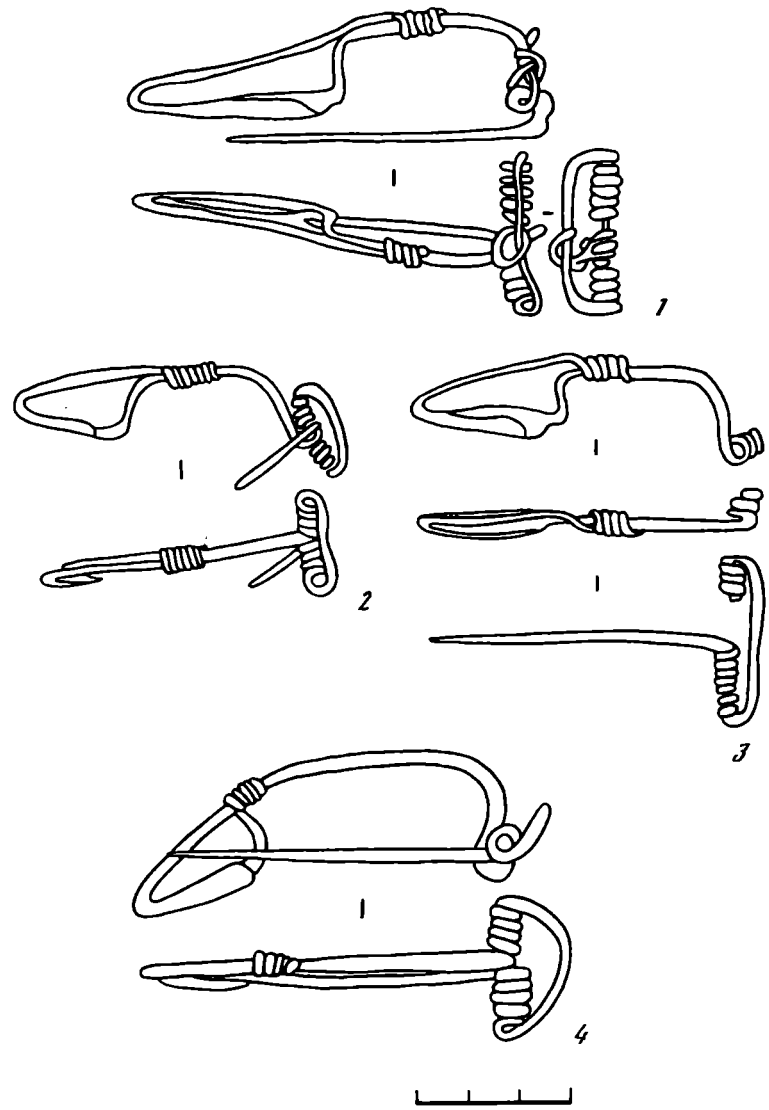


Рис. 2. Фибулы среднелатенской схемы из бронзы (*1–3*) и железная фибула переходного типа (*4*)

1983, с. 66, рис. 19, *2*; Нефедова Е.С., 1991, с. 199). Фибулы с Гурзуфского Седла, вероятно, относятся ко второй половине I в. до н.э.

5. Весьма своеобразной формой отличается железная фибула с восьмивитковой пружиной, наружной тетивой и подвязным приемником, имеющая длину 8,6 см (рис. 2, *4*), которая, видимо, представляет переходный вариант между среднелатенскими и ранними лучковыми фибулами и может быть датирована временем не позднее I в. до н.э.

6. Группа одночленных пружинных "воинских" (или "полуримских") фибул с ленточной или проволочной дужкой (7 экз.) разнообразна по составу (рис. 4). Здесь представлены ранние варианты воинских фибул, имеющих ленточную дужку с плавным расширением. Только у единственной фибулы дужка проволочная (рис. 4, *6*). По А.К. Амброзу, "воинские" фибулы составляют 4 группу, которая датируется концом I в. до н.э. – I в. н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 23; Щукин М.Б., 1989, с. 66, рис. 1, *6*; Вязьмитина М.И., 1972, с. 131, рис. 65, *5*).

Спинка у одной из фибул (длина – 5,8 см) украшена гравированным орнаментом из расположенных в три ряда косых насечек, образующих по продольной оси узор в виде "елочки" (рис. 4, *1*). Другая воинская фибула с прогнутым корпусом, длиной 4,9 см

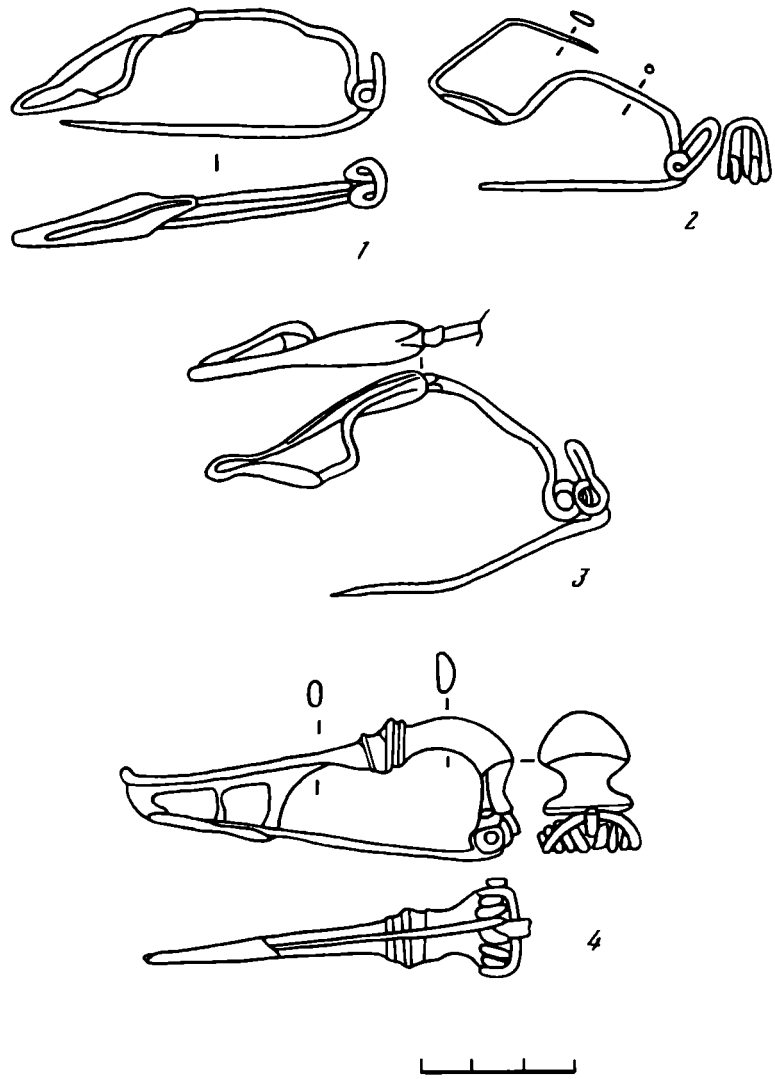


Рис. 3. Бронзовые фибулы единичных типов

(рис. 4, *5*) относится к 4 группе, 2 подгруппе, варианту 5 воинских фибул с прогнутым корпусом и коротким приемником (Амброз А.К., 1966, с. 25, табл. 4, *6*). Широкая спинка сближает эту фибулу с беляусскими, датирующимися концом I в. до н.э. (Михлин Б.Ю., 1980, с. 205, рис. 6, *5*).

Две воинских фибулы с широкой пластинчатой дужкой с двухвитковой пружиной изготовлены из железа. У первой, с прогнутым корпусом (длина 5,5 см) верхняя тетива (рис. 4, *3*), у второй (длина 6,7 см) – нижняя (рис. 4, *4*). Бронзовая фибула с плавно расширенной ленточной дужкой (длина 5,7 см) имеет зазубрины в верхней части узкой ножки (рис. 4, *2*).

Фибула с прогнутым корпусом, проволочной спинкой и узким приемником длиной 4,8 см (рис. 5, *6*), по классификации А.К. Амброза, характерна для конца I в. до н.э. – рубежа н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 24; Shchukin M.B., 1989, p. 28). Очень много таких фибул на территории зарубинецкой культуры (Каспарова К.В., 1977, с. 75, прим. на с. 65, 66). В то же время фибула с Гурзуфского Седла близка по форме железной из Беляусского могильника, которая датируется первой половиной I в. н.э. (Михлин Б.Ю., 1980, с. 205, рис. 6, *1*).

Самая маленькая бронзовая фибула, имеющая пластинчатую спинку (рис. 4, *7*), длиной 4,3, близка другой фибуле Беляуса (Михлин Б.Ю., 1980, с. 205, рис. 1, *1*), хотя для Западного Крыма находки фибул с пластинчатой, плавно расширенной спинкой в

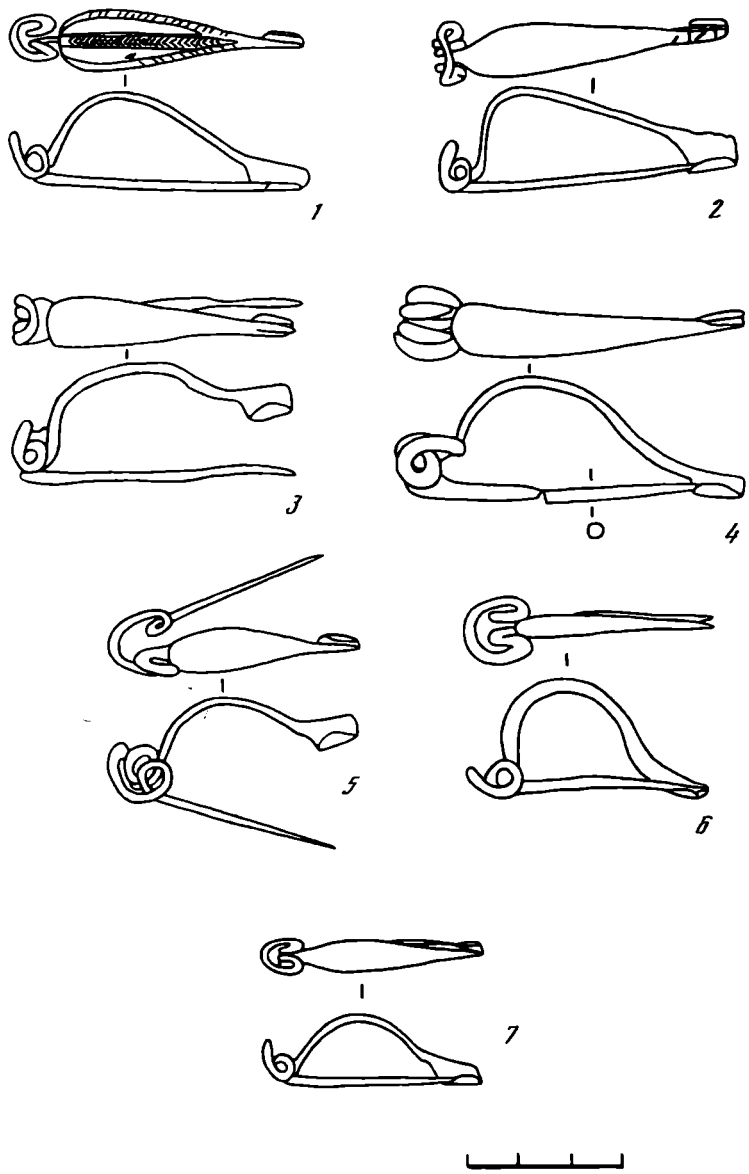


Рис. 4. Различные варианты "воинских" фибул (*1*, *2*, *5–7* – из бронзы; *3*, *4* – из железа)

общем не характерны. Два изделия близкого типа найдены в мавзолее Неаполя Скифского, где они относятся к концу I в. до н.э. (Погребова Н.Н., 1961, с. 177, рис. 3, *4*; 26, *3*).

Аналогии воинским фибулам с пластинчатой расширенной спинкой, выделяющимся в святилище в отдельную группу, есть в Югославии и Румынии, где они датируются 80 г. до н.э. – 15 г. н.э. К концу I в. до н.э. или началу I в. н.э. воинские фибулы из некрополя Заозерное относит Е.С. Нефедова (1991, с. 200, рис. 2, *2*). В Беляусском могильнике три воинских фибулы найдены в погребениях I в. до н.э. (Михлин Б.Ю., 1980, с. 205, рис. 6, *5*). На материалах памятников зарубинецкой культуры их датировка тоже удревнена до второй половины I в. до н.э. (Максимов Е.В., 1986, с. 31) или I в. до н.э., не позднее первых десятилетий н.э. (Каспарова К.В., 1976, с. 138; 1977, с. 75). Фибулы святилища у перевала Гурзуфское Седло, входящие в эту группу, также представляется приемлемым датировать I в. до н.э. – рубежом н.э., учитывая множество сопутствующих находок монет и других датирующих вещей этого времени в слоях памятника.

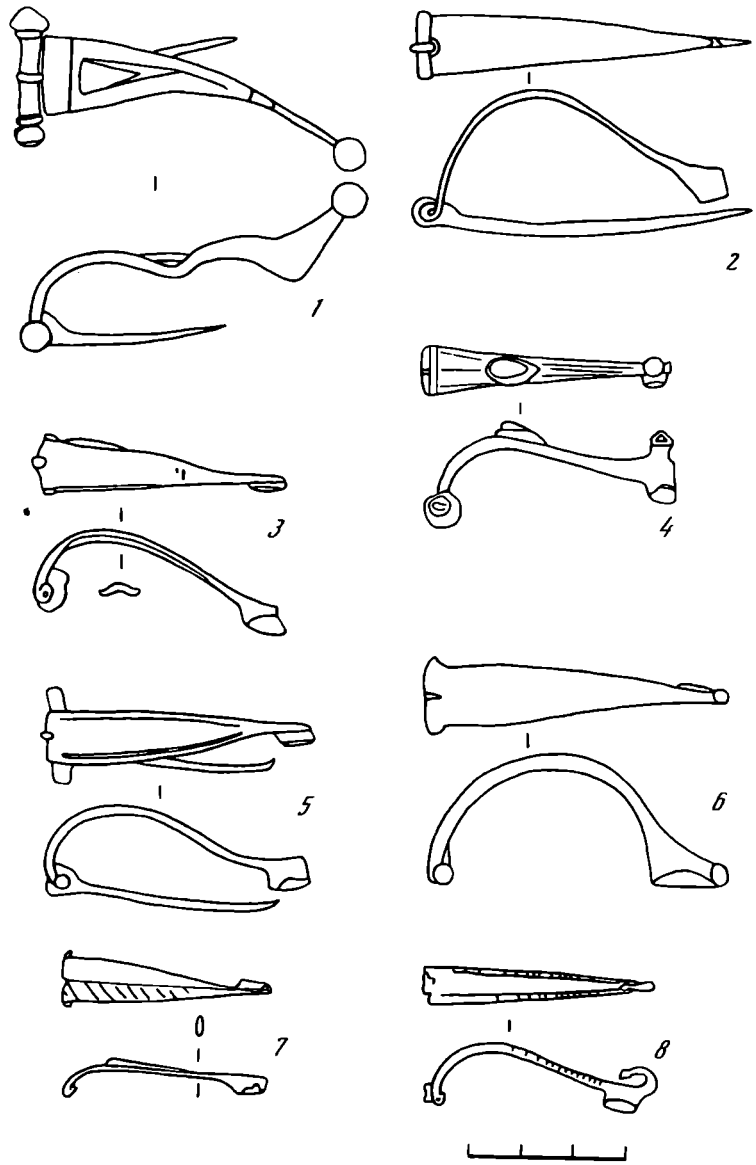


Рис. 5. Различные типы шарнирных дуговидных фибул (*1*, *5* – из бронзы; *2*, *6* – из железа; *3* – из бронзы и железа; *4* – из золота с гранатовой вставкой; *7*, *8* – из серебра)

В коллекции заметно выделяются фибулы западного происхождения: различные, представленные единичными вариантами, шарнирные дуговидные, а также броши.

7. Сильнопрофилированная бронзовая фибула длиной 7,6 см (рис. 3, *4*) имеет длинный треугольный приемник с двумя прорезями, массивную расширенную головку, валик на дужке, многовитковую пружину и тетиву, пропущенную через кольцо в головке. Фибула близка группе 10, подгруппе 3 (Амброз А.К., 1966, с. 39, табл. 7, *17*), но отличается от приведенных в своде наличием одного, а не двух валиков. Подобные фибулы были распространены в провинциях Паннония, Норикум, Реция с середины I в. до н.э. Для наиболее ранних из них характерен прорезной приемник (Shchukin M.B., 1989, ill. 4, 102). В Восточной Европе фибулы с рамчатым приемником распространились во второй половине I в. до н.э. (Кухаренко Ю.В., 1959). К середине I в. н.э. (к моменту завоевания римлянами Британии) на Западе эти фибулы стали выходить из моды (Habbatt R., 1983, p. 104–107). Дата фибулы с Гурзуфского Седла – вторая половина I в. до н.э. – первая половина I в. н.э. Не исключено, что ее можно сузить до рубежа н.э.

8. У броши, согнутой из стержня неравномерной толщины в форме омеги (размером 3,6 × 4,3 см), на концах расположены конические шишечки (рис. 1, *9*), застежка обломана. Фибулы такой формы под названием "омега" найдены в местах расположения римских военных лагерей в Британии (Окстон, Ноттингемшир), подобные были также широко распространены в Испании, Скандинавии, в центрах латенской культуры. Их датировка затруднена, так как серии имели долгую жизнь. Возможно, это также рубеж I в. до н.э. – I в. н.э. (Habbatt R., 1983, p. 127–133, № 113).

9. Интересна для северопричерноморских древностей группа фибул Алезия (рис. 5, *1–6*), состоящая из 6 экземпляров, для которых характерны шарнирная конструкция, треугольный корпус и узкая ножка. Такова железная фибула (рис. 5, *2*), имеющая длину 6,6 см, близкая находке из кургана I Зубовского хутора. Находки фибул Алезия редки на территории Восточной Европы (они обнаружены в Приднепровье, Поволжье, на Кавказе). До находок на Гурзуфском Седле в Крыму был известен единственный экземпляр Алезии в кургане Ак-Бурун (Шукин М.Б., 1989, с. 68, рис. 3: Скрипкин А.С., 1990, рис. 38, *33*). Тип Алезия бытовал в Восточной Галлии, Северной Италии и Далмации с 52 г. до н.э. до 15 г. н.э. (Щукин М.Б., 1989, с. 64, 65). По конструкции и стилю он близок типу Авцисса, появившемуся позже (Трейстер М.Ю., 1993, с. 99).

Почти "классический" вариант Алезии представляет бронзовая фибула, имеющая треугольную прорезь на спинке и довольно крупный шар на конце треугольного пластинчатого приемника (рис. 5, *1*). Ее длина – 7,3 см. Фибулы Алезии с Гурзуфского Седла датируются второй половиной I в. до н.э. К типу Алезия восходит маленькая серебряная фибула длиной 4 см, которая не находит аналогий в северопричерноморских древностях (рис. 5, *7*). Этому же типу близки еще два экземпляра. Золотая фибула с гранатовой вставкой (рис. 5, *4*), длиной 4,5 см, имела железную иглу, которая обломилась в месте соединения с шарниром (Novičenkova N.G., 1995, s. 127, № 9). У бронзовой фибулы (длиной 5,2 см) в шарнир вставлен железный стержень с выступающими наружу концами, края спинки фибулы подчеркнуты двумя продольными желобками (рис. 5, *5*).

Переходный вариант между Алезией и Авциссой представляет железная фибула с треугольной ленточной дужкой и слабо выделенной кнопкой на конце приемника, длиной 5,8 см (рис. 5, *6*). Вероятная дата – последняя четверть I в. до н.э.

10. Редкую форму имеет маленькая серебряная фибула, длиной 4,5 см (рис. 5, *8*). С Алезией ее сближает треугольная форма корпуса и узкая ножка. На конце сплошного пластинчатого приемника имеется завиток, обычный для маленьких пружинных фибул конца I в. н.э. В Северном Причерноморье серебряные шарнирные фибулы с завитком не известны, а на Западе он имелся только у щипцовых фибул (Амброз А.К., 1966, с. 45).

Группа фибул Авцисса включает 8 экземпляров, 6 из которых относятся к раннему ее варианту.

11. Ранние фибулы Авцисса (рис. 6, *1–5*) находят аналогии в группе 5, среди материалов Пантикапея (Амброз А.К., 1966, с. 26–27, табл. 4, *20*, *21*). Подобные застежки известны в основном в Галлии и Северной Италии, встречаются в Греции, Малой Азии и датируются 20 г. до н.э. – рубежом н.э. (Трейстер М.Ю., 1993, с. 59).

Представляет интерес фибула из жертвенной ямки № 163 (рис. 6, *2*), имевшая небольшую кнопку на конце приемника, который соединяется с дужкой под углом (обнаружена вместе с фрагментом железной кольчуги, денариями Августа и Тиберия). Длина фибулы 4 см. В месте соединения приемника треугольной формы со спинкой имеется перехват в виде двух поперечных валиков. У подобной ей фрагментированной фибулы, приведенной А.К. Амброзом (1966, табл. 5, *2*), конец дужки обломан. Автор относил указанную вещь к пружинным застежкам с кнопкой на конце приемника (хотя не исключено, что она могла быть шарнирной).

12. Меньшее распространение на Гурзуфском Седле получили фибулы Авцисса

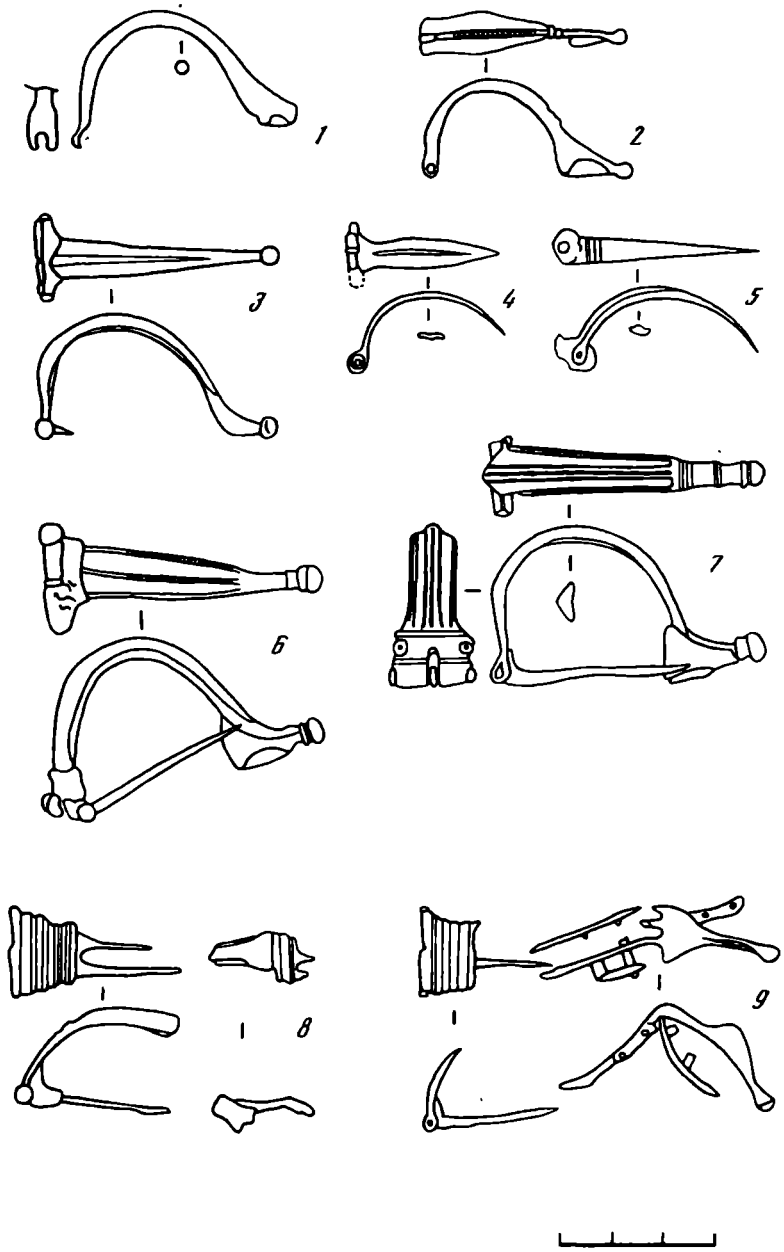


Рис. 6. Бронзовые раннеримские шарнирные дуговидные фибулы

классического варианта – первой половины I в. н.э., подобные распространенным в лагерях, расположенных вдоль римского лимеса (Трейстер М.Ю., 1993, с. 60). Таких фибул в святилище две, длиной 5,4 и 5,3 см (рис. 6, *6*, *7*). Фибулы этого типа в значительном количестве поступали из прирейнских галльских центров в города Северного Причерноморья в первой половине I в. н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 190; Щукин М.В., 1989, с. 65).

Наиболее поздний вариант фибул Авцисса, для которого характерно наличие надписи, в святилище отсутствует.

13. Две сильно фрагментированные бронзовые шарнирные фибулы обнаруживают типологическое сходство (рис. 6, *8*, *9*). Обе имели спинку, разделенную продольными щелями на три полосы. Одна из фибул, возможно, ремонтировалась с помощью заклепок. У нее сохранилось окончание пластинчатого приемника в виде маленькой вытянутой кнопки. По аналогии с другими шарнирными фибулами (Алезия и Авцисса) эти находки могут относиться к концу I в. до н.э. – первой половине I в. н.э.

14. Фибулы с круглым щитком, имеющим прорези (диаметр – 3,1 и 3,3 см), обнаружены в святилище в двух экземплярах (рис. 1, *2, 3*). Такие шарнирные круглые фибулы-броши без эмали с прорезным щитком и шарниром из двух стоек группы 6,2, которые А.К. Амброз датировал второй половиной I – началом II в.н.э., считаются близкими хронологически фибулам типа Авцисса классического варианта (Амброз А.К., 1966, с. 31, табл. 14, *17*). В западных провинциях подобные фибулы были распространены с эпохи Тиберия – Клавдия: в 14–54 гг. н.э., хотя точные аналогии на западе фибулам этого типа не известны. Их немало в раскопках крымских могильников и на азиатской стороне Боспора (Корпусова В.Н., 1983, с. 66, рис. 19, *11*; Сымонович Э.А., 1983, с. 90, табл. XXV, *17–19;* Трейстер М.Ю., 1982, с. 151, рис. 1, *4, 5*; Дашевская О.Д., 1991, с. 37, табл. 6, *11*).

15. Типологически близка предыдущим экземплярам более редкая форма фибулы с ромбовидным щитком, снаружи посеребренным (3,2×2 см), без эмали (рис. 1, *1*). Как и у круглых ажурных брошей, в центре щитка фибулы был продет железный стерженек. С одной стороны на углу ромба сохранились завитки. Изделие относится к группе 8,3 (Амброз А.К., 1966, с. 33, табл. 15, *5*) провинциальных фибул, распространенных в Паннонии и на Рейне во второй половине I – первой половине II в. н.э. Фибула находит аналогии в крымских некрополях (Арсеньева Т.М., 1970, с. 142; Корпусова В.Н., 1983, рис. 19, *4*; Дашевская О.Д., 1991, табл. 65, *8*; Михлин Б.Ю., 1980, с. 209, рис. 9, *4, 5*).

16. Единственным экземпляром представлена фибула-брошь с непрорезным щитком округлой формы, с небольшими выступами по краям, диаметром 2,7 см (рис. 1, *5*). В ее центре сохранился след припоя для крепления утраченной вставки. Она подобна брошам в виде многолепестковой "звездочки", в центре которых имелось гнездо для вставки из стекла. Фибула относится к группе 8,2 (Амброз А.К., 1966, с. 32) и близка единичным экземплярам фибул из некрополя у деревни Ново-Отрадное (Арсеньева Т.М., 1970, с. 143, табл. 11, *10*). Подобные есть в западных провинциях, их дата – I в. н.э., начиная с эпохи Тиберия – Клавдия (14–54 гг.). Обычно их датируют эпохой Клавдия и Нерона (Арсеньева Т.М., 1970, с. 143).

17. Оригинальный образец представляет шарнирная бронзовая фибула в виде дельфина (рис. 1, *4*), длиной 4,3 см. Такая находка в Крыму обнаружена впервые, хотя известна фибула из горного хрусталя, оправленного в позолоченную бронзу, в виде фигурки дельфина, которая происходит из Нагайчинского кургана и датируется I в. до н.э. – I в. н.э. (Gold der Steppe, 1991, S. 325, № 146). По А.К. Амброзу, группа шарнирных провинциальных фибул в форме животных 8,5 в основании датируется II в. н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 34, 35, табл. 15, *14–21*). Для фибулы с Гурзуфского Седла более приемлемой представляется дата не позднее I в. н.э. в связи с ее сходством с изображениями дельфинов на ручках бронзовых сосудов I в. до н.э. – I в. н.э. (Reeder E.W., 1984, p. 78, № 53; Fakler-Feitmans G., 1979, pl. 79. № 192–194).

18. У бронзовой броши овальной формы (размер 3,3×2,7×0,9 см) со стеклянной камеей (рис. 1, *6*) застежка не сохранилась. На тыльной стороне – остатки припаянных по бокам колечек или скоб. Камея из двухцветного стекла темно-фиолетового и молочно-белого цветов изображает Викторию на колеснице. Вставка помещена в овальное углубление. Камеи из двухслойного стекла имеются в коллекции Эрмитажа (Неверов О.Я., 1971, с. 19, 21; Ваулина М.П., 1962, с. 235). Подобная находка обнаружена в херсонесском склепе I–III вв. (Борисова В.В., 1985, с. 197, рис. 6, *7*).

Стеклянные камеи (украшения и сосуды) утвердились в Италии в последней трети I в. до н.э. наряду с первыми выдувными сосудами (Harden D.S., 1987, p. 91; Fisen G.A., 1927, p. 155; Chase G.H., 1950, p. 168). Надо полагать, что к этому времени относится и найденная в святилище брошь.

19. Серебряная с золотой вставкой брошь в форме лунницы, украшенная зернью, отличается мелкими размерами (рис. 1, *10*). Застежка обломилась. Брошь, видимо, входила в один гарнитур с кольцом со скульптурным изображением двух змеиных голов, держащих в разинутых пастях ларец (у обоих изделий напаянный золотой

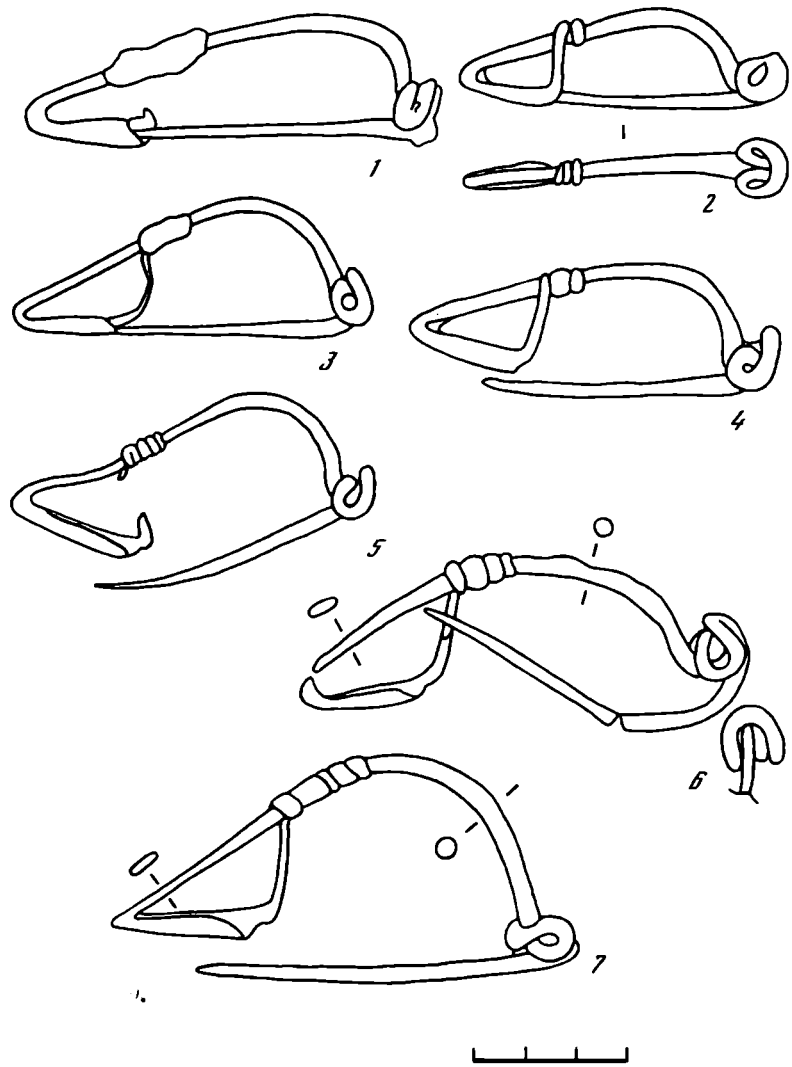


Рис. 7. Подвязные лучковые фибулы из железа

орнамент в виде лунниц и крупных шариков). Думается, можно отнести брошь, как и кольцо, найденное в жертвенной ямке № 173 вместе с монетой Митридата VIII и Гипепирии, – к 30–40-м годам I в. н.э. (или, возможно, ко второй половине I в. н.э.).

Наибольшим числом (26 экз.) в святилище представлены гладкие проволочные фибулы с подвязанным приемником, так называемые лучковые (рис. 7, *1–6*; 8, *1–6*).

20. К серии I, варианту 1 (наиболее раннему) лучковых фибул относится восемнадцать экземпляров: 7 – из бронзы, остальные 11 – из железа (рис. 7, *1–6*). Для данного типа характерны равные по ширине ножка и спинка (Амброз А.К., 1966, с. 48, 49, табл. 9, *3*). Это наиболее ранний вариант лучковых фибул, распространенных в Северном Причерноморье и датирующихся I в. н.э., возможно, первой его половиной. Высказано предположение, что фибулы этого варианта появились в конце I в. до н.э., причем среди ранних особенно были распространены изготовленные из железа (Михлин Б.Ю., 1980, с. 205). Подобные обнаружены в Беляусском могильнике, который прекратил свое существование к концу I в. н.э. Ранние лучковые фибулы с Гурзуфского Седла датируются концом I в. до н.э. – I в. н.э. (скорее первой его половиной).

21. К варианту 2 серии I проволочных одночленных лучковых фибул относится 7 экземпляров из бронзы с расширенной ножкой (рис. 8, *1–6*). Дата – I в. н.э. (видимо, вторая его половина) и, возможно, начало II в. (Амброз А.К., 1966, с. 49).

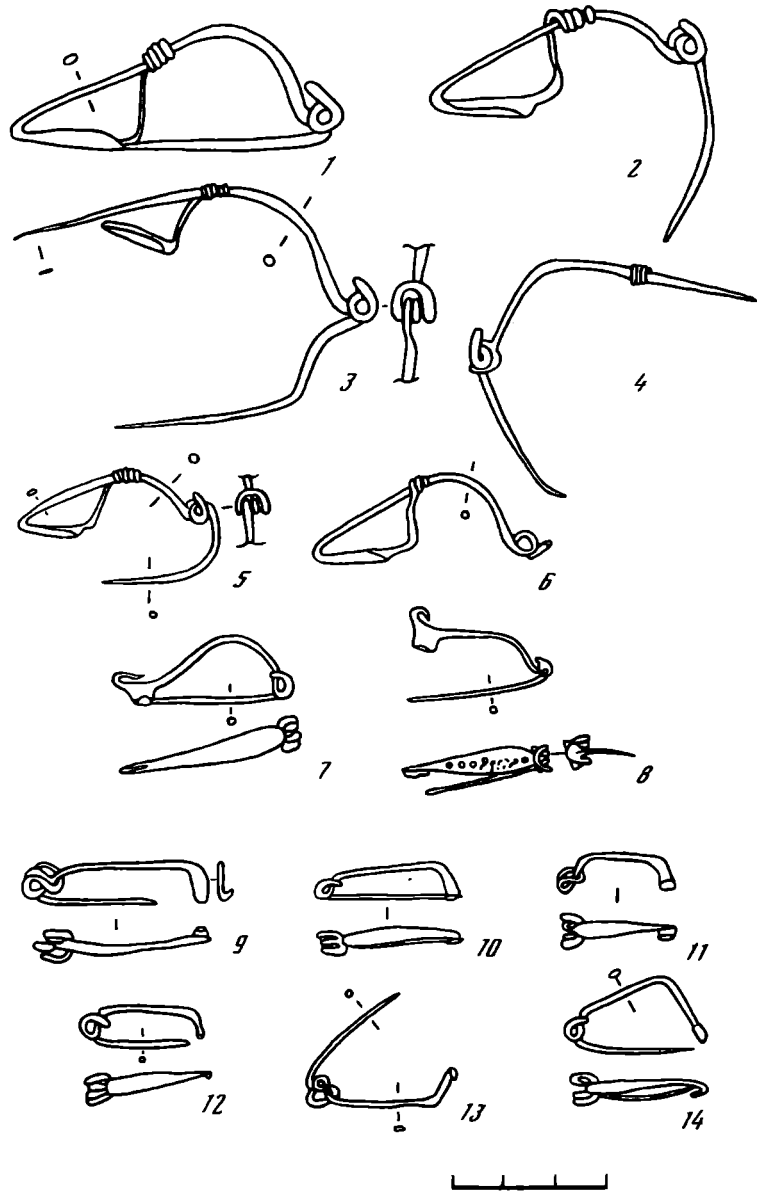


Рис. 8. Различные типы пружинных фибул (*1–6, 9–14* – из бронзы; *7, 8* – из серебра)

22. Две маленькие серебряные фибулы с пластинчатой дужкой и завитком на конце пластинчатого приемника относятся к 13-ой группе, варианту 2. У одной из них, имеющей нижнюю тетиву (рис. 8, *8*), спинка орнаментирована кружками (длина – 2,8 см), у второй, с гладкой спинкой (рис. 8, *7*), тетива пропущена вниз (длина – 3,4 см). Подобной формы фибулы (изготовленные из бронзы) известны в Северном Причерноморье, чаще всего в районе Боспора и датируются I и отчасти II в. н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 45, табл. 5, *4*).

23. Группа смычковых фибул включает 9 экземпляров из бронзы (рис. 8, *9–14*) с двухвитковой пружиной и нижней тетивой. Все они имеют пластинчатую спинку, что характерно для фибул, распространившихся с конца I или начала II в. н.э. Их ареал – Крым (Амброз А.К., 1966, с. 47, табл. 6, *11–14*; Сымонович Э.А., 1983, табл. XXV, *12–16*; Трейстер М.Ю., 1982, с. 157, рис. 5, *1–3*). Обнаруженные в святилище смычковые фибулы датируются концом I–II вв. н.э. Смычковые фибулы с проволочной спинкой, относящиеся к III в. н.э., здесь отсутствуют.

24. Наиболее поздняя и самая крупная находка (длина – 9 см) – железная инкерманская фибула второй половины II–III вв. (рис. 7, *7*).

* * *

Коллекция фибул из святилища на Гурзуфском Седле в целом датируется в пределах с конца II в. до н.э. по II в. н.э. Половина находок представлена импортными экземплярами, а другая – местными северопричерноморскими. Подавляющая часть находок относится ко второй половине I в. до н.э. – I в. н.э. (скорее к первой его половине), т.е. к периоду расцвета памятника, когда в святилище активно поступал импорт.

К концу II – первой половине I в. до н.э. относятся 5 экземпляров фибул (в это время они только начинают входить в употребление в Северном Причерноморье). Ранние находки фибул встречают аналогии на таких крымских памятниках II в. до н.э. – I в. н.э., как мавзолей Неаполя Скифского и Беляусский могильник. Коллекции Гурзуфского Седла и Беляуса сближает наличие не только фибул неапольского варианта (распространенных в Крыму почти повсеместно), но и брошей с двойными иглами, фибул с незакрепленным концом ножки, ранних лучковых из железа, а также воинских фибул. На Гурзуфском Седле представлены ранние варианты воинских фибул I в. до н.э. – рубежа н.э., имевших широкую ленточную спинку с плавным расширением.

Особенность комплекса Гурзуфского Седла – наличие в нем не известных на других крымских памятниках фибул конца I в. до н.э. – начала I в. н.э.: проволочных с гладким корпусом и скрепленным расширенным концом ножки, занимающих промежуточное положение между фибулами латенской схемы со скрепками и фибулами зарубинецкого типа с треугольно расширенным концом ножки, а также проволочной фибулы, представляющей переходный вариант между латенскими и лучковыми фибулами.

Яркое отличие комплекса – явно выраженный импортный его характер (импортные фибулы составляют половину находок). Примечательно присутствие в нем групп раннеримских шарнирных дуговидных фибул второй половины I в. до н.э. – рубежа н.э., характерных для римского военного костюма. Среди римских фибул этого времени выделяются брошь с камеей из стекла, "омега", разные варианты Алезии, сильно профилированная, – редчайшие для территории Крыма находки. Эти свидетельства дают основание утверждать, что римские провинциальные фибулы начали поступать в Северное Причерноморье с середины I в. до н.э. Так как среди них выделяются серии, надо полагать, что в святилище раннеримские фибулы появились в то же время, когда они были распространены на Западе и в восточных провинциях (Новиченкова Н.Г., 1996, с. 8).

Поздние варианты лучковых и смычковые фибулы не нашли на Гурзуфском Седле широкого распространения, что говорит о резком сокращении деятельности святилища во II в. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // САИ. Вып. Д1–30.

Арсеньева Т.М., 1970. Могильник у деревни Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова. МИА. № 155.

Борисова В.В., 1985. Склеп I–III вв. Херсонесского некрополя // СА. № 1.

Ваулина М.П., 1962. Классические и эллинистические элементы в античных камеях Гос. Эрмитажа // Тр. ГИМ. Т. VI.

Вязьмитина М.И., 1972. Золотобалковский могильник. Киев.

Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1–7.

Каспарова К.В., 1976. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры // СА. № 3.
Каспарова К.В., 1977. О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. Вып. 18.
Корпусова В.Н., 1983. Некрополь Золотое. Киев.
Кухаренко Ю.В., 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. № 1.
Максимов Е.В., 1986. Зарубинецкая культура // Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев.
Михлин Б.Ю., 1980. Фибулы Беляусского могильника // СА. № 3.
Михлин Б.Ю., Бирюков А.С., 1983. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев.
Неверов О.Я., 1971. Античные камеи в собрании Гос. Эрмитажа. Л.
Нефедова Е.С., 1991. Фибулы с некоторых памятников западного Крыма // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.
Новиченкова Н.Г., 1996. О римских импортных изделиях из варварского святилища у перевала Гурзуфское Седло // Страницы истории Ялты. I. Дмитриевские чтения. Ялта.
Пачкова С.П., 1988. Фібули зарубинецького типу // Археологія. Вип. 62.
Погребова Н.Н., 1961. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. № 96.
Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
Сымонович Э.А., 1983. Население столицы позднескифского государства. Киев.
Трейстер М.Ю., 1982. Фибулы из Горгиппии // Горгиппия. II. Краснодар.
Трейстер М.Ю., 1993. Римляне в Пантикапее // ВДИ. № 2.
Фурманська А.І. 1953. Фібули з раскопок Ольвії // Археологія. Вип. VIII.
Щукин М.Б., 1989. Фибулы типа Алезия из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА. № 3.
Chase G.H., 1950. Greek and Roman Antiquities. Museum of Fine Arts. A Guide to the Classical Collection. Boston.
Eisen G.A., 1927. Glass, its Origin, History, Chronology, Technic and Classification to the Sixteen century. V. I. New York.
Fakler-Feitmans G., 1979. Les Bronzes Romains de Belgique. Mainz.
Gold der Steppe, 1991. Archäologie der Ukraine. Schleswig.
Habbatt R., 1983. Ancient and Romano-British Brooches. Dorset.
Harden D.B., 1987. Glass of Caesars. Milan.
Novičenkova N.G., 1995. Il santuario del passo di Gurzuf, monument di epoca antica e medievale nei monti di Crimea // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano.
Reeder E.W., 1984. The Archaeological Collection of the John Hopking University. Baltimore; London.
Shchukin M.B., 1989. Rome and Barbarians in Central and Eastern Europe (1st century B.C. – 1st century A.D.) // BAR. 542(5). Part II.

Ялтинский историко-литературный музей

N.G. NOVICHENKOVA

FIBULAE FROM THE SHRINE AT THE GURZUFSKOE SEDLO PASS

Summary

Among the numerous finds dates from the 2nd century B.C. to the 2nd A.D. originating from the shrine located at the Gurzufskoe Sedlo pass 81 specimen of fibulae should be mentioned. Seven of them represent La Tene types, such as Neapolitan ones (Fig. 2, *1–3*); attached ones (Fig. 3, *1, 3*); with non-attached point (Fig. 3, *2*). There are also 7 military fibulae (Fig. 4), 37 North Pontic ones of various types (Figs. 7; 8). The fibulae group of western origin includes 17 items of early Roman ones: of Alesia type (Fig. 5), of Avcissa type (Fig. 6, *1–7*) and others; 7 fibulae-brooches, one of them with glass cameo (Fig. 1, *6*). Among them there are also bronze hinged items (Fig. 1, *1–5*), strongly profiled one (Fig. 3, *4*), and omega-type one (Fig. 1, *9*). The main part of the finds are dated back to the second half of the lst century B.C. – first half of the lst century A.D., when the shrine reached its prime. The late variants of bow-type and fiddle-stick type of fibulae were not widely spread at the site.

К.Ю. ЕФИМОВ

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА "ОЛЕНЬ-КОЛОДЕЗЬ"

Курганный могильник "Олень-Колодезь" расположен на господствующей над окружающей местностью возвышенности четвертой надпойменной террасы левого берега р. Дон в 500 м северо-восточнее с. Олень-Колодезь Каширского района Воронежской области. Впервые он был отмечен на археологической карте Коротоякского уезда Воронежской губернии Л.М. Савеловым в 1902 г. (Савелов Л.М., 1902, карта). В апреле 1996 г. при обследовании зоны строительства автодороги "Воронеж-Нововоронеж" экспедиция Государственной инспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области произвела предварительную глазомерную съемку плана этого могильника и запретила строителям дороги ведение всяких земляных работ в пределах установленной охранной зоны вновь выявленного памятника. Однако в первых числах мая 1996 г. подрядная строительная организация форсировала строительство автодороги, уничтожив при этом шесть курганных насыпей. После предъявления иска ущерб, нанесенный курганной группе, возмещен заказчиком строительства.

При предварительном обследовании курганной группы было зафиксировано 17 компактно расположенных курганных насыпей. Поверхность их (кроме наибольшего кургана 1) подвергалась интенсивной распашке. Высота курганов составляла от 0,4 до 2,5 м, при диаметре соответственно от 16 до 35 м. Две насыпи имели в плане ярко выраженную овальную форму, остальные имели округлые очертания. Раскопками выявлены погребения бронзового века и три захоронения поздних кочевников. В этой публикации мы остановимся на двух наиболее ярких позднекочевнических погребениях золотоордынского времени. Насыпи обоих курганов были полностью уничтожены строителями. Однако предварительно снятый глазомерный план могильника позволил точно определить место расположения большинства подкурганных погребений. Грунтовых погребений в межкурганном пространстве не обнаружено.

Курган 7. Диаметр насыпи 18 м, высота – 0,3 м, в плане округлая. В связи с тем что насыпь кургана разрушена и уровень древней дневной поверхности в данном случае не установлен, все глубины при описании этого захоронения даются от верхней отметки материковой глины.

Заполнение могилы состояло из перемешанной с черноземом материковой глины. В плане могильная яма имела форму неправильного овала размерами 1,55×2,50 м, вытянутого по линии ЮЮЗ–ССВ (рис. 1,*I*). Глубина ее 1,0 м. В процессе расчистки на глубине 0,55–0,60 м выявлена ступенька шириной 0,35 м, располагавшаяся вдоль длинной западной стенки. С этой же глубины фиксировалась верхняя кромка массивного гробовища, сделанного из цельного дуба. Гробовище имело прямоугольную в плане форму и было ориентировано длинными сторонами по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Дно изготовлено из отдельных деревянных досок толщиной не более 2 см. Перекрытие не сохранилось. Лишь на северной торцевой стене гробовища лежал один положенный поперек брусок. Рядом с гробовищем на глубине 0,55 м, в 0,5 м севернее середины восточной стенки обнаружены остатки кожаного предмета очень плохой сохранности. Несколько южнее его на дне ямы лежали в анатомическом порядке кости ноги барана.

© К.Ю. Ефимов, 2000 г.

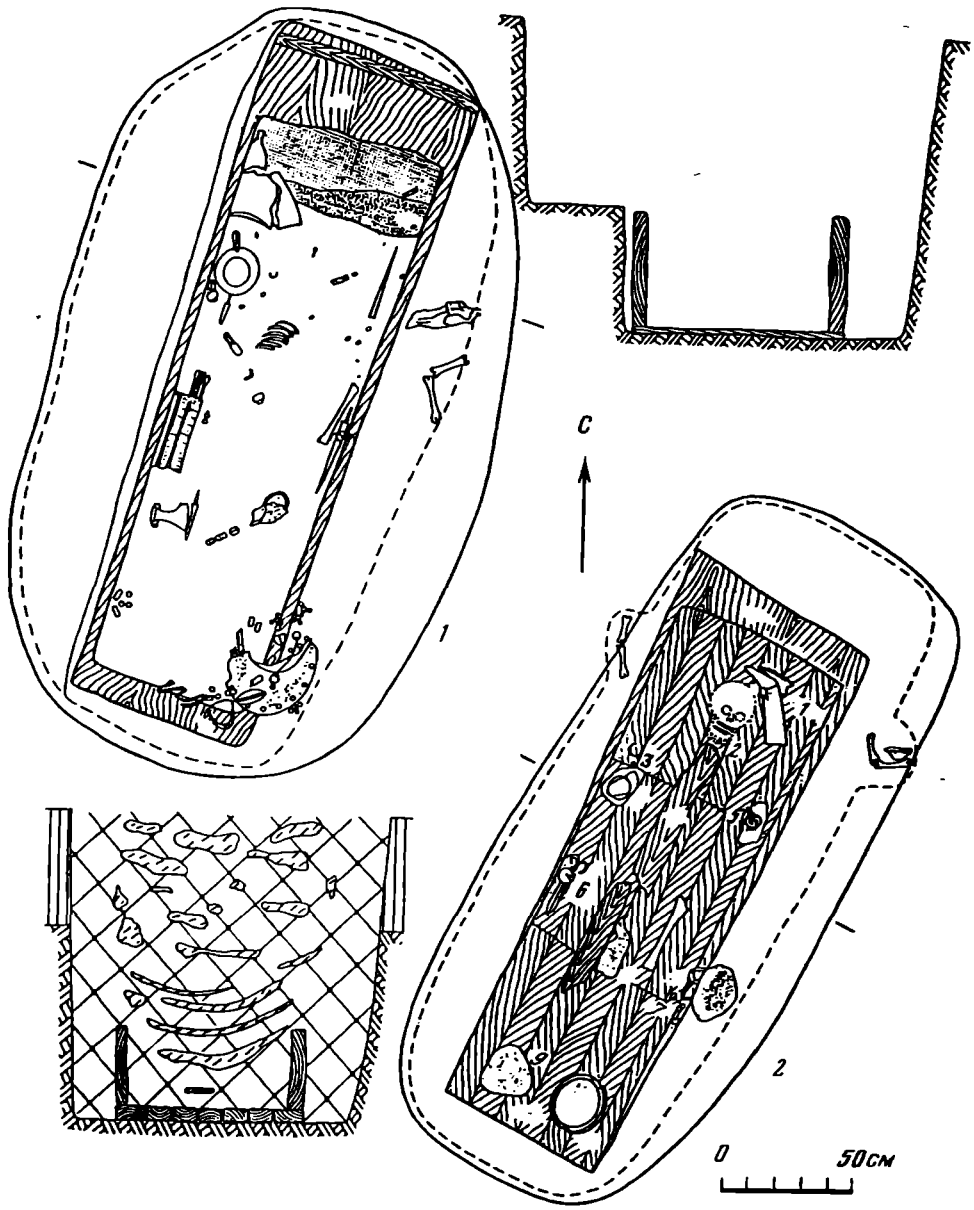


Рис. 1. Планы и разрезы погребений: *1* – погребение кургана 7; *2* – погребение кургана 9

На дне гробовища найдены остатки практически полностью истлевшего и сильно разрушенного грызунами скелета взрослого человека. Судя по расположению сохранившихся костей и инвентаря, можно утверждать, что умерший был положен вытянуто, на спине, головой на север.

В северном конце гробовища найдена свернутая в рулон кольчуга. На ее внешней поверхности сохранились остатки материи и циновки, в которую она была завернута. Кольца кольчуги находились в сильно скипевшемся виде, поэтому восстановить ее покрой не удалось (рис. 2, *1*). Диаметр колец кольчуги 12,0 мм, в сечении они овальные размерами 1,5 × 2,0 мм (рис. 2, *1а*). На отдельных экземплярах сохранились следы позолоты.

Рядом с кольчугой лежал железный шлем (рис. 2, *2*). В лицевой части он имеет небольшой козырек. Со стороны висков и затылка к нему прикреплена бармица длиной не более 20 см. В области горла бармица застегивалась железной застежкой (не сохранилась). Диаметр шлема по нижнему краю 20,8 см, высота шлема 25,5 см, толщина стенок 3 мм. Рядом со шлемом в месте, где находился череп, на дне гро-

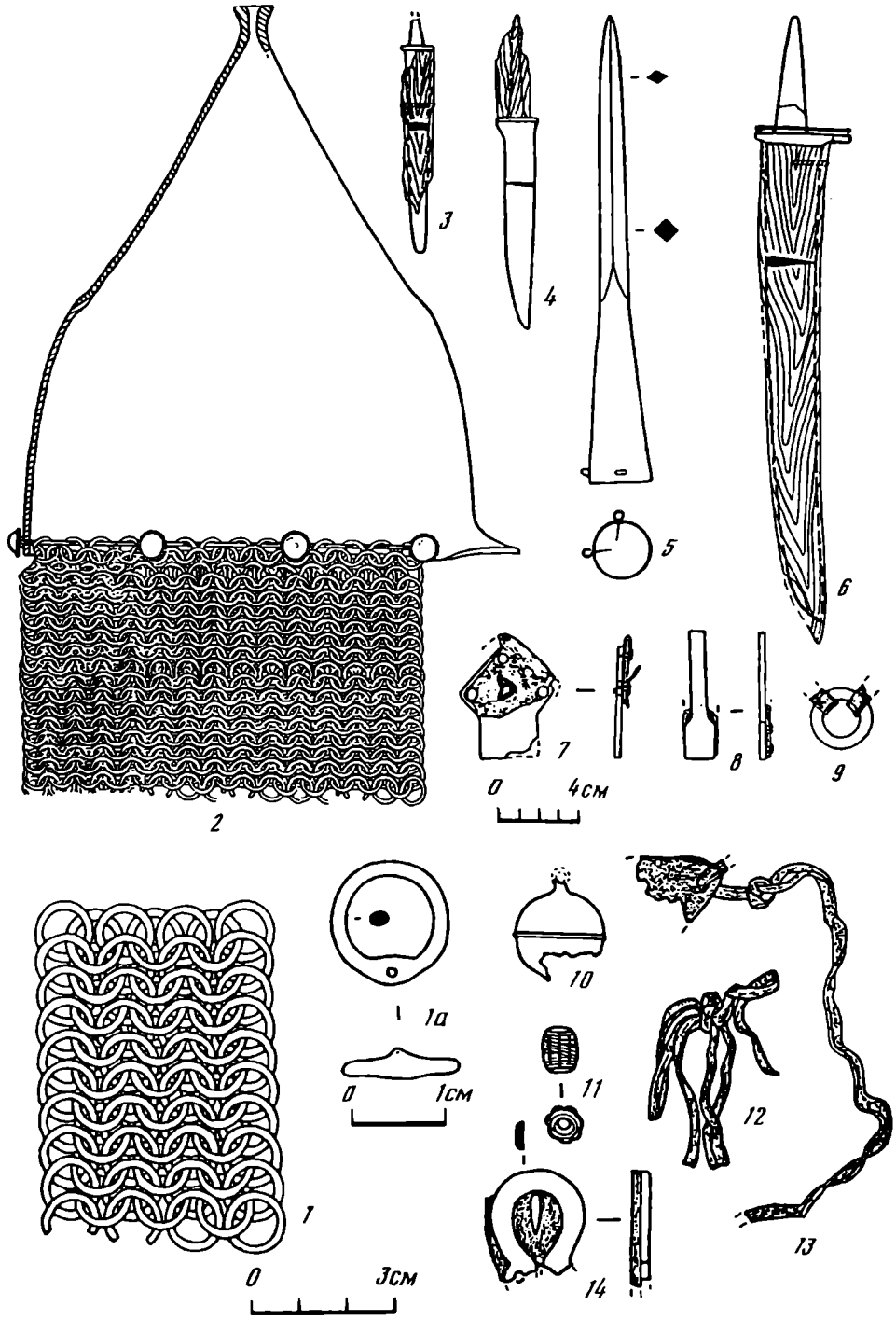


Рис. 2. Инвентарь погребения кургана 7: *1*, *1а* – фрагменты кольчуги; *2* – шлем; *3* – напильник; *4* – нож; *5* – наконечник копья; *6* – кинжал; *7* – *9* – железные предметы с фрагментами кожи неясного назначения; *10* – серебряный бубенчик; *11* – стеклянная бусина; *12* – *14* – кожаные шнуры и железная пряжка с фрагментом кожаного ремня

бовища найден небольшой железный черешковый наконечник стрелы с кунжутовидным пером (рис. 3, *5*). Общая длина наконечника 3,5 см, длина пера 2,3 см, наибольшая ширина 1,8 см. Здесь же обнаружена золотая проволочная серьга в виде знака вопроса (рис. 4, *8*). Общая длина серьги 3,4 см, диаметр кольца 1,5 см.

В северо-восточном углу гробовища на кольчуге лежал стеклянный амулет длиной 5 см (рис. 4, *7*). В сечении он имеет форму овального восьмигранника размерами

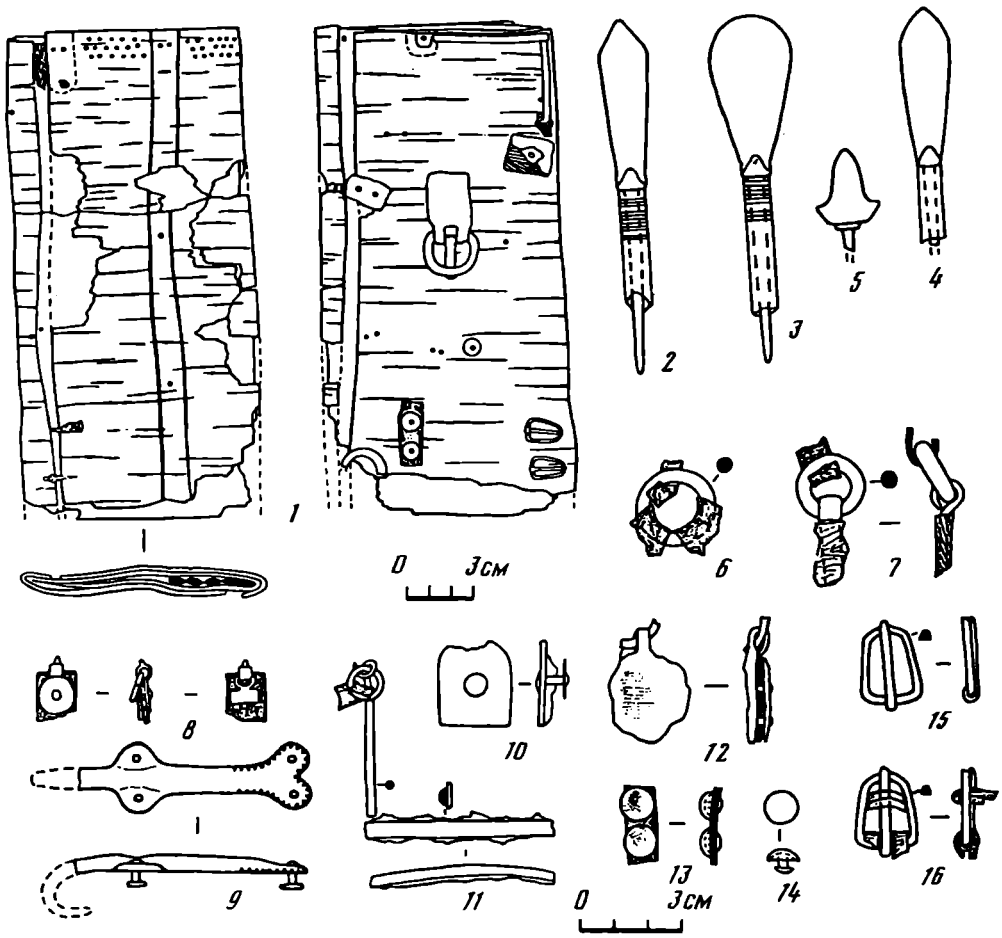


Рис. 3. Инвентарь погребения кургана 7: *1–4, 6–16* – остатки берестяного колчана, наконечники стрел из колчана, колчанный крючок, железные пряжки, заклепки и другие предметы, найденные под колчаном; *5* – наконечник стрелы, найденный около шлема

0,6 × 1,0 см. Нижний его конец обернут на высоту 1,0 см тонкой серебряной с позолотой фольгой, повторяющей форму амулета. Таким же образом оформлен другой конец, но у его нижнего края флакон обвит тремя рядами тончайшей двойной перевитой серебряной проволоки. Из этой же перевитой проволоки в верхнем витке сделано колечко для подвешивания диаметром до 1,5 мм.

В 10–15 см южнее шлема около западной стенки гробовища стоял серебряный ковш с ручкой в виде крылатого дракона (рис. 5, *1*; 6, *1*). Высота ковша 4,7 см, диаметр днища 9,5 см, толщина стенок около 0,5 мм. Край венчика с внешней стороны оформлен полукруглым валиком диаметром 3,0 мм. Под валиком расположена полоса растительного орнамента шириной 0,9 см, выполненная точечной чеканкой. Внутренняя поверхность днища также покрыта чеканным орнаментом в виде крестообразно расположенных цветков и листьев. Ручка выполнена из спаянной фольги толщиной менее 0,5 мм и покрыта снаружи чеканным орнаментом. В уголках пасти дракона сделаны два сквозных отверстия. На макушке укреплены два фонтанообразно завитых куска проволоки – рога, причем конец одного из них касается лба дракона. Конец другого, более длинного куска проволоки, спускаясь со стороны затылка и спины, касается венчика ковша, где заметны следы его спайки с проволокой.

Восточнее ковша на дне гробовища найдено полукольцо диаметром 3,5 см из железного прута толщиной около 0,5 см очень плохой сохранности, а несколько южнее – железный напильник в деревянном футляре (рис. 2, *3*). Длина его рабочей части 13,0 см, толщина около 0,7 см. От рукоятки-штыря она отделена железным упором овальной в плане формы. Напротив ковша, около восточной стенки гробовища, лежал

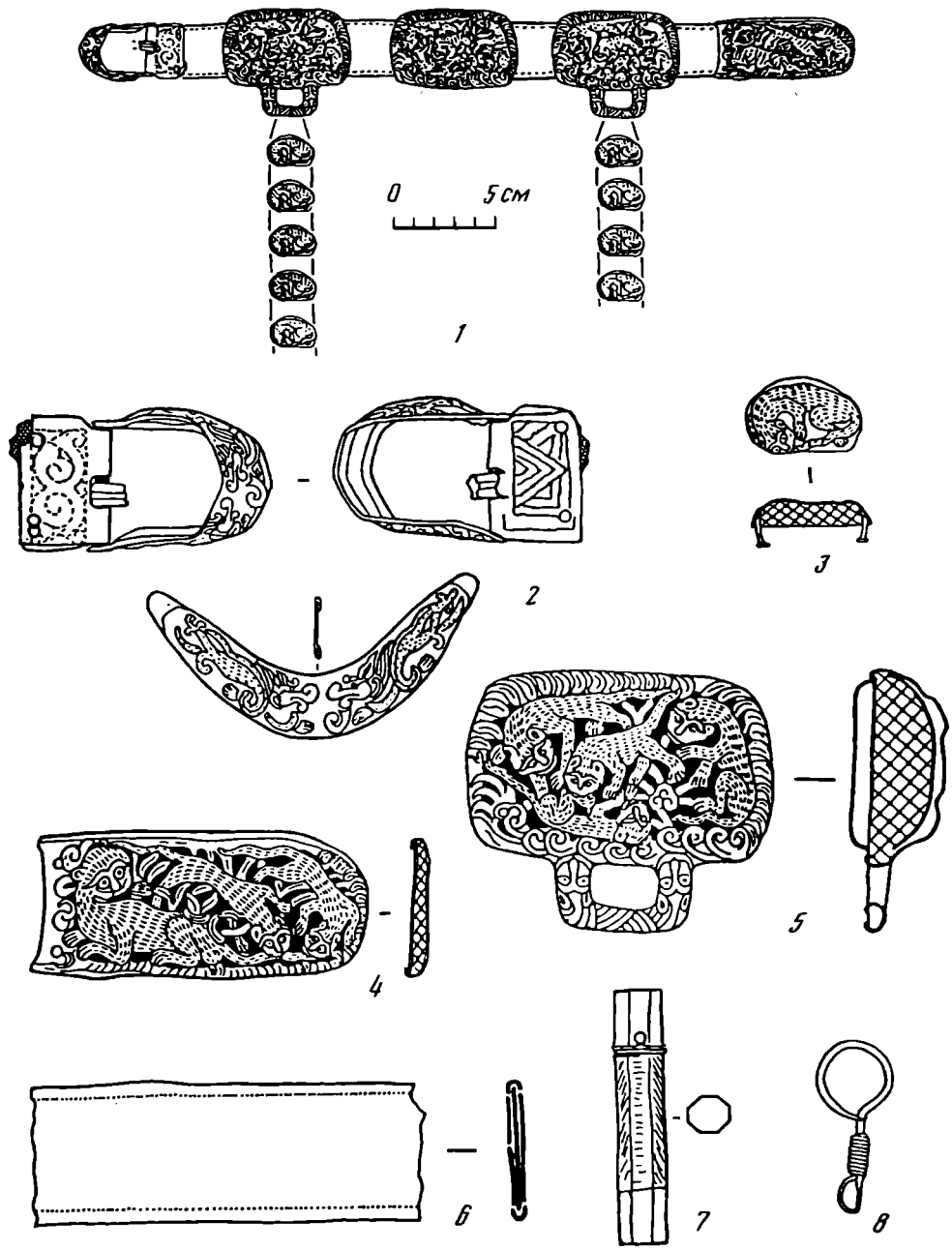


Рис. 4. Инвентарь погребения кургана 7: *1* – реконструкция парадного пояса; *2–6* – серебряная пряжка, позолоченные бляхи и фрагмент кожаного ремня парадного пояса; *7* – стеклянный амулет; *8* – золотая серьга

острием на северо-северо-восток железный наконечник копья с узким бронебойным лезвием и раструбовидной втулкой (рис. 2, *5*). Общая длина наконечника 23,0 см, длина лезвия 14,0 см, диаметр втулки у основания 3,0 см. У основания втулки проделаны два отверстия диаметром 1,5 мм, внутри которых сохранилось по одному "гвоздю" длиной по 1,0 см. Наружные концы "гвоздей" свернуты в кольца.

Между ковшом и западной стенкой гробовища, на его дне, найдена серебряная пряжка от парадного кожаного пояса (рис. 4, *2*). На ее дужке, выполненной из серебряной пластины толщиной несколько менее 1 мм, изображены два смотрящих друг на друга дракона. Орнамент выполнен чеканкой. Наибольшая ширина дужки 1,2 см, в местах соединения с железной перемычкой она сужается до 0,5 см. Концы дужки закруглены. Язычок пряжки, имевший в сечении форму прямоугольника, отломан в древности. Щиток прямоугольный, сделан из такой же, как и дужка, серебряной

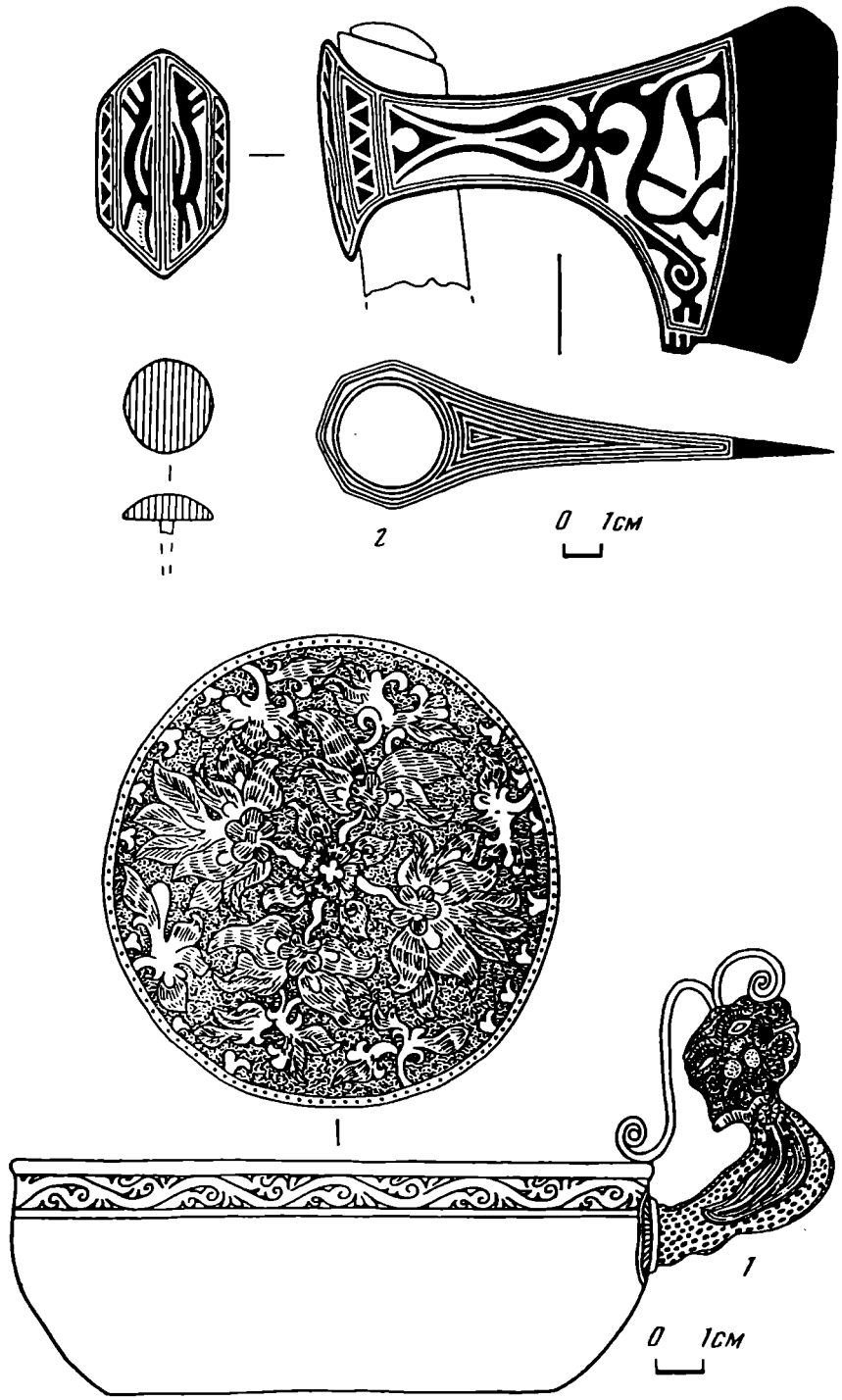


Рис. 5. Инвентарь погребения кургана 7: *1* – инкрустированный золотом топорик; *2* – серебряный ковш

пластины, свернутой пополам. Размеры щитка 1,8 × 2,5 см, внешние его поверхности покрыты геометрическим орнаментом, выполненным также способом чеканки. В крайних углах в щитке сделано по отверстию диаметром по 1,5 мм для заклепок. Между пластинами щитка сохранился фрагмент кожаного трехслойного ремня.

Рядом с этой пряжкой лежала крупная поясная штампованная бляха, сделанная из трех серебряных позолоченных пластин (рис. 4, *5*; 6, *2*). Бляха имеет форму, близкую к прямоугольнику. Ее размеры 4,3 × 6,2 × 1,4 см. С одной из длинных сторон имеется прямоугольная петелька размерами 1,4 × 2,7 см. Верхняя лицевая пластина

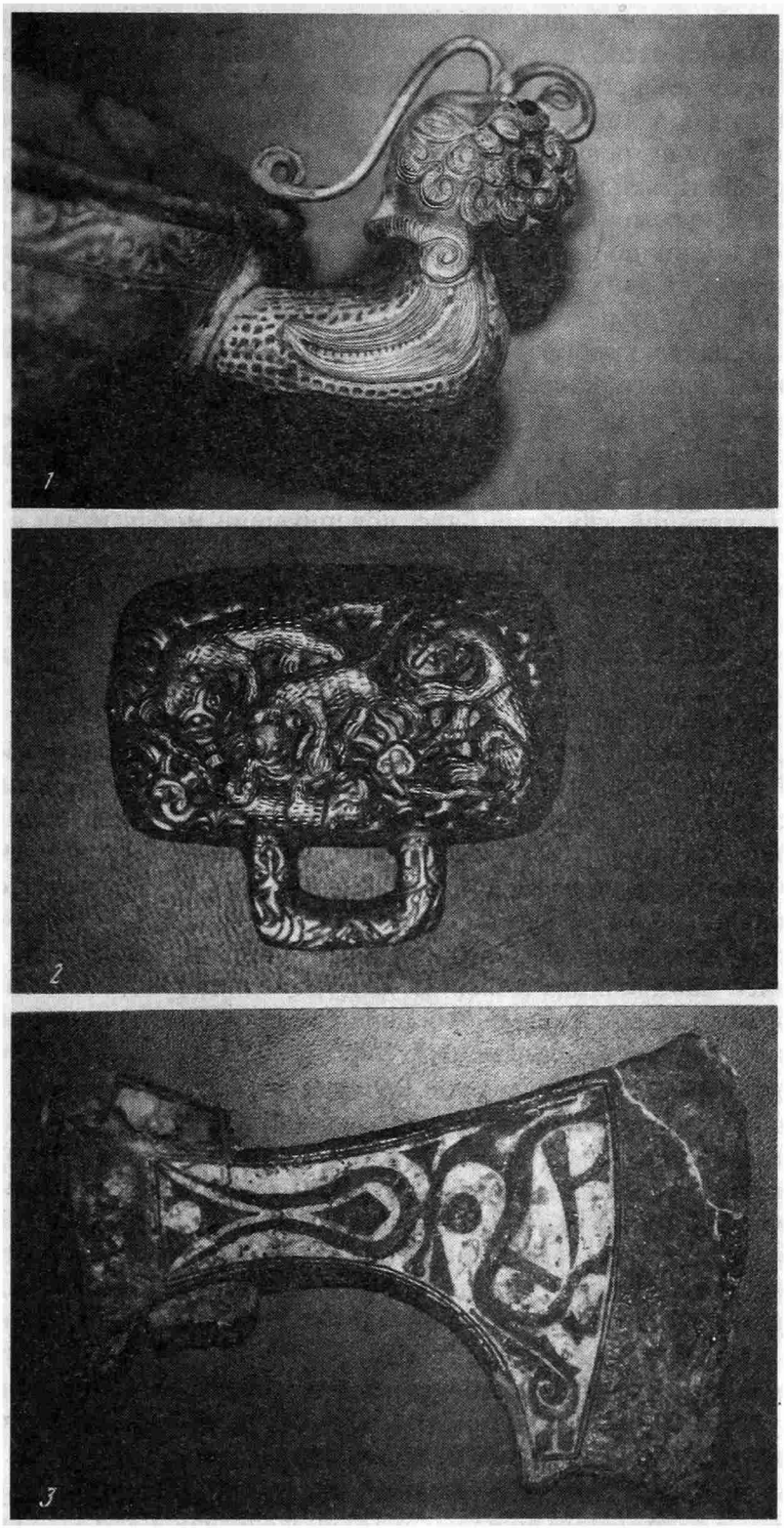


Рис. 6. Инвентарь погребения кургана 7: *1* – ручка ковша, *2* – бляха от пояса, *3* – топорик

прорезная, штампованная, с последующей доработкой чеканкой. На ней изображены два взрослых и два молодых барса, играющие на волнообразной траве. На заднем плане помещены крупные лиственные растения. Боковые и верхний края бляхи обрамляет расположенный в один ряд орнамент из листьев. На петельке в местах соединения ее верхних концов с бляхой изображены подбородками вверх по одной львиной морде. Нижняя планка украшена наклоненными под углом 45° чеканными

полосами. Вторая пластина изогнутая, повторяет размер и форму основного объема бляхи (без петельки) и расположена внутри ее. Прижатая к тыльной стороне лицевой пластины, она оттеняет прорези в последней. Третья, тыльная пластина ровная, повторяет конфигурацию лицевой вместе с петелькой и зажата краями последней. Пространство между внутренней и тыльной пластинами заполнено кожей и войлоком. С внешней стороны к тыльной пластине припаяны две, расположенные в 3,7 см друг от друга дужки для ремня. Толщина дужек 1,0 мм, ширина 3,0 мм, на внешней поверхности они имеют по две продольные полосы. Вторая аналогичная описанной выше бляха найдена на дне гробовища практически в его центре, в 0,35 м от первой. Третья такая же, но без петельки, бляха лежала точно посередине между двумя первыми и также на дне гробовища. В ней сохранился фрагмент трехслойного, прошитого по краям кожаного ремня (рис. 4, *6*).

Рядом с первой из вышеописанных блях на дне гробовища найдена еще одна крупная серебряная позолоченная бляха, выполненная в аналогичном зверином стиле, но служившая обкладкой другого конца парадного пояса (рис. 4, *4*). На этой бляхе изображен полулежащий взрослый барс, повернувший морду назад в сторону двух грызущих его хвост молодых барсов. Оформление краев и заднего плана чеканки аналогично описанному на других бляхах. Длина этой бляхи 6,6 см, ширина 2,8 см. Один ее конец более узкий, закруглен, второй почти вертикально срезан. В узлах срезанного края имеется по одному отверстию диаметром 1,5 мм для заклепок. Тыльная сторона бляхи закрывалась одной золотой ровной пластиной, повторяющей конфигурацию лицевой. Между пластинами располагался второй конец трехслойного кожаного ремня. Кроме крупных блях и пряжки в северной части гробовища, на его дне найдены в переотложенном состоянии девять маленьких штампованных и доработанных чеканкой серебряных позолоченных блях-заклепок, сделанных в аналогичном зверином стиле (рис. 4, *3*). Все бляшки сделаны одним штампом. В плане они имеют форму овалов размерами 1,5 × 2,3 см. На них изображены свернувшиеся калачиком "спящие" молодые барсы. С тыльной стороны к двум узким концам блях припаяны по одной проволочной золотой заклепке длиной по 6 мм.

В 0,2 м южнее наконечника копья на дне гробовища, около восточной стенки, найдены серебряный шарообразный бубенчик с петелькой для подвешивания и синяя пастовая бусина с полосатым орнаментом (рис. 2, *10*, *11*). Диаметр бубенчика 1,8 см. Бусина бочонковидной формы высотой 0,9 см и диаметром 0,7 см. В 15 см южнее бусины и бубенчика у восточной стенки гробовища лежал железный кинжал в деревянных ножнах длиной 26 см (рис. 2, *6*). Лезвие кинжала слегка изогнуто, причем режущий край расположен на вогнутой стороне. Перекрестие наборное – состоит из железного упора, двух тонких медных и одной золотой овальных пластин. На внешнее ребро золотой пластины нанесены насечки, напоминающие рабочую поверхность напильника. Рядом с кинжалом найдены два кожаных шнура шириной 3 мм, толщиной 1 мм, один из которых завязан в узел бантиком, и железная пряжка подковообразной формы с остатками кожаного ремня (рис. 2, *12–14*). Юго-западнее острия кинжала обнаружен сильно скомканный кожаный предмет, назначение которого до проведения реставрации установить не удалось. В складках кожи найдены три железных предмета, назначение которых также не вполне ясно (рис. 2, *7–9*).

Рядом с кожаным предметом лежали в ряд, в 2–3 см друг от друга, железная квадратная пряжка с остатками кожаных ремней; железная прямоугольная накладка с четырьмя заклепками в углах, держащими кусок кожаного ремня, обернутая парчовой тканью; железная накладка оконечности ремня, также обернутая парчовой тканью (рис. 7, *19*, *25–26*). В 15 см к северо-западу от них найден железный нож с бронзовым овальным упором рукоятки и парадный топорик, инкрустированный золотом в зверином стиле (рис. 2, *4*; 5, *2*; 6, *3*). Длина топора от четырехгранного обуха до края лезвия 14,2 см, ширина лезвия 9,5 см. На двух средних гранях обуха изображено по одному бегущему животному, на других гранях геометрический орнамент (треуголь-

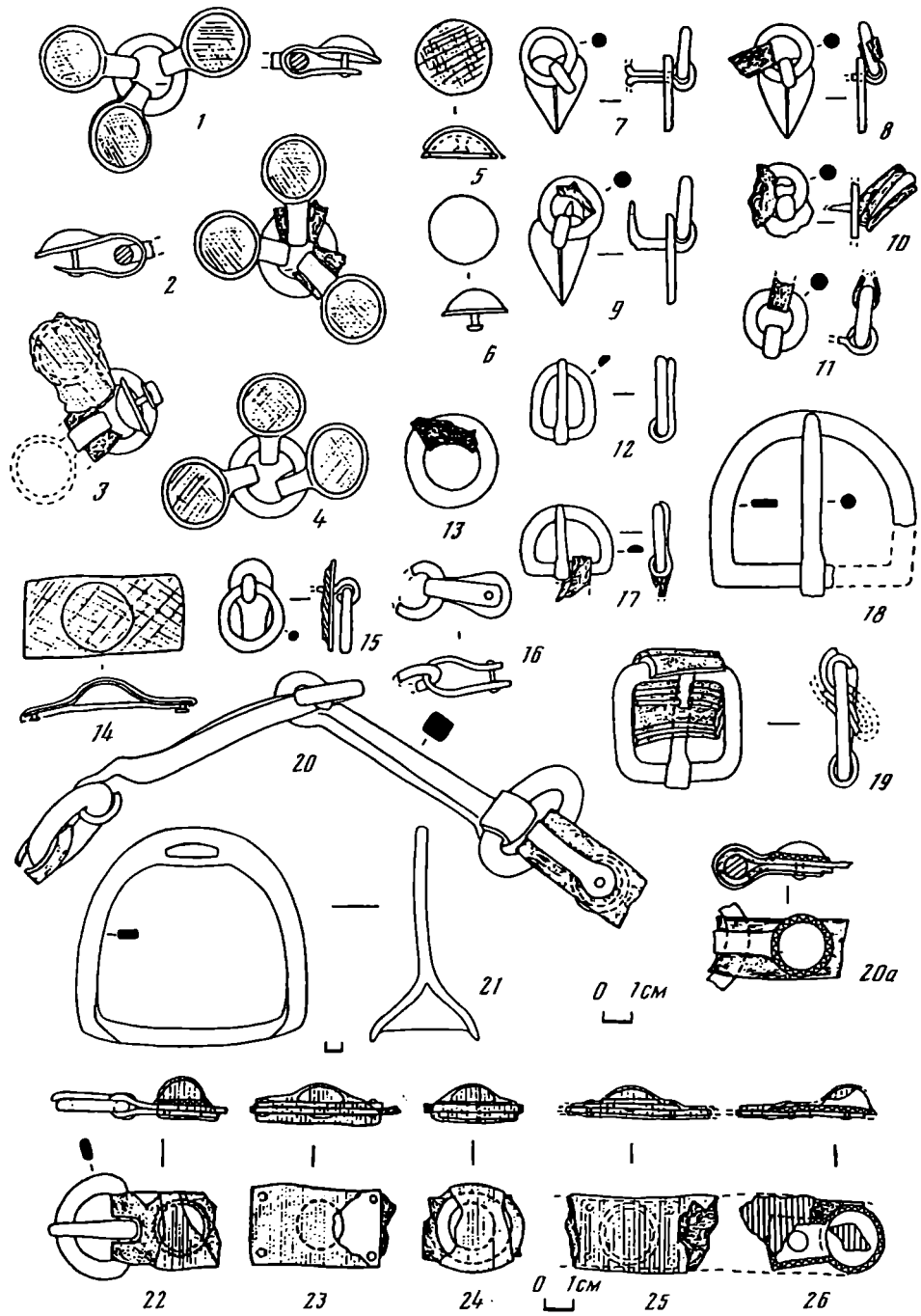


Рис. 7. Инвентарь погребения кургана 7: *1–21* – железные предметы с фрагментами кожаных ремней; *22–26* – железные пряжка, накладки и заклепки ремня, обернутые парчой (из разных частей могилы)

ники). На плоскостях лезвия сохранились стилизованные изображения лосей в обрамлении из двух тонких золотых полос. Верхняя и нижняя грани топора покрыты такими же тонкими золотыми полосами. Деревянное топорище сохранилось на длину 6,5 см. В его верхний торец вбит гвоздь с крупной полусферической шляпкой, обернутой парчой. Диаметр шляпки 2,5 см, высота 0,7 см.

Выше топора около западной стенки гробовища обнаружены остатки колчана, сделанного из трех больших листов бересты (рис. 3, *1*). Нижняя его половина уничтожена норой животного. Ширина колчана 16 см, длина сохранившейся части 27 см. В некоторых местах берестяные листы соединены железными скобками. Верхний край лицевой стороны украшен тремя рядами наколок. В этом же месте на бересте со-

хранился след от щитка железного предмета, крепившегося к колчану железными заклепками. Кроме того, несколько правее середины лицевой стороны прочерчены две продольные параллельные полосы, между которыми расположено четыре отверстия диаметром по 1,5 мм для крепления каких-то деталей. Под колчаном найден большой фрагмент парчовой ткани, лежавший на слое войлока толщиной до 1,0 см. Между парчой и колчаном обнаружено 10 железных предметов: заклепки, пряжки, накладки верхнего тыльного края колчана (рис. 3, *10–16*). Внутри колчана находились пять стрел с железными наконечниками трех типов (рис. 3, *2–4*). Длина наконечников 12,2–12,5 см, длина перьев 5,6–6,0 см. На всех черешках сохранились фрагменты древков стрел, обернутые тончайшей золотой фольгой. Рядом с колчаном лежал железный колчанный крючок длиной 8,4 см с четырьмя небольшими заклепками, два железных кольца и двойная железная заклепка с фрагментами ремня (рис. 3, *6–9*).

На южном углу гробовища остатки сильно разрушенного седла. Из "мягких" деталей сохранилась лишь одна лука, сделанная из деревянной доски и обтянутая кожей, под которой в некоторых местах прослеживался слой войлочной прокладки. Лука имела форму круто загнутого полумесяца. Высота ее в средней части составляла 15 см, высота от концов "серпа" до его вершины – около 40 см, ширина между концами полумесяца около 25 см. По верхнему краю на кожаную обивку были прикреплены 10 заклепок с полусферическими, обтянутыми шелком шляпками (рис. 7, *5*). Под седлом и рядом с ним лежали детали конской упряжи, в том числе: удила, два стремени, седельные железные крепежные кольца с плоскими щитками различной конфигурации, железные пластинчатые и полусферические ременные заклепки, уздечные кольца, железные пряжки (рис. 7, *1–4*, *6–18*, *20–24*). Многие детали были обернуты парчой или шелком и сохранили небольшие фрагменты ремней, что поможет в дальнейшем сделать достаточно полную реконструкцию упряжи. Удила сделаны из двух квадратных в сечении прутов длиной 8,5 и 9,5 см. В месте соединения с подвижными кольцами пруты раскованы. Диаметр подвижных колец 3,5 см, в сечении они круглые. На одном из колец сохранился небольшой фрагмент кожаного уздечного ремня шириной 1,8 см, закрепленного заклепкой с полсферической пустотелой шляпкой. Стремена имеют дужки округлых очертаний. Ушко путлищ шириной 3–3,5 см прорезано в нижней части дужек. Подножки в плане овальные. Высота стремян 14,1 и 13,1 см. Кроме того, рядом с седлом, на поверхности южной стенки лежала кожаная плетка (?), связанная в узел. Изготовлена она из ремней, сплетенных в несколько косичек толщиной до 0,5 см и шириной до 1,0 см.

Небольшая коллекция наконечников стрел из колчана позволяет датировать погребение второй половиной XIII–XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, с. 78). Кунжутовидный наконечник стрелы, найденный рядом со шлемом, принадлежит к типу 72 по той же классификации и, судя по соотношению длины и ширины пера, близкому к 1 : 1, может быть датирован XIV в. (Медведев А.Ф., 1966, с. 78). Точные аналогии золотой серьге и напильнику были обнаружены в кочевническом погребении у с. Ново-Подкряж Царичанского р-на Днепропетровской области, датированном авторами публикации XIV–XV вв. (Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980, с. 91, 92, рис. 1, 2). Форма парадного топорика позволяет отнести его к типу IVA по классификации А.Н. Кирпичникова, расположенному в Восточной Европе в XII–XIII вв. и несколько позже (Кирпичников А.Н., 1966, с. 37). Более узкую дату захоронения позволяют определить серебряная пряжка парадного пояса и серебряный ковш с драконообразной ручкой. Аналогичная по форме щитка и дужки пряжка, но медная и с другим рисунком, найдена в Новгороде (11-й ярус) и датируется М.В. Седовой концом XIII в. (Седова М.В., 1959, с. 259, рис. 7, 15). В другой работе она датирует этот же поясной набор рубежом XIII–XIV вв. (Седова М.В., 1981, с. 149, рис. 58, *17*). Наиболее близкой аналогией нашему ковшу является сосуд из IV Сайгатинского могильника в Приобье, датируемый концом XIII – началом XIV вв. (Крамаровский М.Г., 1976, с. 76; Федорова Н.В., 1991, с. 198, рис 6). Таким образом, наиболее вероятной датой захоронения мы предлагаем считать конец XIII – начало XIV вв.

Курган 9. Располагался рядом с курганом 7. Диаметр насыпи 18 м, высота – 0,3 м, в плане она имела округлые очертания. При визуальном обследовании территории, на которой располагался курган, найдено небольшое скопление сильно раздробленных костей, являвшихся, вероятно, остатками тризны, совершенной на уровне древней дневной поверхности. В 2 м южнее костей выявлено пятно могильной ямы, имевшей в плане подпрямоугольную с закругленными углами форму размером 1,3 × 2,9 м и вытянутой по линии ССВ – ЮЮЗ (рис. 1, *2*). Расчистку погребения проводили с уровня древней дневной поверхности. На глубине 0,85 м выявлено прямоугольное в плане гробовище размерами 0,8 × 2,3 м, сделанное из цельного дуба. Дно его, открытое на глубине 1,15 м, было выложено в три ряда тщательно обточенными дубовыми брусками длиной по 0,7–0,85 м, шириной по 13 см и толщиной по 5 см. Сверху гробовище перекрывалось досками шириной 10–15 см и толщиной по 3 см, уложенных вдоль длинных стенок. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 1,2 м от уровня древней дневной поверхности. В ее северо-восточной и северо-западной стенках выявлены полукруглые ниши радиусом около 15 см, в каждой из которых лежали в анатомическом порядке кости ног барана. На дне гробовища найдены останки почти полностью истлевшего скелета взрослой женщины. Судя по расположению сохранившихся костей, умершая была положена вытянуто на спине головой на северо-северо-восток.

Справа от черепа на дне гробовища обнаружен берестяной обтянутый шелком правый сапожок (рис. 8, *1*). Верхний край его голенища обшит полосой тонкой кожи шириной 13 мм. Подошва сделана из двуслойной бересты (рис. 8, *1а*). В месте соединения голенища и подъема сапога найдены плоская прямоугольная и цилиндрическая подвески, сделанные из тонкой серебряной с позолотой фольги (рис. 8, *3*, *6*). Здесь же находилась россыпь стеклянного бисера голубого и синего цвета (рис. 8, *9*). Под сапогом, в месте соединения голенища и подъема, лежали два вырезанных из тонкой (менее 1 мм) кожи "трехлистника" и "подвязка", выполненная из коры дерева (рис. 8, *2*, *4–5*). Срезы "трехлистников" оклеены тончайшей светлой полосой органического материала, а плоскости – материей с тонкой золотой нитью и дополнительно украшены тонкими перламутровыми пластинками овальной формы. Середина "подвязки" оформлена в виде десятилепестковой розетки, на лепестках которой сохранились фрагменты шелка.

В области шеи найдена россыпь короткоцилиндрического стеклянного бисера голубого и синего цвета и три небольшие стеклянные бусины (рис. 8, *9*). В 0,3 м к юго-юго-востоку от тлена черепа, на костях левого запястья лежал пластинчатый серебряный с позолотой браслет шириной 1,2 см (рис. 8, *8*). Концы его слегка раскованы и с внешней стороны украшены чеканным орнаментом. В обоих концах браслета просверлено по одному отверстию диаметром менее 1 мм. Сверху и снизу запястье с браслетом покрывали большие куски шелка и парчи. На таком же расстоянии от тлена черепа, но у противоположной стенки гробовища, обнаружены второй пластинчатый серебряный браслет шириной 1 см (рис. 8, *7*) и золотой перстень (рис. 8, *10*). Лицевая сторона браслета имеет три заостренных продольных ребра, центральная часть украшена пальметкой, а концы – сильно стилизованными изображениями львиных морд. Перстень имеет подквадратную дужку размерами 2,1 × 2,1 см. Оправа для камня прямоугольная с закругленными углами, размерами 1,0 × 1,1 см. Ее край орнаментирован в технике скани. Камень в перстне отсутствовал. Южнее перстня на дне гробовища найдены друг на друге два крупных фрагмента парчовой ткани, между которыми лежала вверх дном серебряная чаша (рис. 8, *11*). Высота ее 3,5 см, днище плоское, диаметром 7,5 см, диаметр по срезу венчика 11 см. Поверхности чаши покрыты орнаментом, выполненным способом точечной и штриховой чеканки с внешней стороны.

В 0,30 м южнее чаши около западной стенки гробовища обнаружены железные шарнирные ножницы в кожаном обтянутом парчой футляре, обломки железного шила и железный ножичек с бронзовым овальным упором (рис. 8, *14–16*). Сверху ножницы

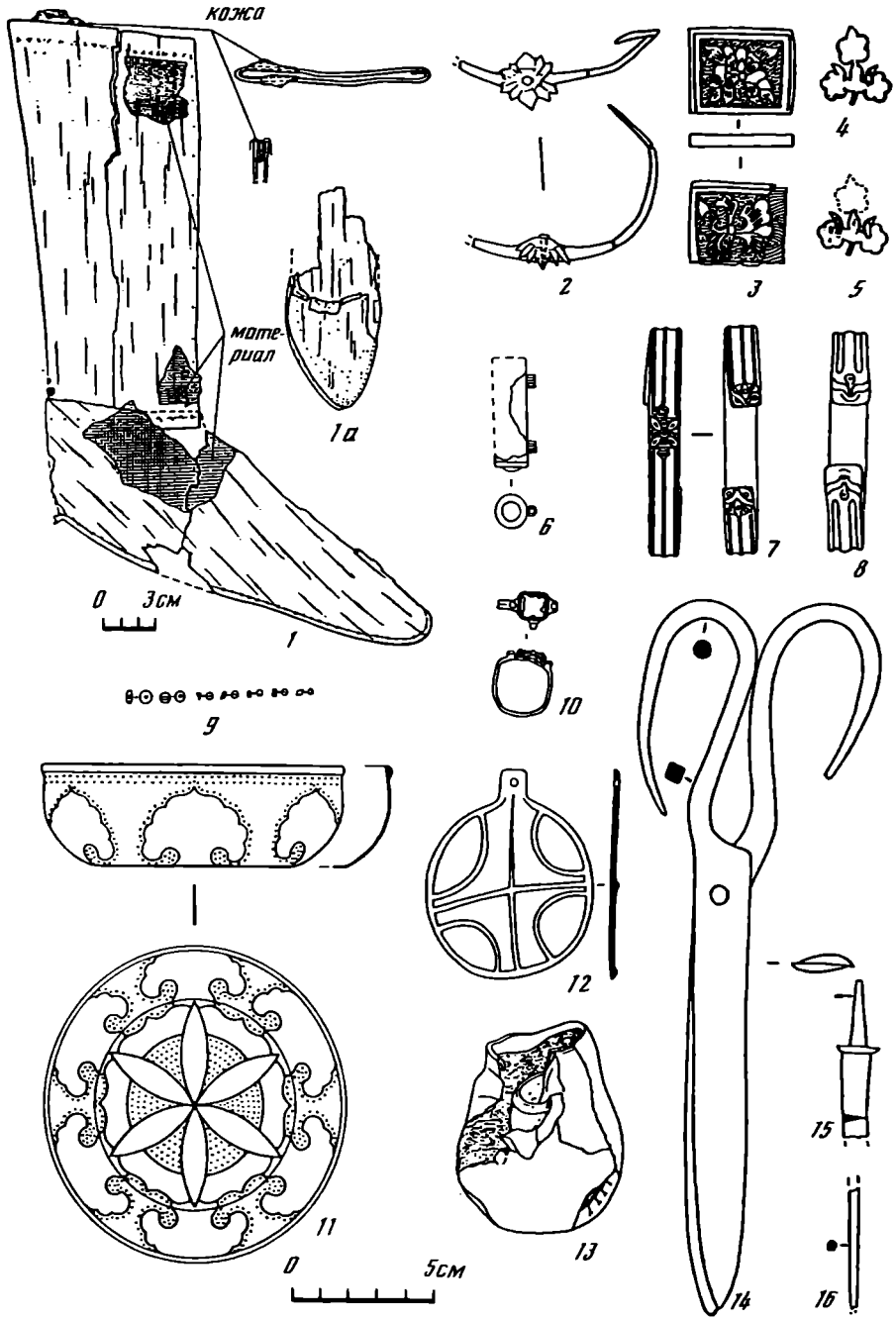


Рис. 8. Инвентарь погребения кургана 9: *1* – берестяной сапожок; *2* – подвязка от сапожка; *3, 6* – серебряные с позолотой подвески; *4–5* – кожаные украшения сапожка; *7, 8* – серебряные браслеты; *9* – стеклянные бусины и бисер; *10* – золотой перстень; *11* – серебряная чаша; *12, 13* – зеркало и парчовый чехол от него; *14–16* – железные ножницы и обломки ножа и шила

покрывал фрагмент парчовой ткани, на котором лежало билоновое литое зеркальце в парчовом мешочке (рис. 8, *12, 13*). Диаметр зеркала 6,0 см, сбоку оно имеет квадратную петельку. На тыльной стороне хорошо просматривается орнамент – крест и четыре одножильные арки в секторах. Парчовый мешочек для зеркала сшит из одного согнутого пополам куска ткани и в основном повторяет округлую форму зеркала. Верхний край мешочка загнут внутрь и зашит таким образом, чтобы осталось пространство для шнура (шнур не зафиксирован).

В 0,3 м к юго-востоку от зеркала на дне выявлен большой фрагмент продолговатого кожаного предмета плохой сохранности, лежавший параллельно длинным стен-

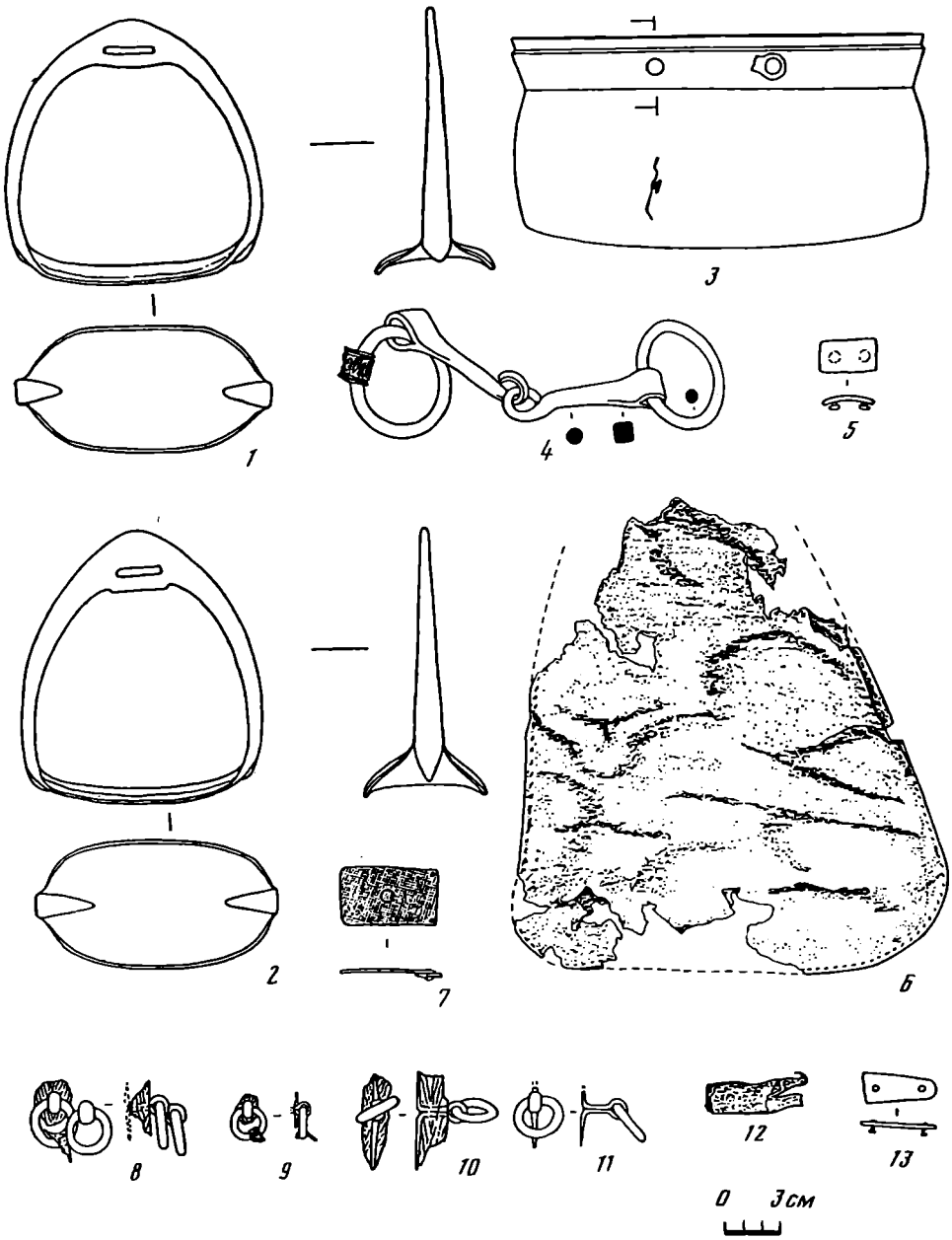


Рис. 9. Инвентарь погребения кургана 9: *1–2, 4, 7–13* – железные детали конской упряжи; *3* – медный казан; *5, 6* – кожаная сумка и заклепка

кам гробовища. Наибольшая длина фрагмента кожи 25 см, ширина – 10 см. Здесь же найдены два железных предмета неясного назначения. В юго-западном углу обнаружена сумка, сшитая из двух кусков толстой кожи (рис. 9, *6*). Рядом с ее верхним краем лежала двойная железная заклепка (рис. 9, *5*). В южном углу гробовища стоял медный кованый казан (рис. 9, *3*). Высота его 10 см, диаметр тулова и среза венчика равны 20 см, днище слегка выпуклое диаметром 19 см. С двух противоположных сторон под венчиком казан имеет по две железные заклепки от петель для крепления железной ручки, которая не сохранилась.

Севернее казана, на глубине 0,85 м, на гробовище лежала конская упряжь, в том числе: удила, два стремени, остатки деревянного обтянутого кожей седла с железными крепежными кольцами и железными пластинчатыми ременными заклепками, небольшие фрагменты кожаных ремней (рис. 9, *1–2, 4, 7–13*). Железные удила лежали под седлом. Выполнены они из двух прутов длиной по 8,0 и 8,5 см. В месте соединения с

подвижными кольцами уздечки пруты имеют квадратную в сечении форму размерами 1 × 1 см и сварены при ковке. Диаметр подвижных колец 5,8 см, в сечении они круглые. Стремена обнаружены также под седлом рядом с удилами. Они относятся к типу так называемых стремян "смягченной угловатости" (Кирпичников А.Н., 1973, с. 50). Верхняя часть их близка к стрельчатому завершению. Ушко путлища прорезано в нижней части дужки, причем у одного из стремян под ушком имеется небольшой прямоугольный выступ. Дужки уплощенные, в месте их соединения с подножкой заострены и приварены. Подножки слегка выгнуты, в плане имеют овальную форму. Высота стремян 14,4 и 15,0 см, ширина ушек для путлищ 3,0 см, ширина подножек 7,0 см.

Опуская хронологический анализ многочисленного рядового и сравнительно широко датируемого инвентаря данного захоронения, мы предлагаем датировать его концом XIII – началом XIV вв. прежде всего на основании найденной здесь серебряной чаши. Почти точная аналогия ей происходит из погребения 194 уже упомянутого выше IV Сайгатинского могильника, которое датируется именно этим временем (Федорова Н.В., 1991, с. 197, 198, рис. 5). Хронологические рамки бытования других предметов из публикуемого погребения не противоречат такой датировке.

Таким образом, оба захоронения из могильника "Олень-Колодезь" датируются концом XIII – началом XIV вв. Судя по обилию драгоценных вещей, социальный статус погребенных очень высок. Особенно выделяется погребение мужчины-воина. Полное вооружение тяжелого конника, включающее шлем и золоченую кольчугу, дорогую конскую упряжь, колчан с золочеными стрелами, парчовые и шелковые одежды, инкрустированный золотом топорик, более напоминающий символ власти, чем боевое оружие, серебряный ковш высокохудожественной работы и, наконец, уникальный пояс с золотыми бляхами позволяют причислить его к людям княжеского ранга. Некоторые из перечисленных предметов были настолько дороги и социально значимы в XIII–XIV вв., что упоминаются в духовных грамотах великих русских князей и многих среднеазиатских и китайских письменных источниках. Причем золотые пояса имели право носить лишь представители высшей аристократии (Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 7–9, 16, 36; Добржанский В.Н., 1990, с. 48, 49). Не менее знатна, вероятно, была и погребенная рядом женщина. О ее высоком общественном положении говорят не только драгоценные вещи и одежды, конская упряжь, но и находка медного казана (Шевцов М.Л., 1980, с. 201).

Близость расположения погребений, идентичность обряда захоронения, разнополость и одинаково высокий социальный статус умерших позволяют предположить их близкое родство. Особенности погребального обряда не дают оснований сомневаться в их принадлежности к кочевой золотоордынской аристократии, а захоронение их недалеко от устья р. Воронеж свидетельствует о существовании в ближайших окрестностях подвластных им кочевий. Людей столь высокого ранга было принято хоронить в их родовых владениях (Плетнева С.А., 1958, с. 182). В XIII–XIV вв. междуречье Среднего Дона и Хопра называлось Червленым Яром (Шенников А.А., 1987, с. 33). Открытие здесь столь замечательных позднекочевнических комплексов подтверждает сообщение Рубрука о принадлежности этой территории Золотой Орде и, как представляется, может несколько прояснить вопрос о пограничной зоне между Ордой и Русью (Рубрук В., 1911, с. 87, 88; Егоров В.Л., 1985, с. 41, карта 1). В пользу того, что маршрут Рубрука проходил именно через Средний Дон, на наш взгляд, доказательств приведено достаточно (Кожемякин А.В., 1966, с. 46–52). Более того, открытие этих захоронений близ устья р. Воронеж уточняет слова Рубрука, выше какого места в Подонье татары не поднимались при сезонных перекочевках (Рубрук В., 1911, с. 87). В этой связи интересно отметить, что в непосредственной близости от места захоронения, на первой надпойменной террасе именно левого (т.е. восточного) берега р. Дон, в точном соответствии с указаниями Рубрука, обнаружено несколько поселений с материалами древнерусского времени, датируемых второй половиной XIII–XIV вв. (Цыбин М.В., 1987, с. 38, рис. 1). Приблизительно в этом месте В.Л. Его-

ров располагает переправу на одной из основных дорог, по которым золотоордынские войска совершали набеги на Русь (Егоров В.Л., 1985, с. 181).

Здесь, вероятно, следует в двух словах коснуться вопроса о взаимоотношениях русского оседлого и нерусского кочевого населения Червленого Яра. А.А. Шенников обрисовывает их как мирное взаимовыгодное сосуществование оседлых и неоседлых общин без феодалов, что справедливо вызвало сомнение у других исследователей (Шенников А.А., 1987, с. 97; Цыбин М.В., 1990, с. 195). С открытием очень богатых кочевнических захоронений вопрос о наличии или отсутствии в этом регионе феодалов утрачивает смысл. Кстати сказать, в 1990 г. вблизи г. Богучар Воронежской области были открыты еще два богатых кочевнических погребения того же времени – мужское и женское (Бойков А.А., Кравец В.В., 1990, с. 118, 119). Примечательно, что обнаружены они сравнительно недалеко от переправы через р. Дон на бывшей Ордобазарной дороге (Егоров В.Л., 1985, карта 1). Известны в междуречье Хопра и Дона и значительно более бедные кочевнические захоронения XIII–XIV вв., в том числе и в небольших могильниках (Цыбин М.В., 1986, с. 257–266). Что же касается русского оседлого населения, то о его положении в Подонье и о том, как оно сюда попадало, пишет тот же Рубрук: "... когда Русские не могут дать больше золота или серебра. Татары уводят их и их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных..." или "В том месте, где мы пристали, Батый и Сартак приказали устроить на восточном берегу поселок (casale) Русских, которые перевозят на лодках послов и купцов". (Рубрук В., 1911, с. 86, 87). Из его сообщений становится ясным, что русское население Червленого Яра, обладая относительной свободой, все-таки было подвластно кочевникам-феодалам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойков А.А., Кравец В.В. 1990. Погребение золотоордынского времени из могильника "Высокая Гора" // Елец и его окрестности. Тез. науч. конф. Елец.

Добжанский В.Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., 1950. М.; Л.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география золотой орды в XIII–XIV вв. М.

Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие // САИ. Вып. Е1-36. Ч. 2.

Кирпичников А.Н., 1973. Вооружение всадника и верхового коня на древней Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36.

Кожемякин А.В., 1966. Рубрук в Среднем Подонье // Из истории Воронежского края. Воронеж.

Крамаровский М.Г., 1976. К атрибутации золотоордынского ковша с тюркской надписью // Культура и искусство Индии и Дальнего Востока. Л.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (VIII–XIV вв.) // САИ. Вып. Е1-36.

Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 2.

Рубрук В., 1911. Путешествие Плано Карпини и Вильяма де Рубрука в восточные страны. Л.

Савелов Л.М., 1902. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении // Тр. XII АС. Т. 1.

Седова М.В., 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода // МИА. № 65. Т. 11.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) М.

Федорова Н.В., 1991. Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск.

Цыбин М.В., 1986. Погребения средневековых кочевников X–XIV вв. в Среднем Поволжье // СА. № 3.

Цыбин М.В., 1987. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Цыбин М.В., 1990. Шенников А.А. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987 // История СССР. № 2.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.

Шевцов М.Л., 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. № 2.
Шенников А.А., 1987. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.

Государственная инспекция охраны
историко-культурного наследия
Воронежской области, Воронеж

K.Yu. YEFIMOV

GOLDEN HORDE BURIALS FROM THE CEMETERY OF "OLEN-KOLODEZ"

Summary

In 1996 during the construction of the highway and bridge across the Don river 40 km southward from Voronezh a kurgan cemetery was partly destroyed. In course of the archaeological investigation of the site the Bronze Age burials were exposed, as well as two rich graves attributed to the Golden Horde nomads. The latter are dated from the late 13th – early 14th centuries. Taking into account the abundance of precious artefacts found in the graves, it may be supposed that the social status of the dead was rather high, especially that one of the of male warrior. This grave contained a complete set of heavyarmed horseman, including helmet, glided chian-armour, valuable horse-harness, quiver filled with gilded arrow-heads, garment of brocade and silk, and gold-inlayed battle-axe which likely represented a symbol of power rather than a weapon. Grave goods also included silver ladle of high artistic value and precious belt ornamented with gold plaques. Such an outstanding set of burial gifts led the author to a conclusion that the dead had belonged to a princely estate. The discovery of these burials near the city of Voronezh allows the author to suppose the site to be that very place where V. Rubruk crossed the Don in 1253 while travelling to Eastern countries. The site reveals the character of interrelations of nomads of Golden Horde and settled Russian population in the site of Chervlyony Yar in that period.

Ю.Э. ЖАРНОВ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МЕДНОЕ ЛИТЬЕ ИЗ РАСКОПОК ВО ВЛАДИМИРЕ-НА-КЛЯЗЬМЕ

Примечательной особенностью вещевого археологического материала, происходящего с территории единственной, сравнительно полно исследованной усадьбы Владимира-на-Клязьме первой трети XIII в. (Жарнов Ю.Э., 1997; Жарнов Ю.Э., Мошенина Н.Н., 1999, является его необычная насыщенность предметами христианского культа. По количеству и разнообразию подобных вещей, представленных как предметами индивидуального пользования, так и церковной утварью, владимирская коллекция, по-видимому, сопоставима лишь с находками из Княжей Горы и Киева. Важное место в этом собрании христианских древностей занимает сюжетное художественное медное литье – два энколпиона и две иконки. Данные вещи не только позволяют (в комплексе с другими предметами культового назначения и иными находками) судить о социальном статусе владельца усадьбы, но и представляют несомненный интерес для исследователей домонгольской металлопластики, ее стилистических и технологических особенностей.

Кресты и иконки были обнаружены в 1993–1994 гг. в заполнении основного подвального помещения северного комплекса наземных жилых построек усадьбы, сгоревших, по всей видимости, в феврале 1238 г. в ходе Батыева разгрома города (Жарнов Ю.Э., 1997, с. 84, рис. 2, котлован А).

Энколпионы принадлежат к широко распространенному в Древней Руси типу рельефных крестов-складней с изображением Распятия на лицевой створке, Богоматери Одигитрии – на оборотной, а также погрудными фигурами святых в медальонах верхней и боковых ветвей створок (Зоценко В.Н., 1981). Их производство, ориентировавшееся на византийские прототипы, принято связывать с Киевом, а найденные за пределами Руси экземпляры – причислять к древнерусскому экспорту (Корзухина Г.Ф., 1958, с. 131, 133, 136, 137; Зоценко В.Н., 1981, с. 119, 124; Дончева-Петкова Л., 1985, с. 45–49; Перхавко В.Б., 1987, с. 206, 212). Датируются кресты в основном, XII–XIII вв., встречены и отливки XI в. (Зоценко В.Н., 1981, с. 123, 124).

Владимирские складни побывали в огне, один найден целым, створки другого оказались на дне подвала на расстоянии 0,7 м друг от друга, причем оборотная створка была собрана из обломков. Принадлежа к одному типу, кресты различаются манерой исполнения, деталями композиции, способом тиражирования.

Энколпион лучшей сохранности (№ 1, рис. 1; 2) был отлит с использованием каменной формы, выполненные в высоком рельефе изображения подработаны резцом. Длина ветвей креста (без оглавия и ушек) – 8,2–8,5 × 7,3–7,4 см; оглавие – биконическая полая бусина с рельефными поясками. Рельефный валик с сохранившейся местами насечкой окаймляет также медальоны и внешний край створок. Последние во время пожара прикипели и не разнимаются; в ходе реставрации внутри энколпиона были найдены небольшие кусочки дерева – возможно, частицы крестного древа Христова.

Наиболее серьезно повреждены рельефы лицевой створки, средокрестие и нижнюю ветвь которой занимает фигура распятого Христа. Крестное древо передано возглавием со следами гравированной монограммы ("IC XC") и подножием, под которым читается рельефная глава Адама. Тело Христа со склоненной к правому плечу головой и

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, код проекта 97-01-00204.

© Ю.Э. Жарнов, 2000 г.

Рис. 1. Энколпион № 1. Лицевая створка

впалой грудью едва изогнуто, руки с большими кистями, заходящими на валики медальонов, имеют довольно резкий излом в локтях. На фоне оплавленных деталей лика и крестчатого нимба тщательно проработанными выглядят лишь складки набедренной повязки.

В боковых медальонах лицевой створки подобных энколпионов обычно расположены погрудные фигуры Богоматери и Иоанна Богослова. В левом медальоне владимирского креста представлена, по-видимому, не Богоматерь: отсутствует мафорий, прическа сделана на прямой пробор и, кажется, обозначена борода. Лицо изображенного на три четверти повернуто в сторону Христа, к нему же обращены и раскрытые перед грудью кисти рук. Почти горельефный лик Иоанна едва развернут в сторону Распятия, правая рука прижата к лицу, левая из-за оплавленности рельефа теряется среди складок хитона. Сильно поврежденное изображение бородатого святого в верхнем медальоне точно не атрибутируется; возможно, это святитель – на левом плече читается полоса омофора (?).

Сравнительно меньше затронуты огнем рельефы оборотной створки. Основную плоскость вертикальной оси занимает фигура стоящей на поземе Богоматери, склонившей голову к сидящему на ее левой руке младенцу, взгляд Христа также обращен на Богоматерь (Одигитрия Перивлепта). Правая рука последней простерта к Христу, жест левой руки младенца из-за оплавленности рельефа не читается. Пострадали в пожаре и лики, особенно Богоматери; одежды менее повреждены и отличаются тщательной проработкой деталей. Рисунок параллельных, ниспадающих или облегающих тело "трубчатых" складок хитонов дополняет орнаментальная кайма мафория, образованная полосой из выпуклых прямоугольников.

Рис. 2. Энколпион № 1. Оборотная створка

Фигуры святых в медальонах, выполненные в очень высоком рельефе, но, к сожалению, с оплавленными ликами и не подписанные, однозначно не атрибутируются. В левом медальоне размещено погрудное изображение святой (?) – в мафории (?), с немного склоненной и повернутой в сторону Богоматери головой. В других медальонах представлены фронтальные погрудные фигуры святых воинов в сагиях. Безбородое лицо и округлая копна волос позволяют предположить, что в правом медальоне изображен св. Георгий. Воин верхнего медальона – безбородый, с длинными, спускающимися до плеч волосами, разделенными на прямой пробор – идентичен изображенному на серебряном энколпионе из владимирского клада 1993 г. (Жарнов Ю.Э., 1997, с. 87). Вероятно, это св. Нестор.

Второй крест (№ 2; рис. 3; 4) был отлит в глиняной форме: на боковых сторонах створок (особенно четко – на лицевой) видны швы соединения половинок оттиснутого в глине оригинала (рис. 5); рельефы подработаны чеканом. По всей видимости, в качестве моделей использовались два энколпиона, различающиеся параметрами поперечных ветвей, деталями оформления медальонов: выступы створок точно не совмещаются, рельефный "виток" валик окаймляет медальоны лишь оборотной половинки складня. Длина ветвей креста (без оглавия и ушек) – 8,5–8,6 × 7,2–7,4 см; оглавие – в виде биконической полой бусины. Рельефный валик, орнаментированный насечками или образованный выпуклыми точками, окаймляет внешний край обеих половинок энколпиона.

Изображенные в средокрестиях и на ветвях энколпиона фигуры не только отличаются схематизмом, заданным оригиналом, но и носят отпечаток небрежно выполненной работы. Имеющая значительные утраты (восполнены при реставрации) от-

Рис. 3. Энколпион № 2. Лицевая створка

ливка оборотной створки оказалась настолько грубой, что ее даже украсили неаккуратно прочеканенные кружки глаз (на лике святого верхнего медальона они оказались на уровне щек). Фигура стоящей на поземе Богоматери, держащей на левой руке младенца (тот же, что и на первом энколпионе, вариант Одигитрии), практически сливается, за исключением более рельефных ликов, с плоскостью створки. Фронтальные погрудные изображения святых в медальонах выполнены в сравнительно высоком рельефе, однако их лики, помимо прочеканенных глаз, а в левом медальоне носа, лишены какой-либо деталировки. В правом медальоне, судя по грубо переданной кайме застегнутого на плече сагия, изображен святой воин.

Точнее отражают невысокий художественный уровень модели неповрежденные рельефы лицевой створки. Фигура Христа не имеет характерного изгиба тела, массивные руки с прочеканенными на ладонях следами гвоздей немного согнуты в локтях, голова с непроработанными чертами лица и спускающимися на плечи прядями волос едва повернута вправо. Крестное древо передано верхним и нижним торцами с возглавием и подножием. Крайне упрощенно трактованы погрудные фронтальные изображения Богоматери (?) и Иоанна Богослова (?) в боковых медальонах и неизвестного святого в верхней ветви креста, отсутствует внутренняя окантовка медальонов.

Стилистические и технологические различия энколпионов из "усадьбы священнослужителя" определяют особую значимость этого комплекса однотипных крестов-складней для изучения домонгольской металлопластики. В частности, обнаружение отливки, сделанной по оттиску модели в глине, реально подтверждает возможность подобного способа тиражирования энколпионов (Пуцко В.Г., 1993, с. 25).

Рис. 4. Энколпион № 2. Оборотная створка

Владимирские кресты принадлежат к двум направлениям в древнерусском художественном литье, определяемым В.Г. Пуцко как "классифицирующее" и "архаизирующее" (Пуцко В.Г., 1997, с. 322–324). Если некачественная реплика оттиснутого в глине оригинала отражает основные черты модели "архаизирующего" стиля (большеголовые, большерукие приземистые фигуры с крупными носами и глазами), то рельефы другого энколпиона, даже несмотря на оплавленность, видимо, наиболее близки изображениям византийского прототипа.

По мнению В.Г. Пуцко, "модель старшего типа" таких энколпионов определяют экземпляры, аналогичные кресту из окрестностей Книна в Далмации, датированному им третьей четвертью XI в. и стилистически сопоставленному с бронзовой двухсторонней иконой из собрания И.С. Остроухова (Пуцко В.Г., 1987, с. 67). В посвященной иконе статье исследователь выделяет в качестве стилеобразующих такие особенности в изображении ликов, как крупный крючковатый нос, широкие дуги бровей, большие глаза, разделенные на прямой пробор волосы, увеличенные пропорции головы, выполненной в более высоком рельефе (Пуцко В.Г., 1983, с. 200, 201, 204). Представляется, что те же черты присущи и энколпионам с Распятием, Богоматерью типа Оранты с поднятыми перед грудью руками (Ассунта), а также четырьмя медальонами с фигурами архангелов и святых (Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко, 1899, табл. II, № 39/40); эти кресты по ряду признаков (общее композиционное решение, аналогичный иконографический тип Богоматери) близки энколпионам с "зеркальными" надписями и датируются, как и последние, концом XII – первой третью XIII в. (Дончева-Петкова Л., 1985, с. 51–53; Гнутова С.В., 1993, с. 13). В отношении складня из Книна следует заметить, что однообразные овалы глаз изображенных, штриховка, не

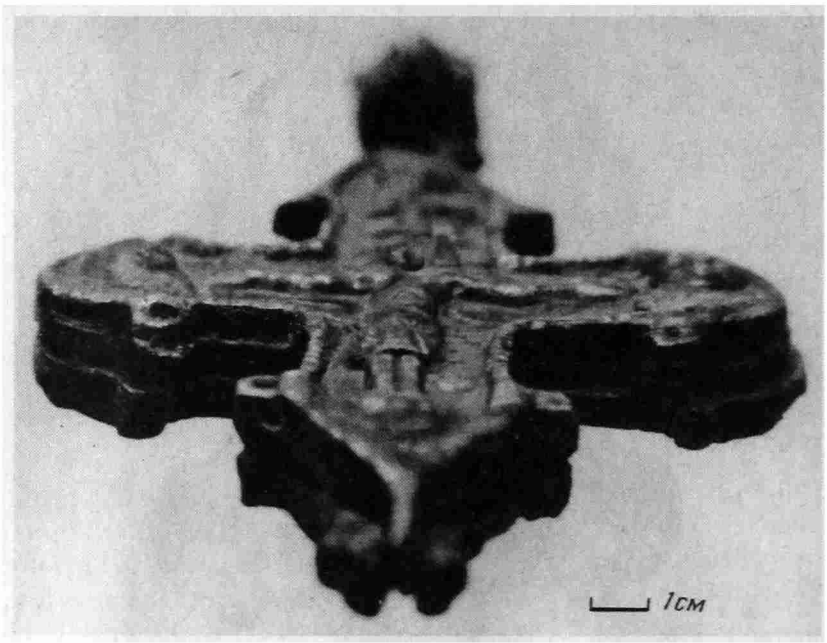


Рис. 5. Энколпион № 2. Вид сбоку

столько передающая складки часто даже неясного покроя одежд, сколько заполняющая фон, условность иконографии святых в медальонах придают кресту облик серийной, грубовато исполненной вещи. По-видимому, в данном случае речь может идти скорее о манере и профессионализме мастера XII–XIII вв., чем об особенностях художественного стиля второй половины XI в.

Сходная ситуация сложилась, в частности, и при датировке терракотовых икон с Княжей Горы: образки с Распятием, Иоанном Предтечей и св. Николаем были стилистически сопоставлены В.Г. Пуцко и Т.В. Николаевой с шиферными рельефами со святыми воинами из Дмитриевского и Михайловского монастырей Киева и на основании этого отнесены к произведениям XI в. (Пуцко В.Г., 1977; 1986, с. 171; Николаева Т.В., 1983, с. 21, 53, табл. 4, *1, 2, 5*). Заметим, что выполненная в той же манере сланцевая икона со святыми Сисинием и Николаем была датирована Т.В. Николаевой XII – началом XIII в. (Николаева Т.В., 1983, с. 53, 54, табл. 4, *4*). В настоящее время В.Г. Пуцко керамические иконы считает изделиями киевских мастеров "архаизирующего" направления начала XIII в. (Пуцко В.Г., 1997, с. 319–321). Между тем среди прототипов этого стиля в металлопластике фигурирует, кажется, лишь упоминавшаяся бронзовая икона (Пуцко В.Г., 1997, с. 324), которую, по-видимому, следует все же рассматривать в рамках древнерусской пластики конца XII – первой трети XIII в.

Таким образом, если понимать под архаизирующим направление, ориентировавшееся на древние образцы, то в случае с энколпионами исследуемого типа этот стиль совпадает с "классифицирующим", представленным крестом № 1. Манера исполнения одежд (рельефная кайма, "трубчатые" складки) позволяет датировать модель найденной во Владимире отливки последней третью XII – первой третью XIII в. (Жарнов Ю.Э., 1999). Вещь вероятно, имела заказной характер – очень специфичны представленные в левых медальонах святые (особенно на лицевой створке, на месте Богоматери). Рельефы энколпиона № 2 отражают, в первую очередь, уровень исполнительского мастерства, а сам складень является массовым ремесленным изделием предмонгольского времени. Признавая существование особого направления в мелкой пластике конца XII – первой трети XIII в., представленного такими вещами, как бронзовая икона с изображениями Христа Пантократора, архангела Михаила и пророка Ав-

Химический состав металла иконы с изображением архангела энколпионов № 1 и 2

Номер анализа	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
4339	Икона	Основа	21	3	0,06	0,01	–	0,1	0,07	0,1	0,04	–	–
4340	№ 1/а	Основа	21	1	–	0,02	–	0,4	0,4	0,02	–	–	–
4341	№ 1/б	Основа	29	0,9	0,01	0,02	–	0,4	0,4	0,02	–	–	–
4342	№ 2/а	Основа	24	2	0,4	0,03	–	2	0,8	0,3	0,01	0,005	–
4343	№ 2/б	Основа	26	3	0,02	0,009	–	0,4	0,07	0,1	0,007	–	–

Примечание. Содержание элементов в %; а – лицевая створка, б – оборотная створка.

вакума, энколпионы с четырьмя медальонами, Распятием и Ассунтой, стеатитовая икона из Галича со сценой Сошествия во ад (Пекарская Л.В., Пуцко В.Г., 1991, рис. 9) и др., следует заметить, что его определение как "архаизирующего", видимо, искажает реальную картину развития этого вида художественного ремесла.

О месте изготовления меднолитых энколпионов из раскопок "усадьбы священнослужителя" судить достаточно сложно. Спектральный анализ всех четырех створок крестов (таблица) выявил общий тип сплава (медь – олово – свинец); по мнению М.С. Шемаханской[1], химический состав металла позволяет говорить о вероятном "южном" происхождении отливок (Южная Русь, Византия). Однако отсутствие иных данных о составе сплава владимирской археологической бронзы не дает возможности оценить полученные результаты в контексте безусловно существовавшего в городе бронзолитейного производства. Наиболее вероятно местное изготовление энколпиона, исполненного по оттиску в глине двух различных крестов.

Литая икона с изображением архангела (рис. 6) серьезно пострадала при пожаре: рельефы частично оплавлены, некогда квадратная "доска" образка (6,2–6,5 см) деформирована и имеет утраты в нижней правой четверти (восполнены при реставрации). Примечательно, что фрагмент этого угла иконы был обнаружен в заполнении подвала в 2,5 м от основной части и на 0,8 м выше нее. Рельефы после отливки (по восковой модели ?) практически не подрабатывались[2], лишь на массивном округлом ушке, на лицевой уплощенной плоскости, был вырезан четырехконечный крест (короткой вертикальной ветвью вниз). Поле с фигурой архангела ограничено широкой (1 см) орнаментальной рамкой – оконтуренной рельефным валиком гирляндой миндалевидных выступов (в "проволочных" оправах, разделенных сдвоенными выпуклыми колечками; в углах рамки "миндалины" ориентированы по диагоналям иконы).

Архангел представлен фронтально, в рост, в лоратных одеждах, с лабарумом в правой руке; левая рука (видимо, со сферой) из-за повреждений практически не читается. Фигура исполнена в сравнительно высоком рельефе, глубина изображения визуально увеличивается за счет выдвижения на горизонтальные края рамки ног архангела и кубического навершия мерила. Даже отдельные, не поврежденные огнем фрагменты рельефа позволяют говорить об иконе как о высокохудожественной работе. С особой тщательностью передана традиционная двухчастная схема оперения крыльев (Банк А.В., 1978, рис. 32, 77, 127 и др.) – "елочка" тонких длинных краевых перьев и горизонтальные ряды контурных "чешуек" (заключенных в медальон ?) у локтевого изгиба крыла. В орнаментальной же манере, напоминающей эмалевые изображения, исполнены и одежды – туника-далматика с длинными и узкими рукавами,

[1] Выражаю благодарность зав. отделом исследования, консервации и реставрации музейного металла ГосНИИР, канд. техн. наук М.С. Шемаханской, проведшей спектральный анализ трех владимирских находок и прокомментировавшей его результаты.

[2] Следы чекана видны на навершии лабарума: четырьмя углубленными точками подправлено его Х-видное украшение.

Рис. 6. Икона с изображением архангела

Рис. 7. Иконка-привеска с изображением Богоматери

с оплечьем, с передней вертикальной и поперечной поясной нашивными частями лора (Чекалова А.А., 1989, с. 583, 584). Аналогичный сравнительно редкий вариант лоратных одежд с подобными рукавами представлен, в частности, на одной из эмалей XI в. Хахульского триптиха – с венчаемой Христом императорской четой, на мозаике XII в. в южной галерее собора св. Софии в Константинополе (Bank A.V., 1977, fig. 187; Лазарев В.Н., 1986, ил. 290). Лик архангела, выполненный в очень высоком рельефе, к сожалению, оплавлен; сравнительно хорошо прослеживаются мягкий овал подбородка, высокий лоб, спускающиеся на плечи перехваченные лентой локоны, аккуратный абрис ушей. Нимб передан двойным рельефным контуром.

Изображение не подписано и однозначно не атрибуируется. По-видимому, это архангел Михаил – предводитель небесного воинства, сравнительно чаще, чем архангел Гавриил, представляемый с лабарумом в правой руке. Впрочем, обычны и иные варианты расположения мерила (Лазарев В.Н., 1986, ил. 153, 381 и др.), Сложившийся еще в IX в. образ облаченного в императорские одежды архангела (мозаика в апсиде церкви Успения в Никее), символизирующий приближенность к царю небесному, едва ли не самый распространенный иконографический тип архангела Михаила в византийском искусстве (Банк А.В., 1978, с. 130). В древнерусской мелкой пластике этот тип многократно воспроизведен на рельефах змеевиков, фигурках-подвесках (Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991, с. 30, 49–58, табл. I–IV; Архипова Е.І., Боровський Я.Е., 1992; Недошивина Н.Г., 1996). Однако владимирская находка является пока уникальной меднолитой наперсной иконой с одиночным изображением лоратного архангела.

Тип сплава иконы, аналогичный использованному при литье энколпионов (таблица), лишь намечает вероятное – "южное" – направление поиска места ее изготовления: без планомерной химико-технологической атрибуции археологической бронзы из Владимира дальнейшее изучение этой проблемы не представляется возможным.

Поврежденность рельефа затрудняет датировку иконы. Орнаментальная манера исполнения одежд, изображение головы укрупненных пропорций, а также наличие широкой декоративной рамки позволяют отнести владимирский образ лоратного архангела к произведениям мелкой пластики конца XII – первой трети XIII в. Второй

половиной XII – началом XIII в. датируются исследователями и серии бронзовых литых икон из Раковец и Галича (Nikolajević I., 1978; Пекарская Л.В., Пуцко В.Г., 1991, с. 136, 137, рис. 11, 12). Особенности орнамента рамки, имитирующего, вероятно, украшенный драгоценными камнями оклад, позволяют предположить, что в качестве образца мастеру, изготовившему модель владимирской отливки, послужил почитаемый иконописный образ архангела Михаила (или, возможно, его эмалевая копия), подобный происходящему из Ярославля (Государственная Третьяковская галерея, 1995, кат. 41).

На обнаруженной в заполнении подвала (на 1 м выше уровня дна) прямоугольной иконке-привеске представлена Богоматерь: в рост, фронтально, с молитвенно воздетыми руками (рис. 7). Поперечные размеры иконки (без ушка) – 1,6 × 2,1 см. После изготовления отливки (по-видимому, с использованием каменной формы) рельефное изображение дополнительно не подрабатывалось. Фигура Оранты, учитывая миниатюрные размеры предмета, выполнена в сравнительно высоком рельефе. К сожалению, в ходе удаления окислов были утрачены отдельные участки рельефа (между правой рукой и ликом, над головой), а некоторые детали изображения теперь едва читаются. Поле с фигурой Богоматери оконтурено выпуклым валиком шириной до 0,1 см; центральную часть нижней рамки прерывает подтреугольный выступ – фрагмент литника.

Оранта облачена в длинный, скрывающий ноги хитон и мафорий, накинутый на голову, тяжелой скрещивающейся на груди драпировкой опускающийся до пояса и ниспадающий с разведенных в стороны рук тремя широкими полотнищами-складками. Последние, обозначенные контурными рельефными линиями, а также складки на груди едва заметны. Драпировки хитона переданы вертикальными, подчеркивающими позицию ног полосами и завершаются двумя заостренными выступами-ступнями. Укрупненный лик Богоматери серьезно корродирован, но, вероятно, он не был проработан и первоначально; прослеживаются лишь края мафория, рельефный валик нимба. В верхних углах иконки до реставрации скорее угадывалась, чем читалась традиционная, перекрываемая титлами литая монограмма: МРΘУ. В настоящее время достаточно четко видны лишь титло и овал "теты" над левой рукой Богоматери.

Аналогичные иконки-привески, атрибуируемые иногда как образки со св. Николаем, происходят из кургана 1 у дер. Зворыкино Новгородской губ. (3 экз.), из Ярополча и Звенигорода Галицкого (Голубева Л.А., 1962, с. 69, 70, рис. 12, *26*; Седова М.В., 1978, с. 119, табл. 6, *18)*; комплексы с подобными образцами, в целом, датируются XII – началом XIII в.

Представленные на этих иконках изображения Богоматери Оранты (Влахернитиссы), истоки иконографии которой восходят к раннехристианскому времени, наиболее типичны для настенных алтарных композиций IX–XII вв. и сравнительно часты на византийских монетах и печатях XI–XIII вв. (Кондаков Н.П., 1915, с. 62–68, рис. 4, 5). По всей видимости, непосредственными прототипами модели владимирского и подобных образков послужили изображения на буллах русских церковных иерархов; идентичные рельефы известны, в частности, на печатях новгородских епископов конца XII – первой трети XIII вв. Мартирия и Митрофана (Янин В.Л., 1970, с. 53–59, 147–150, № 60, 61, 312). Идея о прямом копировании в медном художественном литье сцен, представленных на актовых печатях, уже высказывалась исследователями; примечательно, что эта тенденция была прослежена именно по материалам металлопластики Владимиро-Суздальской Руси (Седова М.В., 1988; 1997, с. 197–202). Вероятно, сходство рельефов иконок-привесок и булл именно упомянутых иерархов является следствием фрагментарности информации о личных печатях русских епископов (в первую очередь Ростова, Суздаля, Владимира), однако его необходимо учитывать при датировке и определении места изготовления иконок с изображением Богоматери Оранты.

Рассмотренные произведения медного литья – энколпионы и иконы – не составляют единой стилистической группы и, по-видимому, не только изготовлены в различных мастерских, но и происходят из нескольких художественных центров. Но разными

путями оказавшиеся на территории одной усадьбы[3] и даже в пределах одной постройки, эти вещи, уже как единый комплекс металлопластики, достаточно ярко характеризуют наиболее плодотворный период в истории древнерусского медного литья (конец XII – первая треть XIII в.), определяющийся сосуществованием ряда стилистических направлений, целой группы мастеров с индивидуальной творческой манерой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архипова Е.І., Боровський Я.Е., 1992. Бронзова підвіска з Киева із зображенням архангела // Археологія. № 2.

Банк А.В., 1978. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М.

Гнутова С.В., 1993. Медная мелкая пластика Древней Руси (Типология и бытование) // Русское медное литье. Вып. 1. М.

Голубева Л.А., 1962. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. № 3.

Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания, 1995. Т. I. М.

Дончева-Петкова Л., 1985. Древноруски кръстове-енколпиони от България // Археология. № 1.

Жарнов Ю.Э., 1997. Усадьба первой трети XIII века "Ветчаного города" Владимира-на-Клязьме // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М.

Жарнов Ю.Э., 1999. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира-на-Клязьме // РА. № 3.

Жарнов Ю.Э., Мошенина Н.Н., 1999. Исследования в "Ветчаном городе" Владимира // АО – 1997.

Зоценко В.Н., 1981. Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднепровья. Киев.

Кондаков Н.П., 1915. Иконография Богоматери. Т. II. Пг.

Корзухина Г.Ф., 1958. О памятниках "корсунского дела" на Руси (По материалам медного литья) // ВВ. Т. XIV.

Лазарев В.Н., 1986. История византийской живописи. Таблицы. М.

Недошивина Н.Г., 1996. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // РА. № 2.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М.

Николаева Т.В., Чернецов В.А., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.

Пекарская Л.В., Пуцко В.Г., 1991. Византийская мелкая пластика из археологических находок на Украине // Южная Русь и Византия. Киев.

Перхавко В.Б., 1987. Находки энколпионов на территории Югославии // СА. № 4.

Пуцко В.Г., 1977. Киевские рельефы святых всадников // Старинар. Кн. XXVII. Београд.

Пуцко В.Г., 1983. Русская путевая икона XI в. // ПКНО-1981.

Пуцко В.Г., 1986. Киевская сюжетная пластика малых форм (XI–XIII вв.) // Зборник посветен на Бошко Бабич. Прилеп.

Пуцко В.Г., 1987. Древнейшие типы киевских крестов-энколпионов // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 2б. М.

Пуцко В.Г., 1993. О системном изучении русского художественного литья малых форм // Русское медное литье. Вып. 1. М.

Пуцко В.Г., 1997. Художественное ремесло Киева начала XIII века (по данным археологических находок) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. I. М.

Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.

Седова М.В., 1988. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси. М.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.

[3] Продолжающиеся раскопки "усадьбы священнослужителя" позволили пополнить коллекцию произведений художественной бронзы: в 1998 г. обнаружены фрагментарный напрестольный крест – копия отливки, происходящей из Княжей Горы (Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко, 1899, табл. IV, № 46), а также привеска в виде лоратного (?) архангела, аналогичная находкам из курганов Костромской и Московской областей (Недошивина Н.Г., 1996, с. 203).

Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко, 1899. Древности русские: Кресты и образки. Вып. I. Киев.
Чекалова А.А., 1989. Быт и нравы // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М.
Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М.
Bank A.V., 1977. L'Art Byzantin dans les musées de l'Union Soviétique. Leningrad.
Nikolajević I., 1978. Depotfund bronzener Kunstgegenstände aus Rakovac – ein Beispiel des Exports byzantinischer Kunst // Byzantinischer Kunstexport. Halle.

Государственный центр по учету, использованию
и реставрации памятников истории и культуры
Владимирской области, Владимир

Yu.E. ZHARNOV

FIGURATIVE COPPER-CASTING ART ACCORDING TO THE EXCAVATIONS AT THE "PRIEST'S ESTATE" IN VLADIMIR-ON-KLYAZMA

Summary

The pieces of figurative copper-casting art found in Vladimir during the excavations of the 13th-century estate occupy an important position in the collection of Christian antiquities. The author publishes two crosses and two icons (Figs. 1-7). These species provide a clear characteristic of the flourishing period in ancient Russian copper-casting – the late 12th – the first third of the 13th centuries. The period in question was defined by the co-existence of a number of stylistic trends, and a numerous group of artists displaying their individual artistic manners.

В.Ю. КОВАЛЬ, А.Н. МЕДВЕДЬ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

При охранных археологических раскопках 1997 г. на городище летописного Ростиславля Рязанского (Озерский район Московской области) был найден обломок белокаменного (известнякового) блока с фрагментом надписи, выполненной в технике глубокой тонкой линейной резьбы (рис. 1 и 2). Эпиграфические находки на территории Рязанской земли (в состав которой некогда входил Ростиславль) – исключительная редкость, а образцы эпиграфики на белом камне до сих пор здесь не были известны вовсе.

Размеры обломка 23 × 13 см, толщина 7–12 см (задняя поверхность сколота). Сохранились две боковые поверхности блока, несущие следы грубой отески. Лицевая плоскость блока не была достаточно тщательно выровнена (имеются бугры и западины), но при этом сама поверхность камня здесь подвергалась шлифовке. Вдоль верхнего края блока сделан уступ (фаска) шириной 1,5–2 см при глубине 0,5–0,7 см. Видимо, такой же уступ проходил вдоль левого края блока, который поврежден мелкими сколами. Таким образом, на камне сохранился левый верхний угол текста. Известняк, послуживший материалом для блока, ничем не отличается от того, которым сложен весь коренной правый берег р. Оки от Каширы до Коломны и добывается в близлежащих карьерах (Щуровском, Городнянском); он представляет собой прочный камень чистого белого цвета, низкой пористости. Этот известняк слагает основание мыса, на котором стоит Ростиславль, и из него состоит большинство камней, в изобилии встречающихся в культурном слое городища.

Надпись на фрагменте блока расположена горизонтально и состоит из букв древнерусского алфавита ("кириллицы"), размещенных в трех строках. Кроме того, две буквы ("І", "С") находились слева от строчной надписи, на уровне между первой и второй строками.

В первой строке читаются буквы: "К", "Р", "С", "Т", "Ъ", "П", "О", "С" (фрагментарно); во второй – "К", "О", "М", "Л", "Юс малый", "Т", "А", в третьей – "М", "А", "Т", "Ять". Качество начертания букв различно. Так, буквы І, К, Л, С (в монограмме "Иисус") почти процарапаны, тогда как буквы А, М, О, П, С (в слове "крест"), Т, Ъ, Юс, Ять прорезаны более глубоко и гораздо четче. По-видимому, резчик не имел достаточного навыка выполнения подобных работ либо пользовался различными инструментами.

Первые пять букв первой строки составляют сокращенное слово "крест"[1]. На сокращение указывает наличие титла в виде прямой линии с загнутыми вверх концами и отсутствие буквы "Е". Подобное же сокращение слова "крест" ("крстъ") имеется на Стерженском кресте, датируемом 1133 г. (Колосов В.И., 1890). Слово "кръ" встречается на Нерльском кресте (Воронин Н.Н., 1940, с. 311). Таким образом, первое слово надписи ясно показывает, что обнаруженный фрагмент белокаменного блока это часть верхнего конца креста. От следующего слова в первой строке полностью

---

[1] Авторы выражают благодарность сотруднику Центра археологических исследований УГК ОИП г. Москвы А.В. Алексееву, оказавшему помощь в прочтении надписи.

© В.Ю. Коваль, А.Н. Медведь, 2000 г.

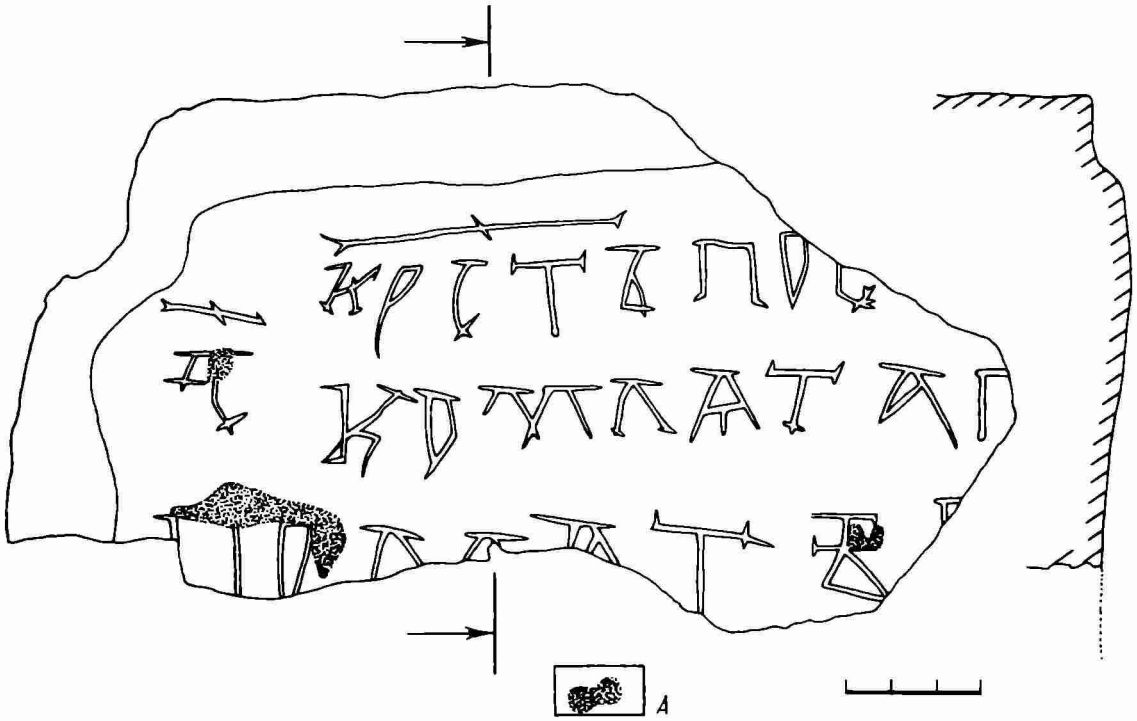


Рис. 1. Обломок белокаменного креста с надписью. Прорись

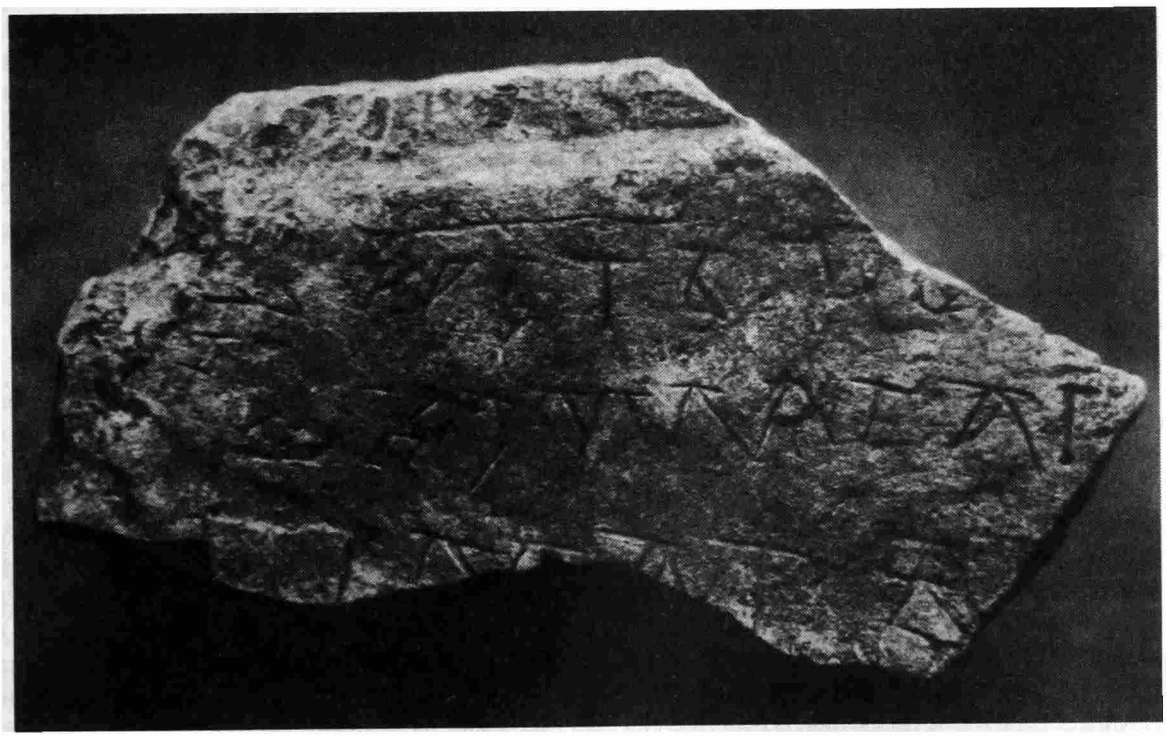


Рис. 2. Обломок белокаменного креста с надписью. Фото

сохранились лишь две его начальные буквы – "П" и "О". За ними следовала, по-видимому, буква "С", от которой сохранилась только нижняя половина. Можно предположить, что это начало слова "поставіша" (поставил). Формула "крест поставлен" (в различных вариантах) встречается на многих намогильных и памятных крестах. Так, на Стерженском кресте (1133 г.) читаем: "6641 месяца июля 11 день почах рыти

реку сию яз Иванко Павловиц и крест се **поставих**" (Колосов В.И., 1890); на Воймерицком кресте (XII в.): "Мирославоу и Лазоревы братья и мати Мирослава **поставили** хрестъ. Славоне делале" (Спицын А.А., 1903, с. 208); на кресте из Изборска (1492 г.): "Лета 700 миром **поставлен** крест на рабе божии на Степане" (Седов В.В., 1976, с. 103).

Первые семь букв во второй строке надписи составляют слово "Комлята". Вероятно, это мужское имя. В пользу такой интерпретации говорят многочисленные примеры древнерусских имен, имеющие окончание "та" – Людота, Ходота, Своята, Климята, Милята и т.п. Личное имя "Комлята" до сих пор известно не было. Определить его смысловое значение помогает существовавшее в древнерусском языке прилагательное "комлатый" (вариант: "комолый"), упоминаемое в некоторых письменных памятниках первой половины XVII в., где, среди прочих, оно имеет и значение "короткий, куцый" (Словарь русского языка..., 1980, с. 264). Таким образом, имя Комлята могло означать просто "коротышка". От последней (восьмой) буквы во второй строке сохранился только ее верхний левый угол, однако очевидно, что подобное начертание могли иметь только буквы "П" и "Г".

Буквы нижнего, третьего ряда надписи выполнены примерно в полтора раза крупнее – их высота достигает 2,5 см. Две первые буквы этого ряда сильно повреждены сколами, но можно с высокой степенью уверенности предполагать, что это буквы "П", "О". Трактовка последующих четырех букв не вызывает сомнения: "МАТЂ". Вслед за ними в строке сохранился только верхний левый угол буквы (буквы "Р"?). Очевидно, здесь сохранилась часть слова "мать", употребленного в дательном падеже ("матере"). Использование этого слова в данной форме встречается на Воймерицком кресте XII в. (Спицын А.А., 1903, с. 208).

Две буквы, расположенные слева от строчной надписи, являются монограммой имени "Иисус", перекрытой титлом. Титло представляет собой прямую черту с тремя насечками (две по краям, одна – в середине), направленными вверх – влево. Подобные монограммы имени Иисуса Христа ("ІС", "ХС"), размещенные по сторонам основной надписи, – неотъемлемый атрибут намогильных и памятных крестов новгородско-псковской земли. Таков, например, крест из селения Подмошье (Седов В.В., 1982, табл. LVI, *3*), где аналогичная монограмма так же, как и в нашем случае, расположена по краям верхней лопасти креста.

Итак, можно предложить следующий вариант прочтения надписи:

Крест пос(тавиша)
И(ису)С (Х(ристо)С)
Комлята г(?) .....
по мате(ре) .....

Исходя из полученных данных, можно составить представление о размерах данного креста и реконструировать всю начальную часть надписи. Учитывая, что в первой строке надписи не могло быть более 2–3 слов (варианты: "крстъ поставіх аз", "крстъ поставіша сей"), ширина стержня креста не должна была превышать 40–45 см (рис. 3). Эти размеры близки Нерльскому кресту, ширина стержня которого составляла 34–35 см (определена нами по фотографии, опубликованной Н.Н. Ворониным, исходя из общих размеров креста) (Воронин Н.Н., 1940, рис. 1). Длина первой строки и монограммы "ІС" – "ХС" по краям надписи диктовали одинаковую длину и второй строки, начинавшейся с имени Комляты. Какое же слово следовало за ним? Это могло быть либо прозвище, либо указание на социальное положение заказчика надписи (его профессии, титула, должности), причем это слово начиналось на "Г" или "П" и не могло содержать более 5–7 букв. Заметим, что над первой буквой этого слова видна выбоина, похожая на начало титла (рис. 2). Вариантами реконструкции здесь могут быть сочетания "Комлята посадник", "Комлята гость" и т.п. Первый вариант сомнителен из-за слишком большой длины слова "посадник", зато второй вполне вероятен (рис. 3). В

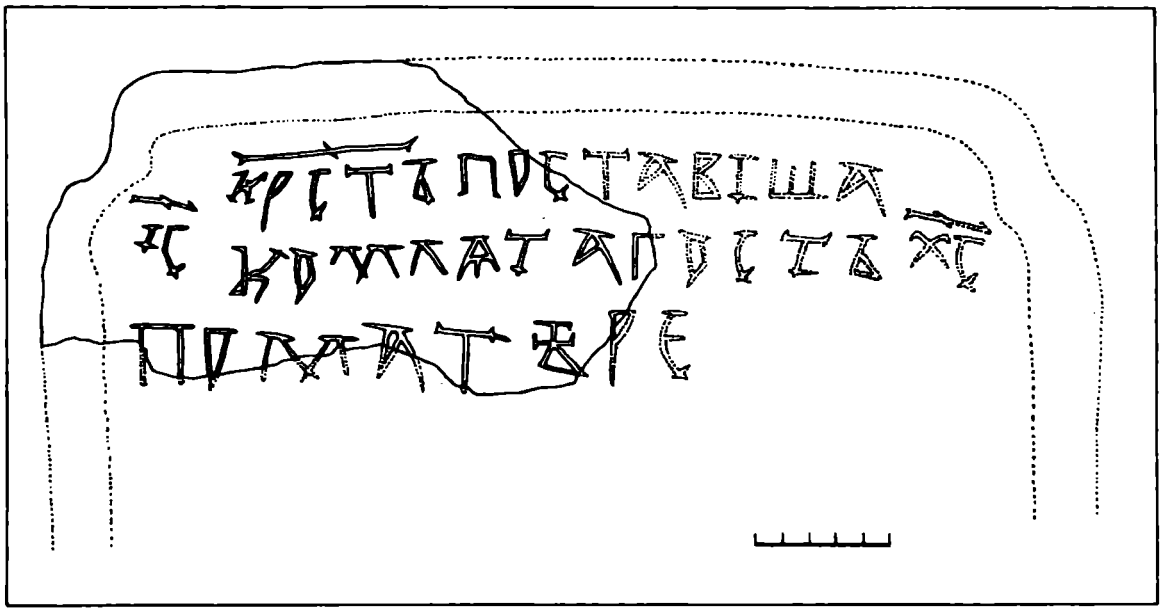


Рис. 3. Вариант реконструкции начала надписи на белокаменном кресте

пользу данной гипотезы говорит и следующее соображение: традиция установки каменных крестов в Поочье не получила самостоятельного развития (территориально ближайшие каменные кресты известны только в районе Козельска и близ Суздаля), а потому ростиславльский крест следует рассматривать скорее как результат внешнего импульса – подражания новгородско-псковским крестам. Но кому же было стать инициаторами таких подражаний, как не купцам ("гостям") – самой подвижной части городского населения средневековой Руси? Тем более что, без сомнения, рязанские купцы часто бывали в Новгороде и его округе. Разумеется, предложенная реконструкция рассматривается нами только как один из многих возможных вариантов.

В третьей строке надписи после слова "матере", очевидно, должно было стоять слово "своя", а далее, в следующих строках, – имя этой женщины и, может быть, год установки креста. В целом вся начальная часть надписи могла выглядеть следующим образом: "Крстъ поставіша Комлята гость(?) по матере своя (имя)..." (рис. 3).

Теперь перейдем к палеографической характеристике букв надписи[2]. К сожалению, в нашем распоряжении имеется не много примеров надписей X–XIV вв., вырезанных на камне (Седов В.В., 1982, табл. LVI). Ближайшим по географическому месторасположению к ростиславльскому является Нерльский крест XII в. (рис. 4), отличающийся значительно более высоким качеством исполнения надписи, которая при этом демонстрирует идентичное написание букв "А", "Р", "Юс малый". Недостаток сравнительного материала для анализа и датировки исследуемой надписи сделал необходимым привлечение довольно большого массива других эпиграфических источников – граффити на штукатурке стен зданий. Техника их исполнения в принципе сближается с резьбой по камню. При этом начертание некоторых букв на ростиславльском кресте практически не отличается от граффити.

Наибольший интерес в этой связи представляют эпиграфические памятники Рязанской земли. В качестве ближайших аналогий можно привести надписи, происходящие из раскопок Борисоглебского храма в Старой Рязани (Монгайт А.Л., 1955, с. 187). На фрагменте штукатурки читаются несколько слов: "Игорь", "валя" и, видимо, начало молитвенной надписи: "ГН ПО...". А.А. Медынцева относит эти надписи к концу XII в. (Медынцева А.А., 1988, с. 251). Важно также то, что в слове "валя" все буквы имеют на нижних и верхних окончаниях горизонтальные черточки (Медынцева А.А.,

[2] Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность А.А. Медынцевой за консультацию по данному вопросу.

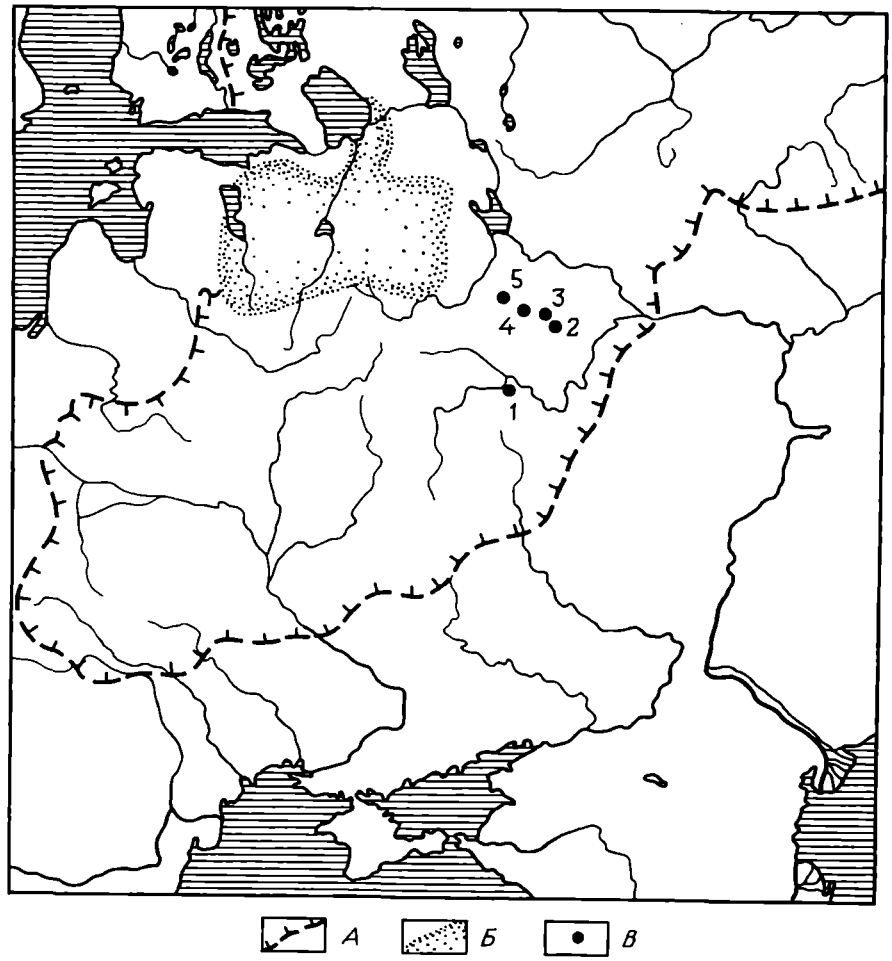


Рис. 4. Схема распространения каменных крестов с многострочными надписями на территории Руси (*А* – границы средневековой Руси; *Б* – ареал новгородско-псковских каменных крестов (по В.В. Седову); *В* – места единичных находок каменных крестов с надписями). *1* – Ростиславль; *2* – Нерльский крест; *3* – Суздаль; *4* – Юрьев-Польский; *5* – Переяславль-Залесский

1988, рис. 3). Эта особенность сближает старорязанские граффити с ростиславльским крестом и, видимо, указывает на их хронологическую близость. Исследователь русской эпиграфики Т.В. Рождественская отмечала, что для граффити, так же как для берестяных грамот, характерна известная "архаизация" начертания букв. С этим связано и распространение покрытия (горизонтальных черточек) у некоторых букв (Рождественская Т.В., 1991, с. 61). Можно даже предположить, что "крышечки" у букв являлись как бы "контрольной" линией для резчика. Однако в нашем случае наблюдается несколько иная картина: действительно, много букв надписи покрыто "крышечками" (А, Л, М, Юс и даже С), однако четкого горизонтального расположения буквы не имеют – они "пляшут" в строке.

В публикуемой надписи буква "А" встречена в словах "Комлята" и "мате...". В слове "Комлята" она имеет четкую остроугольную форму. Особо отметим довольно длинную поперечную черту, перекрывающую верхнюю часть буквы. В слове "мате..." эта черта выходит за букву влево. Идентичное написание буквы "А" можно видеть на старорязанских граффити конца XII в., например в слове "валя" (реконструируемом как "хваля") (Медынцева А.А., 1988, с. 251). Близкое начертание этой буквы встречается в граффити из Софии Киевской: в "надписи Мартирия" (датируется концом XII в.) (Рыбаков Б.А., 1964, с. 34, табл. XXIV, рис. 1, 2; Высоцкий С.А., 1976, с. 50), в "записи Кузьмы-вора", которую С.А. Высоцкий относит к XIII–XIV вв.

(Высоцкий С.А., 1976, с. 96), в "записи Ильи", датируемой XI веком (Высоцкий С.А., 1976, с. 32), в "надписи Петра" (XI в.) (Высоцкий С.А., 1976, с. 278), "надписи Василия-Владимира Мономаха" (начала XII в.) (Высоцкий С.А., 1976, с. 304, 305). Из Новгородских граффити отметим надпись, опубликованную под № 45 и датируемую XI в. (Медынцева А.А., 1978, с. 63), где начертание буквы "А" также совпадает с графикой ростиславльского креста. Впрочем, в той же манере эта буква писалась и позже – вплоть до XV в. (Медынцева А.А., 1997, табл. 89).

Буква "І" (И десятеричная) имеется только в монограмме "Иисус". Она слегка наклонена вправо и похожа на латинскую цифру I.

Буква "К" встречается в словах "крсть" и "Комлята". В слове "крсть" она имеет очень маленькие размеры, по сравнению со всем словом, и как бы "висит" над строкой. В слове же "Комлята" эта буква более "развитая", причем ее нижняя ножка слегка изогнута. Мачта буквы и верхняя ножка перекрыты горизонтальными черточками.

Буква "Л" читается только в слове "Комлята". Как наверху, так и внизу у этой буквы имеются поперечные черточки, причем нижние располагаются не горизонтально, а под небольшим углом. Сходное написание этой буквы встречается в надписи о смерти Владимира Мономаха, датированной 1125 г. (Высоцкий С.А., 1976, с. 326, табл. LVII, *1*).

Буква "М" встречается в словах "Комлята" и "мате...". В первом из них поперечные черточки "венчают" букву, тогда как в нижней ее части черточек нет. В слове "мате..." наблюдается несколько небрежное начертание этой буквы.

Буква "О" имеется в словах "по(ставил)" и "Комлята". В первом – "О" вырезана при помощи четырех штрихов, во втором эта буква имеет более грубое начертание с перекрещиванием штрихов.

Буква "П" встречается один раз в слове "по(ставил)".

Буква "Р" встречена в слове "крсть". Ее петля имеет треугольную форму, нижняя часть мачты чуть выходит вниз за строку. Аналогичное начертание этой буквы можно видеть среди граффити из Старой Рязани (например, в слове "Игорь"). В обоих случаях буква "Р" похожа на флажок (Медынцева А.А., 1988, рис. 3). Сходное начертание этой буквы встречается в нескольких надписях из Киева и Новгорода. С.А. Высоцкий отметил, что при написании буквы "Р" "преобладает головка в виде треугольника, примыкающего одной из своих сторон к мачте буквы" (Высоцкий С.А., 1976, с. 176). Подобное написание встречается в надписи № 27 (датируется 1107 г.) из Софии Киевской и включено С.А. Высоцким в сводную палеографическую таблицу софийских граффити, относящихся к XII в. (Высоцкий С.А., 1976, с. 170). Такое же "Р" встречено в надписях Сетира и Гаги и Сетира (относятся к середине XI в.) из Софии Новгородской (Медынцева А.А., 1978, № 19, 22) и описано А.А. Медынцевой как "Р с головкой в виде прямоугольного треугольника, примыкающего прямым углом к верхней части мачты... оно отличается тем, что вертикальная линия этой буквы уже выходит за нижний уровень строки..." (Медынцева А.А., 1978, с. 63). По мнению автора, такое написание указывает на древность надписи. Такая же буква "Р" встречена и в надписи № 178, датируемой XIII в. (Медынцева А.А., 1978, с. 113).

Буква "С" имеется в трех словах надписи: "крсть", "по(ставил)", и в монограмме "Иисус". В слове "крсть" она начертана в три приема, имеет поперечную черточку в нижней части, как бы ограничивающую букву. Верхняя часть буквы перекрыта горизонтальной черточкой с загнутым вверх левым концом. В слове "по(ставил)" видна лишь нижняя часть буквы "С", ее начертание аналогично. В монограмме "Иисус" эта буква также начертана в три приема, хотя и менее тщательно.

Буква "Т" встречена в словах "крсть", "Комлята", "мате...". В первом из них на горизонтальной перекладине "Т" имеются по краям перпендикулярные верхние концы. В слове "Комлята" буква "Т" имеет такую же форму, однако снизу ее ограничивает поперечная черточка. Наконец, в слове "мате..." эта буква расположена не вертикально, а наклонена вправо.

Буква "Юс малый" встречена в слове "Комлята". Ее начертание отличается "устав-

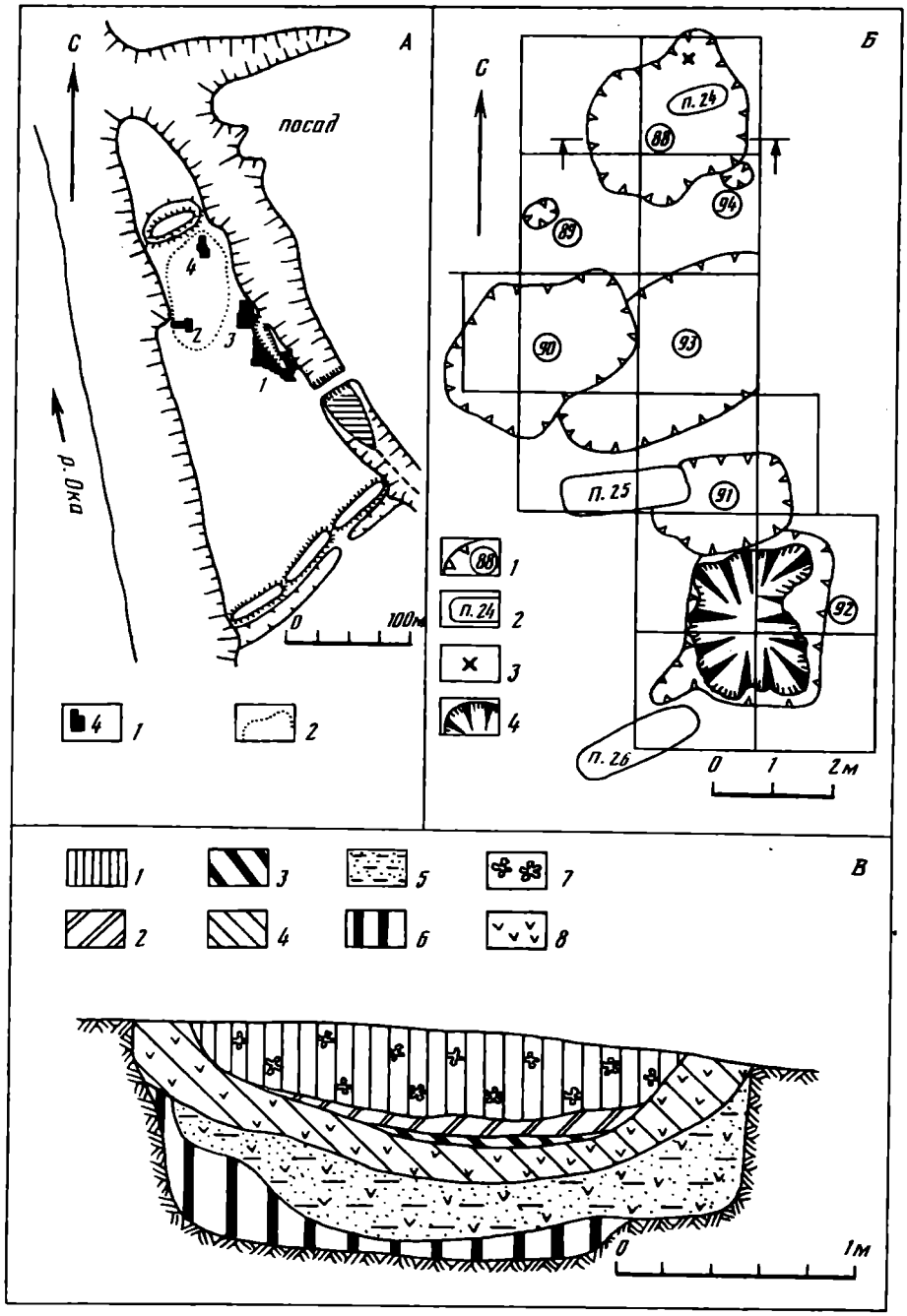


Рис. 5. Место находки обломка белокаменного креста на Ростиславле
А – схема городища Ростиславль (*1* – номера раскопов; *2* – граница позднесредневекового кладбища); *Б* – раскоп 4 (*1* – номера ям; *2* – номера погребений; *3* – место находки обломка белокаменного креста; *4* – грабительская яма); *В* – разрез ямы 88 (*1* – коричневая супесь; *2* – темно-серый суглинок; *3* – желтый суглинок; *4* – серый суглинок; *5* – пестрый суглинок; *6* – желтый суглинок с включениями серого суглинка; *7* – куски печины; *8* – уголь)

ной" строгостью. Над ее верхней частью прорисована горизонтальная черточка, "венчающая" букву. Подобное начертание характерно для письменных памятников XIII–XIV вв. (Пронштейн А.П., Овчинникова В.С., 1981, с. 15).

Буквой "Ъ" оканчивается слово "крстъ". Нижняя петля буквы имеет правильную треугольную форму, ее начертание отличается очень хорошей проработкой.

Наконец, буква "Ять" имеется только в слове "мате...". Отметим две особенности –

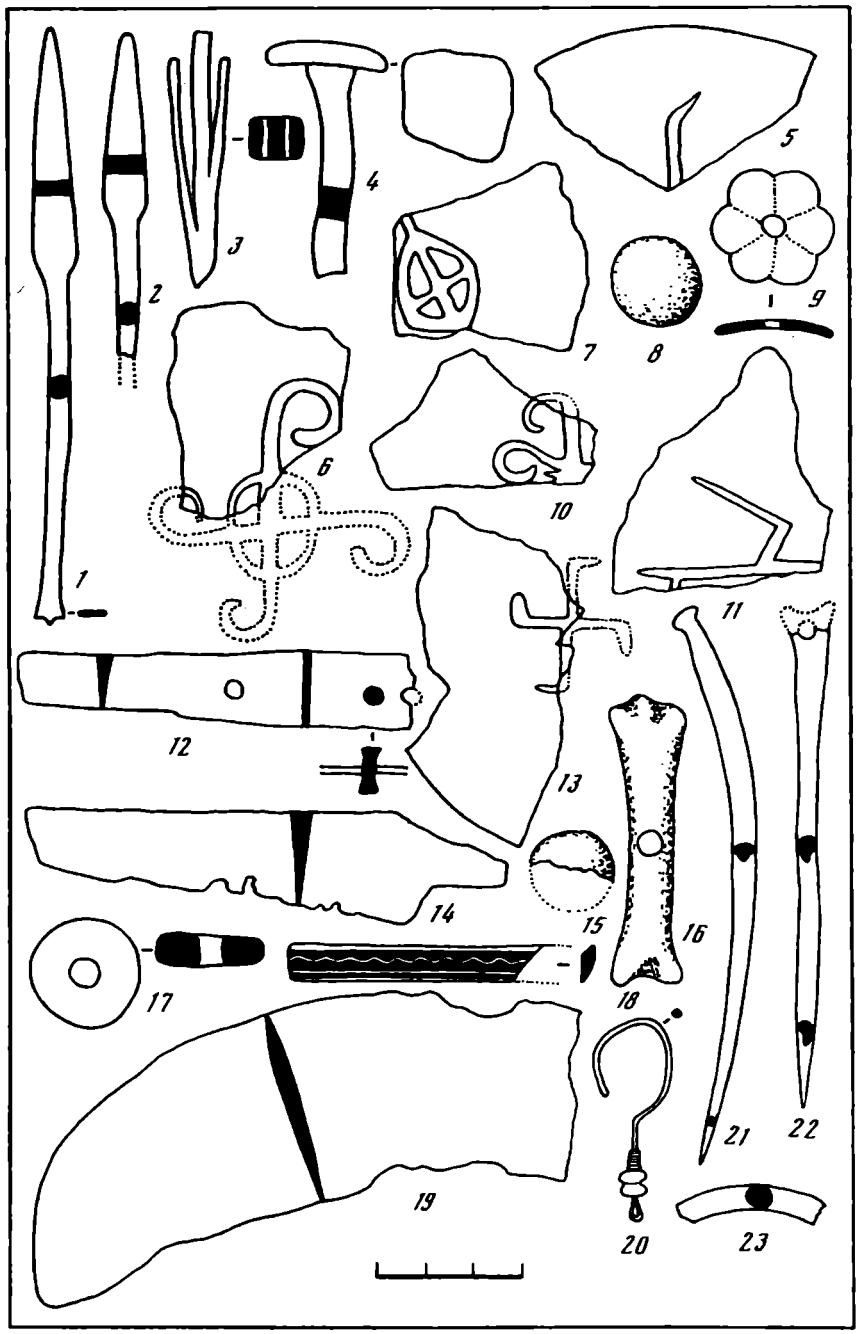


Рис. 6. Находки из комплексов на раскопе 4 в Ростиславле: *1–7* – из ямы 88; *8–11, 13, 14* – из ямы 90; *12, 15–23* – из ямы 91 (*1–4, 9, 12, 14, 19* – железо; *5–8, 10, 11, 13, 15* – керамика; *16, 18, 21, 22* – кость; *17* – камень; *20* – медь, стекло; *23* – стекло)

"дополнительная" перпендикулярная черта в верхней части буквы и изогнутая влево мачта в ее нижней части.

Для палеографической датировки надписи на ростиславльском кресте особый интерес представляет граффито № 206, происходящее из Софии Новгородской, где встречено сразу несколько букв, имеющих аналогичное начертание. Таковы буквы "М", "С" (с черточкой в верхней части) и "Р". Надпись датируется XIII в. А.А. Медынцева отмечает, что "надпись выполнена... своеобразным почерком, характерной особенностью которого являются отчеркивание верхних частей букв..." (Медынцева А.А., 1978, с. 150). С подобным стремлением к "отчеркиванию" букв мы встречаемся и на ростиславльском кресте.

Палеографы отмечают следующие особенности в написании букв письменных памятников XI–XIII вв.: буква "А" часто имела крышку, "Л" состоит из двух наклонных линий, покрытых вверху перекладиной, у буквы "П" существовала слегка изогнутая ножка (правая, или левая) (Пронштейн А.П., Овчинникова В.С., 1981, с. 15, 40). На примере группы новгородских крестов показано, что "остроугольность" в изображении некоторых букв (прежде всего, Ъ) характерна для памятников XII–XIII вв. (Бочкарева М.Н., 1974, с. 108). Все эти признаки можно видеть и в надписи на ростиславльском кресте. Таким образом, исходя из палеографических особенностей этой надписи, есть все основания относить ее к XII–XIII вв.

Особо следует остановиться на условиях находки описываемого здесь обломка креста. Он был обнаружен на раскопе 4, в верхней части заполнения ямы 88 (на глубине 25–30 см от ее поверхности). Раскоп 4 был разбит почти у самого подножья вала, отделяющего мысовой узел фортификации от остальной площадки детинца Ростиславля (рис. 5, *А*). Необходимость охранных работ в этой зоне диктовалась возникновением здесь кладоискательских разрытий, повредивших во многих местах верхний горизонт культурного слоя и почти полностью уничтоживших один из средневековых комплексов (яму 92). Яма 88 была нарушена детским погребением, принадлежавшим позднесредневековому (XVI–XVII вв.) кладбищу, занимающему всю северную часть площадки городища (рис. 5, *Б*). Однако обломок креста залегал в слое серого суглинка, составлявшем срединный горизонт заполнения ямы (рис. 5, *В*), и к тому же на расстоянии полуметра от погребения. Следовательно, он попал в яму 88 непосредственно в момент ее заполнения. Датировка этого заполнения представляла значительную трудность, поскольку никаких узко датирующих индивидуальных находок в яме не оказалось. Здесь были найдены только железное сверло (?), обломок другого такого же орудия, обломки железного кованого гвоздя, пружины от цилиндрического замка и днищ горшков с клеймами (рис. 6, *1–7*). Таким образом, датирующим материалом для ямы 88 могла быть только керамика (рис. 7). Важнейшие показатели статистических хроноиндикаторов данного комплекса представлены в таблице. Там же указаны значения тех же показателей для керамических комплексов ям 90 и 91, вскрытых в непосредственной близости от ямы 88 и, вероятно, входивших вместе с ней в состав одной усадьбы (рис. 5, *Б*). Границы этой усадьбы на небольшой площади охранного раскопа не могли быть прослежены, однако ясно, что она занимала северо-восточный угол площадки детинца, непосредственно перед валом мысового укрепления.

Из таблицы видно, что керамические комплексы ям 88, 90 и 91 по основным статистическим показателям весьма близки между собой, а по некоторым хроноиндикаторам идентичны, что, видимо, свидетельствует об их синхронности. К этому следует добавить, что в парах ям 88–90 и 90–91 были найдены обломки, принадлежавшие одним и тем же сосудам. Таким образом, для датировки ямы 88 допустимо привлечь находки из ям 90 и 91. Наиболее важен в этом отношении комплекс ямы 91, в котором была найдена медная проволочная серьга в виде знака вопроса, украшенная двучастной зеленой стеклянной бусиной (рис. 6, *20*). Подобные серьги появляются на Руси и вообще в Восточной Европе только после прихода монгол (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 193, рис. 42, *4*), т.е. не ранее второй половины XIII в. В материалах Новгорода такие серьги датируются концом XIII–XV вв. (Седова М.В., 1981, с. 14, рис. 3, *1*, *8*; 1997, с. 16, 65, табл. 58, *28*, *29*; Гайдуков П.Г, 1992, с. 96, рис. 67, *8*).

Присутствие в том же комплексе шиферного пряслица и обломка гладкого стеклянного браслета зеленого цвета (рис. 6, *17*, *23*) позволяет предполагать относительно небольшой временной разрыв с домонгольской эпохой, в которой такие предметы имели самое широкое распространение. Впрочем, гладкие браслеты из зеленого стекла в домонгольских комплексах Ростиславля не встречены. В то же время в Твери, например, подобные браслеты более характерны для XIV в. (Дашкова И.А., 1997, с. 70). Так что и данная находка вполне могла относиться к числу стеклянных браслетов, продолжавших поступать на Русь в золотоордынскую эпоху. На такую

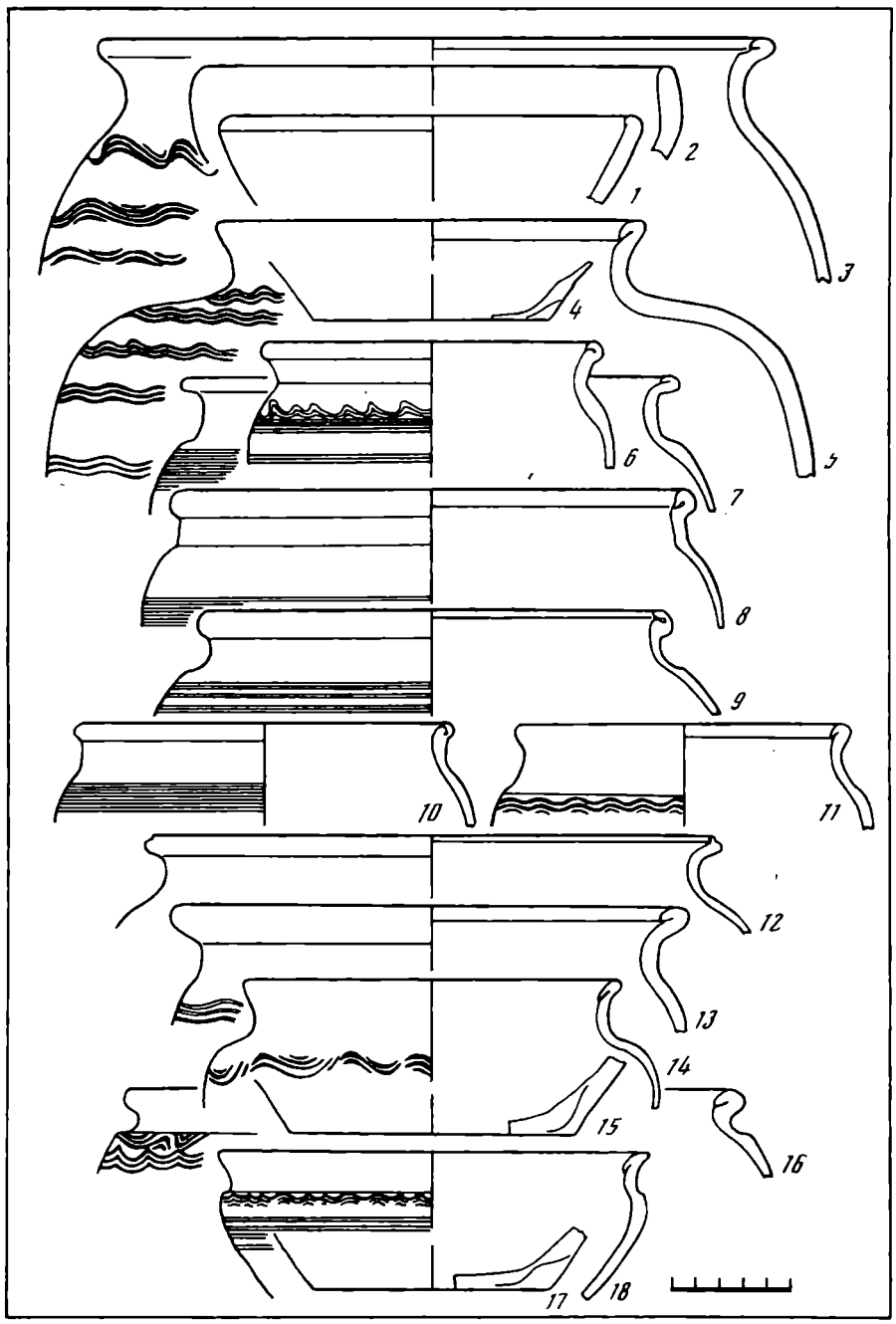


Рис. 7. Керамика из ямы 88

атрибуцию указывает и отсутствие на браслете следов иризации или патины расстекловывания, характерных для стеклянных браслетов домонгольского времени, найденных на городище. К сожалению, другие находки из ямы 90 (рис. 6, *8–11*, *13*, *14*) и ямы 91 (рис. 6, *12*, *15*, *16*, *18*, *19*, *21*, *22*) не могут быть отнесены к разряду узко датирующих. При этом обращает на себя внимание присутствие в яме 91 многочисленных костяных изделий – брунчалки, игл, накладки с резным орнаментом (рис. 6, *16*, *18*, *21*, *22*). Учитывая, что в комплексах домонгольской эпохи на Ростиславле костяные изделия практически не встречаются, эти находки можно рассматривать как косвенное подтверждение предложенной выше даты.

Недостаток датирующих находок заставляет вновь обратиться к хроноиндикаторам керамических комплексов. Проделанная ранее работа по хронологизации керамики Ростиславля (Коваль В.Ю., 1996, с. 103–133, табл. 1) позволяет сравнить имеющиеся

Хроноиндикаторы керамических комплексов

Хроноиндикаторы керамики	Комплексы раскопа 4		
	яма 88	яма 90	яма 91
Формовочные массы типов 1.1 и 1.2 (% к общему объему керамики)	9,2	10,8	13,6
Керамика полного окислительного обжига (% к общему объему керамики)	34,8	15,5	15,6
Керамика полного окислительного обжига из беложгущейся глины (% к общему объему керамики)	2,3	3,2	10,2
Керамика восстановительного обжига (% к общему объему керамики)	13,2	13,7	26,1
Венчики типов 18/2, 23/2, 28/2 (% к общему количеству венчиков)	4,8	3,8	–
Венчики типа 3/1 (% к общему количеству венчиков)	34,4	35,1	35,9
Венчики типа 23/1 (% к общему количеству венчиков)	24,6	27,0	21,9
Днища на зольной подсыпке (% к общему количеству днищ)	51,9	61,2	58,3
Волнистый орнамент (% к общему количеству орнаментированных обломков)	33,4	37,8	35,1
Линейный орнамент типа 4 (нанесенный частой гребенкой) (% к общему количеству обломков с линейной орнаментацией)	76,0	80,0	93,0

керамические наборы с показателями хроноиндикаторов, определенных для других раскопанных объектов (имеются в виду хроноиндикаторы по формовочным массам, венчикам, днищам, орнаментации). Такое сравнение дает все основания уверенно относить исследуемые комплексы к золотоордынской эпохе. Во всех них очень мало белоглиняной керамики, доля керамики полного окислительного обжига примерно равна удельному весу керамики восстановительного обжига (мореной), днища на зольной подсыпке составляют более половины всех днищ, а среди венчиков горшков доминирует тип 3/1 (рис. 7, *6*, *8*, *9*, *10*), являющийся хроноиндикатором XIV в. (Коваль В.Ю., 1996, с. 117). Высокая доля этих венчиков, появляющихся в керамике Ростиславля не позднее конца XIII в. и прекращающих бытовать к XV в., позволяет сделать вывод о том, что комплексы ям 88, 90, 91 формировались в момент расцвета традиции производства горшков с такими венчиками, т.е. в первой половине – середине XIV в. Наконец, в декорировке сосудов здесь преобладает волнистый орнамент, употреблявшийся в домонгольскую эпоху крайне редко. Линейный орнамент на керамике описываемых комплексов в подавляющем большинстве случаев наносился многозубой гребенкой с плотно расположенными зубами.

Итак, заполнение ямы 88 и синхронных ей ям 90, 91 сформировалось скорее всего не позже середины XIV в. До этого все ямы могли выполнять роль погребов или глубоких подполий в жилых домах. После прекращения функционирования этих сооружений их котлованы использовались в качестве мусорных ям, постепенно заполнявшихся гумусированных грунтом. Разрезы ям показывают наличие в них большого количества разнородных прослоек, причем в придонной части эти прослойки состояли из заплывов материкового суглинка с незначительными включениями гумуса, которые отражают процесс обрушения материковых стенок и замыкания ям дождевой водой в период длительного их пребывания под открытым небом (рис. 5, *В*). Таким образом, обломок каменного креста с надписью мог быть выброшен в яму 88 на протяжении первой половины XIV в. как обыкновенный кусок белого камня, каких в заполнении любой из ям встречено очень много. Следовательно, к этому времени сам крест уже был разрушен, а его обломки не представляли для жителей города никакой ценности.

Проанализируем полученные сведения в соответствии с методикой, принятой для датировки эпиграфических памятников (Медынцева А.А., 1997, с. 150). По палеографическим особенностям, надпись на ростиславльском кресте может быть отнесена к

XII–XIII вв. По данным стратиграфии, эта находка происходит из комплекса, формировавшегося в первой половине XIV в., причем к этому времени сам крест уже был разрушен (разбит на мелкие части). Типологически и стилистически данный памятник может быть отнесен к числу намогильных крестов (согласно классификации А.А. Спицына) (Спицын А.А., 1903, с. 18). Относить этот крест к числу памятных (придорожных), видимо, не следует, поскольку его существование связано непосредственно с территорией городища. Нельзя рассматривать его и в качестве поклонного креста, так как надписи крестов этой группы, как правило, исключают использование каких-либо нехристианских имен, а имя Комлята явно относилось к их числу. Из известных нам крестов славянское имя ("Мирослав") употребляется лишь один раз – на Воймерицком кресте (Спицын А.А., 1903, с. 208), датирующимся XII в. Типично славянское имя Комлята указывает на раннее происхождение надписи, так как оно употреблено не в обиходе (как например, в Новгороде, где нехристианские имена-прозвища повсеместно встречаются в берестяных грамотах), но по торжественному случаю, что было бы возможно только в начальный период христианизации вятичей, а этот период закончился в Среднем Поочье, видимо, не позднее первой половины XIII в. Любопытно также сочетание языческого имени с христианской символикой. На Воймерицком кресте, где употребляется имя "Мирослав", такая символика отсутствует (Спицын А.А., 1903, с. 208). Традиция установки намогильных, памятных, поклонных крестов связывается исследователями с культурой словен новгородских, большая часть таких крестов встречается в Новгородско-Псковской земле в XII–XV вв. (рис. 4). Причем в Псковской земле намогильные кресты ставились преимущественно в XIV–XVI вв. (Седов В.В., 1982, с. 182). В других частях Руси известны лишь единичные случаи установки крестов, а кресты с многострочными надписями являются сугубой редкостью (рис. 4). Заканчивая рассмотрение хронологических вопросов, отметим, что, поскольку сам город Ростиславль был основан в 1153 г., значит, и крест мог появиться здесь не ранее второй половины XII в. Следовательно, по сумме всех датирующих признаков, публикуемый памятник может быть отнесен ко второй половине XII–XIII вв., а наиболее вероятным временем его возникновения нам представляется вторая половина XII – первая половина XIII вв.

Где же стоял "крест Комляты" до разрушения? Он мог стоять на привилегированном кладбище в том случае, если оно располагалось на территории города. Между тем, погребения домонгольской эпохи здесь пока не обнаружены. Предполагать связь позднесредневекового кладбища с каким-либо более ранним также преждевременно, поскольку на всех исследованных участках (раскопы 2 и 4) поздние захоронения нарушают комплексы XII–XV вв. (рис. 5, *А*, *Б*), а это значит, что до возникновения кладбища XVI–XVII вв. на данном участке располагалась жилая застройка. Поэтому более вероятной представляется возможность размещения каменного креста вблизи городского собора, который мог располагаться в северной части площадки, на краю склона, обращенного к берегу Оки, т.е. на самом видном месте. Возникает вопрос – не являлся ли "крест Комляты" результатом некоего синтеза намогильного и памятного (или обетного) креста, установленного в общественном месте? После разрушения креста, которое допустимо связывать с трагическими событиями татаро-монгольского нашествия в 1237–1240 гг., отдельные его обломки могли быть перемещены на значительные расстояния от первоначального месторасположения, будучи выброшены в мусорные ямы или сброшены вниз по склону мыса.

Обнаруженный на Ростиславле обломок каменного креста с надписью представляет собой первый на территории Рязанской земли образец эпиграфики на камне, относящийся к домонгольской эпохе. Он свидетельствует о значительно более широком, чем представлялось ранее, распространении на Руси традиции установки каменных крестов. Для Ростиславля это первый образец письменности (и грамотности средневекового русского населения), найденный на территории города. В общеисторическом плане он интересен тем, что позволил узнать неизвестное ранее древнерусское личное имя Комлята и продемонстрировал знакомство с техникой и особенностями графики на

камне в самых отдаленных уголках Русской земли. Кроме того, эта находка дает уникальный пример употребления в христианизированной Руси предмонгольской эпохи славянского языческого имени при нанесении надписи на кресте, являвшемся христианской святыней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочкарева М.Н., 1974. Новгородские каменные кресты из собрания Ростовского музея // Культура средневековой Руси. М.

Воронин Н.Н., 1940. Новые памятники русской эпиграфии XII в. // СА. Т. VI.

Высоцкий С.А., 1976. Средневековые надписи Софии Киевской. М.

Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.

Дашкова (Сафарова) И.А., 1997. Украшения из стекла древней Твери // Славянский средневековый город. Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. М.

Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9.

Колосов В.И., 1890. Стерженский и Лопастицкий кресты. Тверь.

Медынцева А.А., 1978. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М.

Медынцева А.А., 1988. Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. М.

Медынцева А.А., 1997. Эпиграфика, писала (стили) и церы // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.

Пронштейн А.П., Овчинникова В.С., 1981. Развитие графики кирилловского письма. Ростов н/Д.

Рождественская Т.В., 1991. Русская эпиграфика X–XV вв. СПб.

Рыбаков Б.А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.

Седов В.В., 1976. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Седова М.В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Словарь русского языка XII–XVII вв., 1980. Вып. 7. М.

Спицын А.А., 1903. Заметка о каменных крестах, преимущественно Новгородских // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Центр археологических исследований
УПК ОИП г. Москвы

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

V.Yu. KOVAL', A.N. MEDVED'

A NEW PIECE OF MEDIEVAL WRITING FROM RYAZAN LAND

Summary

During the excavation campaign of 1997 conducted at the fortified settlement of Rostislavl' the site representing the remnants of the eponymous city once entering the Ryazan principality, a fragment of inscribed limestone block was discovered. The fragmentary insription was made in ancient Russian alphabet. The block represents a part of stone cross erected by a man who bore a Slavic pagan personal name Komlyata in his mother's memory. Palaeographic data, stratigraphic position and typological peculiarities of the find suggest its date to be determined as the second half of the 12th-13th centuries. The monument in question represents the earliest piece of stone epigraphy in Ryazan land dated to the pre-Mongol period. It probably followed the patterns of stone grave and memorial crosses widely spread in North-Western Russia, in Novgorod lands. This is also the first specimen of writing, and the evidence of the Medieval population's literacy excavated in the territory of Rostislavl'. The find represent a unique example of using Slavic pagan personal name in converted to Christianity pre-Mongol Russia insribed on the cross – a Chrisitian sacred object.

Н.А. КРЕНКЕ

НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТИКИ ИЗ РАСКОПОК ВО ДВОРЕ СТАРОГО ЗДАНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Настоящая публикация имеет цель ввести в научный оборот 11 находок нательных крестиков[1], происходящих из стратифицированных слоев XII–XVII вв. в пределах одного раскопа на Романовом дворе в Занеглименье[2]. Крестики попали в культурный слой, будучи утерянными их владельцами, какие-либо исторические данные или археологические признаки наличия рядом с раскопом кладбища или кладбищенского перекопа отсутствуют. Все эти находки, за исключением двух миниатюрных деревянных крестиков, являющихся уникальными, относятся к известным типам русских средневековых нательных крестов и имеют многочисленные аналогии, часть из которых будет приведена далее. Основное значение этих новых находок заключается именно в их достаточно определенной стратиграфической приуроченности. Таким образом, публикация новых находок может послужить цели уточнения хронологии бытования известных ранее типов.

Кроме чисто вещеведческого интереса, находки нательных крестов привлекают к себе внимание еще и по другой причине. Нательный крест отличается от всех остальных артефактов своей "персонифицированностью". Каждый крестик, найденный вне зоны мастерской по их изготовлению или лавки, где шла торговля ими, идентифицируется с конкретным человеком. Отложение крестов-тельников в культурном слое, казалось бы, не должно было происходить, так как в принципе крестики предназначены сопровождать своих владельцев и после смерти, находиться в погребениях. Однако в реальной жизни было иначе, крестики терялись, падали на землю и втаптывались в культурный слой. Анализируя характер встречаемости нательных крестов в культурном слое, сравнивая с находками других потерянных вещей, например монет, мы можем получить приблизительное представление о вероятностных характеристиках отложения (обнаружения) "ключевых" вещей в культурном слое. Это существенно для понимания процесса формирования средневекового городского культурного слоя как такового. Интересно также сравнение числа находок нательных крестиков, этих своеобразных "заместителей" людей, ходивших когда-то по исследованному участку с приблизительно реконструированной по историческим источникам численностью людей, проживавших здесь же в течение всего периода отложения культурного слоя. Сравнение этих двух показателей может дать ориентировочное представление о том, какую долю составляют вещи археологической коллекции от всей генеральной совокупности существовавших вещей (в данном случае нательных крестиков), а также о том, какое количество людей "стоит" за серией археологических находок.

В ходе работ 1996–1998 гг. был изучен участок площадью около 200 м^2 в центре маленького скверика, расположенного между университетским корпусом (ул. Мохо-

[1] Автор благодарен Л.А. Беляеву, инициировавшему данное исследование и оказавшему помощь в его завершении.

[2] Местность, где расположен комплекс университетских зданий на углу ул. Моховая и Бол. Никитская, получила название Романова двора в начале XVII в. после передачи (до 1605 г.) ее во владение боярину Ивану Никитичу Романову (Лаврентьев А.В., 1997; Пушкин Б.С., 1914).

© Н.А. Кренке, 2000 г.

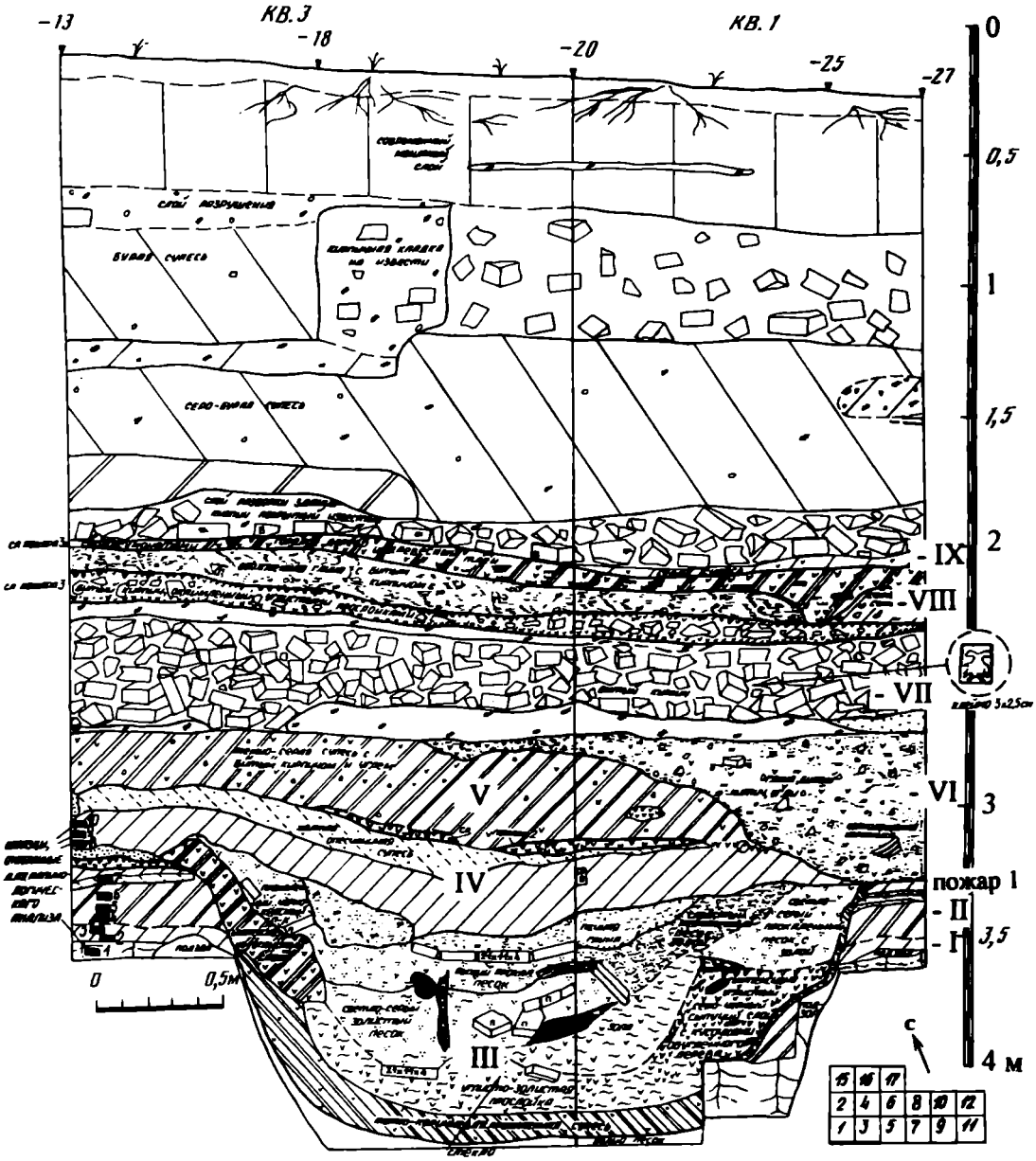


Рис. 1. Фрагмент профиля южной стенки раскопа 1996 г. на Романовом дворе в Москве. (зарисован Е.В. Леоновой). I – слой 1, светло-серая супесь, пахотный горизонт XII–XIII в.; II – слой 2, темно-серая супесь, огородный горизонт XIV – середина XVI в.; III – слой 3, угли, серая супесь, песок, маломерные кирпичи, подпечная яма третьей четверти XVI в.; IV – слой 4, серая супесь времени существования и разрушения печи второй половины XVI в.; V – слой 5, серая супесь, огородный горизонт начала XVII в.; VI – слой 6, глина, угли, постройка начала XVII в.; VII – слой 7, известь и битый кирпич второй четверти XVII в.; VIII – слой 8, глина, угли, пол постройки денежного двора 1655–1663 гг. и горизонт ее пожара; IX – слой 9, бурая супесь – почва конца XVII – начала XVIII в.

вая, 9) и домом по адресу Романов пер. 4. Стратиграфия напластований культурного слоя, общая мощность которого составляла около 3 м (рис. 1), типична для района Занеглименья и может быть в генерализованном виде описана следующим образом. Культурный слой начал накапливаться на поверхности дерново-подзолистой почвы, сформировавшейся на супесчано-суглинистых отложениях, подстилаемых древнеаллювиальными песками (третья надпойменная терраса Москва-реки). Наиболее древние следы жизнедеятельности на участке раскопа были представлены следами распашки, трансформировавшими верхний почвенный горизонт, и ямами построек, углубленными в материк (слой 1). В древнейшем пахотном слое и упомянутых ямах была найдена

керамика курганного типа и сероглиняная, а также комплекс датирующих вещей (два шиферных пряслица, медные пластинчатые широкосрединные перстни с гравировкой, боковое колечко от семилопастного височного кольца, стеклянные браслеты и пр.), указывающих на XII–XIII вв. По углям из наиболее насыщенной находками ямы были получены радиоуглеродные даты (840 ± 40 (ГИН-9581) и 730 ± 40 (ГИН-9577), которые при калибровке с наибольшей вероятностью укладываются в интервал от середины XII в. по вторую половину XIII в.

Описанные выше ямы древнерусского времени и синхронный им пахотный горизонт светло-серого цвета были перекрыты прослойкой темно-серого культурного слоя мощностью 18–35 см (слой 2). Этот слой прослеживался по всему раскопу, за исключением тех мест, где он был нарушен более поздними перекопами. От вышележащих слоев он отличался своей темной окраской, однородностью (отсутствием слоистости), наличием дисперсных включений угольков и малочисленностью включений фрагментов кирпичей. Ровная нижняя граница этого слоя позволила почвоведу А.Л. Александровскому интерпретировать его как пахотно-огородный (Александровский А.Л. и др., 1998, с. 7). Эту интерпретацию косвенно подтверждают и археологические данные: в слое отсутствуют следы каких-либо сооружений. Керамический комплекс нижней части описываемого слоя состоит преимущественно из красноглиняной гладкой керамики, в том числе с косопоставленными венчиками, единичны фрагменты красноглиняной ангобированной пятнами, белоглиняной грубой и попавшие из более древних комплексов фрагменты курганной и серой керамики. На основании аналогий с керамическими комплексами из раскопок Монетного двора (ямы 1, 4) и Исторического проезда (яма 2, поздний слой) И.А. Бойцовым был сделан вывод о датировке нижней части слоя 2 последней третью XV в. (Кренке Н.А., 1996, с. 42). Верхняя часть слоя 2 отличается уже преобладанием белоглиняной шероховатой посуды и красноглиняной с прямостоящим венчиком, что позволяет датировать его последними годами XV – серединой XVI вв. В период отложения верхней части слоя 2 характер использования участка изменяется, здесь сооружаются надворные печи из маломерного кирпича. Ямы этих печей (слой 3) прорезают слой 2, вокруг них откладывается тонкий слой, связанный с их постройкой (с включениями комочков печной глины). Вскоре после сооружения печи сгорают в пожаре (пожар 1). Время сооружения печей и пожара 1 скорее всего определяется третьей четвертью XVI в. В пользу такой датировки свидетельствует ряд признаков, а именно состав закрытых керамических комплексов подпечных ям, в которых присутствует уже белоглиняная гладкая керамика раннего типа с "приостренным" венчиком, находки фрагментов стеклянных кубков, тождественных кубку из погребения Анастасии Романовны (ум. 1560 г.), первой жены Ивана IV (Воронова Н.В., Панова Т.Д., 1998, с. 70), две серебряные копейки Ивана Грозного, отчеканенные на Новгородском денежном дворе в 1538–1547 гг. и Псковском денежном дворе в 1547–1584 гг. (определение А.С. Мельниковой). Косвенным подтверждением датировки являются многочисленные находки маленьких московских и тверских медных пул (Гайдуков П.Г., Кренке Н.А., 1999), а также состав находок из вышележащих слоев, которые относятся к финалу XVI – началу XVII в.

С уровнем пожара 1 и подстилающего его верхнего горизонта слоя 2 связана серия находок нательных крестиков (рис. 2, *1–3*; *5–7*), причем стратиграфически наиболее ранними являются находки двух медных крестиков (рис. 2, *1*, *2*). Нужно отметить, что стратиграфическое положение всех остальных из отмеченных выше находок нательных крестиков, вероятно, свидетельствует о том, что временно́й интервал, когда они попали в слой, не превышал нескольких десятков лет.

Жизнь на участке после пожара 1 не прерывалась и функциональное использование территории имело преемственность. На месте сгоревших печей были возведены новые, но уже из большемерного кирпича, которые затем были разобраны (слой 4), и место стало использоваться под огород (слой 5). Общая мощность этих слоев достигает 0,7 м. Керамический материал, нумизматические находки (многочисленные маленькие медные московские и тверские пула, серебряная копейка Михаила Федоро-

вича из огородного горизонта) указывают на время формирования слоев 4 и 5 в конце XVI – начале XVII в. В западной части раскопа было прослежено сгоревшее сооружение неясной конструкции, перекрывавшее огородный слой 5. С этим сооружением и прилегающими к нему прослойками (слой 6) связаны находки двух медных крестиков (рис. 2, *8*, *9*). Стратиграфическая дата этой постройки – начало XVII в. Слои 5 и 6 были перекрыты мощной (до 0,6 м) прослойкой битого кирпича, завезенного на двор, но не употребленного в строительстве, прослоями разлитой извести (слой 7). Отложение этого слоя связано уже со строительной деятельностью Романовых, возможно в 1640–1650-е годы, судя по единичным находкам в массе кирпичей экземпляров с клеймом "орел".

Поверх слоя 7 залегают остатки постройки денежного двора (слой 8), где при царе Алексее Михайловиче чеканили медные копейки (Бойцов И.А. и др., 1999). Производство медных копеек имеет узкую дату 1655–1663 гг. Деревянная постройка денежного двора, возможно, простояла несколько дольше. Сгорела она не позднее конца XVII в. Об этом свидетельствует слой почвы пустыря (слой 9), успевший сформироваться на месте пожарища постройки денежного двора, поверх которой легли кирпичи с клеймом "Н" в прямоугольной рамке, имеющие дату 1690–1720-е годы, по И. Киселеву (1997, с. 5). В слое пожара постройки денежного двора найдено два медных крестика (рис. 2, *10*, *11*). В лежащей выше 2-метровой свите прослоек XVIII–XIX вв. нательные кресты найдены не были, но при этом надо учитывать, что значительная часть этих отложений была убрана экскаватором.

Описание крестов. 1. Литой медный крест (рис. 2, *1*) с "криновидными концами". По контуру креста идет слабовыпуклый "бортик", в центре – плохо различимое выпуклое изображение креста, вписанного в ромбическую рамку, хорошо различим литейный шов (крест изготовлен в двусторонней форме). Оборотная сторона гладкая. Размеры 26 × 21 мм. По мнению Д.А. Беленькой, прототипы этих крестов были самой распространенной формой в Подмосковье в XII–XIII вв. В слоях XIV–XV вв. кресты данного типа встречены в Новгороде, Москве, Суздале, Торжке, Старице и в других русских городах, а также в Латвии (Беленькая Д.А., 1976, с. 92; 1993, с. 17). Узкую стратиграфическую дату имеет крест из Новгорода, обнаруженный на уровне X яруса (Седова М.В., 1959, с. 236), датирующегося рубежом XIII–XIV вв. Для суздальских находок М.В. Седова допускает и более позднюю датировку – XV в. (Седова М.В., 1997, с. 203, рис. 12, 72). Т.В. Николаева и Н.Г. Недошивина дают для этого типа дату – XII–XIV вв. (Николаева Т.В., Недошивина Н.Г., 1997, с. 349). Аналогичные кресты найдены на поверхности золотоордынского Водянского городища XIII–XIV вв. (Полубояринова М.Д., 1978, рис. 17). Судя по стратиграфическому положению, находка с Романова двора может датироваться не позднее XV – начала XVI в. Более ранняя дата не исключена.

2. Литой медный четырехконечный крест с утолщениями на концах (рис. 2, *2*), в центре углубленное изображение простого четырехконечного креста с "шариками" на концах, возможно, предназначенное для заполнения эмалью. Размеры 21 × 11 мм. Точная типологическая атрибуция затруднена из-за плохой сохранности. Форма близка к некоторым типам маленьких крестов древнерусского времени XI–XIII вв. (Николаева Т.В., Недошивина Н.Г., 1997, табл. 103, *22*). Данный крест близок по форме к типу III, подтипу II, по Д.А. Беленькой (Беленькая Д.А., 1993, с. 17), который датируется в пределах XIV–XV вв. Стратиграфическая дата находки с Романового двора – не позднее конца XV – начала XVI в.

3. Литой медный четырехконечный крест (рис. 2, *3*), нижний и верхний концы имеют характерное незначительное расширение, основание заострено (килевидное), в центре выпуклое изображение шестиконечного (?) Голгофского креста. Над Голгофским крестом имеется клеймо с надписью, которая не читается. На концах боковых ветвей – буквы "И" и "Х". Оборотная сторона гладкая. Размеры 26 × 13 мм. Кресты подобного типа классифицированы Д.А. Беленькой как тип 1, подтип 4. Кресты-тельники с килевидным нижним концом, по мнению Д.А. Беленькой, были "не очень

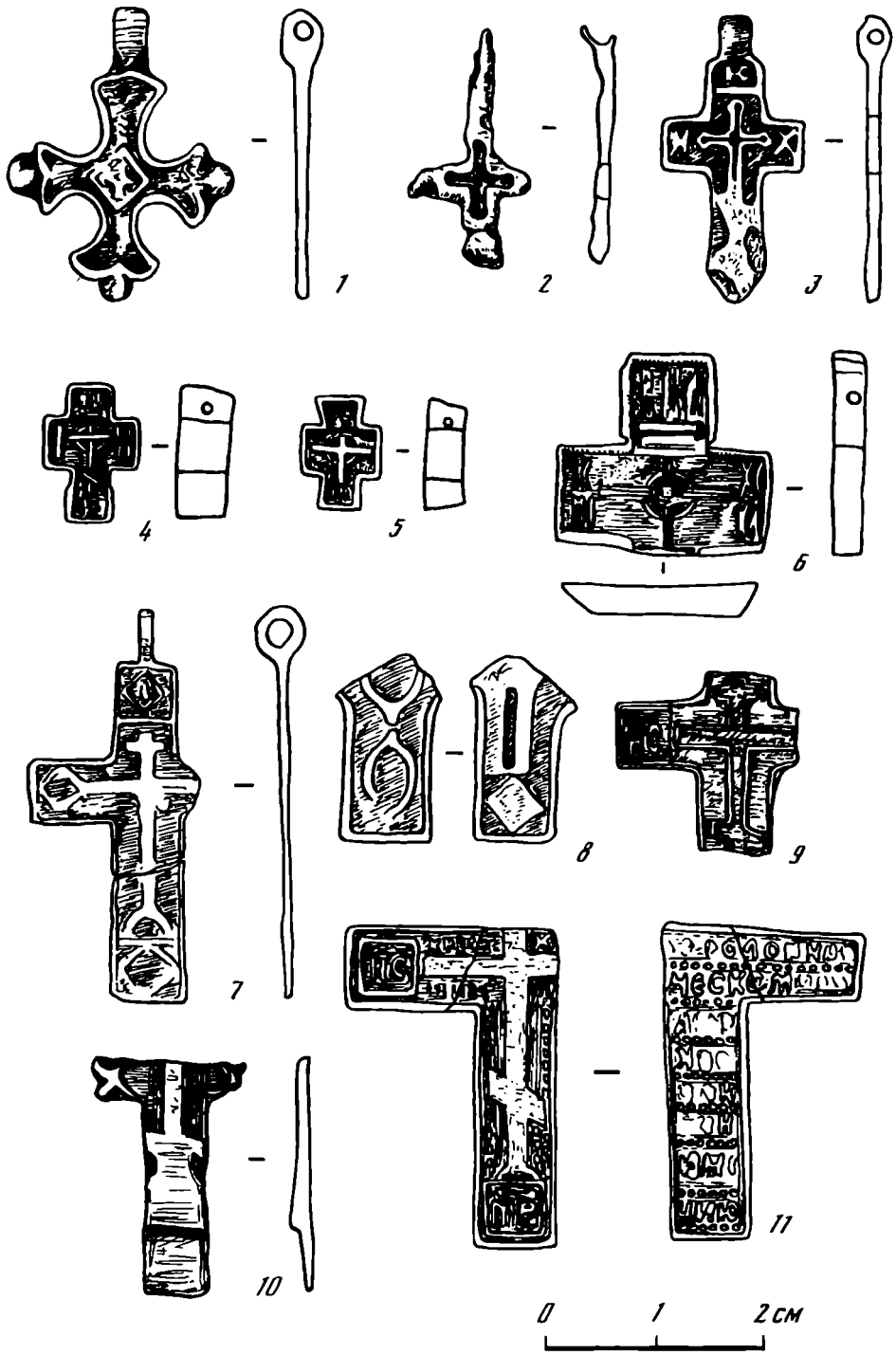


Рис. 2. Кресты-тельники из раскопок на Романовом дворе в Москве. *1–3, 7–11* – медь; *4, 5* – дерево, *6* – кость (инв. №№ по порядку: 510-98, 420-98, 527-98, 46-96, 318-97, 461-98, 536-98, 36-96, 275-97, 253-98, 59–98)

популярной" формой, которая бытовала на Руси в разных материалах и размерах в XV–XVI вв. (Беленькая Д.А., 1993, с. 15). Датировка находки с Романова двора по стратиграфическим данным середина – третья четверть XVI в.

4. Деревянный четырехконечный крест из хвойного дерева (рис. 2, *4*; 3, *2*), обуглен. Отличается очень тонкой резьбой. Основание имеет едва заметное расширение. По контуру изделия идет выступающий бортик (картуш). В центре – выпуклое изображение шестиконечного Голгофского креста с терновым венцом вокруг перекрестья.

На боковых ветвях буквы "I" и "X". Над Голгофским крестом – клеймо с надписью, которую прочесть не удалось (возможно, угадывается справа буква "С"), надпись под крестом разрушилась. Оборотная сторона гладкая. Размеры 13 × 9 мм. Диаметр отверстия для подвешивания около 0,5 мм. Найден в слое пожара 1, его дата соответственно около середины – третьей четверти XVI в.

6. Деревянный четырехконечный крест (рис. 2, *5*; 3, *1*) из хвойного дерева, видимо, ели (определение А.А. Гольевой). По контуру – выступающий картуш. В центре – выпуклое изображение четырехконечного Голгофского креста с терновым венцом вокруг перекрестья. Над Голгофским крестом – надпись, которую предположительно можно прочесть как "IC". В основании креста – две буквы, первая из которых "Г" (?). Размеры 10 × 8 мм. Найден в слове непосредственно под пожаром 1. Сохранился благодаря спеканию с медным предметом в виде круглого диска диаметром 4 см с двумя выступами (крышка коробочки?), украшенного циркульным орнаментом и клеймом в виде буквы "М".

6. Костяной четырехконечный (?) крест (рис. 2, *6*), нижний конец обломан. По контуру – выступающий картуш. В середине – выпуклое изображение Голгофского креста. Над ним – надпись в клейме "РСЛ" (царь славы), на концах боковых ветвей – буквы "IC" и "XC", под ними – "НИКА" (победитель). Оборотная сторона гладкая. Размеры 20 × 17 мм. Найден в слое второй половины XVI в. Близкие аналогии известны, например, в Суздале (Седова М.В., 1997, рис. 13).

7. Литой медный четырехконечный крест (рис. 2, *7*), в центре – выпуклое изображение шестиконечного Голгофского креста. На концах креста – ромбические клейма, надписи в которых не читаются из-за плохой сохранности, по внешнему контуру креста идет выступающий бортик. Оборотная сторона гладкая. Найден в комплексе с роговой пороховницей второй половины XVI в.

8. Обломок нижней части литого медного креста (рис. 2, *8*), в основании ромбическое клеймо под Голгофским крестом, по контуру – выступающий бортик. На оборотной стороне – овальные клейма, расположенные одно под другим. Найден на контакте слоев 5 и 6, и соответственно может датироваться началом XVII в.

9. Литой медный крест (рис. 2, *9*). Три конца обломаны. В центре – изображение восьмиконечного Голгофского креста. На боковой его ветви, слева, в квадратном клейме – буквы "ИС". Размеры 16 × 12 мм. Найден в слое конца XVI – начала XVII в.

10. Литой медный крест, верхняя часть обломана (рис. 2, *10*). В середине – выпуклое изображение Голгофского креста. От средокрестья отходят лучи (концы обломаны). Рельеф высокий. Размеры 21 × 14 мм. Найден на полу денежного двора 1655–1663 гг.

11. Литой медный четырехконечный крест (рис. 2, *11*). Концы прямые, пересекаются под прямым углом. Два конца обломаны. Рельеф изображения слабовыпуклый. В центре, вероятно, – восьмиконечный Голгофский крест, по бокам которого копье и трость. Такого типа кресты классифицированы Э.П. Винокуровой, как тип 1 (Винокурова Э.П., 1999, с. 333). Слева от поперечной ветви креста в квадратном клейме – хризма "ИС". Над поперечной ветвью креста – надпись "крест х..." (крест Христов). Под перекладиной надпись плохо различима. Стандартное продолжение надписи, согласно расшифровкам Э.А. Винокуровой, "терновъ венец, копие, трость" (Винокурова Э.А., 1999, с. 358). На нижнем конце креста в квадратном клейме – надпись "МР" (место лобно, рай бысть / распят бысть). На оборотной стороне 8-строчная надпись, которая, судя по окончанию "чию", не входит в список расшифровок, приведенных Э.А. Винокуровой. Размеры 28 × 19 мм. Найден на полу постройки денежного двора 1655–1663 гг.

Завершая настоящий обзор, нужно отметить стилистическую близость деревянных и костяного крестов из слоя середины – второй половины XVI в. и высокое мастерство их исполнения. Вполне вероятно, что миниатюрные деревянные кресты не следует воспринимать как детские, а скорее как особенно почитаемые, ассоциировавшиеся с древом Креста Христова.

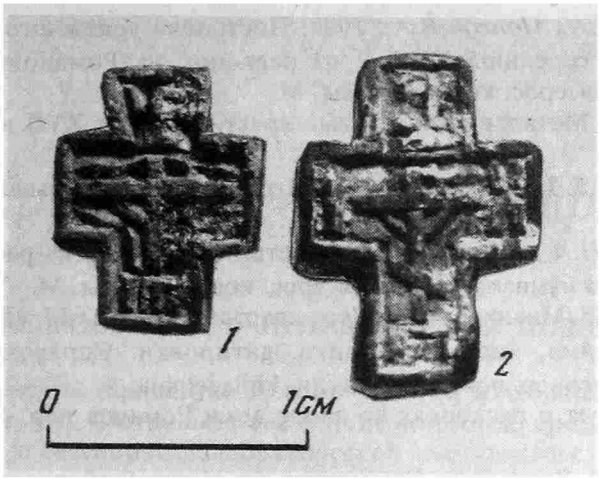


Рис. 3. Деревянные кресты-тельники XVI в. из раскопок на Романовом дворе (1 – № 318-97, 2 – № 46-96)

Переходя к количественному анализу находок, можно сделать несколько выводов.

Систематическое применение металлоискателя при раскопках на Романовом дворе существенно увеличило число мелких металлических находок. Деревянные крестики тоже были найдены металлоискателем! Один прикипел к медному предмету, другой – найден А.К. Станюковичем благодаря фокусировке внимания на пространстве в рамке прибора. Таким образом, 11 находок крестов на 200 м^2 раскопа на Романовом дворе в сравнении с 56 находками крестов-тельников за 30 лет работ в Новгороде, где раскопано много тысяч квадратных метров (Седова М.В., 1981), отражают, скорее, не разницу в реальной концентрации крестов в культурном слое, а различия в методике раскопок.

Материалы раскопок на Романовом дворе показывают, что вероятность попадания крестов-тельников в культурный слой была несколько ниже, чем вероятность попадания туда серебряных копеек (найдено 6), и на порядок ниже, чем частота встречаемости медных монет (в слоях XV – начала XVII в. найдено около 80 экз.).

Количество людей, проживавших на изученном участке площадью 200 м^2 с XII по XVII вв., может быть очень приблизительно оценено в 30–90. Для этого общую продолжительность заселения участка (500 лет) разделим на среднюю продолжительность жизни человека в средневековом городе (около 30 лет) и умножим на количество одновременно проживавших людей на площади в 200 м^2. Последняя цифра, в соответствии с расчетами П. и Б. Гольденбергов, для дворов Москвы XVII в. колебалась в пределах 1–3 чел. на 100 м^2 (Гольденберг Б. и П., 1935, с. 49, 50). В 1654 г. на Романовом дворе, имевшем площадь около 20 тыс. м^2, проживало 486 человек (Соловьев С.М., 1990, с. 607) или около двух человек на 100 м^2. Если принять такие численные показатели, то следует признать высокую репрезентативность археологической выборки. Приведенные выше подсчеты при всей их гипотетичности позволяют представить некоторый "порядок" количественных показателей. В нашем случае получается, что в руки археологов могли попасть нательные кресты каждого десятого из людей, проживавших на раскопанном участке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Станюкович А.К., 1998. Раскопки во дворе Московского университета: опыт комплексного подхода к изучению городского культурного слоя // Естественно-научные методы в полевой археологии. Вып. 2. М.

Беленькая Д.А., 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. № 4.

Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208.

Бойцов И.А., Кренке Н.А., Понсов В.А., 1999. Постройка денежного двора и инструменты денежных мастеров середины XVII в. из раскопок на Романовом дворе в Москве // VII нумизматическая всерос. конф. Тезисы. М.

Винокурова Э.П., 1999. Металлические литые крест-тельники XVII в. // Культуры Москвы XVII в. М.

Воронова Н.В., Панова Т.Д., 1998. Наветом и отравами царицу изведоша // Наука в России. № 3.

Гайдуков П.Г., Кренке Н.А., 1999. Медные монеты XV–XVI вв. из раскопок на "Романовом дворе" в Москве // VII нумизматическая всерос. конф. Тезисы. М.

Гольденберг Б. и П., 1935. Планировка жилого квартала Москвы 17, 18 и 19 вв. М.; Л.

Киселев И., 1997. Клейма, кирпичи, кладки, датировки. Справочник по определению возраста древних каменных построек России. Philadelphia.

Кренке Н.А., 1996. Отчет о раскопках во дворе дома Романов пер. 4 (Москва) в 1996 г. // Архив ИА РАН.

Лаврентьев А.В., 1997. Двор бояр Романовых на Никитской и чеканка медных денег в Москве в 50–60-х гг. XVII в. // V всерос. нумизматическая конф. Тезисы. М.

Николаева Т.В., Недошивина Н.Г., 1997. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.

Пушкин Б.С., 1914. Двор боярина Никиты Ивановича Романова // Старая Москва. Вып. 2. М.

Седова М.В., 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода // МИА. № 65.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.

Соловьев С.М., 1996. История России. Т. X. М.

Институт археологии РАН,
Москва

N.A. KRENKE

PECTORAL CROSSES FROM THE EXCAVATIONS IN THE YARD OF MOSCOW UNIVERSITY OLD BUILDING

Summary

The article deals with 11 pectoral crosses found in stratified cultural deposit of the 12th–17th centuries in city of Moscow, at the spot known as "Romanov place". Among therm there are two unique items of miniature wooden crosses dated to the middle or the second half of the 16th century. Quantative evaluation has been carried out, and as a result the author came to a conclusion that the archaeological collection represented only 10% of the original number of pectoral crosses worned by the inhabitants of the excavated area covering 200 sq.m.

Критика и библиография

О ДАТИРОВКЕ РОСПИСЕЙ В ИГНАТИЕВСКОЙ ПЕЩЕРЕ НА УРАЛЕ

Росписи в Игнатиевской пещере на Южном Урале (Челябинская обл., р. Сим), выявленные в 1980–1986 гг. В.Т. Петриным, вне всяких сомнений, представляют большой интерес, особенно в связи с бесспорно палеолитической живописью в Каповой пещере, расположенной несколько южнее, в Башкирии.

Опубликованная в 1992 г. В.Т. Петриным книга об Игнатиевской пещере (Петрин В.Т., 1992) получила восторженный отзыв З.А. Абрамовой (1995, с. 217–221), поддержанный сославшимся на нее В.М. Массоном (1996, с. 56). Между тем публикация вызывает немало вопросов.

В пещере помимо росписей на стенах обнаружены и культурные слои. Основной – содержит каменные орудия без керамики. Назовем его "слой А". Есть здесь и слои более поздние, эпохи бронзы и железа. В одном случае (Большой зал) слой с кремневыми орудиями находится непосредственно под росписями, но не перекрывает их. В другом – Дальнем зале росписи отмечены, но культурных слоев нет. Находок в слое А много: более 1000 кремней. Слои эпохи металла зафиксированы в тех частях пещеры (Входной грот, Низкий переход), где росписей нет, и содержат не так уж много находок: 481 фрагмент древней керамики и 32 вещи. Это обстоятельство не дает, однако, права автору оставить данный материал за рамками исследования, представив его лишь в приложении к книге (Шорин А.Ф., 1992, с. 198–203). Ведь во многих пещерных святилищах Евразии культурные слои и росписи, относящиеся к одному времени, находятся на разных участках, да и в Дальнем зале слоя с кремневыми орудиями нет.

Основная часть керамики относится к черкаскульско-межовскому типу, XI–IX вв. до н.э. Назовем этот слой эпохи поздней бронзы "слой Б". Материалы эпохи железа менее многочисленны. В основном они представлены обломками посуды сылвинского времени (IX–XV вв. н.э.), хотя есть и более ранняя – гафурийская (IV–II вв. до н.э.) и кушнаренковская (V–VIII вв. н.э.) керамика. Не разбивая этот слой на три, назовем его "слой В".

В.Т. Петрин исходит из того, что все росписи в Игнатиевской пещере сделаны людьми, оставившими культурный слой с каменными орудиями. Этот "слой А" датируется концом палеолитического времени, около 14000 лет до наших дней. Но мы хорошо знаем, что на Урале во многих пунктах обнаружены наскальные изображения и более позднего времени. Я связывал их с эпохой бронзы (Формозов А.А., 1969, с. 128–133), а основной исследователь уральских писаниц В.Н. Чернецов считал, что они создавались на протяжении очень длительного времени – чуть ли не от мезолита и вплоть до современности (Чернецов В.Н., 1964; 1971). Рисунки эпохи металла вполне могли быть и в Игнатиевской пещере.

Нигде в этой пещере нет ни перекрывания наскальных росписей культурными слоями, ни перекрывания рисунков одного типа рисунками другого типа. Поэтому привязать определенные изображения к той или иной эпохе можно только путем сопоставления рисунков с аналогичными фигурами в других пунктах, где они датированы сколько-нибудь надежно.

В такой ситуации следовало бы рассмотреть несколько вариантов: 1) рисунки связаны только со слоем А; 2) только со слоем Б; 3) только со слоем В; 4) частично со слоем А, частично со слоем Б, частично со слоем В; 5) со слоями А и Б; 6) со слоями А и В; 7) со слоями Б и В; 8) не исключено, наконец, что рисунки появились в пещере в тот момент, когда никакие культурные слои здесь не отлагались. Вариантов, таким образом, много, но В.Т. Петрин без какой-либо аргументации выбрал из них только один (№ 1), что не может не вызвать настороженности по отношению к его выводам.

При взгляде на опубликованные В.Т. Петриным рисунки, мы сразу же увидим сюжеты и стилистические приемы, в палеолитическом искусстве не представленные. Таковы хотя бы

© А.А. Формозов, 2000 г.

силуэтные изображения людей, показанных на фас. В.Т. Петрина это не смущает. Он напоминает, что палеолитические росписи Франции и Испании находятся за тысячи километров от Урала. Уже поэтому в двух удаленных друг от друга областях искусство неминуемо должно было иметь свою специфику. В этом есть резон, но гораздо важнее то, что несвойственные палеолитическому искусству сюжеты и стилистические черты, отмеченные в росписях Игнатиевской пещеры, хорошо известны нам по заведомо не палеолитическим рисункам из близких районов Урала. В первую очередь надо назвать изображение человека в фас с раскинутыми руками, разделенной пополам головой (с рогами?) и большим фаллосом (Петрин В.Т., 1992, рис. 33). Аналогии этому антропоморфному образу многочисленны: I Бородинская скала на р. Реж (Чернецов В.Н., 1971, рис. 23, табл. VII), писаница на оз. Большие Аллаки (Чернецов В.Н., 1971, рис. 34; Петрин В.Т., 1976, рис. 1), Идрисовская пещера в Башкирии (Чернецов В.Н., 1971, рис. 39; Петрин В.Т., 1984, рис. 8), Ирбитский писаный камень (Чернецов В.Н., 1971, табл. I), писаницы р. Тагил (Чернецов В.Н., 1964, табл. XIV), и р. Ай (Кокшаров С.В., Широков В.Н., 1990, рис. 9). Не менее показательно другое изображение из Игнатиевской пещеры: контурный профильный рисунок животного с проведенной вдоль его туловища линией (так называемой "линией жизни") (Петрин В.Т., 1992, рис. 38). Он вполне сходен с одним из рисунков на писаницах р. Ай (Кокшаров С.В., Широков В.Н., 1990, рис. 9). Очень характерно изображение извивающейся змеи, показанной в Игнатиевской пещере не горизонтально, как это обычно делается, а вертикально (Петрин В.Т., 1992, рис. 40). Точно так же показаны змеи на Змиевом камне Тагильских писаниц (Чернецов В.Н., 1964, табл. XVIII, XIX) и на Айской писанице (Кокшаров С.В., Широков В.Н., 1990, рис. 9). Отмечу и знак в виде птичьей лапы или гарпуна из Игнатиевской пещеры (Петрин В.Т., 1992, рис. 38). Ближайшая аналогия ему есть в Усть-Катавской пещере (Чернецов В.Н., 1971, рис. 38). Все перечисленные нами рисунки связаны с Большим залом Игнатиевской пещеры и выполнены красной краской.

В другом зале пещеры – Дальнем – важна фигура человека в фас с раздвинутыми ногами, между которыми начинается идущая вниз полоса точек (Петрин В.Т., 1992, рис. 43). Таких фигурок много на всех поздних уральских писаницах (Чернецов В.Н., 1971, рис. 51), а полосы из точек отмечены на Писаном камне р. Вишеры (Генинг В.Ф., 1954, табл. II) и на Айских писаницах (Кокшаров С.В., Широков В.Н., 1990, рис. 2).

Сходство серии изображений Игнатиевской пещеры с заведомо не палеолитическими рисунками на скалах Урала не могло пройти мимо внимания В.Т. Петрина, который сам выявил и издал много поздних писаниц. Указав на это сходство, он сослался на писаницы р. Тагил, Шейтанки на р. Реж, на оз. Большие Аллаки, во II Идрисовской пещере, на р. Вишере и на неопубликованные еще рисунки Навеса Гребенного на р. Юрюзани (Петрин В.Т., 1992, с. 158).

Ограничившись этим "частным", по его мнению, наблюдением, В.Т. Петрин смело выводит из него преемственную линию между палеолитическим и неолитическим искусством Урала. В связи с этим он предлагает удревнить возраст ряда писаниц, относившихся ранее к неолиту или эпохе бронзы, связав их с промежуточной мезолитической эпохой. Это совершенно не убедительно. В большинстве из названных выше пунктов росписи на скалах сочетаются с культурными слоями (вероятно, следами жертвенных мест) именно эпохи бронзы. Это и Вишерский писанный камень и писаницы Тагила, р. Реж, Нейвы, Ай, оз. Большие Аллаки (Чернецов В.Н., 1964, рис. 21, 36; 1971, рис. 12, 21, 35; Кокшаров С.В., Широков В.Н., 1990, рис. 4, *12–14*). При этом на р. Ай выявлено панно, где вместе представлено несколько образов, привлекших наше внимание в Игнатиевской пещере (рогатая фигура человека в фас, профильное изображение зверя с линией жизни, извивающиеся вертикально змеи).

В противоположность предположению В.Т. Петрина гораздо более вероятным кажется длительное использование Игнатиевской пещеры как святилища. Здесь обнаружены очень архаичные рисунки, возможно, синхронные росписям Каповой пещеры, палеолитические. Но немало тут и рисунков более поздних, очень похожих на рисунки писаниц р. Ай в той же Челябинской области, около которых найдены керамика и другие изделия эпохи бронзы. Культурный слой этого времени есть и в Игнатиевской пещере. Отмечены там и находки эпохи железа. Наконец, в XIX – начале XX в. Игнатиевская пещера стала местом поклонения после того, как в ней ряд лет жил старец Игнатий.

О разновременности рисунков в Игнатиевской пещере говорят не только наблюдения над их разнохарактерностью и стилистическими особенностями. Важно, что все перечисленные выше поздние по облику рисунки выполнены красной краской, а более архаичные – черной. Существенно и то, что два основных скопления росписей в Игна-

тиевской пещере – в Большом и Дальнем залах – не вполне аналогичны. В первом случае есть и черные, и красные рисунки (последних больше), во втором – черные преобладают. В.Т. Петрин полагает, что это связано с тем, что у двух залов был "разный статус" (Петрин В.Т., 1992, с. 140). Но нисколько не менее вероятно другое – два основных скопления росписей возникли в разное время.

Я не отрицаю того, что помимо рассмотренных в Игнатиевской пещере находились и более архаичные изображения, напоминающие росписи Каповой пещеры и не похожие на обычные Уральские писаницы. Но таких рисунков немного, и они не очень четки. В основном они выполнены черной краской, а сам В.Т. Петрин отмечает, что выявить линии, нанесенные черной краской на закопченном и потому черном же потолке пещеры, предельно трудно. Видимо, поэтому некоторые рисунки, показывавшиеся на докладах и фигурировавшие в газетных информациях, в итоговую публикацию не вошли. Должно быть, в конце концов их сочли недостаточно надежно документированными.

Хорошо, что в пещере побывали П.И. Борисковский и Н.Д. Праслов, видевшие в натуре французские пещеры с палеолитическими росписями. Жаль, что Игнатиевская пещера не была показана некоторым другим специалистам по первобытному искусству. Редактор книги В.Т. Петрина – А.П. Деревянко – от рассматриваемого в ней круга тем далек. З.А. Абрамова вынесла свое суждение об Игнатиевской пещере по публикации, до осмотра самого памятника.

Росписи на стенах Игнатиевской пещеры, безусловно, важное открытие, но, думается, посвященная им книга не может расцениваться как последнее слово в интерпретации этого пещерного святилища. Здесь надо провести еще большие исследования. Говорить о работе, проделанной В.Т. Петриным, как о "тщательной и скрупулезной" (Абрамова З.А., 1995, с. 219) никак нельзя.

После сдачи в печать этой заметки вышла книга В.Е. Щелинского и В.Н. Широкова о пещерной живописи Урала с разделом об Игнатьевской пещере, написанным В.Н. Широковым (Ščelinskij V., Širokov V., 1999, S. 87–135). Его взгляд на памятник мало чем отличается от трактовки В.Т. Петрина.

Институт археологии РАН, Москва *А.А. Формозов*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А., 1995. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере // РА. № 1.

Генинг В.Ф., 1954. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере // СА. Вып. XXI.

Кокшаров С.В., Широков В.Н., 1990. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Свердловск.

Массон В.М., 1996. Палеолитическое общество Восточной Европы. СПб.

Петрин В.Т., 1976. Новые данные о писаницах с берегов оз. Большие Аллаки // СА. № 1.

Петрин В.Т., 1984. Новые наскальные изображения Южного Урала // СА. № 3.

Петрин В.Т., 1992. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.

Формозов А.А., 1969. Очерки по первобытному искусству. М.

Чернецов В.Н., 1964. Наскальные изображения Урала. Ч. 1. М.

Чернецов В.Н., 1971. Наскальные изображения Урала. Ч. 2. М.

Шорин А.Ф., 1992. Археологические материалы позднего времени (бронзовый век – средневековье) из Игнатиевской пещеры // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.

Ščelinskij V., Širokov V., 1999. Hölenmalerei in Ural. Jan Thorlecke Verlag.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ ПОГРЕБЕНИЙ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Даже обобщенный обзор современной археологической литературы позволяет отнести проблемы изучения и интерпретации данных погребальных памятников к числу наиболее актуальных направлений в деятельности передовых национальных школ европейских государств, США и других стран мира. Не ослабевает интерес к данной проблематике в

© Г. Харке, С.Н. Савенко, 2000 г.

последние 2-3 десятилетия и в российской науке. В качестве примера можно привести методико-теоретическую дискуссию, которая в течение последних лет велась на страницах "Российской археологии". Опубликованы обобщающие статьи по системному анализу, исследованию структуры и типологии компонентов погребальной обрядности в ее археологическом выражении (Ольховский В.С., 1993, с. 78–93; Мельник В.И., 1993, с. 94–97; Никитина Г.Ф., 1993, с. 145–159). Углубленно разрабатываются вопросы социологической интерпретации (Гуляев В.И., 1993, с. 76, 77; 1995, с. 84, 85; Афанасьев Г.Е., 1993а, с. 131–144; Плетнева С.А., 1993, с. 160–172; Кызласов И.Л., 1995, с. 99–103; Ольховский В.С., 1995, с. 85–98) и др.

В исследования погребальных объектов все более активно внедряются компьютерные методы обработки материала (Атавин А.Г., 1995, с. 34–52; Коробов Д.С., 1994, с. 55, 56; 1995, с. 98–124; 1996, с. 57–76; Афанасьев Г.Е., 1996, с. 17–30 и др.).

Отношение российской археологии к направлениям, разрабатываемым зарубежными учеными на различных этапах ее развития было сложным и противоречивым. В советскую эпоху культивировался радикальный критический подход к "буржуазной науке". Доступ к зарубежным изданиям был ограничен. Сказывалось и слабое владение иностранными языками большинством советских археологов. Однако объективно складывались общие тенденции научной эволюции, имели место и факты воздействия научных систем друг на друга.

Относительно благоприятные условия для взаимовлияния сложились в начале 60-х годов, когда, по признанию специалистов (Генинг В.Ф., 1985, с. 107), определился переход отечественной археологии на современный в широком смысле слова социально-теоретический этап развития. Один из ведущих специалистов того периода А.Л. Монгайт, неплохо знавший зарубежные исследования и внесший свой вклад в популяризацию советской археологии за пределами СССР (Mongayt A.L., 1960), уже тогда отмечал актуальность вопросов теории и методики (Амальрик А.С., Монгайт А.Л., 1966, с. 122). В середине 50-х – начале 60-х годов вышел целый ряд публикаций европейских и американских ученых, вызвавших заметное оживление интереса к теоретическим проблемам археологии вообще и к интерпретации данных погребений (Hawkes C.F., 1954, p. 155–168; Childe V.G., 1956; Piggott S., 1959; Eggers H.J., 1959, p. 262–270; Binford L.R., 1962, p. 217–225). Большинство этих работ стали известны российским специалистам значительно позже, но отдельные позитивные идеи все же проникали в отечественную науку и оказала влияние на теоретико-методический подъем советской археологии рубежа 60-х – начала 70-х годов, несмотря на то, что они продолжали оцениваться в критическом плане (Клейн Л.С., 1973, с. 49–52).

С начала 70-х годов развивается современное методико-теоретическое направление социальной и этнокультурной интерпретации данных погребального обряда в российской археологии (Лебедев Г.С., 1970, с. 180–187; 1973, с. 55–63; Кушнарева К.Х., 1973, с. 11–19; Алекшин В.А., 1973, с. 84 и др.).

В работах обобщающего характера середины 70-х годов стали появляться ссылки на зарубежные публикации и прежде всего на специальные исследования Л. Бинфорда – лидера "новой археологии" Англии и США (Алекшин В.А., 1975, с. 49–53; Массон В.М., 1976, с. 149–181). Существенный вклад в дело ознакомления российских археологов с работами зарубежных авторов по проблемам интерпретации данных погребальных памятников внесли Л.С. Клейн, В.А. Алекшин и некоторые другие (Клейн Л.С., 1978, с. 103, 104; Кореняко В.А., 1979, с. 5; Алекшин В.А., 1981, с. 3–9; 1986). Были введены в научный оборот работы: К.Х. Отто (Otto K.H., 1955, S. 61–63), У. Фишера (Fischer U., 1956, S. 15), А. Хойслера (Häusler A., 1968, S. 1–30; 1975, S. 83–94), В. Рюкдешеля (Rückdeschel W.F., 1968, S. 19–33), П.Дж. Укко (Ucko P.J., 1969, p. 262–280), С. Шинэна (Shennan S., 1975, p. 279–288); К. Рэндсборга (Randsborg K., 1974, p. 38–61) и ряда других.

Но и в конце 70-х – в 80-е годы продолжали выходить обобщающие работы ученых СССР, которые почти не привлекали зарубежные разработки. Так, Бунатян Е.П., в диссертационном и монографическом исследованиях (Бунятян Е.П., 1985) ограничилась ссылками на работы Л. Бинфорда. Это, конечно, принципиально не снижало значения советских трудов, так как в них ученые самостоятельно приходили к интересным и важным выводам.

В последние годы по рассматриваемой нами проблематике с привлечением работ зарубежных авторов работает Г.Е. Афанасьев (1993б). Исследователю известны публикации Р. Чапмена и К. Рендсборга (Chapman R., Randsborg K., 1981, p. 23), Дж.А. Тейнтера (Tainter J.A., 1978) и ряда других.

Однако вплоть до настоящего времени в российской археологической литературе нет обобщающих обзоров зарубежных публикаций по проблемам изучения древних погребений типа предлагаемого нами. Поэтому мы надеемся на живой интерес российских специалистов

в нашей статье. Она поможет более объективно оценить положение российской археологии в мировой науке по рассматриваемой проблематике, определить уровень и эффективность ее самостоятельности, перспективы взаимодействия с международными научными направлениями и использования их опыта.

В англо-американской и западногерманской археологии, начиная с 60-х годов нашего столетия, активно ведется дискуссия по поводу исследования древних захоронений и их социологической интерпретации. Данная статья представляет собой попытку обобщить основные спорные положения, обсуждаемые в западной археологии, и свести воедино обстоятельства, их порождающие. Для того, чтобы вписаться в контекст проблематики, возникает необходимость обращаться и к работам, обсуждающим интересующие нас вопросы, вышедшим до 60-х годов.

Изучение раннесредневековых погребений в Германии

В Германии дискуссия сосредоточивается на трактовке раннесредневековых захоронений. Начало систематизированного археологического изучения средневековых захоронений относится к середине 20-х годов нашего столетия. В своем труде по археологии раннего средневековья в Рейнском районе К. Шумахер (Schumacher K., 1925, S. 217, 218) приводит перечень сведений, которые могут быть получены на основе захоронений этого периода: 1) этническая идентификация; 2) религия (языческая или христианская) и 3) социальные различия, которые определяются на основе инвентаря захоронения (оружие, одежда). В этом же году П. Райнеке, известный автор фундаментальных трудов по археологической периодике, были обоснованы теоретические выводы на основе предметов захоронений. В частности, возражая против выводов исследователей германского права, он считал, что состав инвентаря захоронения регулировался правовыми нормами, а не религиозными: усопшие имели право быть захороненными со своими личными неотчуждаемыми предметами, так называемыми hergewaete (военное снаряжение для мужчины) или gerade (хозяйственная утварь и предметы одежды для женщины); после принятия христианства неотчуждаемая собственность (или ее эквиваленты) передавалась церкви и захоронение совершалось не отдельно, а на церковных кладбищах (Reineche P., 1925, S. 103–107). B. Beek (Veeck W., 1926, S. 154–201) в последовавшей публикации о местоположении захоронений привлекал оружие, найденное в мужских погребениях, в качестве основания для определения социальной принадлежности усопших к группам, известным в период возникновения права (дворянство, свободные горожане, полусвободные и несвободные крестьяне, крепостные).

Трактовка понятия hergewaete, была подтверждена после войны (Redlich C., 1948, S. 177–180) и оставалась общеупотребляемой в 60-е годы и даже позднее (ср.: Genrich A.J., 1971, S. 189–226; Fehring G.P., 1979, S. 568). Хотя эта точка зрения была выдвинута в противоположность мнению, что инвентарь захоронений обусловлен верованиями, религиозная трактовка все же сохранялась, а в некоторых случаях правовой и религиозной подход слились вместе. П. Паульсен (Faulsen P., 1967, S. 150) высказал мнение, что вера в загробную жизнь и право собственности определяли, какие предметы должны помещаться в захоронение, означая таким образом переход различий в социальном положении из мира живых в мир потусторонний. Эти две основные предпосылки, оправдывали предположение (широко распространенное и по сей день), что инвентарь захоронения, особенно функционально значимые предметы (оружие, утварь, орудия труда), свидетельствует о социальном статусе усопшего. Таким образом, идея B. Beека была принята последующими исследователями и стала доминирующей при изучении захоронений раннего средневековья в течение почти пяти десятилетий (табл. 1) (Koch R., 1967, S. 103, Tabl. 1; Steuer H., 1968, S. 57; 1982, S. 311). Некоторыми авторами были предложены особые критерии для идентификации "аристократических захоронений" (например, драгоценные металлы, сбруя и т.п.) (Ament H., 1970, S. 131–151, 178–186; Koch U., 1982, S. 87; Müller H., 1976, S. 146–149; Verner J., 1968).

Начиная с 60-х годов этот общий подход и лежащие в его основе предпосылки подвергаются критике. Развернулась дискуссия относительно методики и процедура исследования в погребальной археологии на материале раннего средневековья (Steuer H., 1982). Критика была направлена на детерминистское признание непосредственной связи между определенными предметами и особым правовым статусом усопшего (Christlein R., 1966, S. 89). Отмечалось также, что такой подход, не учитывая региональные особенности и хронологические изменения, рассматривает общество раннего средневековья как нечто монолитное и неизменяемое (Werner J., 1968, S. 98, 99; Janssen W., 1980, S. 95, 96). Письменные

Таблица 1

Выявленные соотношения между оружием и социальным статусом в франкских и алеманских захоронениях (по Штойеру, 1982)

Авторы	Дворянство	Свободные			Полусвободные	Несвободные (рабы)
		крупные фермеры	мелкие фермеры	безземельные		
Вик, 1926		М, Ср	К, Т	Щ		К,С,
Штоль, 1939		М, Ср	Ср		К	
Лаур-Белирт, 1948		К, Щ, М, Ср, К, Щ		М	Ср или К	
Бёнер, 1958		Ш, Ср или К (2)			Ср	
Грим, 1953		Щ			Ср	
Шмидт, 1961		М, Т, К, М		Л	Ср, С	
Фремерсдорф, 1955		М	Ср		К, С	
Вернер, 1953		М, Ср, К, Щ, Ср				
Даннгаймер, 1962		оружие				
Нойфер-Мюллер, 1966		М или Ср, второе оружие			Ср	
Штайн, 1967	М или Ср К, Щ					
Шах-Дёргес, 1977		М, Ср, К, Т, Щ	М, К			
Мюллер, 1976	Му + другое оружие	Ср, К + другое оружие				
Мартин, 1976	М Ср К Щ					Ср
Шмидт, 1976	Му, Ср, К, Щ, Кс	М, Ср, К, Щ, Кс	К, Щ	К, Щ	С, Т	
Кох, 1977	Му, Ср, М, Кс	К, Щ, Кс, Ср		С		

Примечание: М – меч; Му – меч с украшениями; Ср – секира; С – стрела; К – копье, дротик; Щ – щит; Т – топоря; Кс – конская сбруя.

источники, на которых основываются правовые выводы исследователей, относятся к позднему средневековью и поэтому отражают положение на несколько веков более позднее, чем время погребений раннего средневековья с предметными наборами. Но старый подход, тем не менее, сохраняется и используется в некоторых работах по изучению захоронений (Stein F., 1967, S. 181–183). Со стороны противников этого подхода, особенно Х. Штойера, высказывается мнение, что существует опасность логического замкнутого круга в системе доказательств, заложенная в традиционной трактовке, и предлагается отказаться от попыток установления археологическим путем правового статуса выделяемых общественных групп (Steuer H., 1968, S. 39, 40, 56).

Критический подход Х. Штойера оказал глубокое влияние на развитие дискуссии, но его понимание этой проблемы радикально не отличалось от других существовавших точек зрения. Он тоже признавал прямую связь между предметами в захоронениях, в частности, оружия, с социальным статусом усопшего. Отличие его позиции относится лишь к некоторым выводам. Он считал оружие в мужских захоронениях раннего средневековья достаточно точным отражением экипировки усопшего, служащей, прежде всего, показателем его материального состояния и общественного положения (Steuer H., 1968, S. 19, 29, 30). На основании исследования мужских франкских и алеманнских захоронений меровингского периода Х. Штойер выделил три социальные группы (Steuer H., 1968, S. 56–59). Позднее он несколько изменил свою концепцию понимая меровингского общества и стал говорить об "открытом ранговом обществе" (offene Ranggesellschaft), в котором классовые различия менее резкие, но существуют отличия в социальном положении как в пределах семьи, так и между семьями (Steuer H., 1982, S. 518–525).

Эта точка зрения вызвала критику (Ament H., 1987; Kunow J., 1984). У Х. Штойера появилась неуверенность в возможности установить социальные характеристики только на основании анализа захоронений. Он стал говорить о необходимости интеграции данных раскопок поселений с материалами захоронений, что могло бы привести к более убедительным результатам (Steuer H., 1982, S. 518).

Оппоненты отмечали, что Х. Штойер (как, впрочем, и все исследователи до него), строил свой анализ только на предметах захоронений, особенно оружия из мужских погребений, относящихся к раннему средневековью. Не учитывались другие виды погребений, которые представляли более сложную картину, не соотносящуюся с социальными рангами в такой степени, как это отмечается для мужских захоронений. Эти недостатки социологических исследований до 60-х годов включительно и противоречивость результатов изысканий в 70-е годы привели к общему осознанию неудовлетворительности используемых приемов и необходимости выработки иного подхода к определению социального статуса усопших по материалам захоронений (Fingerlin G., 1971, S. 162; Werner J., 1968, S. 108). Некоторые исследователи, в целом принимая концепцию связи между социальным статусом и материалами захоронений, указывают на необходимость применения более четкой методики, а до тех пор, пока не будут выработаны критерии для определения социальных показателей захоронений, анализ должен быть ограничен лишь функциональными вопросами (например, выводами относительно военной экипировки в связи с найденным в захоронении оружием) (Werner J., 1968, S. 99, 100).

Этот весьма осторожный подход не утвердился в науке и традиционная социологическая интерпретация захоронений сохранилась в практике исследований германских археологов. Но в результате дискуссии стали применять целый ряд более точных и альтернативных приемов анализа. Подверглась критическому пересмотру социологическая терминология, долгое время использовавшаяся в археологических исследованиях (например: Gebühr M., 1974 – о римских захоронениях знати раннежелезного века у Н. Любсова). Наиболее значительный вклад был внесен Р. Кристляйном, предложившим расширить базу анализа захоронений, но сузить задачи интерпретации. Первое достигалось включением в анализ женских захоронений и более широкого набора предметов, а второе основывалось на предположении Р. Кристляйна о том, что оснащение захоронения прежде всего отражает материальное положение усопшего или усопшей и их семьи. Целью анализа захоронений, поэтому признавалось установление экономического положения усопших в его социологическом контексте (Christlein R., 1973, S. 148). На основании типов предметов (но не их числа), найденных в алеманнских и франкских захоронениях, он подразделил мужские и женские захоронения по качественному признаку на три группы (Qualitätsgruppen): от группы А – низшей, до группы С – наивысшей (табл. 2). В соответствии со своей предпосылкой он не идентифицирует эти группы с какими-то определенными социальными классами (strata), но предполагает, что они могут отражать "действительные социальные условия" (Christlein R., 1973, S. 148). Реакция на предложение Р. Кристляйна в немецкой археологии была положительной. Х. Штойер в своем обзоре социальной немецкой археологии соглашается, что выделение квалификативных групп дает возможность создать убедительные социальные модели на основе анализа предметов захоронения раннего средневековья (Steuer H., 1982, S. 516). Классификация захоронений, предложенная Р. Кристляйном, получила распространение в литературе и в настоящее время выступает как доминирующая модель социального различия франкских и алеманнских захоронений. Одно из немногих критических замечаний принадлежит Х. Вирку (Vierck H., 1980, S. 461), который подчеркивает опасность возникновения "круговой аргументации" в предложенном подходе и считает целесообразным начинать любой социологический анализ сверху, т.е. с анализа захоронений, принадлежность которых к самому высшему социальному слою уже установлена. Но это альтернативное предложение само по себе содержит логический "порочный круг".

Возникновению и развитию альтернативной методологии способствовало использование других характеристик погребений, таких как размеры захоронения, его структура и положение скелета. Этот подход к исследованию используется в немецкой археологии после публикации концепции Р. Кристляйна и его "квалификативных групп". Анализ, основанный на критерии размеров захоронения, строится на предпосылке, что сами затраты труда на сооружение захоронения выступают показателем социального статуса усопшего, как и предметы инвентаря захоронений. Начиная с 70-х годов размеры захоронения, глубина и объем, а также размеры надмогильного кургана учитываются при анализе захоронений железного века (Schlüter W., 1970, S. 117–145; Lorenz H., 1978; Rolle R., 1979; Sankot P., 1980,

Таблица 2

Квалитативные группы раннесредневековых захоронений в Юго-Западной Германии (по Кристляйну, 1973)

Квалитативные группы	A	B	C	Признаки
Мужские захоронения	X	X		лук и стрелы
	X	X	X	секира (боевой топор)
	+	X	X	стеклянный сосуд (IV в.)
	+	X	X	копье
		X	X	шпата (длинный меч)
		X	X	изит
		+	X	охотничье копье
		+	X	шпоры
		+	X	деревянное ведро
			X	ангон (копье с наконечником)
			X	шлем / панцирь
			X	удила и сбруя
		+	X	стеклянный сосуд (VII в.)
			X	бронзовый сосуд
			+	ведро с металлическими деталями
			+	золотое наперсное кольцо
Женские захоронения			+	золотые бусы
			+	нож с позолоченной рукоятью
		+	X	золотая плоская брошь
		+	X	наколенники с серебряными деталями
		+	X	деревянная шкатулка
		+	X	золотые серьги
		+	X	серебряное наперсное кольцо
		X	X	парная дугообразная брошь
		+	+	серебряные серьги
		+	+	заколка
		+	+	дискообразный кулон
		X	+	наколенники с бронзовыми / железными деталями
		X	+	дискообразная брошь железная / бронзовая / серебряная
	+	X	+	бронзовые серьги
	+	X	X	стеклянные бусы

Примечание: X – часто; + – редко.

S. 19–71). В археологических описаниях захоронений раннего средневековья этот подход использовался, главным образом, для анализа индивидуальных погребений, и одним из первых, кто применил эту методику был сам P. Кристляйн (Christlein R., 1966, S. 13, 14; 1971, S. 12). При анализе некоторых захоронений были установлены соответствия между размерами захоронений и их структурой, с одной стороны, и качественными характеристиками предметов инвентаря, с другой (например: Koch U., 1977, S. 171–174; Neuffer-Müller C., 1972, S. 13, 14; Paulsen P., Schach-Dörges H., 1978, S. 88). Однако в других одновременных захоронениях подобное соотношение нередко отсутствует (например: Fingerlin G., 1971, S. 39; Neuffer-Müller C., Ament H., 1973, S. 20; Neuffer E.M., 1972, S. 12 или выражено слабо: Müller H., 1976, S. 125, 126). Г. Фингерлин (Fingerlin G., 1971, S. 16) пришел к выводу, что деревянные конструкции захоронений не соотносятся с высоким социальным статусом

усопшего, установленным на основании характеристики предметов погребального инвентаря. К. Нойффер-Мюллер (Neuffer-Müller K. C., 1972, S. 71) после раскопок в Иверсхайме установил, что высокий социальный статус на ранних этапах выражался помещением в захоронения оружия и драгоценностей, а на более поздних этапах – сооружением каменных гробниц. Таким образом особенности устройства погребальных сооружений оцениваются как социальный показатель, не связанный с составом погребального инвентаря.

Для немецкой археологии не было типичным использование антропологических данных при анализе захоронений. Одним из немногих исключений являются работы М. Гебюра и его школы. М. Гебюр проанализировал социальную и демографическую структуру захоронений римского железного века на территории Северной Германии и Дании, сведя вместе археологические и антропологические данные. В частности, он сопоставил предметы захоронений с данными о возрасте и поле погребенных (Gebühr M., 1975, S. 433–456; Gebühr M., Kunow J., 1976, S. 185–222; Kunst M., 1978, S. 86–109). Для раннесредневековых захоронений, которые представляют несравнимо более надежный материал для исследования погребенных, таких данных пока нет.

В некоторых публикациях, посвященных исследованию захоронений, сравнение основных антропологических данных (пол и возраст на момент смерти) и предметов захоронения дало интересные результаты. Например, были установлены определенные соответствия между возрастными группами и особыми типами оружия и/или его количеством в Марктобердофе (Christlein R., 1966, S. 21–35); в Шретсхайме (Koch U., 1977, S. 177) и Рюбенахе (Henke W., Nedder K.H., 1981, S. 422). Некоторые антропологи проверили социальные группы, выделенные археологическим путем, антропологически и описали физические различия между такими группами в этнических или экологических терминах.

Нам представляется, что до настоящего времени самый тонкий "многомерный" анализ захоронений в немецкоязычной литературе по археологии дается в работе М. Мартина об алеманнских захоронениях в Базеле-Бернеринге (Martin M., 1976). Исследовав предметы погребений, их структуру, расположение скелетов и антропологические данные (включая данные о росте), М. Мартин выделил две различные социальные группы "господ" и "рабов" и, опираясь на подробную хронологию, проследил развитие во времени захоронений и расположенных возле них аристократических подворий. Он экспериментально выделил захоронения супружеских пар и семей на основе общности предметов захоронения, временных характеристик и более тесного расположения этих захоронений в сравнении с другими (Martin M., 1976, S. 158–164).

В 70-е годы появился интерес к выявлению семейных связей. Предполагается, что только аристократические семьи использовали родственно-групповые захоронения, которые отличались размерами, богатством и постоянным расширением в течение определенного времени (Ament H., 1970, S. 130–150). Поиск знатных и незнатных захоронений на основе этих и подобных критериев стал одной из задач современной немецкой археологии (например: Kersting T., 1992, S. 243, 246, 247). Возможно, этому способствовали обстоятельные работы Л. Йоргансена (Jergensen L., 1987, S. 17–53; 1991, S. 1–58), который на основе археологических критериев идентифицировал супружеские пары, семьи и даже поколения, начиная с раннежелезного века и до раннесредневековых захоронений в Южной Скандинавии и Ломбардии в Италии. У. Кох (Koch U., 1990, S. 247) попытался разграничить захоронения членов семьи и комитата (представителей правящей знати) и Клепсау. Но исследователь признал, что выполнить эту задачу на основе только археологических данных трудно.

Вывод о том, что идентификация семей и семейных групп на основе только археологических данных представляет собой лишь предположения, если они не подтверждаются антропологическими данными, привел к взаимодействию между германскими археологами и антропологами. Последние в настоящее время усовершенствовали свои методы установления биологических различий между индивидами (Alt K.W. et al., 1993, S. 295–300). Статистический анализ большого числа неметрических (эпигенетических) характеристик в курганных захоронениях железного века в Даттингене позволил К. Альту и его сотрудникам сделать предположение о том, что по крайней мере один из курганов (№ II) является семейной усыпальницей и что в брачные обязательства входили условия экзогамии и матрилокальности (Alt K.W. et al., 1995, S. 281–316).

Другое направление исследований последнего времени в области изучения захоронений в немецкой археологии касается самого погребального ритуала и интерпретации данных анализа погребального обряда. Разработки Г. Эггерса по этой проблеме (Eggers H.J., 1959, S. 265– 267) были развиты лишь 20 лет спустя, когда В. Гюбенер (Hübener W., 1977, S. 511,

512) заявил, что социологической и военной интерпретации оружия, найденного в захоронениях, должно предшествовать подробное изучение хронологии, особенностей распространения и использования этого оружия в погребениях. Работы, в которых применяется этот принцип анализа (Sievers S., 1982; Weski T., 1982; Härke H., 1992) показывают, насколько дезориентирующими могут быть упрощенные позитивистские утверждения, что захоронения являются "зеркалом жизни". Хотя эта точка зрения может показаться постпроцессуальной (см. ч. 2), она, скорее, порождена немецкой исторической традицией критики источников и данных классификации (Härke H., 1993, S. 143–146; 1994, S. 31–39), нежели британской традицией постпроцессуальной полемики.

Университет Ридинга *Г. Харке, С.Н. Савенко*
Кисловодский краеведческий музей

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алекшин В.А., 1973. Социальная дифференциация в среде древнеземледельческого населения Центральной Анатолии конца III тысячелетия до н.э. // Возникновение раннеклассового общества. Тез. докл. М.

Алекшин В.А., 1975. К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда (на материалах древнеземледельческих культур) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.

Алекшин В.А., 1981. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. Вып. 107.

Алекшин В.А., 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.

Амальрик А.С., Монгайт А.Л., 1966. В поисках исчезнувших цивилизаций. М.

Атавин А.Г., 1995. Информационно-поисковая система "Номад" (печенеги, торки, половцы в междуречье Дона и Волги) // Базы данных в археологии. М.

Афанасьев Г.Е., 1993а. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // РА. № 4.

Афанасьев Г.Е., 1993б. Донские аланы. М.

Афанасьев Г.Е., 1996. Маяцкий могильник в системе салтовской погребальной обрядности. К проблеме информативности параметрических характеристик // Компьютеры в археологии. М.

Бунятян Е.П., 1985. Методика социальных реконструкций в археологии на материалах скифских могильников IV–III вв. до н.э. Киев.

Геннинг В.Ф., 1985. Проблема научной революции в развитии археологического знания // Всесоюзн. археол. конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Баку.

Гуляев В.И., 1993. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) // РА. № 1.

Гуляев В.И., 1995. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II) // РА. № 2.

Клейн Л.С., 1973. Метоархеология на Западе (критический обзор современных представлений ученых Запада о содержании теории археологии) // Тез. докл. сес., посвященной итогам полевых археол. исслед. в 1972 г. в СССР. Ташкент.

Клейн Л.С., 1978. Археологические источники. Л.

Кореняко В.А., 1979. Степное население Юго-востока Европы в эпоху перехода от бронзы к железу (по обрядам погребений) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Коробов Д.С., 1994. Сравнительный анализ социальной структуры алан V–VIII и X–XII вв. в Кисловодской котловине (по материалам мужских погребений могильника "Мокрая балка I") // XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.

Коробов Д.С., 1995. Информационно-поисковая система "ALAN". Аланские катакомбные могильники Северного Кавказа IV–IX вв. // Базы данных в археологии. М.

Коробов Д.С., 1996. Опыт многомерного статистического анализа материалов могильника "Мокрая Балка I" // Компьютеры в археологии. М.

Кушнарева К.Х., 1973. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. Вып. 134.

Кызласов И.Л., 1995. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему // РА. № 2.

Лебедев Г.С., 1970. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

Лебедев Г.С., 1973. Отражение социальной структуры в археологических материалах // Философия, история, современность. Л.

Массон В.М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.

Мельник В.И., 1993. Погребальный обычай и погребальный памятник // РА. № 1.

Никитина Г.Ф., 1993. Типология трупоположений в погребальном обряде черняховской культуры // РА.№ 4.
Ольховский В.С., 1993. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. № 1.
Ольховский В.С., 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. № 2.
Плетнева С.А., 1993. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // РА. № 4.
Alt K.W., Munz M., Vach W., 1995. Hallstattzeitliche Grabhügel im Spiegel ihrer biologischen und sozialen Strukturen am Beispiel des Hügelgräberfeldes von Dattingen, Kr. Breisgau-Hochschwarzwald (mit einem Exkurs von H. Harke) // Germania. 73.
Alt K.W., Vach W., Jergensen L., 1993. Anwendung und Bedeutung archäologischer Informationen in der antropologischen Verwandtschaftsanalyse // Archäologische Informationen. 16.
Ament H., 1970. Fränkische Adelsgräber von Flonheim in Rheinhessen // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. B. 5. Berlin.
Ament H., 1987. Review of Steuer 1982 // Germania. 65.
Binford L.R., 1962. Archaeology as antropology // American Antiquity. 28. (Reprinted in Binford, L.R. 1972. An archaeological perspective. New York, San Francisco, London (Studies in Archaeology).
Chapman R., Randsborg K. (eds.), 1981. Approaches to the archaeology of death // The archaeology of death. Cambridge.
Childe V.G., 1956. Piecing together the past. The interpretation of archaeological date. London.
Christlein R., 1966. Das alamannische Reihengräberfeld von Marktoberdorf im Allgäu // Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte. 21. Kallmunz.
Christlein R., 1971. Das alamannische Gräberfeld von Dirlewang bei Mindelheim // Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte. 25. Kallmünz.
Christlein R., 1973. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 20.
Eggers H.J., 1959. Einfuhrung in die Vorgeschichte. (Sammlung Piper). Munich.
Fehring G.P., 1979. Missions- und Kirchenwesen in archäologischer Sicht // Jankuhn H., Wenskus R. (eds.). Geschichtswissenschaft und Archäologie. Untersuchungen zur Siedlungs-, Wirtschafts- und Kirchengeschichte. Sigmaringen. (Vorträge und Forschungen. 22).
Fingerlin G., 1971. Die alamannischen Gräberfelder von Güttingen und Merdingen in Sudbaden // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. A 12. Berlin.
Fisher U., 1956. Die Gräber der Stinzeit im Saalegebiet. Berlin.
Gebühr M., 1974. Zur Definition älterkaiserzeitlicher Fürstengräber vom Lübsow-Typ // Praehistorische Zeitschrift. 49.
Gebühr M., 1975. Versuch einer statistischen Auswertung von Grabfunden der römischen Kaiserzeit am Beispiel der Gräberfelder von Hamfelde und Kemnitz. Vergleich von anthropologischer Bestimmung und archäologischem Befund // Zeitschrift für Ostforschung. 24.
Gebühr M., Kunow J., 1976. Der Urnenfriedhof von Kemnitz, Kr. Potsdam-Land // Zeitschrift für Archäologie. 10.
Genrich A.J., 1971. Grabbeigaben und germanisches Recht // Die Kunde N.S. 22.
Härke H., 1992. Angelsächsische Waffengräber des 5. bis 7. Jahrhunderts // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. B. 6.
Härke H., 1993. Intentionale und funktionale Daten // Archäologisches Korrespondenzblatt. 23. Heft 1.
Härke H., 1994. Data types in burial analysis // Stjernquist B. (eds.) Prehistoric graves as a source of information. Stockholm. (Kungi. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens. Konferenser. 29).
Häusler A., 1968. Kritische Bemerkungen zum Versuch soziologischer Deutungen ur- und frühgeschichtlicher Gräberfelder – erläutert am Beispiel des Graberfeldes von Hallstatt // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. 9.
Häusler A., 1975. Zur Problematik der Gräbersoziologie // Moderne Probleme der Arhäologie. Berlin.
Hawkes C.F., 1954. Archaeological theory and method: some suggestions from the old world // American Anthropologist. 56.
Henke W., Nedder K.H., 1981. Zur Anthropologie der fränkischen Bevölkerung von Rübenach. Mit einern archäologischen Nachwort von H. Ament // Bonner Jahrbücher. 181.
Hübener W., 1977. Waffennormen und Bewaffnungstypen der frühen Merowingerzeit // Fundberichte aus Baden-Württemberg. 3.
Janssen W., 1980. Eine reiche frankische Doppelbestattung aus Niedermerz, Kr. Düren // Offa. 37.
Jergensen L., 1987. Family burial practices and inheritance systems. The development of an Iron Age society from BC to AD 1000 on Bornholm, Denmark // Acta Archaeologica. 58. Copenhagen.
Jergensen L., 1991. Castel Trosino and Nocera Umbra. A chronological and social analysis of family burial practices in Lombard Italy (6th–8th cent. AD) // Acta Archaeologica. 62. Copenhagen.
Kersting T., 1992. Ein Sippenweise belegtes alamannisches Gräberfeld von Zusamaltheim, Kr. Dillingen a.d. Donau // Archäologisches Korrespondenzblatt. 22.
Koch R., 1967. Bodenfunde der Völkerwanderungszeit aus dem Main-Tauber-Gebiet // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. A 8. Berlin.

Koch U., 1977. Das Reihengräberfeld bei Schretzheim // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. A 13. Berlin.

Koch U., 1982. Die frankischen Gräberfelder von Bargen und Berghausen in Nordbaden // Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. 12. Stuttgart.

Koch U., 1990. Das frankische Gräberfeld von Klepsau im Hohenlohekreis // Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte Baden-Württembergs. 38. Stuttgart.

Kunow J., 1984. Review of Steuer 1982 // Bonner Jahrbücher. 184.

Kunst M., 1978. Arm und Reich – Jung und Alt // Offa. 35.

Lorenz H., 1978. Totenbrauchtum und Totentracht. Untersuchungen zur regionalen Gliederung in der frühen Latenezeit // Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. 59.

Martin M., 1976. Das frankische Graberfeld von Basel-Bernerring // Baseler Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Basle.

Mongaut A.L., 1960. Archaeology in the USSR. M.

Müller H., 1976. Das alamannische Gräberfeld von Hemmingen (Kreis Ludwigsburg) // Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. 7. Stuttgart.

Neuffer E.M., 1972. Der Reihengräberfriedhof von Donzdorf (Kreis Göppingen) // Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. 2. Stuttgart.

Neuffer-Müller C., 1972. Das fränkische Gräberfeld von Iversheim, Kreis Euskirchen, Berlin // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. B. 6.

Neuffer-Müller C., Ament H., 1973. Das fränkische Gräberfeld von Rübenach, Stadt Koblenz // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. B. 7.

O'Shea J.A., 1981. Social configurations and the study of mortuary practices: a case study. R. Chapman. 1. Kinnes and K. Randsborg (eds). The archaeology of death. Cambridge. (New Directions in Archaeology).

Otto K.H., 1955. Die Sozialökonomische Verhältnisse bei der Stämmen der Leubinder kultur in mitteldeutschland // Etnografich-Archäologische Forschungen. 3, 1.

Paulsen P., 1967. Alamannische Adelsgräber von Niederstotzingen // Veröffentlichungen der Staatlichen Amnts für Denkmalpflege Stuttgart. A. 12. Stuttgart.

Paulsen P., Schach-Dörges H., 1978. Das alamannische Gräberfeld von Giengen an der Brenz (Kreis Heidenheim) // Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. 10. Stuttgart.

Piggott S., 1959. Approach to archaeology. London.

Randsborg K., 1974. Social stratification in Early Bronze Age Denmark: a study in the regulation of cultural systems // Praehistorische Zeitschrift. 49.

Redlich C., 1948. Erbrecht und Grabbeigaben bei den Germanen // Forschungen und Fortschritte. 24.

Reinecke P., 1925. Reihengräber und Friedhöfe der Kirchen // Germania. 9.

Rolle R., 1979. Totenkult der Skythen. Teil 1. Das Steppengebiet // Vorgeschichtliche Forschungen. 18. Berlin, York.

Rückdeschel W.F., 1968. Geschlechtsdifferenritlichen Graber Süddbayerns // Bayerische Vorgeschichts-blatter. 33.

Sankot P., 1980. Studie zur Sozialstruktur der nordalpinen Flachgräberfelder der La-Tene-Zeit im Geblet der Schweiz // Zeitschrift für Schweizerische Archaologie und Kunstgeschichte. 37.

Schlüter W., 1970. Versuch einer sozialen Differenzierung der jungkaiserzeitlichen Körpergräbergruppe von Hafileben-Leuna anhand einer Analyse der Grabfunde // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. 6.

Schumacher K., 1925. Siedelungs- und Kulturgeschichte der Rheinlande. Die merowingische und karolingische Zeit. Mainz.

Shennan S., 1975. The social organisation at Branc // Antiquity. 49.

Slevers S., 1982. Die mitteleuropäischen Hallstattdolche // Prähistorische Bronzefunde. VI. 6. München.

Stein F., 1967. Adelsgräber des achten Jahrhunderts in Deutschland // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. A 9. Berlin.

Steuer H., 1968. Zur Bewaffnung und Sozialstruktur der Merowingerzeit // Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte. 37.

Steuer H., 1982. Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Phil.-Hist. Klasse 3. Fol. 128. Göttingen.

Tainter J.A., 1978. Mortuary practices and the study of prehistoric social systems // Schiffer M.B. (eds.). Advances in archaeological method and theory 1. New York, San Francisco, London.

Ucko P.J., 1969. Etnography and archaeological interpretation of funerary remains // World Archaeology. 1.

Veeck W., 1926. Der Reihengräberfriedhof von Holzgerlingen // Fundberichte aus Schwaben. N.F. 3.

Vierck H., 1980. Ein westfälisches "Adelsgrab" des 8. Jahrhunderts n. Chr. Zum archäologischen Nachweis der frühkarolingischen und altsächsischen Oberschichten // Studien zur Sachsenforschung. 2.

Werner J., 1968. Bewaffnung und Waffenbeigabe in der Merowingerzeit // Settimane di studio del centre italiano di studi sull'alto medioevo. 15. Spoleto.

Weski T., 1982. Waffen in Gräbern der alteren römischen Kaiserzeit südlich der Ostsee // BAR. International Series. 147.

B. Lyonnet. Céramique et peuplement du chalcolitique à la conquête arabe (Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Sous la direction de Jean-Claude Gardin. V. 2), Paris: Éditions recherches sur les civilisations, 1997, 447 p.

В 1974–1978 гг.[1] на территории Восточной Бактрии[2] проводились значительные по масштабам археологические разведки, которые осуществляла экспедиция под руководством Ж.-К. Гардена. Эта экспедиция начинала свои работы с исследования территории, непосредственно примыкающей к городу Ай-Ханум[3]. Основное внимание на этой стадии уделялось памятникам эллинистической эпохи, но, естественно, фиксировались и памятники других периодов. Позднее задачи проекта расширились: территориально они охватили все равнинные районы Восточной Бактрии, а хронологически – все периоды, начиная с халколита и вплоть до средневековья.

В "Предисловии" к рецензируемой книге Ж.-К. Гарден указывает, что по итогам данного проекта намечено издание трех монографий. Одна из них, посвященная проблемам природного окружения и началу ирригации в данном регионе, уже опубликована (Gentelle P., 1989), третья, в которой будет сделана попытка исторического синтеза, должна быть создана Ж.-К. Гарденом, рецензируемая же книга – вторая в данной серии. Она написана известной французской исследовательницей Б. Лионне, принимавшей активное участие в работах данной экспедиции и занимавшейся, главным образом, исследованием керамики.

Книга состоит из двух частей. Первая из них называется "Границы исследования". Вторая – "Исследование керамики и комментарий". Помимо текста книга содержит большое количество таблиц, обширную библиографию и указатели.

Первая часть включает четыре небольшие главы. Первая носит название "Природные условия". В ней автор самым кратким образом характеризует природные условия региона, опираясь, естественно, на упомянутую уже работу П. Жантелля. Она полагает, что никаких серьезных изменений природной среды (особенно климата) в регионе, и вообще в Центральной Азии за то время, которое рассматривается в данной книге, не происходило.

Вторая глава посвящена истории региона, в ней также кратко характеризуются документальные и нарративные источники, освещающие историю этого региона, и столь же кратким образом упоминаются археологические исследования, проводившиеся здесь.

В третьей главе описываются методы исследования как во время самих полевых работ, так и позднее – во время камеральных. Хотя уже ранее Ж.-К. Гарден (и автор данной книги) давали объяснение и обоснование того метода археологических разведок, который использовался во время работ экспедиции (Gardin J.-Cl., 1980, Gardin J.-Cl., Lyonnet B., 1980), тем не менее, поскольку в данной работе он описан более подробно и подчеркнуты как его сильные, так и слабые стороны, мы считаем необходимым кратко остановиться на этом вопросе.

Б. Лионне пишет, что все исследования были ориентированы на изучение истории только оседло-земледельческого населения региона и поэтому разведки проводились только в долинах. Возвышенности, на которых (как показали исследования в собственно Средней Азии) обычно располагались некрополи скотоводов, не были объектом разведок.

Она указывает, что исследование территории Восточной Бактрии делилось на две фазы. Первая из них – изучение непосредственных окрестностей Ай-Ханум. Эта фаза характеризовалась следующими особенностями: производилось в высшей степени детальное обследование сравнительно небольшой территории – около 200 км^2. Во время этих работ фиксировались все следы каналов. Если появлялись в отношении них какие-либо сомнения, то они проверялись разрезами по предполагаемому руслу. Естественно, что фиксировались

---

[1] В более ранних публикациях время работы экспедиции указывается несколько по-иному – 1974–1979 гг. Разница объясняется тем, что в 1974–1978 гг. проводились собственно полевые исследования, а 1979 г. был посвящен камеральной обработке материала, проходившей в Кабуле.

[2] Восточная Бактрия соответствует примерно современному северо-восточному Афганистану без Бадахшана, т.е. включает в себя равнины: Ай-Ханум (в районе слияния рек Амударьи и Кокчи), Кундуз-Ханабад (вдоль берегов рек Кундуздарья и Ханабаддарья), Талукан (вдоль одноименной реки), Хазар-Баг (в нижнем течении Руд-и-Шахраван), Ходжа Гар (между Руд-и-Шахраван и Кокча).

[3] О публикациях по результатам этих исследований см.: Сердитых З.В., Валиев А., 1987, с. 283–290.

© Г.А. Кошеленко, З.В. Сердитых, 2000 г.

все памятники. Их было выявлено 275, не считая еще 50, которые находились в непосредственных окрестностях городища. В число памятников были включены все сколько-нибудь заметные остатки, включая самые маленькие искусственные возвышения диаметром несколько метров, столь плохой сохранности, что невозможно было даже сделать какие-либо предположения об их первоначальном назначении. Во время этих разведок собирался весь подъемный материал, встреченный на поверхности всех обнаруженных здесь памятников.

Вторая фаза характеризовалась иными особенностями. В ее ходе работы проводились менее тщательно, поскольку зона разведок резко расширилась (в 7 раз), а время на их проведение было отпущено гораздо меньше. Однако в ходе этих исследований, естественно, использовался весь опыт, накопленный за время осуществления первой фазы. Отныне остатки древних каналов не прослеживались на всю длину, достаточно было зафиксировать начало канала и несколько мест на его протяжении вплоть до места, где он оканчивался. Опираясь на эти наблюдения, знание рельефа местности и имея в своем распоряжении хорошие карты, можно было отчетливо представить все протяжение канала целиком. Точно так же уже не было необходимости стремиться к тому, чтобы зафиксировать все памятники, а только самые основные и в достаточно значительном числе. Во время этой фазы был обнаружен 471 памятник. Проведенные в таком масштабе исследования позволили, как считает автор, выявить характер систем ирригации и расселения на различных исторических этапах.

Система интерпретации полученных материалов основывалась на пяти постулатах.

1. Климат в данном регионе серьезно не менялся с древнейших времен (с момента окончания каменного века). В этом отношении основой, как уже отмечалось выше, были исследования П. Жантелля, который поддержал тезис о неизменности климата в течение примерно 5000 лет. Результатом этого стал вывод о том, что уже в самый ранний из периодов, рассматриваемых в данной книге, для нормального функционирования земледельческого общества необходимы были искусственные источники воды.

2. Из первого постулата естественно вытекает второй – необходимость постоянно создавать (поддерживать, ремонтировать) ирригационные каналы для орошения земли. Населенные пункты, соответственно, должны быть связаны с каналами.

3. Естественный вывод из предыдущих постулатов – тезис о том, что время существования каналов можно определять на основании датировок тех населенных пунктов, которые расположены вдоль них.

4. Подъемный материал, главным образом керамика, может достаточно точно и полно датировать памятники. Хотя не исключена, в общем, возможность того, что какие-то периоды оказываются не представленными в подъемном материале, как правило, он показывает все периоды существования данного памятника.

5. Можно полагать, что та картина истории расселения в древности, которая предстает в результате этих исследований, действительно отвечает исторической реальности.

Автор указывает, что выводы, проистекающие из данного метода исследования, особенно выводы количественного порядка, неизбежно имеют ограниченный характер. Поскольку никогда не удастся выяснить точное число древних населенных пунктов (они в большом числе разрушаются в более поздние эпохи, особенно при создании современных больших ирригационных систем; многие наиболее ранние памятники могут оказаться под многометровыми наносными слоями), необходимо постоянно помнить о том, что все цифровые показатели могут иметь только относительное значение. С их помощью, в частности, можно: 1) указать, какие большие системы ирригации функционировали в каждый из исследуемых периодов; 2) установить площадь (хотя и очень приблизительно) той территории, которая могла быть орошена в каждый из периодов, 3) предположить, что численность населения увеличивалась – в тех случаях, когда удается установить, что в тот или иной период возрастает число каналов, 4) выяснить природу "метрополии", когда ее можно установить; 5) использовать количество обнаруженных населенных пунктов только для сравнения одного периода с другим.

Главным хронологическим индикатором, естественно, являлась керамика. Всего было собрано примерно 25 тонн ее фрагментов (хотя, естественно, брался и иной подъемный материал; в частности, были встречены терракотовые статуэтки и архитектурные детали). Как правило, стремились собрать всю керамику, которая встречалась на памятнике. Обычно никаких специальных методов для определения мест нахождения керамики в границах памятника не применялось. Только в тех случаях, если площадь памятника была значительной (т.е. больше нескольких сотен $м^2$), то фиксировали различные зоны, чаще

всего ориентируясь на четко выделяемые подразделения внутри него (например, цитадель и нижний город и т.п.).

Б. Лионне указывает, что методы анализа керамики были разработаны Ж.-К. Гарденом (Gardin J.-Cl., 1973, p. 121–188) и позднее усовершенствовались ими совместно. Первые этапы исследования были особенно трудны, поскольку основная часть находимой керамики была практически до этого неизвестна, поэтому стремились к сколь возможно более полному описанию каждого из фрагментов с указанием особенностей теста, ангоба, техники, декора и т.д. Была создана специальная классификация, первоначально совершенно искусственная: категории – группы – серии – варианты. Последним этапом в классификации стал собственно тип, который можно было точно датировать на основании сравнения с той керамикой, которая была обнаружена или в этом регионе, или в соседних и уже имела достаточно надежные даты.

В последней главе первой части книги автор обрисовывает принципы организации материала, которыми она руководствовалась во второй части. Здесь материал представлен в семи главах (восьмая глава – "Заключение"), каждая из которых посвящена отдельному хронологическому периоду. В каждой из глав изложение начинается с описания типов керамики (всегда по единой схеме, представляющей упрощенный вариант той схемы, которая использовалась при публикации керамики Ай-Ханум). При этом точно указывается, на каких памятниках она была обнаружена, что позволяет ясно представить зону распространения данного типа. Следующий этап исследования – сравнительный: указываются аналогии, которые могут быть обнаружены в более или менее близких регионах[4]. Затем следует та часть исследования, в которой автор рассматривает проблемы датировки или происхождения различных типов керамики и их комплексов. Наконец, в конце каждой из глав Б. Лионне стремится решить вопрос о том, что может дать этот материал и результаты его конкретного исследования для понимания более общих проблем истории Восточной Бактрии (происхождение тех групп населения, для которых характерны те или иные типы керамики; сколь возможно более точные даты бытования; число и местонахождение населенных пунктов, существовавших в каждый конкретный период; размеры функционировавших каналов и т.п.). На последнем этапе результаты исследований на территории Восточной Бактрии сравниваются с тем, что известно о других соседних регионах, и делаются попытки обрисовать общее состояние Средней Азии в каждый из исследуемых периодов.

Соответственно в этой части книги имеются семь глав, представляющих весь материал в хронологическом порядке: глава 1 – халколит и начало эпохи бронзы (приблизительно 3500–2500 гг. до н.э.), глава 2 – эпоха средней бронзы (приблизительно 2500–1500 гг. до н.э.); глава 3 – конец эпохи бронзы, ранний железный век и ахеменидский период (приблизительно 1500–330 гг. до н.э.), глава 4 – эллинистический период (330–145 гг. до н.э.), глава 5 – период кочевнических вторжений (145 г. до н.э. – начало н.э.), глава 6 – кушанский период (начиная с юечжийско-кушанской и вплоть до кушано-сасанидской фаз, примерно с I в. до н.э. по VI в. н.э.), глава 7 – раннее средневековье, эфталито-тюркский период (V–VIII вв. н.э.)

В заключительной главе 8 Б.Лионне подводит итоги своего исследования, обращая особое внимание на специфические особенности истории этого региона в сравнении с остальной Бактрией и другими соседними областями Центральной Азии.

Отметим прежде всего, что анализ керамики, составляющий основное содержание данной части книги, проведен Б. Лионне на самом высоком научном уровне. Автор самым тщательным образом описывает и анализирует весь имеющийся в ее распоряжении огромный материал: в ее определениях типов сосудов, техники их производства, дат сомневаться невозможно. Прекраснейшее знание керамики, полученной при разведках, сочетается со столь же глубоким знанием тех материалов, которые привлекаются для сравнения. Б. Лионне не только по публикациям знакомилась с керамикой соседних с Восточной Бактрией регионов (хотя ее знание этой литературы практически исчерпывающее), но ее

[4] Регионы, материал из которых используется при сравнении, определяются по степени близости: A – зона собственно Бактрии, ограниченная Кугитангом и Байсуном на западе, Гиндукушем на юге, Гиссаром – на севере и Памиром на востоке; B – предгорья Копет-дага, долина Теджена, долина Мургаба, центральная часть долины Амударьи, Хорезм, нижняя Сырдарья; C – долина Заравшана, Кашкадарья, среднее течение Сырдарьи, район Ташкента, район Ходжента, Фергана; D – Герат, Систан, Кандагар, Белуджистан; E – Бамиан, Кабул, Газни, Джеллалабад, Пешавар, долина Свата, долина Инда; F – Сирия, Ирак и Иран (районы Суз, Кермана, Горгана, Хоросана); G – Индия.

знания основываются также и на исследовании de visu огромного керамического материала во время многочисленных поездок по республикам Средней Азии, Пакистану, Индии. В связи с этим укажем, что подавляющее большинство выводов Б. Лионне не могут вызвать никаких сомнений. Точно так же не может быть оспорена и та картина истории Восточной Бактрии, которая проистекает из ее анализа распространения различных типов керамики. Очень интересны, как правило, и те выводы, к которым приходит автор, рассматривая общие вопросы истории Средней Азии.

Необходимо также указать, что в журнальной рецензии абсолютно невозможно даже перечислить все те выводы, к которым приходит автор данного исследования. В силу этого мы коснемся только самых основных (или тех, которые нам кажутся основными) из этих выводов или тех немногих частных наблюдений, которые вызывают у нас некоторые сомнения.

В первой из глав Б. Лионне рассматривает очень небольшую группу керамики (примерно 70 фрагментов), датируемую, по ее наблюдениям, концом периода халколита и началом эпохи бронзы, т.е. самую раннюю керамику, встреченную в данном регионе[5]. Предполагаемая абсолютная дата – примерно 3500–2500 гг. до н.э. Небольшое количество находок не позволяют дать, однако, более точную дату. Керамика встречена на нескольких памятниках, главным образом в районе Талукана. Самое интересное в этой керамике, это то, что она демонстрирует поразительную близость к керамике, происходящей из регионов к югу от Гиндукуша, в частности из Белуджистана. Это наблюдение могло бы показаться несколько экстравагантным[6], но два обстоятельства заставляют принять его. Во-первых, открытие Саразма, где встречена та же самая керамика и который расположен еще севернее. Во-вторых, следующий исторический период настолько бесспорно доказывает наличие этих трансгиндукушских связей, что вывод автора вряд ли может вызвать сомнения.

По предположению Б. Лионне, начало использования ирригационных систем (правда, еще достаточно примитивных) относится именно к этому периоду.

Следующая глава посвящена керамике эпохи средней бронзы, охватывающей, по мнению автора, время приблизительно с 2500 по 1500 гг. до н.э. Основной материал для понимания этого периода дали раскопки памятника, расположенного невдалеке от Ай-Ханум и называемого обычно Шортугай (по названию соседней деревни). Этот памятник теперь хорошо известен, благодаря ряду публикаций. Самое основное в керамике (как и в других особенностях материальной культуры) Шортугая – это теснейшая связь с культурой Хараппы долины Инда. Но памятники этого типа не ограничиваются одним Шортугаем, они распространены и по другим долинам Восточной Бактрии. В это время продолжали существовать достаточно многочисленные каналы.

Б. Лионне в данной работе вновь поднимает вопрос о характере поселений хараппского типа в этом регионе. Хотя обычно считается, что появление их было вызвано попытками освоить минеральные ресурсы региона, автор предлагает более радикальное решение. Поскольку культурное единство долины Инда и Восточной Бактрии существует на протяжении очень длительного периода времени (более тысячи лет), она предлагает считать Восточную Бактрию не страной, которую "колонизовали" жители долины Инда, а территорией, изначально являвшейся частью зоны бытования этой культуры.

Б. Лионне уделяет значительное внимание и вопросу о характере отношений данной культуры с культурами других регионов юга Средней Азии. Прежде всего она подчеркивает своеобразие именно этой части Бактрии, поскольку в более западных частях ее – в районе Балха и в долине Сурхандарьи – господствует иная культура, которую она называет "бактрийско-маргианской". Может быть, однако, лучше бы было пользоваться не очень удачным, но уже ставшим привычным термином "Бактрийско-Маргианский археологический комплекс" (БМАК). В связи с этим Б. Лионне касается нескольких вопросов и относительно данной культуры. Она, в частности, особо подчеркивает невозможность датировать памятники эпохи бронзы в Мервском оазисе поздним временем – последними столетиями II тыс. до н.э. Она полностью согласна с датировкой, предложенной Ф. Хибертом, – 2290 – 1680 гг. до н.э. (Хиберт Ф., 1994). Она также решительно не согласна с

---

[5] Первоначально эта группа керамика была атрибутирована неточно и датирована II тыс. до н.э. (Gardin J.-Cl., Lyonnet B., 1980, p. 111, 132, fig. 6, 7). Только позднее было найдено правильное решение (Lyonnet B., 1981, p. 57–74).

[6] Автор справедливо указывает, что принятие этого вывода заставляет отказаться от некоторых устоявшихся точек зрения, в частности от мысли, что Гиндукуш был в это время непреодолимым естественным препятствием для человека.

мнением, иногда высказываемым в науке (Sarianidi V.I., 1981, p. 221–225; Masson V.M., 1985, p. 195–200), о том, что носителями этой культуры являлись индо-арии.

В конце рассматриваемого периода в Восточной Бактрии появляются новые группы населения, в которых можно видеть выходцев из степей – скотоводов, в той или иной степени связанных с андроновской культурой. Время около середины II тыс. до н.э. представляло собой, по мнению Б. Лионне, период потрясений и упадка, причины которого еще не совсем ясны. Видимо, нельзя считать причиной этого приход "андроновцев", поскольку нет никаких свидетельств о массовом переселении. Кроме того, их появление, кажется, не было внезапным и быстрым вторжением, а растянулось на достаточно длительный срок. Вполне возможно, что эти новопришельцы представляли собой индоариев, которые появились в Индии около 1500 г. до н.э.

В общем данная схема нам кажется вполне вероятной. Б. Лионне не входит в ее глубины, указывая на свою некомпетентность. Можно только указать, что вряд ли стоит называть эти группы населения кочевниками. Собственно кочевой культурно-хозяйственный тип появился, как известно, несколько позднее – примерно на рубеже II–I тысячелетий.

Следующая глава охватывает очень интересный исторический период, начиная примерно с 1500 г. до н.э. и вплоть до походов Александра Македонского. Как справедливо подчеркивается автором, с этого времени история данного региона впервые начинает освещаться и письменными источниками.

В этот период Восточная Бактрия впервые перестала отличаться по характеру своей культуры от остальных областей юга Средней Азии. На определенном этапе этого периода она вошла в круг "язовских" культур. В связи с этим автору необходимо было рассмотреть проблему происхождения и датировки этой культуры. Б. Лионне не согласна с датой начала культуры Яз I, предложенной в свое время В.М. Массоном. Она считает, что начало ее должно быть помещено ближе к середине II тыс. до н.э. Нельзя не согласиться, что подобное предположение имеет большее право на существование, чем датировки В.М. Массона. Вместе с тем хотелось бы указать, что, вопреки тому, что написано автором, далеко не все советские исследователи безоговорочно приняли дату В.М. Массона. А.А. Марущенко в тот самый год, когда была опубликована монография В.М. Массона, уже указывал, что датировку начала Яз I он считает слишком поздней (Марущенко А.А., 1959, с. 65). А.А. Марущенко синхронизировал слой ЕД (Елькен-депе) II и слой Яз II и датировал их концом II – началом I тыс. до н.э., примерно XII – VII вв. до н.э. Соответственно и период Яз I должен был быть значительно удревнен. Вместе с тем необходимо помнить, что твердых бесспорных оснований для надежной датировки начала периода Яз I нет. Единственная радиокарбонная дата для этого периода дает 1415 (1512 – 1309 гг. до н.э.) (Хиберт Ф., 1994, с. 177). Кроме того, в материалах Маргианы нет ответа на чрезвычайно важный вопрос о том, следовала ли культура Яз непосредственно за БМАК или между ними имелся хиатус.

Нельзя не согласиться и с утверждением Б. Лионне, что необходимо разорвать установленную В.М. Массоном связь между началом раннего железного века в данной части Средней Азии и началом культуры Яз. Период Яз I совершенно бесспорно должен быть отнесен еще к концу эпохи бронзы. Эта идея давно уже "носилась в воздухе" (Кошеленко Г.А., 1986).

Что касается собственно Восточной Бактрии, то Б. Лионне делит ее на три фазы: 1) 1500/1400 – 1100/1000 гг. до н.э., 2) 1100/1000 – 700/600 гг. до н.э.; 3) 700/600 – 330 гг. до н.э. Каждая из этих фаз, по ее мнению, совпадает с большими историческими событиями, в той или иной степени отраженными в текстах: фаза 1 – вторжение индо-ариев и/или иранцев и создание Авесты; фаза 2 – возможно, существование богатого и могущественного Бактрийского царства, которое пыталась завоевать Ассирия; фаза 3 – ахеменидское господство. Нет оснований отвергать предположения относительно первой и третьей фаз. Что касается второй фазы, то Б. Лионне сама сознает слабость этой гипотезы. Думается, что необходимо полностью отказаться от идеи, навеянной фантазиями Ктесия Книдского, а также признать, что никаких свидетельств о существовании в Средней Азии до времени Ахеменидов крупных государств (вроде Бактрийской державы или "Большого Хорезма") нет. В Средней Азии в это время скорее всего существовало большое число мелких и мельчайших образований, идущих по пути формирования государственности (Alexeev V. et al., 1991).

Необходимо также полностью согласиться с наблюдением Б. Лионне об отсутствии серьезных следов западно-иранских культурных влияний на материальную культуру юга Средней Азии в период после ахеменидского завоевания.

Из более мелких замечаний по поводу данной главы отметим, что несколько удивляет отсутствие среди привлекавшихся автором исследований работ В. Рау, в которых обсуж-

даются проблемы материальной культуры индо-ариев к моменту их прибытия в Индию (Rau W., 1972; 1983). Отметим, что здесь содержится указание относительно того, что запрет использовать керамику, сделанную с помощью керамического круга, имел ритуальный характер. Этому указанию придавал особое значение Э.А. Грантовский, в частности, в связи с проблемой керамики времени Яз I (Грантовский Э.А., 1998, с. 116). Думается, что привлечение этих данных способствовало бы углублению исследования о происхождении этой культуры.

Б. Лионне подчеркивает определенное различие между фазами 1 и 2 в истории Восточной Бактрии. Если в течение первой наблюдался некоторый упадок, то вторая фаза демонстрирует явный подъем, проявляющийся в росте числа каналов и увеличении числа населенных пунктов.

В главе 4 рассматривается достаточно короткий исторический период – эллинистический, который в применении к Восточной Бактрии охватывает время от походов Александра Македонского до примерно 145 г. до н.э. Б. Лионне подчеркивает отличие греко-македонского завоевания от персидского. Если последнее совершенно не сказалось на материальной культуре Средней Азии, то первое изменило ее коренным образом.

С источниковедческой точки зрения, этот период также коренным образом отличается от всех предшествующих. В распоряжении исследователя оказывается огромный материал, полученный при раскопках чисто греческого города Ай-Ханум, который создает надежную базу для понимания данных разведок.

Из многочисленных наблюдений над собственно керамикой, сделанных Б. Лионне, которые нам кажутся совершенно справедливыми и очень точными, хотелось бы обратить внимание на одно. Появление серо-черной керамики она относит ко времени около 260 г. до н.э. Это наблюдение представляется нам очень важным, поскольку керамика этого вида является одним из самых важных хронологических реперов для слоев эллинистического времени (во всяком случае, в южном Туркменистане). Очень интересен, хотя и несколько неожидан вывод о достаточно быстром распространении керамики греческих типов не только в больших городах, но и в мелких сельских населенных пунктах, что, как справедливо подчеркивает автор, расходится с общепринятым мнением о слабости эллинизации сельского населения, которое и при греко-македонском владычестве продолжало сохранять свою традиционную культуру. С другой стороны, Б. Лионне подчеркивает, что в эллинистический период не происходило коренных усовершенствований в ирригации, но имела место значительная интенсификация аграрной зоны (расширение орошаемой зоны и рост числа населенных пунктов на ней, имевших тенденцию к концентрации вокруг крупных населенных пунктов типа Ай-Ханум).

Из числа некоторых общих вопросов, рассматриваемых в данной главе, отметим один – только потому, что здесь, кажется, автор противоречит самой себе. Отвергая мнение о наличии определенной враждебности между местным населением и греко-македонянами (кстати, не приводя никаких аргументов в поддержку своего мнения), автор тем не менее сразу же после этого начинает рассуждать о трудностях контроля над такими областями, как Бактрия и Согдиана, и приводит всю имеющуюся информацию об укреплениях городов, созданных в это время.

Из более мелких замечаний отметим, что несколько удивляет отсутствие среди использованной литературы большой работы Л. Ханнестад (Hannestad L., 1985), в которой обобщен огромный материал относительно керамики греческого облика на всем эллинистическом Востоке.

В пятой главе Б. Лионне анализирует керамику эпохи варварских вторжений. Она отмечает то внутреннее противоречие в состоянии источников, которое делает исследование этого периода исключительно трудным: обилие раскопанных памятников (главным образом кочевнических некрополей) и достаточное количество сообщений письменных источников, находки значительного числа монет, с одной стороны, и отсутствие сколько-нибудь надежных хронологических реперов (за исключением даты падения города Ай-Ханум) и почти полная невозможность "связать" археологический материал с теми или иными известными по письменным источникам кочевническими этносами – с другой.

Интересной представляется попытка автора выделить различные группы кочевников не только на основании характера погребального обряда, но и на основании различий в керамике, помещаемой в погребения. Можно согласиться и с ее выводом, что невозможно установить зоны господства тех или иных кочевнических племен (как это часто делается) на основании распространения тех или иных монет (имеются в виду, в первую очередь, подражания монетам Евкратида и монетам Гелиокла).

В связи с рассмотрением истории Восточной Бактрии в период начала кочевнических завоеваний нам хотелось бы коснуться одного вопроса, который имеет более широкие хронологические рамки, но уместнее всего его рассмотреть сейчас, поскольку причины самих движений кочевых народов имеют тесную связь с этим вопросом. Мы имеем в виду экологическую ситуацию и динамику ее изменений. Б. Лионне полагает (на основании исследований П. Жантелля), что природные условия в центральноазиатском регионе на протяжении примерно 5000 лет сколько-нибудь существенно не менялись. Однако данная точка зрения не является общепринятой и, по нашему мнению, она не отражает историческую реальность. Имеются два комплекса доказательств, с одной стороны, опровергающих схему П. Жантелля, с другой стороны, приводящих к одинаковым выводам, что, естественно, резко увеличивает их доказательную силу. Соответственно первый комплекс – данные относительно колебаний уровня Каспийского моря (Муравьев С.Н., 1983; 1987; 1988; 1991), второй же – результаты детального исследования динамики экологической ситуации в районе Узбоя (Вайнберг Б.И. и др., 1998). Соединение этих двух комплексов приводит к выводу, что в конце ахеменидского времени и в течение эллинистического периода и позднее – вплоть до примерно IV в. – природные условия отличались как от тех, которые там существовали в эпоху бронзы, так и от тех, которые существуют сейчас. Климат был менее аридным, характеризуемый большей влажностью, Каспийское море занимало гораздо большую площадь, существовал ряд значительных водных потоков, ныне не функционирующих (Узбой, Келифский Узбой), достаточно широко были распространены леса в ныне безлесных районах (Кошеленко Г.А. и др., 1997). Подобные условия способствовали тому, что расширилась зона, доступная кочевникам, стали возможны их гораздо более дальние походы и т.д. Нам представляется, что без учета этих условий невозможно понять целый ряд обстоятельств в истории отношений кочевников с земледельцами, особенно в этот период.

Что касается кушанской эпохи (глава 6), то Б. Лионне обращает особое внимание на различие в судьбах двух частей Бактрии: более западной (район Балха и Сурхандарья), где в это время фиксируется явный экономический подъем, и собственно Восточной Бактрии, для которой характерен упадок.

В данной главе (как и в предыдущей) довольно много внимания уделяется проблемам хронологии. В связи с этим, что вполне естественно, автор обращается к вопросу о так называемой дате Канишки. Однако с того момента, как была написана книга, произошли серьезные изменения в лучшую сторону, и сейчас хронология кушан стала гораздо более точной, благодаря открытию и дешифровке новой надписи, в которой представлена вся последовательность ранних кушанских царей (Sims-Williams N., Cribb J., 1996, p. 75–142).

Эта надпись одновременно позволила отвергнуть одну из основных точек зрения на время чеканки так называемых кушано-сасанидских монет. Все предположения о начале их чеканки в IV в. оказались опровергнутыми и необходимо признать, что правы были те исследователи, которые признавали реальность больших сасанидских завоеваний на Востоке при Ардашире I и ставили начало эмиссии этих монет в связь с этими событиями (в последнее время см., в частности, Cribb J., 1988, p. 33–37; 1990, p. 151–193). Таким образом, пессимизм автора относительно возможности установить дату чеканки кушано-сасанидских монет оказался, к счастью, необоснованным.

В главе 7 Б. Лионне рассматривает проблемы эфталитско-тюркского времени (с V до середины VIII в. н.э.), которое она (подобно многим другим исследователям) считает периодом сложения феодальных отношений. Автор указывает, что данные археологии (многочисленные следы пожаров и разрушений на памятниках) подтверждают сообщения письменных источников о жестокой борьбе, имевшей место в этом регионе в рассматриваемый период (между Сасанидами, хионитами-кидаритами, эфталитами, тюрками).

Естественно, что мы не затронули и малой части проблем, рассматриваемых в данной книге. Огромный материал, собранный в ней и осмысленный автором, делает данную монографию одним из самых важных исследований по проблемам археологии и истории Средней Азии за последние десятилетия. Эта книга – прекрасный пример использования археологических данных для больших исторических реконструкций.

Институт археологии РАН, Москва
Московский государственный
педагогический университет

Г.А. Кошеленко,
З.В. Сердитых

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайнберг Б.И., Глушко Е.В., Цвецинская Е.А., 1998. Ландшафтно-археологические исследования Присарыкамышской дельты Амударьи с использованием дистанционных методов // РА. № 1.

Грантовский Э.А., 1998. Иран и иранцы до Ахеменидов. М.

Кошеленко Г.А., 1986. Средняя Азия в раннем железном веке: проблема внешних связей // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 11.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н., 1997. О некоторых особенностях экологической ситуации в Мервском оазисе в древности и раннем средневековье // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4. Ч. 1. История. М.; Магнитогорск.

Марущенко А.А., 1959. Елькен-депе (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Т. V. Ашхабад.

Муравьев С.Н., 1983. Птолемеева карта Кавказской Албании (Постановка вопроса, системный анализ карты, предварительная локализация рек и поселений, стратегия дальнейших поисков) // ВДИ. № 1.

Муравьев С.Н., 1987. Уровень Каспия глазами греков // Природа. № 3.

Муравьев С.Н., 1988. Пять античных свидетельств в пользу "Птолемеевой" трансгрессии Каспия // Древние государства на территории СССР, 1986. М.

Муравьев С.Н., 1991. Проблема Аракса – Танаиса – Яксарта и уровень Каспия в VI–III вв. до н.э. (К вопросу о палеогидрографии Каспийско-Аральского бассейна) // Mathesis. Из истории античной науки и философии. М.

Сердитых З.В., Валиев А., 1987. Ирригация и население Восточной Бактрии (обзор публикаций по итогам исследований 1974 – 1979 гг.) // СА. № 4.

Хиберт Ф., 1994. Хронология Маргианы и радиокарбонные данные // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 19.

Alexeev V., Muntchaev R., Koshelenko G., 1991. Perspectives in the Archaeological Researches in the USSR. Roma.

Cribb J., 1988. Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology // Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique. Source écrites et documents archéologiques. Paris.

Cribb J., 1990. Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology // Studia Iranica. V. 19.

Gardin J.-Cl., 1973. Les céramiques // Fouilles d'Aï Khanoum I (MDAFA. T. XXI). Paris.

Gardin J.-Cl., 1980. L'archélogie du paysage bactrien // CRAI.

Gardin J.-Cl., Lyonnet B., 1980. La prospection archéologique de la Bactriane orientale (1974–1979): prèmiers resultats // Mesopotamia. V. XIII–XIV.

Gentelle P., 1989. Données paléogéographiques et fondements de l'irrigation (Ptospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Sous la direction de Jean-Claude Gardin. V. 1). Paris.

Hannestad L., 1985. The Hellenistuc Pottery (Ikaros. The Hellenistic Settelements. II, 2). Aarhus.

Lyonnet B., 1981. Etablissements chalcolithique dans le N. E. de l'Afghanistan: leur rapports avec les civilisations du Bassin de l'Indus // Paléorient. V. 7. № 2.

Masson V.M., 1985. La dialectique des traditions et des innovations dans le développment culturel de la Bactriane // L'archéologie de la Bacriane ancienne. Actes de colloque franco-soviétique. Paris.

Rau W., 1972. Töpferei und Tongeschirr im vedischen Indien // AWL. Jg. № 10.

Rau W., 1983. Zur vedischen Altertumskunde // AWL. Jg. № 1.

Sarianidi V.I., 1981. Seal-Amulets of the Murgab Style // The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries / Ed. by Kohl P.L. New York.

Sims-Williams N., Cribb J., 1996. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. № 4. Kamakura.

АРХЕОЛОГИЯ КАРЕЛИИ. Петрозаводск, 1996. 416 с. Тираж 1000 экз.

Книга подготовлена группой сотрудников Института языка, литературы и истории Карельского научного центра – всего семь человек. Издание ее осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. В ней обобщены материалы, накопленные более чем за 100 лет изучения археологических памятников Карелии, которых, как отмечено во введении, исследовано примерно 1500. Необходимость в труде такого характера появилась давно. По поставленным задачам и охвату материала он,

© К.А. Смирнов, 2000 г.

несомненно, сопоставим с книгой А.Я. Брюсова "История древней Карелии" (1940) и главами в книге "Очерки истории Карелии" (1957), которые были написаны Н.Н. Гуриной. Естественно, что за прошедшее с тех пор время были проведены обширные исследования и получен огромный материал, требующий осмысления. Кроме того, усовершенствовалась методика исследования памятников и обработки полученного материала. В рассматриваемом труде обобщены материалы, относящиеся ко времени с первоначального заселения Карелии после отступления ледника и до средневековья. По отдельным проблемам древней истории и археологии Карелии сотрудниками Института в разное время были подготовлены фундаментальные исследования, получившие широкую известность и высокую оценку специалистов. Однако в таком объеме материал обобщается в первый раз.

Книгу открывает введение, написанное С.И. Кочкуркиной. В нем обоснована необходимость создания такого труда, а также рассмотрены некоторые методические вопросы, главным образом, связанные с периодизацией и хронологией.

Глава первая "Основные проблемы и задачи теории и методики изучения древностей Карелии" написана М.Г. Косменко. Автор подробно рассматривает различные направления обработки и осмысления археологического материала, а также развитие археологической теории. По мнению автора, в Карелии выявляются не менее девяти культурно-хронологических пластов или типов древностей, существовавших последовательно примерно на протяжении девяти тысяч лет от заселения этой территории в позднем мезолите и до позднего средневековья. Автор постарался определить влияние культур Восточной Европы на население Карелии в разные периоды и его выводы не вызывают возражений. По моему мнению, глава представляет интерес с точки зрения изучения древностей всей Восточной Европы, а не только Карелии. Вместе с тем странно звучит фраза: "Так, металлические подвески не только служили украшениями, но и выполняли, видимо, функции оберегающих предметов" (с. 30). По моему мнению, украшения выполняли три функции: указывали на принадлежность к определенной группе населения, положение в этой группе и оберег.

На с. 34 автор связывает исчезновение сетчатой керамики с отсутствием ткачества. Вероятно, причины этого явления надо искать в другом, так как к северу от Волги преобладает "сетка", нанесенная при помощи гребенчатого штампа, а не ткани.

Глава "Каменный век" подразделяется на два раздела – "Мезолит" и "Неолит".

Раздел "Мезолит" написан В.Ф. Филатовой. Территория Карелии была впервые заселена человеком в эпоху мезолита, после отступления ледника. Автор отмечает, что учитывая высоту нахождения памятников над уровнем воды, характер инвентаря и радиокарбонные даты, памятники должны быть датированы не ранее VII–VI тыс. до н.э. (с. 40). Эта эпоха представлена главным образом остатками поселений. Они подразделяются на три группы: поселения с остатками жилищ, без жилищ и сезонные стоянки. У каждой группы есть характерные особенности в расположении на местности. Обнаруженные жилища представляли собой каркасно-столбовые полуземлянки прямоугольной формы и с двухскатной крышей. По моему мнению, на поселениях без полуземляночных жилищ были постройки другой конструкции, которые современными методами не могут быть изучены. Особое место среди мезолитических памятников Карелии занимает Оленеостровский могильник, исследованный в 1936–1938 гг. В.И. Равдоникасом и опубликованный в 1956 г. Н.Н. Гуриной. Этот памятник без преувеличения можно назвать уникальным как по количеству исследованных погребений (177) и сложности погребального обряда, так и по богатству инвентаря. По мнению автора, могильник должен быть отнесен к периоду вторая половина VII – начало VI тыс. до н.э. (с. 50). Анализ инвентаря позволил наметить три хронологических этапа в мезолите Карелии (с. 50). Первый этап охватывает первую половину VII тыс. до н.э. Второй представляет собой следующий этап в развитии и датируется второй половиной VII–VI тыс. до н.э. Финальный мезолит охватывает время с начала до середины V тыс. до н.э. Особый раздел посвящен рассмотрению и происхождению культуры мезолитических памятников Обонежья (с. 59). На основе имеющегося материала автор делает вывод, что в эпоху мезолита в Карелии существовали два культурных образования. Первое, онежское, связанное с культурами Волжского бассейна, второе, северо-западное – с ареалом североевропейских прибалтийских культур (с. 61).

Раздел "Неолит" подразделяется на четыре части. Для лесной полосы наступление неолита связано с появлением глиняной посуды. Самая ранняя керамика в Карелии датируется второй половиной.– концом V тыс. до н.э.

На территории Карелии выделяются три неолитические культуры. Раздел по культуре сперрингс написал И.Ф. Витенковой. Памятники известны в основном на территории Карелии и Финляндии, а также единичные в Ленинградской, Вологодской, Мурманской об-

ластях. Культура представлена в основном поселениями, на которых встречается характерная керамика, и в меньшей степени могильниками. Для погребального обряда характерно использование охры. Основываясь на анализе материала и радиокарбонных датах, автор несколько уточняет датировки Г.А. Панкрушева и относит культуру сперрингс к периоду с середины – последней четверти V тыс. до н.э. по рубеж IV–III тыс. до н.э. (с. 78). Есть основания для деления культуры на два этапа.

Раздел о культуре ямочно-гребенчатой керамики написан Н.В. Лобановой. Ареал культуры простирается от центральной части Кольского полуострова до северной Украины и от восточной Прибалтики до Прикамья. В этом огромном массиве выделено несколько вариантов. На территории Карелии она представлена в основном поселениями и в меньшей мере могильниками.

Богатая керамическая коллекция более чем с 30 поселений включает около 2500 сосудов. Это позволило автору провести всесторонний анализ материала, включая как форму, так и орнаментацию. Значение этого трудно переоценить. Помимо керамики автором систематизирован кремневый инвентарь. Кратко рассмотрены проблемы происхождения культуры – ее периодизация и хронология. Как отмечает автор, согласно новым исследованиям с учетом археологического материала, радиоуглеродным и палинологическим данным время бытования ямочно-гребенчатой керамики в Карелии – с конца V по начало III тыс. до н.э. Прослеживаются три фазы развития, в основе выделения которых лежат изменения в культуре, прежде всего в керамике.

Раздел "Культура гребенчато-ямочной керамики" написан И.Ф. Витенковой. В эпоху позднего неолита на территории лесной полосы между Уралом и Восточной Прибалтикой на базе предшествующих культур эпохи раннего неолита сформировалась культура гребенчато-ямочной керамики, которая в свою очередь делилась на локальные варианты, имеющие как специфику, так и общие черты. Как отмечает автор, культура гребенчато-ямочной керамики на территории Карелии представлена только поселениями. Погребальные памятники пока не обнаружены. При раскопках на поселениях были обнаружены остатки жилищ и большое количество находок, основную часть которых составляет керамика. Кратко рассмотрена проблема происхождения культуры, а также ее хронология.

Особый раздел, посвященный наскальным изображениям (петроглифам) Карелии, написан Ю.А. Савватеевым.

Петроглифы Карелии представляют собой особый очаг наскального искусства Северной Европы. Они располагаются на восточном берегу Онежского озера и на поморском берегу Белого моря. По многочисленности и сложности изображений они относятся к числу выдающихся памятников первобытного искусства. В разделе кратко изложена история изучения петроглифов и описаны изображения с Онежского озера и Беломорья. Большое внимание автор уделяет периодизации и хронологии изображений, используя при этом данные палеогеографии (колебания уровня водоемов), археологии (материал расположенных рядом поселений), аналогии и анализ самих изображений. По мнению автора раздела, который очень много сделал для изучения этих памятников, расцвет наскального творчества в Карелии приходится на IV–III тыс. до н.э. и связан с культурой ямочно-гребенчатой керамики. Во второй половине III тыс. до н.э. уровень водоемов поднялся примерно на 3 м и затопил скалы с рисунками. Когда уровень воды опять понизился (2–1,2 тыс. лет до н.э.), создание изображений, по-видимому, возобновилось. Традиции наскального творчества в Карелии прерываются, по-видимому, к эпохе энеолита. Создавались ли петроглифы в эпоху бронзы и железа, сказать трудно.

Вторая часть книги "Эпоха раннего металла" подразделяется на две главы: "Энеолит" (написана И.Ф. Витенковой) и "Бронзовый век" (написана М.Г. Косменко).

Для периода энеолита, главным образом на керамических материалах, выделяются памятники с ромбо-ямочной керамикой, находящиеся в юго-восточной части Карелии. Вместе с тем автор отмечает, что аналогичная керамика известна на памятниках, расположенных значительно южнее, в центральной части Восточной Европы. Материал встречается на поселениях, где, как правило, наряду с ромбо-ямочной керамикой имеется материал других эпох. Однослойные поселения весьма редки. Были найдены остатки жилищ и хозяйственных построек, а также керамика и кремневые орудия. Говоря о происхождении культуры ромбо-ямочной керамики, автор склоняется к мнению о ее проникновении с юга (с. 160), что вполне закономерно. Особый раздел посвящен памятникам позднего энеолита, где встречается керамика с примесью органики и асбеста. Ее появление в Карелии автор относит ко времени не ранее позднего неолита, т.е. со второй половины III тыс. до н.э., а финал к середине – второй половине II тыс. до н.э. (с. 171–173).

Большое внимание уделено описанию хозяйства и искусства каменного века – раннего металла. Вся сумма имеющихся данных – остеологический материал, орудия труда, петроглифы, географические условия – позволяют сделать вывод, что еще в эпоху неолита начали складываться два разных культурно-хозяйственных типа: во внутренних районах – таежная охота и рыболовство, в приморских – охота на морского зверя. Автор отмечает, что помимо этого население занималось собирательством. Эти виды хозяйственной деятельности сохранились и в эпоху металла (с. 174). Говоря об экономике на стадии мезолита и неолита, нельзя не учитывать, что далеко не все виды хозяйственной деятельности находят отражение в археологическом материале. По нашему мнению, в довольно суровых природных условиях Карелии в ту эпоху человеческий коллектив мог существовать, только ведя комплексное хозяйство. Охота на крупного зверя не была единственным источником пищи.

Коротко автор описывает многочисленные произведения искусства, древнейшие из которых относятся к мезолиту. По сравнению с другими регионами Карелия весьма богата предметами искусства. Все они, в момент изготовления, как отмечает автор, были связаны с религиозными представлениями, с чем нельзя не согласиться.

Глава "Бронзовый век. Культура сетчатой керамики" написана М.Г. Косменко. По мнению автора, эпоха бронзы на территории Карелии имеет ряд общих черт с одновременными культурами северной части лесной полосы. В хозяйстве сохранялся охотничье-рыболовецкий уклад. Наступление бронзового века в Карелии автор связывает с распространением на север культуры с сетчатой керамикой, которая в Карелии охватывает период примерно с середины II – до середины I тыс. до н.э. Она представлена только поселениями – некрополи отсутствуют. Жилища были наземные, по-видимому, овальной формы. Подавляющую часть находок составляют обломки сосудов, в значительной мере богато орнаментированных. Нельзя не отметить, что в разделе имеются две таблицы с рисунками полностью или частично реконструированных сосудов, которые дают достаточно полное представление как об их форме, так и об орнаментации (с. 195–196). Автор отмечает, что посуда с сетчатой поверхностью в Карелии известна только на памятниках эпохи бронзы (с. 197). "Сетка" наносилась на поверхность сосудов разными способами. Наибольшее распространение, как известно, получили два. В одном случае использовались ткань или нити. Такая "сетка" преобладает на памятниках среднего течения Оки. На памятниках верхней Волги господствует "сетка", нанесенная при помощи гребенчатого штампа. Надо отметить, что в больших сериях обычно встречаются разные образцы и можно говорить только о преобладании оттисков определенного типа. М.Г. Косменко отмечает, что на памятниках Карелии известна только "сетка", нанесенная при помощи гребенчатого штампа (как он называет, "зубчатого штампа"). По его мнению это связано с тем, что население Карелии в то время еще не было знакомо с ткачеством (с. 197). Вместе с тем он отмечает, что на памятниках юго-востока Карелии есть единичные находки фрагментов сосудов с оттисками нитей. По моему мнению, характер "сетки" (оттиска гребенчатого штампа) связан не с отсутствием ткачества, о чем судить не берусь, а с тем, что такой способ обработки поверхности сосуда принесли в Карелию переселенцы с верхней Волги. Как отмечает автор, распространение сетчатой керамики в Карелии было связано с приходом нового населения (с. 185). По его мнению, наличие профилированных сосудов также свидетельствует о южном влиянии (с. 198).

Интересно отметить, что на памятниках Карелии орнаментом украшено 98,5% сетчатой посуды. Близкий процент на верхней Волге. На средней Оке он гораздо ниже. Автор пишет: "Регрессирует орнамент сетчатой керамики и во времени. Так, посуда первых веков нашей эры на городищах бассейна Верхней Волги и Оки почти лишены декора" (с. 200). То, что тенденция к упрощению орнаментации на памятниках верхней Волги, средней Оки и Москворечья наблюдается с середины – последней трети I тыс. до н.э., не вызывает сомнения. Однако в разных частях региона этот процесс имел свои особенности. На памятниках Окского бассейна сетчатая керамика в I тыс. до н.э. всегда имела очень простую орнаментацию. На памятниках верхней Волги и Москвы-реки посуда с сеткой сохраняет орнаментацию примерно до начала III в. н.э., когда она выходит из употребления. Сосуды, лишенные орнаментации, встречаются, но они единичны. Тенденция к упрощению орнамента на сосудах с сетчатой поверхностью наблюдается и на поселениях Карелии.

На памятниках с сетчатой керамикой господствуют орудия из кремня и сланца. Находки бронзовых предметов единичны и есть основания полагать, что они поступали сюда с верхней Волги. Вместе с тем находки обломков тиглей свидетельствуют о том, что плавка цветного металла была известна (с. 209). Автор выражает сомнение в правильности мнения

некоторых археологов относительно производства железа в эпоху сетчатой керамики на территории Карелии. Время бытования сетчатой керамики в Карелии автор, на основании всех доступных данных, включая радиоуглеродные даты, относит к периоду от начала II тыс. до н.э. примерно до VI–V вв. до н.э. Он считает возможным выделить два локальных варианта: онежско-ладожский и беломорский.

Глава "Эпоха железа" включает пять разделов. Как отмечено, культуры эпохи железа в Карелии сформировались под влиянием ананьинской. Ее влияние в восточной части ареала прослеживается сильнее, к западу оно ослабевает.

Раздел "Позднекаргопольская культура" написан И.С. Манюхиным. Памятники этого типа находятся в восточной части бассейна Онежского озера, а также за пределами Карелии в Каргополье и Белозерье. Основную массу находок на позднекаргопольских поселениях составляют обломки посуды. В разделе имеются таблицы, дающие представление о материале (с. 224, 226, 228). Исследователями была проведена работа по восстановлению форм сосудов: всего было реконструировано 170. Преобладают круглодонные сосуды, но наряду с ними есть и плоскодонные. В форме и орнаментации автор усматривает ананьинские элементы. Трудно назвать удачным такое описание: "Сосуды с каннелюрами представляют четвертую подгруппу. Они получили наибольшее распространение в Карелии, значительно слабее выражены в комплексах Каргополя и Белозерья. Это горизонтальные желобки, опоясывающие горло сосуда в один–четыре ряда" (с. 230). Каннелюра – это архитектурный термин, обозначающий вертикальный желобок на колонне. Едва ли его следует употреблять при описании горизонтальной выемки. Кроме того, в описании имеются ссылки на рисунки – 55, *8* и 56, *1*, *4* – и непонятно, где желобки, которые автор назвал каннелюрами.

Интересен вывод автора, что в позднекаргопольской керамике прослеживаются черты как ананьинской культуры, так и сетчатой керамики. Более четко прослеживаются ананьинские элементы.

Характеризуя рукояти, автор пишет: "Это грибовидные рукояти с отогнутым навершием и более простые, изготовленные из кусков рога" (с. 233). Грибовидные рукояти и рукояти с отогнутым навершием – два разных типа. Непонятно, как их элементы могли сочетаться в одном. Обычно они изготовлялись из рога. Касаясь периодизации и хронологии, автор выделяет два этапа. Первый охватывает середину – вторую половину I тыс. до н.э., второй – рубеж н.э. – VI–VII вв. Автор не исключает, что на ряде памятников были найдены сосуды переходного типа от позднекаргопольской к раннесредневековой керамике (с. 237). Значение этого наблюдения переоценить трудно.

Раздел "Культура лууконсаари" написан М.Г. Косменко. Культура выделяется по характерной керамике, встречающейся на поселениях западнее Онежского озера и в восточной части Финляндии. Она представлена поселениями, которые, по мнению автора, практически не отличаются от памятников других локальных групп железного века в Карелии. Основную массу находок составляют обломки посуды и каменные орудия, в небольшом количестве литейные формы, орудия и украшения из бронзы и железа. В разделе имеется таблица форм сосудов (рис. 60, с. 244).

Раздел "Культура с керамикой "арктического" типа" написан М.Г. Косменко. Поселения с керамикой такого типа расположены главным образом на севере Финляндии и Скандинавии, а также в центре и западной части Кольского полуострова. В небольшом количестве они обнаружены на севере Карелии. Культура представлена поселениями, при исследовании которых было найдено небольшое количество керамики и каменные орудия. Автор датирует поселения второй половиной I тыс. до н.э. (с. 257).

Раздел "Позднебеломорская культура" написан М.Г. Косменко. Культура представлена поселениями, расположенными в юго-западном Прибеломорье. Основную часть находок составляет керамика, формы и орнаментация которой представлены на рис. 62 (с. 260). Автор склонен датировать памятники этого типа временем от VI–V вв. до н.э. по V–VI вв. н.э. (с. 265).

Раздел "Хозяйство и искусство эпохи бронзы–железа" написан М.Г. Косменко. Проанализировав как археологический материал, так и все косвенные данные, автор делает обоснованный вывод, что в эпоху бронзы—железа господствовал охотничье-рыболовецкий уклад хозяйства (с. 268). Обработка металлов не получила широкого развития. Кроме кельтов и ножей все орудия изготовляли из камня. Есть основания полагать, что значительная часть металлических предметов поступала от соседей.

Глава "Эпоха средневековья" включает четыре раздела. Раздел "Поселения охотничье-рыболовецких культур" написан М.Г. Косменко. Автор отмечает, что раннесредневековые

памятники распадаются на две территориальные группы: поселения с грубой лепной посудой, расположенные главным образом в южной части бассейна Онежского озера и бескерамические поселения, расположенные севернее. Интересно отметить, что по мнению ряда исследователей, поселения с лепной посудой образуют особую группу памятников с охотничье-рыболовецким хозяйством. Были отмечены признаки специализации на пушной охоте, что было обусловлено втягиванием этого населения в процесс международной торговли (с. 272). Эти древности, по единодушному мнению исследователей, относятся к X–XI вв.

Большой интерес, по моему мнению, представляет проблема бескерамических поселений. Автор вполне убедительно выделяет их по находкам металлических вещей и остаткам металлообработки – железоделательных горнов и шлаков, а также на некоторых поселениях по находкам бус. Датируются эти древности в Карелии X–XIV вв. На мой взгляд, отсутствие керамической посуды у обитателей лесной полосы – явление весьма интересное и заслуживающее пристального изучения. На рис. 68 есть предметы, которые, вероятно, являются частями металлических сосудов. Можно предположить, что бóльшая часть хозяйственных емкостей была из органических материалов.

Раздел "Весь" написан С.И. Кочкуркиной. Культура представлена курганными могильниками, датируемыми X–XII вв. Поселений пока не обнаружено. Погребальные комплексы дают богатейший материал для изучения железообрабатывающего и ювелирного ремесла. По своим качествам они не уступают подобным находкам из более южных памятников. Несомненно, мастера, изготовившие их, владели всеми навыками, известными в то время. Вместе с тем, отсутствие материалов с поселений не позволяет с уверенностью сказать, что изготовлено на месте, а что привезено. Среди находок много предметов, которые, однозначно, были изготовлены в других районах и могут быть использованы при изучении межплеменных отношений.

Особо надо отметить, что в курганах были найдены остатки шерстяных, льняных и конопляных тканей, на основании чего можно судить о ткачестве у местного населения.

Глиняные сосуды в курганах встречаются в большом количестве, как лепные, так и гончарные. В работе посуда представлена на рис. 73–76 (с. 304–307).

Интересно, что в курганах найдено большое количество оружия, среди которого предметы западноевропейского производства, в том числе и дорогостоящие мечи.

Касаясь экономических и культурных связей, автор отмечает, что население, оставившее приладожские курганы, было связано со Скандинавией, Прибалтикой, Византией, Средней Азией, Арабским Востоком. Огромную роль в жизни региона сыграла Ладога, важнейший экономический центр (с. 308).

Раздел "Корела" написан С.И. Кочкуркиной. Памятники, связанные с этим племенем, находятся в Северо-Западном Приладожье. Автор делит их на два этапа: начало II тыс. и XII–XV вв. (с. 312). По мнению автора, в I тыс. основу хозяйства составляло земледелие, а охота и рыболовство занимали второстепенное положение (с. 316). Этап XII–XV вв. представлен как поселениями, так и могильниками. Сложная политическая обстановка обусловила возникновение укрепленных поселений. Автор отмечает интересную особенность планировки: чтобы повысить обороноспособность поселка, дома и другие постройки ставились так, что они образовывали вспомогательную линию обороны.

Большой интерес представляет описание результатов раскопок Тиверского городка – военно-оборонительного и ремесленного центра (с. 320 и далее).

Исследование могильников показало, что господствующим погребальным обрядом было трупоположение головой на север. Вместе с тем известно несколько кремаций. Захоронения сопровождались большим количеством предметов. По мнению автора, в XIV веке влияние христианства было значительным, хотя в массе, особенно в отдаленных районах, карелы оставались язычниками (с. 325).

Говоря о хозяйстве, автор отмечает, что наряду с земледелием, охотой и рыболовством у карел было развито железообрабатывающее ремесло, которое базировалось на местных запасах сырья и покрывало потребности не только местного населения. Анализ материала показал, что карельские мастера владели всеми техническими приемами своего времени и не уступали ремесленникам древнерусских городов.

Касаясь ювелирного ремесла, автор отмечает, что оно развивалось в лучших новгородских традициях. Говоря о ремесле, нельзя не отметить, что при исследовании могильников было найдено большое количество оружия и в его числе такое дорогое и престижное, как мечи.

Раздел "Саамы (Культовые памятники)" написан И.С. Манюхиным. Автор отмечает, что в древности саамы расселялись на большой территории, включая Карелию, где их культура представлена искусственными сооружениями из камней – сейдами, лабиринтами, каменными кучами. Касаясь времени сооружения сейдов и лабиринтов, автор, учитывая всю сумму данных, склоняется к тому, что они появились в I тыс. до н.э. Он особо касается проблемы связанных с сейдами верований.

Завершает книгу глава "Вопросы истории населения древней Карелии", написанная С.И. Кочкуркиной и М.Г. Косменко. Авторы попытались сопоставить археологические материалы с данными лингвистики, топонимики, антропологии, этнографии и пришли к выводу, что древнейшие финно-угорские этносы начали формироваться на территории Карелии, примерно начиная с середины I тыс. до н.э., когда из Поволжья переселились племена, принесшие на север культуру ананьинского облика (с. 379).

По мнению авторов, карелы и вепсы сформировались на территории Карелии на рубеже I–II тыс. н.э., в эпоху раннего средневековья (с. 379).

В заключение надо отметить, что в книге обобщен огромный материал и она знакомит читателя с современным состоянием изучения древностей на территории Карелии.

Самостоятельное значение имеет список литературы по проблеме, как отечественной, так и зарубежной, помещающийся на 26 страницах (с 386 по 412). Нельзя не отметить, что авторы большое внимание уделяют керамическому материалу, что необычайно повышает обоснованность выводов. Эту сторону работы переоценить невозможно.

Значение книги повышает то, что археологические памятники Карелии рассмотрены не изолированно, а на фоне одновременных древностей Восточной Европы. Книга, несомненно, получит высокую оценку специалистов.

Институт археологии РАН, Москва *К.А. Смирнов*

ОБ ИЗУЧЕНИИ НАДГРОБНОЙ ПЛАСТИКИ РИМСКОЙ ЭПОХИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Традиция украшения саркофагов скульптурными изображениями зарождается в античной культуре под восточным влиянием еще в эпоху эллинизма. В римское время на изготовлении саркофагов, декорированных рельефными изображениями, специализируются целые мастерские. Тем не менее захоронение в саркофаге, на производство которого, по расчетам Х. Вигарца, требовалось ок. 1 000 рабочих дней, могли себе позволить лишь люди, имеющие очень высокий социальный ранг, например, прокуратора или наместника (Rogge S., 1995, S. 17).

Значительная часть этих саркофагов создана в мастерских Рима. На Востоке Римской державы крупнейшие центры их производства находились в Аттике (Афины) и во Фригии (Докимейон)[1]. Продукция этих мастерских, как показали исследования, в значительной мере различалась не только особенностями композиционного решения и насыщенностью декоративными элементами, но и репертуаром представленных на рельефных фризах сюжетов.

Историография исследования этих памятников надгробной пластики обширна. Бесспорно, одним из самых важных изданий, направленных непосредственно на изучение рельефов на саркофагах римского времени, стало издание "Die antiken Sarkophagreliefs" (ASR), первые тома которого были подготовлены Ф. Матцем и К. Робером в конце прошлого – начале нашего века.

Не ослабевает интерес к этому материалу и в последние десятилетия. В 80–90-х годах был опубликован целый ряд работ, связанных с этой проблематикой, причем ведущая роль

[1] В большем объеме до наших дней дошли изделия римских мастерских (ок. 6 000 экз.), сравнительно меньше аттических (ок. 1 500 экз.), наиболее малочисленна на настоящий момент малоазийская (главная) группа (ок. 400 экз.) (Rogge S., 1995, S. 15).

© А.А. Малышев, 2000 г.

в этих исследованиях традиционно принадлежит немецким ученым. Продолжается систематизация известных и открытых в последнее время образцов как по центрам производства, так и по представленным на рельефах сюжетам. Спектр изучаемых проблем, имеющих отношение к этому материалу, постоянно расширяется, совершенствуются приемы их исследования (Linant de Bellefonds P., 1985; Koch G., Sichtermann H., 1982; Walker S., 1990). Публикация результатов исследований различных групп саркофагов осуществляется в рамках заранее продуманной схемы под общим названием "Античные рельефы на саркофагах" ("Die antiken Sarkophagreliefs"(ASR)) под редакцией Б. Андреае и Г. Кoха.

В частности, монографии, публикуемые в составе тома 5 второй части, посвящены исследованию римских саркофагов с рельефными изображениями эротов или детей (путти). Чтобы охватить весь массив (их насчитывается ок. 1900 экз.) (Rogge S., 1995, S. 57), запланировано издать 5 выпусков, каждый из которых связан с исследованием саркофагов с рельефами по определенной тематике: 1) дионисийские сюжеты (П. Кранц), 2) сцены сбора урожая, например, винограда (Д. Билефельд), 3) цирковые скачки (К. Шауенбург), 4) сцены ковки оружия, жертвоприношения, мореплавания и т.д., 5) сюжет Эрос и Психея (В.М. Штрок).

Остановимся подробнее на работе К. Шауенбурга "Римские саркофаги с изображениями эротов. Цирковые скачки и близкие им изображения". По мнению автора, саркофаги с изображениями цирковых скачек "Eroten-Zirkus-Sarkophagen" занимают среди саркофагов с изображениями эротов особое положение. Прежде всего потому, что период бытования этой группы оказался наиболее продолжительным: основная масса саркофагов была изготовлена в середине II – начале III в. (Rogge S., 1995, S. 16, 17), причем саркофаги с изображениями цирковых состязаний появляются раньше чем саркофаги с другими тематиками на рельефных фризах (Rogge S., 1995, S. 57).

Саркофаги с изображениями цирковых скачек разделены К. Шауенбургом на три группы. Первая включает образцы с каноническими сюжетами, связанными с цирковыми скачками (102 экз.: Schauenburg K., 1995, S. 61-85) и саркофаги с изображениями колесничих (10 экз.: Schauenburg K., 1995, S. 85–88). Вторая группа – это саркофаги с изображениями эротов, правящих упряжкой лошадей, хищных зверей или фантастических животных, возможно, также связанных с темой цирковых скачек (12 экз.: Schauenburg K., 1995, S. 89–91; incerta: 7 экз.: Schauenburg K., 1995, S. 92, 93). В третью группу включены изображения эротов с атрибутами беговых упряжек (12 экз.: Schauenburg K., 1995, S. 94–96). Несомненной заслугой автора является существенное, трехкратное пополнение списка "канонических" саркофагов (группа I) и детальное издание всей коллекции в приложении к исследованию, состоящего из подробного каталога и высококачественных таблиц иллюстративного материала. Значительная часть новых материалов была обнаружена в запасниках музеев Ватикана и в музее Терм (Schauenburg K., 1995, S. 104).

Ареал находок саркофагов первой группы, а также небольшое число саркофагов, изготовленных другими мастерскими: местные италийские – 3 экз. (Schauenburg K., 1995, S. 97, 98); аттические – 18 экз. (с. 99–102); малоазийские – 1 экз. (Schauenburg K., 1995, S. 103) – свидетельствуют о том, что тема цирковых скачек на фризах саркофагов воспроизводилась в основном римскими мастерами (Schauenburg K., 1995, S. 15).

Особо автор разрабатывает вопрос о том, кому предназначались саркофаги с изображениями цирковых скачек. Небольшие размеры большей части саркофагов первых двух групп позволяют предположить, что они изготавливались для детей (Schauenburg K., 1995, S. 18). Однако обнаруженные на саркофагах портретные изображения на медальонах и сопутствующие надписи свидетельствуют, что в случае необходимости в расчет не брались ни размеры саркофага, ни декор, и для погребения использовался тот, который имелся в наличии (Schauenburg K., 1995, S. 19). Автор, в частности, приводит довольно курьезные случаи портретных изображений с мужским лицом и женской фигурой или наоборот. Известен также случай изображения умершего в виде десятой музы.

Для аттических саркофагов этот вопрос решается более однозначно по двум причинам. Во-первых, обычно они имеют большие размеры. Во-вторых, несмотря на некоторые изменения в греческих погребальных традициях, в римское время дети, как правило, не могли быть погребены по общепринятым для взрослых правилам (Schauenburg K., 1995, S. 20). Это обстоятельство подтверждается и сообщением Плиния о греческом обычае, запрещающем погребение ребенка, у которого не выросли зубы (Plin. N.H., VII, 72).

Один из важнейших разделов этого исследования посвящен сравнительному анализу изображенных на саркофагах сюжетов. Автором отмечена значительная точность в передаче обстановки, характерной для цирковых скачек, в передаче основных деталей, связан-

ных с римским цирком и, в особенности, с Большим Цирком (Circus Maximus) в Риме, расположенным между Палатинским и Авентинским холмами. На рельефах обязательно изображены тумбы (metae), устанавливаемые по обеим сторонам продольной площадки (spina), на которой были установлены алтарики, египетский обелиск и колонны со статуями Победы, а также специальные подставки с фигурками дельфинов, а позднее с шарами (яйцами) – счетчиками оставшихся пока непреодоленными колесницами туров (кругов) (Rogge S., 1995, Taf. 9, *5*; 12, *1*; 14, *1*; 28, *1*, *2*). Характерны и изображенные на втором плане персонажи: hortatores, служители, всеми средствами (голосом, бичом или огнем факела) ускорявшие бег упряжек, а также sparsores, поддерживающие в порядке беговую дорожку цирка. Преобладание изображений двух лошадей (биг), а не более популярных четверок (квадриг) К. Шауенбург объясняет чисто техническими причинами: сложностью передачи в рельефе упряжки четырех лошадей. Неслучайно, по мнению автора, и изображение четырех упряжек: оно соответствует числу фракций, команд цирковых возниц в Риме.

Как возможные источники сюжетных композиций на римских саркофагах названы изображения на стенах этрусских гробниц, а также композиции на предметах римской торевтики, например, кубок из Помпей и настенная живопись. Таким образом, саркофаги с изображением эротов на цирковых скачках, по мнению автора, были созданы римскими мастерами, корни прослеженных иконографических традиций связаны с Южной Италией (Unteritalien) и Этрурией (Schauenburg K., 1995, S. 58).

Исследования изображений на аттических саркофагах показали их полную независимость от римской традиции. На аттических рельефах, как правило, присутствуют две скачущие навстречу колесницы, зачастую запряженные хищниками: львами или пантерами. Единственный элемент, напоминающий о связи композиции с цирковыми скачками – это разделяющая колесницы мета, имеющая форму канделябра. Прообразы этих изображений автор находит в греческом искусстве начиная с микенского периода.

Отмечая стилистическую самостоятельность первой и третьей групп, главным образом римской и аттической, автор прослеживает элементы композиционного и стилистического развития изображений на рельефах римских саркофагов. В частности, рельефы на невысоких стенках ранних саркофагов более уплощенные и выполнены в довольно сухой манере. На образцах этого времени, как правило, отсутствуют изображения построек цирка, за исключением меты, а также второстепенных фигур (Schauenburg K., 1995, S. 50). Некоторые изменения претерпевает манера изображения эротов. В частности, для рельефов конца II – начала III в. н.э. обычны изображения крупных, толстощеких эротов.

Изучение масштабов и характера этих изменений позволяют К. Шауенбургу поддержать мнение Х. Зихтермана о существовании в мастерских по производству саркофагов некоего "архетипа", зафиксированное письменно (Musterbucher) (Schauenburg K., 1995, S. 55).

Важным моментом при изучении семантики рельефов с изображением цирковых состязаний является тот факт, что действующими лицами на этих изображениях, за небольшими исключениями, выступают эроты, божества любви. Целый ряд исследователей саркофагов с изображением этих крылатых божеств в сценах, участниками которых в действительной жизни являются взрослые люди, отмечали явную их аллегоричность (Ф. Кюмон, Х. Зихтерман). Представленные на этих рельефах сюжеты, по мнению Ф. Кюмон, разворачиваются в потустороннем мире, где, по представлениям римлян, обитали эти крылатые божества (Schauenburg K., 1995, S. 49). В этом контексте особое значение приобретает изображение четырех упряжек, скачущих обычно вправо. Сопоставляя цирковые скачки на римских саркофагах с рельефами, посвященными временам года "Jahreszeitensarkophage", автор видит в этой череде несущихся биг аллегоричное изображение течения времени "cursus vitae" (Schauenburg K., 1995, S. 47).

Довольно распространенным эпизодом на этих рельефах является сцена падения мчавшейся колесницы, вызывающая у присутствующих при этом эротов не обычную при земных гонках в римском цирке радость, а ужас или сострадание. Гипотеза об аллегоричности этих изображений позволяет автору предположить, что сцены падения на скачках символизируют те опасности, которые подстерегают человеческую жизнь (Schauenburg K., 1995, S. 58). В контексте понятий cursus и meta, которые часто употреблялись римлянами при обозначении жизненного пути, тема скачек и победы, символизируемой венком, имела значение успешного преодоления испытаний в жизни и в потустороннем существовании (Schauenburg K., 1995, S. 46).

Как уже отмечалось выше, крупнейшим центром производства саркофагов в римское время была Аттика. Начало изучению аттических саркофагов римского времени было положено еще в прошлом веке Ф. Матцем. Он выделил группу аттических саркофагов и

подчеркнул их значение для формирования этого направления скульптурного искусства в целом. Исследователи отмечают высокий профессионализм мастеров, большая часть которых, по всей видимости, работали в Афинах. Изображения на аттических саркофагах, как правило, были выполнены в высоком рельефе: каждая из фигур является самостоятельным статуарным произведением, мелким бытовым деталям придавалось меньшее значение. Эти саркофаги изготавливали греческие мастера-копиисты, которые ввиду падения спроса на греческие памятники и копии с них в Риме, были вынуждены обратиться к созданию рельефов на саркофагах (Саверкина И.И., 1972, с. 144). Дальнейшее изучение этих памятников связано с именами Г. Роденвальдта (Rodenwaldt G., 1935), Б. Каллиполитиса (Kallipolitis B., 1958), Ф. Матца (Matz F., 1968–1969), А. Джулиано (Giuliano A., 1962). В отличие от остальных групп (римской и малоазийской), аттические саркофаги получили необычайно широкое распространение (Koch G., Sichtermann H., 1982, Abb. 7). Немногочисленные образцы аттических саркофагов, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, были изучены И.И. Саверкиной (1972).

В последнее время систематическая публикация различных групп аттических саркофагов и результатов их изучения ведется в рамках девятого тома корпуса "Die antiken Sarkophagreliefs". Первое исследование этого цикла – монография С. Рогге, посвященная изучению рельефных изображений, связанных с мифом об Ахилле и Ипполите – вышла в 1995[2]. Необходимость создания этого корпуса была обусловлена целым рядом обстоятельств. С одной стороны, со времен выхода в свет работ К. Робера число известных саркофагов значительно увеличилось. С другой, по мнению автора, в исследованиях, посвященных изучению этих образцов погребальной пластики, незаслуженно малое внимание уделялось искусствоведческому и культурно-историческому аспектам, что могло бы создать солидный базис для работы над другими видами греческой пластики римского времени (Rogge S., 1995, S. 18).

Призванное восполнить вышеуказанные пробелы исследование состоит из трех основных разделов. В первой части материал (рельефы, а также другие типы декора) рассматривается в системе хронологических и стилистических групп, на которые автором были разделены все изучаемые саркофаги, во второй (Vorbilder) – рассматривается эволюция различных сюжетов в аттическом искусстве на очень широком хронологическом промежутке, третья часть представляет собой подробный каталог, имеющий 73 номера.

Центральное место в первой части занимает исследование саркофагов с сюжетами из жизни Ахилла (Rogge S., 1995, S. 19–70), которые распределены автором на две хронологические группы: второй половины II в. и III в. В свою очередь, среди саркофагов II в. н.э. (Rogge S., 1995, S. 19–34), согласно тематике на передней рельефной панели – изображений событий Троянской войны (выпуск тела Патрокла) или детство и юность Ахилла (Ахилл на Скире), выделены две группы. Как выяснилось, только один саркофаг этой хронологической группы, хранящийся в Лондоне (кат. 17), объединяет изображения на ту и другую тему. Более разнообразны сюжеты на узких стенках саркофагов (музицирующий Ахилл среди дочерей Ликомеда, Ахилл у Хирона, вооружение Ахилла и т.п.)[3].

Среди типичных для рельефных изображений первой хронологической группы черт автор называет: единообразие трактовки сюжетов, благодаря чему отдельные их персонажи легко узнаваемы даже на относительно небольших фрагментах, преобладание трехчастностных композиций на боковых (узких) стенах, широкое использование дополнительных, декоративных элементов для создания целых композиций (сфинксов, грифонов и т.п.), в особенности на задней стенке (Rogge S., 1995, S. 119). В связи с немногочисленностью надежных хронологических реперов, среди которых наиболее важны надписи на саркофагах и археологический контекст (его местоположение и погребальный инвентарь), автор использует различные стилистические признаки, связанные с формой саркофага (ящика, постамента и крышки, более ранней в виде крыши или более поздней – в виде клине со скульптурными изображениями сверху) и его декором (Rogge S., 1995). В результате автору удалось не только выделить группу саркофагов, изготовленных в последней четверти II в. н.э., но и определить их относительную хронологию.

Особо автор останавливается на саркофаге со сценами из жизни Ахилла, обнаруженного в Остии. Считалось, что он был изготовлен в одной из мастерских Остии по образцу привезенного из Аттики саркофага. Однако обоснованная автором датировка, несколько более

---

[2] Монография представляет собой доработанную версию диссертационной работы автора.

[3] Судя по тщательности обработки и различиям в глубине рельефов, парадными сторонами саркофагов являлись передняя и одна боковая.

ранняя, чем до того было принято, а также не свойственная для римских мастеров манера, в которой были выполнены фигуры рельефов (прежде всего, эффект объемной скульптуры), позволило отнести его к изделиям аттического производства (Rogge S., 1995, S. 71).

Существенные изменения претерпевают саркофаги с изображениями сюжетов из жизни Ахилла около 200 г. н.э. Автор сопоставляет их со стилистическими изменениями (Stilwandel), которые произошли с римскими саркофагами, по наблюдениям Г. Роденвальдта, несколько позже, в эпоху поздних Антонинов.

На передней панели саркофагов III в. доминирует сюжет Ахилла на Скире. Суть стилистических изменений заключается в тенденции к многофигурности композиций, которые в итоге полностью заполняют пространство панно, превращаясь в своеобразный декоративный элемент (Rogge S., 1995, S. 19, 39–69, 119, 120), в результате чего большая часть изображенных персонажей становится практически неузнаваемой.

Сложность происходящих изменений позволяет представить вариация композиций, связанных со сценой вооружения Ахилла: в одном случае (в присутствии Фетиды) аттические мастера явно следуют традициям сюжетных композиций II в. (кат. 66, 1; 67, 1 и т.д.), тогда как в другом, по мнению автора, Ахилл представлен в окружении нереид, приносящих ему оружие (Rogge S., 1995, S. 55–59).

Абсолютная и относительная датировка саркофагов III в. была получена разными способами. Одним из наиболее разработанных методов является датировка по особенностям портретных изображений, возлежащих на крышке-клине фигур. Особое значение в этой ситуации получает форма причесок, эволюция которой разработана довольно детально (Bergmann M., 1977).

Закономерность изменений, которые претерпевают аттические саркофаги в II–III вв., подтверждается на примере саркофагов с рельефными изображениями, связанными с сюжетами из трагедии Еврипида "Ипполит". Автором учтено 27 саркофагов различной сохранности. На передней панели саркофагов II в. воспроизводилась, как правило, одна и та же, лишенная сюжетной линии композиционная группа, состоящая из фигур Фетиды с Афродитой, Эросом и кормилицей, с одной стороны, и Ипполит в своем окружении, с другой. Задняя стенка украшена декоративными изображениями, наличие которых само по себе является датирующим признаком. Благодаря присутствию этого декора, например, саркофаг из Бейрута был признан самым ранним из всей серии. Рельефы на передней панели поздних саркофагов представляют собой не связанные сюжетом статичные изображения нагих юношей – спутников Ипполита во время охоты.

Источники тех или иных трактовок сюжетов, композиций, а также их трансформация на аттических саркофагах рассмотрены во втором разделе, названном автором "Прообразы" (Vorbilder) (Rogge S., 1995, S. 93–118). Отсутствие явных следов тиражирования одного типа даже внутри одной и той же хронологической группы, позволяет автору скептически относиться к предположению о существовании неких письменных образцов, альбомов моделей (Musterbucher) (Rogge S., 1995, S. 94). Это обстоятельство, а также находки (Беграм в Афганистане, Мемфис в Египте и др.) комплексов глиняных отпечатков и гипсовых отливков, сделанных с металлических декорированных сосудов, на которых присутствуют сходные с рельефам на саркофагах сюжетные композиции, позволили автору предположить существование в мастерских по изготовлению саркофагов коллекций подобных копий. Однако сама возможность четкого хронологического и стилистического деления материала, продемонстрированная автором в предыдущих разделах, не позволяет усомниться в правомерности утверждения об отсутствии канонов, некоего "архетипа".

Сравнительный анализ целой серии рельефных изображений позволяет автору прийти к выводу о том, что большая часть представленных на саркофагах этой группы сюжетных композиций выработана аттическими мастерами самостоятельно. Заимствования прослеживаются, как правило, в позах отдельных персонажей или в некоторых составляющих элементов композиций (Rogge S., 1995, S. 121). Наиболее детально это изучено на примере изображений, воспроизводимых на передней панели саркофагов II в до н.э. Это эпизод выкупа тела Гектора, описанный, как известно, в 24 книге "Илиады". Несмотря на его чрезвычайную популярность в античном искусстве в целом, наиболее близкие параллели образующим эту композицию группам обнаружены на серебряном кубке из Хоби и на аттических лампах мастерской Праймоса (Rogge S., 1995, S. 96). Особенностью аттической трактовки этого сюжета, в отличие, например, от римской, где изображение умоляющего Ахилла Приама обычно сопровождает сцена разгрузки привезенного за тело Гектора выкупа, автор считает введение в композицию привязанного к колеснице тела Гектора (Rogge S., 1995, S. 97).

Довольно распространен сюжет обнаружения Ахилла на Скире, который, появляясь как второстепенный сюжет на саркофагах ранней группы становится основным для изображений на передних панелях аттических саркофагов III в. Интересно, что в "Илиаде" этот эпизод отсутствует и сохранился в передаче Еврипида (Rogge S., 1995, S. 99). Судя по упоминаниям у Плиния и Павсания, этот сюжет широко воспроизводится уже в эпоху классики и эллинизма. Среди немногочисленных дошедших до наших дней изображений этого эпизода, автору следовало бы упомянуть многочисленные обкладки горитов, изготовленных по одной матрице и получивших широкое распространение в античном мире, а также на его периферии. Гораздо больше сравнительного материала известно для римского времени (торевтика, живопись, мозаика, скульптура). Сопоставление изображений на аттических саркофагах с рельефами на подобную тему на более ранних римских саркофагах, позволяет прийти к выводу, что их связывает только близость темы и общие для всей античной культуры традиции, переработанные греческими мастерами согласно своим представлениям (Rogge S., 1995, S. 101).

Не менее самобытными оказались трактовка сюжетов на передней панели саркофагов с изображениями сцен из мифа об Ипполите, а также на узких стенках саркофагов этих групп. В одних случаях, автору удается найти прообраз статуарного типа одного из изображенных персонажей (изображение фигуры Тезея на саркофаге из Стамбула (Rogge S., 1995, S. 113)), в других, например, в сцене перенесения мертвого Ахилла был использован стандартный вариант композиции, используемый обычно в сходной сюжетной ситуации, не обязательно связанной с мифом об Ахилле (Rogge S., 1995, S. 109). Пожалуй, только в случае со сценой падения Ипполита (III в.) автор, вслед за К. Робером, признает существование преемственности от изображения падения Фаэтона на римских саркофагах II в.

Элементы декора на саркофагах этих групп (сфинксы или грифоны в антитетической композиции, гирлянды и т.п.) свидетельствуют о следовании мастерами традициям погребальной пластики, созданным в аттических мастерских предшествующих эпох (Rogge S., 1995, S. 112, 118).

Как в первой части работы, посвященной хронологии саркофагов, так и во второй, связанной с изучением основ, на которых были созданы рельефные композиции и другие элементы декора автор опирается на стилистический анализ, изучение композиционного построения тех или иных изображений, поэтому в ряде случаев создается впечатление, что автор в каких-то своих наблюдениях повторяется, исследование идет по кругу. Неслучайно, думается, в заключительном разделе выводы из раздела "Vorbilder" практически слились с резюмируемыми итогами исследования по хронологии и типологии саркофагов (Rogge S., 1995, S. 121).

В целом в работе явно доминирует искусствоведческий аспект, что очевидно даже в разделах, посвященных проблеме формирования тех или иных композиций на рельефах саркофага. К сожалению, этот материал – одна из важнейших составляющих погребального ритуала, таким образом, оказался лишенным его исторического и функционального контекста.

Институт археологии РАН, Москва *А.А. Малышев*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Саверкина И.И., 1972. К характеристике стиля аттических саркофагов римского времени // Культура и искусство античного мира. Тр. ГЭ. XII.

Bergmann M., 1977. Studien zum romischen Portrat des 3. Jhs. n. Chr.

Giuliano A., 1962. Il commercio dei sarcophagi attici. Roma.

Kallipolitis B., 1958. Chronologike katataxis ton meta methologikon parastaseon attikon sarkophagon tes romaios epoches. Athenai.

Koch G., Sichtemann H., 1982. Romische Sarkophage // HdA.

Linant de Bellefonds P., 1985. Sarcophages attiques de la nekropole de Tyr. Une etude iconographique. Paris.

Matz F., 1968–1969. Die dionisische Sarcophage // ASR. Bd. IV. I-III.

Rodenwaldt G., 1935. Uber den Stilwandel in der antonischen Kunst // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften 1935. Phil. hist. Klasse. № 3. Berlin.

Rogge S., 1995. Die attischen Sarcophage. Achill und Hippolytos // Die antiken Sarkophagenreliefs. B. 9. T. I. Fasz. I. Berlin.

Schauenburg K., 1995. Die Stadtromischen Eroten-Sarkophage. Zirkusrennen und verwandte Darstellungen // Die antiken Sarkophagenreliefs. B. 5. T. 2. Fasz. 3. Berlin.

Walker S., 1990. Roman Sarcophagi in the Britisch Museum // CSIR Great Britain. II(2).

D.A. Amix, P. Lawrence. Studies in Archaic Corinthian Vase Painting. Hesperia Supplement 28. The American School of Classical Studies at Athens. Princeton, New Jersey, 1996. 161 p., 64 pl.

Раскопки американской школы в Афинах, ведущиеся в течение многих лет в одном из важнейших и интересных городов древней Греции – Коринфе, дали огромные и весьма ценные археологические материалы, относящиеся к различным аспектам жизни города. Достаточно будет напомнить великолепные образцы архитектуры различных периодов жизни города, весьма редкие для греческой археологии остатки бронзолитейных мастерских, в которых отливались бронзовые статуи, эпиграфические находки и многие другое. Среди этих материалов особое место занимает расписная керамика местного производства. Как хорошо известно, в архаическое время Коринф являлся одним из важнейших центров производства расписной керамики. Она широко распространялась коринфскими и другими купцами по всем пределам ойкумены: от Западного Средиземноморья до Ближнего Востока, от Северной Африки до берегов Черного моря. Учитывая то обстоятельство, что керамика относится к немногим археологическим находкам, хорошо сохраняющимся в земле и не исчезающим со временем, на ее основе делали и продолжают делать разнообразные выводы не только о керамическом производстве как специальной отрасли ремесла и торговле посудой, но и даже об античной экономике в целом.

Американские раскопки в так называемом "Квартале Гончаров" (Potters' Quarter) не только дали возможность составить представление об этой отрасли коринфского ремесла, но и предоставили в распоряжение исследователей значительное количество фрагментов коринфских ваз, принадлежащих разным художественным мастерским. Они постоянно вводятся в научный оборот американскими специалистами, что вкупе с хорошо известными работами Х. Пейна (Payne H., 1931, 1933) создало уже небольшую библиотеку по этой проблеме (Amix D.A., Lawrence P., 1975; Stillwell A.N., Benson J.L., 1984; Amix D.A., 1988)[1].

Рецензируемая книга состоит из двух разделов. Раздел, написанный Д. Эмиксом, который называется "Aftermath", является дополнением к предыдущей работе этих двух авторов, посвященной публикации коринфской керамики, найденной в Коринфе в результате многолетних раскопок, осуществляемых Американской школой классических исследований в Афинах (Amix D.A., Lawrence P., 1975). Вначале Д. Эмикс перечисляет те категории коринфской керамики, которые вошли в его "Aftermath" к каталогу (с. 3). Речь идет о керамике, не включенной по тем или иным причинам в Corinth VII, ii, а также о новых фрагментах к уже опубликованным образцам и керамике, вошедшей в другие публикации. Судя по словам автора о том, что часть коринфской керамики была передана другим исследователям для обработки и публикации, данный каталог не является полным. Далее следует непосредственно каталог (с. 3–47). В него вошел 161 номер. Каждый номер сопровождается описанием фрагмента по установленному образцу, к нему даются аналогии и датировка. В "Приложении", которое приведено после каталога, автор дает дополнительную библиографию по проблеме.

Следующие две главы книги написаны П. Лоренс. Первая из них (The Chimaera Group at Corinth) посвящена анализу расписной керамики, принадлежащей нескольким мастерам, продукция которых объединена в одну стилистическую группу. Творчество мастера Химеры, от которого происходит название группы, началось в период становления среднекоринфского стиля (Middle Corinthian). Он был лидером этого направления, смело заимствовавшим мотивы для своих росписей из аттической вазописи. Из его мастерской вышли разнообразные типы посуды: пиксиды, чаши, тарелки, арибаллы. П. Лоренс дает атрибуцию, подробный и тщательный стилистический анализ керамики этого мастера (с. 58–69), а также вазописцев, относящихся к Chimaera Group (The Painter of Louvre E 574, The Riehen Painter, The Painter of Gela, The Painter of the Kameiros Plates, Painters of Lekanoid Bowls, The Style of Some Plates at Selinous, The Carrousel Painter) (с. 69–82). Всего в каталог вошло более 120 фрагментов керамики, вышедшей из мастерских Группы Химеры. Очень подробно, что вполне оправданно в свете имеющихся проблем с датировками коринфской керамики, автор рассматривает хронологию Chimaera Group, начало деятельности которой относится

[1] Кроме того, статьи по проблеме можно найти в рецензируемой книге на с. IX–X.

© В.Д. Кузнецов, 2000 г.

примерно к 600 г. до н.э., конец – ко времени около 570 г. до н.э. При этом особое внимание уделено относительной хронологии, т.е. соотношению между собой произведений разных мастеров, входящих в Группу (с. 83–99). Далее П. Лоренс попыталась определить местоположение мастерских, работавших в манере Chimaera Group, в коринфском квартале гончаров. Оговаривая условность такого определения, она полагает, что все мастерские находились поблизости друг от друга и, возможно, располагались рядом с так называемым "Южным Длинным Зданием" (South Long Building).

Интересны замечания автора по поводу организации гончарного ремесла в архаическом Коринфе, игравшем большую роль в экономике полиса. П. Лоренс полагает, что оно не находилось под контролем тиранов, морских купцов или кого-либо еще. Коринфская гончарная индустрия представляла собой сеть небольших семейных предприятий, которые были разбросаны по городу, а отнюдь не были сосредоточены только в Квартале Гончаров. На основании исследования Группы Химеры она приходит к выводу, что ремесленники такого уровня рассматривали себя в качестве художников в понимании слова, близком к современному. В пользу этого свидетельствуют соревновательный дух их творчества и стабильно высокий уровень качества продукции. Скрупулезный анализ форм сосудов, выпускавшихся мастерами Группы Химеры, а также стиля и сюжетов вазописи дал основание П. Лоренс для выводов о характере связей между ремесленниками внутри этой группы, в том числе родственных и дружеских. Исходя из того, что под "группой" нужно понимать несколько мастеров, которые регулярно работали совместно в течение продолжительного срока и обладали определенными общими навыками, автор исключает из Chimaera Group представителей ряда мастерских, оказавшихся под ее влиянием, но стилистически не принадлежавшими к ней.

Третья глава (Dodwellians in the Potters' Quarter) посвящена еще одной группе коринфских вазописцев, которые зависели в своем творчестве от мастера, которого называют в специальной литературе The Dodwell Painter. Эта группа также относится к среднекоринфскому стилю (Middle Corinthian). Автор дает атрибуции и стилистический анализ керамики, принадлежащей мастерам, относящимся к группе (The Dodwell Painter, The Painter of Athens 931, The Geladakis Painter, The Schistos Painter) (с. 136–141). П. Лоренс заключает, что, несмотря на то что название группа получила от Dodwell Painter, большой вклад в ее работу внесли Geladakis Painter и Painter of Athens 931. Dodwellians были одной из групп вазописцев, использовавших в своем творчестве фризы с животными.

Книга сопровождается подробными и весьма полезными указателями, а также "таблицами происхождения", в которых даны сведения о месте находок всех фрагментов, вошедших в каталоги. Каждый номер каталога представлен в таблицах иллюстраций высококачественными фотографиями, иногда дополняемыми прорисовками.

Подводя итог, мы смело можем сказать, что рецензируемая работа представляет собой серьезный вклад не только в изучение одной из лидирующих групп мастерских Коринфа первой половины VI в. до н.э., но и всей коринфской вазописи архаического периода.

Институт археологии РАН, Москва *В.Д. Кузнецов*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Amix D.A., 1988. Corinthian Vases of the Archaic Period. Berkeley; Los Angeles.

Amix D.A., Lawrence P., 1975. Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well // Hesperia Supplement. VII. 2. Princeton.

Payne H., 1931. Necrokorinthia. Oxford.

Payne H., 1933. Protokorintische Vasenmalerei. Berlin.

Stillwell A.N., Benson J.L., 1984. The Potters' Quarter: The Pottery // Corinth. V. XV. Part III. Princeton.

M. Biddle. Das Grab Christi (Neutestament Quellen – historische und archaeologische Forschungen – überraschende Erkenntnisse). Giessen; Basel: Brunner Verlag, 1998 (Biblische Archaeologie und Zeitgeschichte. B. 5) 192 p., 156 fig., 16 tab.

Выход книги Мартина Биддла, посвященной исследованию эдикулы Гроба Господня в Иерусалиме, стал крупным событием в области христианской археологии. Ее автор, профессор Оксфордского университета, один из крупнейших английских археологов, посвятил жизнь церковным древностям Британии. В 1990-х годах ему представилась уникальная возможность применить все накопленные знания к исследованию "святая святых" христианства – небольшой часовни со скрытой в ней скальной гробницей, стоящей в центре ротонды церкви Воскресения в Иерусалиме. Работа велась группой специалистов из университетов Оксфорда и Лондона, в которую входили также супруга М. Биддла, Берта Кьелби-Биддл, и археолог Винчестерского собора Джон Крук.

Часовня (эдикула, кувуклия) Гроба Господня – сооружение одновременно и хорошо известное и очень мало исследованное. Внимание археологов или историков архитектуры, занимавшихся архетипическим для христианской культуры комплексом храма, построенного Константином Великим, было полностью занято "большими объемами": базиликой (Мартирион, храм Креста), ротондой (Анастасис или храм Воскресения), общей планировкой комплекса. Часовня над гробницей Христа, будучи поздним сооружением, интереса ученых почти не вызывала, скрытая же внутри нее гробница была недоступна. (См.: Harvey W., 1935; Conant K.J., 1956; Couasnon C., 1974; Corbo V.C., 1981–82; Partich J., 1993; Taylor J.E., 1993). В нашем недавнем обзоре ей также уделено слишком мало внимания (Беляев Л.А., 1998, с. 34–37).

Возведенная в 1809–1810 гг. Николаем Комниносом, греческим архитектором из Стамбула, часовня стала уже четвертой из эдикул – первая построена императором Константином в 325 или 326 г. Сейчас она нуждается в срочной реставрации. Ее разрушали дождь и снег, попадавшие чрез знаменитый окулус (отверстие в куполе Ротонды); процесс усугубило землетрясение 1927 г. Через 20 лет, в 1947 г., Департамент общественных работ укрепил эдикулу снаружи стальными конструкциями, но общая реставрация храма Гроба Господня в 1960–70-х годах "Техническим бюро" не коснулась эдикулы. В настоящее время ее реставрация неизбежна, в связи с чем М. Биддлу с его группой и удалось провести предварительные работы: составить свод источников и детально обмерить сооружение с применением новейших технологий. Результаты этого этапа изложены в цикле публикаций, в который входит рецензируемая книга[1]. Для русской науки и культуры древности Палестины, особенно Иерусалима, всегда были зоной живейшего интереса, однако на протяжении ряда десятилетий сведения о происходящих там открытиях доходили до нас со значительным трудом. Новая подробная сводка данных об эдикуле столь необходима, что в рецензии предлагается в большей степени обзор опубликованного, чем его критика.

Перед нами строгое архитектурно-археологическое исследование, отнюдь не конфессиональное по подходу, но и не ставящее задачей "развенчание" или гиперкритику мифа. Подход автора источниковедческий и позитивный (что очень важно сейчас для российских ученых, перед которыми внезапно выросла проблема эпистемологии применительно к конфессиональным древностям). Биддл с самого начала признает, что исследование вряд ли сможет пролить свет на историю смерти и погребения (не говоря уже о воскресении) Иисуса, поскольку невозможно ждать от археологии прояснения деталей жизни и смерти определенного человека, не казавшегося важной особой в Палестине I века.

Детально исследуя памятник начала XIX в., автор видит своей задачей сбор сведений для решения трех конкретных вопросов. Какова изначальная форма и дата скальной гробницы внутри нынешней эдикулы? Можно ли (и что именно) узнать об отношении к этой гробнице

---

[1] Существует краткая и несколько устаревшая версия (Biddle M., 1994). На проходившей в январе 1999 г. Второй всероссийской конференции церковной археологии в Санкт-Петербурге М. Биддл выступил со специальным докладом, изложив суть проделанной работы и поставив вопросы, связанные с традицией исследования Гроба Господня в России. В рецензии мы опираемся также и на эти тексты, поскольку все публикации восходят к единому полному варианту: M. Biddle. The Tomb of Christ (Stroud, Sutton Publishing, 1999).

© Л.А. Беляев, 2000 г.

в период между ее "использованием" и 325/6 г.? Каковы формы эдикул, последовательно сменявшихся с IV по XIX век? Нельзя не признать, что эти вопросы действительно требуют серьезного рассмотрения.

Книгу открывает вступление известного исследователя раннехристианских памятников Европы Карстена Петера Тиде (Thiede). За ним следует введение (с. 16–33), в котором излагаются история исследований и его принципы. Обычно историки архитектуры избирают традиционный порядок анализа, начиная с евангельских рассказов, но Биддл хорошо осознает необходимость типичного для археолога "ретроспективного" хода в изучении фактов: от поздних и хорошо известных – к древним, менее изученным (хотя в сокращенном немецком издании он группирует собранные источники по хронологии). Основная часть делится на шесть глав. Сначала анализируется иконография по всем четырем строительным периодам: с IV в. по 1009 г.; с XI в. по 1555 г.; с 1555 по 1808 г.; с 1809–1810 гг. по сегодняшний день (глава "Визуальные источники для исследования эдикулы", с. 34–64). Затем автор обращается к сводке имеющихся источников с параллельной реконструкцией хода событий. Отдельные главы посвящаются древнейшему периоду ("Гробница и эдикула от начала до 1009 г.", с. 65–92); затем средневековой эпохе и Новому времени ("Эдикула от византийской перестройки до сего дня", с. 93–126). Здесь рассматриваются реконструкция часовни в XI в. и ее жизнь в 1009–1555 гг., а затем строительство XVII–XIX вв. Две специальные главы, "Скальная гробница внутри эдикулы: форма и сохранность" (с. 127–140) и "Новые открытия: структура современной эдикулы" (с. 141–158), отведены обобщению предварительных результатов новых исследований. После заключения следует подробная библиография, обширный справочный аппарат (с. 162–192) и специальный альбом цветных фотографий, выполненных Джоном Круком.

Дана также краткая справка об исследованиях эдикулы в прошлом. Попытки независимого исследования ее форм английские ученые делали уже в середине XIX в., когда зародился общий интерес к научному анализу остатков храма Гроба Господня, чьи формы и декор сильно повлияли на развитие всей христианской архитектуры. Биддл называет в связи с этим имя Роберта Уиллиса. Его скрупулезный разбор имеющихся свидетельств о храме, изданный в 1849 г. (Willis R., 1849; Williams G., 1849) сохраняет важность, несмотря на то, что Уиллис сам никогда не был в Иерусалиме. Эдикула обследовалась, вместе со всеми памятниками Иерусалима, в 1864–65 гг., и была детально описана в работе Бенджамина Иоаннидеса (издана на греческом языке в 1877 г.). Основным сводом источников остается также известный труд Венсена и Абеля, хотя они и не интересовались эдикулой специально, считая ее поздним объектом (Vincent L.-H., Abel F.-M., 1914).

Не раз пытались определить форму гробницы по описаниям в евангелиях, но для этого не хватало археологических материалов, которые пришли только с открытием и описанием скальных гробниц вокруг Иерусалима. Биддл указывает, что Уиллис в этом отношении мог опираться на исследования Шульца (E.G. Schulz) и на серию рисунков Скоулса (J.J. Scoles), а во второй половине XIX в. развитие археологических работ позволило Абелю и Венсену перейти к широкому анализу, продолженному Г. Дальманом, а в наши дни – А. Клонером. За последние 80 лет информация о скальных гробницах Иерусалима невероятно возросла, многие из них вошли в учебники. Ключевым современным исследованием источников стали работы Джона Уилкинсона, который дал четкий анализ широкого круга разнородных свидетельств, создав серию планов и модель возможного развития структуры сооружения (Wilkinson J., 1972).

Эдикула (лат. aedicula, "домик") – небольшая часовня, возведенная в IV в. как часть храмового комплекса на Голгофе над одной из скальных гробниц в окрестностях Иерусалима, которая с тех пор почитается местом погребения Иисуса Христа. Понятно, что археология храма Гроба была предметом множества исследований. Но сама эдикула редко привлекала внимание ученых, к ней не применяли методов систематического анализа – ведь ее нынешняя структура принадлежит XIX веку, это всего лишь самая поздняя из архитектурных оболочек гробницы.

Разрушение Иерусалима императором Титом в 70 г. н.э. привело к его запустению, продолжавшемуся до 132 г., когда император Адриан создал здесь колонию (Аэлия Капитолина), соорудив в 135 г. на месте кладбища храм Афродиты, двумя столетиями позже снесенный Константином и замененный роскошным комплексом базилики Животворящего Креста (Мартирион) и Ротондой. Является ли скальная гробница внутри Ротонды в самом деле гробницей Христа? Биддл констатирует, что именно эта гробница признается за таковую с 320-х годов, отождествление же ее с гробницей Евангелий основано только на рассказе Евсевия Кесарийского, не приводящего доказательств их идентичности. Более

того, хотя в "Ономастиконе" Евсевий говорит о Голгофе как месте распятия Христа, в последние годы доказано, что это сочинение написано в конце III в. (290-е годы?), задолго до начала работ Константина в Иерусалиме и открытия Гробницы. Иными словами, текст мог служить как бы инструкцией для поиска. Известно, что Константин приказал срезать скалу вокруг гробницы, так что она выступила как монолит на плоской поверхности, затем окружил ее мраморными колоннами, образующими маленькую ротонду, перекрытую конической крышей. Так возникла древнейшая эдикула.

Биддл считает, что в пользу правоты Евсевия свидетельствует топография (место гробницы) – за пределами городских стен, на участке возникшего ранее кладбища скальных гробниц, типичных для Иерусалима эпохи Второго Храма. Наконец, имя места – "Голгофа" – видимо, уцелело в памяти людей, несмотря на быстрые изменения эпохи Адриана. Однако есть и другие точки зрения, не полностью принимающие эту "топографическую логику" (Taylor J.E., 1993).

Для периода I–III вв. источники немногочисленны и ограничены текстами евангелий да двумя-тремя отсылками к периоду до 325–326 гг. Но затем материалы резко возрастают, особенно за счет неисчерпаемой паломнической литературы. М. Биддл дает характеристику наиболее важных сводов этих текстов и отмечает, что при изучении эдикулы ученые тем меньше обращают внимание на текст, чем он позже, что неверно.

Особое внимание уделяет Биддл подбору всевозможных изобразительных источников и их анализу, что позволяет ему создать подлинный свод, или скорее "путеводитель" по иконографии эдикулы. За первые семь веков ее существования (с 325–326 по 1009 г.) он насчитывает по меньшей мере 11 типов "визуальных свидетельств". К наиболее древним относятся: резное по слоновой кости изображение на стенке ларца из Самагера (возле Полы, Истрия), восходящее, как считают, к 440-м годам; мраморная модель из Нарбонны (до X в., скорее V–VII вв.); роспись крышки деревянного ларца с паломническими реликвиями (евлогиями) из сокровищницы капеллы Санкта Санкторум на Латеране (конец VI – начало VII в.); литые изображения на серебряных фляжках пилигримов (сокровищница соборов Монцы и Бобио в Ломбардии) и на стеклянных фляжках пилигримов (конец VI – начало VII в.); штампованные изображения на керамических фляжках пилигримов (конец VI – начало VII в.); серии золотых колец с архитектурными композициями на щитке. Прямым изображением эдикулы считают мозаику в церкви св. Стефана в Кастрон Меффаа (Умм аль-Разас, Иордания, 785 г.); серию рисунков плана в четырех рукописях отчета Аркульфа о Святых местах, восходящих к рисунку, сделанному им для Адомнана на восковой табличке около 683–686 гг.; миниатюры греческих рукописей IX в. с тремя видами ротонды и/или эдикулы, восходящие к гораздо более ранним палестинским источникам, и, наконец, литые изображения на бронзовых сиро-палестинских кадилах, показывающие эдикулу до 1009 г. (Коптский музей Каира, дата неизвестна). Одной из самых достоверных моделей Биддл считает найденную в Нарбонне (юго-запад Франции). Это трехмерная скульптура (в высоту около 1 м), сделанная из местного пиринейского мрамора. Она не могла быть прямой копией эдикулы и восходит к какой-то промежуточной копии. Известно и множество фантастических изображений эдикулы, не связанных с ее реальными формами, – они существенно искажают картину.

От эдикулы Константина до нас не дошло ни одного фрагмента, все источники по ней относятся к V или VI вв.; через 600 лет она была уничтожена мусульманскими фанатиками халифа аль-Хакима (1009 г.), которые повредили и саму скальную гробницу (хотя неясно, в какой мере). Однако христиане в окружении халифа убедили разрешить реставрацию, начатую, как доказывает М. Биддл, в 1012 г. (на 2 года раньше общих работ по восстановлению ротонды, 1014 г.). Восстановление святыни вели византийские императоры в течение первой половины XI в. К тысячелетию распятия Христа (1030 г.) отстройку полностью закончили, свидетельства чему – массовые паломничества (восстановление церкви завершил Михаил IV Пафлогонец к 1040-м годам). Автор посвящает истории реконструкций XI в., о которых известно крайне мало, специальный разбор, доказывая свою хронологическую схему, которая не являлась до последнего времени общепризнанной (ср.: Ousterhout R., 1989). Традиционно считали, что работы по восстановлению всего комплекса пришлись на вторую половину 1040-х годов и завершились только к 1048 г., когда персидский путешественник Насир-и-Хусрау описал храм Гроба Господня как "прекрасное здание, которое может вместить 8000 паломников, украшено цветным мрамором, орнаментацией, скульптурами, золотом, и все расписано".

Так или иначе, но именно вторую, "средневековую", эдикулу увидели взявшие в 1099 г. Иерусалим крестоносцы. Она отличалась от "позднеантичной", походя в основных чертах

скорее на современную (купол, опирающийся на колонны и окружающий гробницу). Рыцари удерживали Иерусалим 88 лет; они соорудили над кровлей эдикулы огромную статую, в середине XII в. реконструировали портик перед гробницей (покрыли мозаикой и надписями); погребальная скамья внутри гробницы была покрыта золотом, подаренным византийским императором Мануилом I Комнином (1143–1180). После сдачи города Саладину (2 октября 1187 г.) была подтверждена собственность восточнохристианской общины на храм Гроба Господня (в нем было разрешена остаться четырем сирийским священникам), причем, по договору 1192 г. между королем Ричардом Львиное Сердце и Саладином, его могли посещать паломники, а двум латинским священникам и двум дьяконам было также разрешено служить в храме. Отметим, что какие-то изменения в эдикулу внесли и в XIII в., после захвата города турками в 1244 г. "Средневековая" фаза существования эдикулы обеспечена визуальными источниками гораздо лучше, чем первая. Именно она повлияла на формы более поздних, частью сохранившихся до наших дней, капелл и храмов, поэтому их полная систематизация и анализ кажутся М. Биддлу особенно необходимыми (в чем с ним нельзя не согласиться – сведения об этой стадии развития принципиально важны и для древнерусской иконографии).

Автор располагает источники "по размеру", начиная с полноразмерных копий и кончая изображениями на монетах. В результате образуются девять групп. В первую входят многочисленные архитектурные сооружения, стоявшие внутри или вблизи храмов Западной Европы в XII–XVI вв. и близкие к "натуральной величине" эдикулы: список открывает сравнительно точная копия в г. Ойхштадте (Бавария, около 1160 г.), а завершает эдикула в Сан Вивальдо близ Кастельфиорентино (Флоренция, около 1500–1515 гг.), построенная фра Томмазо да Фиренци (†1534). Это одна из последних архитектурных копий, которые строились без влияния первых обмерных гравюр, появившихся в XVI в. К архитектурным репликам примыкают уменьшенные модели, известные для средневекового периода только по упоминаниям в хождениях и другой литературе (важнейшие сводки: Dalman G., 1922; Kotzche L., 1995; Ousterhout R., 1990).

Собственно иконографию открывает живописный пейзаж (особенно важна картина Яна ван Скореля "Рыцари братства Святой Земли в Харлеме", 1527–1530 гг., для которой, возможно, использован рисунок, сделанный им в Святой Земле в 1520 г.); затем следуют рисунки (например, набросок плана 1480 г., перегравированный для издания книги Санто Браска "Путешествия в Святую Землю" (Милан, 1481) и многочисленные гравированные изображения; хронологически им предшествуют миниатюры XII–XIV вв. к рукописям, повествующим о крестовых походах, и планы Иерусалима (около 1170 г.).

Прикладное искусство дает: стилизованные изображения эдикулы (Гробной Палатки) на монетах с сокращенной легендой "Sepulchrum Domini", возможно, чеканенных из переплавленного серебра эдикулы для расплаты с рыцарями, защищавшими Иерусалим при осаде 1187 г.; некоторые печати латинских патриархов; поздние свинцовые или оловянные ампулы пилигримов XII–XIII вв., показывающие также ротонду и купол Анастасиса; наконец, свинцовые или оловянные ажурные модели эдикулы (возможно, лампадофоры), датируемые XVI в., но отражающие формы XII–XIII вв.

Третий этап существования эдикулы открывается в 1555 г. перестройкой епископа Бонифация Рагузского, который получил деньги на нее от императора Карла V, и его сына Филиппа Испанского (через несколько лет он напишет, что видел в ходе работ первоначальную гробницу, вырубленную в скале). Эта третья ("ренессансная") эдикула прожила 250 лет и была сильно повреждена пожаром 1808 г. Ее заменила четвертая, построенная греческим архитектором из Стамбула Николаосом Комниносом в 1809–1810 гг., которую можно видеть и сегодня, хотя и не в лучшем состоянии. Визуальные источники по этой стадии многочисленны и запутанны, они часто восходят не к "ренессансной", а к "средневековой" версии, но почти не исследовались. Автор подробно останавливается на этих источниках, отмечая полноразмерные копии, которые продолжали строить в Европе и после 1555 г., причем некоторые из них имеют детали архитектуры, которые еще нельзя было воспроизвести с гравюр (например, колонны эдикулы в Оберглогау, 1634 г.).

Особое значение для "ренессансного" этапа имеет распространение разборных моделей церкви Гроба Господня из дерева оливы, где внутри ротонды находилась маленькая эдикула, купол и крыша которой также снимались, открывая интерьер Капеллы Ангела и Гробной Палатки (маленьких эдикул в коллекциях гораздо больше, видимо, их делали и как отдельный предмет). Модели, инкрустированные перламутром, слоновой и/или простой костью начали, видимо, изготавливать в Вифлееме в конце XVI в., примерно в то же время, когда были сделаны известные рисунки францисканца Амико (1593–1597 гг.) – но их

соотношение друг с другом (а следовательно, значение как источников) пока не выяснено. Известны два типа моделей храма: малые, более темные, менее украшенные и роскошные, богато декорированные; что стоит за этим – разные даты, или просто разное качество и стоимость, неизвестно. Датировка зависит от времени попадания в состав европейских коллекций. О "маленьких моделях из дерева, украшенных перламутром, святой Гробницы и Иерусалиме... обычно делаемых для продажи паломникам и иноземцам", писал Кристофер Рен в 1670-х годах. Модель храма с эдикулой была в Королевском кабинете Дании к 1674 г., в Иерусалиме в 1699 г. куплен экземпляр, попавший в Нидерланды; модель в Британском музее, изучавшаяся Уиллисом, происходит из коллекции сэра Ханса Слоуне (Sloane) (1660–1753 гг).

М. Биддл совершенно справедливо отмечает, что к XVII в. модели в натуральную (или близкую) величину начали строить в православных землях, указывая на постройку патриархом Никоном Нового Иерусалима под Москвой. Он пишет, что источники и значение этих версий для восстановления формы иерусалимской эдикулы еще предстоит установить, и указывает на не особенно известную модель из дерева маслины (так называемого "темного" типа), хранящуюся в Новом Иерусалиме. Однако в список не попали сведения о попытке создать "полноразмерную копию" топографии палестинских святынь Борисом Годуновым (подготовка строительства "Святая святых" в Кремле, заказ златокованого "Гроба Господня", возведение Лобного места на Красной площади), которая использовала и развивала заложенные в шатровых храмах XVI в. (прежде всего в соборе Покрова на Рву и ц. Вознесения в Коломенском) возможности возведения их к иерусалимским прообразам. Обойдены вниманием и священные сосуды "иерусалимы". Впрочем, следует отметить включение в перечень изображений на резных каменных иконках с сюжетом "Жены-мироносицы" XIII–XV вв., иконография которых до сих пор мало знакома западным ученым.

Российскому читателю будет, несомненно, интересен и перечень первых обмеров эдикулы с экскурсом в историю снятия с нее "мер", и разбор старой проблемы с воспроизведением обмеров Бернардино Амико, сделанных им в Палестине в 1593–1597 гг. Оказалось, что из двух изданий его путешествия – римского 1609(10) г. и флорентийского 1620(19) г. – только первое имеет оригинальные гравюры А. Темпести (1555–1630 гг.). Во втором же рисунки перегравированы в меньшем формате Дж. Калло (G. Callot) (1592–1635 гг.), но масштабные линейки сохранены и уже не отвечали детальным промерам Амико, приводимым в тексте. Поскольку известное современное переиздание 1953 г. с вступлением Б. Багатти (Amico, Bernardino fra., 1953) и перевод текста осуществлялось именно со второго издания, сводка измерений по тексту с масштабом, данным на рисунках, вызвала много путаницы.

Важная положительная черта книги М. Биддла – редкий для западного ученого интерес к материалам исследований русских ученых середины XIX–XX вв. и стремление включить в круг исследования восточнохристианские источники. Он не только пользуется "Хождением игумена Даниила", который посетил эдикулу в 1106–1108 гг., (примерно через сто лет после ее разрушения аль-Хакимом) и первым из паломников эпохи Крестовых походов дал ее подробное описание. Биддла интересуют также история русской научной, религиозной, государственной активности в Палестине XIX в.; например, он ставит вопросы о финансировании восстановления эдикулы в начале столетия; об авторах первых дагерротипов Иерусалима и об авторах проекта перекрытия 1868 г. над ротондой, предполагая во всех этих случаях участие России (хотя все эти вопросы и нуждаются в дополнительном исследовании). Он не проходит мимо того факта, что Роберт Уиллис в уже упоминавшейся "Архитектурной истории храма Гроба Господня" 1849 г. опирался на русские гравюры (в России к тому времени уже появился гравированный план эдикулы в крупном масштабе, источник которого М. Биддлу остался неизвестен), присланные из Петербурга его другом, англиканским священником Джорджем Уиллисом.

Сегодня часовня находится в плачевном состоянии, и планируется провести срочные работы по ее полной реставрации, включая смену полов эдикулы. Если это произойдет, впервые за столетия явится возможность увидеть материковую скалу и, возможно, остатки гробницы. Как выяснено при технических работах 30–40-х годов в ротонде, ниже уровней 320-х годов сохраняются важнейшие свидетельства раннего освоения: в период Первого и Второго Храмов здесь был карьер; в конце I в. до н.э. – I в. н.э. место использовали как кладбище – найдены остатки нескольких еврейских скальных гробниц, видимо, аналогичных обнаруженной Константином Великим.

Проделанная до сих М. Биддлом и его группой работа по натурному исследованию эдикулы, вообще говоря, не включает археологию как таковую, однако она наглядно

демонстрирует средства фиксации, которые могут и будут применяться при переборке кладок XIX в. и вскрытии слоев. С точки зрения автора, обследование Гробницы ни в коем случае не должно отличаться по методу.

Однако Мартин Биддл и его сотрудники отдают себе отчет в том, что изучают не рядовое культовое сооружение, а, по сути дела, сердце одной из величайших мировых религий. Уже само получение разрешения на разведку они рассматривают как "маленькое чудо", сознавая огромную ответственность за скрупулезную и всестороннюю фиксацию. Их работа требует не только научного совершенства, но и огромного такта, соединенного с незаурядными дипломатическими способностями. Ее приходится вести в здании, поделенном между шестью общинами, среди которых три основные христианские конфессии, в обстановке почти непрекращающихся служб, потока пилигримов и туристов. Пожелаем им успеха, и будем с нетерпением ждать возможности увидеть наконец ту поверхность древней скалы, к которой прикладывался почти тысячелетие назад игумен Даниил, а до и после него – несметные толпы паломников со всех концов Земли.

Институт археологии РАН, Москва *Л.А. Беляев*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев Л.А., 1998. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М.

Amico, Bernardino fra., 1953. Plans of the Sacred Edifices of the Holy Land / Ed. Bagatti B. (Studium Biblicum Franciscanum. 10). Jerusalem.

Biddle M., 1994. The Tomb of Christ. Sources, Methods and a New Approach // Churches, Built in Ancient Times. Recent Studies in Early Christian Archaeology. London.

Conant K.J., 1956. The Original Buildings at the Holy Sepulchre in Jerusalem // Speculum. V. 31. № 1.

Corbo V.C., 1981–82. Il Santo Sepolcro de Gerusalemme. Aspetti archaeologici dalle origini al periodi crociato. V. I–III. (Studium Biblicum Franciscanum, 29). Jerusalem.

Couasnon C., 1974. The Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem. London.

Dalman G., 1922. Das Grab Christi in Deutschland. Leipzig.

Harvey W., 1935. Church of the Holy Sepulchre, Jerusalem; Structural Survey, Final Report. Oxford.

Kotzche L., 1995. Das Heilige Grab in Jerusalem und seine Nachfolge // Akten des XII. Int. Kongr. fur Christliche Arhaeologie (Congresso internationale di archeologia cristiana, 1991, Bonn). Teil 1. Munster.

Ousterhout R., 1989. Rebuilding the Temple: Constantine Monomachus and the Holy Sepulchre // J. Amer. Soc. Archit. Hist. V. 46.

Ousterhout R., 1990. Loca Sancta and the Architectural Responce to Pilgrimage // Blessings of Pilgrimage. Urbana; Chicago.

Patrich J., 1993. The Early Church of the Holy Sepulchre in the light of Excavations and Restoration // Ancient Churches Revield. Jerusalem.

Taylor J.E., 1993. Christians and the Holy Places: The Myth of Jewish – Christian Origins. Oxford.

Vincent L.-H., Abel F.-M., 1914. Jerusalem: recherches de topographie, d'archeologie et d'histoire. II. Jerusalem nouvelle. Paris.

Williams G., 1849. The Holy City. Historical, Topographical and Architectural Notice of Jerusalem. V. 2. London.

Willis R., 1849. The Architectural History of the Church of the Holy Sepulchre at Jerusalem. London.

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА "РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ", КО ВСЕМ АРХЕОЛОГАМ РОССИИ И СНГ

За последнее десятилетие сложилась тенденция, совершенно необычная для научного мира и, на наш взгляд, отнюдь не безразличная для судеб самой науки. Книг в России публикуется, пожалуй, больше, чем до распада СССР, но значительная их часть не доходит ни до потенциальных читателей, ни до библиотек, то есть остается практически недоступной широкой читательской аудитории. По данным Всероссийской книжной палаты, приведенным в газете "Известия", 85% книжной продукции, выпускаемой в стране, не поступает в библиотеки. Это касается и изданий по археологии.

В чем причина этого ненормального явления? Многие частные издатели не находят нужным исполнять старый, советского времени, закон о сдаче обязательных экземпляров

любого издания в основные библиотеки страны. Книготоргующие организации предпочитают не брать у издателей на реализацию научные книги, поскольку они расходятся медленно и не приносят большого дохода.

И вот здесь наряду с объективными факторами начинают играть решающую роль факторы субъективные. Казалось бы, авторы всегда жизненно заинтересованы в том, чтобы их произведения стали известны как можно большему числу читателей, и потому должны приложить максимум усилий к распространению своих книг и сборников статей. Но этого не происходит.

Возникает вопрос: а отдают ли себе некоторые археологи отчет в том, для чего вообще существуют научные публикации? Ведь издаются они затем, чтобы проделанная кем-то работа не пропадала даром, стала известной коллегам, могла учитываться ими при их исследованиях, в чем-то корректироваться и дополняться, в итоге же ложиться в фундамент большого строящегося всем миром здания Науки. На деле получается нечто совершенно иное: научные работы выпускаются "для галочки", для раздувания списка публикаций того или иного лица, для получения чинов и званий, для престижа, а отнюдь не в интересах самой науки. Кое-кого это, видимо, вполне устраивает, поскольку дает возможность уберечь свои "ученые труды" от проверки и критики.

К сожалению, отмеченная тенденция затронула многие научные учреждения России. Они нередко избегают присылать свою научную продукцию в библиотеку Института археологии РАН. Между тем этот институт остается центральным археологическим учреждением страны, выпускает такие многотомные обобщающие издания, как "Археология" и "Археологическая карта России". В них, разумеется, должны быть учтены все новейшие публикации и материалы. В рассмотренном нами явлении по сути отражается намечающийся распад России на "суверенные" регионы – опасность, о которой с беспокойством говорят сейчас многие политики.

Редколлегия и редсовет журнала "Российская археология" обращаются к археологам России и коллегам из стран СНГ с просьбой присылать в редакцию по одному экземпляру каждого научного издания, публикуемого в центральных и региональных научно-исследовательских, учебно-образовательных центрах и музеях. Список всех поступивших в редакцию изданий (монографий, сборников статей и тезисов, археологической периодики) будет регулярно помещаться в журнальном разделе "Критика и библиография" в специальной рубрике "Новые издания по археологии". По мере возможности на присланные издания будут публиковаться рецензии, а сами издания пополнят фонд библиотеки Института археологии РАН. Учреждениям и вузам рекомендуем обратиться в дирекцию ИА с предложением, чтобы в обмен на присланные ими издания в адрес конкретных научных центров отправлялись работы московских археологов.

Редколлегия и редсовет журнала надеются, что предлагаемые меры помогут в определенной мере ликвидировать археологический информационный "вакуум", повысить уровень информированности специалистов-археологов, преподавателей, музейных работников, краеведов в интересующих их областях археологической науки, а в международном плане – поднять престиж отечественной археологии, отразив ее современный уровень, потенциальные возможности и основные достижения.

Редсовет и редколлегия журнала
"Российская археология"

Хроника

Указ президента Российской Федерации

О присуждении Государственных премий Российской Федерации 1999 года в области науки и техники

Присудить Государственные премии Российской Федерации 1999 года в области науки и техники и присвоить звание лауреата Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники:

Бадеру Николаю Оттовичу, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института археологии Российской академии наук, **Мерперту Николаю Яковлевичу**, доктору исторических наук, главному научному сотруднику, **Мунчаеву Рауфу Магомедовичу**, доктору исторических наук, директору, – работникам того же института, – за цикл трудов "Древнейшая история и культура Месопотамии. VIII – IV тысячелетия до н.э. (Вклад российской науки в изучение Древней Месопотамии)".

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС "АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ: ОТ МАКЕДОНИИ ДО ОЙКУМЕНЫ" (Греция, 1998)

С 27 по 31 мая 1998 г. в г. Верия (Имафия, Северная Греция) прошел V Международный конгресс, посвященный личности Александра Македонского и его влиянию на мировую цивилизацию. С инициативой проведения конгресса выступили местные власти в содружестве с Университетом им. Аристотеля (г. Фессалоники). Задачей организаторов и участников конгресса было воссоздание исторической картины со времен Александра до наших дней, в которой было бы отражено восприятие личности Александра разными народами – теми, которые боролись против него, и теми, кто принял его власть.

Конгресс открыл доклад *Д. Пандремалиса* (Греция) "Ойкумена до и после Александра", где было представлено новое осмысление античного общества на рубеже эллинизма. Часть докладов греческих ученых была посвящена македонской тематике (*М. Хатзопулос* "Организация Македонского царства", *М. Акамати* "Македонские города", *Кр. Саатсоглу-Палиадели* "Эгея: проблема интерпретации").

Доклад *К. Фитчена* (Германия) "Александр Великий в Беотии" был посвящен исследованию Орхомена, который после уничтожения Александром Фив стал столицей Беотийского союза. В докладе рассмотрен вопрос о роли Александра в изменениях, которые претерпели Орхомен и его окрестности после получения

Статья написана в рамках стипендии Государственного фонда республики Греции (IKY).

© Н.Ф. Федосеев, И.И. Вдовиченко, 2000 г.

нового статуса. Большое внимание докладчик уделил археологическим исследованиям городских стен и крепости.

В своем докладе *М. Сакр* (Египет) "Дипломатия Александра Великого" подчеркнул, что вслед за единовременным завоеванием стран Востока, шел процесс включения этих стран в культуру эллинистического мира.

Доклад *С. Другу* (Греция) "Театр в Македонии" посвящен истории древнейшего в Македонии театра в Вергине. Она проследила историю македонского театра от античного периода пьес Еврипида до современного народного персонажа Карагеза.

С. Миллер-Коллетт (США) в докладе "Стенная живопись в Македонии" отметила, что археологические открытия последних нескольких десятилетий гробниц в Македонии вызвали широкий интерес к изучению античной настенной живописи. До недавних пор мы в основном полагались на второстепенные источники римского времени, однако открытие этих гробниц в Вергине, Лефкаде и Агиос Афанасиосе изменили эту ситуацию. Сохранившаяся в этих гробницах стенная роспись дает представление о тематике и стилях росписи, а также об особенностях погребальной символики. Близкой теме был посвящен доклад *А.М. Гьюмер-Сорбе* (Франция) "Влияние Македонии на эллинистическую живопись и мозаику".

В обзоре *Б. Барр-Шаррар* (США) "Производство металла в Македонии" сообщаются результаты анализа бронзы и серебра изделий V и IV вв. до н.э., происходящих из македонских могил. Автор попытался выделить местную традицию в производстве металлических изделий, которое восходит к концу V в. до н.э., и рассматривает вопрос о возможных взаимовлияниях и различиях с аттическим ремеслом.

А. Котариду (Греция) в докладе "Погребальный обряд в Македонии и похороны Александра" отметила, что новые находки в Эгеах (Aegae) выявили очень важные сведения об обряде захоронения македонской аристократии и царей. Царские некрополи сохранили следы героической традиции в погребениях, которая берет свои истоки в эпической эпохе, бытующие здесь до позднеклассического времени. Захоронение Александра пришлось на пик этой традиции, но вместе с тем, похороны молодого царя должны были превзойти ее по пышности.

В докладе *Я. Турацоглу* (Греция) "Alexander Nomismaticus" на обширном нумизматическом материале были рассмотрены истоки чеканки Александра, которая восходит к монетам персидских царей. Впоследствии она была развита в нумизматике его последователей, которые были известны своим стремлением копировать героизированный тип Александра.

В связи с открытием царских захоронений в Вергине и недавнего заявления Сувальджи об открытии ею в Египте, в оазисе Сива, гробницы Александра, особый интерес вызвали два сообщения, посвященных проблеме локализации гробницы Александра. *Ф. Аль Факхарани* (Египет) в докладе "Локализация царского некрополя Птолемеев и гробница Александра" высказал мысль, что гробницу Александра следует искать среди царского некрополя Птолемеев, систематические поиски которого он ведет в Александрии. Обнаруженная им гробница с раскрашенной штукатуркой выполнена, по его мнению, под македонским влиянием, что является доказательством верной локализации некрополя Птолемеев. По мнению другого египетского исследователя *М. Аль Саадани*, прочитавшего доклад "Могила Александра: возможное местоположение и обряд" античные авторы Диодор Сицилийский и Страбон прямо указывают, что гробница Александра находилась в центре Александрии, и этим местом, по его мнению, может быть только римский театр, под трибунами которого и находится захоронение Александра. Впрочем, доказательства египетских ученых участникам конгресса показались не убедительными. Роли Александра в истории Александрии периода Птолемеев посвящен доклад *П.М. Фрэзера* (Англия) "Александр в Александрии".

В. Хепфнер (Германия) в докладе "Александрия и Антиохия" сообщил, что новые исследования в Александрии и в Антиохии на Оронте сделали возможным восстановить и проанализировать городские планы этих двух важнейших городов эллинистического мира.

Целый ряд докладов был посвящен развитию эллинизма в различных областях античного мира. В докладе *Н. Хаддада* (Иордания) "Македония, Александрия, Петра: архитектура гробниц" рассмотрена эволюция гробниц македонского типа, вырубленных в скале птолемеевской Александрии. Наиболее характерные черты этого развития прослеживаются на примере гробниц в Петре. Эти гробницы следует признать скорее эллинистическими, чем греко-римскими, они должны рассматриваться как первый Ренессанс в истории архитектуры, поскольку соединили в себе "новый дух" Македонии и Востока.

Доклад *М. Эдвеба* (Ливия) "Эллинистические города в Ливии" имел в основном информационный характер. *К. Аль Нашеф* (Палестина) в докладе "Александр в Газе" рассказал о сделанных там находках, связанных с эпохой Александра. В докладе *А. Клонера* (Израиль) "Эллинистическая урбанизация и экономика в свете последних раскопок в Израиле" сообщалось о реконструкции экономической и сельскохозяйственной деятельности в эллинистический период, предпринятой по результатам последних исследований в Мареше (Тель Сандаханна) в центральном Израиле, втором после Самарии поселении, которое существовало с IX в. до н.э. *Т. Левин* (Израиль) в докладе "Эллинистический дом в Мареше" конкретизировала положения А. Клонера. Богатый материал комплекса дома (цистерна, пресс для масла, колумбарий и т.д.) дает нам представление о повседневной жизни жителей эллинистического времени.

Интересные результаты исследования типично греческой колонии были изложены в докладе *П. Бернара* (Франция) "Греческая колония Ай-Ханум в Центральной Азии". Значительная площадь поселения, расположенного на берегу реки и сделанные там находки (надписи, а также выявленный раскопками театр), свидетельствуют о соединении восточной и греческой культур.

П. Бриан (Франция) в докладе "Александр Великий и ахеменидское наследие" развивает тему обозначенную еще Д. Дройзеном "Александр и Восток". Успехи, достигнутые в изучении ахеменидской империи в последнее двадцатилетие позволяет более доказательно утверждать, то в период 334–323 гг. до н.э. Александр столкнулся с теми же проблемами, которые пытались решить еще Кир Великий и его последователи. Политика отношений Александра с местной элитой была схожа с политикой Кира: он не разрушал структуры местного самоуправления, а использовал его в управлении империей. Культурной стороне влияния завоеваний Александра посвящен доклад *С. Малек Шахмирзади* (Иран) "Эллинизм" в иранской культуре". *Н. Такмил Хомайун* (Иран) в докладе "Александр в персидской литературе в исламский период" показал, что если образ Александра (Искандера) в XII–XIV вв. представлялся дьявольским, убийцей царя Дария, то в исламской литературе он предстает как герой, о пришествии которого было предречено в Коране. В докладе *Роман Дар* (Пакистан) "Греческое влияние в искусстве Гандхары" показано на примере Гандхары как недолгое пребывание Александра в Пакистане оставило свой отпечаток в местной культуре.

Своеобразный итог конференции был подведен в докладе *Н. Скутери* (Греция) "Александр и другие: где границы?". Она поставила вопрос о границах эллинистического мира и, тем самым не сформулировав ответа, как бы оставила открытой тему для дальнейшей дискуссии.

Участникам и многочисленным гостям конгресса удалось ознакомиться с музеями и культурной жизнью провинции Имафия и многочисленными археологическими памятниками Вергины, Диона, Пеллы, македонскими гробницами Лефкадии, Нимфеем в Мезе (школа Аристотеля).

Керченский государственный историко-культурный заповедник
Институт Крымоведения, Симферополь

Н.Ф. Федосеев,
И.И. Вдовиченко

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ "ИССЛЕДОВАНИЕ ДО- И ПРОТОИСТОРИИ В СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В 1933–1945 гг." (Берлин, 1998)

В конце ноября 1998 г. Гумбольт-Университет (Берлин) провел международный симпозиум "Исследование до- и протоистории в Средней и Восточной Европе в 1933–1945 гг." Задачи работы этого представительного научного форума, в деятельности которого принимало участие более полутора сотен коллег, обозначил в своем приветственном слове *В. Каиуба* (Берлин): "Журналисты пишут о бессмысленности поисков правды в новейшей истории науки. Надо установить истину прежде всего о роли самих историков в эпоху владычества идей национал-социализма. Необходимо выяснить причину перемен, происшедших в научном процессе предвоенного времени. Нельзя преувеличивать мощь нацистской пропаганды, ибо из миллионов немцев "Mein Kampf" читали единицы".

И. Каллмер (Берлин), открывая симпозиум, сказал о том, что инициатива его проведения по праву принадлежит Гумбольт-Университету, с которым была связана научная деятельность таких знаковых для предвоенной археологии фигур, как Густав Коссинна и Ганс Райнерт. Последний персонаж является главным актером научного театра эпохи нацизма. Для английской археологии история ее развития уже написана (примером является издание биографии В. Гордон Чайлда). Археология еще ждет своих немецких историографов. Ведь не следует забывать о том, что наука в предвоенной Германии лидировала не только на европейском, но и на мировом уровне. Изучение древностей в Англии и во Франции "тлело", в СССР – перестраивалось. Итак, археология в тоталитарном обществе нуждается в исследовании. В ФРГ в последние годы, в отличие от прежней ГДР, все активнее привлекаются данные предвоенных археологических исследований. Однако, по мнению докладчика, необходимо установить критерии подхода к этому материалу. Главное – пробить "заговор молчания" перед до- и протоисторическими исследованиями, проводившимися в 1933–1945 гг. В этом германских коллег опережают многие зарубежные коллеги. Для воссоздания научного баланса созван данный симпозиум.

© В.И. Кулаков, 2000 г.

Приветствия от организаторов симпозиума подытожил *А. Лёйбе* (Берлин), выразивший сожаление о том, что не все восточноевропейские специалисты смогли принять участие в предстоящей совместной работе. В частности, Россию представляет лишь один археолог (т.е. – автор этих строк). Выступающий пожелал участникам симпозиума успехов в работе.

Далее в течение трех дней выступили докладчики, тезисы сообщений которых представлены ниже в порядке, соответствующем программе симпозиума:

Г. Грюнерт (Берлин) в докладе "Густав Коссинна как предтеча национал-социалистической археологии" сразу подчеркнул факт отсутствия в этом заглавии знака вопроса. Коссинна был убежден в том, что археологические источники могут работать на национальную идеологию. Это стало основой его специфического, спекулятивного подхода к исследованию. В родном для Коссинны г. Тильзите (ныне – г. Советск Калининградской области России) его именем была названа улица, имя ученого было увековечено во многих местах Германии, в том числе – в Берлине. Он воспевался нацистами и после смерти, последовавшей в 1931 г., активно издавали его книги, посвященные пропаганде наследия древнегерманских культур. После 1945 г. личность Коссинны и его труды были камнем, который огибали потоки научных исследований. Коссинна был не объективным, а субъективным предтечей национал-социалистической идеологии, являясь прежде всего национальным патриотом, типичным для начала XX в., носителем идей "народного движения" (völkische Bewegung). Равзивая эти идеи, Коссинна осознавал мощь нацизма, был вынужден с ним сотрудничать. Надо отметить, что его дискуссия с французскими протоисториками в 1909–1910 гг. была вполне конструктивна.

Коссинна впервые в истории нашей науки разработал знаменитую "поселенческую методику", продолженную Карлом Шухардтом и поныне имеющую важное значение в научных исследованиях. С 1912 г. идеи патриотизма в работах Коссинны становятся все более радикальными. К сожалению, его членство во множестве патриотических организаций разной степени радикализма не делало Коссинну более объективным в его научном анализе. Далее докладчик изложил этапы популяризаторской деятельности Коссинны с массой цитат из его переписки, прежде всего – с обществами упоминавшегося направления. Много было сказано о влиянии работ Коссинны, главным образом о древнейшем прошлом германцев, на политиков патриотической направленности. После 1918 г. в Кёнигсберге была организована Отечественная партия с адмиралом фон Тирпиц во главе. Коссинна стал ее членом. С 1926 г. его многочисленные ученики начинают использовать его научное наследие для поддержки "нордического движения", направленного на возрождение "нордичности" немцев. До конца своей жизни Коссинна был горд своим участием в патриотическом движении. Похоже, что он был субъективным творцом национальной идеи в праистории (т.е. – честно заблуждался или просто был прав в рамках своих концепций и построений – *К.В.*). Нет сомнений в том, что наследие Коссинны следует активно изучать.

Далее после приветствия, зачитанного от имени Университета Г. Мейером, слово взял *Р. фон Брух* (Берлин). Тема его доклада – "Историческое исследование в Фридрих-Вильгельм-Университете в 1933–1945 гг." С 1917 г. начался процесс ревизии старых методологических взглядов. Это выразилось в увеличении в публикациях и в лекционной работе доли патриотических настроений. Восторжествовали патриотически-консервативные взгляды. Идеология становится важнее профессионализма. Это (кстати – относительно слабо) проявлялось в деятельности университетского исторического семинара, который долгое время являлся в Германии "островком традиционализма". Соответствующие идеи руководили редакцией "Доисторического журнала" (Prähistorische Zeitschrift). Так создавалась мифологически-интеллектуальная структура модели германской истории в работах университетских ученых предвоенного времени, находившихся в значительной мере под сильным влиянием идей Альфреда Розенберга. Правда, глубоко скрытый конфликт между идеологией и объективным научным анализом в эпоху нацизма все же существовал.

Р. Болльмус (Трир) выступил с докладом "О научной политике под властью национал-социализма: О роли ведомства Розенберга и "Анненэрбе" в 1933–1945 гг." Эти структуры под видом научных исследований внедряли идею "Одна Империя. Один народ. Один вождь", распространяя германофилию. Реальная цель Розенберга – создание структур, которые использовали бы методику воспитания немцев в свете идей НСДАП. В их русле были вынуждены работать Археологический Институт Германской Империи и Римско-Германская Комиссия. В своей деятельности они доказывали преимущества нордической расы и ее "светлой культуры" в древности. Ведомство Розенберга контролировало археологические разведки и охрану памятников. Правда, последняя сфера деятельности функционировала с учетом господствовавшей с 1933 г. государственной идеи антисемитизма, которая не способствовала сохранению "негерманских" памятников истории и культуры. Вопросы археологии при Розенберге курировал Райнерт, чьи контакты с Римско-Германской Комиссией складывались не просто. На Востоке политику Розенберга обеспечивал Вольфганг Ла Бом (Данциг). "Анненэрбе" являлась структурой СС, проводившей квазинаучные исследования не только с определенными идеологическими, но и практическими целями. Так, их силами предпринимались раскопки в Хэдебю (работы Г. Янкуна), где предполагалось создание единого для всей Северной Германии святилища. Следует отметить то, что больше всего успехов у ведомства Розенберга достигнуто было на Востоке (прежде всего – в Восточной Пруссии), куда он изначально ориентировался в геополитическом отношении.

И. Виньёрра (Берлин) тему своего доклада обозначил как "Ex oriens – ex septentrione lux – Борьба двух идеологий?". Эта оппозиция идей, возникшая в эпоху немецкого романтизма, в начале XX в. приняла расистский и пангерманский характер. Адепты, носители такой идеологии, пытались доказать арийскую идентичность немцев и ее исключительный для Европы характер. Одним из базовых вопросов являлся вопрос о расположении прародины индоевропейцев: восток или север. Немалую роль в пропаганде позднейшего германского наследия сыграл работавший в кёнигсбергском Альбрехтс-Университете Феликс Дан (автор бестселлера "Борьба за Рим"). Во многом благодаря его деятельности возникла оппозиция мнений между приоритетом языческой античной и христианской германской версий цивилизации.

Доклад *М. Шмидта* (Ёрлингхаузен) именовался "Роль музейной деятельности в национал-социалистической воспитательной политике – музеи под открытым небом на примере Ёрлингхаузена". Вблизи г. Ёрлингхаузена (окрестности г. Любека) в ходе работы Антрополого доисторического конгресса (1935 г.) Ханне открыл имитации построек раннего железного века, призванные своей красотой и целесообразностью пропагандировать нордическую культуру. Рассказ об этой уникальной акции докладчик сопроводил показом редчайших архивных фото. Реконструкции древних сооружений были сделаны в мельчайших деталях, наличие которых не могло быть подтверждено археологией. Интересен тот факт, что для воссоздания "германского" дизайна зданий Ханне использовал образцы кельтской по своему происхождению мебели, делавшейся в древности при помощи токарного станка и ставшей известной науке по находкам в погребениях. Этот музей, которым Ханне руководил до 1946 г., не пострадал в ходе военных действий и существует по сей день, являя своим посетителям образец идеализированной картины древнегерманского быта. Правда, некоторая часть музейных строений серьезно пострадала в период американской оккупации.

У. Халле (Мюнстер) в докладе "Священные скалы – символ германофильской интерпретации" поставила главный, по ее мнению, для этой темы вопрос о связи отдельно стоящих скал (известные в северных отрогах Альп die Externsteine) с германскими древностями. В предвоенное время этот вопрос на самом деле не был решен. Однако еще задолго до 1933 г. "народные" группы собирали у этих скал свои экзальтированные патриотические собрания, воссоздавая солярные ритуалы своих, как они считали, далеких предков. Гитлер мечтал создать вокруг этих скальных стел особые святилища. Некоторые из них были действительно созданы по воле командования войск СС, проводившего там свои специфические огненные ритуалы.

И. Цине (Берлин) в докладе "Ганс Ханне – пропагандист народной картины мира" показала деятельность Ханне прежде всего с позиций этнологии. Изучивший археологию в Берлине, находившийся под влиянием Адольфа Штайнера и Густава Коссинны Ханне уже к 1914 г. стал формировать идею "Одно государство – одна народная культура". Работая в Саксонском земельном музее доистории (Халле), Ханне с 1910 г. сочетал свою музейную деятельность с воспитательной работой в духе пангерманской идеи.

Г. Вегнер (Ганновер) прочитал доклад на тему "Карл Геррманн Якоб-Фризен до эпохи Третьего Райха и в его годы". Якоб-Фризен являлся учеником Коссинны. Этапы его научной деятельности докладчик представил по материалам переписки учителя и ученика. С февраля 1917 г. Якоб-Фризен стал директором земельного музея доистории в Ганновере. Несмотря на общегерманский кризис 20-х годов музейный руководитель разворачивает энергичную деятельность, организуя, в частности, выставку "Народное искусство с древнейших времен до современности". Будучи подлинным подвижником музейной работы, Якоб-Фризен располагал обширнейшими общественными связями, в том числе – и с бонзами нацистского движения и с близкими к ним учеными (прежде всего – с Райнертом). Это помогало Якоб-Фризену поддерживать на должном уровне деятельность "Общества древностей Северо-Западной Германии" и охрану памятников археологии соответствующего региона. В этом, видимо, скрывается главный смысл многогранной деятельности Якоб-Фризена, бывшей фактически конформистской в политической ситуации Третьего Райха. Тем не менее, после 1933 г. Якоб-Фризен постепенно отошел от контактов с нацистами и впоследствии был ими репрессирован.

Г. Шнёбель (Унтерульдинген) прочел доклад "Ганс Райнерт – исследователь – национал-социалистический функционер – музейный руководитель. Жизнь и деятельность: что главное?". Автор изложил биографию Райнерта, родившегося в семье кайзеровского офицера. В студенческие годы Райнерт путешествовал по всей Европе от Греции до Скандинавии, интересуясь праисторией в самых широких рамках. В 1921 г. его обучение завершилось в Берлине. После получения университетского образования он увлекся полевой археологией, прежде всего – изучением памятников, расположенных на озерах и торфяниках. Райнерт при этом значительное внимание уделял полевой методике, в том числе – использованию данных аэрофотосъемки. В 1919 г. он создал первый в Германии макет дома эпохи камня в натуральную величину. Эта работа продолжалась на озере Бодензее (Баден) до 1928 г. Райнерт был мощным популяризатором достижений археологии. Одна из его первых монографий "Хронология позднего каменного века" продолжает традиции Монтелиуса и Коссинны. С 1928 г. начинают крепнуть связи Райнерта с нацистами (прежде всего – с Розенбергом). Исследователь становится связующим звеном между нацистским движением и академическими научными кругами, группировавшимися вокруг Коссинны. Если многие немецкие археологи (например, Якоб-Фризен) не стали на сторону нового режима, то Райнерт, не долго раздумывая, принял власть

нацистов, резко увеличившую его практические (в первую очередь – издательские) возможности. После 1937 г. Розенберг оказывал все больше внимания немецкой археологии, вскоре получившей персональное покровительство Генриха Гиммлера, почетного доктора археологии. После 1945 г. Райнерт продолжил свою деятельность по музеификации неолитических древностей в музее под открытым небом на берегу оз. Бодензее.

В докладе *В. Папе* (Фрайбург) "Развитие (учебной) специализации по до- и протоистории в Германии до 1945 г." были широко использованы статистические данные по предвоенному этапу развития германской высшей школы. Докладчик убедительно показал устойчивый характер интереса студентов с 1928 г. к гуманитарным дисциплинам, связанным с доисторией Германии и сопредельных земель. Значительную роль в этом сыграла пропагандистская работа большого числа "народных" обществ. Соответственно увеличилось число ориентированных на до- и протоисторические исследования кафедр и спецкурсов (die Lehrstule). В научном плане такое развитие событий докладчик соотнес с деятельностью Коссинны. Всплески студенческого интереса к специализации означенного направления, судя по представленным гистограммам, падают на 1933–1934 и 1940–1941 гг. (в последнем случае – по вполне объяснимым "призывным" причинам – К.В.). Количество защит магистерских и докторских диссертаций достигло своего максимума к 1939 г. Увеличивался размер профессорских гонораров. К 1932 г. резко увеличилось число археологов и протоисториков, вступивших в ряды НСДАП. Все это является свидетельством поисков нацистами научной базы для своей идеологии и пропаганды.

К. Кунтер (Марбург) озаглавила свой доклад "Университет Марбург в эпоху Третьего Райха – Геро фон Мерхардт". С 1920 г. Мерхардт занимает место руководителя спецкурса классической археологии в Марбургском Университете. До этого он успел побывать в русском плену в Сибири и с тех пор надолго сохранил связи с сибирскими археологами. До 1927 г. Мерхардт работал в Центральном Римско-Германском музее (Майнц). После оставления этого поста он окончательно связал свою судьбу с Университетом в Марбурге, отличаясь своими весьма дружелюбными контактами со студентами. В 1932 г. у Мерхардта возникает административный конфликт с Райнертом, а затем – и с нацистскими властями, которые в любом случае не приветствовали изучение античных древностей. Эти конфликты во многом объясняются католическим воспитанием Мерхардта, в детстве обучавшегося в иезуитской школе. Докладчица показала свидетельства того, что Мерхардт оставался и при власти нацистов последовательным сторонником политических идей католической направленности, при этом не критикуя нацизм непосредственно. В 1938 г. шеф имперской тайной полиции Р. Гейндрих обратил особое внимание на учебную и научную деятельность Мерхардта. Последний в результате потерял место в Университете и вернулся туда лишь после войны. Его плодотворная работа в конечном итоге была отмечена правительством ФРГ орденом "Крест за заслуги".

Др. М. Штробель (Унтерульдинген) выступил с докладом на тему "Исследования в Вюртемберге в 1933–1945 гг. – Раскопки Имперского общества германской доистории на поселении Таубрид I осенью 1937 г." С 1932 г. упомянутое в титуле доклада общество оставляло сильную конкуренцию местным органам охраны памятников. Дело в том, что Общество исповедовало идеи радикального патриотизма и благодаря этому финансировалось нацистами. В рамках контактов подобного рода Общество при помощи базировавшегося в г. Тюбингене местного руководства войск СС проводило свои раскопки, которые однажды посетил Розенберг. Результаты исследований расположенного на мысу оз. Федер неолитического поселения Таубрид I были использованы для пропаганды нордических идей, а также для прославления войск СС, солдаты которых работали на раскопках.

Доклад *М. Бертрам* (Берлин) именовался "В. Унферцагт и борьба за новый порядок в бранденбургских археологических разведках". Будучи специалистом по восточногерманским древностям, Унферцагт наладил систему финансирования охранных работ из фондов обществ любителей древностей и от Археологического Института Германской Империи. К 1936 г. эта система стабилизировалась. Была введена методика разведочных траншей, достигавших длины до 20 м при ширине в 1 м, для исследования стратиграфии памятников. Торжественное начало раскопок нередко выпадало на долю представителей командования СА. За 10 предвоенных лет только в восточной части земли Бранденбург Унферцагт изучил таким образом 120 памятников археологии различных эпох.

В. Штюрмер (Берлин) в своем докладе «Проф. др. Г. Шлайф – жизнь и деятельность (в том числе – в "Анненэрбе")» показал, что Шлайф (как и Райнерт) с самого прихода нацистов к власти принял их сторону и стал соответственно ориентировать свою работу. Одной из форм его практической деятельности стало создание уменьшенных копий памятников античной архитектуры. Это, вне всякого сомнения, оказало должное влияние на сложение нацистского видения на общественное домостроительство в Германии. Шлайф работал в Архитектурном Институте Германской Империи, его дружба с профессиональным архитектором Дёрпфельдом обогащала его практические возможности. В 1933 г. Шлайф защитил докторскую диссертацию, стал преподавать в Высшей технической школе и проводить раскопки в Греции, используя при этом солдат СС. Этими работами заинтересовался Гиммлер, в результате чего Шлайф оказался в составе "Анненэрбе".

Г. Мангельсдорф (Грайфсвальд) свой доклад "Карл Энгель" – жизнь между наукой и политикой" посвятил

научной биографии одного из исследователей древностей Балтии. Энгель широко известен тем, что в 1945 г. взял на себя роль парламентера при сдаче частям Красной Армии укреплений Грайфсвальда, а позднее погиб в концлагере. Уроженец гамбургского района Альтона, Энгель окончил Университет в Гёттингене. В 1929 г. он получил должность научного ассистента в Музее "Пруссия" (Кёнигсберг) и в 1929–1931 гг. проводил весьма результативные раскопки грунтового могильника Линкунен (ныне пос. Ржевское Славского р-на Калининградской области России). В 1933 г. Энгель вступил в ряды НСДАП, полностью приняв нацистскую идею "Народ и раса" и с 1937 г. находился в числе руководителей Имперского Общества германских древностей. В 1939 г. Энгель стал ординарным профессором Университета в Грайфсвальде. При переезде из Восточной Пруссии его сопровождало 20 кёнигсбергских студентов. С конца 1941 г. в рамках деятельности ведомства Розенберга Энгель занимался спасением от военных невзгод балтских древностей (преимущественно в музеях Риги). Своей героической гибелью он подвел итог своей многогранной жизни.

Б. Гедига (Вроцлав) свой доклад назвал "К ситуации в Бреслау в 1933–1945 гг.". Будучи перед войной довольно взрослым юношей, докладчик помнит участие солдат войск СС в раскопках, проводившихся тогда в окрестностях Вроцлава. Эти темные и трагические годы для Германии докладчик забыть не может и считает, что сейчас мы должны выяснить, что было в тогдашних археологических работах важнее – историческая правда или текущая политика. Не надо забывать то, что старые немецкие коллеги и тогда работали высокопрофессионально, спасая памятники археологии. В наследии археологического научного центра старого Бреслау следует отметить работы Ганса Зегерта и Мартина Яна. Последний в 1931–1934 гг. являлся руководителем местного ведомства охраны памятников. Его последователем в Университете Бреслау стал Эрнст Петерсен, обергруппенфюрер СС. Он известен своей полемикой с учениками Юзефа Костшевского. Сопутствовавшая этому пропагандистская кампания была крайне агрессивной, прежде всего – относительно вопроса об этногенезе славян. Монография Петерсена "Доистория Силезии" была полностью германофильской, страдая при этом серьезными типологическими ошибками. Теперь они выглядят смешными. То же можно сказать и об интерпретации результатов предвоенных раскопок. Подобный политизированный подход к научным исследованиям и в предвоенное время, и в будущем лишен перспективы.

С. Хайнц (Берлин) в начале своего доклада "Кельтология и Третий Райх" объяснила свое понимание термина "кельтология", в котором видит комплекс гуманитарных дисциплин, изучающих наследие кельтов. Расовая политика нацистов не предполагала объективное освещение проблем, стоявших в первой половине XX в. перед кельтологами, значительное число которых действовало в Венском Университете. В частности, работавший в Австрии лингвист Юлиус Покорни обладал заслуженной международной известностью. Один из ведущих специалистов по означенной проблематике – Куно Майер – работал в Университете Берлина. Крайне важны были связи с учеными из Ирландии и США. В начале 30-х годов возникло "Немецко-ирландское общество", пропагандировавшее "народные" идеи на уровне объявления ирландцев истинными (правда – темноволосыми) арийцами. Считалось, что во II в. н.э. многие германские племена переселились в Западную Францию и на британские острова. Это Общество работало в рамках идей Покорни, придерживавшегося национал-социалистической ориентации.

М. Мончиньска (Лодзь) выступила с докладом "До- и протоистория в Кракове в 1933–1945 гг." В 1932 г. в Кракове была образована "Новая академия наук". В Университете Кракова занятия археологией координировали Тадеуш Сулимирский и Рудольф Ямка. Особое внимание уделяли изучению памятников пшеворской культуры. Был раскопан легендарный "курган Кракуса", содержавший материал аварского времени. Проходила не только полемика с немцами, но и постоянный взаимный научный обмен. Это подтверждается, в частности, данными переписки между учеными обеих стран, обильно представленными в докладе. Правда, подобные контакты не всегда носили позитивный характер. После захвата немцами Польши, в октябре 1939 г. в Кракове появились одетые в эсэсовскую униформу Эрнст Петерсен (Бреслау) и Петер Паульсен (Киль). Результатом их деятельности стало закрытие местных музеев и Академии. Позднее в музейных фондах среди ящиков с археологическими коллекциями польские патриоты хранили подпольную литературу. Многие польские археологи из Кракова были помещены в концлагеря (прежде всего – в Заксенхаузен). В июле 1944 г. был получен приказ об эвакуации фондов Краковского музея на запад, в Аугсбург. Однако в конечном итоге эти бесценные коллекции были спасены от вывоза с польской территории.

Т. Макевич назвал свой доклад "Археологические исследования в (провинции) Позен во время 2-й мировой войны". После оккупации Польши вокруг древностей Познанского воеводства (как и в соседнем Кракове) развернулась острая полемика. Многие местные археологи, в первую очередь, Юзеф Костшевский с семьей, были вынуждены покинуть Познань (в немецком варианте – Позен). Польская наука здесь была официально запрещена. В Познани приступили к работе немецкие археологи Кэрстен и Мюлен. Кроме местного музея, археологические исследования концентрировались в Институте до- и протоистории Университета в Познани. Во время войны археологические раскопки велись на поселении Бискупин и на памятниках лужицкой и поморской культур.

М. Айкофф (Амстердам) в своем докладе "Рефлексия политического характера археологии во время немецкой оккупации Голландии на примере Е.А. ван Гиффена и Ф.Г. Бурша" сконцентрировался на анализе

активности системы СС, прежде всего – "Анненэрбе", отмеченной на голландской территории. Ведущим принципом этой деятельности было толкование германских древностей через призму нацистской идеологии при помощи тогдашних немецких реалий. Упрощение научной деятельности объяснялось тем, что наука должна служить народу. Есть разница между реальностью поиска и реальностью находки, окрашенной флером оккультизма. "Анненэрбе" видела мир иррационально, искажая процесс свободного научного исследования. Все это работало на укрепление концепции тоталитарного государства. К 1939 г. в Германии в захваченных ею странах археологические работы были полностью подчинены задаче реализации обозначенных выше идей. Эта участь постигла и Нидерланды. Остается неясным, как могли сосуществовать научное сознание и политические установки (перед отечественными учеными подобные вопросы удивления не вызывали – *К.В.*). Ответ на этот вопрос докладчик предложил во второй части своего весьма объемного выступления на примере анализа деятельности ван Гиффена и Бурша. Эти местные археологи работали соответственно в северной и южной частях страны под контролем Кэрстена. Из доклада стало ясно, что Бурш принял идеи национал-социализма, руководствуясь исключительно карьерными соображениями. Этот специалист настолько вжился в роль пособника новых порядков, что согласился вести работы на оккупированной советской территории. В 1943 г. он предпринял раскопки курганов эпохи бронзы в урочище "Попова могила" к северу от г. Кривой Рог.

А. Коковский (Люблин) свой доклад назвал "До- и протоисторические исследования и археологические разведки в Восточной Польше в 1933–1945 гг." Перед войной археологические работы в регионе осуществлялись на базе Люблинского Университета и крупных музеев в Люблине и Тарнополе. Кроме того, краеведческие музеи существовали в каждом центре округа (повята). Бомбардировкой 9 сентября 1939 г. были уничтожены музейные коллекции в Люблине, Жешуве и в других городах региона. Вскоре к музейному директору Малиновскому явились из Берлина три немецких чиновника с требованием сдать им нумизматическую коллекцию музея. В начале 1940 г. директором музея в Люблине стал Герхард Гюнтер, начавший каталогизацию музейных фондов. Этот каталог частично сохранился по сей день. В этот музей свозились артефакты из экспроприированных оккупантами частных коллекций. В регионе велись в это время раскопки под руководством украинского археолога Ярослава Пастернака. В 1940 г. возник проект формирования в музее Люблина выставки "Восточные германцы", впоследствии по объективным причинам так и не реализованный. После освобождения Люблина частями Красной Армии многие ценные музейные экспонаты были вывезены в Москву. После 1945 г. советские чиновники создали в г. Пшемысле (русск. вариант – Перемышль) краеведческий музей с 17 сотрудниками (ранее здесь работали лишь два музейных сотрудника), ориентированный на пропаганду "украинских" древностей.

Т. Кольник (Нитра) прочел доклад "Исследования в Словакии в 1933–1945 гг.". В начале XX в. археологические исследования в регионе вели венгерские специалисты. С 1919 г. со времени обретения Чехословакией независимости, их сменили чешские коллеги Ян Айснер и другие. К 1930 г. был создан археологический центр в Братиславском Университете. В 30-х годах здесь работали местные археологи Иржи Неуступны и Ярослав Бём. Особое внимание в их исследованиях обращалось на древности эпохи римского влияния. В 1933 г. был организован Словацкий археологический Институт. В 1935 г. Иоганн Киптак издал монографию "Bilder aus der Zipfer Vergangenheit", исполненную германофильских оценок словацкой доистории. Немецкие специалисты (Бенингер, Райн и др.) считали археологические материалы римского времени, обнаруженные на территории Словакии, германским феноменом. С 1938 г. Бенингер стал во главе словацкой археологии. Однако вскоре ввиду общеизвестных политических причин (формирование сепаратистской ситуации в германском протекторате Богемии и Моравии) Археологический институт в Нитре получил формальную независимость от германской науки.

К. Мотыкова (Прага) свой доклад "До- и протоисторическое исследование в Чехии в 1918–1945 гг." начала с информации о закрытии в 1938 г. оккупационными властями Чешского Университета. Это явно не способствовало дальнейшему развитию чешской археологической науки. За столетие до этого изучение местных древностей, происходившее под эгидой австрийской администрации, имело в значительной мере патриотический характер. Уже в 1845 г. была выпущена первая монография по археологии Чехии. С конца XIX в. внимание к чешским древностям со стороны немецких археологов начинает нарастать. Это стимулировалось деятельностью Немецкого Университета в Праге, получившего в начале XX в. кафедру археологии. Во время фашистской оккупации раскопки в Чехии проводил Ярослав Бём, причем начиная с эпохи латена местные древности интерпретировались как германские. В Силезии в эту эпоху возникли два подразделения Археологического Института Германской Империи. Националистический характер выводов, полученных в результате этих работ, проявился в новой экспозиции, открывшейся в 1941 г. в Национальном музее в Праге.

В.И. Кулаков выступил с докладом "Археологические исследования в Балтии в 1933–1945 гг." Было показано, как в середине 30-х годов обозначились качественные изменения в методике археологических исследований (прежде всего – разведок). Эти изменения заключались в том, что всеми археологами Балтии была принята идея создания регистра памятников археологии. Специфика идеологии, ставшей на государственном уровне обязательной в Германии, отразилась (преимущественно – в научно-популярных изданиях)

лишь на анализе данных прусской археологии. Для остальных стран Балтии негативных ее последствий в археологических работах предвоенного периода не прослеживается. Крайне важно отметить кажущуюся эскизность выводов в публикациях 1933–1943 гг. по археологии балтов (прежде всего – западных). Эти выводы опирались на предварительные данные, добытые на начальном этапе разворачивавшихся масштабных исследований. Они были остановлены ходом второй мировой войны. Как выясняется, значительная (если не основная) часть музейных фондов, описей, архивов и библиотек была спасена в эвакуации 1944 гг. Принципы интернационального исследования древностей Балтии, заложенные в предвоенное время Энгелем, Штурмсом и Шмидехельм, являются для археологии нашего региона оптимальными и должны быть продолжены в будущем.

А. Хойсс (Ниддерсхайм) для своего доклада выбрала интереснейшую тему "Культурное разграбление нацистами Советского Союза. Доисторические грабительские раскопки и мародерство на научной службе". Сразу после захвата западной части СССР ведомство Розенберга получило задание овладеть музейными собраниями, находящимися как в оккупированных частями вермахта городах, так и в тех пунктах, наступление на которые еще планировалось. Имелись в виду, кроме прочих, Эрмитаж и Государственный Исторический Музей. Работы подобного рода интенсивно проводились на Украине в Киевском историческом музее. Герберт Янкун осуществлял археологические раскопки в Северо-Восточном Причерноморье в окрестностях Таганрога. Сотни ящиков с находками, поступившими с украинской территории, было вывезено в Германию. Сейчас можно говорить примерно о 55 000 предметов древности и народного искусства, покинувших в годы войны территорию СССР в западном направлении. При этом не следует забывать о постоянно существовавшем конфликте между ведомством Розенберга и Институтом до- и протоистории. Сотрудники этой научной структуры постоянно поддерживали дискуссию о целесообразности грабежа культурных ценностей.

Выступивший вне программы симпозиума *Й. Мартенс* (Лунд) предложил слушателям доклад "О (предвоенной археологической) ситуации в Скандинавии". Он рассказал о том, что в 30-е годы некоторые североевропейские археологи ориентировались на специфическую форму методики анализа материала, применявшуюся тогда немецкими коллегами. Особо сложная ситуация сложилась тогда в оккупированной Дании, где немецкие специалисты начали проведение археологических раскопок. Напротив, на шведских коллег нацистские идеи в археологии оказали довольно слабое воздействие.

В дискуссии после этого доклада, ставшего последним в ходе симпозиума, *Й. Беран* (Шарстойке) высказал справедливое мнение о том, что господствовавшая в 30-х годах в датской археологической литературе концепция романтического патриотизма – это не агрессивный национализм, а вполне нормальное для любой страны явление. В целом следует отметить, что и остальные выступления в ходе плодотворной дискуссии по итогам каждого дня работы симпозиума носили подобный доброжелательный и конструктивный характер.

В заключительном слове А. Лёйбе еще раз подчеркнул важность проблем, обсуждавшихся на симпозиуме, успешно прошедшем, несмотря ни на какие трудности подготовительных акций. К высокой оценке результатов работы симпозиума присоединились и взявшие затем слово М. Мончиньска и З. фон Шнурбайн (Франкфурт-на-Майне). Так завершилась работа международного симпозиума "Исследование до- и протоистории в Средней и Восточной Европе в 1933–1945 гг.", великолепно подготовленного и проведенного коллегами из Института исторических научных дисциплин Гумбольдт-Университета в Берлине. В благодарность за предоставленную возможность принять участие в этом представительном научном форуме, автор посвящает берлинским коллегам этот обзор.

Институт археологии РАН,
Москва

В.И. Кулаков

"ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИИ. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА".

Международная научная конференция, посвященная 75-летию Б.А. Литвинского (Москва, 1998 г.)

14–16 октября 1998 г. по инициативе Института востоковедения РАН, Государственного музея искусств народов Востока (ГМВ), Российского центра стратегических и международных исследований в Москве прошла международная научная конференция, посвященная 75-летию всемирно признанного ученого, академика АН Таджикистана, академика РАЕН, иностранного члена Академии Национале дей Линчеи (Италия), члена-корреспондента Германского археологического Института, члена-корреспондента Итальянского Института Азии и Африки, члена редколлегии и редакционных советов журналов "ВДИ", "Восток"

© М.Б. Мейтарчиян, 2000 г.

(Москва), Бюллетеня Института Азии (США), археологической энциклопедии (Италия), доктора исторических наук, профессора Б.А. Литвинского.

Открытие конференции и первое пленарное заседание состоялось в ГМВ, в котором открылась выставка "Из сокровищницы парфянских царей" к 80-летию ГМВ и 50-летию находки ритонов на городище Старая Ниса, заслуга обнаружения которых принадлежит крупнейшему востоковеду и нумизмату, супруге и верному соратнику Б.А. Литвинского д.и.н., профессору Е.А. Давидович. Б.А. Литвинский также принимал самое активное участие в раскопках на городище Старая Ниса.

К открытию конференции вышли из печати тезисы (Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 75-летию действительного члена Академии Наук Таджикистана, доктора исторических наук, профессора Б.А. Литвинского. Москва, 14–16 октября 1998 г. Москва, 1998. Ответственный редактор А.В. Седов. Тираж – 100 экз.).

Открыл конференцию директор Института востоковедения РАН *Р.Б. Рыбаков*. В своей эмоциональной и глубокой речи он обрисовал Б.А. Литвинского как выдающегося ученого, организатора науки и как человека. По его словам, Б.А. Литвинский занимает особое место в отечественной науке. Востоковед и археолог, историк религии и исследователь истории архитектуры и искусства, он внес фундаментальный вклад во многие отрасли гуманитарных знаний. Исследовательский талант сочетается в нем с поразительной эрудицией, энциклопедичностью.

"В свои 75 лет", – сказал о юбиляре Р.Б. Рыбаков, – "он работает с такой отдачей, которая кажется невероятной. Ему обязано появление в Институте востоковедения РАН новое направление по изучению восточных стран Ближнего зарубежья, он же стоял у истоков и много лет возглавлял Отдел истории и культуры Древнего Востока в его современном виде. И еще. Авторитет Б.А. Литвинского покоится не только на его научных заслугах, но и на его личности, в которой столь полно и ярко отразилось высокое нравственное начало, сплав беззаветной преданности науке и ее идеалам со стремлением помогать всем, кто с ним соприкасается – ученикам, коллегам, знакомым и незнакомым людям".

К.С. Айни (Академия Наук Республики Таджикистан) поздравил юбиляра от имени Академии Наук Республики Таджикистан и от всего таджикского народа. Он сказал, что Б.А. Литвинский вместе со своей женой, крупнейшим востоковедом Е.А. Давидович, приехали в Душанбе по приглашению Б.Г. Гафурова в 1951 г., когда была образована республиканская Академия Наук. Б.А. Литвинский создал в Институте истории им. А. Дониша сектор археологии и нумизматики – первое в Таджикистане археологическое учреждение. Он объездил с экспедициями весь Таджикистан, обогатил таджикскую культуру, углубил и расширил ее историю. Одним словом, он основоположник археологической науки в Таждикистане. В 1958 г. вместе с коллегами он выпустил первый школьный учебник истории Таджикистана. Несколько поколений таджиков знают свою историю из этого учебника и других трудов Б.А. Литвинского. Среди таджиков имя Б.А. Литвинского пользуется огромным авторитетом. Академия Наук Республики избрала его своим действительным членом, а руководство республики – присвоило звание "Заслуженный деятель науки Таджикистана".

Среди выступавших на открытии выставки был заместитель директора Института востоковедения РАН *В.М. Алпатов*. Он также очень высоко оценил научную деятельность Б.А. Литвинского, назвав его "классиком науки", охарактеризовал замечательный вклад в востоковедение и археологию Е.А. Давидович.

На пленарном заседании А.В. Седов (Институт востоковедения РАН) зачитал доклад директора Института истории, археологии и этнографии Республики Таджикистан Р.М. Масова (Душанбе). *Р.М. Масов* в докладе "Выдающийся исследователь археологии Средней Азии" подчеркнул, что Б.А. Литвинский к своему юбилею пришел с научным стажем в 60 лет. Из них 20 лет (1951–1971 гг.) его неутомимого труда были отданы Таджикистану. По инициативе Б.А. Литвинского была организована Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция, которую он возглавлял много лет, отдавая свои душевные и физические силы. Он отметил, что в среднеазиатской археологии "нет другого специалиста, знающего так много об археологии, этнографии, филологии Средней Азии, который мог бы своими знаниями сравниться с Б.А. Литвинским. Недаром его называют "ходячей энциклопедией" – он знает буквально все".

Р.М. Масов высоко оценил личные качества и талант Б.А. Литвинского как ученого, назвав его "патриархом таджикской археологии".

Б.Я. Ставиский (РГГУ, Москва) в докладе "Новые горизонты в изучении истории, культуры и искусства народов Средней Азии" призвал «восстановить в правах "старое" – традиционное для классического российского востоковедения вплоть до 30-х годов XX в. деление истории культуры и искусства среднеазиатских народов на древнюю (домусульманскую) и средневековую (исламскую) эпохи».

Б.И. Маршак (Гос. Эрмитаж, С.-Петербург) в докладе "К вопросу о истоках согдийской культуры" подчеркнул, что характер культуры Согда во многом определяли природные факторы. Между ландшафтными зонами существовало разделение труда. Рядом с крупными оазисами находились степи и предгорья, а за ними горы. Б.И. Маршак отметил, "что третий горный элемент обычно не учитывается в исторических реконструкциях". Он попытался на основе археологических источников показать, что произошло с этими элементами в конце бронзового века.

В.С. Соловьев (Елецкий университет) в докладе "История и культура Бактрии–Тохаристана в свете исследований Южно-Таджикистанской археологической экспедиции" осветил работу Южно-Таджикистанской археологической экспедиции (ЮТАЭ), основанной в 1973 г. и возглавляемой Б.А. Литвинским. Одним из важнейших открытий экспедиции является обнаружение храма Окса на городище Тахти-Сангин (конец IV – начало III вв. до н.э.), исследование которого проводили Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян.

И.М. Стеблин-Каменский (Вост. фак. СПбГУ) в докладе "Памирские языки и этнография в трудах Б.А. Литвинского" положительно оценил использование материалов памирских языков и этнографии в работах Б.А. Литвинского.

Г.А. Брыкина (Институт археологии РАН, Москва) в докладе "Погребальные памятники Ферганы в I тысячелетии н.э." выделила и охарактеризовала четыре типа погребальных сооружений, бытовавших в Фергане в I тысячелетии н.э.

А. Инвернищи (Туринский Университет, Италия) в докладе "Цитадель парфянской Нисы" предложил новую трактовку историко-архитектурного комплекса Старой Нисы с учетом результатов новейших раскопок.

Т.К. Мкртычев (ГМВ, Москва) в докладе "К одному вопросу из истории нисийских ритонов" присоединился к мнению П. Бернара, что ритоны применялись "на пирах в качестве дорогой пиршественной посуды и служили утилитарным целям". Вопреки мнению М.Е. Массона и Г.А. Пугаченковой о том, что ритоны были помещены в царскую сокровищницу и что грабители впоследствии ободрали с них золотые и серебряные детали.

С.Я. Берзина (ГМВ, Москва) в докладе "Сасанидские анэпиграфные геммы в Средней Азии" подчеркнула, что появление сасанидских анэпиграфных гемм в Средней Азии "способствовало утверждению канонической зороастрийской иконографии" и укреплению ортодоксального зороастризма.

Ю.А. Рапопорт (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) в докладе "Античный стеклянный медальон, найденный в Хорезме" охарактеризовал медальон, найденный на городище Топрак-кала. Он от нес его к "категории римских фалер – наградных знаков, вручавшихся солдатам от имени императора". Наиболее часто изображался в образе бородатого героя, победителя льва римский император Луций-Элий-Марк-Антоний Коммод, правивший в 180–192 гг.

В.Н. Пилипко (Институт археологии РАН, Москва) в докладе "Парфянский костюм" подчеркнул, что проблема парфянского костюма далека от окончательного решения, так как наиболее древний источник – ахеменидские рельефы – не находит согласия среди исследователей о том, какую делегацию следует считать парфянской. Он считает, что костюм обычно именуемый парфянским – не этнографический костюм и "сформировался при минимальном участии парфян и парнов". В его основе лежит разновидность мидийского костюма и прослеживается участие в формировании этого стиля семитов и греков.

В.Г. Шкода (Гос. Эрмитаж, С.-Петербург) в докладе "Генезис согдийской культовой архитектуры" проанализировал культовую архитектуру Согда, известную по храмам Пенджикента V – первой четверти VIII вв., храму Еркургана III–VI вв. и храму Джартепе V–VIII вв. Он отметил, что в храмах Пенджикента "наряду с общей эллинистической схемой" обнаружены особенности, характерные многим иранским постройкам. По его мнению, наиболее важным памятником, помогающим решить множество вопросов истории культовой архитектуры региона служит храм Окса, раскопанный И.Р. Пичикяном под руководством Б.А. Литвинского.

Б.И. Вайнберг (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) в докладе "Хорезмийская эра" отметила, что С.П. Толстов выдвинул идею о тождестве хорезмийской эры с эрой Канишки. Б.И. Вайнберг подвергла сомнению этот вывод. Она высказала предположение, "что в Хорезме не позже I в. н.э. произошла религиозная реформа. Распространились зороастрийские каноны и правила". Она считает, что "именно потому, что хорезмийская эра была религиозной, она осталась неизвестной ал-Бируни и по ней не велось летоисчисление правления хорезмийских царей".

Л.Т. Яблонский (Институт археологии РАН, Москва) в докладе "Оссуарные могильники хорезмийских скотоводов" осветил археологические исследования, проведенные на территории Присарыкамышской дельты Амударьи, где со второй половины I тысячелетия до н.э. распространился погребальный обряд, характеризующийся захоронением предварительно очищенных человеческих костей.

Н.Л. Членова (Институт археологии РАН, Москва) в докладе "Олени, кони и копыта. О связях Монголии, Восточного Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху" сделала предположение, что высокопородные кони, олени с клювообразными мордами, изображенные на камнях, которые были врыты на жертвеннике, являлись священными животными воинов, прибывших в Монголию из Средней Азии в VI–IV вв. до н.э.

М.Г. Мошкова (Институт археологии РАН, Москва) в докладе "Об уздечных наборах поздних сарматов" отметила, что уздечные наборы, оружие и другие предметы экипировки конного воина весьма важны для определения хронологии и социальной структуры и несут в себе информацию этнографического характера.

В.Б. Ковалевская (Институт археологии РАН, Москва) в докладе "Раннесредневековые бусы Кавказа и

торговые пути V–IX вв. (применение компьютерного картографирования)" представила карты генеральных компонент, показывающих основные пути поступления бус на территорию Кавказа.

Л.Р. Кызласов (МГУ) в докладе "Неведомые храмы манихеев" охарактеризовал выявленную раскопками в Хакассии архитектуру манихейских храмов.

И.Л. Кызласов (Институт археологии РАН, Москва) в докладе "Священная земля тюрков по руническим надписям" отметил, что в орхонских эпитафийных надписях VIII – первой половины IX вв. отражены представления тюрок и уйгуров о земле до принятия ими мировых религий. Приведенный И.Л. Кызласовым материал говорит о том, что "в местном обществе греховность, по пришлой (манихейской) доктрине, отличающая земной мир, уживалась со священным трепетом перед темной землей, свойственным исконной вере".

Т.А. Габуев (ГМВ, Москва) в докладе «К вопросу о локализации пяти "малых владений" Кангюя» высказал мнение, что предложенное В.В. Бартольдом и С.П. Толстовым отождествление Юегань (Хосюнь) с Хорезмом вряд ли возможно.

Д.С. Раевский (Институт востоковедения РАН, Москва) в докладе "О возможности новых подходов к изучению звериного стиля скифской эпохи" предложил новый методологический подход, заключающийся в том, что поэтику звериного стиля необходимо изучать "методами, сходными с теми, которые применяются при исследовании поэтики вербальных художественных текстов". Изучение поэтики звериного стиля необходимо проводить в неразрывном сочетании исследования смысла и формы его образов.

Б.Д. Кочнев (Институт археологии АН Узбекистана, Самарканд) в докладе "Ибрахим б. Наср – создатель западного Караханидского каганата" подчеркнул важную роль монетных данных для воссоздания политической биографии Ибрахима б. Насра.

Институт востоковедения РАН,
Москва

М.Б. Мейтарчиян

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-99
(Алма-Ата, 1999)

25–26 марта 1999 г. в Институте археологии им. А.Х. Маргулана Министерства науки и высшего образования Республики Казахстана проходили традиционные Маргулановские чтения, посвященные итогам полевых археологических исследований на территории Казахстана в 1998 г. В заседаниях чтений приняли участие более 70 специалистов – археологов, этнологов, антропологов и представителей смежных дисциплин из научных учреждений Казахстана, России, США, Бельгии, а также музейные работники, студенты и аспиранты ряда вузов Алма-Аты. В ходе чтений было заслушано и обсуждено 47 докладов и сообщений.

Чтения открыл профессор *К.М. Байпаков*, чл.-кор. Национальной академии наук Республики Казахстан, директор Института археологии им. А.Х. Маргулана, в частности, отметивший их традиционность как международного форума для всех, занимающихся древней и средневековой историей Казахстана. Наметившийся с 1996 г. явный подъем и активизация научной жизни республики, по мнению докладчика, ознаменовал окончание затянувшегося периода стагнации, что и подтверждают итоги научной деятельности в 1998 г., объявленном в Казахстане годом народного единства и национальной истории. Свидетельством постоянного интереса научной общественности к древностям Казахстана является успешное продолжение международного сотрудничества в рамках совместных проектов и экспедиций. К заметным достижениям в области пропаганды историко-культурного наследия Казахстана следует отнести открытие в Италии выставки, основу которой составили памятники, добытые в ходе полевых исследований сотрудниками Института археологии РК.

В отчетном докладе *З.С. Самашева* были подведены итоги работ в 1998 г. казахско-французской археологической экспедиции. При этом, помимо продолжения изучения наскальных изображений, начались планомерные исследования могильников Берель. Тар Асу I и II, целью которых было детальное изучение наземных и внутримогильных конструкций с использованием компьютерной графики. Можно признать установленным факт овладения берельцами методами создания искусственных мерзлотных линз на высотах около 1100 м – значительно ниже уровня естественного образования вечной мерзлоты. При этом наземные конструкции играли роль радиаторов-конденсаторов, а могильная камера помещалась в вырубленную в глине камеру и изолировалась берестой, прутьями иван-чая и слоем глины. В плане решения проблем этногенеза казахского народа новым и весьма перспективным направлением признаны палеогенетические исследования, направленные на выявление генетического кода погребенных и сопоставления его с генетическим кодом современного населения.

© В.С. Ольховский, 2000 г.

Доклад *Ж.К. Курманкулова* и *Д.В. Дубровского* освещал результаты исследования могильника Тар Асу II (в окрестностях пос. Берель), где было изучено 14 объектов: 12 почти безынвентарных захоронений в каменных ящиках (III–I вв. до н.э.), жертвенное сооружение и курган X–XI вв.

А.С. Ермолаева рассказала об исследовании могильника Тар Асу I, расположенного в ущелье неподалеку от могильника Тар Асу II. Набор изученных там погребальных и намогильных конструкций разнообразен: безнасыпные овальные оградки; подобные же оградки округлой или прямоугольной формы; курганы с земляными насыпями и каменным кольцом в основании; курганы с каменными насыпями. В центре безнасыпных округлых оград выявлены захоронения в подбойных могилах. Погребенные (женщины) лежали набоку, головой на северо-восток; среди сопровождающего их инвентаря – пастовые и бирюзовые бусы, бронзовый нож, зеркало, золотые серьги. В подбойном погребении под курганной насыпью найдена золотая бляшка с изображением хищника. Указанные захоронения предварительно датированы V–III вв. до н.э.

В докладе *Г.С. Жумабековой, Ж.М. Жетибаева, С. Сунгатая* и *Г. Омарова* излагались результаты исследования двух курганов могильника Берель (Восточно-Казахстанская обл.). Так, под каменной насыпью кургана № 18 в окруженной каменным кольцом яме зафиксировано разграбленное захоронение в деревянной раме, сопровождаемое несколькими конскими скелетами. В камере с бревенчатым перекрытием кургана № 11 в условиях мерзлоты сохранились конские трупы и остатки сбруи из органических материалов, в том числе деревянные маски с рогами козлов, деревянная скульптурка грифона и т.д. (курган будет доисследован в 1999 г.). Захоронения относятся к пазырыкской культуре и датируются V–IV вв. до н.э.

В докладе *Л.А. Макаровой* и *Т.Н. Нурумова* была дана остеометрическая характеристика останков трех лошадей, обнаруженных в берельских курганах. При этом констатировалось отличие по ряду параметров берельских особей от лошадей из захоронений Пазырыка, Уландрыка и Ак-Алахи.

К. Алтынбеков на примере берельских материалов рассказал о технологии консервации мокрого дерева, учитывающей опыт по стабилизации древесины российских специалистов и позволяющей создавать крупные натурные реконструкции.

Т.М. Тепловодская и *С. Кыргызбаев* дали технологическую характеристику керамики из Берельского могильника, в частности, крупного сосуда из кургана № 12. Применение компьютерного томографа позволило установить, что тулово и горло сосуда изготовлены на шаблоне методом лоскутного, кольцевого и спирального налепа; в качестве шаблона при этом использовался, очевидно, кожаный сосуд.

А. Онгар в совместном с *Л.Н. Ермоленко* докладе описал результаты исследования казахстано-французским отрядом двух плитняковых жертвенно-поминальных оградок древнетюркского времени могильника Берель II; при этом ничего, кроме мелких фрагментов костей, обнаружено не было.

В докладе *И.Ю. Слюсаренко* и *Ю.Н. Гаркуши* подводились предварительные итоги дендрохронологического анализа 10 древесных образцов (лиственница) из кургана № 11 могильника Берель; была составлена плавающая дендрошкала длиной 251 год и установлено, что деревья, использованные в конструкции погребения данного кургана, срублены примерно на 20 лет раньше деревьев могильника Укок.

Г.А. Базарбаева рассмотрела репертуар и особенности образов звериного стиля, воплощенных в серии деревянных предметов из раскопанных казахстано-французским отрядом курганов (казахстанский Алтай). Среди находок особенно интересны деревянные уздечные бляхи, подвески, псалий с головой грифона, скульптура орлиноголового грифона и др.

Г. Киясбек посвятил свое выступление анализу образа грифона в искусстве древних кочевников Алтая, привлекая материалы из берельских курганов. Семантику образа фантастического существа докладчик увязал с легендой о стерегущих золото грифах, а также с типологическими параллелями казахских мифологических преданий.

В докладе *У. Умиткалиева* был дан пространственно-структурный анализ берельской курганной группы. Докладчик счел возможным выделить семейно-родовые микрогруппы курганов, указав на зависимость между размерами насыпей и расстояниями между ними; курганные цепочки сопоставлялись им с подобным же расположением юрт в тюрко-монгольское время.

З.С. Самашев и *С. Сунгатай* в своем докладе отметили интересные греческо-китайские мифологические параллели, сопоставив их с памятниками пазырыкской культуры казахстанского Алтая (сообщения о "перьях", "одноглазых", стерегущих золото грифах, "плешивых"). По мнению докладчиков, указанные сюжеты имеют общую подоснову.

В коллективном докладе *З.С. Самашева, В.В. Плахова* и *Д. Кожакова* излагались основные результаты исследований городища Сарайчик в 1998 г., где в ходе изучения верхних слоев (до XIV в.) сплошным раскопом вскрыто большое число средневековых погребений.

Н.Н. Мангулов, опираясь на средневековые письменные свидетельства очевидцев (Ибн-Баттута и др.), рассмотрел вопрос названия городища, ныне известного как Сарайчик, а также попытался обосновать тезис о проникновении ислама в районы Северного Прикаспия еще в домонгольское время (X–XI вв.).

А.Ш. Кадырбаев рассмотрел культурологический аспект проблемы "имперского наследия" Золотой Орды, подчеркнув, что последнее не может ассоциироваться с каким-то одним этносом или государственным образованием.

В.С. Ольховский рассказал о завершающем этапе исследования святилища Байте III на плато Устюрт, где был обнаружен монументальный, крупный в плане каменный храм, воздвигнутый предположительно в III в. до н.э.

В своем докладе *А.В. Логвин* охарактеризовал итоги исследования некоторых памятников в окрестностях пос. Карасор. Среди них особый интерес представляет многослойное энеолитическое поселение Карасор I, где обнаружено значительное количество кварцитовых орудий на отщепах, наконечников стрел, ножей, а также изготовленных из халцедонолитов пластин, скребков, резцов. Найдено и более 1000 фрагментов керамики, в том числе орнаментированных зубчатых шампов.

Ж.К. Таймагамбетов посвятил свой доклад итогам работы четырех отрядов палеолитической экспедиции преимущественно в Южном Казахстане. На травертине Кошкурган II, помимо стратиграфической колонки и около 60 каменных орудий из мелкозернистого кварцита, методом парамагнитного резонанса была получена абсолютная дата памятника – 510 тыс. лет назад.

В докладе *Б.Д. Аубекерова* рассматривался весьма важный вопрос о природе образования травертинов; на примере травертина Шакпаката констатировалась приуроченность их к линии геологического разлома.

Г. Бексеитов рассказал об исследовании памятников каменного века в Таласском районе Джамбулской области Казахстана, где на местонахождении Кзылтау I отмечены выходы кремнистых пород и собрано более 17 000 артефактов, в основном отходов производства каменных орудий.

О.А. Артюхова сделала подробный обзор современного состояния изучения позднего палеолита Казахстана. При этом отмечалась важность изучения памятников не только Северного Казахстана, где А.Г. Медоевым было обнаружено не менее 7000 артефактов (нуклеусы, скребла, проколки и т.д.), а также ряд петроглифов, датированных позднепалеолитическим временем (саякская фация); перспективным признано исследование группы памятников Семизбугу.

О. Исмагулов в своем докладе рассмотрел проблему взаимодействия двух наук – археологии и антропологии – в процессе познания исторической действительности. По мнению докладчика, археологическим реалиям непременно должна даваться этническая интерпретация, что будет способствовать выяснению генезиса и артефактов и этносов.

В докладе *К.А. Акишева* и *М.К. Хабдулиной* излагались основные итоги работ Ишимской экспедиции, целью которых являлось выявление и изучение разновременных и разнокультурных памятников, датируемых от эпохи бронзы до XV–XVII вв. Так, в ходе раскопок у г. Степногорска поврежденных грабителями курганов было обнаружено специально захороненное раннекипчакское каменное изваяние; у горы Батагай обследовано городище и курганная группа; в окрестностях г. Астана зафиксировано городище, связанное с ним водонакопительное сооружение и некрополь с остатками двух квадратных в плане построек (мечетей?) скорее всего X–XII вв.

Е.А. Смагулов и *М. Туякбаев* рассказали об археологическом изучении г. Туркестан и его округи. Так, на шахристане городища Туркестан (раскоп № 8) вскрыто четыре строительных горизонта и начато исследование пятого (XV в.); выявлена типичная для городов Южного Казахстана застройка с применением качественного кирпича и алебастровой штукатурки, обнаружен ювелирный горн и клад медных монет XVI – начала XVII в. Найдено много монет и установлена хронология цитадели городища. С целью выяснения стратиграфии и хронологии были проведены небольшие раскопки городища и некрополя Шойтобе (XI–XII вв.), а в 23 км от г. Туркестан – городища Седак (Сейдак); выяснилось, что цитадель последнего являлась мощной крепостью из сырцового кирпича, активно функционировавшей в VI–VII вв.

В докладе *Ю.А. Мотова* излагались итоги изучения многослойного могильника Тескенсу III, расположенного на правом берегу р. Тургень. В трех раскопанных курганах был зафиксирован ряд захоронений в ямах, в том числе и под каменными выкладками, датируемых от сакского времени до XI–XIII вв.

А.М. Досымбаева рассказала о продолжающихся на высокогорном плато Мерке исследованиях, в частности, о раскопках могильников Бельсаз 1 и 2, где зафиксировано более 70 памятников с каменными скульптурами кипчакского (?) и более позднего времени. Особенно интересным оказалось явно преднамеренное захоронение двух изваяний под каменной выкладкой, перекрытой курганной насыпью, на могильнике Бельсаз 2.

Доклад *А.Т. Толеубаева* и *Г.К. Омарова* ознакомил участников конференции с ходом археологического изучения северных предгорий Тарбагатая, где были раскопаны две каменные оградки андроновской культуры и пять курганов, оставленных, очевидно, усунями (I в. до – I в. н.э.); в катакомбах последних найдены железный кинжал, браслет, пастовые и бирюзовые бусы и т.д.

В докладе *М. Елеуова* отмечалось, что в округе г. Тараза среди 200 средневековых памятников имеется около 15 сторожевых башен. По мнению докладчика, расположение башен на возвышенностях с видимостью до 20–25 км, наличие рядом с ними площадок свидетельствует об использовании башен для передачи сигналов вдоль проходящих там же караванных дорог.

А.Н. Марьяшев посвятил свое выступление памятникам кульсайского типа, исследованным в ущелье Тургень и в долине р. Асы Семиреченской экспедицией. Так, в местности Кызылбулак I раскопано 6 ка-

менных оград, содержащих кремации и ингумации в установленных в ямах деревянных рамах. В долине р. Асы найдено поселение с остатками жилищ, также относящееся к эпохе бронзы.

А.А. Горячев рассказал о результатах раскопок группы каменных оградок могильника Калакай I в Северной Джунгарии, где в каменных ящиках зафиксированы скорченные захоронения, относящиеся к андроновскому кругу памятников. В долине р. Коксу выявлена группа наскальных изображений.

Э.Р. Усманова в своем выступлении изложила результаты раскопок Лисаковского поселения и могильника алакульской культуры. Заслуживает внимания найденная система жертвенных выкладок; погребенные же, судя по расположению их длинных костей, лежали на боку и подверглись частичной кремации.

В докладе *А.Н. Камышева* анализировалась выборка монет с территории Краснореченского городища в 35 км от г. Бишкека, где в течение последних двух лет было найдено около 5000 монет. По мнению исследователя, в данный регион по Великому шелковому пути поступало много китайских монет, по образцу которых несколько позже стали чеканить их подражания (или частные выпуски), а затем их сменили тюрегешские монеты.

К.М. Байпаков сделал подробный обзор работ Южно-Казахстанской комплексной экспедиции, существующей 30 лет и исследующей памятники в широкой полосе – от Приаралья до Семиречья. Так, казахстано-американский отряд в сезон 1998 г. осуществлял изучение Талгарского микрорегиона. На городище Отрара исследовался архитектурный комплекс арка; найдены остатки медресе и дворца Бердибека, в котором в 1405 г. умер Тимур. В долине р. Арысь изучался огромный Борижарский могильник, где был вскрыт ряд раннесредневековых погребений. В Таласской долине совместно с французскими коллегами продолжалось исследование недостроенного дворцового комплекса Акырташ, а в Чуйской долине (совместно с киргизскими археологами) – буддийский храм VIII–IX вв. У Талгара продолжались успешные раскопки средневекового города Тальхира. У самого большого городища Илийской долины (у с. Антоновка), отождествляемом с Кайлаком (Каялыком) – столицей карлукских джабгу, раскапывался, вероятно, буддийский храм, функционировавший с конца XII по конец XIII в.

Т.В. Савельева рассказала о продолжающихся раскопках городища Талгар, где у предполагаемого места расположения западных ворот раскопом 240 м^2 вскрыто три помещения, которые, судя по сделанным в них находкам (предметы обихода из железа, орудия труда, бронзовый зооморфный светильник), относятся к XII–XIII вв.

В содокладе *Д.А. Воякина* была дана характеристика наиболее интересных металлических предметов, обнаруженных в ходе раскопок Талгара: бронзовых кувшина, светильника и сосудов, железных разновесов, пут, ключей и др.

Т.Н. Нурумов проанализировал остеологические материалы, полученные в ходе раскопок городищ Талгара и Кайлака (с. Антоновка) в 1998 г. Так, в талгарских сборах отмечены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота, осла, а в кайлакских – помимо перечисленных, кости верблюда и сайги.

Н.М. Зиняков в своем докладе привел результаты металлографического анализа ряда металлических изделий из раскопок средневекового Талгара, выявив среди них изготовленные из булатной стали (ножницы по металлу, зубильце).

В докладе *О.А. Кузнецовой* рассматривались технологические особенности керамического производства по материалам ряда средневековых городов Казахстана. Так, для теста керамики Талгара оказались характерными искусственные примеси дресвы, песка и растительной органики; обжиг такой керамики производился в окислительной среде печей при температуре до 900°. В тесто керамики Кайлака явно преднамеренно добавлялись песок, гранито-гнейсовая дресва, шамот, а обжиг производился в восстановительной среде. В целом же выявляется определенная общность технологических процессов производства керамики в указанных городах.

А.А. Бурнашева на основании источниковедческого анализа большой выборки (более 6000 экз.) монет, найденных в Отраре, сделала выводы о функционировании монетного двора в г. Андижане в XVI в.

М. Хождаев рассказал о работах на арке – цитадели Отрара конца XIV–XV вв., где напротив мечети было зафиксировано и частично исследовано здание 60 × 72 м, сооруженное из жженого кирпича. Судя по найденным предметам (фрагмент золотой проволоки, китайский фарфор, палитра для красок, чернильница и т.д.), здание являлось дворцовым и принадлежало известному по письменным источникам Бердибеку.

З.Ж. Шарденова в своем докладе привела новые данные по архитектуре дворцового комплекса Акырташ (Ахырташ), исследуемого в течение многих лет и расположенного в 140 км восточнее г. Тараза. Съемка с помощью лазерного теодолита позволила уточнить план четырехпортального дворцового комплекса, насчитывающего 104 помещения. Аналогии данному сооружению докладчик усмотрел в средневековых дворцах Сирии, Ирака и Иордании. Рядом с дворцом выявлен караван-сарай площадью около 1000 м^2, сооруженный из жженого кирпича на цоколе из подработанных булыжников. Судя по найденным предметам, караван-сарай функционировал в XIII–XIV вв.

В коллективном докладе *К. Чанг, Т. Перри* и *Ф.П. Григорьева* приводились результаты детального исследования участка местности площадью 180 км^2 в Талгарском районе с использованием прибора GPS, дающего точные координаты объекта на местности. В результате было выявлено 350 объектов, в том

числе 36 поселений и 131 курган раннего железного века, 12 вероятных поселений, керамика, зернотерки и т.д.

Д. Талеев рассказал о раскопках кангюйского поселения в долине р. Келес, а также открытии пяти других памятников (городища, двух сторожевых башен и т.д.) I–VI и XIV–XV вв. в той же долине.

Г.А. Терновая на основании анализа архитектурных особенностей, декора и изобразительных материалов, выявленных в ходе раскопок городов Южного Казахстана и Семиречья VIII–XII вв., предложила их интерпретацию в контексте образов и сюжетов авестийской религии.

В докладе *Ж.-М. Деома* рассматривалась группа преимущественно архитектурных памятников Казахстана эпохи средневековья, которые определенно или с большой долей вероятности трактуются как буддийские. Привлекая китайские письменные источники, докладчик констатировал проникновение буддизма в Казахстан (Семиречье) не из Средней Азии, а скорее из Китая.

В заключительных выступлениях участников чтений и принятой резолюции отмечался как количественный, так и качественный рост археологических исследований в Казахстане, участие в них не только отечественных и зарубежных специалистов, но и большой группы молодых археологов – студентов и аспирантов казахстанских вузов, сохранение и развитие в новых условиях лучших традиций советской археологической науки; было также подчеркнуто, что сплав западных технологий с добротной отечественной методологической базой является залогом дальнейшего успешного развития процесса познания казахстанских древностей.

Институт археологии РАН,
Москва

В.С. Ольховский

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал "Российская археология" публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала, относясь к одному из разделов: статьи, публикации, дискуссии, история науки, критика и библиография, хроника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редакции и редсовета.

2. Рукопись подается в 2-х экземплярах, перепечатанной на пишущей машинке или принтере (класса LQ-100 и выше).

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторе (авторах; см. пункт 12). Резюме обязательно только для материалов, проходящих по разделам: статьи, публикации, дискуссии. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. **Общий объем рукописи** не должен превышать 20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела "Заметки" – не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...). Превышение объема рукописи (более 20 стр.) не допускается.

5. Статья (включая список литературы, подрисуночных подписей и др.) должна быть напечатана четким, контрастным машинописным шрифтом через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного (А4) размера с полями. Длина строки должна быть равна 57–58 знаков, количество строк на странице – до 29. Поля вокруг текста должны быть: слева от текста – 2,5 см, справа – 1 см, сверху – 2 см, снизу 2,5 см. Материалы, напечатанные на портативной машинке либо принтере мелким, курсивным либо иным другим (кроме машинописного) шрифтом редакцией не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи и нумерации страниц.

6. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке (принтере), должны быть вписаны в текст от руки черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо, в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом.

7. **Иллюстрации** следует представлять в пригодном для воспроизведения виде в 2-х экземплярах (оригинал и копия). Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора–два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки-оригиналы (1-й экз.) представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций (ксерокопии не допускаются). 2-й экземпляр иллюстраций может являться ксерокопиями оригиналов. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подрисуночные подписи. Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения, пояснения и монтаж следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр (оригинал) фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т.д. Наклеивать первый экземпляр фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать "верх" или "низ".

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части *1*, *2*; *а*, *б*) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в журнале. Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

8. **Таблицы**, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. **Текстовые пояснения** (через два интервала) даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. **Список литературы** дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4.

Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Чернов С.З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1, № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия и инициалы автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (Смирнов К.Ф., 1964, с. 50).

Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

В тексте и списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить и русский текст **резюме** (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 1 страницы машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) в целом.

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

14. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 18.10.99 Подписано к печати 19.11.99 Формат бумаги $70 \times 100^{1}/_{16}$

Офсетная печать. Усл.-печ.л. 22,1 Усл.-кр.-отт. 23,8 тыс. Уч.-изд.л. 27,5 Бум.л. 8,5

Тираж 1067 экз. Зак. 3047

Свидетельство о регистрации № 0110154 от 4.02.1993 г.
в Министерстве печати и информации РФ
Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная, 90
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6